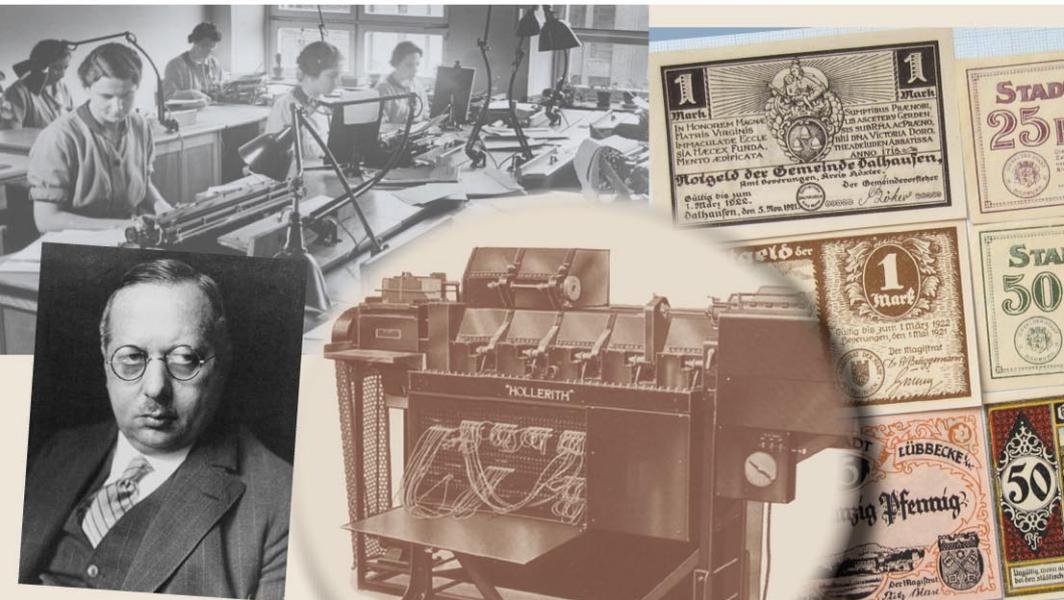

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Адам Туз

СТАТИСТИКА И ГЕРМАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО 1900–1945

Создание современного экономического знания

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. А. БЕЛЫХ

К. ДЭВИС

Я. И. КУЗЬМИНОВ

В. А. МАУ

С. Е. НАРЫШКИН

Ю. А. ПЕТРОВ

Р. М. ЭНТОВ

J. ADAM TOOZE

Statistics and
the German State,
1900–1945

The Making of Modern
Economic Knowledge

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

АДАМ ТУЗ

Статистика и германское государство, 1900–1945

Создание современного
экономического знания

*Перевод с английского
Аллы Белых*

*под научной редакцией
Андрея Белых*

| ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО |

Москва | 2021

УДК 330.8:311.312
ББК 65.02:65.051(4Гем)
Т81

Туз, А.

Т81 Статистика и германское государство, 1900–1945: создание современного экономического знания / Адам Туз ; перевод с английского Аллы Белых под научной редакцией Андрея Белых. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. — 528 с. — (Экономическая история в прошлом и настоящем). — ISBN 978-5-85006-264-4.

В книге Адама Туза анализируется драматичный период, с 1900 года и до конца Второй мировой войны, в течение которого в статистические исследования внедрялись инновационные подходы. На рубеже веков практически нигде еще не существовало экономической статистики в том виде, в котором она знакома нам сегодня. К 1944 году для управления экономикой военного периода на вооружение был принят весь арсенал современной экономической статистики. Как продемонстрировано в этой книге, в период между Первой и Второй мировыми войнами как Веймарская республика, так и Третий рейх находились на переднем крае инновационных статистических разработок. Новые способы измерения экономических параметров появились, с одной стороны, благодаря современному развитию макроэкономической теории, а с другой — в связи с тем, что они были чрезвычайно нужны правительству. Во времена Веймарской республики самым активным образом осуществлялись макроэкономические исследования. При нацистском режиме этому статистическому инструментарию было суждено создать основу для самых смелых экспериментов в экономическом планировании.

Хотя в этой книге исследуется история статистики только на примере Германии, она дает повод по-новому взглянуть на историю современной экономической науки в целом.

УДК 330.8:311.312
ББК 65.02:65.051(4Гем)

ISBN 978-5-85006-264-4

© J. Adam Tooze 2001

This translation of “Statistics and the German State, 1900–1945: The Making of Modern Economic Knowledge” by Adam Tooze is published by arrangement with Cambridge University Press

Настоящий перевод книги Адама Туза «Статистика и германское государство, 1900–1945: создание современного экономического знания» публикуется по соглашению с Cambridge University Press

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021

Содержание

Вместо предисловия	7
Благодарности	17
Введение	20
1. Официальная статистика и кризис государства эпохи Вильгельма II	81
2. Новая статистика республики, 1918–1923.	137
3. Веймарская макроэкономическая статистика, 1924–1929 . . .	180
4. Кризис веймарских статистических структур, 1930–1933 . . .	249
5. Статистика и «сильное государство», 1933–1936.	295
6. Радикализация нацистского режима и смерть официальной статистики, 1936–1939	353
7. Вторая мировая война и возврат к макроэкономике	402
Заключение	462
Приложение. Национальные счета народного хозяйства Вагеманна — пояснения	477
Библиография	479
Именной указатель	502
Возможности воображения в политической мысли <i>С Адамом Тузом беседует Андрей Белых</i>	505

Вместо предисловия¹

В основу этой книги легла ваша диссертация. Почему для нее вы выбрали эту тему?

Свой первый диплом — диплом бакалавра — я писал по специальности экономика. Однако после того, как я приобрел некоторые знания в области социальной теории, как марксистского, так и немарксистского толка, я оставался в недоумении, почему многие экономисты с такой позитивистской наивностью трактовали факты, на знание которых они претендовали. Поскольку меня всегда интересовал исторический подход, я не мог обойти вниманием вопросы, которые теперь известны как вопросы исторической эпистемологии. Однако вместо того, чтобы рассматривать эти проблемы с философских позиций, я решил изучать их в чисто прагматическом и практическом аспекте, а также под политическим углом зрения: при каких обстоятельствах, в какой политической обстановке, какой ценой, кем и с какой целью создаются экономические факты?

Каковы, с позиций сегодняшнего дня, основные результаты вашего исследования и в чем их значение сегодня?

Мне бы хотелось подчеркнуть три аспекта.

Эта книга представляет собой одно из первых исследований, посвященных созданию системы больших данных. Сегодня, в 2020 году, исследователи-экономисты пытаются найти ответ

¹ А. Туз любезно согласился дать это интервью специально для публикации в качестве предисловия к русскому переводу его книги.

на важный вопрос: каким образом из административных документов можно извлечь пользу для современного экономического анализа. Впервые этот вопрос был поставлен еще в начале XX века — его сформулировали статистики, о которых я пишу в этой книге. Уже тогда было понятно, к каким серьезным политическим последствиям может привести решение вопроса о том, как следует собирать информацию: либо в результате обширных переписей, либо с помощью выборочных исследований, либо путем агрегирования данных из административных документов, собираемых государственным аппаратом.

Второй аспект, который я хотел бы отметить, это важность изучения того периода в конце XIX — начале XX века, когда появилась наша современная концепция национальной макроэкономики. Необходимо осознавать, что она не возникла из воздуха и ее нельзя воспринимать как нечто существующее само по себе. Национальная макроэкономика — это политический проект, выраженный в статистических данных. Этот проект может осуществляться по-разному. А как нам известно, в эпоху глобализации, вопрос о таком проекте может даже не стоять на повестке дня. Во время финансового кризиса 2008 года, кроме всего прочего, стало очевидным, что та модель национальной экономической науки, которая сформировалась в начале XX века, не позволяла предсказывать возникновение банковского кризиса. Сегодня мы еще только разрабатываем новые системы данных, которые понадобятся нам для того, чтобы преодолеть будущие финансовые кризисы. Все еще продолжается тот проект, который был начал сто лет назад в Веймарской республике и в ряде других стран.

Как следует из названия этой книги, исследование статистической науки и германского государства в первую очередь предполагает изучение германского государственного аппарата начала XX века, который существовал в период насильственного формирования государственности, сопровождавшегося многочисленными кризисами. Аналитическая парадигма, которая легла в основу этой книги, кажется мне по-прежнему важной для понимания гибели имперского режима, кризисов, поразивших Веймарскую республику, а также бурной динамики нацистского режима. Очень важно учиты-

вать различие между тремя взаимодействующими факторами: политика в целом, то есть «государственная идея»; внутренняя борьба между различными группами чиновников, представлявшими различные социальные интересы; и, наконец, то, без чего невозможно обойтись, — технические проекты, бюрократические аппараты, организации, техника, здания — все то, что используется социальными группами в интересах государства. Благодаря тому, что все эти три фактора проявились в одно и то же время и при этом сбор данных воспринимался как важнейшая новая государственная задача, история экономической статистики Германии этого периода представляет особый интерес.

Насколько хорошо немецкие статистики были знакомы с работами советских статистиков и экономистов 1920-х годов?

Я был поражен и заинтригован, когда понял, насколько внимательно германские эксперты следили за тем, что происходило в СССР. Одна из важных задач этой книги состояла в том, чтобы показать, что история современной экономической мысли не должна восприниматься исключительно как диалог между британскими и американскими экономистами. А именно в таком духе в основном продолжает описываться история современной экономики в англоязычной литературе, где лишь иногда упоминается влияние со стороны Франции и, может быть, еще и Австрии. Причиной такого понимания современного исторического знания является маниакальный интерес к «кейнсианской революции». Говоря это, я вовсе не хочу преуменьшить значение Кейнса, к которому я отношусь с огромным уважением. Мне бы только хотелось подчеркнуть, что нам необходимо учитывать более широкий интеллектуальный контекст, что, несомненно, делалось и самим Кейнсом. В конце XIX века и в последующие годы Россия внесла большой вклад в мировую экономическую науку. Развитие экономической мысли в России не остановили ни Первая мировая война, ни революция. Весь мир с большим интересом следил за первыми шагами СССР в создании планирования. Институт конъюнктурных исследований в Берлине, известный сегодня как Немецкий институт экономических исследований,

переводил работы советских экономистов. Их работы переводились также Кильским институтом мировой экономики. Экономисты, эмигрировавшие из СССР, оказали большое влияние на развитие экономической науки в разных странах. Самыми известными из них были Войтинский, который до своего переезда в США возглавлял экономические исследования в области профсоюзного движения в Германии, а также Василий Леонтьев. Я был просто потрясен, когда в папках главного управления промышленного планирования гитлеровской Германии мне встретились вполне профессиональные комментарии по поводу анализа «затраты—выпуск», разработанного Василием Леонтьевым. Третий рейх был в шаге от создания таблиц «затраты—выпуск» в качестве основы для системы планирования промышленности. В моей книге объясняется, почему это могло произойти и почему этого так и не было сделано. Я также рассматриваю вопрос о том, на какие шаги пришлось пойти министерству экономики Альберта Шпеера, чтобы компенсировать отсутствие такой системы.

Существовала ли в Германии «закрытая» статистика для руководства страны, которая была недоступна другим статистикам и обществу?

Да. Начиная с 1930-х годов предпринимались особые меры, чтобы в детализированной статистике промышленности того периода данные по производству вооружений были «спрятаны» в других секторах экономики, например в строительстве. В это время проводились широкомасштабные переписи, например машинного оборудования, результаты которых не предназначались для печати. После начала войны большая часть закрытых данных была доступна только государственным чиновникам. Однако это не было изобретением Третьего рейха. Статистические данные относятся к области политики, поэтому информация о них дает власть. Когда Веймарская республика находилась в непростой ситуации, столкнувшись с необходимостью выплачивать репарации, между германским правительством и оккупационными властями союзников разразилась настоящая битва за то, кто будет контролировать данные о германской торговле.

Публиковались ли фальсифицированные статистические данные, имевшие пропагандистский характер?

В целом фальсифицированных данных было меньше, чем можно было бы ожидать. Вряд ли можно верить данным о стремительно снижающейся безработице, публикуемым после 1933 года. Основные показатели приукрашивались. Но серьезно проанализировав эти цифры, всегда можно было получить более полную и менее радужную картину. И дело было не столько в фальсификации, или в приведении более высоких показателей — просто статистики использовали более или менее законные технологии для того, чтобы представлять данные в выгодном свете. Но можно привести пример одного из известных нам случаев, когда данные были действительно фальсифицированы. Это произошло в министерстве Шпеера в 1944 году. Тогда министерство, публикуя данные о производстве, приписало к отчетному периоду несколько лишних недель. Это было сделано для того, чтобы цифры выглядели более оптимистичными. Однако такие грубые манипуляции с данными были скорее исключением, нежели правилом.

Сегодня недостатки статистики, мешавшие созданию таблицы «затраты—выпуск» и процессу планирования, хорошо известны. В какой степени их осознавали немецкие статистики? Или, когда вы писали об этих проблемах, вы учитывали более поздний опыт планирования в ГДР, СССР и других странах советского блока?

Как мне кажется, попытки планирования, с периода Первой мировой войны и позднее, предпринимались в порядке эксперимента в различных странах и с разным размахом. Можно было предвидеть, что при реализации проекта по созданию планирования возникнут очевидные проблемы практического или теоретического характера. Как обработать весь массив информации? Как определить размер совокупного производства разнородных товаров, если не использовать их цены? Как обеспечить поступление данных в реальном времени? Правда, во всех других отношениях это было путешествие в поисках новых открытий, причем путешествие не только для государственных плановиков и статистиков. Изучая документы, я столкнулся с одним курьезным случаем: только бла-

годаря результатам опроса, проведенного государственными статистиками, двум различным предприятиям, которые входили в состав гигантской корпорации IG Farben chemical, удалось выяснить, что оба они находились в полном неведении, производя одно и то же химическое вещество, только под разными названиями. В конечном счете планирование не проводит черту различия между государством и его гражданским обществом. Оно распространяется на любые организованные виды деятельности, и при этом не важно, происходит ли эта деятельность в государственном или частном секторе. Разумеется, государство имеет возможность собирать информацию любого рода во многом благодаря тому, что такая информация заранее собирается и подготавливается частным сектором. Сегодня все это хорошо известно, но в конце XIX века и позднее эти знания приходилось добывать на практике, в процессе одновременно развития государственной бюрократии и бизнеса.

Почему история статистики в германском Рейхе может быть важна для современной России? Каковы уроки этой истории? Что можно сказать о состоянии статистики сегодня, в том числе и о статистике COVID-19 в разных странах?

Мне кажется, что история, которой я занимаюсь в этой книге, служит исторической прелюдией к вопросам, которые волнуют нас сегодня. Это и проблема больших данных, и проблема надзора, и вопрос о том, как лучше всего осуществлять мониторинг экономических и социальных процессов. На Западе, к которому я без особых колебаний отношу и Россию, имеется более чем трехсотлетний опыт функционирования государственной статистики. Информационные технологии, находящиеся в нашем распоряжении сегодня, на порядок превосходят те, которые существовали раньше. Кроме того, мы и раньше сталкивались с технологическими изменениями, происходившими в самой статистике. В своей книге я касаюсь этой темы, когда описываю энтузиазм 1920-х и 1930-х годов в связи с появлением перфораторов Холлерита и гигантских картотек, то есть самых первых баз данных. Уроки прошлого показывают нам, что, хотя мы намного повысили наши возможности обработки данных, мы порой преувеличиваем их практиче-

ский потенциал. Нам не следует принимать на веру заявления тех, чьей профессией является продажа информационных знаний властным структурам. Однако мы также не должны сквозь пальцы смотреть на это. Все это важно для организации современной жизни и для ее управления. Хотим мы это признать или нет, но знания — это сила. Сегодня это важно как никогда. Сегодняшний кризис, вызванный пандемией COVID-19, обнаружил, что у нас имеются серьезные пробелы, которые мешают нам даже при проведении простейшего тестирования или при отслеживании случаев заболевания по группам населения. С этой точки зрения кризис выявил несостоятельность статистики. С другой стороны, мы видим широкое использование новых инновационных источников данных реального времени с целью мониторинга экономических последствий локдауна — это и информация об использовании кредитных карт, и коэффициент мобильности населения, определяемый с помощью смартфонов, и данные о загрязнении окружающей среды, получаемые со спутников. Важно, чтобы все это не осталось привилегией одних лишь бизнесменов, которые в состоянии платить за эксклюзивный доступ к подобной информации. Для новой эпохи больших данных, получаемых в реальном времени, нам нужна новая политика в области экономической статистики.

Беседовал Андрей Белых

*Посвящается
Саре, Джону и Бекки*

Благодарности

Я долго работал над этой книгой, и за это время у меня накопилось много долгов.

Идея, которая воплотилась в данной монографии, зародилась у меня, когда я был студентом-экономистом последнего курса бакалавриата. Пол Райан, декан экономического факультета в Королевском колледже (Кембридж) и Соломос Соломоу, профессор Колледжа святого Петра (Кембридж) помогли мне начать мою работу и выбрать правильное направление. В общих чертах этот проект был завершен в Берлине (1989–1991). За время моего пребывания там мне оказывали неизменную поддержку и давали полезные советы Юрген Кока, Бернд Дорнзайфер, Рольф Кренкель, Ральф Роговский и Якоб Фогель, за что я им всем очень признателен. Моя докторская диссертация (PhD), которая и составила основу этой книги, была написана в Лондонской школе экономики (LSE), в период между 1991 и 1996 годами. Я получил солидный грант от Совета по экономическим и социальным исследованиям (ESRC), а моим научным руководителем стал Алан Милвард. Из моих коллег в LSE мне бы хотелось поблагодарить за поддержку Лес Ханна, Пола Джонсона, Питера Хоулетта, Мэри Морган и Дадли Бэйнса. Эта книга не была бы написана без участия Линды Сампсон. В течение последнего года моей аспирантской работы мне очень помог грант Скулоди, полученный от Института исторических исследований в Лондоне, и за это я хотел бы выразить свою глубочайшую признательность. Особенно я благодарен Патрику О'Брайену.

Аспиранту, который пишет диссертацию, очень нужны хорошие друзья. В LSE у нас сложилась прекрасная компания друзей-аспирантов. С особой теплотой я вспоминаю Макса Шульце и Роя Эдварда. Огромное спасибо Франческе Карневали. Поддержку я ощущал и от своих немецких друзей, особенно я благодарен Кати Кёрнер, Кристен Путрос, Бриджитте Прайсс, Фрицу Бетцу, Доротее Мольтке, Леони Шрёйдер и ее родителям. Во время моего проживания в Германии мне очень повезло — я смог заручиться поддержкой Хелены Рейнсфорд, которая помогла пережить нелегкий период в моей жизни.

Работая над этой книгой, я многие часы провел в архивах. В частности, мне хотелось бы поблагодарить сотрудников бывшего Бундесархива² в Потсдаме. У меня остались самые теплые впечатления от этой организации!

Первые варианты некоторых глав были обсуждены на семинарах в берлинском Институте сравнительной общественной истории, в Европейском университете Будапешта, на совместных семинарах кафедр истории экономики и бухгалтерского дела в LSE, на семинаре по истории Германии и на аспирантском семинаре в Институте исторических исследований при Центре истории и экономики в Кембридже, на семинаре в университете Бирмингема, а также на семинаре по истории экономики в университете Кембриджа. Я также очень благодарен за импровизированный коллоквиум в университете Мичигана, в котором, в числе прочих, участвовали Дон Ла Косс и Уоррен Розенблюм. Самые интересные вопросы поступили во время интервью при приеме на работу в Университет штата Орегон в Юджине. Мне бы хотелось сказать огромное спасибо всем, кто участвовал в этом обсуждении, за их профессионализм и доброжелательность. И хотя я не удостоился чести быть принятым, я очень многое для себя узнал.

Ричард Оувери и Ричард Бессель дважды читали рукописный вариант этой монографии, за что я приношу им свою благодарность. Особую признательность я выражаю Кейт Трайб, которая, получив рукопись по почте, высказала мне ряд кри-

² В настоящее время Федеральный государственный архив Германии (Bundesarchiv) находится в Кобленце. — *Прим. ред.*

тических замечаний и поддержала меня. Спасибо всем рецензентам (имена которых мне неизвестны), которые прочитали текст моей статьи для *Economic History Review* и сделали блестящие комментарии к одному из первых ее вариантов.

В 1995 году моя жизнь во второй раз совершила крутой поворот, и опять это было связано с Кембриджем. Гарет Стедман Джонс и Эмма Ротшильд из Центра истории и экономики предложили мне занять место научного сотрудника. Я ощущал их неизменную поддержку еще долгое время после того, как переехал в Кембридж. Я приношу им свою искреннюю благодарность. Выражаю признательность за теплый прием в адрес Деборы Том из колледжа Робинсон, а также всего научно-исследовательского коллектива. В Кембридже передо мной также распахнулись двери исторического факультета. Спасибо за то, что дали мне этот шанс! В частности, я в большом долгу перед Джонатаном Стейнбергом и Силией Хьютсон, которые с самого начала были ко мне очень добры. Новым прекрасным домом для меня оказался колледж Иисуса. Мне хотелось бы поблагодарить моих близких друзей и коллег в Кембридже — Джеймса Томпсона, Криса Кларка, Макса Джонса и Мартина Донтона, компания которых сделала несколько моих последних лет такими приятными.

Разумеется, я мог бы написать эту книгу и совершенно самостоятельно, однако ей многого недоставало бы без помощи всех этих людей. Я не могу даже вообразить, как бы я жил, если бы рядом со мной не было Бекки Е. Конекин. Мне небеса сама была ниспослана женщина незаурядного ума и сильно-го характера, и притом обладающая огромным запасом любви. Я посвящаю эту книгу ей, а также моим родителям, наставившим меня на путь истинный.

Введение

В настоящее время статистика формирует наше представление об экономике. Мировые державы оценивают уровень своего экономического развития на основе рейтинга их ВВП. Такие показатели, как индекс розничных цен, теперь привычно используются в регулировании повседневной жизни. Новые цифры становятся информационным поводом. Календарь с датами публикаций статистических данных позволяет обогащаться финансовым спекулянтам и содействует бизнес-планированию. Представление информации в числовом виде ненавязчиво, но глубоко влияет на наше понимание экономики. Статистика укрепляет наше восприятие экономики как области, существующей отдельно от других сфер жизни. Экономика приобрела статус независимой сущности, можно даже сказать, действующего лица, или актора. Впрочем, этот актер совершает действия только в одном измерении. Мы говорим, что уровень безработицы «уменьшается» или «увеличивается», «повышается» или «понижается». Разумеется, в большой степени это определяется тем, что мы думаем о процессе безработицы в терминах статистики или представляем ее в виде графика с нанесенными на него временными значениями. Было бы странным описывать безработицу как «распространяющийся» процесс. Если раньше было принято говорить об «экономической экспансии», или «прогессе», то теперь в наш язык вошел универсальный термин «рост».

Статистика также формирует наше понимание экономической истории. Переосмысление экономического прошлого

с точки зрения макроэкономических данных привело к практически полному исчезновению из научного дискурса понятия «промышленная революция»¹. На смену драматичным рассказам о текстильном промышленнике Ричарде Аркрайте и о «темных сатанинских фабриках» пришел нарратив о совсем не драматичном росте агрегированных статистических показателей, таких как выпуск промышленной продукции. К написанию этой книги меня подтолкнуло желание понять, каким образом появилась на свет эта специфическая система экономических знаний. Пытаясь найти ответ на этот более общий вопрос, я в своей работе исследую процесс формирования современной экономической статистики в Германии в первой половине XX века. Наверное, я должен обосновать, почему я выбрал такие узкие временные и пространственные рамки.

При самом поверхностном изучении можно обнаружить, что современная экономическая статистика зародилась, на удивление, сравнительно недавно. Первые статистические исследования, соответствующие современным представлениям, относятся ко времени появления современного государства в XVII веке². Политика абсолютизма, пытающегося вмешиваться во все сферы жизни, привела к тому, что в XVIII веке переписи населения стали привычным явлением. Однако официальная статистика, в том виде, в котором она известна нам сегодня, появилась лишь в результате революций конца XVIII века. В 1787 году в конституции молодых независимых Соединенных Штатов Америки прозвучал призыв к проведению переписи на регулярной основе, цель которой состояла в установлении количества мест от каждого штата в палате представителей. В 1800 году в охваченной революционным процессом Франции было создано первое статистическое

¹ D. Cannadine, 'The Present and Past in the English Industrial Revolution', *Past and Present*, 103 (1984), pp. 131–172 и M. Berg and P. Hudson, 'Rehabilitating the Industrial Revolution', *Economic History Review*, 45 (1992), pp. 24–50.

² M. Rassem (ed.), *Statistik und Staatsbeschreibung in der Neuzeit* (Paderborn, 1980). Общее обсуждение см. в: S. J. Woolf, 'Statistics and the Modern State', *Comparative Studies in Society and History*, 31 (1989), pp. 588–604.

бюро (Bureau de statistique)³. Этого оказалось достаточно, чтобы переубедить контрреволюционно настроенную Великобританию. Если в 1753 году палата общин отклонила идею о проведении переписи, посчитав это нежелательным вмешательством в институт «английских свобод», то в 1801 году проект современной переписи населения был принят практически без возражений. Статистические органы были учреждены в Пруссии в 1805 году, в Баварии в 1806 году, затем в 1810 году — в находящейся под властью Габсбургов Вене, в 1820 году — в Вюртемберге, в 1826 году — в Нидерландах и в 1831 году — в Бельгии, незадолго до этого получившей независимость⁴. Министерство торговли Великобритании сформировало собственный статистический департамент в 1832 году. Спустя пять лет демографическая статистика перешла под контроль службы регистрации актов гражданского состояния⁵.

В 1934 году территориальные статистические органы были созданы в России. В 1833 году в Дании был организован Центральный статистический комитет. Затем, в 1837 году, статистические органы были учреждены в Норвегии. Финляндия была последней из Скандинавских стран, где была создана статистическая служба, — это произошло в 1865 году. Вскоре после принятия в 1867 году конституции «дуалистической монархии»⁶, в Венгрии было сформировано статистическое бюро. В 1873 году Испания, провозгласив себя республикой, пополнила ряд стран, имевших статистические службы. Молодое греческое государство, воодушевленное идеями Сен-Симона, создало статистические органы еще в 1834 году. В 1950 году в США

³ J.-C. Perrot and S. J. Woolf, *State and Statistics in France, 1789–1915* (London, 1984); M.-N. Bourguet, *Déchiffrer la France: la statistique départementale à l'époque napoléonienne* (Paris, 1988) и J. Dupâquier and M. Dupâquier, *Histoire de la Démographie* (Paris, 1985), pp. 256–274.

⁴ В 1930 г., в результате восстания, фламандская и валлонская части Объединенного королевства Нидерландов отделились и образовали Бельгийское королевство. — *Прим. ред.*

⁵ P. Corrigan and D. Sayer, *The Great Arch: English State Formation as Cultural Revolution* (Oxford, 1985), pp. 124–125.

⁶ Имеется в виду, что в 1867 г. было заключено Австро-Венгерское соглашение, превратившее Австрийскую империю в Австро-Венгрию. — *Прим. ред.*

наконец были выделены средства для организации отделов переписи, работавших на квазипостоянной основе. К этому времени любая уважающая себя государственная администрация использовала ту или иную систему статистического учета.

Этот ранний период истории статистики является областью науки, которая лишь недавно начала привлекать внимание исследователей⁷. Существуют работы, посвященные изучению социальной статистики, демографии и методов математической статистики. Однако, как это ни странно, несмотря на очевидную важность, история экономической статистики остается неисследованной. Имеется ряд блестящих работ по истории эконометрики⁸, в которых прослеживается развитие математических методов, используемых для обработки данных и проверки экономических теорий. Эти исследования сами по себе являются весьма увлекательными. Для неспециалиста они являются замечательным историческим введением в эту загадочную область науки. Однако в целом они ориентированы на изучение самой эконометрики. По сути, они представляют собой диалог ряда канонических фигур: Слуцкого, Фриша, Тинбергена и Хаавелмо.

В данной работе преследуется иная, хотя и дополнительная, цель. Ее задача состоит в том, чтобы исследовать не столько статистические методы, сколько процесс создания фактического экономического знания. В этой работе впервые предпринимается попытка последовательно проанализировать развитие всего репертуара современной экономической статистики. Поэтому предмет данного исследования во всех отношениях является достаточно обыденным во всех смыслах этого слова, более будничным, но в то же время более популярным и широким. Историю статистических фактов невозможно описать без учета истории статистических методов, однако анализ ис-

⁷ T. M. Porter, *Trust in Numbers. The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life* (Princeton, 1995); S. Patriarca, *Numbers and Nationhood: Writing Statistics in Nineteenth-Century Italy* (Cambridge, 1996); A. Desrosières, *La politique des grands nombres. Histoire de la raison statistique* (Paris, 1993).

⁸ M. Morgan, *The History of Economic Ideas* (Cambridge, 1990) and J. L. Klein, *Statistical Visions in Time. A History of Time Series Analysis 1662–1938* (Cambridge, 1997).

тории фактического знания требует использования более широкого подхода.

Мы исходим из того, что обсуждаемые в данной работе статистические данные не принадлежат исключительно ученым, а являются неотъемлемой частью экономики и общества, а также служат для описания последних. Из названия этой книги понятно, что она посвящена анализу того, как *германское государство* приступило к созданию современных экономических знаний. Статистика не является нейтральным отражением социальной и экономической реальности. Ее создают особые социальные акторы, которые пытаются найти смысл в окружающей их сложной и неуправляемой реальности. Фундаментальная задача этой книги состоит в том, чтобы показать, что история статистики не должна излагаться в сносках к таблицам и в комментариях, приводимых в приложениях. К статистическим данным следует относиться точно так же, как и ко всем другим культурным артефактам, текстам или образам. История статистики должна быть интегрирована в более широкую историю общества, которое само и порождает статистические данные.

Для историков Средних веков и ранних современных периодов, на время которых приходится начало использования количественных показателей, необходимость рассмотрения статистики наравне с другими культурными артефактами будет очевидной. Современные экономисты и исследователи истории экономики сочтут такую постановку вопроса отчасти спорной: ведь независимый статус наших научных дисциплин в огромной степени основывается на авторитете статистики. Поэтому, наверное, стоит сказать несколько слов в оправдание. Если в этой книге демонстрируется, что статистические факты создаются определенными акторами в определенном контексте и в определенных интересах, то это делается не для того, чтобы «развенчать» усилия статистиков-экономистов. Совсем наоборот. Подход, используемый в данной работе, вполне прагматичен. За последние два века была убедительно продемонстрирована важность статистики, и спорить о ее полезности не приходится. Статистика настолько проникла в практику повседневной экономической жизни, что сама идея написания

книги об истории современной экономической науки без рассмотрения статистики равносильна романтической ностальгии. Кроме того, для любой практической цели совершенно не важно, могут ли статистические факты претендовать на то, чтобы быть «правдивыми» или «объективными» в каком-то метафизическом смысле. В любом случае, в данной работе философские вопросы не рассматриваются. Если при изложении аргументов основное внимание и будет фокусироваться на каких-то аспектах, то это будут политические аспекты. В данной работе рассматриваются проблемы взаимосвязи между практическим знанием и властью и, в частности, взаимосвязи между попытками управлять экономикой и стремлением сделать экономику доступной для понимания с помощью систематического использования цифровых данных.

I

Системы экономической статистики, столь привычные для нас сегодня, возникли в различных странах в период индустриализации в результате бурного всплеска инновационных открытий. В 1870-х годах были сделаны первые, еще неуверенные шаги, а к концу века этот процесс уже набирал силу. Наиболее интенсивная фаза развития была спровоцирована началом Первой мировой войны. Три десятилетия спустя, в 1950-е годы, данный процесс достиг своей кульминации. Именно тогда произошла глобальная стандартизация современного репертуара макроэкономической статистики⁹. Менее чем за сто лет состояние эмпирического экономического знания претерпело радикальные изменения. В результате появилось новое эмпирическое понимание экономики. Эту хронологию мы можем подкрепить кратким сравнительным обзором исторического развития четырех ключевых элементов, входящих в новую матрицу статистического знания: платежный баланс, безработица, цены и национальный доход.

⁹ Термин «макроэкономика» используется для того, чтобы разграничить анализ экономики в целом и микроэкономический анализ, в фокусе которого находятся экономические агенты и их взаимодействие.

Самой старой экономической статистикой является статистика торговли, и поэтому можно было бы утверждать, что этот тип статистики менее всего соответствует представленной нами современной хронологии. Записи о регистрации товаров, пересекающих границы больших и маленьких государств, относятся к началу периода современной истории. Однако эти данные собирались в административных целях. Когда же таможенные записи превратились в данные торговой статистики в том виде, в котором она существует в настоящее время? Возьмем, например, Великобританию, которая является представителем первого поколения национальных государств. Здесь систематические торговые данные начали собираться в XVII веке¹⁰. Однако поначалу не делалось никаких попыток регистрировать размеры импорта и экспорта товаров в современных для того времени ценах. В течение XVIII века цены на импортируемые или экспортируемые товары фиксировались на уровне так называемых исторических значений, установленных в 1690-х годах. К концу XVIII века эти значения совершенно не соответствовали действительности. И лишь в 1798 году данные экспортных операций начали записываться в текущих ценах. Разумеется, экономисты и журналисты могли производить собственные расчеты торгового баланса, однако их оценки представляли собой неофициальную интерпретацию официальных данных. Вплоть до 1850-х годов официальные цифры импорта не выражались в текущих ценах. Современная процедура расчета торгового баланса на основе таможенных деклараций как для импорта, так и для экспорта была введена лишь в 1869 году. Безусловно, начиная с этого момента можно говорить об официальной оценке торгового баланса.

Если исследовать этот вопрос более подробно, то окажется, что история британской статистики соответствует хронологии европейских национальных государств, развитие которых происходило более медленными темпами, таких как Германия. Статистика торговых операций Германского таможенного

¹⁰ R. Davis, *The Industrial Revolution and British Overseas Trade* (Leicester, 1979), pp. 77–86 и A. Maizels, 'The Overseas Trade Statistics of the United Kingdom', *Journal of the Royal Statistical Society*, 112 (1949) II, pp. 207–223.

союза, который был создан в 1830-х годах, на самом деле являлась всего лишь побочным продуктом деятельности таможенной службы¹¹. Эти статистические данные собирались только о тех товарах, с которых взималась пошлина. Лишь в 1879 году все товары, пересекавшие границы новой Германской империи начали систематически регистрироваться, классифицироваться и оцениваться. В период между 1840-ми и 1880-ми годами надежная торговая статистика начала вестись в 24 странах. К 1913 году их число увеличилось до 33, а к 1920-м годам с точки зрения статистики могли отслеживаться торговые операции между 90 странами¹². Межнациональная экономика, таким образом, стала пониматься как пространство торговых отношений между отдельными национальными экономическими единицами, которые были объединены передвижением товаров, доступным для отслеживания.

Тем не менее с точки зрения статистики мониторинг этой межнациональной экономики все-таки не был полным. Торговый баланс являлся только одной частью все более и более сложной сети международных экономических транзакций. Торговля услугами, доходы от иностранных инвестиций, а также международные кредиты, как получаемые, так и предоставляемые, — все это дополняло фиксируемые торговые потоки. Естественно, современники хорошо разбирались в практике международного финансирования. Однако только в 1870-е годы экономисты-теоретики начали систематически интегрировать платежные балансы в свои модели, описывающие и торговые транзакции, и движение капитала. Научная дисциплина «мировая экономика», в том виде, в котором ее преподают и в наши дни, зародилась во время дебатов по поводу международного финансирования и репараций, происходивших в 1920-х годов¹³. Во время этого бурного десятилетия, по словам Джона Мей-

¹¹ W. Heimer, *Die Geschichte der deutschen Wirtschaftsstatistik von der Gründung des Deutschen Reichs bis zur Gegenwart* (Frankfurt, 1928), pp. 10–33.

¹² E. Wagemann, *Wagen, Wägen und Wirtschaften. Erprobte Faustregeln — Neue Wege* (Hamburg, 1954), p. 72.

¹³ M. J. Flanders, *International Monetary Economics, 1870–1960. Between the Classical and the New Classical* (Cambridge, 1989).

нарда Кейнса, статистической информации о платежных балансах «к величайшему сожалению, неоставало <...> фактов, жизненно необходимых для национальной экономики, поэтому мы продолжаем продвигаться на ощупь в полной темноте»¹⁴. В связи с этим Лига Наций в начале 1920-х годов приступила к сбору информации о платежных балансах ведущих держав, а в 1926 году Департамент торговли США опубликовал первые официальные оценки размеров счета текущих операций страны. Несколькими годами позднее аналогичные действия были предприняты в Германии. Однако Великобритания начала окончательно регулярно публиковать статистику официальных оценок лишь после Второй мировой войны¹⁵. Одна из непосредственных задач Международного валютного фонда (МВФ) в конце 1940-х годов состояла в том, чтобы сформулировать единые стандарты для измерения платежных балансов¹⁶. Несмотря на то что торговая статистика зародилась очень давно, современная система международной экономической статистики сформировалась лишь в период между серединой XIX века и 1950-ми годами.

В течение этого же длительного периода происходил процесс осмысления понятия безработицы в статистических терминах. В конце XIX века безработица, в первую очередь, рассматривалась как объект изучения социальной политики. Исследователей главным образом интересовали «безработные», а не «безработица». Отсутствие работы объяснялось безответственностью безработных или связывалось со специфическими проблемами рынка временно занятых работников. В отличие от такого представления концепция безработицы, появившаяся в период после Первой мировой войны, основывалась, в первую очередь, на экономических понятиях. Такое понимание безработицы разделялось в Великобритании,

¹⁴ J. M. Keynes, 'The British Balance of Trade, 1925–27', *Economic Journal*, 37 (1927), pp. 551–565.

¹⁵ C. F. Carter and A. D. Roy, *British Economic Statistics. A Report* (Cambridge, 1954), pp. 79–93.

¹⁶ F. Machlup, 'Three Concepts of the Balance of Payments and the So-Called Dollar Gap', *Economic Journal*, 40 (1950), pp. 46–68.

Франции, США и Германии, что доказывают исторические исследования¹⁷. Безработица была переосмыслена как нарушение равновесия между спросом и предложением труда. Таким образом, основное значение этого понятия теперь увязывалось не с поведением отдельного работника, а с более широкими экономическими проблемами. Разумеется, сохранялась социальная обеспокоенность за судьбу безработных. Кроме того, во все времена лень, так или иначе, порицалась. Однако главной причиной безработицы теперь стали считаться экономические факторы.

Это новое понимание было связано с усилением организации рынка труда, что, в свою очередь, обусловило создание новой статистики безработицы. В Великобритании и Германии период до и после Первой мировой войны был отмечен бурным внедрением инноваций. Согласно Акту парламента 1909 года, в Великобритании были созданы унифицированные биржи труда, а затем, в 1911 году, было введено социальное страхование по безработице. В Германии в 1915 году была организована единая национальная система бирж труда, которая перешла под полный государственный контроль в 1922 году. Социальное страхование по безработице здесь было введено в 1927 году. Благодаря системе социального страхования появились данные о количестве трудоустроенных граждан и о числе тех, кто получал социальные льготы. На биржах труда фиксировалось количество людей, ищущих работу, а также количество вакансий. Во Франции и США мониторинг рынков труда осуществлялся менее тщательно, но и в этих странах с начала XX века все более регулярно и активно производились статистические подсчеты. В период между Первой и Второй мировыми войнами огромное количество мужчин и женщин безуспешно пыта-

¹⁷ О Великобритании см.: J. Harris, *Unemployment and Politics* (Oxford, 1972) and W. Walters, 'The Discovery of "Unemployment": New Forms for the Government of Poverty', *Economy and Society*, 23 (1994), pp. 265–290; о США см.: A. Keyssar, *Out of Work. The First Century of Unemployment in Massachusetts* (Cambridge, MA, 1986); о Франции: R. Salais, N. Bavarez and B. Reynaud, *L'invention du chômage* (Paris, 1986); о Германии: A. Faust, *Arbeitsmarktpolitik im Deutschen Kaiserreich. Arbeitsvermittlung, Arbeitsbeschaffung und Arbeitslosenunterstützung 1890–1918* (Stuttgart, 1986).

лись трудоустроиться, и эта ситуация потребовала проведения экономического анализа.

Чтобы подкрепить предложенную нами хронологию, полезным будет обратиться к истории статистики цен и национального дохода. В 1922 году Ирвинг Фишер, один из главных создателей экономических индексов, писал:

...индексы — это совсем недавнее изобретение <...> хотя мы могли бы отодвинуть время этого открытия на 175 лет назад, современное использование индексов началось не ранее 1869 года, а повсеместно их начали применять лишь после 1900 года. Фактически же можно сказать, что их серьезное использование начинается только сегодня¹⁸.

В 1860-е и 1870-е годы математики и экономисты, включая Джевонса, Пааше и Ласпейреса, экспериментировали с созданием экономических индексов. Еженедельное издание *The Economist* в 1869 году впервые начало регулярно публиковать индексы цен¹⁹.

Однако реальный всплеск интереса к индексам пришелся на конец 1890-х годов, когда общая дефляция цен сменилась ползучей инфляцией. Теперь на эту ситуацию отреагировали не только частные исследователи и журналисты, но и государство. Бюро труда США впервые опубликовало индексы оптовых цен в 1902 году. Затем, в 1907 и 1919 годах соответственно, последовала публикация индексов розничных цен и стоимости жизни. Среди первопроходцев оказался Британский совет по торговле — в 1903 году в Великобритании был опубликован первый индекс оптовых цен. Инфляционный процесс во время Первой мировой войны спровоцировал бум расчетов экономических индексов. К 1927 году Фишер смог перечислить 120 индексов цен как минимум для 30 стран. Эти индексы были опубликованы официальными статистическими бюро, деловыми периодическими изданиями, газетами и крупными корпорациями.

¹⁸ I. Fisher, *The Making of Index Numbers. A Study of their Varieties, Tests and Reliability* (Boston, 1927, 3rd edn), p. 460.

¹⁹ *The Economist 1843–1943* (Oxford, 1943), pp. 138–154.

Однако нас интересует не просто широкое распространение численных показателей. Эти новые индексы несли в себе новый экономический смысл. Самые ранние индексы представляли собой просто средние величины цен на товары. В отличие от них индексы оптовых цен, рассчитываемые в США и Великобритании в начале XX века, были намного более сложными. Они представляли собой средневзвешенные значения, что позволяло обнаружить, какие из цен являются более важными. Кроме того, с экономической точки зрения эти показатели были более логичными. Веса, используемые в индексе оптовых цен Совета по торговле, были рассчитаны для того, чтобы показать, какое общее количество ключевых товаров потребляется экономикой в целом. Более специфические индексы давали представление о стоимости жизни и о розничных ценах. Такими были первые попытки сделать видимой «невидимую руку» Адама Смита.

Последним и действительно решающим свидетельством является статистика национального дохода²⁰. Можно обнаружить, что первые попытки оценить величину национального дохода предпринимались, как и другие попытки статистического анализа, еще в XVII веке. Однако в начале XX века наблюдался неожиданный всплеск активности — новыми оценками занялись сначала ученые и журналисты, а затем все большее участие начали принимать и официальные статистические агентства. В первом исследовании на эту тему П. Студенский представил поразительный обзор (табл. 1).

В 1900 году оценки национального дохода были рассчитаны не более чем для восьми стран. К 1946 году имелись данные — официальные и неофициальные — для 39 стран. Через десять лет оценки были представлены для более 80 стран. И при этих расчетах данные претерпели поразительные качественные изменения. Оценки национального дохода, производимые вплоть до конца XIX века, представляли собой грубую экстра-

²⁰ Кроме того, история именно этого вида экономической статистики привлекала большое внимание исследователей. См.: F. Fourquet, *Les comptes de la puissance. Histoire de la comptabilité nationale et du plan* (Paris, 1980) и M. Perlman, 'Political Purpose and the National Accounts', in W. Alonson and P. Starr (eds.), *The Politics of Numbers* (New York, 1987).

Таблица 1

ДАТЫ ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОЦЕНОК
НАЦИОНАЛЬНОГО ДОХОДА

Год	Страна
1886	Австралия
1925	СССР и Канада
1929	Германия
1931	Нидерланды и Новая Зеландия
1934	США
1935	Турция
1937	Югославия
1939	Швейцария и Мексика
1941	Великобритания
1944	Швеция и Норвегия
1947	Франция

Источники: P. Studenski, *The Income of Nations* (New York, revised edn. 1958), I, pp. 151–153; F. Fourquet, *Les comptes de la puissance. Histoire de la comptabilité nationale et du plan* (Paris, 1980).

поляцию фрагментарных налоговых сведений. Их цель состояла в том, чтобы ответить на вопросы распределения: например, какая доля дохода приходится на «незаработанную» ренту, получаемую землевладельцами, или как делится остаток между капиталом и трудом. Таким образом, экономическая статистика ориентировалась на «социальные» вопросы.

В 1920-х годах возникла более чисто «экономическая» интерпретация национального дохода. С началом содержательного сбора информации о произведенной продукции появилась возможность согласовать данные по национальному доходу с оценками национального продукта. В результате фокус исследования переместился с вопросов распределения на собственно «эконо-

мические» проблемы, такие как сравнительный уровень производительности в различных секторах экономики, измеряемый как доля национального дохода или национального продукта. Этот сдвиг завершился в конце 1920-х — начале 1930-х годов, когда впервые были произведены оценки общих расходов, разделенных на статьи: расходы на потребление, на инвестиции, а также государственные расходы. Теперь стало возможным описывать экономику с точки зрения статистики, как замкнутый «кругооборот» производства, доходов и расходов. Именно такое представление об экономике, ставшее реальным в период между Первой и Второй мировыми войнами, с тех пор излагается на первых страницах любого учебника по макроэкономике.

В совокупности эти взаимосвязанные статистические инновации представляли собой новую матрицу экономического знания, на основе которой появилась новая концепция экономики²¹. Прежде всего, «экономика» теперь рассматривалась как отдельная система, отличная от таких, как, например, «социальная», «культурная» или «политическая». Она стала измеряемой сущностью, «вещью». Это представление об экономике как об автономной социальной системе оказалось более ограниченным, чем концепция XVIII века, впитавшая идеи коммерческого общества или обобщающая марксистская концепция способа производства. Однако это представление было более конкретным, чем все существовавшие до этого парадигмы.

Об этом сдвиге — представлении об экономическом мире как о более овеществленной идее — свидетельствуют и лингвистические изменения. В Германии стало возможным говорить о народном хозяйстве (*Volkswirtschaft*) уже в середине XIX века²². В Англии благодаря ее либеральному наследию термин «экономика» для обозначения всей системы производства и обмена стал широко использоваться лишь в 1930-е годы²³.

²¹ P. Miller and N. Rose, 'Governing Economic Life', *Economy and Society*, 19 (1990), pp. 1–31.

²² J. Burckhardt, 'Wirtschaft', in O. Brunner, W. Conze and R. Koselleck (eds.), *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* (Stuttgart, 1992), 7, pp. 511–594.

²³ M. Emmison, «“The Economy”: Its Emergence in Media Discourse», in H. Davis and P. Walton (eds.), *Language, Image, Media* (Oxford, 1983), pp. 139–155.

При этом понятие «экономика» определялось как взаимоотношение между ограниченным набором ключевых переменных: национальный доход, материальное производство, занятость, платежный баланс, объем денег в обращении и совокупный уровень цен. Как мы уже видели, методы измерения каждой из этих переменных имеют собственную историю. Современная, в полном смысле этого слова, концепция экономики появилась только когда они начали восприниматься как связанные переменные, образующие единую систему.

Их взаимозависимость была установлена благодаря тому, что в последние десятилетия XIX века вновь были взяты на вооружение два основополагающих представления о современной экономике. Более фундаментальной из них была концепция экономики как самовоспроизводящегося кругооборота производства и потребления, расходов и доходов. Второй ключевой концепцией была так называемая количественная теория денег, которая также стала весьма популярной в конце XIX века²⁴. Согласно этой теории, стоимость денег (величина, обратная к совокупному уровню цен) является функцией таких переменных, как количество денег, скорость их обращения и уровень реальной экономической активности. В 1880-х годах это отношение было выражено с помощью алгебраического уравнения. Оно стало каноническим после опубликования в 1911 году работы Ирвинга Фишера «Покупательная сила денег».

В дальнейшем мы обсудим оба эти представления об экономике гораздо подробнее. В настоящий же момент будет достаточно отметить, что благодаря им ключевые экономические переменные были объединены в качестве составных элементов в системную, агрегированную модель экономики. В результате появилась экономическая концепция, которая начиная с 1930-х годов известна как макроэкономика.

Новая концепция экономики имела отчетливо национальный характер. Это также был еще один аспект, не учитываемый в более ранних теориях. Сторонники либеральных взглядов полагали, что любое ограничение свободного функционирования рынка является искусственным вмешательством. Анало-

²⁴ D. Laidler, *The Golden Age of the Quantity Theory* (Princeton, 1991).

гичным образом марксистская теория способов производства могла охватывать весь мир. В отличие от более ранних исследователей, статистики новой экономики рассматривали экономику как национальную единицу и, следовательно, признавали, что экономика представляет собой ту область, в которой вмешательство государства было бы естественным.

Создание новой экономической статистики было неотделимо от появления целого ряда новых мероприятий, известных как «экономическая политика». Как отметил Дональд Уинч, наша современная концепция «экономической политики» возникла «из элементов, которые прежде рассматривались раздельно, в качестве вопросов социального администрирования, с одной стороны, или, с другой стороны, как узкие технические вопросы банковской деятельности и фискального управления». Новая задача экономической политики состояла именно в том, чтобы координировать «связи между уровнем занятости и денежным курсом, а также фискальными условиями»²⁵. Уинч датирует появление этой новой сферы управления периодом между Первой и Второй мировыми войнами. Это, естественно, совпадает со становлением новой экономической политики. Экономическая политика предполагает существование нового объекта управления: экономику, понимаемую не как аморфную массу людей и рынков, но как целостную сущность, образованную на основе отношений между ограниченным количеством в высокой степени агрегированных переменных. Задача новой экономической статистики состояла в том, чтобы измерить эти переменные и тем самым сделать их управляемыми.

II

Какое место эта книга занимает в существующей литературе по истории экономики? В частности, некоторые читатели могут подумать, что эта работа — просто пересказ известной истории о так называемой Кейнсианской революции. В тече-

²⁵ D. Winch, 'Economic Knowledge and Government', in B. Supple and M. Furner, *The State and Economic Knowledge. The American and British Experiences* (Cambridge, 1990), pp. 62–63.

ние долгого времени именно это являлось краеугольным камнем исторических исследований современной экономической мысли. «Общая теория занятости, процента и денег», опубликованная Джоном Мейнардом Кейнсом в 1936 году, считается основополагающим трудом по современной макроэкономике. В течение 1920–1930-х годов интеллектуальный генезис этой работы являлся очевидной отправной точкой для историков. В нескольких строках невозможно адекватно передать суть всего огромного количества этих работ²⁶. Однако основная мысль, которая прослеживается в самых последних исторических работах, состоит в том, что главный вклад Кейнса — это развитие теории.

В «Общей теории» объяснялось, как экономика, страдающая от дефицита совокупного спроса, может оказаться в ситуации массовой безработицы и не иметь никаких шансов на выздоровление. Низкий уровень активности, обусловленный депрессивным инвестированием, стал самоподдерживающимся²⁷. Как раз такой теоретический анализ равновесного состояния безработицы и обусловил оригинальность и силу еретических рекомендаций Кейнса для экономической политики. Если экономика переживала серьезную депрессию, то монетарная политика не могла быть эффективной. Снижение процентных ставок было бы недостаточным для увеличения объема и инвестиций. Для увеличения совокупного спроса и для вывода экономики из состояния рецессии были чрезвычайно важны государственные расходы. В случае с Великобританией именно длительная борьба Кейнса с казначейством определила новые контуры экономической политики. В США борьба за управление спросом была выиграна президентской администрацией в ходе осуществления «Нового курса». После Второй мировой войны идеи Кейнса распространились по всему миру, и это

²⁶ Имеются два блестящих обзора этой работы: G. C. Peden, *Keynes, The Treasury and British Economic Policy* (London, 1988) и P. Clarke, *The Keynesian Revolution and its Economic Consequences* (Cheltenham, 1998b).

²⁷ Технически говоря, это теория «эффективного спроса». См.: D. Patinkin, *Anticipations of the General Theory. And other Essays on Keynes* (Chicago, 1982), pp. 5–17.

способствовало тому, что в послевоенный период возобладала политика здравого смысла²⁸.

Почти маниакальный акцент на теории Кейнса породил историографию поразительно высокого уровня, но одновременно это привело к утрате более широкого подхода к анализу²⁹. По мере того как мы лучше осознавали специфичность теоретических инноваций Кейнса и неоднозначность его интеллектуальной биографии, стало понятнее, что место его работы — среди целого ряда новых макроэкономических теорий, которые стали появляться еще в 1870-е годы. Принято считать, что 1870-е годы являются временем зарождения современных маржиналистских экономических теорий. Именно в этот период были заложены основы неоклассической экономики в работах Джевонса, Менгера и Вальраса: определение доходов факторов производства их предельной производительностью, новая формулировка теории спроса в терминах потребительских предпочтений и субъективной полезности, а также последовательное соотнесение структуры производства со структурой спроса посредством анализа общего равновесия.

Однако, как показал Дэвид Лейдлер в своем исследовании неоклассической монетарной теории, 1870-е годы также могут считаться временем создания макроэкономической теории XX века³⁰. Уже после 1870-х годов такие теоретики, как Альфред Маршалл, Ирвинг Фишер и Кнут Виксель, превратили количественную теорию денег в мощное аналитическое средство, которое позволило понять динамику совокупного уровня цен. Основываясь на этой аналитической парадигме, второе поколение теоретиков, в первую очередь в Великобритании и Австрии, в начале XX века приступили к разработкам концепции, которая впоследствии стала известна как теория бизнес-циклов. Их модели были полностью макроэкономическими, а свою задачу они видели в том, чтобы объяснить взаимодей-

²⁸ P. A. Hall (ed.), *The Political Power of Economic Ideas. Keynesianism across Nations* (Princeton, 1989).

²⁹ Прекрасный обзор см. в работе: R. Middleton. *Charlatans or Saviours? Economists and the British Economy from Marshall to Meade* (Cheltenham, 1998).

³⁰ Laidler, *The Golden Age*, pp. 193–199.

стве между денежными флуктуациями и изменениями общей производительности и занятости³¹. По замечанию Лейдлера, продолжением этой традиции вполне возможно считать даже «Общую теорию» Кейнса. Безусловно, более ранние работы, написанные Кейнсом, можно рассматривать как линейное развитие Маршалловой монетарной макроэкономической теории.

На развитие математических методов анализа статистических данных и проверки теории, на так называемую эконометрическую революцию, значительно повлияли ранние исследования в области монетарной экономики, а также теория бизнес-циклов. Именно интерес к флуктуации цен сподвиг Джевонса и Жюгляра предпринять анализ временных рядов цен. Как отмечалось ранее, не что иное, как повторение дефляции в 1870-х и 1880-х годах, за которым начиная с конца 1890-х годов последовала инфляция, стимулировало создание индексов, предназначенных для точного измерения динамики покупательной способности денег. К 1920-м годам были разработаны основные методы оценки трендов и элиминирования сезонных колебаний. В 1930-е годы Тинберген совместно с голландской статистической службой, желая проверить монетарное объяснение бизнес-циклов, разработали первую настоящую математическую модель экономики в целом. А эконометрик Рагнар Фриш первым ввел в научный обиход термин «макродинамика», что привело к созданию более привычного для нас названия «макроэкономическая наука»³². Повторю еще раз: эту историю можно рассказывать практически без упоминания кейнсианской революции.

³¹ Среди выдающихся работ, написанных британскими исследователями, можно назвать следующие: А. С. Pigou, *Wealth and Welfare* (London, 1912), R. Hawtrey, *Good and Bad Trade* (London, 1913) и D. H. Robertson, *A Study in Industrial Fluctuations* (London, 1915).

³² См.: J. C. Andvig, 'Ragnar Frisch and Business Cycle Research during the Interwar Years', *History of Political Economy*, 13 (1981), p. 713. Фриш использует термин «макродинамика» применительно именно к тем исследованиям бизнес-циклов, в которых акцент делался на агрегированных национальных показателях, в отличие от анализа, сфокусированного на нарушении равновесия в отдельных отраслях промышленности. Более широкий термин «макроэкономика» был введен в научный обиход в 1941 г., см.: Clarke, *The Keynesian Revolution and its Economic Consequences*, p. 213.

Интеллектуальный контекст данной работы был обусловлен как раз этими двумя параллельными «революциями», которые произошли в макроэкономической теории и в эконометрике, а вовсе не кейнсианской революцией *per se*. Бурное развитие новой экономической статистики в период между 1870-ми и 1950-ми годами стоит рассматривать как отдельную «статистическую революцию»³³. Как будет показано в нашей работе, развитие инфраструктуры сбора данных имеет свою собственную историю. Однако получить верное представление о переменах, произошедших в этот период в экономических знаниях, можно только в том случае, если мы осознаем взаимосвязь всех трех революций. Концепции, на основе которых строились рекомендации для сбора статистических данных, развивались в диалоге с экономической теорией. И не что иное, как новые данные, получаемые статистиками, ложились в основу материалов, которыми занимались эконометрики. Взаимопроникновение этих трех отдельных направлений привело к созданию современной макроэкономической науки.

Для того чтобы проанализировать этот процесс внедрения различных инноваций, нам необходим новый аналитический метод. В существующей научной литературе кейнсианская революция описывается в терминах процесса диффузии. В центре находится Кейнс и очень близкие ему соратники из Кембриджского круга. В этой среде единомышленников и появилась «Общая теория». Главный вопрос для историков состоит в том, чтобы понять, какой была «реакция» экономистов и политиков различных стран на эту революционную и провокационную книгу (на провокацию, заложенную в этой революционной книге). В терминологии ученого-литературоведа Франко Моретти это «модель дерева» культурного развития³⁴. Ветви, стебли и побеги произрастают из кембриджского ствола. Моретти предлагает, чтобы историки, изучающие культурное разви-

³³ Иную позицию занимает Патинкин (см.: Patinkin, *Anticipations of the General Theory*, pp. 223–260), который объединяет создание новой экономической статистики и развитие статистических методов в единый процесс «эконометрической революции».

³⁴ F. Moretti, 'Conjectures on World Literature', *New Left Review*, II, 1 (2000).

тие в сравнительном (компаративном) аспекте, использовали вместо этой метафоры образ волны. Безусловно, метафора волны является более подходящей концепцией, на основе которой можно изучать современные экономические теории. В первой половине XX века инновации в концептуализации и в измерительных методах экономики распространились по всему миру.

В период между Первой и Второй мировыми войнами Великобритания и США зарекомендовали себя как независимые площадки для внедрения теоретических и эмпирических инноваций⁵⁵. Однако война и революция 1917 года способствовали началу волнующего периода инноваций и в коммунистической России⁵⁶. Эти инновации включали в себя построение модели экономического роста, а также создание детально разработанной и не имеющей более ранних аналогов системы национальной статистики⁵⁷. Когда в период с 1928 по 1930 год Сталин начал проводить жесткую политику, эти эксперименты были закончены. Однако еще до их прекращения они успели стать составной частью международного инновационного процесса. Советские экономисты широко использовали опыт западных ученых. Их разработки, в свою очередь, оказывали сильное влияние на западную школу. Как будет обсуждаться в главах 3 и 5, стратегическую роль в распространении их идей, по всей вероятности, сыграла веймарская школа благодаря тому, что работы советских экономистов оперативно переводились на немецкий язык.

Одновременно в Швеции появилась новая сильная школа, занимавшаяся макроэкономическим анализом бизнес-циклов — так называемая стокгольмская школа. К сожалению, до недав-

⁵⁵ О США см.: G. Alchon, *The Invisible Hand of Planning. Capitalism, Social Science, and the State in the 1920s* (Princeton, 1985), W. J. Barber, *From New Era to New Deal. Herbert Hoover, The Economists, and American Economic Policy, 1921–1933* (Cambridge, 1985).

⁵⁶ См.: L. Smolinski, 'Planning Without Theory 1917–1967', *Survey. A Journal of Soviet and East European Studies*, 64 (1967), pp. 108–128.

⁵⁷ N. Spulber (ed.), *Foundations of Soviet Strategy for Economic Growth. Selected Soviet Essays, 1924–1930* (Bloomington, 1964) и V. Barnett, *Kondratiev and the Dynamics of Economic Development: Long Cycles and Industrial Growth in Historical Context* (London, 1998).

него времени описание стокгольмской школы сводилось лишь к одному вопросу: предвосхитили ли Виксель, Линдал, Мюрдаль и Олин кейнсианскую теорию эффективного спроса в том виде, в котором она изложена в «Общей теории»?³⁸ Возможно, нет. Однако с более общей точки зрения, которой мы придерживаемся в данной работе, это не столь важно. Безусловно, учеными Стокгольмской школы были разработаны некоторые из наиболее сложных аспектов новой макроэкономической науки. Задача, которую они поставили перед собой, состояла в том, чтобы найти объяснение для флуктуаций, происходящих в экономической деятельности в целом. Подобно большинству макроэкономистов более ранних поколений, их внимание главным образом было сосредоточено на совокупном уровне цен. Однако в период 1930-х годов молодые шведские экономисты также обращались к вопросам о размерах производства и занятости, которые так интересовали Кейнса³⁹. Параллельно с изучением этой теоретической проблемы разрабатывалась программа эмпирических исследований. В частности, солидный грант, выделенный Фондом Рокфеллера, позволил шведским статистикам создать один из самых длинных из имевшихся в 1930-е годы рядов показателей национального дохода⁴⁰. Устойчивое экономическое развитие Швеции, не затронутой Первой и Второй мировыми войнами, представляло собой идеальный пример для изучения тенденции стабильного долгосрочного роста.

В истории эконометрики обнаруживаются еще две страны, которых коснулся процесс инноваций. В Норвегии главные заслуги в развитии теории современной эконометрики принадлежат Рагнару Фришу⁴¹. Ему удалось перекинуть мост между теоретическими открытиями российского статистика Евгения Слуцкого, одного из немногих ученых, которым удалось выжить в период сталинских репрессий, и чикагской комисси-

³⁸ Patinkin, *Anticipations of the General Theory*, pp. 36–57.

³⁹ L. Jonung (ed.), *The Stockholm School of Economics Revisited* (Cambridge, 1991).

⁴⁰ E. Lindahl, E. Dahlgren and K. Koch, *National Income of Sweden 1861–1930* (Stockholm, 1937).

⁴¹ Andvig, 'Ragnar Frisch'.

ей Коулза, которой было суждено определить пути развития послевоенной эконометрики. В это же время в Нидерландах Ян Тинберген совместно с голландским центральным статистическим бюро начал инновационные разработки по созданию макроэкономической модели⁴². При поддержке Лиги Наций его методика позднее была использована для моделирования экономики США.

Задача данной работы состоит в том, чтобы доказать, что в Германии существовало еще одно важное направление «новой экономической науки». Ранее Германия не принимала особого участия в дебатах о развитии экономической науки в период между Первой и Второй мировыми войнами. В то же время немецкие ученые всегда испытывали большой соблазн найти предшественников Кейнса среди сторонников теории создания рабочих мест, популярной в 1930-е годы⁴³. Однако такая исследовательская линия оказалась интеллектуальным тупиком. Ряд новых важных исследований заложил фундамент для более адекватного понимания проблемы⁴⁴. Эти исследования представляли собой панорамную реконструкцию интеллектуального пространства немецкой экономической теории в межвоенный период. В результате обнаружилось, что, так же как в США, Швеции и Великобритании, в Германии существовала богатая традиция монетарных макроэкономических исследований. Первые работы в этом направлении появились

⁴² A. Wilts, 'Changes in Dutch Economics in the 1930s', in P. Fontaine and A. Jolink (eds.), *Historical Perspectives on Macroeconomics. Sixty Years after the General Theory* (London, 1998), pp. 105–132.

⁴³ G. Garvy, 'Keynes and the Economic Activists of Pre-Hitler Germany', *Journal of Political Economy*, 83 (1975), pp. 391–405 и G. Bombach, K.-B. Netzband, H.-J. Ramser and M. Timmermann (eds.), *Der Keynesianismus III. Die geld- und beschäftigungstheoretische Diskussion in Deutschland zur Zeit von Keynes* (Berlin, 1981).

⁴⁴ R. Vilk, *Von der Konjunkturtheorie zur Theorie der Konjunkturpolitik* (Wiesbaden, 1992), H. Janssen, *Nationalökonomie und Nationalsozialismus. Die deutsche Volkswirtschaftslehre in den dreißiger Jahren* (Marburg, 1998), а также H. Hagemann, 'The Analysis of Wages and Unemployment Revisited: Keynes and Economic "Activists" in Pre-Hitler Germany', in L. C. Pasinetti and B. Schefold (eds.), *The Impact of Keynes on Economics in the 20th Century* (Cheltenham, 1999), pp. 117–130.

за несколько десятилетий до начала Первой мировой войны, а к началу 1920-х годов развитие теории достигло значительных успехов.

Надеюсь, что в этой работе мне удастся собрать воедино все аргументы в пользу обоснованности такой переоценки развития экономической науки в Германии в межвоенный период. В книге будет показано, как новая макроэкономическая теория легла в основу инновационной программы статистических исследований, получившей финансовую поддержку Веймарской республики. Таким образом, Германию, наряду с США, СССР, Великобританией, Швецией и Нидерландами следует считать важной площадкой, на которой происходило развитие современной макроэкономической статистики. Этот факт, в свою очередь, должен подкрепить защищаемый в данной работе тезис о необходимости более широкого взгляда на проблему.

Развитие новых видов экономического знания было широко распространенным явлением, поэтому невозможно описать его адекватным образом в терминах процесса диффузии. Естественно, германоязычные экономисты были знакомы с работами по теории и статистике, публиковавшимися в Великобритании. Однако влияние этих работ рассматривалось как часть более широкого процесса выработки общего представления об экономике. В 1920-е годы, когда макроэкономическая теория начала выходить на высокий уровень развития, школа английского Кембриджа уже не оказывала, как прежде, столь значимого влияния на интеллектуальную среду Германии. По-видимому, с точки зрения Германии, возникновение новой экономической науки было воистину общемировым явлением.

Размах этого процесса также свидетельствует о том, что конечные точки развития были неопределенными. Одним из традиционно слабых мест исследований, посвященных «протокейнсианской» и «докейнсианской» экономической мысли, является теологический подход. Анализ ситуации в Германии является мощным противоядием для этой болезни. В первой половине этой книги демонстрируется, что рано сформировавшаяся макроэкономическая статистика Германии в качестве интеллектуального источника использовала количественную теорию денег, которая сегодня хорошо всем известна. После

Первой мировой войны понимание экономики как единой структуры воплотилось в создании инновационной официальной системы национальных счетов. Поэтому можно сказать, что Германия шла по пути, который привел бы ее к «кейнсианскому консенсусу» послевоенного периода.

Однако после 1933 года направление развития немецкой экономической науки изменилось самым радикальным образом. Статистики Рейха начали работать на нацистский режим. В результате система макроэкономической статистики, созданная в 1920-х годах, трансформировалась в нечто совсем иное. Ближе к окончанию войны немецкие статистики начинали разрабатывать систему всестороннего надзора и контроля, напоминавшую полностью сформировавшуюся систему сталинского планирования. Таким образом, германский сценарий представляет собой промежуточный вариант между развитием новых методов управления экономикой в западных капиталистических странах и широкомасштабным экспериментом по современному управлению экономикой в странах Восточной Европы. Таким образом, процесс модернизации в межвоенный период был весьма многообразным и не было полной ясности, куда он приведет. Об этой неопределенности ярко свидетельствует анализ ситуации в Германии.

Понимание того, что развитие современного экономического знания происходило, скорее в виде волны инноваций, нежели процесса диффузии, заставляет нас расширить хронологические и географические рамки нашего исследования. Кроме того, в связи с этим тезис о том, что мы должны закончить наш нарратив послевоенным «кейнсианским консенсусом», выглядит весьма спорным. Говоря в более общем смысле, мы должны переосмыслить наши аналитические стратегии⁴⁵. Развитие той или иной отдельной страны необходимо рассматривать в более широком контексте. В предшествующих исследованиях при обсуждении диффузионного характера кейнсианской революции в фокусе, как правило, оказывалось взаимодействие экономистов и государственной элиты — «экс-

⁴⁵ См. комментарии в работе: P. Hall 'Introduction', in Hall, *The Political Power of Economic Ideas*, pp. 3–26.

пертов», государственных служащих и политиков. Безусловно, при анализе любой национальной экономики эта взаимосвязь и должна быть в центре внимания. Однако, учитывая широкое распространение новых форм экономического знания, вряд ли можно довольствоваться описаниями частных случаев, в которых повествование сосредоточено на взаимодействии небольших групп отдельных людей. Мы всегда должны помнить о том, какую роль играют более общие подходы. В следующей части нашего введения мы рассмотрим четыре главных фактора, повлиявших на развитие германской статистики, которые были положены в основу структуры данной работы: трансформации индустриальных экономик в период с 1880-х по 1930-е годы; развитие «большого государства» в условиях кризиса; развитие новых информационных технологий; культурные и интеллектуальные тенденции, входящие в понятие «модернизм».

III

Наверное, необходимо обосновать, почему в нашем списке на первом месте стоят реальные экономические преобразования. В последние годы стало модным использовать конструктивистский подход для изучения системы знаний. В современных исследованиях, как правило, делается акцент на независимости создателей нового знания от изучаемых ими объектов. В научной литературе внимание в большей степени сосредотачивается на дискурсивном построении новых форм экономических знаний, нежели на влиянии «реальных» экономических изменений⁴⁶. Аналогичное явление наблюдалось в 1980-е годы и в политических науках, когда особый акцент ставился на автономности государства. В результате вышел знаковый сборник статей «о государстве и экономическом знании»⁴⁷, однако

⁴⁶ Примером исследования с наиболее радикальным подходом может служить: P. Mirowski, *More Heat than Light. Economics as Social Physics: Physics as Nature's Economics* (Cambridge, 1989).

⁴⁷ M. O. Furner and B. Supple (eds.), *The State and Economic Knowledge. The American and British Experiences* (Cambridge, 1990).

аналогичной работы об «экономике и экономическом знании» до сих пор не появилось.

Мы вовсе не призываем вернуться к чистому детерминизму. Рассмотрение истории экономической науки под более широким углом зрения естественно следует из изучения статистики, как и любого другого практического экономического знания, например бухгалтерского учета. В конце концов, статистики получают свои данные не в результате абстрактных размышлений, а благодаря взаимодействию с экономическими акторами, проводя опросы компаний или домохозяйств. Информация также может быть получена косвенным образом, когда статистики собирают данные, сгенерированные другими государственными подразделениями при их взаимодействии с частным сектором. Таким образом, изменения в экономической жизни непосредственно влияют на процесс сбора статистических данных. Этот факт убедительно доказали дискуссии последних лет, посвященные проблеме «экономики нематериального производства». Каким образом статистики должны измерять экономику, на которую все большее влияние оказывают ускорение производственного процесса в области микроэлектроники и рост выпуска нематериальных продуктов в секторе услуг?⁴⁸ В этой работе описан исторический фон, что будет полезным для осмысления современных проблем. В ней также показано, как мы научились измерять «экономику производства материальных благ».

К концу XIX века экономическое и социальное развитие значительно изменило условия сбора данных. В течение многих лет статистики и экономисты мечтали о создании упорядоченной схемы для «измерения» мира экономики. В начале XX века специалисты, занимавшиеся планированием и социальной инженерией, действительно умели это делать! Именно это отличает их от предшественников. В развитых мировых экономиках огромная доля производственной деятельности была ориентирована на рынок. Большая часть производства отделялась от сферы домашнего хозяйства и организовывалась

⁴⁸ J. Madrick, 'The Cost of Living', *The New York Review of Books*, 44, 4 (1997), pp. 19–23.

в бизнес-предприятия — фермерские хозяйства, промышленные компании или коммерческие фирмы, — имевшие отчетливый юридический статус.

Передвижение по территории национальных государств упростилось благодаря революции, произошедшей в области транспорта и коммуникационных технологий. Это, в свою очередь, способствовало распространению грамотности и развитию счетных навыков, происходящим благодаря расширению обязательного образования. Эти фундаментальные процессы сделали экономику доступной для расчетов с использованием новых способов. Как отмечал Маркс, экономика фактически измеряла себя количественным образом в ходе безостановочного процесса отчуждения. Либералы усматривали в этом прогресс рациональности. Характерно, что Макс Вебер смог увидеть обе стороны одной медали: с одной стороны это была всеохватывающая мировая рационализация, а с другой — неизбежное разочарование в ней. Статистики и бухгалтеры представляли ту часть бюрократического аппарата, которая являлась актором этого процесса.

Если в XVIII — начале XIX века статистики имели в своем распоряжении лишь субъективные данные, получаемые у представителей местной аристократии, то в начале XX века у них появилась надежда описать весь экономический процесс в цифрах. Теперь можно было направлять запросы в компании и на предприятия и ожидать, что они предоставят проверенные данные в форме, понятной для статистиков. Из отчетов практически исчезли категории, находившиеся на границе официальной экономики (например, граждане, работавшие на дому), данные о которых переполняли страницы опросников в XIX веке⁴⁹. Сбор статистических данных об экономике, в которой доминировало несколько тысяч крупных компаний, открывал новые огромные возможности. Относительно легко было сделать обзор предприятий, занимавших командные высоты в экономике. К межвоенному периоду можно было

⁴⁹ R. Meerwarth, 'Die Erfassung der Hausindustrie durch die gewerbliche Betriebsstatistik', *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, III, 42 (1911), pp. 313–330.

собрать данные о большей части промышленной деятельности, опросив только те компании, в штате которых было более 10 работников, то есть «приемлемые» единицы, в той или иной степени обладавшие менеджерскими навыками. Такие компании можно было попросить предоставлять более полную информацию, причем делать это регулярнее и быстрее. Разумеется, не все было так просто. Возникали специфические проблемы при получении статистических данных о крупных компаниях. По мере того как производство становилось все более сложным и интегрированным, все большие сложности возникли при сборе данных об отдельных процессах. И это создавало проблемы не только для статистиков. Компании не были полностью прозрачными даже для самих себя. Крупные корпорации могли «видеть изнутри» собственное производство только благодаря сложной системе учета затрат. Новая экономическая статистика поднялась на волне появления современного бюрократического аппарата и развития научного менеджмента.

Таким образом, широкий процесс экономических и социальных преобразований создал новые условия для развития статистики. Однако изменения в экономике, как и в любом другом аспекте реальной жизни, требуют своей интерпретации. То, как статистики объясняли происходившие экономические изменения, не определялось самим процессом изменений. Представители различных точек зрения играли созидательную роль, создавая новую терминологию и интерпретируя происходившие вокруг них глубокие экономические трансформации⁵⁰. В течение XIX века официальным статистикам удалось сыграть весьма важную роль в качестве интерпретаторов экономических и социальных изменений.

Немецкие статистики, которым посвящена эта книга, были убеждены, что с началом экономического роста 1890-х годов Германия вошла в новую фазу корпоративного капитализма. Они поставили перед собой задачу — реорганизовать систему экономической статистики таким образом, чтобы она со-

⁵⁰ P. Bourdieu, *Ce Que Parler veut Dire. L'économie des échanges linguistiques* (Paris, 1982), pp. 135–161.

ответствовала этим новым условиям. Для описания своих амбиционных целей они использовали далеко не нейтральную терминологию. Статистические и экономические исследования являлись орудием, которое можно использовать в борьбе между группами, преследующими разные интересы. Каково будущее Германии, аграрное или индустриальное? Как при существовании гигантских промышленных предприятий может выжить мелкое производство? Какие отрасли промышленности продолжают существовать в будущем? Ответов на все эти вопросы люди ждали от статистики. Статистики же занимались не только описаниями — они определили параметры для формирования групп различных интересов, а также для политической аргументации. Тем самым статистики внесли вклад в формирование социальной реальности.

IV

Итак, развитие современной экономической статистики было обусловлено возникновением современной экономической науки. Однако история ее развития также непосредственно связана с историей государства. Количественный скачок в создании экономического знания (что и является предметом данного исследования) произошел в основном благодаря участию в этом процессе государства. Современная экономическая статистика является неотъемлемой частью «большого правительства»⁵¹. Расширение деятельности государственного сектора — это явление, которое с конца XIX века наблюдалось во всем мире. И в этом случае данное явление можно интерпретировать как поэтапный процесс, обусловленный спросом на услуги и регулирование, предъявляемые многокомпонентным гражданским обществом. Так, например, появление «статистики труда», безусловно, было системным ответом на возникновение капиталистических рынков труда и организованных форм производственных отношений. Оживление

⁵¹ Очень поучительная дискуссия приводится в работе: R. Middleton, *Government versus the Market. The Growth of the Public Sector, Economic Management and British Economic Performance*, с. 1890–1979 (Cheltenham, 1996).

интереса к статистике национального дохода на рубеже XIX и XX веков также можно соотнести с давлением, оказываемым «политикой масс». Одним из повлиявших на это фактором был имперский национализм. Оценка национального дохода позволила сравнивать экономическое положение промышленных держав.

Однако эти оценки были также важны и для решения общих внутренних проблем. В индустриальных обществах все сильнее закипала борьба групповых интересов, и это делало язык продуктивизма привлекательным как для интеллектуалов, так и для политиков⁵². Все политические партии в качестве конечной цели ставили перед собой задачу достижения более высокой производительности и большего количества материальных благ, что стало характерной чертой начала XX века. Продуктивизм, как концепция обеспечения производства и роста, естественно, использовал язык статистики. Какого же размера пирог собирались делить? С какой скоростью он увеличивался? Каков был вклад в это увеличение каждой из групп? Какое количество народа предстояло накормить этим пирогом? На эти исключительно важные вопросы должны были ответить новые демократические политические движения. И именно эти вопросы стимулировали попытки оценить размеры национального дохода в США, Великобритании и Германии⁵³. Когда подошло время, ответственность за создание статистических данных, которые определяли параметры общественной и социальной жизни, взяло на себя государство.

Но пример развития статистики национального дохода также свидетельствует о появлении независимого импульса для расширения государственных структур. Создание новой статистики было обусловлено ростом других государственных органов. В результате этого процесса возникали вспомогательные государственные структуры. Появлялись статистические

⁵² C. S. Maier, *In Search of Stability. Explorations in Historical Political Economy* (Cambridge, 1987b), pp. 19–69.

⁵³ J. A. Tooze, 'Imagining National Economies: National and International Economic Statistics, 1900–1950', in G. Cubitt (ed.), *Imagining Nations* (Manchester, 1998).

отделы, которые брали на себя всю бумажную работу, накапливавшуюся у бюрократического аппарата. Данные о собираемых сборах и налогах стали одним из главных источников для большинства ранних подсчетов размеров национального дохода. По мере того как доля национального дохода, проходящая через государственные сундуки, увеличивалась, становилось легче собирать информацию, на основе которой оценивался размер национального дохода. Поворотным моментом стало введение подоходного налога на совокупный доход. Однако статистика национального дохода была не единственной областью статистики, которая, не прикладывая к этому никаких усилий, получала выгоду от деятельности государственной администрации. Статистика торговых операций, самая старая статистика национальной экономики, появилась в результате установления таможенных постов вдоль государственных границ. Многие из самых ранних данных по промышленности собирались на основе отчетов фабричных инспекторов. Сбор статистики по безработице был дополнительной функцией департаментов труда. По мере расширения административного аппарата, в нем возникали структуры, отражавшие многочисленные аспекты экономической жизни.

Но официальные статистики не просто реагировали на общественные запросы. Профессиональные статистики, деятельность которых обсуждается в этой книге, осознанно выступали в роли акторов, стремившихся расширить границы своего административного влияния. Они всеми силами пытались занять выгодное положение в крепнущем государстве. И в этом, пусть и ограниченном смысле, они не зависели от запросов заинтересованного в них гражданского общества. В широком смысле именно официальные статистики во многих областях брали инициативу в свои руки, опережая как заинтересованные общественные группы, так и остальной государственный аппарат⁵⁴. Измерение общественного или экономического явления — будь то безработица или размер еврейского населения — часто являлось первым ша-

⁵⁴ M. Furner and B. Supple, 'Ideas, Institutions, and State in the United States and Britain', in Furner and Supple (eds.), *The State and Economic Knowledge*, pp. 3–39.

гом на пути определения «проблемы»⁵⁵. Такое измерение, в свою очередь, может спровоцировать вмешательство со стороны государства. Или, представив эту проблему общественному мнению, оно может создать такую ситуацию, когда общество начнет требовать найти способ ее решения.

Как будет показано в этой работе, руководители Имперского статистического управления вполне осознанно преследовали именно эту цель. В действительности наличие у них исторического самосознания стирает различие между государственной структурой и статистической службой. Стратегическая деятельность статистиков Рейха мотивировалась их более широким взглядом на развитие экономики. Согласно концепции модели поэтапного развития, которой придерживались многие из них, на современной фазе развития капитализма было необходимо, чтобы государство систематически участвовало в координации экономической деятельности. Статистики Рейха были не просто администраторами из плеяды строителей империи, которых так любят аналитики «общественного выбора». Они твердо верили в то, что выполняют историческую миссию в создании аппарата экспертов, которые станут посредниками между государством и все более разветвленным гражданским обществом. Накопление компетенций у государственных экспертов, таким образом, происходило из различных источников. С одной стороны, этот процесс определялся деятельностью специфической государственной элиты. С другой стороны, действия представителей элиты мотивировались их убежденностью в необходимости структурного расширения государства. Кроме того, существование активной части элиты само по себе являлось результатом начавшегося в конце XIX века общего процесса проникновения в элиту представителей государственной бюрократии.

Таким образом, развитие государственной статистики в рамках общего расширения государственной деятельности было в некоторой степени неизбежным. Но этот процесс происходил неравномерно, переживая сбои и перерывы. В частности, в годы после Первой мировой войны это развитие шло в по-

⁵⁵ I. Hacking, *The Taming of Chance* (Cambridge, 1990), pp. 189–199.

стоянной борьбе и очень непросто⁵⁶. Как принято традиционно считать, данный процесс представляет собой борьбу, в которой остатки былой автономности исчезали вследствие влияния общества. Именно таким образом историки описывают развитие государства⁵⁷. Доля налогов, поступавших от доходов частных лиц, увеличивалась. Также увеличивался масштаб финансовых трансфертов и государственных закупок. Для регулирования свободных рынков вводились различные ограничения. Однако это весьма упрощенная картина. «Большое правительство» становилось не просто угрозой для личной свободы. В связи с этим также возникал вопрос об определении понятия государства⁵⁸. «Большое государство» было государством, не имевшим отчетливых границ и бесспорной суверенности по модели XIX века. После того как государство включилось в самые разнообразные аспекты экономической и общественной жизни, оно уже не могло заявлять, что стоит в стороне от гражданского общества, а также претендовать на управление этим обществом. По мнению многих, размеры нового государства были слишком велики. Кроме того, оно было пронизано конфликтами и напряженными отношениями, характерными для гражданского общества.

Отчетливее всего этот кризис проявился в Германии в период между Первой и Второй мировыми войнами. Миф о том, что прусско-германское государство служило путеводной звездой для немецкой нации, развеялся после поражения Герма-

⁵⁶ S. Skowronek, *Building a New American State. The Expansion of National Administrative Capacities, 1877–1920* (Cambridge, 1982), P. Clarke, 'The Twentieth-Century Revolution in Government: The Case of the British Treasury', in Clarke, *The Keynesian Revolution and its Economic Consequences*, pp. 175–189 и K. Burk (ed.), *War and the State. The Transformation of British Government 1914–1919* (London, 1982).

⁵⁷ H. James, *The German Slump. Politics and Economics 1924–1936* (New York, 1986).

⁵⁸ C. S. Maier, *Recasting Bourgeois Europe. Stabilization in France, Germany, and Italy in the Decade after World War I* (Princeton, 1988, reprint), M. Geyer, 'The State in National Socialist Germany', in C. Bright and S. Harding (eds.), *Statemaking and Social Movements: Essays in History and Theory* (Ann Arbor, 1984), pp. 193–232, D. Melossi, *The State of Social Control. A Sociological Study of Concepts of State and Social Control in the Making of Democracy* (Cambridge, 1990).

нии в Первой мировой войне и произошедшей революции⁵⁹. В последующие годы гражданские службы Рейха всеми силами старались вернуться к прежнему положению. Веймарская республика экспериментировала, пытаясь объединить парламентское правительство и корпоративизм технократов. Тем временем правые силы требовали реставрации «сильного государства», которое в действительности означало новую форму авторитарной военной диктатуры. Именно такое представление о государстве и победило в результате «Национальной революции» 1933 года. Однако авторитарным консерваторам было суждено испытать разочарование. Нацисты не позволили консервативному политическому истеблишменту, армии и гражданским службам загнать себя в угол. К концу 1930-х годов, сумев преодолеть сопротивление традиционных элит, они приступили к реализации проекта радикального политического и общественного переустройства. В ответ на политический кризис в Германии нацисты не стали строить «сильное государство». Они ставили перед собой задачу сделать из своей нации чистую расу. И в этой борьбе государство было лишь средством для достижения их целей. Они решительно отбросили существующую структуру германской социальной службы, и вместе с нею — традиционные функции обычного правительства и ограничения, предписываемые законодательством. Когда в 1941 году политический теоретик Франц Нейман говорил о недостатке государства в Третьем рейхе, он не просто отмечал непоследовательность и беспорядочность нацистской политики, он хотел подчеркнуть, что режим, зарождавшийся в Третьем рейхе, более не мог описываться в терминах и категориях традиционной политической теории⁶⁰. Германское гражданское общество было уничтожено, но точно так же была уничтожена и хрупкая структура германского государства. Исчезла граница между государством и гражданским обществом,

⁵⁹ J. Caplan, *Government Without Administration. State and Civil Service in Weimar and Nazi Germany* (Oxford, 1988).

⁶⁰ F. Neumann, *Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944* (New York, 1963, reprint) и K. Tribe, *Strategies of Economic Order. German Economic Discourse, 1750–1950* (Cambridge, 1995), pp. 169–202.

имеющая фундаментальное значение для современных представлений.

Как будет показано в данной книге, этот государственный кризис значительно повлиял и на официальную статистику Германии. Естественно, развитие официальной экономической статистики в первой половине XX века включало в себя исследование таких ранее неизученных аспектов экономической жизни, как частная экономическая деятельность. Как можно было бы ожидать, это расширение деятельности по сбору официальной информации было встречено сильным сопротивлением, особенно со стороны германских бизнесменов. Однако в результате фундаментально важные вопросы встали и перед самими статистическими органами. Практика официальной статистики, в том виде, в котором она развивалась на протяжении XIX века, определялась либеральным различием между государством и гражданским обществом⁶¹.

В отличие от других государственных организаций, использующих принудительные методы, таких, например, как налоговые органы или структуры, отвечающие за призыв на военную службу, статистики не прибегали к насилию. Они не применяли угроз для того, чтобы получить ответы на свои вопросы. Они не обнаруживали излишней назойливости для того, чтобы проверить точность получаемых ответов. «Объективность» официальных данных основывалась на предпосылке о том, что между официальными статистиками и гражданами установлены доверительные отношения. В свою очередь, в основе этих доверительных отношений лежали ограничения, устанавливаемые самими статистиками. Они старались не задавать такие вопросы, на которые люди не хотели бы отвечать. Кроме того, статистики гарантировали респондентам полную анонимность и конфиденциальность. В частности, они обеща-

⁶¹ См. например, каким было типичное представление об официальной статистике, в описании Эрнста Энгеля, директора статистического бюро сначала Саксонии, а затем Пруссии в середине XIX в.: E. Engel 'Die Volkszählung: ihre Stellung zur Wissenschaft und ihre Aufgabe in der Geschichte', *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus (ZKPSB)* 2 (1862), pp. 25–31, и E. Engel, 'Über die Organisation der amtlichen Statistik mit besonderer Beziehung auf Preussen', *ZKPSB* 1 (1860), pp. 53–56.

ли не передавать полученную информацию в налоговые органы. Эти гарантии, указанные в официальных опросных листах, предполагали признание права «на сохранение в тайне личной информации».

В то же время технологии проведения крупномасштабных переписей ассоциировались с «государством», представляемым официальным статистическим бюро, то есть чем-то чуждым и находящимся не только «вне», но и «над» гражданским обществом. Огромное количество отдельных личностей, имеющих свои интересы, сливались, таким образом, в крупные общности людей. Если собрать информацию от миллионов отдельных лиц, то можно получить правдивое изображение общества в целом. Таким образом, официальная статистика поддерживала идеалистическое представление о гражданской службе как о незаинтересованном «общем классе», мудро осуществляющим контроль над социальными последствиями индустриализации и урбанизации.

Этот либеральный порядок, распространявшийся на власть и знание, не выжил в условиях расширения функций государства. Отправной точкой данной книги как раз и является крушение представлений об официальной статистике XIX века. В первой половине XX века официальные немецкие статистики были вынуждены заново договориться о способе своего взаимодействия с гражданским обществом. Для того чтобы получить ответы на большее количество вопросов или проводить более частые опросы, к частному бизнесу теперь приходилось применять политику кнута и пряника. В результате структура экономических данных расширилась, а роль официальных государственных статистиков заметно усилилась. Однако эти изменения предполагали и новые отношения между статистиками и гражданским обществом и, следовательно, новое понимание роли официальной статистики.

В 1920-е годы Статистический департамент Рейха превратился в информационную палату, корпоративистским центром обмена данными между государством и акторами гражданского общества. В 1930-е годы, в первые годы нацистского режима, этот департамент видоизменился и стал авторитарной структурой. Статистики возомнили себя центром экономики, находив-

шейся под государственным контролем. Однако эти фантазии статистиков существовали недолго. В конце 1930-х годов в результате радикализации нацистского режима они полностью рассеялись. Соединив нацистский идеал «единого немецкого народа» (Volksgemeinschaft) с утопическими технологиями, радикальное крыло статистического департамента стремилось реконструировать германскую официальную статистику таким образом, чтобы она стала отлаженной системой надзора. Они намеревались собирать данные не об экономических и социальных общностях, но о каждой компании, о каждом рабочем и о каждом приборе и машине, то есть проследить путь отдельно взятого продукта по всей экономической цепочке.

Естественно, такое тоталитарное представление влекло за собой самые серьезные последствия для «свободы» личности. Однако оно также заново сформулировало практические задачи официальной статистики. При интегрированной системе надзора стираются различия между статистическими опросниками, данными о налогах или о частных счетах. Все эти сведения попадают в общую базу данных. Вследствие этого статистики перестают восприниматься уникальными хранителями официальной информации. Правда, как у менеджеров единой информационной системы Рейха, у них появятся такие беспредельные возможности, какие традиционным официальным статистикам и в самом страшном сне не могли бы присниться. Стремясь стать таким «всевидящим оком», статистики нацистской Германии уничтожили саму практику официальной статистики.

V

Их стремления подпитывались появлением новых информационных технологий. Развитие разветвленного бюрократического аппарата в конце XIX — начале XX веков способствовало распространению огромного количества новых технологий для сортировки и обработки данных. Многие из этих технологий были совершенно банальными, однако, как обнаружили историки, изучающие проблемы бизнес-администрирования, они сыграли решающую роль в управлении растущим потоком инфор-

мации и в рационализации административной деятельности⁶². Новые офисные технологии включали телеграф, телефон и печатные машинки. Однако резкий рывок произошел в области работы с бумажными документами. С появлением копировальной бумаги исчезла необходимость делать копии документов от руки. Вертикальная система хранения папок облегчила доступ к материалам. Традиционное хранение деловой корреспонденции также перешло на новую систему. Изобретение карточных каталогов произвело революционные изменения, связанные с управлением огромными объемами информации.

Все эти новые технологии нашли применение и в практической деятельности официальных статистических органов, однако по-настоящему главным словом в начале XX века стало слово «механизация». Что касается процесса механизации, то отсчет идет от 1890 года, когда первые машины, созданные Германом Холлеритом, американским изобретателем германского происхождения, начали использоваться в США при переписи населения. Холлерит поставил перед собой задачу — завершить подсчет данных переписи не за семь лет, а за три года⁶³. С позиций сегодняшнего дня эта достаточно простая форма цифровой обработки данных не может не показаться серьезным прорывом, имеющим фундаментальное значение. Однако в этом вопросе необходимо проявлять осторожность. Машины Холлерита не совершили революционного переворота в процессе получения статистических результатов. Важным было то, что разделение труда при обработке данных переписи послужило прообразом механизации.

При сборе первой официальной статистической информации в начале XIX века основные операции — наблюдение, запись, классификация отдельных наблюдений, подсчет общего количества данных — представляли собой единый процесс. Местные нотабли просто передавали информацию о подот-

⁶² J. Yates, *Control through Communication. The Rise of System in American Management* (Baltimore, 1989).

⁶³ H. Petzold, *Rechnende Maschinen. Eine historische Untersuchung ihrer Herstellung und Anwendung vom Kaiserreich bis zur Bundesrepublik* (Düsseldorf, 1985), pp. 195–290.

четных им территориях в недавно созданные статистические бюро⁶⁴. Единственными элементами, которые контролировались центральным органом, были опросные листы, которые создавались как шаблон для местных отчетов. Развитие статистических технологий в течение XIX века состояло в разделении всех этих операций, то есть наблюдения, записи, классификации и подсчета. Это позволяло контролировать процесс сбора статистических данных из центра, сведя к минимуму все затраты. Первый шаг состоял в том, чтобы избавиться от посредников в лице местной аристократии и обязать домохозяйства и предпринимателей самим заполнять опросные листы. Не менее важно было иметь надежных сотрудников по сбору информации на местах, однако теперь их задача сводилась к проверке точности ответов отдельных граждан и к составлению предварительных таблиц с данными по своей территории.

На следующем этапе было необходимо централизовать процесс сведения данных в общие таблицы. После сверки, которую производили организаторы переписи, ответы, полученные на местах, отправлялись в центральное статистическое бюро. Таким образом, статистики впервые получили возможность взять под контроль процесс классификации, однако в связи с этим возникли серьезные практические проблемы. Координация пересылки миллионов объемных статистических опросных листов зависела от инфраструктуры и транспортной системы того времени. И после того как все эти листы были собраны, как статистики могли их обработать? В первую очередь они классифицировались и одновременно учитывались. Для каждого ответа определенного типа в таблице делалась отметка, и в процессе учета эти листы больше не участвовали. В целях одной лишь классификации это была достаточно быстрая процедура. Однако классификация с одновременным подсчетом не позволяла выявлять ошибки или ретроспективно вносить в систему какие-либо изменения. Если возникала необходимость исправлений,

⁶⁴ B. Curtis, 'Administrative Infrastructure and Social Enquiry: Finding the Facts about Agriculture in Quebec, 1853-4', *Journal of Social History*, 32 (1998), pp. 308-327, а также S. Woolf, 'Statistics and the Modern State', *Comparative Studies in Society and History*, 31 (1989), pp. 588-604.

то приходилось заново производить подсчет. Более того, чтобы избежать ошибок, обученные сотрудники должны были одновременно выполнять интеллектуальную работу по составлению классификации и производить рутинные расчеты. Поэтому вся процедура была дорогостоящей.

Последний этап развития статистических технологий в XIX веке состоял в разделении процедур классификации, сортировки данных и подсчета. Для этого каждый ответ нумеровали и соотносили его с пронумерованной учетной карточкой. В сущности, статистические работники создавали бумажный дубликат переписи, то есть изображение изображения. После того как каждый ответ был классифицирован, на учетной карточке проставлялся определенный код. Затем карточка добавлялась к соответствующей стопке карточек. Если окончательные результаты вызывали какие-либо сомнения, прошедшие классификацию учетные карточки можно было сверить с пронумерованными оригиналами. Повторная классификация могла осуществляться просто с помощью просмотра соответствующих ответов, распределенных по учетным карточкам. И, наконец, стала быстрее производиться операция самого подсчета. С карточками было на порядок легче работать, чем с объемными опросными листами, а предварительная их сортировка увеличивала точность.

Однако главная экономия произошла в результате разделения труда. Опытные статистики занимались классификацией, а для подсчета определенных групп карточек нанимали женщин и неквалифицированных сотрудников, работавших на дому. Таким образом, переписи, проводившиеся в Европе в конце XIX века, стали напоминать производственные операции, типичные для ранних этапов развития промышленности. Узкая группа обученных ассистентов занимались классификацией под присмотром профессиональных статистиков, в обязанности которых также входила подготовка окончательных сборников с таблицами и с текстом. Между тем временно нанятая армия людей-«счетчиков» сортировала и подсчитывала данные. Таким образом, интеллектуальная часть классификации отделилась от остального процесса. Дорога для внедрения механизации была расчищена.

Машины Холлерита хорошо подошли для этого процесса разделения статистического труда. Шифры, которые опытные статистики надписывали на учетных карточках, переносились на третий набор карточек. На этих карточках фиксировалась информация в виде определенного набора перфорированных отверстий. Затем эти карточки вставлялись в машины, которые сортировали и подсчитывали их механическим или электромеханическим способом. Компания Холлерита давала смелые обещания по поводу своих машин. Однако на практике потребовались годы, прежде чем эта полезная технология была усовершенствована. Оказалось, что очень сложно найти бумагу достаточно высокого качества, которая могла бы выдержать перфорацию. В ранних моделях отсутствовали печатающие механизмы. Приходилось приостанавливать весь процесс для того, чтобы считать информацию и записывать ее от руки. В 1920-е годы предполагалось, что самые быстрые сортировочные машины могут работать со скоростью 20 000 карточек в час. Опыт Германии показал, что на самом деле они могут обрабатывать не более 12 000 карточек в час. Табуляторы теоретически были способны обработать 7500 карточек, но в действительности они давали результат не более чем для 2500 карточек в час⁶⁵. Когда требовалось обработать меньше, чем 5000 карточек, эти машины на самом деле были более затратными, чем подсчет вручную. В дорогостоящее оборудование было необходимо загружать очень большие партии карточек. Эти машины были полезны для выполнения приблизительной классификации большого объема данных, но гораздо менее эффективны для классификации лучшего качества⁶⁶. Тем не менее в период до Первой мировой войны они стали все больше использоваться как государственным аппаратом, так и бизнесом.

Их широкому распространению способствовало активное соперничество между компанией Холлерита и его главным кон-

⁶⁵ GStA 1. HA Rep. 77 3893 no. 151 ff, Niederschrift der Verhandlungen der Statistiker des Reichs und der Bundesstaaten zu Bremen am 29. bis 31. Mai 1913, pp. 21–29.

⁶⁶ P. Quante, 'Die Erfahrung mit elektrischen Zählmaschinen in Preußen bei der Volks und Berufszählung vom 16. Juni 1925', *Allgemeines Statistisches Archiv* (ASA), 20 (1930), pp. 82–112.

курентом, компанией Пауэрс. Как правило, счетные машины использовались для составления срочных отчетов о торговых операциях или для обработки большого объема финансовых данных. В этом отношении они действительно позволяли значительно экономить трудовые издержки. В конце 1920-х годов Статистическое управление Рейха подсчитало, что использование таких машин позволило ему сэкономить 25% от бюджетных расходов на заработную плату, которая составляла главную статью издержек⁶⁷. Вывод очевиден: механизация процесса обработки данных привела к революции в статистике. Она позволила ускорить создание больших объемов данных с меньшими издержками. Однако для самого получения результатов это не было необходимым условием.

Тем не менее такое рационалистическое суждение может привести к недооценке важности технологических перемен. Идея возможности механической обработки данных сама по себе была очень захватывающей. Один проникательный комментатор говорил о том, что «концепция „централизации“, подогреваемая поставщиками бизнес-машин», обладает «способностью к внушению»⁶⁸. Бюрократические аппараты в разных странах мира находились под воздействием мечты стать «всевидящим оком». Можно предположить, что эта мечта о полном контроле и привела к тому, что технология механической обработки данных оказала самое сильное влияние именно на историю статистики. Впервые появилась возможность составить представление обо всей стране по информации, хранящейся в единой базе данных, в которую можно мгновенно зайти с помощью механически управляемой техники.

По всей вероятности, в период между Первой и Второй мировыми войнами эти фантазии захватили умы как минимум в трех различных странах Европы, причем независимо друг от друга. Во Франции эту идею начали осознать в начале

⁶⁷ См. главу 3.

⁶⁸ A. Busch, 'Zur Frage der Verwendung von Lochkartenmaschinen', ASA, 20 (1930), pp. 260–265, ответ на положительный отзыв представителя компании Deutsche Hollerith Maschinen GmbH, K. Koch, 'Die Verwendung von Speziallochkartenmaschinen bei der Volkszählung 1930', ASA, 19 (1930), pp. 560–568.

1940-х годов при режиме Виши⁶⁹. В Великобритании этот процесс начался во время незавершившегося проекта по введению национальных идентификационных карт во время Первой мировой войны⁷⁰. В Германии данные идеи также зародились в связи с планами полиции по установлению персональной идентификации, которые, однако, приняли зловещий оборот после 1933 года, когда была создана база данных СС⁷¹. Как будет показано в этой книге, «роману с информационными технологиями» суждено было оказать драматическое влияние на историю экономической статистики. Новые технологии обработки данных заставили современников поверить, что экономику можно контролировать, причем самым эффективным образом, не путем манипулирования агрегированными макроэкономическими показателями, а с помощью всеохватывающей системы индивидуального контроля.

VI

Как видно из приведенного выше обсуждения информационных технологий, неправильно думать, что появление современной экономической статистики произошло исключительно в результате бюрократизации в самом широком смысле этого слова. Необходимо также понимать, что эта наука является интеллектуальным и культурным феноменом. Невозможно осознать суть того или иного статистического проекта без детальной реконструкции его конкретного интеллектуального контекста. Но имеются ли возможности для обобщения таких культурных процессов? Как следует из подзаголовка этой книги, она посвящена проблеме появления специфической современной формы экономического знания. Дело даже

⁶⁹ G. Chevry, 'Un Nouvel Instrument de travail statistique: Le Fichier des établissements industriels et commerciaux?', *Journal de la Société de Statistique de Paris (JSSP)*, 89 (1948), pp. 245–262 и 'Nécrologie: René Carmille', *JSSP*, 86 (1945), pp. 145–148.

⁷⁰ J. Agar, 'Modern Horrors: British Identity and Identity Cards', in J. Caplan and J. Torpey (eds.), *Documenting Individual Identity* (Princeton, 2001).

⁷¹ G. Aly, K. H. Roth, *Die restlose Erfassung. Volkszählen, Identifizieren, Aussondern im Nationalsozialismus* (Berlin, 1984).

не в том, что термин «современный (модерн)» [modern] следует использовать весьма осторожно, он имеет различные спорные и порой запутанные значения. Однако, если применять его осмотрительно, этот термин может служить полезным семантическим полем, внутри которого можно делать обобщения по поводу интеллектуальных и культурных трендов. Он может поместить наше повествование о культурном генезисе в более широкий контекст.

В первую очередь, необходимо провести различие между понятиями «модернизация» и «модернизм». Термин «модернизация» обычно используется для обозначения процессов общественных, экономических и технологических изменений, которые обсуждались выше: развитие современной промышленности и сферы услуг, постоянно усиливающаяся роль бюрократического аппарата, как в корпоративном капитализме, так и в государственном секторе, развитие новых технологий, связанных с хранением, обработкой и передачей данных. Разумеется, мы можем описать новую экономическую статистику, зародившуюся в конце XIX века, как форму экономического знания, характерную для периода модернизации. Эта статистика представляла собой результат преднамеренных усилий влиятельных социальных акторов, целью которой было установление сознательного контроля над развитием национальной экономики. В этом смысле статистика была неотъемлемой частью институционализованной социальной саморефлексии, которую многие исследователи считают характерной чертой модернизации⁷².

Теперь рассмотрим значение терминов «модернизм» и «модерн». Первая проблема состоит в том, чтобы разобраться с многозначностью этих слов⁷³. С одной стороны, эти термины часто используются в дискуссиях, посвященных постмодернизму⁷⁴. В таком контексте «модерн» обозначает доминантную

⁷² Характерный пример такого представления см.: A. Giddens, *The Nation-State and Violence*, 2, *A Contemporary Critique of Historical Materialism* (Cambridge, 1985), pp. 180–181 и 308–310.

⁷³ В излагаемой ниже дискуссии мы во многом опирались на работу: Dorothy Ross (ed.), *Modernist Impulses in the Human Sciences 1870–1930* (Baltimore, 1994).

⁷⁴ A. Eysteinsson, *The Concept of Modernism* (Ithaca, 1990), pp. 3–4, 103–142.

преемственность западной рационалистической, научной мысли, которая восходит к периоду Просвещения. Именно в этом смысле использовал данный термин Кейт Трайб в своей замечательной работе *Strategies of Economic Order. German Economic Discourse, 1750–1950*. Трайб перекинул мост, символизирующий преемственность между рационалистической экономической мыслью эпохи Просвещения и визионерскими технократическими проектами XX века. Согласно Трайбу, обоим этим периодам свойственны общие «мечты разума», непреодолимое желание упорядочить мир по законам разума⁷⁵.

Историю статистики тоже не обошло стороной многократное появление этих навязчивых мечтаний. Утописты-рационалисты XVII — начала XIX веков в общих чертах обрисовали многочисленные схемы всеобщей статистической переписи. В 1805 году Леопольд Крюг, первый глава прусского статистического бюро, разработал амбициозный план — произвести полный подсчет доходов населения Пруссии⁷⁶. Разумеется, его проект так и остался на бумаге. Вскоре Крюг оставил свой пост и стал университетским профессором более либеральных взглядов, тяготевшим к учению Смита. Однако его идея не была похоронена. В 1879 году Эрнст Энгель, директор прусского статистического бюро, задумал разработать всеобъемлющую систему национальной экономической статистики⁷⁷. Его тоже ожидало разочарование. Как мы увидим ниже, на Статистический департамент Рейха, который был учрежден в 1872 году, распространялось множество ограничений. Его мечта реализовалась лишь в 1920-е годы. Статистический департамент Веймарской республики приступил к созданию единой системы статистики национальных счетов. К 1940-м годам немецкие статистики провели детальный анализ структур немецкой промышленности, который удовлетворил бы даже самых амбициозных сторонников абсолютистского полицейского государства.

⁷⁵ Tribe, *Strategies*, p. 1.

⁷⁶ L. Krug, *Ideen zur einer Staatswirthschaftlichen Statistik* (Berlin, 1807).

⁷⁷ E. Engel, 'Die Notwendigkeit einer Reform der volkswirtschaftlichen Statistik', *ZKPSB* 10 (1870), pp. 141–408.

Влияние этих традиций не обошло и современников. Как будет обсуждаться в главе 3, активный всплеск интереса к макроэкономическим проблемам в конце XX века часто называли возрождением традиций эпохи Просвещения. Создание концепции кругооборота (на которой главным образом основывалось понимание экономики в 1920-х годах), как правило, приписывалось французскому физиократу XVII века Франсуа Кенэ. Именно его «Экономическая таблица» воодушевила Крюга на разработку своего проекта. Одним из великих достижений «Капитала» Карла Маркса считается тот факт, что память о работе Кенэ сохранилась и в XX веке. Еще одним источником теоретического вдохновения для макроэкономистов XX века стала количественная теория денег, которая также воспринималась как теория, унаследованная из прошлого. Ее первые современные формулировки принято приписывать Дэвиду Юму, философу шотландского Просвещения, а ее зачатки можно проследить еще в классической Античности. В совокупности эти две научные концепции стали строительными кирпичиками для создания агрегированной макроэкономической теории экономики. Не столь важно, было ли это реальным перекидыванием мостов между эпохой Просвещения и экспериментами технократов начала XX века. Главное — это то, что действительно существовала «выдуманная традиция» рационалистической экономической науки.

Однако это не единственное значение слова «модерн» («модернизм»). Этот термин, в более специфичном значении, также может обозначать весьма скептические и разрушительные интеллектуальные течения, существовавшие на рубеже веков. Х. Стюарт Хью в своей классической работе «Сознание и общество. Переориентация европейской социальной мысли 1890–1930» показал, как модернизм в изобразительном искусстве оказал мощное влияние на социальные науки через таких ученых, как Макс Вебер и Зигмунд Фрейд⁷⁸. Позднее Дороти Росс предложила по этому поводу полезную формулировку. По ее словам, в эпоху расцвета викторианства, с харак-

⁷⁸ H. Stuart Hughes, *Consciousness and Society. The Reorientation of European Social Thought 1890–1930* (London, 1974).

терным для него оптимизмом, «мыслители Европы и США полагали, что научное и историческое знание может обеспечить такие же синтетические и нормативные основы для современной жизни, которые ранее традиционно создавались философией и религией. К концу века надежды на это улетучились»⁷⁹. Таким образом, начало XX века было отмечено новым пониманием субъективности знания; скептическим отношением к идее о том, что главным путеводителем жизни является рациональность; обращением к эстетике и мощным акцентом на историчности и непредсказуемости. Описывая ситуацию в США, Росс продемонстрировала, как кризис исторического нарратива американской исключительности в последние десятилетия XIX века заставил обратиться к поиску новых моделей социальных наук. Для описания попыток американских экономистов, социологов и политологов перестроить свои дисциплины по подобию естественных наук она использует термин «сайентизм».

Социальная наука должна была стать автономной областью знания <...> сфокусированной на технологических возможностях контроля и организованной в соответствии с этими возможностями⁸⁰.

Таким образом, общественные науки узаконили бы себя в условиях модернистских сомнений.

Германия — это еще одна страна, где развитие экономики XX века несет на себе отпечаток столкновения с модернизмом. Статистики и экономисты, которые будут обсуждаться в этой книге, уже утратили самоуверенность, внушенную так называемой немецкой исторической школой конца XIX века⁸¹. Такие исследователи, как профессор Густав фон Шмоллер, с олим-

⁷⁹ Ross, 'Introduction: Modernism Reconsidered', in *Modernist Impulses*, p. 1.

⁸⁰ D. Ross, *The Origins of American Social Science* (Cambridge, 1991), p. 400.

⁸¹ Различные этапы этого процесса описаны в следующих работах: D. Lindenlaub, *Richtungskämpfe im Verein für Sozialpolitik* (Wiesbaden, 1967), D. Krüger, *Nationalökonomien im wilhelminischen Deutschland* (Göttingen, 1983), F. Lenger, *Werner Sombart 1863–1941* (Munich, 1994), R. vom Bruch, *Wissenschaft, Politik und öffentliche Meinung. Gelehrtenpolitik im wilhelminischen Deutschland (1890–1914)* (Husum, 1980).

пийским спокойствием заявляли, что они находятся в стороне от борьбы частных интересов. Аудиторией, которую выбрал себе Шмоллер, были чиновники государственной гражданской службы, гегельянские защитники судеб нации. Неотъемлемым компонентом его экономического анализа были моральные суждения. Эта излишне амбициозная модель академической политики (*Gelehrtenpolitik*) прекратила свое существование на рубеже веков. Ее интеллектуальные основы подверглись разрушительной методологической критике со стороны более молодого поколения, возглавляемого Максом Вебером. Резкий политический раскол внутри академической среды самым очевидным образом обнаружил невозможность найти выгодную нейтральную позицию, с которой можно было бы наблюдать за обществом. Некоторые профессора занялись партийной политической деятельностью. Другие твердили о необходимости оказать поддержку рабочему движению. Кроме того, реформисты так и не достигли консенсуса, поскольку появлялось все больше сторонников капиталистического способа развития, которые стремились к укреплению тесных связей с промышленностью и торговлей. Если историческая школа когда-то и являлась монолитным институтом знания, то к 1914 году она, безусловно, уже прекратила свое существование. Ее могильщиками были война, революция и поражение в войне. Разрушительные события уничтожили идеализированный образ германского государства, которому такие ученые, как Шмоллер, адресовали свои призывы к социальной реформе.

В отличие от своих предшественников времен императора Вильгельма II новые германские эксперты в межвоенный период заговорили на языке, в котором отразилась утрата ими всех иллюзий. Для Эрнста Вагеманна, главы веймарского статистического бюро, образцом для подражания были химики и физики, совершившие поразительные открытия. Задача экономической науки состояла не в том, чтобы осуществлять моральное руководство — она должна была предложить специфические знания, которые позволили бы разрабатывать экономическую политику.

Немецкие статистики, которые обсуждаются в этой работе, были убежденными эмпириками. Но теперь их эмпиризм уже не был триумфальным позитивизмом середины XIX века.

Они четко осознавали, что оторваны от реальности в фундаментальном смысле этого слова. Свою первоочередную задачу они видели в том, чтобы зарегистрировать симптомы, которые сигнализировали о слишком сложных процессах, не позволявших различить в них мельчайшие детали. Они с большой осторожностью делали причинно-следственные выводы, поскольку воспринимали свою задачу как более скромную — самым тщательным образом проанализировать имеющиеся данные для того, чтобы затем спроецировать стабильные паттерны из прошлого в будущее.

В начале 1920-х годов руководители Статистического управления Рейха надеялись, что их утративший иллюзии эмпиризм сможет стать основой для установления нового взаимодействия с академической экономической наукой. Была предпринята попытка превратить Статистическое управление в координационный центр, на базе которого из немецких экономических течений можно было бы создать эмпирическую дисциплину, нацеленную на разработку экономической политики. Однако стратегия сайентизма, занявшая в США командные высоты, в Германии так и не привела статистиков и экономистов к консенсусу. Она была неприемлема для тех, кто стремился сохранить роль экономиста в качестве морального авторитета и духовного наставника. Она также была неприемлемой и для меньшинства экономистов, представленного в основном молодым поколением, которые занимались разработкой абстрактной экономической теории. В результате увеличивалась пропасть между Статистическим управлением и все более разрозненными течениями академической экономической науки.

Естественно, такие культурные войны обладают весьма специфической национальной динамикой. Однако, как можно предположить, их результат всегда будет одинаковым. И в США и в Германии экономическая наука постоянно находилась под влиянием процесса институциональной и интеллектуальной дифференциации. Эмпирическое, то есть практическое, экономическое знание заметно обогатилось, придя на службу государственной власти. Теоретическая университетская экономическая наука, напротив, развивалась как все

более абстрактная и математизированная дисциплина, подчиняющаяся законам собственной интеллектуальной логики. Кроме того, обе эти формы экономического знания институционально и интеллектуально изолировались от других социальных и общественных дисциплин, на которые все сильнее влиял модернизм с характерной для него неудовлетворенностью. Следовательно, статистики создали основу для весьма замкнутой, и даже изолированной, формы современного экономического знания.

VII

Таким образом, можно утверждать, что современная экономическая статистика в первой половине XX века развивалась под воздействием разнообразных процессов общих для различных стран. Какими же были специфически немецкие черты этого развития? В последующих главах немецкая историография будет обсуждаться более подробно. Однако некоторые базовые вопросы, важные для понимания данной проблемы, следует рассмотреть с самого начала. В первую очередь, это вопрос о *Sonderweg* (об «особом пути» Германии). Начиная с XIX века германскому государству было принято приписывать особенно важную роль в руководстве национальным экономическим развитием⁸². Поэтому не вызывает удивления тот факт, что в Германии существовала сильная традиция государственной экономической статистики. Таким образом, стремительное развитие статистики в межвоенный период можно было бы рассматривать как продолжение глубоко укоренившейся германской традиции⁸³. В этой книге мы исходим из других представлений.

Фактически история экономической статистики демонстрирует ограниченные рамки «сильного», как принято считать,

⁸² Критический обзор см. в работе: G. Herrigel, *Industrial Constructions. The Sources of German Industrial Power* (Cambridge, 1996).

⁸³ Об истории нацистской экономической политики, разработанной с этой точки зрения, см.: A. Barkai, *Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus. Ideologie, Theorie, Politik 1933–1945* (Frankfurt, 1988, 2nd ed.).

германского государства. Германское национальное государство, основанное Бисмарком в 1871 году, не имело национальных структур для государственного вмешательства в экономику. Несмотря на стремительное развитие экономики Германии, такие структуры не появились и в последующие десятилетия. Разумеется, в XIX веке такие государства, как Пруссия и Саксония, играли активную роль в развитии местной промышленности и торговли. Муниципальные органы также выполняли ключевую функцию при создании экономической инфраструктуры. Однако было бы нелепым утверждать, что осуществляемые ими действия хотя бы отдаленно напоминали современную макроэкономическую политику, в терминологии Уинча⁸⁴. Только во время Первой мировой войны, наконец, были созданы министерства экономики, труда и сельского хозяйства. Появление современной экономической политики относится к 1920-м годам, и именно в это время наблюдался внезапный всплеск в развитии инноваций в области статистики в межвоенной Германии. Новая статистическая наука 1920-х и 1930-х годов была детищем новой экономической администрации. Эта дисциплина появилась в результате осознанного разрыва с традицией, и ее в штыки восприняли те германские земли (Länder), которые все еще претендовали на независимость. Как будет показано ниже, новая статистика Веймарской республики имела, по сути, макроэкономический характер.

Инновационные шаги Статистического управления Рейха в 1920–1930-е годы были частью более широкой деятельности по обновлению германского государства. Может быть, угроза революции в Германии и была преувеличена, однако трудно переоценить глубину кризиса, охватившего германское государство⁸⁵. Государственные служащие Веймарской республики боролись за создание новой системы национальной экономической администрации в весьма враждебной обстановке. От-

⁸⁴ V. Hentschel, *Wirtschaft und Wirtschaftspolitik im wilhelminischen Deutschland. Organisierter Kapitalismus und Interventionsstaat* (Stuttgart, 1978).

⁸⁵ Поразительно интересный обзор см. в работе: G. D. Feldman, *The Great Disorder. Politics, Economics, and Society in the German Inflation, 1914–1924* (Oxford, 1993).

ветом на жесткую критику стали статистические проекты, которые и являются главной темой данной книги. Лейтмотивом нашей работы будет скорее резкий отход от традиций, нежели их сохранение.

Подчеркивая действительно инновационный характер Веймарской республики, в этой книге мы опираемся на огромное количество исторических исследований последних лет⁸⁶. Конечно, революция 1918 года была не полной. Она не коснулась представителей такой ключевой элиты, как консервативная судебная власть. Однако не следует делать упрощенный вывод и говорить о преемственности с периодом Вильгельма II. Как было продемонстрировано М. Гейером, даже германские вооруженные силы были далеко не консервативными. Командующие Reichswehr (вооруженных сил) могли испытывать враждебность к демократии, но считать их реакционными пережитками прошлого — это то же самое, что не замечать модернизации милитаризма⁸⁷. В 1920-е и 1930-е годы германский офицерский корпус осуществлял неутомимый поиск новых средств ведения войны.

В нетрадиционных государственных секторах тенденция к инновациям проявлялась еще более заметно. Государственный аппарат Веймарской республики был лабораторией современного правительства. Этот вывод был прочно подкреплен исследованиями последних лет, посвященными социальной службе и политике в области повышения благосостояния населения⁸⁸. Одна из задач этой книги состоит в том, чтобы включить сферу экономического управления в этот новый портрет Веймарской республики. Конечно, на практике экономическая

⁸⁶ В первую очередь, на эти исследования повлияла работа Детлева Пойкерта: D. Peukert, *Die Weimarer Republik. Krisenjahre der Klassischen Moderne* (Frankfurt, 1987). Критический обзор книги Пойкерта см. в работе: D. F. Crew, "The Pathologies of Modernity: Detlev Peukert on Germany's Twentieth Century", *Social History*, 17 (1992), pp. 319–328.

⁸⁷ M. Geyer, 'Etudes in Political History: Reichswehr, NSDAP and the Seizure of Power', in P. D. Stachura (ed.), *The Nazi Machtergreifung* (London, 1983), pp. 101–123.

⁸⁸ Критический обзор см в работе: Y.-S. Hong, *Welfare, Modernity, and the Weimar State, 1919–1933*. (Princeton, 1998).

политика определялась различными институтами, оказывавшими на нее определенное давление. Однако эта политика была не просто отражением прерогатив групповых интересов. Выделяя фонды на развитие экономической статистики и экономических исследований, новое национальное министерство экономики стремилось подготовить почву для государственных инновационных программ, основанных на эмпирических данных и результатах системного анализа. К 1927 году министерство разработало конкретные планы по экономической стабилизации, которые отводили ключевые роли Статистическому управлению и получавшему государственную поддержку Институту конъюнктурных исследований. Этот весьма оптимистичный сценарий был уничтожен в результате катаклизмов Великой депрессии.

Таким образом, Веймарская республика является идеальным объектом для изучения истории современной экономической науки. Можно ли то же самое сказать по поводу Третьего рейха? Разумеется, гитлеровский режим был атавистической диктатурой, практически не проявлявшей или проявлявшей мало интереса к вопросам рационального управления экономикой. Разумеется, гитлеровский режим — это особый случай, поэтому, учитывая его бесчеловечность, более подробные обсуждения могли бы показаться неуместными. Возражая на это, используем лишь один аргумент: необходимо проводить различия между целями и средствами. Очевидно, что целями нацистской идеологии был геноцид и реакция. Естественно, мечтой Гитлера был возврат к аграрной, арийской утопии. Однако, как много лет назад отметил Дэвид Шёнбаум, для достижения целей гитлеровскому режиму приходилось использовать технологии и управленческие ресурсы, которые были предоставлены индустриальным модерном⁸⁹. По крайней мере Третьему рейху было необходимо обладать современными военными технологиями, которые позволили бы ему вести военные действия. И у Гитлера, безусловно, не возникало проблем с привлечением профессиональной и технической элиты к делу служения

⁸⁹ D. Schoenbaum, *Hitler's Social Revolution: Class and Status in Nazi Germany 1933–1939* (New York, 1966).

Национальной революции⁹⁰. Конечно, по мере того как в исторических исследованиях все больше обнаруживался масштаб коллаборационизма элит, изменялось и наше представление о нацистском режиме⁹¹.

Новому пониманию этой проблемы способствовало и все большее осознание неоднозначности понятий «модернизм» и «модерн». Можно ли на самом деле утверждать, что цели фашистского режима были атавистическими и реакционными? Конечно, гитлеровская концепция «единого немецкого народа» (*Volksgemeinschaft*) включала в себя множество элементов, которые в нормальной ситуации ассоциируются с программами социальной модернизации и периодом модерна⁹². Гитлеру претили старомодное классовое разделение и провинциализм. Даже его антисемитизм был характерен для модернизма. Его ненависть к евреям выражалась не в религиозном, а в расовом аспекте, и служба СС не жалела денег на поддержку развития «расовой науки». Более того, нацистская идеология имеет отчетливые параллели с различными течениями в культуре модернизма. Присущий модернизму антиматериализм, его одержимость идеей национального возрождения, акцент на субъективной воле — все эти особенности имели достаточно широкий резонанс⁹³.

Однако задача этой работы состоит не в переоценке идеологии нацизма. Для нас гораздо более важным будет заново оценить взаимосвязи между целями и средствами, а также между технологиями, научным знанием и нацизмом. В своих формулировках Шёнбаум стремился провести границу между ата-

⁹⁰ О состоянии немецкой экономической науки в период национал-социализма см. следующие работы: С. Kruse, *Die Volkswirtschaftslehre im Nationalsozialismus* (Freiburg, 1988) и W. Krause, *Wirtschaftstheorie unter dem Hakenkreuz. Die bürgerliche politische Ökonomie in Deutschland während der faschistischen Herrschaft* (Berlin, 1969).

⁹¹ Обзор этой проблемы см. в работе: M. Roseman, 'National Socialism and Modernization', in R. Bessel (ed.), *Fascist Italy and Nazi Germany. Comparisons and Contrasts* (Cambridge, 1996), pp. 197–229.

⁹² R. Zitelmann, *Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs* (Stuttgart, 1990, 2nd edn.).

⁹³ R. Griffen, *The Nature of Fascism* (London, 1991).

визмом нацистской идеологии и современными технологиями, поставившими ей вооружение. Однако это удобное разграничение никогда не было стабильным. Эта идея была подвергнута сомнению Хоркхаймером и Адорно еще в 1940-е годы⁹⁴. В работе «Диалектика Просвещения» они изобразили фашизм не как контрреакцию на модернизм, но как продукт отчужденного объективизирующего разума. В 1960-е годы, в своих комментариях по поводу судебного процесса по расследованию деятельности Эйхмана, Ханна Арендт объяснила, каким образом банальная бюрократическая рутина создала возможность для массовых убийств⁹⁵.

Эта ранняя интерпретация оказала весьма сильное влияние на современные исследования. Современные бюрократию и технологию начали рассматривать как факторы, которые могут привести к геноциду, хотя прямого противопоставления нацистской расистской идеологии и не делается⁹⁶. Бюрократия допустила массовые убийства в техническом смысле. Ее моральное и политическое влияние также было значительным. Нацистская элита и их прислужники, зная, что последствия принимаемых ими решений их самих не коснутся, могли хладнокровно отдавать приказы по уничтожению евреев в Европе. Если глубже проанализировать этот вопрос, то можно сделать вывод, что корень зла на самом деле был в рационалистической мечте о переустройстве общества. Самоуверенные фантазии социальных инженеров повлекли за собой множество катастроф XX века⁹⁷. Идея национальной общности и связанная с ней политика евгеники и расового очищения возникли только благодаря современным медицинским и генетическим теориям. Детлев Пойкерт, во вполне ницшеанском ключе, полага-

⁹⁴ T. Adorno and M. Horkheimer, *Dialektik der Aufklärung* (Frankfurt, 1980, 7th edn.)

⁹⁵ H. Arendt, *Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil* (New York, 1963).

⁹⁶ Одной из наиболее интересных работ является: Z. Bauman, *Modernity and the Holocaust* (Cambridge, 1991); Бауман З., *Актуальность холокоста* (Москва: Европа, 2010).

⁹⁷ J. C. Scott, *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition have Failed* (New Haven, 1998).

ет, что геноцид евреев в Европе был порожден духом науки⁹⁸. Между нацистской идеологией и модерном не было никакого конфликта, между ними существовало вполне естественное взаимодействие.

Такая интерпретация применялась и к вопросу, рассматриваемому в этой книге. В 1980-х годах Гётц Али и Карл-Хайнс Рот опубликовали небольшую книгу, посвященную проблеме германской статистики⁹⁹. Присоединившись к массовому протесту против переписи, проводившейся в Германии в 1983 году, авторы этой работы поставили перед собой задачу опровергнуть утверждение о том, что статистика является безвредной технологией социального администрирования. Для этого Али и Рот рассмотрели случай добровольного сотрудничества немецких статистиков, работавших в государственных органах, с нацистской тиранией. Директора Статистического управления, такие как д-р Фридрих Бургдорфер, активные защитники идей евгеники, помогали создать интеллектуальное обоснование для политики стерилизации, для эвтаназии и в конечном счете для геноцида. Другие статистики, сотрудничавшие с СС, создавали базу данных о населении в виде картотеки. Али и Рот в своих рассуждениях зашли так далеко, что даже сделали следующий вывод: именно эти административные технологии позволили режиму так долго и с такой эффективностью сохранять свою власть. Таким образом, по их мнению, статистики являлись ключевыми фигурами нацистского режима. Кроме того, их сотрудничество с властями не было случайным. Оно вытекало из объективизированной, дегуманизированной логики самой статистической технологии. Когда люди сведены до уровня цифр, остается один шаг для того, чтобы вычеркнуть их из жизни¹⁰⁰. Отвечая на поднятый выше вопрос, Али и Рот, наверное, сказали бы, что только изучив природу нацизма, мы сможем

⁹⁸ D. Peukert, 'The Genesis of the "Final Solution" from the Spirit of Science', in T. Childers and J. Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich* (New York, 1993), pp. 234–252.

⁹⁹ Aly and Roth, *Die restlose Erfassung*.

¹⁰⁰ Эта аргументация позднее была расширена и вылилась в общий анализ истоков холокоста. См.: G. Aly and S. Heim, *Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung* (Hamburg, 1991).

осознать реальный потенциал статистики как инструмента подавляющего дегуманизирующего разума.

Хотя эта книга не является исследованием расизма или геноцида, ее написанию во многом содействовали новые интерпретации Третьего рейха, появившиеся в публикациях последних лет. В данной работе Третий рейх изучается под определенным углом зрения — с учетом его взаимоотношений с Веймарской республикой, а также с остальным миром в тот же период времени. Ввиду такой фундаментальной постановки вопроса нацизм рассматривается здесь, скорее, как продукт модернизации, нежели как отход от исторической преемственности. Это весьма важный прорыв в нашем понимании, и произойти он мог только благодаря работам последнего поколения исследователей данного вопроса.

Как уже подчеркивалось выше, структуры национального государства, унаследованные нацистами от Веймарской республики, продолжали развиваться. Для многих представителей бюрократического аппарата по крайней мере первые годы существования нацистского режима были опьяняющим периодом освобождения от оков парламентаризма. С образованием Третьего рейха возникла возможность претворить в жизнь эксперименты по созданию национального государства, начатые в период Веймарской республики. Однако данная книга является также и результатом знакомства с негативным опытом. Ее автор отказался от упрощенного взгляда на взаимоотношения нацизма и технократии, предложенного такими исследователями, как Али и Рот. Изучение статистики в качестве инфраструктуры современной власти по-своему увлекательно. Такой анализ позволяет по-новому взглянуть на деятельность государства. Он также дает возможность открыть новые параллели и ощутить преемственность во времени и пространстве между, на первый взгляд, совершенно различными режимами. Но такой подход также чреват и определенными интеллектуальными рисками — рисками, которые отчетливо проявились в работе Али и Рота.

Во-первых, существует проблема критического восприятия. Как правило, государства пытаются создать для внешнего мира представление о своей монолитности. При этом всегда есть

большой соблазн принять такой образ за чистую монету, особенно в том случае, когда хочется обосновать важность истории администрирования и технического развития для понимания общей истории. Так, например, Али и Рот проявили поразительное отсутствие критичности в вопросе о технологических достижениях технократии нацистского режима. Правда, у них практически и не было мотивации быть критичными. В конечном счете их цель состояла в том, чтобы предостеречь нас от опасности, которую в век электронной обработки базы данных представляет собой статистика. Тогда почему же не предоставить слово самим нацистским технократам и не дать им возможность высказать обвинения в собственный адрес? Их смелые заявления о том, что они создали работающую систему всеобщего надзора, являются тем самым доказательством, которое пытаются найти Али и Рот.

Однако в результате исследование этих авторов оказалось неглубокой и политизированной интерпретацией истории Третьего рейха. Эта книга, напротив, является попыткой дать реалистичную оценку вклада экономической статистики в функционирование нацистского режима. Не исключено, что Имперское статистическое управление и выглядело монолитным, но за фасадом скрывалось огромное множество самых противоречивых точек зрения относительно будущего статистической науки. Результатом этого стал полный развал всей деятельности Статистического управления. Одна за другой возникали бюрократические инициативы, создавшие такую информационную систему, которая была совершенно не способна удовлетворить потребности экономического администрирования в условиях военного времени. Наименее успешной из этих инициатив была грандиозная схема по установлению тоталитарного надзора за гражданами. Именно на этом проекте концентрируют внимание Али и Рот. В фокусе их исследования оказались наиболее зловещие технократические инициативы, в результате чего они неверно истолковали роль германских статистиков в функционировании нацистского режима. Ближе к окончанию войны возможности идеологов тоталитарного надзора резко уменьшились. И только статистический аппарат, созданный еще в Веймарской республике, в действительности

оказывал поддержку нацистам в военных действиях. Али и Рот не смогли осознать этого факта, поскольку пропаганду технократического тоталитаризма они приняли за чистую монету.

Работа Али и Рота, помимо отсутствия в ней критического осмысления, имеет и другие недостатки. Фундаментальная проблема авторов — это их технологический детерминизм. Альянс между Имперским статистическим управлением и Третьим рейхом рассматривается не как непредвиденное последствие кризиса германского государства, а, скорее, как неизбежный результат дегуманизирующей логики статистических технологий. Такой подход, в свою очередь, подкрепляет упрощенное представление авторов о ФРГ как о непосредственной преемнице Третьего рейха. Если каждая форма социального дискурса, выраженного в цифровом виде, является дегуманизирующей и тиранической по самой своей природе, то тогда не так важно, в какой политической и правовой среде она существует¹⁰¹. Как следует из рассуждений Али и Рота, статистики Веймарской республики, Третьего рейха и ФРГ преследовали одинаковые цели. Статистическое управление ФРГ в Висбадене — это безобидный центр социальной администрации. Однако, согласно Али и Роту, это учреждение выполняло зловещую функцию, служа укрытием для ученых-расистов Третьего рейха и их интеллектуальных преемников.

Изображая ФРГ, Али и Рот в логике своей аргументации доходят до абсурда. В действительности такая тенденция к детерминизму присуща практически любому исследованию государственных технологий, таких как статистика. Ведь и этот вступительный раздел начинался в таком же ключе: общепринятые различия были размыты, акцент делался на том, чтобы рассматривать развитие современной экономической науки как взаимосвязанный процесс, растянувшийся более чем на полвека и охвативший огромное количество стран. Однако в отличие от Али и Рота автор этой книги настаивает на не-

¹⁰¹ С жесткой критикой излишне детерминистского подхода к изучению социальной политики Третьего рейха выступил в своей работе Д. Пойкерт. См.: D. Peukert 'Zur Erforschung der Sozialpolitik im Dritten Reich', in H.-U. Otto and H. Sünker (eds.), *Soziale Arbeit und Faschismus* (Frankfurt, 1989), p. 39.

обходимости дифференцированного подхода. Статистические системы, которые разрабатывались в нацистской Германии, в СССР, Скандинавии, Нидерландах, Великобритании и США, в действительности были во многом похожими. Общими у них были определенные интеллектуальные корни, определенные технологические предпосылки. В какой-то момент все эти системы начали одновременно развиваться.

Но это совсем не означает, что они были идентичными. Они отличались друг от друга в техническом отношении. Еще более фундаментальное различие состояло в их отношении к политике. Наиболее негативным побочным эффектом технологического детерминизма является тот факт, что его сторонники не могут серьезно трактовать политические вопросы. Они могут сделать необоснованные выводы, подобно Али и Роту, которые отождествляют Третий рейх и Федеративную республику только потому, что обе эти системы использовали некоторые общие административные практики. Такой упрощенный подход напоминает самые примитивные тезисы марксизма. В данной же книге, наоборот, будет показано, как развитие новых форм экономического знания в межвоенные десятилетия происходило одновременно с жаркими спорами по поводу соответствующей политической и правовой парадигмы экономического управления. В Германии эти споры принимали самые крайние формы, вследствие чего изучение Третьего рейха имеет особое значение. Такое исследование способствует обнаружению потенциала, заложенного в общих технологиях экономического знания в тех случаях, когда это знание сочетается со специфической расистской разновидностью коллективизма.

1. Официальная статистика и кризис государства эпохи Вильгельма II

В мае 1900 года Имперское статистическое управление империи Вильгельма II наконец завершило свою работу над первой важной публикацией XX века — книгой под амбициозным названием «Германская национальная экономика в конце XIX века»¹. Эта книга была посвящена веку беспрецедентного экономического и социального развития и была приурочена к столетней годовщине существования государственной германской статистики — прусское статистическое бюро было основано в 1805 году. Появление Имперского статистического управления (*Kaiserliches Statistisches Amt*, KSA) восходит к 1872 году. В частности, в этом памятном издании было использовано много данных последней крупномасштабной переписи XIX века — профессионально-промышленной переписи 1895 года, которая явилась самым подробным общенациональным исследованием, когда-либо ранее проводившимся в Германии. Данная памятная книга была написана в отчетливо националистической тональности, и в предисловии почетное место отводилось Его Императорскому Высочеству кайзеру Вильгельму II. Кайзер, в свою очередь, назвал перепись 1895 года «выдающимся достижением, которое в этой области намного опередило статистическую деятельность других стран, как по своей полноте, так и по точности». Однако огромный

¹ *Kaiserliches Statistisches Amt (KSA), Die Deutsche Volkswirtschaft am Schlusse des 19. Jahrhunderts. Auf Grund der Ergebnisse der Berufs- und Betriebszählung von 1895 und nach anderen Quellen* (Berlin, 1900).

объем информации, содержащийся в 18-томной переписи, погасил живой интерес даже самого кайзера. Кайзер и рейхстаг потребовали, чтобы материалы переписи были представлены в компактной популярной форме — тогда появлялась надежда, «что результаты смогут быть полезными для широкой публики»². Статистическое управление с радостью повиновалось. На самом деле директор управления, Ханс фон Шиль, сделал даже то, о чем его и не просили³. Он поставил перед собой задачу собрать воедино «все данные, которые немецкая статистика должна представить для оценки нашей национальной экономики». В результате появился том объемом в 220 страниц текста и таблиц, в котором в кратком виде была отражена вся статистика экономики Германии.

«Германская национальная экономика» состояла из пяти крупных разделов, которые позволяют хорошо ознакомиться с официальными данными по немецкой экономике. В разделе 1 рассматривается население в качестве экономической силы. На основе данных, которые приводятся по профессионально-промышленной переписи 1895 года, можно проследить разделение труда в национальной экономике. Следующие три раздела посвящены сельскому хозяйству, промышленности и торговле, что соответствует классическому разделению экономической деятельности. В 1895 году большая часть трудовых ресурсов Германии была сосредоточена в аграрном секторе. Именно об этом секторе экономики официальная германская статистика имела наиболее подробную информацию. Периодически собирались данные о землепользовании; ежегодно делались оценки урожая; проводилась перепись скота; состав-

² KSA, *Die Deutsche Volkswirtschaft*, p. iii.

³ Ханс фон Шиль (1839–1901) до переезда в Берлин был профессором экономики, финансов и статистики Бернского университета. Его преимущественно интересовали вопросы социальной политики. В 1877 г. он начал работать в Статистическом управлении, а в 1891 г. был назначен его директором. Он сыграл ведущую роль в стимулировании сбора статистики труда для Рейха. О его экономических взглядах см.: H. von Scheel, 'Die politische ökonomie als Wissenschaft', *Handbuch der Politischen Ökonomie*, ed. G. von Schönberg (Tübingen, 1896, 4th edn.), I, pp. 77–118. Он причислял себя к «реформистскому, антисмитовскому» мейнстриму немецкой экономической науки.

лялись обзоры по сельскохозяйственной технике; кроме того, регулярно собиралась информация о ценах на сельскохозяйственную продукцию. Таким образом, была возможность описать экономику сельского хозяйства в целом.

Совершенно иначе обстояли дела со статистикой торговли и промышленности — имевшаяся информация была весьма скудной. На порядок более важным источником были профессионально-промысловые переписи (*Betriebszählungen*) 1882 и 1895 годов. В результате этих переписей были получены всесторонние обзоры германской торговли и промышленности, в которых предприятия были разнесены как минимум по 300 областям. В переписях также содержалась информация о социальном составе трудовых ресурсов. Согласно упрощенному представлению о немецкой классовой структуре население разделялось на три группы: работодатели, белые воротнички и синие воротнички, то есть рабочие ручного труда. Затем население классифицировалось по полу и возрасту. Особое внимание уделялось использованию на рабочих местах механических орудий труда.

Однако в отличие от обзоров по сельскому хозяйству в переписи не содержалось информации ни о стоимости произведенных продуктов, ни об объемах их производства. Единственные представленные в обзоре данные о производстве были получены косвенным образом, на основе документации по акцизным сборам за пиво, бренди, соль, сахар, крахмал и табак. Однако эти отрасли вряд ли являлись определяющими в германской промышленности. Чтобы получить информацию о более важных отраслях, таких как горнодобывающая промышленность, черная металлургия, текстильная и бумажная промышленность, официальным статистикам приходилось прибегать к неофициальным источникам. Некоторые более организованные торговые ассоциации публиковали ежегодные отчеты. Наиболее полную информацию об экономической деятельности (помимо сельского хозяйства) можно было получить на основе данных об импортных и экспортных операциях. Количество и стоимость импортируемых и экспортируемых германских товаров начали фиксироваться лишь в 1879 году. Эти данные, пусть и косвенным образом, давали представление о структуре промышленности и о паттер-

не промышленного развития, зависящего от импорта продуктов питания и сырья. С помощью этих цифр можно было проводить сравнение между паттернами торговли в Германии и в других странах. Однако, поскольку отсутствовали данные об объеме валового внутреннего продукта, невозможно было оценить значение зарубежной торговли в целом.

Несмотря на ограниченность источников, «Германская национальная экономика» рисовала достаточно впечатляющую картину. Население Германии выросло с 41 миллиона в 1871 году до 56 миллионов в 1900 году, однако обеспечение жизненно необходимыми товарами увеличивалось еще быстрее. Вне всяких сомнений Германия богатела. Однако в отчетах имперских статистиков звучали ноты беспокойства. В то время как население страны возросло, размеры территории Рейха не увеличились. Статистики отмечали, что, по сравнению с Францией, Германия была заселена намного более плотно — это весьма показательный факт. Высокая концентрация населения была не только источником силы, но и источником уязвимости. В такой густо заселенной стране нельзя было допустить инакомыслия. По словам официальных статистиков, растущее население Германии может быть обеспечено только с помощью «дисциплинированного труда [strenge Arbeit] и крепкого сплочения [fester Zusammenschluss] экономических сил». Это было плохо завуалированным предупреждением сторонникам классово-борьбы⁴. Постоянной темой стало единство национальной экономики. Под предлогом «экономии места» Статистическое управление в этой книге не проводило сравнительного анализа состояния земель, входящих в Рейх. Кроме того, статистики старались не замечать серьезные расхождения между католической и протестантской Германией. Фактически взаимоотношение между религией и экономической деятельностью даже не рассматривалось, поскольку считалось, что этот вопрос не заслуживает более глубокого исследования, по крайней мере пока речь шла о христианских течениях⁵. Известно, что Макс Вебер придерживался иной точки зрения.

⁴ KSA, *Die Deutsche Volkswirtschaft*, p. 3.

⁵ *Ibid.*, p. 18.

Эта книга, приуроченная к столетней годовщине существования германской статистики и одобренная кайзером, с ее призывом к национальному единству и идеологическими выводами, отчетливо адресовалась националистической аудитории. Таким образом, она отвечала современным запросам. И все же картина германской экономики, представленная в ней официальными статистиками, была удивительно архаичной. В этой работе мы не увидим знакомого нам образа Германии — промышленной державы, имеющей гигантские корпорации и «великие банки». Имперские статистики изображали немецкую экономику маломасштабной, состоящей преимущественно из ремесленных цехов и компаний среднего размера. Согласно «Германской национальной экономике», в конце XIX века движущими силами производства продолжали быть земля и трудовые ресурсы. И эти силы находились в управлении как минимум пяти миллионов независимых предпринимателей, занимавшихся бизнесом самых различных форм и размеров. В торговле и промышленности более 60% трудовых ресурсов работали на мелких и средних предприятиях и только 5% — на действительно «гигантских заводах», насчитывавших в своем составе более 1000 работников. Единственными отраслями промышленности, в которых наблюдалась истинная социальная поляризация, были горнодобывающая отрасль, а также черная металлургия. Имперские статистики как будто не замечали крупномасштабные промышленность и торговлю. О промышленных гигантах Германии не было никакого упоминания. Точно так же в качестве независимой экономической силы не рассматривался и капитал. В работе не упоминались и такие мощные аккумуляторы капитала, как берлинские банки, страховые фонды и сберегательные банки. Более чем скромная роль отводилась и всем видам технологий — второму источнику развития промышленности. Согласно официальной статистике, паровые двигатели в качестве главного источника энергии в экономике потеснили мельницы лишь в 1895 году. На «моторах» разных типов работало только 6% производственных предприятий, причем большая их часть приходилась на мукомольную отрасль.

Цель данной главы состоит в том, чтобы показать, каким образом в первые два десятилетия XX века было разрушено такое

традиционное представление о германской экономике, а вместе с ним — и поддерживающая его статистическая система. К 1918 году статистический аппарат вильгельмовской империи находился в плачевном состоянии. Прекратилось проведение переписей, которые составляли основу рассмотренного выше памятного труда. Еще до 1914 года обнаружились проблемы с организацией статистической работы. Статистики имперской Германии подвергались критике за их архаизм. Однако развитие официальной экономической науки сдерживалось мощными факторами. Процессу радикальных перемен суждено было наступить лишь под влиянием трагических событий Первой мировой войны. В послевоенные годы германские официальные статистики ощутили на себе новые требования, связанные с наступлением эпохи промышленного капитализма. Это означало, что пришло время для разработки новых технологий. Кроме того, было необходимо совершить концептуальный поворот от ремесленной модели экономики к модели, ядром которой были капиталистические корпорации.

I

Выпуск памятного издания в 1900 году ознаменовал собой переходный момент в истории Германии. На рубеже веков часть населения страны, так или иначе имевшая отношение к политике, оказалась вовлеченной в бурные споры по поводу будущего общественно-экономического строя Германии⁶. Было ли Германии уготовано стать урбанизированным промышленным государством? Были ли обречены на отмирание традиционные сословия? Существовала ли согласно предсказаниям марксизма альтернатива дальнейшему развитию капитализма? В эти дебаты были втянуты все политические партии, от самых правых до крайних левых, а также ученые, журналисты, политики и гражданские служащие всех видов и мастей. Развитие германской официальной статистики невозможно понять вне контекста этой разношерстной интеллектуальной и политической

⁶ K. D. Barkin, *The Controversy Over German Industrialization 1890–1902* (Chicago 1970).

среды. Государственная статистика вполне целенаправленно появилась как вмешательство в эти дебаты. Поэтому для того, чтобы понять, что лежало в основе концептуальной структуры официальной статистики германского государства периода правления Вильгельма, мы должны выяснить, каким образом происходило это вмешательство и как оно принималось. Кроме того, анализ этих дебатов поможет выявить факторы, спровоцировавшие процесс изменений.

Традиционно консерваторы полагали, что народная основа социальной стабильности заложена в среднем классе (Mittelstand), то есть в среде мелкого и среднего крестьянства, а также в традиционном сословии профессиональных самозанятых ремесленников. Разумеется, «Германская национальная экономика» вполне соответствовала этому представлению. Имперские статистики прославляли традиционный социальный порядок, в основе которого лежали незыблемые интересы аграриев и представителей среднего класса. Крестьяне составляли опору нации и являлись бенефициарами политики тарифного протекционизма. Кроме того, как выяснили статистики, крестьянское сословие являлось растущей социальной группой. Переписи также свидетельствовали и о прочном положении ремесленного сословия, представители которого считались выразителями независимости и высоких ценностей ремесленного труда. Естественно, Империя также была их другом. Уставные документы ремесленных цехов и новые правила регулирования торговых гильдий должны были бы способствовать тому, чтобы их драгоценные традиции и далее сохранялись.

Однако к концу века риторика традиционалистов начала утрачивать свой пыл. Даже император, все больше и больше занимавшийся политическими вопросами, начал осознавать, насколько трудно стало противостоять соблазнам, которые сулили динамичная торговля и новомодные промышленные технологии. При более глубоком анализе становится понятным, что предоставление государством «социальной защиты» оказалось в большой степени упражнением в пропаганде. Пошлины на импорт сельскохозяйственной продукции оставались весьма умеренными, что позволило Дэвиду Блэкбурну назвать протекционные меры, предназначенные для сословия ремес-

ленников, «показухой»⁷. Аппарат германского государства предоставлял значительную поддержку развитию промышленности и торговли, особенно на местном уровне⁸. В этом отношении, название издания, охватывавшего период в 100 лет, было вполне подходящим. В нем отразилось не только начало XX века, но и окончание XIX века.

Еще в 1890-е годы в течение какого-то времени Вильгельм II заигрывал с идеей «социального империализма» — альянсом между империей и пролетариатом. Одним из немногих закрепившихся результатов этого недолгого «нового курса» явилось создание Комиссии по статистике труда⁹. В 1902 году эта комиссия была преобразована в отдельный департамент Статистического управления. Однако его развитие замедлялось вследствие отказа Рейха и Пруссии признать стремительно растущие немецкие профсоюзы. Показательно, что результаты разработок этой комиссии вообще не вошли в памятное издание книги о германской экономике. К концу 1890-х годов имперское правительство начало поддерживать более агрессивные анти-социалистические идеи. Однако империя, которая отказалась от жестких политических мер, нуждалась в широкой социальной базе. В каких слоях следовало искать социальный противовес рабочему классу? Только твердолобый консерватор мог бы считать средний класс последним бастионом здорового общественного порядка.

Более реалистичные идеи были выдвинуты Густавом фон Шмоллером, берлинским профессором экономики, который, безусловно, считался одним из самых влиятельных экономистов эпохи Вильгельма. В 1897 году в качестве новой базы для стабильности Шмоллер предложил так называемый новый средний класс (*neuer Mittelstand*) — армию белых воротничков, то есть служащих, получавших ежемесячную зарплату и работавших в офисах

⁷ D. Blackbourn, *Fontana History of Germany 1780–1918. The Long Nineteenth Century* (London, 1997), pp. 313–350.

⁸ G. Steinmetz, *Regulating the Social. The Welfare State and Local Politics in Imperial Germany* (Princeton, 1993) и G. Herrigel, *Industrial Constructions. The Sources of German Industrial Power* (Cambridge, 1996).

⁹ Н.-J. von Berlepsch, *‘Neuer Kurs’ im Kaiserreich? Die Arbeiterpolitik des Freiherrn von Berlepsch 1890 bis 1896* (Bonn, 1987), pp. 200–205.

крупных предприятий и в государственных офисах¹⁰. В отличие от прежних ремесленников и крестьян, класс белых воротничков сам являлся продуктом развития современной промышленности и торговли. Таким образом, процесс экономического развития создал противовес пролетариату.

Повторим: памятное издание появилось в переходный момент. В этой книге новые идеи Шмоллера никак не прозвучали. Класс служащих — белых воротничков описывался в ней как не представляющая особой важности социальная группа, ограниченная теми областями промышленности, в которых работало большое количество специалистов-техников¹¹. Фактически вместо того, чтобы рассматривать белых воротничков как отдельный промежуточный класс, официальные статистики объединяли их в одну группу с рабочими, косвенным образом противопоставляя их классу работодателей. Спустя несколько лет идеям Шмоллера было суждено стать основным принципом официального социологического анализа¹². В 1907 году в последней большой переписи вильгельмовской Германии средний класс (*Mittelstand*) уже занимал центральное место. Статистик Фридрих Цан нес основную ответственность за проведение переписей 1895 и 1907 годов. Без всяких сомнений, Цана можно назвать пропагандистом вильгельмовского режима. Он приобрел некоторую известность как ярый защитник сначала программы строительства флота фон Тирпица, а затем фискальной реформы, принятой Рейхом в 1909 году¹³. Сравнивая результаты переписей 1895 и 1907 годов, Цан с огромной радостью заявил:

¹⁰ G. von Schmoller, 'Was verstehen wir unter dem Mittelstand?', *Verhandlungen des 8 evangelischen Kongresses* (Göttingen, 1897), цитируется в: J. Feig, 'Deutschlands gewerbliche Entwicklung seit dem Jahre 1882', *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, 56 (1900), p. 665.

¹¹ KSA, *Die Deutsche Volkswirtschaft*, p. 83.

¹² KSA, *Statistik des Deutschen Reichs*, 211, *Berufs und Betriebszählung vom 12. Juni 1907. Berufsstatistik Abteilung X, Die berufliche und soziale Gliederung des deutschen Volkes* (Berlin, 1913), pp. 169–175.

¹³ BHStA MInn 79425, Präs KSA to the Staatssekretär des Innern 8.12.1905, pp. 2–3 и BHStA MInn 79425, 30. Protokoll der Sitzung des Steuerausschusses vom 13.2.1909. Entwurf eines gewerbesteuergesetzes 1. Lesung.

Быстрыми темпами и с большим размахом происходит возникновение среднего слоя между бизнесменами и мелкими самозанятыми ремесленниками с одной стороны и рабочими с другой стороны. <...> Эффект концентрации промышленности в руках независимых производителей находит противовес в быстром появлении слоя технически и коммерчески подготовленных работников (Beamten)¹⁴.

В отличие от среднего класса, рост рабочего класса в период между 1895 и 1907 годами происходил медленнее, чем ожидалось. Согласно данным государственной статистики Германии, развитие капитализма привело не к безусловному доминированию пролетариата, а к появлению хорошо организованной корпоративной экономики, движение которой направлялось новым классом «интеллектуальных работников», получавших ежемесячную заработную плату.

Таким образом, Шмоллер создал оптимистическую и тем самым удобную для государства модель официального социологического анализа. Другие исследователи в этой области были не столь лояльны. В частности, более молодое поколение немецких экономистов увлекалось учением Маркса. Публикация в 1894 году последнего тома «Капитала» подогрело интерес ученых к Марксу во всех центральноевропейских странах¹⁵. Для целого поколения экономистов, включая братьев Веберов, Вернера Зомбарта, Йозефа Шумпетера и многих других, Маркс узаконил капитализм в качестве главного объекта экономического анализа. Макс Вебер, Вернер Зомбарт и Эдгар Яффе посвятили вышедший в 1903 году номер журнала «Архив социальных наук и социальной политики» (*Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik*) «историческому и теоретическому анализу культурного значения капитализма».

Это поколение исследователей не испытывало ни малейших сомнений в том, что главными движущими силами современного экономического развития были расширение рынка и рациональное накопление капитала. В XIX веке погоня

¹⁴ *Statistik des Deutschen Reichs*, 211, p. 278.

¹⁵ D. Lindenlaub, *Richtungskämpfe im Verein für Sozialpolitik. Wissenschaft und Sozialpolitik im Kaiserreich* (Wiesbaden, 1967), pp. 272–375.

за прибылью нашла новые точки соприкосновения с развитием технологии и бюрократического аппарата. Рядом с махиной современной государственной машины появилась гигантская капиталистическая корпорация, и это зрелище не только воодушевляло на анализ и критическое осмысление, но и приводило в восхищение и восторг, а также рисовало фантастические картины будущего. Макс Вебер предсказывал пришествие новой эры бюрократической рационализации, как капиталистической, так и социалистической. Зомбарт в отличие от него исповедовал более традиционную теорию поэтапного развития, определяя «развитый капитализм» как переходную фазу на пути эволюции к социализму¹⁶. Все больший размах капиталистического производства и обезличенность отношений собственности проложили дорогу для социализации. Однако если эпохе капитализма и суждено было закончиться, то был ли прав Маркс, предсказывая, что завершением ее будет апокалиптический кризис? А если на смену капитализму должен прийти социализм, то в какой форме?

Ответы на эти вопросы вызвали существенные разногласия, причем не только между «буржуазными» авторами, таким как Вебер и Зомбарт. В конце 1890-х годов интеллектуальная обстановка внутри самой Социал-демократической партии Германии (СДПГ) оставалась беспокойной, поскольку партия была втянута в дебаты по поводу «ревизионизма». В 1880-е годы лидеры партии, пользовавшиеся поддержкой уже немолодого Фридриха Энгельса, исходили из предположения, что кризис капитализма неизбежен¹⁷. Такая возможность представлялась вполне реальной, особенно в свете затянувшейся депрессии доходов и цен, которая начала проявляться в экономике различных европейских стран с начала 1870-х годов. Казалось, что эпоха капитализма обречена на скорую гибель.

¹⁶ F. Lenger, *Werner Sombart 1863–1941* (Munich, 1994), pp. 78–110.

¹⁷ R. Walther, “...aber nach der Sündflut kommen wir und nur wir” “Zusammenbruchstheorie”, *Marxismus und politisches Defizit in der SPD, 1890–1914* (Frankfurt, 1981) и F. R. Hansen, *The Breakdown of Capitalism. A History of the Idea in Western Marxism, 1883–1983* (London, 1985), pp. 32–67.

Вместо этого в 1890-е годы мировая экономика вступила в период небывалого роста, и Германия заняла в этом процессе лидирующие позиции. Такие новые технологии, как электротехника и химия синтетических материалов, сулили начало второй промышленной революции. Германия становилась международной экономической державой. И все же в разгар капиталистической *belle époque* СДПГ как политическое движение была на подъеме. После прекращения политических преследований периода Бисмарка Социал-демократическая партия имела неожиданный успех на выборах. Партия стала самой популярной политической силой в вильгельмовской Германии. Именно эти «новые реальности» заставили изгнанного из Германии журналиста-социалиста Эдуарда Бернштейна выступить с призывом к фундаментальной ревизии партийной доктрины¹⁸. Капитализм не двигался к неминуемому концу. Капитал не просто накапливался в руках горстки людей за счет большинства населения. Напротив, все большее число мелких и средних предпринимателей увеличивали размеры собственности. Квалифицированные рабочие жили в неслыханном ранее довольстве. Экономическое развитие вело не к поляризации и упрощению структуры общества, а создавало сложную социальную и экономическую систему. Фантазии о скором всеобщем обобществлении собственности выглядели не только нереальными, но и безответственными. Вместо того чтобы заикливаться на окончательной цели — социализме, партии следовало бы сконцентрировать усилия на использовании своей новой политической мощи и приступить к проведению реформ. Эти призывы вызвали самые жаркие дебаты в социалистической прессе и на партийной конференции, проходившей в Штутгарте в 1898 году. Для партийного руководства во главе с Каутским неожиданным оказались яростные атаки на Бернштейна со стороны Розы Люксембург и Александра Гельфанда (Парвуса). Между Бернштейном и его оппонентами существовали глубокие философские различия. Однако главное место занимал вопрос об оценке состояния капитализма в Гер-

¹⁸ Tudor, *Marxism and Social Democracy. The Revisionist Debate 1896–1898* (Cambridge, 1988) и P. Gay, *The Dilemma of Democratic Socialism. Eduard Bernstein's Challenge to Marx* (New York, 1952), pp. 157–212.

мании. В то время как Бернштейн в самых радужных красках рисовал картину неуклонного прогресса, Парвус настаивал на том, что на самом деле реальность — это концентрация капитала и обнищание большей части населения страны. Роза Люксембург же утверждала, что предотвратить крах капитализма может только империалистическая экспансия. Окончательный кризис казался неизбежным.

Для данной книги важность этих классических дебатов заключается в том, что во время них были сформулированы эмпирические вопросы. Пытаясь дать оценку состоянию германской экономики, участники дебатов получили возможность ссылаться только на безобидные данные, предоставляемые Имперским статистическим управлением. В результате прозвучал ряд интереснейших методологических критических замечаний, авторы которых обсуждали вильгельмовскую государственную статистику с точки зрения того, насколько эти данные могли охарактеризовать развивающиеся структуры германского капитализма.

В своей аргументации Эдуард Бернштейн опирался в основном на германскую и британскую государственную статистику¹⁹. Разумеется, он подкреплял свои идеи цифрами, однако при этом существовал еще и методологический аспект, который мы должны отметить. Для его критики развивавшегося марксистского ортодоксального учения особое значение имела необходимость эмпирической проверки. С точки зрения Бернштейна, анализ результатов германской переписи 1895 года, проведенный в партийной прессе, свидетельствовал о все большем нежелании «признавать факты». Данные по распределению рабочих мест были неверно истолкованы, причем преднамеренно. Сторонники ортодоксальных марксистских взглядов легко доказывали неизбежность концентрации капитала, рассматривая как «крупную» любую компанию, в которой работало более 50 человек. При такой трактовке мелкая буржуазия была обречена. Поляризация классовых взаимоотношений становилась неотвратимой. Однако, как старался доказать Бернштейн, на основе тех же самых данных можно было бы изобразить совершенно иную картину социального

¹⁹ E. Bernstein, *Evolutionary Socialism* (New York, 1961).

развития Германии. В отличие от имперских статистиков Бернштейн не ставил перед собой задачу преуменьшить степень развития современного капитализма. Самые крупные корпорации достигли феноменального уровня развития. Вне всякого сомнения, ремесленники и мелкие лавочники продолжали вытесняться из бизнеса. Но такая модель, основанная на дихотомии, не могла дать полной картины. Между этими противоположными полюсами располагалась зажиточная масса компаний среднего размера, которые счастливо жили среди гигантов. По данным 1895 года, компании, в которых работало от 6 до 200 человек, предоставляли не менее 40% рабочих мест. Непредвзятому исследователю официальная статистика позволяла увидеть гораздо более дифференцированную картину, чем того желали партийные идеологи. Главные критические замечания Бернштейна в адрес официальной статистики сводились к тому, что их отчеты были несвоевременными и фрагментарными. В частности, в них отсутствовала информация о накоплении капитала и о собственности. С 1900 года Статистическое управление действительно начало отражать информацию о депозитах в сберегательных банках Германии — самой распространенной форме накопления капитала. Затем, в 1906 году, в ответ на оживление дебатов, посвященных крупномасштабным финансовым операциям, Статистическое управление начало регистрацию всех германских компаний, которые выпускали акции или обладали статусом компаний с ограниченной ответственностью. Таким образом, надежда на то, что реформы будут проведены, коснулась и области статистики.

Манера Бернштейна обращаться с официальными данными казалась его критикам слева, особенно Парвусу и Люксембург, ужасающе «ненаучной». Он мог делать свои выводы только воспринимая официальную идеологию за чистую монету:

Бернштейн <...> забыл, что отношения, отражаемые в официальной статистике, носят чисто формальный и абстрактный характер и поэтому статистические данные дают в лучшем случае неполную картину тех отношений, которые в действительности существуют в буржуазном обществе. Статистика может предоставить полезные материалы для социального и экономического анализа только

в том случае, если полученные данные интерпретируются с точки зрения социальной и экономической реальности. Короче говоря, Бернштейн попал в ловушку «формализма». Он ошибочно принял внешние проявления за реальность, форму за содержание²⁰.

Для того чтобы продемонстрировать ошибочное восприятие статистики Бернштейном, Парвус воспользовался следующим примером. Одной из отраслей промышленности, обогатившейся в результате экономического подъема 1890-х годов, было кораблестроение. Германские верфи начали представлять серьезную угрозу для мирового господства Великобритании²¹. В результате, как следовало знать любому истинному социалисту, в северных портовых городах — в Гамбурге и Бремене — наблюдалось необычайное скопление капитала и труда. Такая компания, как Blom + Foss GmbH, собрала тысячи рабочих для строительства гигантских кораблей. Тем самым она создала городской пролетариат, обеспечив Социал-демократическую партию самой надежной поддержкой. Однако, согласно официальной статистике, германское кораблестроение представляло собой типичный пример процветания среднего класса. По результатам переписи 1895 года, на более чем 1000 компаний трудился 22 731 рабочий, то есть на одного работодателя приходилось чуть больше 20 рабочих. По словам Парвуса, эти цифры совсем не отражали динамику, наблюдавшуюся в данном секторе: «...статистическая картина затушевывается и начинает показывать только несколько сотен производителей барж и мелких судов, <...> Бернштейн видит только флот, состоящий из маленьких рыболовных судов, и не замечает огромную германскую флотилию с кораблями, бороздящими океаны»²². Таким образом, абстрактные статистические средние значения помешали зафиксировать сдвиг центра тяжести в экономике.

²⁰ Н. Tudor, приводит обзор взглядов Парвуса и Люксембург в: 'Introduction' to *Marxism and Social Democracy*, p. 20.

²¹ N. Ferguson, *Paper and Iron. Hamburg Business and German Politics in the Era of Inflation, 1897–1927* (Cambridge, 1995), pp. 31–92.

²² Parvus, "2. Further Forays into Occupational Statistics", *Sächsische Arbeiter-Zeitung*, 1 February, 1898, переиздано в: Tudor, *Marxism and Social Democracy*, pp. 177–181.

Критика искаженной картины социальной ситуации, представляемой официальными статистиками вильгельмовского государства, поступала не только от Гельфанда и Люксембург. Вернер Зомбарт в своем популярном описании экономической истории Германии в XIX веке также резко критиковал неадекватность официальных статистических данных²³. Он сосредоточил внимание на проблеме вытеснения ориентированного на потребности ремесленного производства всеобъемлющей системой капитализма, ориентированной на прибыль. Он полагал, что к концу XIX века в Германии не существовало ни одного сектора экономики, который не был затронут капиталистической практикой деловых отношений. Такие виды производств, как, например, швейные или мебельные, которые по результатам переписи выглядели как бастионы ремесленничества, фактически полностью управлялись торговыми капиталистами. Миллионы независимых предпринимателей, о существовании которых провозглашало Статистическое управление, на деле большей частью оказывались зависимыми субподрядчиками, «мелкими сошками в гигантском механизме капиталистической коммерции»²⁴. Даже если добавить к ним номинально независимых производителей, то получить представление о реальной структуре экономики все равно было невозможно. С юридической точки зрения само понятие «независимость» не имело никакого смысла. Поэтому и с точки зрения Зомбарта, «факты», в том виде, в котором они подавались и трактовались официальными статистиками, только искажали картину центральной динамики современного социального развития.

Макс Вебер, которому, безусловно, было что сказать по поводу этого методологического вопроса, никаких комментариев относительно официальной статистики не делал. Однако жесткая критика в стиле Вебера возникла в самих статистических кругах. Эта критика оказала самое непосредственное влияние на практику последующих переписей, проводимых в Германии.

²³ W. Sombart, *Die Deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert und im Anfang des 20. Jahrhunderts. Eine Einführung in die Nationalökonomie* (Berlin, 1927, 7th edn.), pp. 283–298.

²⁴ Sombart, *Die Deutsche Volkswirtschaft*, p. 286.

Рудольф Меерварт, выступивший с критическими замечаниями по вопросам статистики, впитал многие самые противоречивые тенденции, существовавшие в тот период. По образованию он был типичным либеральным экономистом, принадлежащим к так называемой исторической школе. Под руководством Луйо Brentano он защитил диссертацию, посвященную проблемам влияния закона об охране труда на условия жизни надомных работников²⁵. В 1906 году он поступил в Имперскую статистическую службу, где работал в отделе статистики труда, одновременно занимаясь обработкой результатов переписи 1907 года. В 1914 году Меерварт оставил службу в Рейхе и поступил на новую работу — в прусское статистическое бюро, совмещая ее с преподаванием в Техническом университете в Берлине.

Таким образом, Меерварт прошел такой же путь, что и большинство наиболее выдающихся германских статистиков XIX века, совмещая практическую деятельность официального статистика с академической работой. Однако в начале XX века становилось все труднее совмещать эти два мира, которые постепенно переставали взаимодействовать. В публикациях Меерварта постоянно звучит мысль о расширяющейся пропасти между официальной статистикой и интеллектуальными интересами более молодого поколения экономистов-теоретиков²⁶. Меерварт полагал, что этот разрыв наносит ущерб как экономической науке, так и государственной статистике. Экономисты-исследователи остались без адекватной эмпирической базы, а официальные статистики, занимавшиеся практической деятельностью, испытывали недостаток в понятной концепции. Используя неокантианский методологический язык, введенный Максом Вебером, Меерварт утверждал, что в основе всех статистических изысканий имплицитно или эксплицитно лежат идеальные типы — упрощенные модели, которые воплощают в себе наиболее характерные черты реальности, описываемые в утонченной и возвышенной форме²⁷.

²⁵ P. Quante, 'Rudolf Meerwarth zum Gedächtnis', *ASA*, 35 (1951), pp. 157–162.

²⁶ R. Meerwarth, 'Die Berufs- und Betriebszählung im Deutschen Reich vom 12. Juni 1907 und ihre Literatur', *Deutsches Statistisches Zentralblatt (DSZ)*, 5 (1913), pp. 97–106.

²⁷ R. Meerwarth, *Einleitung in die Wirtschaftsstatistik* (Jena, 1920), pp. 1–6.

Задача, которая стояла перед исследователями в области социальных наук, заключалась в том, чтобы выбрать для текущей ситуации наиболее подходящий идеальный тип и с полной уверенностью применять его на практике. Подобно многим экономистам своего поколения, Меерварт был убежден, что адекватное понимание современной экономики должно формироваться на основе идеальных типов капиталистических предприятий. Среди других ученых своего времени он выделялся тем, что ему удалось с большой степенью точности выявить провалы официальной статистики вильгельмовского государства. Меерварт продемонстрировал, что архаичный образ германской экономики, представленный Статистическим управлением в его памятном издании, появился не случайно и не был банальным украшательством, используемым в идеологических целях. В нем нашла отражение концепция экономической деятельности, согласно которой экономика Германии имела фундаментально ремесленный характер. Именно этой концепцией руководствовалась германская статистика при анализе состояния торговли и промышленности, начиная со времени своего появления в середине XIX века.

II

Для того чтобы понять, каким образом вильгельмовская статистическая система отображала идеальный тип ремесленника, нам необходимо вслед за Меервартом заглянуть в бюро официальной статистики и понаблюдать за его работой²⁸. Мы, в частности, должны познакомиться с главным аспектом работы статистиков в вильгельмовский период — организацией переписей рабочих мест и профессий. Переписи такого типа проводились в Германской империи в 1882, 1895 и 1907 годах. Вплоть до межвоенного периода эти комплексные опросы лежали в основе деятельности большинства профессиональных статистиков. Такие переписи являлись широкомасштабными проектами. Они охватывали миллионы домохозяйств и компаний, в их проведении участвовали целые армии переписчи-

²⁸ Далее следует изложение по работе: Meerwarth, *Einleitung*, pp. 6–83.

ков, сотни временных сотрудников, нанятых статистическим бюро для обработки миллионов ответов, а также огромное количество профессиональных статистиков. Это было чрезвычайно дорогостоящее мероприятие. Даже у германской системы, использовавшей в качестве счетчиков «добровольцев» из гражданских служащих, уходило на это миллионы марок²⁹. Переписи удалось провести благодаря совместным усилиям рейхстага и статистических бюро всех земель — членов федерации. Поэтому неудивительно, что эти переписи стали главной темой для обсуждения на статистических «саммитах», проводившихся ежегодно, начиная с 1890 года, для координации статистической работы в Рейхе.

Более того, в отличие от большинства других важных статистических систем, таких как торговая статистика, переписи представляли собой независимые статистические исследования и были отделены от всех других областей государственного администрирования. Важно отметить еще один фактор: статистики принимали все меры для того, чтобы эти данные не использовались налоговыми органами. Респондентов заверяли, что их ответы будут использованы исключительно «в целях статистики». Переписи находились под полным контролем профессиональных статистиков, поэтому полученные результаты отражали профессиональный взгляд на экономическую и социальную жизнь Германии.

Одновременный опрос о роде деятельности и о рабочих местах воспринимался как интегрированная система регистрации социальной и экономической структуры нации. Этот факт заслуживает отдельного комментария. В период правления Вильгельма официальные статистики не проводили четкого различия между «экономическим» и «социальным» аспектами жизни. Как будет показано ниже, это разделение отчетливо проявилось после Первой мировой войны, когда к практике

²⁹ Проведение переписи рабочих мест и специальностей в 1895 г. обошлось в целом в 3,6 млн марок. Для сравнения, во время переписи, проводимой в США в 1890-е гг., использовались более детализированные опросники, а работа переписчиков оплачивалась. В итоге эта перепись, в пересчете на марки, обошлась в 48 млн. См.: KSA, *Die Deutsche Volkswirtschaft*, p. 74.

государственной статистики начала применяться новая дисциплина экономической теории. В результате с одной стороны появилась отдельная система экономической статистики и с другой стороны произошло сближение между социальной и демографической статистикой. Однако это произошло лишь в 1920-е годы.

До Первой мировой войны в Статистическом управлении не было специального отдела экономической статистики. Ближе всего к собственно экономической статистике была статистика зарубежной торговли, однако этот раздел статистики занимался лишь некоторой обработкой административных записей, осуществляемых на германских таможенных постах. Социальные и экономические данные, то есть наиболее достоверные продукты «статистической науки», в переписях в самостоятельные группы не выделялись. Задача переписи профессий состояла в том, чтобы сопоставить разные виды деятельности с различными «социальными» переменными, такими как возраст, пол, семейное положение, религия и размер семьи. Опросники выдавались главам домохозяйств. В отличие от этого перепись рабочих мест была предназначена для работодателей, и ее целью был сбор информации о рабочих местах и об их технической оснащенности. Однако помимо этого регистрировалась и социальная структура рабочей силы. Работодатели сообщали о числе работников, занимавших самые разнообразные социальные «позиции», начиная с владельца и заканчивая неквалифицированными рабочими.

В конечном счете вся эта сложная структура переписи зависела от определения ее базовых объектов. Как в вильгельмовских переписях определялись понятия «род деятельности» и «рабочее место»? Отличительной чертой переписи профессий вильгельмовского периода является то, что в них было дано полное определение понятию «род деятельности». Каноническое определение было сформулировано дуайеном баварских статистиков, профессором фон Майром. По сути, Майр давал определение «роду занятий» в профессиональном смысле как «постоянное задание» (*dauernde Aufgabe*) работника, которое обуславливало «определенное закрепление его эко-

номического статуса»³⁰. В этом определении Майра устанавливалась неразрывная связь между родом деятельности и социальным статусом. Соответственно, при переписи профессий респондентов не просили указывать, чем конкретно они занимаются на данный момент. Им предлагалось указать, какой род занятий они считают для себя нормальным или правильным. Таким образом, в переписи отразилось статическое представление об экономике, согласно которому люди приобретали знания и умения в молодом возрасте, а затем делали карьеру и формировали свою социальную жизнь в рамках четко определенного рода деятельности.

Некоторые особенности переписи профессий обнаружили приверженность ее организаторов к концепции ремесленного характера экономики. В опросниках, равно как и в анализе ответов, не проводилось различия между родом деятельности отдельных работников и сферой, в которой они работали. Предполагалось, что род деятельности определяет и область деятельности. Все маляры-обойщики причислялись к одной профессии, независимо от того, были ли они самозанятыми или работали в отделе технического обслуживания гигантского промышленного предприятия. Классификация по отрасли экономической деятельности производилась только для лиц, которые не имели определенной специальности. В основе переписи лежало предположение о том, что большую часть населения можно было классифицировать согласно определенным навыкам и умениям того или иного ремесла. Из этого следовало, что экономику в целом можно описать как совокупность трудовых ресурсов, имеющих различную квалификацию. Именно так и трактовалась экономика в работе «Германская национальная экономика».

К началу XX века результаты, получаемые на основе такой концептуальной схемы, становились все менее и менее адекватными. В переписи 1907 года не менее 60% рабочей силы причислялось к недостаточно четко определяемым промыш-

³⁰ G. von Mayr, *Statistik und Bevölkerungslehre*, II, p. 133, цитируется в: BAP 39.01 10559, Grundsätze für die Aufstellung des Berufsverzeichnisses Anlage II. Entwurf B. (Meerwarth).

ленным категориям, например «полуквалифицированный работник, химическая промышленность». Ремесленная концепция профессий, основанная на определении навыков, все дальше отходила от реальностей трудовой жизни, вследствие чего переписи не создавали реалистичного представления о промышленной рабочей силе Германии. Квалифицированное меньшинство классифицировалось по ремеслам, независимо от сферы их деятельности. Большая часть трудовых ресурсов не вписывалась в такую иерархию ремесел и поэтому весьма приблизительно объединялась в группы по отраслям промышленности. В результате отсутствовали как четкое представление о профессиях, так и непосредственный подсчет работников по видам деятельности. Идея о том, что каждого человека можно соотнести с «соответствующей» профессией, вызывала ностальгию и поэтому была привлекательна, однако при таком походе складывалось совершенно неверное представление об опыте работы того или иного человека на момент проведения переписи³¹.

Такое же представление о ремесленном характере экономики лежало и в основе переписи рабочих мест. Первые переписи рабочих мест Второй империи были произведены в ходе подготовки торговых обзоров (*Gewerbezahlungen*) XIX века. Германские статистики упорно использовали термин «торговля» (*Gewerbe*) в древнем значении, невзирая на все большую неуместность этого термина применительно к современным секторам экономики. Главная цель этих обзоров состояла в том, чтобы собрать данные о стремительно увеличивающихся видах трудовой деятельности. При каждой последующей переписи германские статистики добавляли в классификацию все новые и новые профессии. Идеальная схема для получения информации о рабочих местах продолжала основываться на переписи ремесленных специальностей. В соответствии с определением рода деятельности согласно профессии имперские статистики в качестве основной единицы выделяли цех, то есть самодостаточную техническую производственную единицу. Благодаря такому определению, интегрированные промышленные пред-

³¹ Sombart, *Die Deutsche Volkswirtschaft*, pp. 424–425.

приятия считались просто объединением десятков, или даже сотен специализированных цехов. Цель переписи рабочих мест состояла в том, чтобы зафиксировать каждую единицу в этой сети цехов, а также отдельно подсчитать «реальные» производственные площадки. Владельцев просили указывать не просто основной вид деятельности своих предприятий, но отмечать каждую отдельную производственную единицу, находившуюся под их контролем.

Результаты, полученные при переписи рабочих мест путем использования схемы, которая была основана на учете ремесленных цехов, оказались столь же неоднозначными, как и данные, собранные в ходе переписи профессий. Подавляющее большинство предприятий в Германии было мелкими, и для них опрос по данной схеме не представлял особых проблем. Однако даже наиболее упорные защитники среднего класса вряд ли стали бы отрицать, что именно у этих компаний происходило снижение долей как выпуска производства, так и числа рабочих мест. Постепенно в Германии начинали доминировать промышленные предприятия среднего и крупного размера. Для них официальные опросники представляли непреодолимые сложности. Каким образом промышленная корпорация, имеющая сложную структуру, могла подразделять свою деятельность по отдельным цехам?

Если официальные статистики полагали, что организация производства определялась универсальной технической логикой, то это означало, что они совершенно не понимали реальностей современной промышленности. По словам Меерварта, даже предприятия среднего размера имели свою собственную, отличную от других предприятий, коммерческую и техническую организацию. На одном предприятии цеха могли быть тесно интегрированными и находиться под контролем одного расчетного отдела, на другом организационная структура могла строиться в соответствии с технологическим процессом. В крупных корпорациях различные направления производства или различные стадии одного и того же производственного процесса могли подчиняться различной организационной логике. Официальные опросники совершенно не учитывали эти нюансы. Предлагаемые ими схемы ответов принадлежали к ушедшей эпохе. Хозяевам

пивных предлагалось подавать отдельные декларации в тех случаях, когда они владели еще и магазином. Технологически развитые промышленные пивоварни предоставляли информацию по собственному усмотрению.

Таким образом, единообразие переписи рабочих мест, по сути, отсутствовало, что делало результаты неточными. При сравнении переписей 1895 и 1907 годов создается впечатление, что в структуре более крупных предприятий увеличилось количество объединенных «цехов». Согласно переписи 1895 года, в Германии насчитывалось 2 млн 109 тыс. предприятий и 2 млн 147 тыс. технологических единиц. В 1907 году сообщалось, что 2,9 млн предприятий контролировало в целом 3,45 млн технологических единиц. Однако, учитывая нечеткие указания при проведении переписей, было непонятно, отражают ли эти цифры «реальные» изменения, происходившие в экономической организации, или только изменения статистических процедур. Очевидным было только то, что данные за оба этих года в огромной степени недооценивают сложную структуру германской промышленности. Если серьезно воспринимать идею о подразделении промышленности на «технологические производственные единицы», то данные должны были бы свидетельствовать о гораздо большем количестве технологических единиц.

На конкретных примерах Меерварту удалось продемонстрировать, в какой степени эти технологические единицы были недоучтены. В германской промышленности по производству швейных машин существовало 25 средних предприятий, на которых работало по 200–500 рабочих. Из этих предприятий не менее двадцати трех заявило, что они являются едиными технологическими единицами. Фактически производство швейных машин в таком объеме предполагало не менее 10 полностью обособленных технологических операций. Тогда вместо 23 рабочих мест в переписи, согласно принятым критериям, должно было бы насчитываться как минимум 230! Правда, стоит отметить, что существовали и компании, которые всячески пытались удовлетворить требования статистического опроса. Меетварт сообщает о механико-инженерной компании, которая предоставила информацию по 15 отдельным

подразделениям, включая и блок душевых, в котором работало 4 человека. Однако в ситуации, когда четкие инструкции отсутствовали, данная компания направила свою дотошность не в то русло: при имевшейся детальной информации о структурных единицах не было представлено отдельных деклараций ни об отделе продаж, ни о конструкторском бюро.

По мнению Меерварта, на практике эти проблемы были неразрешимыми. Если бы было решено собирать информацию о технологических подразделениях предприятий, то для этого потребовалось бы составить сотни опросников для каждого конкретного случая. Кроме того, так или иначе, это не просто проблема практического воплощения. Разделение промышленности на мелкие технологические структуры затеняли то главное, что, по мнению Меерварта и многих его современников, характеризовало происходившие на их глазах изменения в экономике: возникновение капиталистической агломерации гигантских промышленных комплексов. Представление о германской экономике как об объединении огромного количества разношерстных крошечных цехов уже ушло в прошлое, даже если такой картину и можно с точностью изобразить. Старые категории переставали выполнять свою функцию, поскольку они находились в полном противоречии с доминирующими тенденциями экономического развития. Для того чтобы понять современную экономику, требовалось выработать новый идеальный тип современного капитализма.

III

Критика, с которой Меерварт выступил против официальной статистики, была глубокой, но односторонней. С его точки зрения, проблемы германской экономической статистики имели концептуальный характер. Нежелание официальных статистиков отказаться от идеи о том, что германская экономика представляла собой идеальный ремесленный тип экономики, объясняло их неспособность адекватно фиксировать экономическую действительность. Однако Меерварту нечего было сказать о материальных препятствиях, мешавших созданию более адекватной системы статистики. Ведь в конечном счете если

предметом статистического исследования была капиталистическая экономика, то сама по себе напрашивалась мысль о том, что этот объект было необходимо изучать. Имперское статистическое управление входило в состав государственного бюрократического аппарата вильгельмовской Германии. Каким образом этот государственный аппарат соотносился с капиталистической экономикой? Являлся ли он независимой силой или пользовался лишь относительной степенью автономии? Меерварт и сам убедился, что понимание этих реальных ограничений чрезвычайно важно, как для осознания специфической структуры вильгельмовской официальной статистики, так и для преодоления препятствий, которые могли помешать проведению реформ.

Прежде всего, позволят ли капиталисты, стремящиеся к прибыли, чтобы их дела инспектировали официальные статистики? На основе прошлого опыта было мало поводов для оптимизма. Германские торговцы и купцы трепетно охраняли свои секреты³². В течение XIX века официальные статистики научились ограничиваться вопросами, касавшимися нейтральных областей. Обосновывая такой подход, они занимали достаточно искусственную либеральную позицию. Если государство признавало право своих граждан свободно заниматься бизнесом, официальным статистикам не следовало интересоваться не предназначенными для чужих глаз аспектами их деятельности. Если на респондентов начать давить, то они просто не дадут правдивых ответов. Таким образом, излишне подробные вопросы стали рассматриваться как порочная статистическая практика. Ведь в конечном счете предполагалось, что надежная статистика основывается на особых доверительных отношениях между гражданами и преданными своему делу государственными статистическими органами. К концу XIX века установление таких доверительных, как казалось, отношений стало главной заботой официальных статистиков. Это подкрепляло их притязания на то, чтобы занять особое положение в государственном аппарате, в частности по отношению к военным

³² W. Sombart, *Der moderne Kapitalismus* (Munich, 1927a), 3, 2, pp. 60–61, 411–414.

администраторам, занимающимся призывом в армию, а также к налоговым чиновникам. Однако эти взаимоотношения требовали определенных самоограничений.

Необходимость таких ограничений ярко проявилась в ходе борьбы по поводу статистики промышленного производства. После того как в 1879 году Германия вновь обратилась к идеям протекционизма, тарифная и торговая политика оказались в центре публичных экономических дискуссий. Каждому раунду переговоров по тарифам предшествовали горячие дебаты. Эти споры сталкивали между собой аграриев и промышленников, индустриалистов и мануфактурщиков, потребителей и производителей, рабочих и предпринимателей. Во время подготовки нового таможенного тарифа 1902 года (так называемого тарифа Бюлова) министерство внутренних дел Рейха решило повернуть эти дискуссии в нужное русло, проведя несколько статистических обзоров тех отраслей промышленности, на которые торговая политика оказала наибольшее негативное влияние. Это было намного более подробное исследование, чем перепись 1895 года. Респондентам задавались вопросы об объемах производимой продукции, о качестве используемого сырья, о количестве рабочих, о количестве рабочих часов, а также о фонде заработной платы. Нужно понимать, что работодатели считали эту информацию слишком деликатной для того, чтобы сделать ее публичной с помощью Имперского статистического управления. Именно поэтому опросы о производстве проводились сотрудниками министерства внутренних дел. Результаты хранились в тайне и в рейхстаг не подавались³³.

Государство и бизнес находились в жестком противостоянии по поводу того, с какой степенью детализации можно, не нарушая закона, проводить официальные статистические опросы, однако эти дебаты происходили в кулуарах. Когда новые опросники были представлены директорам германских предприятий тяжелой промышленности, они начали кампанию за то,

³³ См. возмущенные комментарии М. Вебера в работе: M. Weber, *Wirtschaft und Gesellschaft* (Tübingen, 1972, 5th edn.), p. 573; М. Вебер, *Хозяйство и общество*, т. IV (Москва, 2019), с. 64.

чтобы помешать переписи³⁴. Промышленники Рурского бассейна испытывали огромное недоверие к берлинским чиновникам, подозревая тех в симпатии к опасным доктринам «катедер-социалистов»³⁵. Опросники были заполнены только после того, как из них были удалены все вопросы, касающиеся фондов зарплат и стоимости сырья. Эти отредактированные варианты были переданы в Статистическое управление в 1910 году. Итак, статистики год за годом играли в кошки-мышки с компаниями, не желавшими им подчиниться, поэтому обзоры промышленности продолжали ограничиваться данными, полученными из всего лишь нескольких отраслей промышленности³⁶. В переписи рабочих мест 1907 года, которая целиком охватила германскую промышленность, были соблюдены все традиционные ограничения официальной статистики. Германские государственные статистики могли только со стороны восхищаться всеохватывающими промысловыми переписями, которые впервые начали проводиться в США и Британской империи³⁷. Если учесть атмосферу секретности, которая царила в германской бизнес-среде, то станет понятным, что в вильгельмовскую эпоху было практически невозможно собрать подробную информацию о реальном функционировании промышленности.

Негативное отношение бизнеса также нанесло удар и по области статистики, которую тогда было принято называть «статистикой труда». В Великобритании и в США именно в этой области проводились наиболее активные исследования в довоенные десятилетия. Статистика трудовых ресурсов представляла собой быстро развивающуюся отрасль знания, которая отражала формирующиеся контуры организованных производственных от-

³⁴ В архивах Gute Hoffnungshütte имеются документы, свидетельствующие о том, какую роль в организации бойкота промысловой переписи 1909 г. сыграли Пауль Ройш (компания Gutehoffnungshütte) и Шпрингорум (компания Hoesch). См.: HA 3001322/6.

³⁵ D. Krüger, *Nationalökonomien im wilhelminischen Deutschland* (Göttingen, 1983), pp. 117–141.

³⁶ GStA 1. HA Rep. 77 3853 no. 71.

³⁷ O. Nerschmann, 'Die Englische Produktionserhebung von 1907', ASA, 8 (1914/1915), pp. 53–71.

ношений. Эта категория включала в себя любую информацию, имеющую отношение к менеджменту рынка труда, статистике занятости и безработицы, статистике заработных плат и цен, а также статистике потребления домохозяйствами. Несмотря на то что в Германии существовала давняя традиция сбора социальной статистики, Статистическое управление последовало новой тенденции довольно поздно. Как мы уже упоминали, гражданские службы и Рейха, и Пруссии отказались официально признать профсоюзное движение. Комиссия по трудовой статистике вошла в состав Имперского статистического управления лишь в 1902 году, однако в своей деятельности она продолжала заметно отставать от аналогичных структур в других странах³⁸. За десять лет безуспешных переговоров с германскими работодателями их так и не удалось склонить к участию в исследовании доходов в промышленности³⁹.

Итак, промышленники и предприниматели оказывали сопротивление статистическим опросам, однако в модели их поведения имелись и некоторые исключения. Речь идет об условиях, на которых они были согласны сотрудничать с официальными статистическими органами. До 1914 года, во многом благодаря поддержке деревенской элиты, о сельском хозяйстве существовало намного больше информации, чем о каком-либо ином секторе германской экономики. Оценки урожаев основывались на данных, предоставляемых целой сетью местных наблюдателей. По мнению аграрников, было весьма полезно обладать самой полной информацией о предположительном балансе между спросом и предложением. Когда они теряли интерес к сотрудничеству, например во время войны, то прерывалось предоставление данных, которые собирали наблюдатели на местах. Однако еще и до 1914 года информация о цепочке поставки продовольствия была далеко не полной. Для того чтобы оценить состояние национальных продовольственных запасов, было недостаточно просто объединить данные об урожаях

³⁸ KSA, 'Gebiete und Methoden der amtlichen Arbeiterstatistik in den wichtigsten Industriestaaten', *Beiträge zur Arbeiterstatistik* 12 (Berlin, 1913).

³⁹ W. Gerß, *Lohnstatistik in Deutschland. Methodische, rechtliche und organisatorische Grundlagen seit der Mitte des 19. Jahrhunderts* (Berlin, 1977).

и данные об импорте и экспорте. Для этого также была нужна информация о размерах запасов зерна, находящихся у торговцев. Однако торговцы зерном активно сопротивлялись любым попыткам выяснить объемы их запасов, и этого оказалось достаточным, чтобы заблокировать сбор статистических данных до июля 1914 года, несмотря на то что данный вопрос вызывал беспокойство у военных⁴⁰.

Еще одной областью экономической деятельности, являвшейся объектом тщательного статистического исследования, была зарубежная торговля. И здесь оказалось возможным заручиться поддержкой бизнеса. Представители крупнейших германских торговых компаний входили в состав консультативных комитетов торговой статистики. По их мнению, главная задача торговой статистики состояла в том, чтобы предоставлять информацию об успехах германских экспортеров и о конкурирующих с ними иностранных импортерах. Этот интерес отразился в чрезвычайно подробной классификации товаров, подготовленной германскими торговыми статистиками. Однако торговая статистика была также и политическим оружием. Упоминание в торговой статистике давало возможность заявить о себе, а также попасть в поле зрения политических властей⁴¹.

Наиболее ярким примером того, как статистика подогрела экономический «интерес», может служить отрасль машиностроения. Отрасли «машиностроения» недоставало единства и экономического размаха, то есть тех факторов, благодаря которым угольная и металлургическая отрасли промышленности занимали столь важное место в общественном сознании. Только благодаря усилиям их промышленной ассоциации VdMA (Verein deutscher Maschinenbauanstalten) разрозненные машиностроительные и инженерные компании, объединившись в хрупкую коалицию, смогли сравняться по значимости с мощной тяжелой промышленностью⁴². Для машинострои-

⁴⁰ ВАР 15.01 18524 no. 89, Reichskanzler в Kriegsministerium November 1912.

⁴¹ L. Boltanski, *The Making of a Class. Cadres in French Society* (Cambridge, 1987).

⁴² VdMA, 'Statistik half, die Branche zu formen' (manuscript), pp. 2–3.

тельной ассоциации реформа торговой статистики была приоритетной задачей. VdMA прилагала усилия к тому, чтобы все экспортируемые товары германских инженерных компаний были объединены в общую широкую статистическую категорию, а не раскидывались по различным устаревшим категориям типа «инструменты и автоматические устройства» или «сельскохозяйственные орудия производства». Пересмотрев статистические категории, эта ассоциация смогла продемонстрировать, что продукция машиностроения составляла большую часть германского экспорта, чем уголь или сталь. По мнению членов ассоциации, в будущем экономическую политику должна была определять истинная экономическая значимость той или отрасли промышленности. Главные вопросы, как они считали, будут решаться на основе статистических исследований, а не благодаря берлинским административным ресурсам⁴³.

Таким образом, вся деятельность имперской статистики строилась вокруг интересов германского бизнеса. Если бизнесмены возражали против каких-либо статистических исследований, то эти исследования бойкотировались. Одной лишь потенциальной угрозы сопротивления со стороны бизнеса было достаточно, чтобы помешать проникновению статистики в многочисленные аспекты экономической жизни. В тех случаях, когда опросы все-таки были организованы, представители бизнеса имели возможность ограничивать круг вопросов или переводить исследования в нужное им русло. К этому следует добавить, что бюрократический аппарат вильгельмовской Германии не испытывал никакого желания препятствовать этим ограничениям.

В 1911 году Статистическое управление выступило с идеей принять общий закон о статистике, который позволил бы проводить статистические исследования даже против желания ре-

⁴³ В 1909 г. либеральная организация Handelsvertragsverein, которая лоббировала принятие низких таможенных тарифов, предложила, чтобы торговая политика определялась комитетом на основе долей в объеме экспорта. См.: D. Stegmann, *Die Erben Bismarcks. Parteien und Verbände in der Spätphase des Wilhelminischen Deutschlands. Sammlungspolitik 1897–1918* (Cologne, 1970), p. 137.

спондентов⁴⁴. Такими законами руководствовались статистики в некоторых других странах⁴⁵. Однако земельные статистические организации развивались в разных направлениях. Баварское статистическое бюро довольствовалось тем, что смогло добиться более качественных результатов благодаря сотрудничеству с представителями местного бизнеса⁴⁶. Прусское бюро, которому приходилось иметь дело с самыми неуступчивыми секторами германской промышленности, работало с бóльшим энтузиазмом. Правда, его сотрудники, к своему огорчению, прекрасно понимали, что законы, принуждающие бизнес к участию в статистических опросах, не имели ни малейшего шанса быть принятыми прусским парламентом, основная часть которого преследовала совершенно противоположные интересы⁴⁷. Вне всякого сомнения, архаичный идеальный образ германской экономики ремесленного типа, описанный Меервартом, только укреплял консерватизм германских статистиков. Но даже если вильгельмовские статистики и поддерживали более инновационный подход, им бы вряд ли удалось продвигаться вперед. В области статистики империя Вильгельма явно не могла претендовать на статус «сильного государства».

Таким образом, помимо того что официальная статистика обеспечивала интересы крупного бизнеса, она также должна была учитывать специфические традиции германских государственных гражданских служб и особую структуру государства

⁴⁴ GStA 1. HA Rep. 77 3853 no. 71, Minutes of the Meeting of German Official Statisticians 15.–16.2.1911, p. 69.

⁴⁵ В 1911 г. единственной страной, в которой существовал общий закон о статистике, применимый ко всем видам опросов, была Норвегия. В Австро-Венгрии и в Баварии существовали общие законы, допускающие правовые санкции по принудительному проведению более крупных переписей. В США, Италии, Швейцарии и Франции действовали общие законы относительно проведения статистических исследований, однако в них не предусматривались никакие санкции. Единственной страной, в которой наблюдалась практика, аналогичная германской, была Великобритания, но даже там перепись промышленной продукции опиралась на строгое законодательство. См.: GStA 1. HA Rep. 77 3853 no. 71, p. 69.

⁴⁶ GStA 1. HA Rep. 77 3853 no. 71, p. 70.

⁴⁷ GStA 1. HA Rep. 77 3893 no. 14, 'Niederschrift der Verhandlungen der Statistiker des Reichs und der Bundesstaaten zu Danzig vom 9.-13.6.1911', p. 12.

Бисмарка. Кроме этого, ее деятельность сдерживалась децентрализованной федеральной конституцией Рейха. Федерализм в значительной степени ограничивал область экономических вопросов, которыми могло бы заниматься национальное правительство. Несмотря на то что германское национальное государство, созданное в 1871 году, управляло одной из наиболее динамичных индустриализованных мировых экономик, оно имело самую рудиментарную инфраструктуру национальной экономической администрации⁴⁸. Деятельность Рейха, выросшего из Германского таможенного союза, ограничивалась сферой торговой политики. Отдельные государства, входившие в состав Империи, ревностно охраняли прерогативы своих местных министерств торговли и коммерции. Единственным национальным агентством, несущим ответственность за экономику империи в целом, был Рейхсбанк.

К концу XIX века германские предприниматели уже начали взывать к созданию национальных институтов. Однако гражданские службы Рейха проявляли удивительно поверхностное отношение к экономике. В конце XIX века в политической повестке дня доминировали не столько «экономические» вопросы, сколько вопросы «социальной политики». Термин «народное хозяйство» (*Volkswirtschaft*) вошел в официальный язык Рейха лишь в 1880-х годах, после создания отдела народного хозяйства в министерстве внутренних дел Рейха и после того, как Бисмарк выступил с инициативой создать Национальный экономический совет (*Volkswirtschaftsrat*). Правда, этот всплеск бюрократической активности быстро закончился. На отдел гражданской службы очень скоро возложили решения вопросов социальной политики, и в 1890 году его название было изменено соответствующим образом. Созданный Бисмарком Национальный экономический совет оказался мертворожденным. И лишь в 1899 году в структуре министерства внутренних дел Рейха наконец-то был создан специализированный отдел на-

⁴⁸ W. Hubatsch, *Entstehung und Entwicklung des RWM 1880–1933. Ein Beitrag zur Verwaltungsgeschichte der Reichsministerien. Darstellung und Dokumentation* (Berlin, 1978); F. Facius, *Wirtschaft und Staat die Entwicklung der staatlichen Wirtschaftsverwaltung in Deutschland vom 17. Jahrhundert bis 1945* (Boppard, 1959).

циональной экономики. Однако по-настоящему независимое управление национальной экономикой началось лишь в период Первой мировой войны. Итак, чиновники Рейха не особо стремились к созданию всеохватывающей экономической статистики.

Федерализм также был одной из причин финансовых трудностей, ограничивающих деятельность правительства Германии в вильгельмовскую эпоху⁴⁹. Ускорение гонки вооружений и повышение социальных издержек требовали больших расходов. Однако прусская политическая система, защищавшая интересы определенных групп, оказывала столь сильное давление, что даже самые смелые политики не решались заговорить о необходимости расширить налоговую базу. К концу века финансовые ограничения начали заметно замедлять развитие официальной статистики вильгельмовской Германии. На национальном уровне наблюдалось увеличение бюджета, выросло и число статистиков. В 1913 году в статистическом управлении работало 27 чиновников высшего уровня, 349 постоянных сотрудников нижнего звена и 346 временных сотрудников⁵⁰. Однако этих ресурсов было явно недостаточно для того, чтобы покрыть увеличивающиеся расходы, необходимые для мониторинга растущей экономики. Нехватка финансов особенно сильно ощущалась в Пруссии и в Баварии, то есть в тех землях, где проводился наибольший объем внутренних статистических исследований⁵¹.

Конечно, в любом бюджете всегда есть свои приоритеты. Если издержки на статистические обзоры сравнить с расходами на гонку вооружений, то они покажутся весьма незна-

⁴⁹ См.: P.-C. Witt, *Die Finanzpolitik des Deutschen Reiches von 1903 bis 1913. Eine Studie zur Innenpolitik des Wilhelminischen Deutschland* (Lübeck, 1970), а также: N. Ferguson, 'Public Finance and National Security: The Domestic Origins of the First World War Revisited', *Past and Present*, 142 (1994), pp. 141–168.

⁵⁰ E. Hölder and M. Ehling, 'Zur Entwicklung der amtlichen Statistik in Deutschland', in W. Fischer and A. Kunz (eds.), *Grundlagen der Historischen Statistik von Deutschland. Quellen, Methoden, Forschungsziele* (Opladen, 1991), pp. 15–31, p. 2.

⁵¹ K. Saenger, 'Das Preßische Statistische Landesamt 1805–1934. Ein Nachruf', *ASA*, 24 (1935/1936), pp. 445–460.

чительными. Однако если учесть превалирующие настроения чиновников Рейха, то можно утверждать, что статистика не считалась важным делом. Фактически в течение десятилетия до 1914 года министерство внутренних дел Рейха превратило статистику в козла отпущения, свалив на нее ответственность за финансовый кризис, поразивший империю, — и это является прекрасным примером правительственного бюрократизма. Государственные секретари рапортовали о том, как им удалось сэкономить тысячи марок, вводя запреты на публикации статистических данных⁵². Все это свидетельствует о том, что закостенелое большинство верхнего звена администрации Рейха совершенно не понимало значения статистики⁵³. Недостаточное финансирование многократно усилило консерватизм германских статистических органов, что также признавал и Меерварт. Вместо того чтобы заниматься поисковыми «исследованиями», статистики высшего звена полагали, что им следует сконцентрировать свои усилия на сложных математических расчетах⁵⁴. Таким образом, финансовые сложности привели к тому, что пропасть между современным экономическим знанием и практикой официальной статистики расширилась еще больше.

При существовавших бюджетных ограничениях деятельность вильгельмовских статистиков могла стать более разносторонней только в том случае, если бы удалось сократить издержки на проведение исследований. Самым естественным способом казалась экономия на проведении переписей. Перепись 1907 года была неудачной не только с содержательной стороны. Она также повисла административным камнем на шее германских статистиков. Широкомасштабное мероприятие вышло далеко за рамки выделенного бюджета, а для обработки ответов потребовалось гораздо больше времени, чем изначально предполагалось. Работа затянулась настолько, что пришлось

⁵² 'Statistik und Reichstag', *Der Tag*133, 9.6.1911.

⁵³ R. Jaeckel, *Statistik und Verwaltung. Mit besonderer Berücksichtigung der Preussischen Verwaltungsreform* (Jena, 1913).

⁵⁴ R. Meerwarth, 'Die Berufs- und Betriebszählung im Deutschen Reich vom 12. Juni 1907 und ihre Literatur', *DSZ*, 5 (1913), pp. 97–106.

отменить все планы по созданию новой статистики. Больше всего от этого пострадал находящийся в процессе формирования отдел статистики труда⁵⁵.

И в этом случае причиной проблемы также был федерализм⁵⁶. Функционирование национальной системы определялось функционированием ее самого крупного и самого неповоротливого компонента — Пруссии. Хотя формулировки вопросов и план практических мероприятий в целом были согласованы на национальном уровне, проведение переписи полностью находилось в руках земель, входивших в состав империи. Имперское статистическое управление выполняло лишь функцию наблюдателя и приступило к контролю лишь на последнем этапе, при редактировании и при компиляции национальных данных. Учитывая неравномерную структуру германского федерализма, это означало, что основная работа лежала на плечах прусского статистического бюро, испытывавшего огромную нехватку финансирования. Прусскому бюро удалось представить результаты переписи намного позднее, чем статистическим органам других, менее крупных земель. Децентрализация не только замедлила обработку данных переписи, но и внесла в результаты огромную долю неопределенности. Как продемонстрировал Меерварт, основные концепции переписи профессий и переписи рабочих мест были неотчетливыми и могли по-разному интерпретироваться. Поэтому большое значение придавалось единообразию. Естественно, в условиях децентрализованной системы обработки результатов, выделенные категории использовались по-разному. Это стало очевидным, когда, наконец, были скомпилированы общенациональные показатели на 1907 год. Статистические бюро отдельных земель представили совершенно не согласующиеся между собой данные о рабочих сельского хозяйства, о квалифицированных и неквалифицированных

⁵⁵ BAP 39.01 506 no. 42, Zacker, Direktor of SRA/Arbeiterstat к Staatssek. Bauer, Reichsarbeitsam 30.12.1918.

⁵⁶ GStA 1. HA Rep. 77 3853 no. 71, Minutes of Meeting of Statisticians 15.–16.2.191; GStA 1. HA Rep. 77 3853 no. 55, Prussian Statistisches Landesamt в Min. des Innern, 21.3.1911, pp. 9–10.

рабочих в промышленности, о небольшом секторе самозанятых граждан и надомников.

Для сотрудников Имперского статистического управления решение было очевидным: централизация снизит издержки, ускорит обработку и повысит надежность данных. Кроме того, появилась бы возможность широко применять новомодную технологию Холлерита с использованием табулятора и записью информации на перфокарты. Табуляторы Холлерита уже использовались при обработке данных переписи населения 1910 года в Вюртемберге, Бадене, Эльзасе и Лотарингии⁵⁷. Имперское статистическое управление приступило к механизации отчетов о продажах⁵⁸. Таким образом, казалось, что с помощью централизации и механизации удалось найти выход из тупика, в котором оказалась статистика⁵⁹. Однако в контексте федеральной политики вильгельмовского государства было наивным надеяться на плодотворность таких инициатив.

IV

Если изобразить силы, сдерживающие деятельность германских официальных статистиков в довоенный период, в виде треугольника, то отмеченный Меервартом интеллектуальный консерватизм был только одной из его сторон. Двумя другими сторонами этого треугольника были оппозиция в лице германских предпринимателей, а также инерция бюрократического аппарата вильгельмовского государства. Война, начавшаяся в 1914 году, разрушила это консервативное равновесие⁶⁰. Вна-

⁵⁷ GStA 1. HA Rep. 77 3893 no. 68, Протокол совещания статистиков 30.5.-1.6.1912, p. 45 и GStA 1. HA Rep. 77 3893 no. 151, Протокол совещания статистиков 29.-31.5.1913, pp. 21-29.

⁵⁸ *Festschrift zur 25. Jahresfeier der Deutschen Hollerith Maschinen Gesellschaft* (Berlin, 1935), pp. 68-69.

⁵⁹ Об этих предложениях и о последующих спорах см.: GStA 1. HA Rep. 77 3853.

⁶⁰ Главным источником информации об истории Имперского статистического управления в период Первой мировой войны служит отчет, ВАР 31.01 6031 № 109, 'Das SRA in der Kriegswirtschaft. Kriegswirtschaft Bericht für das Reichsamt des Innern, Prof. Dr Spiethoff 25.9.1919'. Этот документ, составлен-

чале предполагалось, что война будет короткой, и поэтому никакого экономического планирования не потребуется. Статистика представлялась административным мертвым грузом, от которого на некоторое время можно было бы отказаться. Молодые сотрудники статистических бюро Рейха были призваны в армию. Все статистические исследования, кроме самых важных, были отменены.

Только горстка наделенных даром предвидения экспертов осознала риск затяжной войны и необходимость принятия срочных мер для поддержания уровня промышленного производства⁶¹. Выразителя своих идей они нашли в лице Вальтера Ратенау, технократа, директора AEG, одной из двух гигантских корпораций, которые были главными производителями электротехнической продукции. Используя поддержку военных, Ратенау разработал систему контроля, которая гарантировала поставку сырья германской промышленности. Спустя год Вальтер Ратенау рассказывал членам влиятельного берлинского клуба *Deutsche Gesellschaft* о том, как он спасал германскую военную экономику. Примечательно, что свой рассказ он начал с истории, посвященной официальной статистике:

Это случилось в середине августа [1914 года]. <...> главный вопрос, который мы должны были решить, — вопрос о поставках. Нам было необходимо знать, на сколько месяцев страна была обеспечена основным сырьем. От этого полностью зависело, какие меры нужно было предпринимать. Единого мнения у промышленников не было, и в некоторых случаях их оценки расходились в десять раз. Я поинтересовался у представителя крупного официального

ный от имени министерства внутренних дел Рейха профессором Артуром Шпитхоффом, задумывался как описание официальной истории военной экономики. Предполагалось, что такой исторический обзор можно будет использовать как некое руководство при будущей мобилизации. Статистический отчет, таким образом, следует рассматривать как обоснование определенной политики. В работе С. Lorenz, *Die Statistik in der Kriegswirtschaft* (Hamburg, 1936) представлен обзор стороннего эксперта, который написан с учетом начала новой войны.

⁶¹ G. D. Feldman, *Army, Industry and Labour* (Providence, 1992, reprint) и L. Burchardt, 'Walther Rathenau und die Anfänge der deutschen Rohstoffbewirtschaftung im Ersten Weltkrieg', *Tradition*, 15 (1970), pp. 169–196.

статистического бюро: «Можем ли мы получить данные по этому вопросу?». «Конечно», — ответил он. «Такие статистические данные мы можем подготовить». «Когда?» — [спросил Ратенау]. «Приблизительно через шесть месяцев». «А если мне нужны данные через 14 дней, поскольку вопрос не терпит отлагательств?». На это я получил ответ: «Тогда вам придется обойтись без них [без статистических данных]⁶².

В рассказе Ратенау эта бюрократическая проволочка сигнализирует о драматическом поворотном моменте. Организацию военной экономики нельзя было оставлять в руках существовавшего государственного аппарата. Поэтому Ратенау обратился за помощью к военным. Центральное место в созданной им системе занимал военно-сырьевой отдел (*Kriegsrohstoffamt*), находившийся в ведении военного министерства Пруссии. Этот отдел осуществлял определенный контроль над сетью так называемых военных корпораций (*Kriegsgesellschaften*), находившихся под управлением менеджеров, которые были присланы ведущими промышленными компаниями. Их главная задача состояла в том, чтобы руководить закупкой и распределением важнейших сырьевых материалов. Эта гибридная организация играла главную роль в переводе германской промышленности на военные рельсы в первые годы войны. Разумеется, в этом процессе принимали участие и государственные службы. В своем выступлении в берлинском клубе Ратенау не забыл отметить и их роль в обеспечении административной поддержки его системы. Однако инициатива и энергичные конкретные действия исходили из штаб-квартир германского бизнеса и военной элиты. Между армией и «производительной нацией» сформировался новый альянс, который оттеснил бюрократию государственной службы.

В историях, подобных той, которую рассказал Ратенау, война представлялась как глубокий кризис легитимности, с которым столкнулись германские государственные службы; как кризис, который привел к революции 1918 года. В то время как военные продолжали вызывать глубокое уважение, по крайней мере

⁶² W. Rathenau, *Deutschlands Rohstoffversorgung* (Berlin, 1918), pp. 11–13.

у определенной части населения, государственная структура вильгельмовского государства оказалась банкротом, в прямом и в переносном смысле. Ей было отказано в доверии и со стороны элит, и со стороны большей части населения. Юрген Кока удачно охарактеризовал революцию как результат деятельности «антиадминистративной коалиции»⁶³. Естественно, истории, похожие на историю Ратенау, рассказывали в разных странах Европы⁶⁴. Почему же кризис в Германии ощущался столь остро? Было ли вильгельмовское государство менее компетентным, чем государства его союзников и противников?

На основе сравнительного анализа истории государственного управления, можно предположить, что администрирование германского внутреннего фронта было хуже, чем британского или французского⁶⁵. В частности, управление снабжением продуктами питания было настолько неудовлетворительным, что это серьезно влияло на настроение гражданского населения. Однако кризис легитимности, разрушивший вильгельмовскую империю, был в равной степени результатом и нереализованных ожиданий, и реальных неудач. Вряд ли можно сомневаться, что разрыв между ожиданиями и реальностью в имперской Германии был гораздо значительнее, чем где-либо еще. Безусловно, в Великобритании, Франции и США работа чиновников государственных служб тоже имела свои недостатки, но ведь на них и не возлагали таких больших надежд. Образ собственной страны в национальном сознании никак не портил тот факт, что в правительстве не было представителей бизнеса, профсоюзов и иных общественных организаций, даже если такая потребность и ощущалась. Наоборот, историческое лидерство сильного государства было одним из фун-

⁶³ J. Kocka, *Klassengesellschaft im Krieg. Deutsche Sozialgeschichte 1914–1918* (Frankfurt, 1988, 2nd edn.), p. 178.

⁶⁴ C. Wrigley, 'The Ministry of Munitions: An Innovatory Department', in K. Burk (ed.), *War and the State. The Transformation of British Government 1914–1919* (London, 1982), pp. 32–56 и J. F. Godfrey, *Capitalism at War. Industrial Policy and Bureaucracy in France 1914–1918* (Leamington Spa, 1987).

⁶⁵ J. Winter and J.-L. Robert (eds.), *Capital Cities at War: Paris, London, Berlin 1914–1919* (Cambridge, 1999), pp. 305–341.

даментальных мифов германской нации⁶⁶. Если для оценки функционирования государственных служб вильгельмовской империи применять такие высокие стандарты, то сбои в их работе были неоспоримыми. Вне всякого сомнения, ни в одной другой стране шок от потери иллюзий во время войны не был таким сильным, как в Германии.

На судьбе государственной статистики как нельзя лучше отразились эти более глубокие политические изменения. Имперское статистическое управление было отстранено от главных мероприятий по управлению экономикой военного времени. Ознакомившись с ситуацией, Ратенау сразу понял, что для управления промышленностью требовались беспрецедентные объемы информации, гораздо большие, чем могло предоставить Статистическое управление. Однако рассказ Ратенау также демонстрирует, каким образом недоверие бизнеса к государственным статистикам отразилось на военных событиях. Военные корпорации под руководством военно-сырьевого отдела собрали огромное количество статистических данных о подконтрольных им компаниях. Однако эта информация была засекречена.

Сотрудники корпораций Ратенау набирались из головных офисов и торговых ассоциаций германского бизнеса. Так же, как и до войны, они стремились не допустить вмешательства в их работу извне. Хотя германская промышленность и находилась под контролем государства, управление осуществлялось самими промышленниками. Военно-сырьевой отдел занимался поставками для фронта. Во время войны Германская статистическая ассоциация (*Deutsche Statistische Gesellschaft* — *DSG*) — профессиональная ассоциация германских статистиков — старалась задокументировать все статистические исследования, проводимые в военных целях⁶⁷. При поддержке гражданских властей ассоциация составила полный ежегодный реестр всех статистических исследований, которые были проведены в военное время. Однако

⁶⁶ J. Caplan, *Government without Administration. State and Civil Service in Weimar and Nazi Germany* (Oxford, 1988), p. 1.

⁶⁷ Die amtliche Statistik und der Krieg, insbesondere im Deutschen Reiche', *DSZ*, 8 (1916), pp. 1–18.

в эти обзоры не были включены мероприятия по выполнению основной задачи военной экономики — организации германской промышленности. Согласно инструкциям, полученным от военно-сырьевого отдела, военные корпорации отказывались предоставлять даже самую краткую информацию относительно своей статистической деятельности.

Хотя организация Ратенау и позиционировала себя как структура, не связанная с германской государственной статистикой, она не могла не столкнуться с проблемами, которые создавали большие сложности при составлении статистических обзоров еще до 1914 года. Эта не укладывающаяся в стандартные рамки организация, возглавляемая военно-сырьевым отделом, была укомплектована группой менеджеров-самовыдвиженцев, которые не были реальными представителями всей германской промышленности⁶⁸. В большинстве отраслей промышленности возможность откомандировать своих сотрудников в распоряжение корпораций имели только самые крупные компании или же те компании, которых об этом официально просили. Вся эта система была пронизана конфликтами интересов. Для того чтобы сформировать отношения доверия между военными корпорациями и остальными промышленниками, были сделаны попытки отделить функции по сбору данных от функций по реквизиции и распределению сырья.

В результате организациям Ратенау пришлось создать свои собственные группы «официальных статистиков». Однако и этого оказалось недостаточно для того, чтобы побороть недоверие большинства предпринимателей, не участвовавших в работе этой организации. По мере того как в стране сокращалось количество ресурсов, появлялись многочисленные поводы для споров. Наиболее сильно конфликты разгорелись

⁶⁸ A. Schroeter, *Krieg — Staat — Monopol: 1914–1918. Die Zusammenhänge von imperialistischer Kriegswirtschaft, Militarisierung der Volkswirtschaft und staatsmonopolistischer Kapitalismus in Deutschland während des ersten Weltkrieges* (Berlin, 1965), H. Cron, 'Die Kriegswollwirtschaft', в *Reichsarchiv, Kriegswirtschaftliche Organisationen* (Potsdam, 1932, manuscript), Heft 5 Serie II, O. Goebel, *Deutsche Rohstoffwirtschaft im Weltkrieg. Einschließlich des Hindenburg-Programms* (Stuttgart, 1930) и A. Müller, *Die Kriegsrohstoffbewirtschaftung 1914–1918 im Dienste des deutschen Monopolkapitals* (Berlin, 1955).

в 1917 году, когда промышленные организации приступали к выполнению жесткой программы рационализации, в результате чего были закрыты тысячи мелких менее эффективных предприятий. В таких непростых условиях система добровольного предоставления статистических данных полностью разрушилась. Быстрые и надежные статистические опросы стало возможным проводить только насильственным образом.

Итак, доверие между властными структурами государства, находившегося в состоянии войны, и гражданским обществом Германии было утрачено. В связи с этим далее было невозможно игнорировать необходимость придания статистическим опросам статуса обязательного мероприятия. Мелкие стычки довоенного периода переросли в генеральные сражения. В начале войны главным приоритетом была реквизиция имевшихся запасов сырья и продуктов питания. Обязательные статистические обзоры запасов продовольствия легли в основу создания карточной системы. Благодаря осуществлению ряда особых мер эти обязательные обзоры постоянно расширялись и теперь охватывали не только сельское хозяйство, но и всю экономику в целом⁶⁹. Также неуклонно повышались и штрафы — они должны были быть не меньше, чем прибыль, которую можно было получить на черном рынке.

В целях проверки точности ответов на опросы компании и физические лица обязывались вести детализированные записи о своей деятельности. И, наконец, летом 1917 года был принят так называемый Указ об обязанности предоставления информации (*Auskunftspflicht*), что узаконило получение сведений и значительно расширило полномочия статистиков. В контексте широкомасштабной программы Гинденбурга по вооружению, а также учитывая стремление государства закрыть неэффективные предприятия, этот указ был принят для того, чтобы обеспечить «подчинение каждой отдельной экономической единицы всей экономике в целом»⁷⁰. Это нововведе-

⁶⁹ Факт постепенного расширения принимаемых юридических мер нашел отражение в: ВАР 30.01 film 22607/8017.

⁷⁰ ВАР 31.01 6042 no. 33, Staatssek des Innern circular 25.6.1917, проект этого указа обсуждался на совещании 23.6.1917.

ние преследовало две цели. Во-первых, указ позволял осуществлять опросы, не ограниченные никакими рамками. Теперь можно было потребовать от компании предоставления отчетов не только об объемах имеющегося у них сырья, но и о текущем уровне производства, об объемах выпуска за прошлые годы, а также о предполагаемой мощности их предприятий. Во-вторых, этот указ впервые предоставил Рейху полномочия проводить обязательные опросы по всей территории страны, независимо от входивших в ее состав земель.

Неудивительно, что такое мощное расширение полномочий центральных властей было встречено сопротивлением. Власти Баварии и Саксонии отреагировали на указ с большим возмущением. Однако Военное министерство Пруссии их протест проигнорировало⁷¹. Гораздо более серьезную оппозицию представлял германский бизнес. К 1917 году, несмотря на непосредственное вмешательство некоторых крупнейших корпораций, еще больше усилились разногласия между руководителями органов планирования и более широкими деловыми кругами. На кону стоял вопрос о том, как будет организована германская экономика после войны⁷².

Промышленность и торговля испытывали все большую усталость от насильственно введенной дисциплины военного времени и требовали возврата к реальному промышленному «самоуправлению». Напротив, истинные архитекторы системы самоуправления военного времени — Ратенау и Мёллендорф — продолжали призывать к сохранению планирования и в мирное время. Они предрекали, что новая система «германского социализма» возникнет из существовавшего в военное время симбиоза государства и промышленности. Для недоверчивых бизнесменов новый указ о предоставлении информации, имевший большие административные возможности, был сигналом перемен. Централизация экономической информации

⁷¹ BHStA MH 15516 and BAP 31.01 6042 no. 50, Bundesrat Nr. 195 Session 1917, Helferrich Stellvertretender Reichskanzler to the Bundesrat, 30.6.1917 и BAP 31.01 6042 no. 53, 'Bekanntmachung über Auskunftspflicht 12.7.1917'.

⁷² F. Zunkel, *Industrie und Staatssozialismus. Der Kampf um die Wirtschaftsordnung in Deutschland 1914–1918* (Düsseldorf, 1974).

являлась первым шагом на пути к созданию экономической диктатуры.

В течение последнего года войны по поводу нового указа велись яростные споры между военными властями и органом, представлявшим германскую промышленность, так называемым Военным комитетом германской промышленности (Kriegsausschuß der deutschen Industrie). Промышленники обвиняли военных в стремлении «взять в свои руки управление промышленными компаниями, что ограничивало права реальных владельцев»⁷³. Этот указ, позволявший запрашивать любую информацию, грозил германской промышленности «утратой всей интеллектуальной собственности»⁷⁴. Он мог служить только для того, чтобы «предоставлять сторонникам государственных социалистических доктрин информацию о конкретном положении [отдельных] компаний»⁷⁵. Однако, несмотря на град упреков, органы планирования не собирались уступать свои позиции. Сбор статистической информации представлял чрезвычайную важность для управления экономикой во время войны. Более того, подобный указ вполне мог бы потребоваться и после окончания военных действий.

Безусловно, готовность военного министерства отстаивать указ, несмотря на недовольство промышленников, свидетельствует об углубляющемся расколе между бизнесом и чиновниками-бюрократами органов планирования военного времени. Тем не менее если учесть баланс политических сил на последних этапах войны, то следует признать, что борьба с указом о предоставлении информации имела в большой степени символический характер. На практике судебного преследования могли опасаться лишь мелкие компании, работавшие в гражданском секторе промышленности, а для важных военных предприятий данный указ не представлял никакой угрозы.

⁷³ ВАР 31.01 6042 no. 72, Kriegsausschuß der deutschen Industrie to Staatssekretär des Innern 3.8.1917, p. 2.

⁷⁴ ВАР 31.01 6042 no. 115, Kriegsausschuß der deutschen Industrie to Staatssekretär des Innern 8.10.1917, p. 3.

⁷⁵ ВАР 31.01 6042 no. 172, Kriegsausschuß der deutschen Industrie to Reichstag, 25.3.1918, pp. 1–2.

Несмотря на некоторое беспокойство относительно «государственного социализма», влияние представителей крупной промышленности на Верховное командование армии оставалось прежним. Самые строгие критики промышленников и самые стойкие защитники контроля за издержками хранили по этому поводу молчание. Ратенау и его друзья могли сколько угодно мечтать о спартанском режиме германского социализма, однако пока продолжала существовать вильгельмовская империя, их деятельность не представляла реальной угрозы для прибылей большого бизнеса.

V

Война оказалась процессом креативного разрушения. В результате всплыла наружу латентная война за контроль над экономической информацией. Кроме этого, удалось найти выход из тупика, к котором пребывало само вильгельмовское государство. Война ослабила земли, входившие в состав империи. В итоге государственному аппарату Рейха пришлось установить всеобщую национальную систему экономического администрирования. Управляя военной промышленностью, организация Ратенау насильственно централизовала власть. Аналогичный процесс централизации также затронул и государственное управление. В 1916 году наконец было учреждено Военное продовольственное управление (Kriegsernährungsamt), которое отвечало за организацию поставок продовольствия для всей страны. В 1917 году было создано Экономическое управление Рейха (Reichswirtschaftsamt), в обязанности которого входила общенациональная подготовка к переходу на экономику мирного времени. И, наконец, в 1918 году было создано Управление Рейха по трудовым ресурсам (Reichsarbeitsamt). Этим последним мероприятием, осуществленным в рамках империи, были удовлетворены требования рабочего движения. Вновь созданные общенациональные институты сразу же столкнулись с проблемой получения адекватного количества статистической информации. Военное продовольственное управление первым создало собственный экономический отдел, в функции которого входила координация мероприятий по контролю над це-

нами военного времени и установление контактов между этим управлением и государственными статистиками⁷⁶. Как мы увидим ниже, чиновникам этих первых общенациональных экономических организаций было суждено оказать влияние как на формирование германской экономической статистики, так и на ее будущее. Во время войны, однако, их деятельность в этом направлении была обречена на провал.

Управление сельским хозяйством и продовольственными поставками было самым слабым местом германской военной экономики. Естественно во время войны положение Германии было непрочным⁷⁷. Индустриализация привела к большой зависимости от импорта продуктов питания. Самодостаточности можно было добиться только в результате самой энергичной коррекции моделей производства и потребления. В самом начале войны это считалось невозможным вследствие неспособности недалекновидных специалистов по планированию в военной и промышленной областях оценить первоочередную важность сельского хозяйства. Кроме того, министерство внутренних дел Рейха преступно поздно пришло к осознанию необходимости всестороннего государственного регулирования, что еще больше ухудшило ситуацию. Военное продовольственное управление, имевшее необходимые полномочия для контроля над производством, закупками и распределением, было создано лишь в 1916 году⁷⁸.

В этом административном фиаско статистики сыграли весьма неблагоприятную роль. Неспособность статистиков Рейха произвести точные подсчеты запасов продовольствия страны символизировала неумелое управление германской военной экономикой⁷⁹. Статистика составляла основу всей «системы» планирования продовольствия. Целевой уровень реквизиций,

⁷⁶ BAP 36.01 26 no. 2, Präs. des Kriegsernährungsamtes к Staatssekretär des Reichsschatzamtes 26.8.1916.

⁷⁷ A. Skalweit, *Die Deutsche Kriegsernährungswirtschaft* (Stuttgart, 1927).

⁷⁸ A. Roerkohl, *Hungerblockade und Heimatfront. Die kommunale Lebensmittelversorgung in Westfalen während des Ersten Weltkriegs* (Stuttgart, 1991).

⁷⁹ Haselberger, 'Erntefeststellung und Bewirtschaftung des Getreides', ASA, 11 (1918/19), pp. 50–68.

осуществляемых в каждом административном районе, определялся исходя из ежегодных оценок объема урожаяев. На другом конце цепочки поставок распределение продовольствия по муниципалитетам основывалось на оценках численности населения. В отсутствие надежных и точных данных система была обречена на провал, поэтому не приходилось удивляться провалу в работе статистической системы. Сельское население прекрасно понимало, что размер государственных реквизиций определялся на основе статистических отчетов⁸⁰. В результате вся информация, предоставляемая крестьянами, либо теми, кто находился в тесном контакте с местными сельскими общинами, всегда была недостоверной.

Первоначальная оценка урожая в 1915 году была на 25% ниже реальных показателей, что привело к совершенно необоснованному сокращению продуктового пайка. Попытки скорректировать эти заниженные данные помешали дать достоверные оценки на следующий год. Для урожая зерна 1916 года Имперское статистическое управление представило три оценки, причем расхождения между ними были значительными и составляли 13%. Окончательная оценка оказалась сильно завышенной⁸¹. На следующий год никакого улучшения ситуации не наблюдалось. Самые значительные расхождения в оценках были в 1917 году — они составили 20%. Когда шел последний год войны, пришлось откомандировать военных специалистов для проверки точности ответов на статистические опросы. Однако к 1918 году и этого оказалось недостаточным для того, чтобы предотвратить катастрофу. В разговорах отчеты управления продовольствия стали называть «таблицами лжи» (Lügentabellen)⁸².

В то время как Военное продовольственное управление вело повседневную борьбу, взоры Экономического управления и Управления труда Рейха были направлены в будущее. За-

⁸⁰ BAP 31.01 6031 no. 109, 'Das SRA in der Kriegswirtschaft', p. 17.

⁸¹ BAP 36.01 25 no. 15, 'Sitzung des Vorstandes des Kriegsernährungsamts vom 21.5.1917'.

⁸² BAP 39.01 film 37081/10550, 'Referat Dr Platzer bei der Besprechung über die Reorganisation der Statistik des Deutschen Reiches 13.8.1920', pp. 31–32.

дачей Экономического управления Рейха являлась подготовка планов по возврату к мирным условиям. Это управление возникло благодаря лоббированию германских предпринимателей, которые надеялись использовать его в качестве оплота в борьбе против «государственных социалистов». Чтобы сформулировать единые деловые принципы, недавно созданное управление приступило к проведению расширенных консультаций, в которых принимали участие и крупные торговые ассоциации. Были разработаны планы, призванные обеспечить поставки необходимого сырья в ключевые отрасли промышленности, а также подготовить условия для возобновления функционирования отраслей промышленности, выпускавших потребительские товары. Одним из главных вопросов повестки дня были требования по германским репарациям. Для того чтобы оказать поддержку в решении этих проблем, Имперское статистическое управление было переподчинено Экономическому управлению. Это открывало большие перспективы для развития экономической статистики.

Однако в 1918 году в статистике было заинтересовано не только Экономическое управление. Война заметно усилила влияние германских профсоюзов. С их подачи Рейх, о чем говорилось выше, создал Управление труда, которое должно было стать противовесом лобби предпринимателей. Это управление появилось слишком поздно и поэтому не предпринимало активных действий в годы войны. Однако в послевоенной сумятице управление труда достаточно агрессивно пыталось создать собственную статистическую службу. При поддержке влиятельного политика — лидера профсоюзного движения Карла Легина — ему удалось добиться контроля над отделом трудовой статистики, оттеснив от этого Статистическое управление⁸⁵. Это было большим ударом для министерства экономики и Статистического управления, поскольку из всех отраслей статистики лишь трудовой статистике удалось пережить войну без особых потерь.

До 1914 года отдел трудовой статистики был «гадким утенком» официальной статистики: с одной стороны, ему не хватало ресурсов, а с другой — его деятельности мешало бизнес-со-

⁸⁵ ВАР 39.01 506.

общество. В условиях военного времени его роль изменилась. Человеческие ресурсы являлись основой военной экономики, однако в августе 1914 года не существовало никакой административной системы, которая занималась бы их распределением. Осенью 1914 года начался широкомасштабный призыв в армию сельских жителей, в результате чего возникла угроза, что урожай останется гнить на полях. Зимой последовали еще большие потери, когда сотни тысяч сезонных рабочих оказались безработными.

К началу лета 1915 года Рейху наконец удалось создать национальную систему отчетов о рынке труда⁸⁴. Давно лелеемая мечта германских социал-реформаторов была воплощена в жизнь. В рамках этой системы, пока еще находившейся в зачаточном состоянии, были разработаны более подробные требования к исполнению Закона о вспомогательных службах (*Hilfsdienstgesetz*), согласно которому с декабря 1916 года воинская повинность стала всеобщей. Начиная с лета 1917 года биржи труда по всей территории Германии передавались под управление единой сети командных инстанций, которая замыкалась на находившемся в Берлине отделе трудовой статистики. Таким образом, этот отдел приобретал стратегическую важность для профсоюзов, которые надеялись закрепить все влияние над организованными трудовыми ресурсами в поствоенный период. Создание всеобщей системы статистики занятости было первым шагом на пути к укреплению роли государства в управлении рынком труда. Для Статистического управления потеря отдела трудовой статистики явилась большим ударом. Однако выведение из-под его контроля важной отрасли «социальной статистики» позволило управлению начать переориентацию германской статистики на решение задач экономического управления Рейха.

VI

Хотя статистика приобрела особую важность в управлении страной в период войны, удивительно, что в военное время практически не велись научные обсуждения по поводу буду-

⁸⁴ BAP 31.01 6031 no. 109, 'Das SRA in der Kriegswirtschaft', p. 9.

щего германской государственной статистики. Учитывая обстановку таинственности, свойственную германской военной экономике, это может показаться странным. Система организации промышленности, по Ратенау, была тем образцом, на основе которого возникали идеи экономического планирования в XX веке. Казалось, что его система могла обосновать возможность всестороннего государственного контроля. Можно не сомневаться, что и Ленин рассматривал созданную Ратенау систему контроля над промышленностью в военное время как подтверждение практической возможности централизованного планирования. В Германии, и не только, ученые, воодушевленные идеями Ратенау, начинали рисовать в своем воображении государственный социализм. В послевоенные годы немецкоязычные экономисты горячо обсуждали возможность «экономического учета при социализме»⁸⁵. Можно ли было разработать новую форму рационального экономического учета, независимого от системы цен? Если предположить, что социалистическое правительство будет наделено властью для установления объемов производства, то каким критериям оно будет следовать? Даже если появилась бы возможность разработать четкую иерархию социальных приоритетов, то каким образом можно было бы сопоставлять относительные затраты на различные производственные программы? Это были абстрактные вопросы, возникавшие благодаря опыту военной экономики, и экономистам предстояло обсуждать их в межвоенный период.

Разрыв между официальной статистикой и экономической теорией был огромным еще до 1914 года, а в ходе войны стал еще больше. Анализ германской экономики с точки зрения идеальных типов рационального планирования резко отличался от опыта германских статистиков в годы войны. Историки, которым удавалось заглянуть за впечатляющий фасад организации Ратенау, могли обнаружить лишь хаотически увеличивающееся множество организаций, не имевших ни главного направления, ни планов. Как в гражданском, так и в военном

⁸⁵ K. Tribe, *Strategies of Economic Order. German Economic Discourse 1750–1950* (Cambridge, 1995), pp. 140–168.

секторе промышленности отсутствовала единая схема распределения важнейших видов сырья, трудовых ресурсов и транспортных средств.

В любом случае, если и предпринимались попытки введения принципов централизованного планирования, то Имперское статистическое управление этому вряд ли могло способствовать. Выше уже отмечалось, что в довоенный период его функции были достаточно ограниченными. Кроме того, в официальной истории германской статистики нет ни единого упоминания об инициативах статистиков, которые могли бы считаться концептуальными инновациями. И это совсем неудивительно, учитывая консервативность научных взглядов германских государственных статистиков. Среди них постоянно возникали перебранки по поводу того, кто будет нести ответственность за катастрофические ошибки статистики военного времени, однако в периодических изданиях Германской статистической ассоциации отсутствовали дебаты, которые хоть чем-нибудь напоминали бы жаркие дискуссии, разгоравшиеся среди экономистов по поводу будущей организации германской экономики. Экономисты обсуждали достоинства и недостатки планирования; они разрабатывали грандиозные схемы, реализация которых предполагала совершенно новый уровень эмпирических экономических знаний. А тем временем руководство германской официальной статистики мечтало только о том, как поскорее вернуться к довоенному «нормальному состоянию».

Единственным немецкоязычным статистиком, который смог оценить огромные перспективы, открывавшиеся для статистики в результате войны, был австриец Карл Прибрам. Во время войны он опубликовал ряд статей, в которых возвестил о полном отказе от довоенного либерализма и постарался показать, какими фундаментальными последствиями это обернется для официальной статистики⁸⁶. Прибрам писал:

⁸⁶ См.: K. Pribram, 'Die Zukunft der amtlichen Statistik', *DSZ*, 9 (1917), pp. 129–138, а также дискуссию в том же журнале. Его взгляды на последующее развитие германской статистики изложены в статье: K. Pribram, 'European Experiences and New Deal Statistics', *Journal of the American Statistical Association*, 30 (1935), pp. 227–236.

Безусловно, зеркальным отражением либеральных взглядов государства является священное право его граждан на свободу, которое должно защитить их, сделать их невидимыми для любопытных глаз чиновников. Существует ли более яркое выражение фундаментального требования к государству уважать специфические интересы отдельных лиц, чем готовность государства не возлагать никаких обязательств [на граждан] по предоставлению информации?⁸⁷

Именно это либеральное самоограничение и отстранило официальных статистиков от многочисленных аспектов социальной и экономической реальности. В частности, они потеряли возможность исследовать сферу производства. Таким образом, вина за провалы официальной статистики в военное время лежала на либерализме. По словам Прибрама, во время войны имелась возможность сбросить эти кандалы. В постлиберальном будущем люди будут подчинены новому государству, которое будет наделено правом проводить обязательные опросы по всем аспектам социальной и экономической жизни. Новый закон о статистике создаст возможность для значительного расширения полномочий официальной статистики. Это заложит основу для действительно всеобщего контроля над экономикой и обществом.

В действительности военное управление (*Kriegsamt*) больше всего соответствовало такому центру, контролирующему германскую военную экономику. И самое близкое к тому, что можно было бы назвать всеобщим обзором германской военной экономики, были наспех проведенные военным управлением переписи 1916 и 1917 годов. Потребность в подробном обзоре ситуации в тылу впервые обнаружилась после введения всеобщей карточной системы распределения продуктов в 1916 году. Последняя перепись населения проводилась в 1910 году, и ее данные, в любом случае, устарели независимо от того, что в результате войны произошли значительные изменения в структуре населения. Учитывая сложность проведения всеобщего подсчета размеров населения в военное время, Статистиче-

⁸⁷ K. Pribram, 'Die Zukunft', p. 132.

ское управление предложило осуществить простой поголовный подсчет⁸⁸.

Однако в последний момент в дело вмешалась так называемая Научная комиссия военного управления. Члены комиссии утверждали, что в целях планирования распределения рабочих ресурсов необходимо собирать информацию о текущем и довоенном роде деятельности граждан. Изначально эта комиссия была создана для того, чтобы написать пафосную историю военной экономики Германии, однако под энергичным руководством Макса Зеринга, экономиста правых взглядов, она стала претендовать на более весомую и более практическую роль⁸⁹. Эта комиссия пыталась позиционировать себя как статистическую дирекцию военного министерства. По ее распоряжению простой поголовный подсчет превратился в полномасштабную перепись по роду занятий. Официальные статистики понимали, что такая затея нереалистична, но были бессильны противостоять диктаторским требованиям Научной комиссии, которая могла ссылаться на полномочия, предоставленные ей прусским военным министерством.

Результат оказался катастрофичным. В спешке расширенная перепись была проведена 1 декабря 1916 года. После проверок и перепроверок данные о размере населения были переданы в военное управление продовольствия. Однако данные о роде занятий оказались совершенно бесполезными. К началу лета 1917 года научная комиссия Зеринга утратила интерес к статистической работе. Сбор информации о роде деятельности был приостановлен. Зато Зеринг и члены его комиссии решили, что на самом деле им нужны не сведения о роде занятий, а информация о германских промышленных предприятиях и их рабочих ресурсах. В этот раз Зеринг решил вообще обойтись без участия официальных статистиков. Комиссия приступила к независимой разработке собственной переписи. Являясь ча-

⁸⁸ ВАР 31.01 6031 no. 109, 'Das SRA in der Kriegswirtschaft', pp. 5–13. Источники, по которым можно было бы перепроверить историю, рассказанную статистиками Рейха, отсутствуют в документах как военного министерства, так и Научной комиссии.

⁸⁹ О конфликтах между Шпитхоффом и Зерингом см.: ВАР 15.01 8987 и 8993. О членах комиссии Зеринга см.: ВАР 15.01 8987 no. 35.

стью бюрократической империи военного министерства, комиссия Зеринга работала в обстановке секретности. Имперское статистическое управление и большинство остальных статистических бюро узнали о деятельности комиссии из газет⁹⁰. В любом случае, проведение переписи рабочих мест в военное время было обречено на провал. Полная перепись рабочих мест в промышленности была весьма амбициозным проектом, осуществление которого в нормальной ситуации потребовало бы интенсивной подготовки в течение многих лет. Опросники, в спешке разосланные германским компаниям в августе 1917 года, были на удивление неточными. Официальными статистиками теперь оставалось только злословить и смотреть на неподсчитанные вопросники, пылящиеся в подвалах Имперского статистического управления.

VII

Война разрушила мир, который был описан в труде, выпущенном Имперским статистическим управлением по поводу столетней годовщины империи. Кайзер был свергнут, под вопросом было само существование германского национального государства. Империя Вильгельма рухнула. При смерти находилось и Статистическое управление, которое катастрофически теряло легитимность. Показателем плачевного положения вильгельмовской официальной статистики стали попытки прусского военного министерства, вопреки советам официальных статистиков и без их помощи, провести две переписи. Статистики утратили контроль над тем, что в XIX веке составляло основу статистики.

Еще более важным было то, что война уничтожила образ германской экономики, торжественно изображенный в памятном издании. Война подтвердила справедливость тех, кто предрекал появление крупного капитализма. В борьбе за вы-

⁹⁰ Lorenz, *Die Statistik in der Kriegswirtschaft*, p. 20. По всей вероятности, прусское управление имело некоторый доступ к материалам комиссии Зеринга. См.: BAP 31.01 6031 no. 109, 'Das SRA in der Kriegswirtschaft', p. 4 and DSZ, 8 (1917), pp. 209–214, 255–260.

живание мелкие предприятия, воспеваемые пропагандистами среднего класса (Mittelstand), оказались ненужными. В военной экономике доминировала Германия крупных промышленных корпораций, а также их капиталы, технологии и трудовые ресурсы. В ноябре 1918 года капиталисты и рабочие должны были доказать, что они более жизнеспособны, чем само германское государство. Перед германской государственной статистикой стояла непростая задача — определить свою роль в этой новой реальности. Требовалось провести новые исследования, которые смогли бы удовлетворять интересам нового правительства Германии. Следовало создать новый формат для ранее начатых исследований. И, кроме того, если германские статистики хотели, чтобы у них было будущее, они должны были найти новые способы, с помощью которых они смогли бы добиваться получения информации у членов гражданского общества, не желающих ее предоставлять.

2. Новая статистика республики, 1918–1923

На долю Веймарской республики приходится много упреков от потомков. Левые обычно оплакивали судьбу так и не завершенной революции. Умеренных социал-демократов обвиняли в том, что они жестоко подавили народное движение 1918–1919 годов¹. Установленный порядок сохранился неизменным. Развитие истинно демократической политической культуры остановилось, не успев окрепнуть. Реакционные элиты продолжали полностью удерживать контроль над главными общественными институтами — армией, юридической системой и большей частью государственных служб. Германский бизнес сохранил авторитарный стиль вильгельмовского государства, что в результате делало демократическое управление экономикой невозможным как для государства, так и для рабочих. Республика была обречена на контрреволюцию. Комментарии современных историков, принадлежащих к правому крылу, носят не менее критический характер. С их точки зрения, веймарская политическая элита, не имевшая политического опыта, была не в состоянии разрешить социальные конфликты². Опасаясь волнений среди рабочих, первые правительства республики безответственно запустили процесс разрушительной гипер-

¹ S. Haffner, *Die Deutsche Revolution* (Munich, 1979) и R. Rürup, *Probleme der Revolution in Deutschland 1918/19* (Wiesbaden, 1968).

² Такая точка зрения сформулирована, например, в работе Фергюсона. См.: N. Ferguson, *Paper and Iron. Hamburg Business and German Politics in the Era of Inflation, 1897–1927* (Cambridge, 1995).

инфляции. Инфраструктура буржуазной жизни была принесена в жертву краткосрочной политической выгоде. В 1924 году фискальный произвол также не завершился после прекращения инфляции. Неоправданные социальные расходы, которым способствовали зарубежные кредиты, все больше усугубляли финансовые проблемы германского государства³. Когда в 1929 году мир погрузился в депрессию, у канцлера Брюнинга был только один выбор — начать проводить жесткую политику по сокращению расходов и дефляции цен. Его недемократический стиль управления стал логическим ответом на неэффективную веймарскую парламентскую систему, раздираемую враждой между фракциями. Неизбежным был авторитарный стиль, если не сказать, жестокая диктатура нацистов.

Начиная с 1970-х годов целое поколение ученых пыталось опровергнуть эту одностороннюю критическую интерпретацию. Историки пытались под различными углами зрения реконструировать исключительно сложную обстановку, в которой происходило зарождение республики. При этом они критически оценивали упрощенные обвинения, которые шли от сторонников как правых, так и левых взглядов⁴. Отказ социал-демократов от «революционных» изменений в первую очередь свидетельствовал об их демократических принципах и желании избежать гражданской войны. Попытка восприпятствовать возникновению гиперинфляции потерпела неудачу, и причинами этого были в равной степени как неуступчивость предпринимателей, так и упорство рабочих. Ведь столь важные поступления от налоговых сборов и твердую валюту утаивал от обедневшего государства не рабочий класс. Неудавшаяся стабилизация 1924 года осуществлялась на условиях, выдвинутых германскими капиталистами. Радикальная программа перераспределения налоговых сборов оставалась на мертвой точке.

Тем не менее веймарское государство не было полностью парализовано. В современных исследованиях, посвященных

³ Н. James, *The German Slump. Politics and Economics 1924–1936* (New York, 1986).

⁴ Серьезный обзор ревизионистской литературы можно найти в работе: G. D. Feldman, *The Great Disorder. Politics, Economics, and Society in the German Inflation, 1914–1924* (Oxford, 1993).

«золотым 1920-м годам» отмечается, что бóльшая часть правительственных мероприятий, которые осуществлялись в Веймарской республике, имела поразительно «модернистский» характер⁵. Государственный аппарат Германии вовсе не являлся паноптикумом, состоявшим из представителей ретроградной традиционной элиты, точно так же, как и увеличивающиеся государственные расходы не были просто «слепым» ответом на давление, оказываемое со стороны заинтересованных групп. Веймарское государство всеобщего благосостояния и органы управления трудовыми ресурсами реализовывали радикальные технократические схемы социальной рационализации. Кризис Веймарской республики произошел не в результате реакционного отступления. Он гораздо больше похож на кризисы, которые переживали государства всеобщего благосостояния начиная с 1970-х годов. В нем присутствовало напряжение, характерное для любого проекта реформирования современного государства всеобщего благосостояния. В последующих главах мы постараемся рассмотреть историю экономической статистики веймарской Германии как часть этого еще не до конца изученного нарратива.

I

Движущей силой, способствовавшей развитию экономической статистики в Веймарской республике, была новая экономическая администрация Рейха. В новой республике национальная экономика впервые стала объектом управления. Безусловно, утверждение о том, что для Веймарской республики в большей степени было характерно «вмешательство государства» — это литературное клише. Однако если рассуждать только об увеличении доли расходов государства трат в общем объеме используемого национального дохода, то можно упустить из виду качественные изменения, которые происходили как в самом германском государстве, так и в его взаимоотношениях с гра-

⁵ D. Peukert, *Die Weimarer Republik. Krisenjahre der Klassischen Moderne* (Frankfurt, 1987), критика правительственных действий содержится в: Y.-S. Hong, *Welfare, Modernity, and the Weimar State, 1919–1933* (Princeton, 1998).

жданским обществом. После окончания Первой мировой войны в Германии наблюдался глубокий кризис власти, и, выйдя из этого кризиса, государство значительно изменилось. Разумеется, самым серьезным фактором был крах империи и создание вместо нее республики.

Происходившие на фоне этих событий «солдатские забастовки» парализовали военные силы германского государства. Возможные вторжения с Востока и с Запада ставили под угрозу целостность германских границ. На пограничных с Францией территориях царили сепаратистские настроения, способные привести к развалу Рейха изнутри. В это же время национальной экономике грозило полное обесценение национальной валюты, что, в результате, могло бы сделать реальной зловещую перспективу иностранного экономического вторжения. Вакуум, образовавшийся после распада вильгельмовской империи, быстро заполнился мощными силами германского гражданского общества.

Напуганные маячащим перед ними образом большевизма, германские промышленники и лидеры официальных профсоюзов объединились в так называемую Центральную рабочую группу (*Zentrale Arbeitsgemeinschaft — ZAG*)⁶. Считая себя непосредственным представителем «рабочей нации», Центральная рабочая группа претендовала на управление национальной экономикой по своим правилам. Наиболее радикальной идеей, выдвинутой членами Центральной рабочей группы, было отрицание независимой роли институтов новой республики в осуществлении экономической политики. Они утверждали, что самоуправление в промышленности вполне может обойтись без государства. Учитывая ослабление военной мощи Германии, самоуправляющаяся промышленность, по их мнению, сможет стать самым подходящим представителем нации, а также опорой внутренней и внешней политики. Однако вскоре стало понятно, что статус Центральной рабочей группы был столь же непрочным, как и статус политических властей. Центральная рабочая группа не обладала легитимностью. Она не-

⁶ E. Kolb, *Die Weimarer Republik* (Munich, 1984), p. 14 и G. D. Feldman and I. Steinisch, *Industrie und Gewerkschaften 1918–1924. Die überforderte Zentralarbeitsgemeinschaft* (Stuttgart, 1985).

достаточно защищала интересы бизнеса. Более того, ассоциации бизнеса и профсоюзы очень скоро поняли, что их влияние на своих членов было весьма слабым. Для того чтобы укрепить доверие к себе, у них возникало все большее желание нарушить и без того хрупкое перемирие между трудом и капиталом, поскольку именно на этом и основывался авторитет Центральной рабочей группы. В обществе, находившемся на грани гражданской войны, проблема представительства не ограничивалась одним лишь государством.

В начале 1920-х годов политики и государственные чиновники постепенно восстановили свои позиции. Однако это была уже не та политическая элита и не та государственная структура, как в довоенный период. Произошла фундаментальная централизация власти на уровне национального государства. Деньги, равно как и информация, начали стекаться в Берлин. В экономической сфере из зачаточных структур, созданных в течение завершающих этапов войны, выросла новая национальная система управления экономикой. Управления Рейха по экономическим вопросам, по труду и по продовольствию были преобразованы в министерства новой республики. В области управления экономикой традиции вильгельмовского государства не могли быть продолжены по той простой причине, что до 1914 года еще не существовало национальной системы экономического управления. Новая республика возложила на себя новые фундаментальные обязательства по регулированию национальной экономики. Через шесть дней после его назначения президентом Рейха, то есть главой государства, Фридрих Эберт, распорядился, чтобы Имперское министерство экономики (*Reichswirtschaftsministerium* — RWM) и министерство сельского хозяйства ежемесячно предоставляли ему отчеты о состоянии экономики⁷. Это был поразительный контраст с вильгельмовским периодом.

Сразу же после окончания Первой мировой войны обнаружилось, что дела Имперского министерства экономики находятся

⁷ P. C. Witt, 'Bemerkungen zur Wirtschaftspolitik in der "Übergangswirtschaft" 1918/19, zur Entwicklung von Konjunkturbeobachtung und Konjunktursteuerung in Deutschland', in D. Stegmann, B. J. Wendt и P.-C. Witt (eds.), *Industrielle Gesellschaft und politisches System. Beiträge zur politischen Sozialgeschichte. Festschrift für F. Fischer zum 70. Geburtstag* (Bonn, 1978), pp. 79–96.

в полном беспорядке⁸. В ситуации общей неразберихи Вихарду фон Мёллендорфу, одному из главных сторонников «государственного социализма», удалось стать вторым лицом в министерстве. Не без его влияния Имперское министерство экономики ополчилось против лобби бизнесменов, которому оно, собственно, и было обязано своим существованием. Мёллендорф надеялся воспользоваться революционной ситуацией, чтобы воплотить в жизнь свои планы по созданию экономики, управляемой государством (*Gemeinwirtschaft*). Однако его грандиозный проект не нашел поддержки правящей коалиции социал-демократов и либералов. К июню 1919 года и Мёллендорф, и «его» министр Рудольф Виссел подали в отставку. Управление министерством оказалось в руках социал-демократа Роберта Шмидта, министра сельского хозяйства, и государственного секретаря в министерстве, профессора Юлиуса Хирша. Во время войны Хирш долгое время работал в администрации по продовольствию. Поскольку ранее он был профессором бизнес-школы в Кельне, он прекрасно разбирался в вопросах контроля над ценами⁹. С приходом в министерство Хирша и Шмидта там появились и другие ветераны из военного управления продовольствием, наиболее видным из которых был Эрнст Вагеманн, новый глава государственной статистики¹⁰. В период между 1919 и 1922 годами Имперскому министерству экономики пришлось проводить политику продуктивизма, считая величины производства, занятости и потребления приоритетными относительно ценовой стабильности. В отличие от Мёллендорфа Хирш не был убежденным сторонником государственного контроля, однако в целях оживления экономики ему приходилось прибегать к непосредствен-

⁸ H. G. Ehlert, *Die Wirtschaftliche Zentralbehörde des Deutschen Reiches 1914 bis 1919. Das Problem der 'Gemeinwirtschaft' im Krieg und Frieden* (Wiesbaden, 1982), p. 155.

⁹ О роли Хирша в агентстве по продовольствию во время войны см.: ВАР 36.01 14, 15, 16, 25, 26. О его службе в министерстве экономики см.: G. D. Feldman, *The Great Disorder*, pp. 165–188.

¹⁰ О Вагеманне см. главу 3. В министерство также был приглашен Х. Штраудингер. См.: *Wirtschaftspolitik im Weimarer Staat. Lebenserinnerungen eines politischen Beamten im Reich und in Preußen 1889 bis 1934* (Bonn, 1982), pp. 17, 37–38.

ному регулированию и к осуществлению крупных государственных расходов. Неудивительно, особенно учитывая его прежний опыт работы, что Хирш также способствовал развитию экономической статистики.

Имперское министерство экономики, которое придерживалось политики государственного контроля, открывало, таким образом, для германской официальной статистики широкие перспективы. После революции Имперское статистическое управление было переименовано в Статистическое управление Рейха (Statistisches Reichsamt). Однако разрыв с вильгельмовским прошлым не сводился к изменению одного лишь названия. За последующее десятилетие германская официальная статистика стала вполне современной областью экономического знания. Наиболее яркий этап инноваций стартовал в 1924 году — этому периоду будет посвящена глава 3. Процесс нововведений был начат профессором Эрнстом Вагеманном, который служил в управлении продовольствия вместе с Хиршем. В 1919 году Хирш назначил его руководителем статистической службы в министерстве экономики. Вагеманн установил контакты между официальными статистиками и разработчиками нового экономического направления, известного как анализ бизнес-циклов (Konjunkturforschung).

В этой главе будет показано, что исследованиям бизнес-циклов предшествовал не такой яркий, но тем не менее важный этап статистических инноваций, который начался сразу же после Первой мировой войны. Можно считать, что эта первая волна реформ была непосредственной реакцией на проблемы вильгельмовского периода, обсуждаемые в главе 1. Хотя реформы этого раннего этапа и были менее зрелищными, чем нововведения, которые удалось осуществить после 1924 года, им было суждено оказать глубокое и продолжительное влияние на развитие германской статистики. Оба проекта, начатые в первой половине 1920-х годов, имели общую цель — превратить германскую статистику в механизм, который позволил бы осуществлять мониторинг капиталистической экономики. В этом отношении они представляли собой два направления одного и того же интеллектуального течения, зародившегося в середине 1890-х годов. Оба они знаменовали фундаменталь-

ный отход от представления о германской экономике как о ремесленной, то есть от концепции, в соответствии с которой собирались статистические данные в эпоху Вильгельма.

Однако отличие этих двух реформаторских проектов состояло в том, как они представляли себе капитализм. Для изучения экономических процессов в конъюнктурных исследованиях использовался холистический подход, основанный на понятиях уравнения обмена и кругооборота (Kreislauf). Напротив, в основе реформ, начатых непосредственно после Первой мировой войны, лежали более конкретные идеи, связанные с организационными процессами. Цель этих реформ состояла в том, чтобы наладить статистический учет главных строительных блоков современной экономики: капиталистических компаний. Обсуждение взаимосвязи этих двух реформаторских проектов, выросших из организационного беспорядка Первой мировой войны, красной нитью пройдет через все главы данной работы.

II

Планы по реформированию германской официальной статистики были оглашены 13 августа 1920 года на межминистерской конференции в Берлине¹¹. На этом мероприятии присутствовали видные представители государственных и коммерческих структур. Министерство экономики, под сенью которого было создано Статистическое управление, прислало не менее 10 представителей, включая госсекретаря Хирша и двух директоров министерства. На этой конференции были представлены все направления новой экономической администрации Рейха — министерство продовольствия и сельского хозяйства, министерство труда и администрация по труду, а также прусское министерство торговли. Кроме того, в конференции участвовали представители от министерства иностранных дел и от управления здравоохранения Рейха. На этом мероприятии не могли не присутствовать официальные статистики. Статистическое управление представляли его президент, д-р Эрнст

¹¹ BAP 39.01 film 37081/10550 RWM, 'Besprechung über die Reorganisation der deutschen Reichsstatistik im RWM 13.8.1920'.

Дельбрюк, а также подающий надежды молодой статистик д-р Ханс Вольфганг Платцер. В работе конференции участвовали и президенты управлений всех земель, а также глава берлинского муниципального управления.

Помимо всей этой пестрой толпы чиновников, присутствовали представители наиболее важных групп интересов в области веймарской политики. Карл Брандт из Центральной рабочей группы одновременно представлял интересы как бизнесменов, так и рабочих. Со стороны бизнеса присутствовали члены Ассоциации германских промышленников металлургической отрасли (Verein deutscher Eisen- und Stahlindustrieller), а также Ассоциации германских инженеров (Verein deutscher Ingenieure, VDI). Чтобы не отставать от других, своего представителя прислало и Всеобщее объединение германских профсоюзов (Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund, ADGB) в лице председателя Карла Легина, известного энтузиаста статистических исследований. По одному лишь списку участников можно судить о том, какое значение имела статистика для веймарской правящей элиты. Ранее никогда не проводилось такого представительного мероприятия. В период Второй империи должность статистика считалась гораздо менее престижной, чем должность чиновника старшего ранга. Теперь же статистиков стали воспринимать как самых влиятельных людей в стране.

Государственный секретарь Хирш определил первоочередные задачи, открыто признав неудовлетворительное состояние существующей официальной статистики: «Необходимость реформирования статистики Рейха была очевидна уже долгое время»¹². Он выразился еще более прямолинейно: «Во время войны статистика Рейха оказалась не в состоянии выполнить задачи, поставленные перед ней центральными властями»¹³. Наряду с разработкой социальной политики (а этим политические лидеры занимались еще с 1870-х годов) германское национальное государство теперь столкнулось с необходимостью сформулировать принципы своей экономической политики.

¹² BAP 39.01 film 37081/10550 RWM, 'Besprechung', p. 3.

¹³ Ibid.

Эта задача возлагала на ее исполнителей новые обязательства и должна была решаться в исключительно сложных условиях. Для управления государством требовалось создать новый вид знания: статистику народного хозяйства. В своей речи Хирш особо отметил, что сотрудники министерства экономики и Имперского статистического управления настроены весьма энергично и готовы к смелым экспериментам. Он открыто критиковал работу германских статистиков в довоенный период, что указывало на его готовность порвать с прошлым. В Веймарской республике отсутствовали освященные веками вильгельмовские традиции, на которые можно было опереться. Новые принципы национального управления экономикой не являлись углублением некоей укоренившейся традиции государственного вмешательства. Напротив, новая экономическая политика создавалась в ответ на катастрофические сбои в функционировании вильгельмовского государства.

Президент Статистического управления Рейха, который впитал в себя дух вильгельмовской эпохи, не внес никакого вклада в решение этой задачи. Эрнст Дельбрюк был одним из наиболее невыразительных представителей своего знаменитого клана¹⁴. Он готовился уйти в отставку и никакой конструктивной роли в статистической деятельности веймарской республики не сыграл. Вместо него работу возглавлял д-р Платцер, наиболее перспективный молодой сотрудник Имперского статистического управления. В памяти последующих поколений Платцер остался как первый представитель армии новых статистиков¹⁵. В первые годы именно он стоял за формулировкой задач экономической статистики. В начале 1920 года Платцер основал новое периодическое издание статистического управления — выходявший раз в две недели бюллетень под названи-

¹⁴ Дельбрюк возглавлял Статистическое управление в период с 1913 по 1923 г., однако в официальной истории его имя даже не упоминается. См.: G. Fürst, *Bevölkerung und Wirtschaft 1872–1972* (Stuttgart, 1972). Никаких упоминаний о нем нет и в Немецкой биографической энциклопедии, см.: *Deutsche Biographische Enzyklopädie* (Munich, 1998).

¹⁵ A. Jacobs, 'Hans Wolfgang Platzer obit.', *ASA*, 46 (1962), pp. 192–193 and A. Jacobs, 'Der Weg bis zum Ende der Reichsstatistik', *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 185 (1971), pp. 289–313.

ем «Экономика и статистика» (Wirtschaft und Statistik – WuS). В августе 1920 года Платцер занимал относительно низкую должность старшего государственного советника (Regierungsrat), однако через год он получил повышение и был назначен членом дирекции, возглавив свой собственный отдел. Теперь от должности президента его отделял лишь один шаг. Руководствуясь идеями Хирша, Платцер выдвинул конкретные предложения по созданию новой национальной системы экономической статистики¹⁶. Для этого требовалось получить статистические данные об уровне цен, уровне заработных плат, объемах производства ведущих отраслей промышленности, состоянии германской внешней торговли, а также о финансах Рейха¹⁷. Состояние сельского хозяйства было вопросом жизни и смерти. Однако, учитывая, насколько высока была степень разочарования и недоверия к правительству у сельских жителей, не было никакой надежды получить у них надежную информацию, используя традиционные статистические методы. Для этого правительству, скорее, нужно было бы проводить опросы под более строгим административным контролем.

Ситуация, сложившаяся в сельском хозяйстве, очень хорошо иллюстрирует более общую проблему. Как отмечал Платцер, для перестройки статистической работы требовалось нечто большее, чем просто административные распоряжения. В ходе войны отчетливо обнаружился скрытый конфликт между государством и бизнесом, связанный с контролем над экономической информацией. В отличие от своих предшественников вильгельмовского периода, у веймарских статистиков имелся в распоряжении закон, обязывающий предоставлять сведения (Auskunftspflicht). Однако вокруг этого закона не стихала

¹⁶ BAP 39.01 film 37081/10550, 'Referat Dr Platzter bei der Besprechung über die Reorganisation der Statistik des Deutschen Reiches, im RWM am 13.8.1920'.

¹⁷ Платцер мог бы также включить в этот список и трудовую статистику, однако по этому вопросу начались споры между министерствами экономики и труда. В результате на совещании в августе 1920 г. этот вопрос не обсуждался. См.: BAP SRA 31.02 3573 и BAP 39.01 film 33203/896, film 37081/10550 и 10422.

упорная борьба. Направлялись запросы в рейхстаг¹⁸. Торговые ассоциации составляли петиции и лоббировали отмену этого закона¹⁹. Против штрафов, предусмотренных этим законом, выступали отдельные предприниматели, стремившиеся добиться решения, которое значительно ограничило бы его применение на практике²⁰. Хотя ко всем этим проявлениям недовольства чиновники относились весьма серьезно, они продолжали упорно держаться за предоставляемые этим законом новые возможности²¹, которые были главными элементами в хрупкой системе контроля над ценами и регулирования торговли. Именно с их помощью веймарская экономическая администрация надеялась сохранить какую-то долю контроля над народным хозяйством²². Министерство экономики призывало агентства, наделенные определенными полномочиями, шире использовать штрафные санкции²³. В тех случаях, когда на местном уровне удавалось добиться апелляции по штрафам, руководство земель передавало дела для слушания в более высокие инстанции²⁴.

Закон о предоставлении сведений, принятый во время войны, был пересмотрен 13 июля 1923 года согласно полномочиям, предусмотренным в случаях непредвиденных обстоятельств, которые были предоставлены правительству Рейха для урегулирования рурского кризиса и возникшей гипер-

¹⁸ BHStA MH 15516 nr. 3086, Reichstag 1. Wahlperiode 1920/21. Anfrage Nr. 1236 Sikovich 29.11.1921.

¹⁹ BHStA MH 15516, *Sächsische Staatszeitung* 263 11.11.1921 and BAK R 43 I/1173.

²⁰ BHStA MJu 15548, *Bayerischer Kurier* 21 21.1.1920, 'Handel und Volkswirtschaft, die Auskunftspflicht gegenüber den Preisprüfungsstellen'.

²¹ BHStA MH 15516, RWM circular 17.2.1921.

²² О значении этого закона о предоставлении сведений для контроля над ценами см.: BHStA MH 15516, Bayerische Landespreisstelle (Zahn) to Bayerisches Staatsmin. für Handel Industrie und Gewerbe 18.11.1921. О его роли в контроле над торговлей см.: BAK R 43 I/1173, A. Goldschmidt, *Revisionsbefugnis und Ausfuhrsperrern* (1922).

²³ BHStA MH 15516, RWM circular 24.12.1920.

²⁴ BHStA MJu 15548, Der Staatsanwalt bei dem Landgericht München I to Bayerischen Staatsmin. der Justiz 22.10.1920 и Der Staatsanwalt bei dem Landgericht München I к Bayerischen Staatsmin. der Justiz 24.1.1921.

инфляции²⁵. Однако какое бы важное значение ни имел этот закон с политической точки зрения, в практическом смысле он не был надежным средством для получения своевременной статистической информации. Центральным властям настоятельно требовалось вступить в сотрудничество с германским бизнесом. Именно поэтому Платцер призвал и предпринимателей, и рабочих принять участие в новых статистических опросах, которые организовывались Имперским статистическим управлением. В Веймарской республике статистикам Рейха следовало привыкнуть к тому, что за информацию нужно бороться. Возврат к довоенному положению в этом случае был невозможен.

В начале 1920-х годов потребность в информации ощущалась особенно остро. Было очевидно, что Веймарская республика стояла на грани экономической катастрофы. Промышленность и торговля переживали тяжелый период перехода от войны к мирной жизни. Запасы угля и топлива находились на критически низком уровне. Было необходимо во что бы то ни стало реинтегрировать Германию в мировой рынок, оживить торговлю и предотвратить голод. Союзники выдвигали требования о непомерных репарациях. Одновременно с этим фискальный кризис угрожал втянуть страну в виток гиперинфляции. Однако у берлинских министерств отсутствовала достоверная информация о состоянии экономики. Отчеты, которые ранее предоставлялись президенту Статистического управления, практически не содержали полезной информации. В них просто перечислялось, какие административные мероприятия были осуществлены министерствами за предыдущий месяц. Правительство оставалось в неведении относительно положения в экономике.

Даже в 1920 году министерство экономики могло предоставить лишь самые отрывочные комментарии о деятельности всего нескольких отраслей промышленности. Отчет о химической промышленности, составленный в январе 1920 года состоял из одного параграфа, содержащего краткие сведения

²⁵ K. E. Thomä, *Auskunfts- und Betriebsprüfungsrecht der Verwaltung, seine rechtstaatlichen Grenzen* (Heidelberg, 1955), pp. 17–18.

о состоянии производства спичек²⁶! Экономические материалы этого периода, в которых статистические данные сведены в аккуратные таблицы, создают неверное представление о состоянии статистической информации, и, хотя это звучит иронично, частично виновато в этом само Статистическое управление. В последующие годы его сотрудники опубликовали весьма полезную книгу, включающую статистические материалы периода инфляции — книгу, которая стала стандартным справочным изданием²⁷. Однако в 1920 году информация практически полностью отсутствовала. Не существовало никаких показателей инфляции, статистика национальной торговли находилась в полном беспорядке, данные по безработице вызывали недоверие даже у администрации по труду, а информация об уровнях безработицы, производства и зарплаток просто отсутствовала²⁸. Веймарская республика предпринимала первые попытки выработать экономическую политику в условиях отсутствия базовой информации об экономике.

III

На совещании в августе 1920 года Платцер фактически представил лишь программу-минимум. Однако те, кому ситуация была известна, понимали, что эта программа уже знаменовала собой отход от традиций вильгельмовского государства. В первую очередь, это относилось к переписям — краеугольному камню германской статистики. Кроме провальных статистических экспериментов периода войны, с 1907 года в Германии не проводилось никаких общих промысловых переписей или переписей рабочих мест. Теперь ощущалась острая необ-

²⁶ BAK R 43 I/1147 no. 102, Отчет об экономической ситуации в феврале 1920 г., представленный министерством экономики в рейхсканцелярию 25.3.1920.

²⁷ SRA, *Zahlen zur Geldentwertung in Deutschland 1914 bis 1923* [Sonderheft 1 zu *Wirtschaft und Statistik*, Bd. 5] (Berlin, 1925).

²⁸ О недостоверности данных по безработице см.: H. Knortz, 'Der Arbeitsmarkt in der frühen Weimarer Republik. Ein Beitrag zur "Vollbeschäftigungstheorie" der Inflationsforschung', *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1997), pp. 119–134.

ходимость в проведении новой переписи, с помощью которой можно было бы определить параметры экономической жизни на новой, уменьшившейся по итогам войны, территории Рейха. Чтобы не повторять неудачи военного периода, требовалось объединить усилия всех статистических ресурсов Германии. После войны германская статистика фактически перешла в руки государства. Однако организация переписей происходила согласно вильгельмовским традициям. Хотя перепись была федеральным мероприятием, Платцеру и берлинским реформаторам повезло — они могли рассчитывать на поддержку прусского Статистического управления, в котором ключевую позицию теперь занимал Рудольф Меерварт.

Перепись 1920 года впервые дала возможность критикам вильгельмовской статистики получить признание. В этом отношении судьбы Платцера и Меерварта очень похожи²⁹. Оба они в 1905 году посещали аспирантский семинар Луйо Brentano. В 1906 году они поступили на работу в Имперское статистическое управление. Они совместно работали над программой реформ, которая была представлена в монографии Меерварта, посвященной проблемам экономической статистики и опубликованной в 1920 году³⁰. Ремесленная концепция экономики, заложенная в основе вильгельмовских переписей, безнадежно устарела. Если к концу XIX века еще и оставались какие-то сомнения на этот счет, то Первая мировая война дала категоричный ответ. Наступила эпоха «развитого» капитализма. Экономика, основу которой составляла продукция мелких аграриев и ремесленников, ушла в прошлое. Квалифицированный ремесленный труд перестал быть основой экономики. В экономике XX века фундаментальной динамической силой стало капиталистическое предприятие. Именно на таких предприятиях труд, капитал и технологии совместно работали для систематического получения прибыли. В крупных капиталистических корпорациях происходил процесс нового разделения

²⁹ О Меерварте см. главу I. О Платцере см. некролог, опубликованный Альфредом Якобсом в: *ASA*, 46 (1962), pp. 192–193, а также статью по случаю его 70-летия, опубликованную в: *ASA*, 33 (1949), pp. 397–399.

³⁰ R. Meerwarth, *Einleitung in die Wirtschaftsstatistik* (Jena, 1920).

труда, и такая организация труда превратила ремесленную модель в пережиток прошлого. Конечно, капиталистическое производство не было абсолютно преобладающей формой производства. Одновременно существовало несколько различных видов экономических организаций. Все еще сохранялось большое количество мелких производителей, которые продолжали придерживаться своих традиционных норм ремесленного производства. Для них ремесло представлялось не столько способом получить прибыль, сколько образом жизни. Однако с точки зрения экономики мелкие производители все больше теряли свое значение.

Если официальная статистика собиралась фиксировать новую экономическую реальность, ее следовало перестроить с учетом идеального типа современного капиталистического предприятия. Как еще до начала войны отметил Меерварт, было чрезвычайно важно, чтобы официальная статистика восстановила диалог с современной экономической наукой³¹. Однако это была не просто экономическая проблема. Что бы статистики ни думали и ни говорили, после окончания Первой мировой войны нельзя было не считаться с мощью организованных капитала и труда, что оказывало сильное давление на германское государство. Если бы государство и далее отказывалось признавать факт существования организованных капиталистических предприятий, то это обрекло бы государственную статистику на положение науки, не способной отразить реальную ситуацию. Поскольку Платцер и Меерварт осознали эту бесспорную историческую логику, они развернули кампанию, цель которой состояла в том, чтобы видоизменить основные подходы к переписи в Германии³².

При пересмотре принципов проведения переписи рабочих мест основную инициативу взяло на себя Статистическое управление в лице Платцера и его младшего коллеги д-ра Вальтера Грэвеля. Как обсуждалось в главе 1, в основе переписей

³¹ R.Meerwarth, 'Die Berufs- und Betriebszählung im Deutschen Reich vom 12. Juni 1907 und ihre Literatur', *DSZ* 5 (1913), pp. 97–106.

³² Более подробно о дебатах по поводу переписи см. следующие материалы: ВАР 39.01 10559 and 10560.

1895 и 1907 годов лежало представление об идеальном типе ремесленных рабочих мест — самодостаточная мастерская. Исследования Меерварта показали, что данные, получаемые в результате использования этой концепции применительно к становящейся все более сложной промышленной экономике, оказывались все более и более запутанными. Многие крупные компании просто игнорировали инструкции. Компаниям, которые были готовы представить информацию о технических аспектах своей деятельности, не давалось никаких инструкций относительно того, как это сделать. Результаты были неоднозначными и неочевидными — по крайней мере для тех, кто стремился реформировать статистику.

Решение, принятое Рейхом и Пруссией, состояло в том, чтобы реорганизовать переписи рабочих мест, проводя их для сбора информации об экономическом подразделении компаний. Властные и контролирующие функции компаний концентрировались в руках их головных офисов. Считалось, что понятие экономического подразделения компании было определено достаточно точно, и это могло бы позволить получить более адекватный результат. Использование понятия экономического подразделения в переписях также дало бы реалистичную картину накопления экономической мощи. Используя информацию из бизнес-отчетов, из материалов торговой ассоциации, а также из академической литературы, статистики могли бы составить карту, на которой были бы отражены основные формы вертикальной и горизонтальной интеграции в германской промышленности³³. Для описания гигантских предприятий германской промышленности можно было бы ввести комбинированные категории: «производители угля и стали», «корпорации тяжелой промышленности», «интегрированные текстильные предприятия».

Прусское Статистическое управление внесло ряд предложений по реорганизации проведения переписей рабочих мест³⁴.

³³ BAP 39.01 10560, SRA, 'Volks, Berufs und Betriebszählung, Das Gewerbeschema' 4.9.1922.

³⁴ BAP 39.01 10559, Meerwarth, 'Grundsätze für die Aufstellung des Berufsverzeichnisses Anlage II. Entwurf B. Neues Schema', April 1921.

Как уже говорилось выше, довоенная промысловая перепись была похожа на перепись рабочих мест в том отношении, что в основе и той и другой лежала концепция ремесленной занятости населения. Кроме того, еще в довоенные годы, промысловая концепция, в которой род занятий рассматривался как профессия, так же как и ремесленная концепция рабочих мест, постепенно начала утрачивать связь с реальностью. А после окончания Первой мировой войны ремесленная модель экономики еще меньше соответствовала фактической ситуации. Технологические изменения, потеря профессионализма, возросшая мобильность трудоустроенного населения, а также массовая безработица сделала промысловую концепцию занятости полностью непригодной.

Меерварт утверждал, что в будущем переписи будут просто регистрировать, каким видом деятельности занят тот или иной работник на день опроса. Более того, было необходимо провести четкое различие между профессией отдельного работника и областью, в которой он работает. Повторим еще раз: этот вопрос вызывал путаницу в переписи 1907 года. Решение, предложенное Меервартом, было очевидным, однако оно могло привести к далеко идущим последствиям. Из него следовало, что в будущем каждый работник будет регистрироваться как по роду выполняемой им деятельности, так и по области его занятости, а персональные навыки больше не будут соотноситься с областью занятости. Следовательно, карта профессиональных навыков и умений не сможет давать сведения о структуре производства.

Предложения по реорганизации, выдвинутые Статистическим управлением Рейха и прусским статистическим бюро, вызвали жаркие споры среди статистиков. В частности, против них выступил Фридрих Цан. Конфронтация между Цаном и «новыми статистиками» походила на конфликт поколений. Как мы уже отмечали, Цан нес личную ответственность за организацию переписей 1895 и 1907 годов. В благодарность за это он был назначен директором баварского статистического бюро. Это была весьма престижная должность, которую ранее занимали такие светила исторической школы, как Рюмелин и фон Майер. Первая мировая война и последовавшие

за ней перемены в германской политической жизни поставили под угрозу карьеру Цана. Новая республика концентрировала власть и финансы на национальном уровне. То же самое должно было происходить и со статистической информацией. Учитывая стесненные обстоятельства Баварии, а также амбиции новых министерств Рейха, мюнхенское Статистическое управление находилось в сложном положении.

В начале 1920-х годов Цан не скрывал, что ему хотелось бы вернуться на службу в Рейх³⁵. Ввиду его заслуг единственной подходящей должностью в Берлине для него была должность президента Имперского статистического управления. К тому же по стандартам вильгельмовского периода никто, кроме Цана, не обладал большей квалификацией, чтобы претендовать на эту должность. Однако мог ли этот факт стать тем критерием, который позволил бы выбрать преемника Дельбрюка? В свете жесткой критики, с которой Хирш, Платцер и Меерварт выступили в адрес вильгельмовской статистики, принятие такого решения становилось сомнительным. Таким образом, исход борьбы вокруг переписи имел для Цана исключительно важное значение. В реформах, с которыми выступили Рейх и Пруссия, таилась угроза полного обесценения работы, которой он посвятил свои молодые годы. Кроме того, они ставили под сомнение его будущую карьеру.

На заседании, состоявшемся в августе 1920 года, Цан пытался позиционировать себя как сторонника новой статистики, способного принести мир в атмосферу беспокойной демократической политики. Статистики должны были помочь новым германским правителям отказаться от догматических представлений и научиться лучше осознавать реальность. «Только так можно было достичь желанной цели — внести экономический аспект в политику и деполитизировать экономику»³⁶. Однако, вступив в конфронтацию с Платцером и Меервартом по поводу переписи, Цан продолжал упрямо придерживать-

³⁵ BAP 39.01 506 no. 9, Walter Abelsdorf to Staatssekretär RAa 3.1.1919 and Bayerisches Hauptstaatsarchiv MInn 79425, Zahn to Bayerisches Königliches Staatsmin. des Innern 30.7.1919.

³⁶ BAP 39.01 film 37081/10550, 'Besprechung', p. 7.

ся традиционных взглядов³⁷. С его точки зрения, в основе их программы реформ лежала некая карикатура на статистику вильгельмовского периода. Многие из того, что теперь подавалось как инновации, обсуждалось и отклонялось прошлым поколением статистиков. Критика, с которой Меерварт выступал против промысловой переписи, была просто неуместной. Никто и не предполагал, что на основе данных о конкретных профессиях будет собираться информация о составе рабочей силы в той или иной промышленности. Такую информацию можно было извлечь из переписи рабочих мест. Предложение Меерварта о том, чтобы работники указывали и свой род занятий, и сферу деятельности, вносило путаницу в оба типа опросов. Теоретически такой подход казался правильным, однако на практике он не мог быть реализован. Характерно, но Цан сомневался, что большинство работников предоставит действительно достоверную информацию о сфере их деятельности³⁸.

Выступая против внесения изменений в перепись рабочих мест, Цан сослался на поддержку статистических управлений других земель. На федеральном уровне переписи, проводимые в вильгельмовский период, имели определенное преимущество: полученные данные давали представление о состоянии экономики в отдельных германских землях. Идея о том, чтобы вести подсчет компаний как экономических подразделений, могла потребовать радикального пересмотра германской экономической географии. В проигрыше оказались бы южногерманские земли. Самые крупные германские промышленные компании стремились разместить свои головные офисы в Берлине, в то время как производство находилось на южных территориях, где заработная плата рабочих была низкой. Если бы было разработано четкое экономическое определение понятия «компания», то обнаружилось бы, что на Пруссию прихо-

³⁷ Их дебаты начались в октябре 1920 г., в Эрфурте, на заседании статистиков, а затем продолжились в июне 1921 г. в Кобурге, в октябре того же года в Геттингене и в сентябре 1922 г. в Магдебурге. См: ВАР 39.01 10559 и 10560.

³⁸ ВАР 39.01 10560, Beratungen des Ausschusses für die Volks-, Berufs- und Betriebszählung in Coburg 14.-15.6.1921, p. 9.

дится непропорциональная доля экономической активности. Поэтому статистические управления южных земель выступали за компромиссную идею считать завод интегрированным физическим подразделением. Это позволило бы подсчитывать местные производства отдельно от контролировавших их головных офисов. Для исполнения мечты Платцера и Меерварта — произвести учет всех экономических подразделений — было бы достаточно иметь набор разнообразных документов о деятельности компаний. Такой подход позволил бы считать единым предприятием отдельные цеха одной той же компании.

За период с 1919 по 1920 год статистические ведомства так и не одобрили планы, представленные Платцером и Меервартом. При обсуждении вопроса об организации переписи рабочих мест лобби земель имело очень сильные позиции, и с этим фактом нельзя было не считаться. Наконец, удалось выработать компромиссное решение — объединить пространственное и экономическое определения единицы рабочего места³⁹. Однако по вопросу о промышленной переписи последнее слово осталось за группами интересов и министерством экономики. На совещании статистиков, проходившем в октябре 1920 года в Эрфурте, представители Центральной рабочей группы выступили в поддержку плана Меерварта. Для взаимодействия между отраслями промышленности была необходима информация о количестве работников в каждой отрасли⁴⁰. Получить эти данные на основе существующей промышленной переписи было невозможно. Высокомерное заявление Цана о том, что рабочие якобы не предоставят достоверную информацию о своей сфере деятельности, не имело ничего общего с реальностью. Начали входить в практику коллективные переговоры рабочих и предпринимателей, а также новые формы найма на работу. Все это сделало вильгельмовскую статистику устаревшей. Рабочие, которые теперь пользовались формальной

³⁹ BAP 39.01 10560, Besprechung des Ausschusses für Volks-, Berufs- und Betriebszählung in Magdeburg am 15.-16.9.1922.

⁴⁰ BAP 39.01 10560, Verhandlungen des Statistikerausschusses in Erfurt 25.-26.10.1920, p. 7.

шкалой заработной платы, прекрасно владели информацией о компании, в которой они работали⁴¹.

Весной 1922 года министерство экономики Рейха наконец-то решило поставить точку в этом вопросе⁴². Госсекретарь Хирш лично направил письмо баварскому правительству. В нем он выразил сожаление по поводу того, что Цан продолжает выступать против выдвинутых предложений⁴³. Его конфронтация не только подрывает доверие к национальной переписи — кроме того, она бесполезна. Реформа была обусловлена фундаментальными изменениями, произошедшими в организации экономики. Это, в свою очередь, означает, что «экономика приобрела специфическую структуру не столько за счет структуры видов деятельности, сколько за счет структуры компаний»⁴⁴. Вопрос был окончательно решен на заседании статистиков, которое проходило в Магдебурге осенью 1922 года. После этого концепция ремесленного характера экономики, которая так долго господствовала в германской официальной статистике, ушла в прошлое. Конкретный вид деятельности и отрасль промышленности теперь во всех случаях должны были рассматриваться отдельно. Это стало победой над консервативным курсом, который пытался проводить Фридрих Цан. Отставка Дельбрюка была неизбежна, а это означало, что путь для радикальных перемен в Имперском статистическом управлении открыт.

IV

С точки зрения профессиональных статистиков, главным вопросом, стоящим на повестке дня в августе 1920 года, был, безусловно, вопрос о переписи. Однако у представителей промышленников и у министерских чиновников были иные

⁴¹ BAP 39.01 10560, Beratungen des Ausschusses für die Volks-, Berufs- und Betriebszählung in Coburg 14.–15.6.1921, p. 12.

⁴² BAP 39.01 10559, SRA memorandum for Coburg meeting 10.6.1921.

⁴³ BAP 31.01 20361, no. 56 RWM, Hirsch в the Regierung des Landes Bayern 8.4.1922.

⁴⁴ BAP 31.01 20361 no. 74 RWM, Hirsch к Zahn 2.2.1922.

приоритеты. Особенно остро ощущалась необходимость в статистических данных по зарплатам и по ценам. Эта информация была исключительно важна для регулирования зарождающейся системы производственных отношений. В Великобритании и в США практика сбора таких данных существовала еще до Первой мировой войны. Статистикам же Веймарской республики эту информацию приходилось собирать по крупицам, наверстывая то, что было упущено в вильгельмовский период. У новой республики не было ни официального национального индекса стоимости жизни, ни достоверных данных об уровне зарплаток в промышленности.

Еще в 1880-е годы рейхстаг требовал провести исследование размеров зарплаток в Германии⁴⁵. В период до 1914 года сотрудники отдела трудовой статистики, включая молодого д-ра Меерварта, вели долгие дискуссии с представителями германской металлургической промышленности, надеясь создать систему статистики заработных плат⁴⁶. Однако все их усилия оказались напрасными. Промышленники отказались предоставить информацию, которая могла бы стать оружием в руках социал-демократов. Во время войны Имперское статистическое управление по собственной инициативе попыталось каким-то образом создать систему статистики заработных плат, основываясь на выборочном анализе данных, полученных от нескольких сотен кооперативов. Эта система получила широкое распространение несмотря на то, что ее надежность вызывала большие сомнения⁴⁷.

В конце войны появилась возможность создать систему, внушающую большее доверие. В начале 1919 года отдел трудовой статистики создал «архив» коллективных соглашений по заработной

⁴⁵ F. Huhle, *Statistik als ein Erkenntnismittel der Wirtschaftspolitik* (Jena, 1938), p. 12.

⁴⁶ W. Gerß, *Lohnstatistik in Deutschland. Methodische, rechtliche und organisatorische Grundlagen seit der Mitte des 19. Jahrhunderts* (Berlin, 1977), pp. 29–30.

⁴⁷ ВАР 39.01 10668 no. 14, Отчет Имперского статистического управления [Statistisches Reichsamt, SRA] по статистике заработных плат и цен, составленный для министерства труда Рейха [Reichsarbeitsministerium, RAM] от 9.8.1919, p. 2. Об интересе к этому вопросу см.: ВАР 39.01 film 32893 no. 25, 27 и 159.

плате⁴⁸. Однако соотношение между ставками заработной платы, зафиксированной в коллективных контрактах, и реальными заработками в промышленности оставалось невыясненным. Результаты, полученные с помощью такого выборочного анализа заработков, были удовлетворительными только с технической точки зрения. Это исследование позволило протестировать взаимодействие (координацию) между Статистическим управлением и Центральной рабочей группой. Первоначально планировалось в декабре 1919 года провести исследование как заработков, так и стоимости жизни⁴⁹. Совместные заседания Статистического управления и Центральной рабочей группы начались в августе. Изучение прожиточного минимума происходило согласно плану. Однако вследствие медлительности Центральной рабочей группы, а также в связи с протестом министерства финансов исследование заработков было отложено. В январе 1920 года было, наконец, достигнуто соглашение о полноценном исследовании, несмотря на опасения, что оно будет весьма затратным. Предполагалось собрать данные о недельных и месячных заработных платах, получаемых не менее чем 10 000 работниками⁵⁰. Вплоть до последней детали это исследование было проникнуто духом корпоративизма — было даже оговорено, что ответ каждого работника должен заверяться советом рабочих компании.

Создание официального индекса стоимости жизни происходило по той же модели. В 1912 году прусские военные первыми выступили с инициативой, потребовав создания хотя бы упрощенной системы национальной статистики цен. Однако администрации земель смогли договориться о единых стандартах лишь в 1914 году⁵¹. К концу войны этот вопрос больше не мог тер-

⁴⁸ BAP 39.01 10668 no. 218, Präs. SRA в RAM 25.11.1919. Заинтересованные стороны даже заставили посетить само Статистическое управление, см.: BAP 39.01 10668 no. 227, DIHT — RAM 5.12.1919.

⁴⁹ BAP 39.01 10668 no. 29, 'Kommissarische Besprechung' 5.8.1919.

⁵⁰ BAP 39.01 10669 no. 92, Письмо SRA в SLA 2.2.1920. Техническое обсуждение этого вопроса см.: R. Scholz, 'Lohn und Beschäftigung als Indikatoren für die soziale Lage der Arbeiterschaft in der Inflation', in G. D. Feldman, C.-L. Holtfrerich, G. A. Ritter and P.-C. Witt (eds.), *Die Anpassung an die Inflation* (Berlin, 1986), pp. 278–322.

⁵¹ GStA 1. HA Rep. 77 3893 no. 101–220.

петь отлагательств. Определение заработной платы путем переговоров все больше регулировалось центральными властями, и министерству труда Рейха настоятельно требовался надежный показатель движения цен⁵². Индекс стоимости жизни очень интересовал как государственных чиновников, так и широкую общественность⁵³. В ответ государственные статистики и статистики, работавшие в других структурах, могли предоставить только приводившие в замешательство таблицы с данными по ценам и индексам. Были созданы местные показатели индексов для Берлина, Магдебурга, Лейпцига, Кельна, Нюрнберга, Манхайма и ряда других крупных промышленных городов⁵⁴. К 1922 году, по словам одного из муниципальных статистиков, «можно было вполне оправданно говорить о маниакальном увлечении индексами <...> Такие показатели <...> росли как грибы после дождя в погожий летний день, и стал просто неуправляемым поток комментариев о показателях индексов и их ценности, которые появлялись в научных публикациях, в ежедневных газетах, в литературе, издаваемой различными ассоциациями, не говоря уже о высказываниях на общественных митингах»⁵⁵. Для министерства труда такое множество конкурирующих показателей обернулось серьезной проблемой. В этой ситуации полного хаоса Рейху нужно было восстановить порядок.

В целом Рейху были нужны свежие официальные статистические данные. Статистическое управление, не имевшее опыта сбора информации по ценам, долго не могло приняться за дело. В течение четырех месяцев, в конце лета и осенью 1919 года, статистики, министерские чиновники, представители рабочих и промышленников ломали головы над тем, как организовать новое статистическое исследование. Главные проблемы состояли в том, чтобы отобрать достаточное количество горо-

⁵² ВАР 39.01 10668 no. 3, Отчет RAM — Tarifamt und Lohn (Preis-) Statistik, 31.7.1919.

⁵³ См. запросы на информацию от министерств, компаний и групп интересов: ВАР 39.01 10668 no. 142–152, ВАР 39.01 10658 no. 145–146 и no. 212.

⁵⁴ ВА 39.01 14–17.

⁵⁵ ВА 39.01 15 no. 13, *Mitteilungen des Statistischen Amtes der Stadt Leipzig*, NF, Heft 4, p. 4.

дов, в которых будет производиться сбор информации; решить, какие товары должны быть включены в индекс, а также определить вес каждого товара в потребительской корзине⁵⁶. Наконец, 18 ноября 1919 года Статистическое управление разослало копии официальных опросников в статистические управления земель⁵⁷. В обзор должны были входить цены на наиболее важные продукты питания, стоимость топлива для обогрева и освещения, а также размер арендной платы. Поскольку иная свежая информация отсутствовала, схема весов была основана на данных о бюджете рабочих, полученных в 1907 году. Опрос должен был проводиться во всех городах с населением более 10 000 жителей, то есть приблизительно в 600 городах. Местные власти должны были передать в статистические управления их земель информацию о текущих ценах на 10 декабря 1919 года.

Чтобы избежать последующих обвинений в подтасовке результатов, ответы от муниципальных чиновников должны были заверяться местными комитетами каждого из городов, состоявшими из представителей работодателей и работников. Это делалось для того, чтобы к сбору данных о ценах подключить местные корпоративные структуры, которые были созданы во время демобилизации⁵⁸. Такая процедура согласования ответов была исключительно важной, поскольку главная задача местных властей состояла в том, чтобы получить согласованную базу данных, на основе которой должны были устанавливаться заработные платы на местах. Статистическим управлениям земель было поручено проверять полученные ответы и составлять сводные региональные показатели. Результаты нужно было передать в Берлин до 28 января 1920 года. К началу февраля 1920 года Статистическое управление Рейха впервые располагало национальными статистическими данными о стоимости жизни. Этот обзор был повторен 10 февраля 1920 года, а затем проводился ежемесячно⁵⁹. Однако несмотря

⁵⁶ BAP 39.01 10668 no. 14, 45, 57, 103.

⁵⁷ BAP 39.01 10668 no. 145, SRA в SLa 18.11.1919.

⁵⁸ R. Bessel, *Germany After the First World War* (Oxford, 1993), pp. 110–111.

⁵⁹ BAP 39.01 10669 no. 135, SRA to SLa 29.1.1920, а также BAP 39.01 10658 no. 5, RAM to SRA 15.5.1920.

на огромный общественный интерес⁶⁰, вопросы, задаваемые Национальной ассамблее⁶¹, и давление со стороны групп интересов⁶², министерство труда отказывалось дать разрешение на публикацию этих данных⁶³, поскольку не имело полной уверенности в достоверности данных, полученных в результате этого обзора. Национальная статистика цен за февраль 1920 года была обнародована лишь в августе 1920 года⁶⁴. Статистическое управление смогло начать публиковать ежемесячный национальный индекс стоимости жизни, основанный на довоенных стандартах лишь в апреле 1921 года⁶⁵. Согласно так называемому индексу Рейха (Reichsindex), стоимость жизни в 13 раз превышала довоенные показатели!⁶⁶ Таким образом, первая фаза катастрофической инфляции так и не была отражена в статистике Рейха⁶⁷.

V

Опубликование индекса Рейха позволило выполнить главную задачу, поставленную Платцером и Хиршем в августе 1920 года. Авторитетный официальный индекс стоимости жизни и обзор заработков были важным дополнением к новым функциям официальной экономической статистики. Казалось, что на за-

⁶⁰ См. запрос на получение информации от работодателей: ВАР 39.01 10669 no. 237, ВАР 39.01 10658 no. 1, 16, 19, 94.

⁶¹ ВАР 39.01 10669 no. 221, *Stenographische Berichte der Nationalversammlung*, 152. Sitzung, 9.3.1920, p. 4786.

⁶² ВАР 39.01 10658 no. 4, Vereinigung der Deutschen Arbeitgeberverbände to RAM 7.4.1920.

⁶³ См. ответ министерства труда Национальной ассамблее: ВАР 39.01 10669 no. 221, *Stenographische Berichte der Nationalversammlung*, 152. Sitzung, 9.3.1920, p. 4786, а также Федерации работодателей: ВАР 39.01 10658 No 4, RAM в Vereinigung der Deutschen Arbeitgeberverbände 15.5.1920.

⁶⁴ ВАР 39.01 10658 no. 98, SRA to RAM 10.8.1920, а также no. 108 и 109, RAM, Press Release 'Teuerungsstat' 25.8.1920.

⁶⁵ *WuS* 1 (1921), 1, 20.1.1921, p. 20.

⁶⁶ *WuS* 1 (1921), p. 170.

⁶⁷ Это противоречит точке зрения С. Б. Вебба, сформулированной в работе: *Hyperinflation and Stabilization in Weimar Germany* (Oxford, 1989), p. 10.

седании также не было разногласий и по поводу других приоритетных задач. Все присутствующие — чиновники, представители профсоюзов, промышленники и ученые — согласились с предложенной Платцером основной повесткой дня⁶⁸. Легин с энтузиазмом поддержал идею профсоюзного движения проводить обзоры заработков. Даже представитель тяжелой промышленности выразил готовность сотрудничать с правительством в сборе статистической информации. Могло показаться, что развитие экономической статистики является общим делом правящей элиты Веймарской республики. Однако в действительности все было не так.

С самого начала планы по широкомасштабному исследованию заработков были встречены в штыки. На самом деле еще до совещания, состоявшегося в августе 1920 года, первые попытки собрать данные о заработках закончились неудачей. Хотя Центральная рабочая группа одобрила опросники и процедуру проведения опроса по заработкам, крупнейшие работодатели различных областей Германии выступили с общим бойкотом. Список проявивших непослушание предпринимателей, составленный прусским статистическим бюро, включал многих гигантов германской промышленности: GHH (сталелитейная и машиностроительная промышленность), Benz und Cie (электротехника), Gebr. Siemens und Co. (машиностроение), Hansa-werke (кораблестроение), Friedr. Klöckner (машиностроение), Simson und Co. (машиностроение), а также практически все ведущие корпорации тяжелой промышленности Рурского бассейна⁶⁹.

В марте 1920 года, для того чтобы провести опрос, правительство было вынуждено прибегнуть к закону военного времени об обязательном предоставлении статистической информации (Auskunftspflicht). Это позволяло привлечь компании к судебной ответственности. Однако в условиях инфляции неизбежная задержка привела к тому, что собранная информация потеряла свое значение. Первые результаты февральско-

⁶⁸ BAP 39.01 film 37081/10550, 'Besprechung', pp. 14–16.

⁶⁹ BAP 39.01 10670 no. 89, 'Verzeichnis der Firmen die auf das Rundschreiben des preussischen SLa v. 4.2.1920 ... und das Erinnerungsschreiben v. 24.3.20 nicht geantwortet haben.'

го опроса начали поступать из Статистического управления Рейха лишь в ноябре 1920 года⁷⁰. Как радостно отметил Союз германской промышленности, такая статистика если и представляла какой-либо интерес, то только с исторической точки зрения⁷¹. Было запланировано попробовать провести перепись еще раз. Чтобы обеспечить эффективные рычаги давления, администрация Рейха даже приступила к трудоемкому процессу принятия особого закона, который позволил бы собрать статистические данные по заработным платам. На каждом этапе работодатели и их союзники оказывали сопротивление, и поэтому проект закона был передан в рейхстаг лишь летом 1922 года. Однако к этому времени инфляция ускорила до такой степени, что в процессе сложного и медленного опроса не оставалось никаких шансов получить хоть какую-нибудь полезную информацию⁷².

Инфляция позволила германским промышленникам избежать столь неудобного для них обзора заработков, а фискальный кризис, являвшийся основной причиной инфляции, помешал проведению переписи населения. К осени 1922 года, когда, наконец, завершились дебаты по поводу формата переписи населения, оказалось практически невозможным обеспечить осмысленный расчет издержек на проект, который планировалось продолжать в течение ряда лет. Темпы инфляции были слишком высокими и волатильными. Согласно первоначальным оценкам 1920 года, издержки должны были составить 50 млн марок. К осени 1922 года эта цифра увеличилась до 1 млрд марок и продолжала расти ежедневно⁷³. Увеличение издержек вполне соответствовало реальности. Во время инфляции относительная цена на неквалифицированный рабочий труд и на бумагу — основные составляющие любой переписи

⁷⁰ Первым сектором промышленности, результаты по которому были полностью проанализированы, стало строительство. См.: ВАР 39.01 10671 no. 9, SRA в RAM 15.11.1920.

⁷¹ ВАР 39.01 10670 no. 81, RdI в RAM 2.6.1920, а также no. 82, RAM в RdI 24.6.1920.

⁷² ВАР 39.01 10676 no. 241, RWM в RAM 9.6.1923.

⁷³ ВАР 39.01 10561, RAM циркуляр 27.12.1922.

си — значительно увеличилась. Финансовое положение земель и так было весьма непрочным, а платить за обработку данных пришлось бы именно им.

В любом случае, расходы на проведение переписи были только половиной проблемы. В германской экономике происходили быстрые изменения. Столь необходимые результаты переписи устарели бы прежде, чем были бы обработаны, не говоря уже об их публикации. Не было никаких перспектив получить информацию, которая представляла бы ценность с практической точки зрения. В декабре 1922 года было принято решение отложить проведение переписи до тех пор, пока не стабилизируется обстановка в стране. Д-р Вальтер Грэвель, ассистент Платцера, рассказал об этой печальной ситуации в официальном бюллетене германской статистической ассоциации⁷⁴. Учитывая атмосферу полного апокалипсиса, выводы Грэвеля были воистину драматичными. Дни гигантских переписей, которые проводились в XIX веке, остались в прошлом. Затраты были слишком велики, а процедура — чересчур трудоемкой. Официальные статистики теперь могли следить за событиями только путем использования новомодных технологий, таких как выборочные исследования. Как мы увидим далее, на протяжении всей своей карьеры Вальтер Грэвель сохранял отрицательное отношение к переписям.

Индекс стоимости жизни (*Reichsindex*), который был основан на самой простейшей выборке, начал, наконец, использоваться в апреле 1922 года. Однако оказалось, что и этот показатель был весьма ненадежным. Его недостаток состоял в том, что этот индекс давал лишь частичное представление о тратах рабочих. В частности, в него не были включены расходы на одежду. Использование более полных индексов, разработанных муниципальными статистиками, обнаружило, что эта статья расходов является наиболее волатильным компонентом инфляции⁷⁵. Таким образом, *Reichsindex* критиковали за то, что в нем недооценивались истинные темпы увеличения стоимости жизни, а также предвзято, то есть в пользу работодателей, учитыва-

⁷⁴ W. Grävell, 'Die Not der Statistik und die Repräsentativ-Methode', *ASA*, 13 (1921/ 1922), pp. 345–353.

⁷⁵ *WuS* 1 (1921), pp. 20–21.

лись размеры заработной платы⁷⁶. Статистическое управление хорошо осознавало эти недостатки. Однако и в этом случае проблемы создавали представители бизнеса. Германские торговцы текстилем отказались помочь статистикам в подборе типичной одежды для рабочих⁷⁷. В феврале 1922 года правительство было вынуждено начать исследование цен на текстильную продукцию без участия представителей торговли⁷⁸. Ассоциация текстильной промышленности даже пошла на то, что призвала своих членов давать неправильные ответы на опросники⁷⁹. Статистики сделали все от них зависящее, и начиная с мая 1922 года показатели расходов на одежду были наконец-то включены в индекс стоимости жизни⁸⁰. Как и предсказывали профсоюзы, индекс оказался почти на 10% выше, чем показатель, не учитывающий одежду.

Однако в третьем квартале 1922 года процесс этого медленно-го улучшения расчетов прекратился, что было связано с изменившимися обстоятельствами. Согласно индексу Рейха, за год инфляция увеличилась до 467%, а затем, в феврале 1923 года, подпрыгнула до 1030%. Теперь точность цифр была второстепенным вопросом. Самым важным являлось получение свежей информации, поэтому частные агентства и местные статистические бюро публиковали индексы раз в две недели или даже еженедельно⁸¹. Правда, министерство труда не разрешило Статистическому управлению последовать их примеру⁸². Админи-

⁷⁶ BAP 39.01 10659 no. 162, Gewerkschaftsbund der Angestellten в RAM 10.9.1921.

⁷⁷ См. дебаты с представителями промышленности: BAP 39.01 10658 no. 41, 42, 87–93, а также BAP 39.01 10659 no. 185.

⁷⁸ BAP 39.01 10659 no. 218, RWM to RAM 19.12.1921, BAP 39.01 10660 no. 23, Sitzung im SRA 5.1.1922, BAP 39.01 10660 no. 24–27, 'Erläuterungen zur Besprechung 5.1.1922 im SRA', а также BAP 39.01 10659 no. 225, RAM в RWM 9.1.1922.

⁷⁹ BAP 62 DAF 3 8819 no. 126, *Der Deutsche*, 137, 18.6.1922 'Krasse Verfälschung von statistischem Zahlenmaterial. Die "Herstellung" von Textilpreisen'.

⁸⁰ *WiS* 2 (1922), p. 370.

⁸¹ *WiS* 1 (1921), p. 364.

⁸² BAP 39.01 10661 no. 40, RAM/III/A Vermerk 20.10.1922. RAM было разделено на отделы, в соответствии с решаемыми проблемами, см.: BAP 39.01 10661 no. 28, 44, 48.

страция по труду с ужасом наблюдала за ускорением темпов роста заработных плат и цен. В марте и в мае 1923 года кабинет Рейха, усыпленный иллюзией временной стабилизации, проголосовал за то, чтобы публиковать индекс стоимости жизни ежемесячно⁸³. Когда летом 1923 года произошел последний астрономический скачок инфляции, Статистическое управление было вынуждено согласиться на ежемесячные публикации. Таким образом, индекс стоимости жизни утратил всякий смысл.

Министерство труда окончательно признало необходимость автоматической индексации еженедельных заработных плат лишь в середине июня 1923 года⁸⁴. Хотя у статистиков не было времени на тщательную проработку этого вопроса, им было приказано еженедельно рассчитывать индекс, с которым можно было бы соотносить уровень заработной платы по стране в целом⁸⁵. Результатом было полное фиаско⁸⁶. Статистическое управление делало отчаянные попытки уложиться в срок, и поэтому процедура расчетов имела определенные изъяны. Собирались данные за несколько недель, что дало противоречивые результаты. В третью неделю августа 1923 года Статистическое управление сначала заявило, что темпы инфляции составляют 50%, а через несколько дней внесло коррективы и назва-

⁸³ В начале 1923 г. земли начали публиковать собственные еженедельные индексы, что не могло не умалить значение индекса Рейха. См.: BAP 39.01 10661 no. 112, RWM в RAM 19.2.1923, p. 1. Однако RAM отказывалось дать добро на более частые публикации, ссылаясь на решение кабинета. См.: BAP 39.01 10661 no. 116, RAM/III/A Meldung к Staatssekretär 2.3.1923; BAP 39.01 10661 no. 117, RAM записка от 14.3.1923, а также BAP 39.01 10661 no. 219, 'Auszug aus dem Protokoll der Sitzung des Reichsministeriums 25.5.1923'.

⁸⁴ J. Bähr, *Staatliche Schlichtung in der Weimarer Republik. Tarifpolitik, Korporatismus und industrieller Konflikt zwischen Inflation und Deflation 1919–1932* (Berlin, 1989), pp. 66–67; H. A. Winkler, *Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918 bis 1924* (Berlin, 1984), pp. 608–609; G. D. Feldman and I. Steinisch, *Industrie und Gewerkschaften 1918–1924. Die überforderte Zentralarbeitsgemeinschaft* (Stuttgart, 1985), p. 110.

⁸⁵ BAP 39.01 10661 no. 277–283.

⁸⁶ BAP 39.01 10662 no. 110, отчет президиума SRA о еженедельном индексе от 3.9.1923, BAP 39.01 10662 no. 17, записка RAM от 8.9.1923.

ло цифру 75%. Это вызвало настоящий скандал в прессе⁸⁷. Статистическое управление могло спасти свою репутацию только призвав на помощь группы интересов. Профсоюзы и работодатели уже несли ответственность за сверку ответов, полученных в результате опросов. Теперь они были назначены членами национальной комиссии по статистике цен⁸⁸. На какое-то время Статистическое управление утратило свой авторитет в качестве надежного источника информации. Достоверность официальных данных можно было обеспечить только благодаря тесному взаимодействию промышленников и рабочих.

VI

Предполагалось, что официальная статистика может стать внешним объективным средством для измерения социально-экономических реалий. Период «полной дезорганизации экономики»⁸⁹ обнаружил, что такая отстраненная объективность сама по себе является продуктом социального и экономического порядка, определяемым рядом взаимосвязанных факторов: авторитарное государство, минимальный уровень консенсуса в гражданском обществе, а также уровень стабильности исследуемой экономики. Если до 1914 года эти факторы ограничивали действия официальной статистики, то в период после окончания Первой мировой войны они стали запредельными. К 1923 году в Германии стало практически невозможно собирать статистические данные. Новые экономические администраторы Веймарской республики обладали огромными амбициями. Статистическое управление занималось разработкой новой концепции капиталистической эко-

⁸⁷ BAP 39.01 10662 no. 23, *Vorwärts*, 399, 28.8.23 'Indexwirrwarr', BAP 39.01 10662 no. 22, *Industrie und Handelszeitung*, 198, 29.8.23, BAP 39.01 10662 no. 27, *Industrie und Handelszeitung*, 201, 1.9.23, BAP 39.01 10662 no. 103, Verband der Deutschen Schuh- und Schäftefabrikanten в RAM 31.8.1923.

⁸⁸ См.: BAP 39.01 10662 no. 132, RWM в Verband der deutschen Schuh- und Schäftefabrikanten e.V. 5.10.1923, а также BAP 39.01 10662 no. 188, SRA в RAM 22.10.1923.

⁸⁹ Имеется в виду период гиперинфляции в Германии в 1919–1923 гг. — *Прим. ред.*

номики. Однако с практической точки зрения успехи были невелики.

Статистические исследования — дело весьма деликатное. Они дают результат только в том случае, если общество не раскололось вследствие политических, социальных и экономических конфликтов. В государстве, в котором происходит широкомаштабный фискальный кризис и наблюдается гиперинфляция, статистические обзоры были одновременно недоступными и нерезультативными. В ситуации открытой конфронтации между государственными политическими институтами и силами гражданского общества у официальных статистиков не было никаких шансов организовать эффективные опросы. Кроме того, вряд ли можно было ожидать, что их с таким трудом добытые результаты будут приняты с благодарностью⁹⁰.

Между 1923 и 1924 годами Веймарская республика вступила в период консервативной консолидации. Рейхсвер установил порядок в стране, подавив как правые, так и левые вооруженные формирования. Крушение инфляционного бума и растущая безработица значительно ослабили профсоюзы. Бизнес заключил мир с Республикой, причем в основном на своих условиях. США и Великобритания вынудили Францию покинуть территорию Рурского бассейна, тем самым восстановив целостность германского государства. После принятия плана Дауэса в 1924 году вливание американского капитала обеспечило необходимые условия для проведения репараций. Поскольку политический и экономический порядок были восстановлены, механизмы официальной статистики вновь пришли в действие. Очень скоро Статистическое управление смогло выполнить свое обещание, данное на заседании в августе 1920 года.

В июне 1925 года наконец начали реализовываться планы по проведению переписи. Первые результаты появились в 1926 году. Однако, как и в 1907 году, получение итоговых статистических данных задерживались в связи с медленной ра-

⁹⁰ Такой вывод следует из аргументов, приведенных в работе Витта. См.: P.-C. Witt, 'Staatliche Wirtschaftspolitik in Deutschland 1918–1923: Entwicklung und Zerstörung einer modernen wirtschaftspolitischen Strategie', in G. D. Feldman, C.-L. Holtfrerich, G. A. Ritter and P.-C. Witt (eds.), *The German Inflation Reconsidered. A Preliminary Balance* (Berlin, 1982), pp. 151–179.

ботой прусского управления, не получавшего достаточного финансирования. Неудивительно, что результаты подтвердили правильность основных аргументов Меерварта, Платцера и других сторонников реформ. Начиная с 1907 года увеличение численности рабочих мест и единиц техники происходило практически только на предприятиях, на которых работало более 50 человек. Такое увеличение было совершенно непропорциональным на самых крупных заводах, на которых было более 1000 рабочих⁹¹. Картина станет еще более наглядной, если рабочую силу распределить по экономическим подразделениям (компаниям), а не по отдельным сферам производства. Всё большая концентрация собственности привела к тому, что 60% рабочих, трудившихся в промышленности, и 40% работников, оказывавших транспортные и торговые услуги, были сконцентрированы в компаниях с 50 и более работниками⁹². Более того, эти крупные предприятия все больше становились похожими на открытые акционерные компании. Доля их рабочих мест в торговле и промышленности увеличилась с одной восьмой в 1907 году до одной пятой в 1925 году⁹³. Было очевидно, что корпоративный капитализм набирает силу.

Действительно, к середине 1920-х годов уже никого не удивляло, что запоздалая публикация результатов переписи практически не вызвала общественного интереса. Индекс стоимости жизни же, напротив, привлекал всеобщее внимание. После неразберихи 1923 года обсуждению этого индекса были посвящены закрытые трехсторонние переговоры с участием представителей работодателей и профсоюзов, в результате которых было принято решение вновь использовать *Reichsindex* в качестве официального национального показателя стоимости жизни. Имелись все основания полагать, что этот пересмотренный индекс, обнародованный в 1925 году, найдет поддержку политического мейнстрима⁹⁴. Когда на *Reichsindex* ополчились в коммунистической прессе, в его защиту сразу же выступила

⁹¹ *WuS* 7(1927), pp. 158–173, 446–457 и *WuS* 8(1928), pp. 46–49.

⁹² *WuS* 10(1930), pp. 122–125.

⁹³ *Ibid.*, pp. 186–189.

⁹⁴ ВАР 39.01 10664 no. 105–106, no. 156–158, 163.

социал-демократическая ежедневная газета *Vorwärts*⁹⁵. Теперь, имея поддержку в лице профсоюзов, можно было не брать в расчет критиков индекса, объявив их невежественными пустословами. Однако по вопросу о зарплатах в промышленности добиться такого консенсуса было невозможно. Все последующие попытки провести добровольный опрос в текстильной промышленности провалились⁹⁶. Опрос должен был проводиться с учетом закона 1922 года. Результаты, опубликованные в декабре 1927 года, обнаружили весьма значительный разрыв между фактическими зарплатами и коллективно согласованными размерами заработной платы. Эта информация была настолько важна, что убедила даже скептически настроенных работодателей. В период с 1927 по 1933 год Статистическому управлению удалось провести опросы в 18 других отраслях промышленности. Никакого сопротивления им при этом не оказывалось⁹⁷.

Лишь в середине 1920-х годов германским официальным статистикам удалось расширить деятельность и выйти за рамки, предписанные программой, принятой в августе 1920 года. Новая концепция, предложенная Меервартом и Платцером, состояла в том, чтобы считать экономическим подразделением ту структуру капиталистической экономики, которая реально принимает решения, то есть компанию. Однако на практике при переписи 1925 года статистики были вынуждены регистрировать гораздо менее информативное подразделение — компанию, рассматриваемую как юридическое лицо, а не как экономическую единицу. Официальные германские статистики откровенно признавали, что такой подход не соответствовал уложняющейся корпоративной структуре экономики Германии. Крупнейшие компании все больше использовали трасты

⁹⁵ Главная проблема состояла в том, что сфере строительства, которая сильно зависела от размера ренты, был выделен очень большой вес. Это делало индекс стоимости жизни более высоким, чем это было на самом деле. См.: ВАР 39.01 10664 no. 245, 280 и ВАР 39.01 10664 no. 273, *Vorwärts* 419, 5.9.1925 'Der mißverständliche Index'. 95 ВАР 39.01 10676 no. 321 и ВАР 39.01 10677 no. 24, 89–136, 306.

⁹⁶ ВАР 39.01 10676 no. 321 и ВАР 39.01 10677 no. 24, 89–136 и 306.

⁹⁷ ВАР 39.01 10679 no. 181 RAM записка от 5.5.1933.

и холдинги, чтобы замаскировать свою собственность в разветвленных экономических предприятиях. Большое количество отдельных юридических лиц могло бы, по сути, считаться единой экономической единицей.

В постинфляционный период социал-демократы и либералы вели горячие дебаты по поводу природы собственности и контроля в современной экономике⁹⁸. Прежде всего, требовалась бóльшая публичность, что дало бы возможность потребовать отчетов от руководства корпораций и от миноритарных акционеров, обладавших правами контроля. Закрытость информации представляла собой главное препятствие. По словам представителей Статистического управления, если использовать стандартные опросники, то не будет никаких шансов получить достоверную информацию о реальном «господстве капиталистов»⁹⁹. Только с помощью журналистов, ведущих свои расследования, и неторопливого пошагового анализа можно найти информацию, которая так тщательно оберегалась от глаз общественности, профсоюзов и налоговиков. Весной 1925 года, после того как комитет по экономике рейхстага заявил о необходимости анализа экономической значимости концернов¹⁰⁰, Статистическому управлению было предложено несколько расширить собственные исследования.

С 1906 года Имперское статистическое управление вело и постоянно обновляло реестр всех германских акционерных компаний. Согласно Коммерческому кодексу 1900 года, компании должны были регулярно публиковать отчеты и объявлять о любых изменениях в своем капитале. Статистическое управление наряду с этой рутинной информацией регулярно собирало

⁹⁸ C. W. Bajak, 'The Third Reich's Corporation Law of 1937', PhD thesis, Yale University (1986), pp. 7–60.

⁹⁹ BAP 39.01 10559, Beratungen des Ausschusses für die Volks, Berufs und Betriebszählung, Göttingen 21.-22.10.1921, p. 5.

¹⁰⁰ U. Roeske, 'Die bürgerliche Wirtschaftsstatistik insbesondere von Großbanken, Monopolen und Wirtschaftsverbänden. Organisations- und Strukturprobleme vom Beginn des Imperialismus bis zum Beginn des II. Weltkrieges', Diplomarbeit. Sektion Geschichte. Bereich Archivwissenschaft, University of Berlin (1974), а также M. Vogelsang, 'Die deutsche Konzernstatistik. Ein geschichtlicher, kritischer und technischer Beitrag', ASA, 19 (1929), pp. 29–46.

данные, отслеживая финансовую прессу. Управление поставило перед собой задачу создать на основе этих архивов реестр о структуре собственности всего германского бизнеса. Такое исследование потребовало огромного труда. В некоторых случаях, для того чтобы выяснить, что собой представляет группа «независимых» компаний, зарегистрированных по одному и тому же адресу, приходилось сверяться с телефонными справочниками. После того как цепочка владений, организованных в форме трастов, устанавливалась, результаты передавались для сверки в центральные офисы предполагаемых собственников.

Сводные результаты были опубликованы в феврале 1927 года. Это положило начало новой серии статистических монографий¹⁰¹. В целом Статистическому управлению удалось идентифицировать 330 концернов, которые контролировали 3500 германских компаний и 500 зарубежных филиалов. Как признавали сами статистики, этот список был далеко не полным — 15% корпораций отказались от какого-то ни было сотрудничества, а среди них были такие гиганты, как *Vereinigte Stahlwerke*, *Stinnes*, *Wintershall*, *Zeiß* и *Schultheiß-Patzenhofer*. Многие другие компании предоставили либо поверхностную, либо неверную информацию. Однако это не заставило Статистическое управление сложить руки. Внутри управления был создан специальный отдел, которому было поручено отслеживать структуру корпоративной собственности. К 1931 году были составлены дела по 1688 концернам и компаниям, организованным как трасты. Эта информация использовалась для различных внутренних нужд, включая оценку размеров инвестиций в промышленность. Однако эти данные не были обнародованы. Вопрос о публикации второго издания монографии, содержащей статистические данные по концернам, обсуждался в начале 1933 года, однако представители германской промышленности выступили против этого.

Работа по изучению корпоративной собственности не была единственным исследованием, в котором развивались идеи про-

¹⁰¹ SRA, *Konzerne, Interessensgemeinschaften und ähnliche Zusammenschlüsse im Deutschen Reich Ende 1926. Einzelschriften zur Statistik des Deutschen Reichs Nr. 1* (Berlin, 1927).

граммы Меерварта и Платцера. В течение 1920-х годов из официальных и неофициальных источников поступали и другие, еще более перспективные, предложения. В период между 1927 и 1929 годами под эгидой Германской статистической ассоциации была создана комиссия для выяснения возможностей более тесного взаимодействия между статистикой бизнеса и статистикой национальной экономики¹⁰². Хотя детали работы этой комиссии не входят непосредственно в круг наших интересов, отметим, что ее деятельность имела существенное значение, в первую очередь потому, что ей не только удалось развить идеи Меерварта и Платцера, но и увязать их с трендами, наблюдавшимися в германских экономических исследованиях по бизнесу. Если с точки зрения национальной экономической статистики капитализм можно было описать как совокупность капиталистических компаний, то тогда, безусловно, представление о капиталистической экономике в целом следовало основывать на анализе бухгалтерских и управленческих отчетов компаний. Для того чтобы нарисовать картину такой капиталистической экономики, комиссия рекомендовала ввести новые формы статистики и отчетности, на основе которых можно было бы создать агрегированную систему национальной статистики. При этом, конечно, не было учтено, что компании будут стремиться утаивать информацию, что постоянно создавало препятствия для сбора более полных статистических данных об экономике.

Тем не менее идея о единой интегрированной системе экономической информации, включающей всю совокупность данных, начиная с отчетов компаний и заканчивая национальными счетами, все еще сохраняла свой соблазнительный технократический шарм. В 1932 году первые практические шаги по ее реализации предпринял Вальтер Грэвель. Как уже говорилось выше, в период инфляции молодой д-р Грэвель пришел к нестандартным выводам по поводу судьбы переписи. После бурных лет ученичества, Грэвеля ожидала весьма не-

¹⁰² C. Eisfeld, 'Die wissenschaftliche und praktische Entwicklung der Betriebsstatistik', ASA, 17 (1927/1928), pp. 432–440, A. Isaac, 'Die betriebswirtschaftliche Statistik im Dienste der Konjunkturforschung', ASA, 18 (1928/1929), pp. 558–565, A. Isaac, 'Zusammenarbeit der volkswirtschaftlichen und privatwirtschaftlichen Statistik', ASA, 19 (1929/1930), pp. 347–360.

ровная карьера. Он был откомандирован в канцелярию Рейха, где помогал в создании экономического консультативного отдела. Затем он был направлен в Чили в качестве консультанта правительства по статистическим вопросам. Вернувшись в Германию в 1929 году, он занял должность директора по торговой статистике в Статистическом управлении. Это позволило ему возглавить собственный крупный отдел¹⁰³.

В наследство ему досталась система, пережившая целое десятилетие административных преобразований¹⁰⁴. Законодательство по реформе, принятое в 1928 году, наконец отрегулировало систему учета, которая гарантировала точную фиксацию данных по импортным и экспортным операциям. Летом 1931 года Грэвель обратил внимание на то, что внешне казалось очередным раундом незначительных административных действий по улучшению работы. Большая часть импортеров и крупных экспортеров получила разрешение ежемесячно осуществлять «групповую регистрацию» своих зарубежных операций. Вместо того чтобы регистрировать каждую отдельную партию товаров на таможене, импортирующие и экспортирующие компании теперь могли раз в месяц отсылать отчет о своей внешнеэкономической деятельности непосредственно в Статистическое управление. Это значительно уменьшило бумажную волокиту. Однако еще более важным было то, что это изменение давало возможность по-новому собирать и обрабатывать статистические данные. Все существовавшие в то время системы торговой статистики фиксировали факт физического перемещения товаров через национальные границы. Грэвель же хотел получать ежемесячные отчеты от импортеров и экспортеров. Тогда перемещение товаров было бы непосредственно увязано с тем или иным бизнесом, что, в свою очередь, позволило бы выяснить, какие германские компании производили товары на экспорт и какие компании первыми получали импортируемые товары.

Если бы воспользовались рекомендациями Меерварта и Платцера, то статистический анализ нужно было бы про-

¹⁰³ Walter Grävell 65, ASA, 40(1956), p. 176 и ASA, 46(1962), pp. 81–83.

¹⁰⁴ C. Berliner, 'Die Reform der deutschen Außenhandelsstatistik', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 29(1929), pp. 320–333.

изводить взят за основу компанию в качестве экономического подразделения. Грэвель был не столь наивен, чтобы полагать, что в условиях того времени предлагаемая ими система могла стать полноценной заменой традиционной торговой статистики. Отчеты, предоставляемые большинством компаний, не позволяли регистрировать каждый отдельный бизнес, который занимался внешнеэкономической деятельностью. Более того, невозможно было выяснить а priori, какая из компаний будет проводить зарубежные операции в определенном месяце. Естественно, трудно было ожидать, что частные компании будут подавать сведения по собственной инициативе. А значит, Статистическому управлению придется составлять и обновлять данные обо всех торговых компаниях. В начале 1930-х годов это было технически нецелесообразно и несоразмерно дорого.

Однако, по всей очевидности, имелись шансы на сотрудничество с теми секторами, где торговля регулировалась картелями или контролировалась гигантскими корпорациями. Поскольку их отчеты были составлены согласно требованиям официальной торговой статистики, не было никакой необходимости регистрировать одну и ту же транзакцию дважды — сначала в бухгалтерских ведомостях корпорации, а затем в официальном опроснике, заполненном на таможне. Почему бы не включить в официальную статистику бухгалтерские записи самих компаний? Грэвель, таким образом, объединил атомистическую концепцию капитализма, разработанную Меервартом и Платцером, с синтетическими разработками Германской статистической ассоциации, получив в результате цельное представление о социальной и статистической структуре экономики. Он писал:

Безусловно, один из главных недостатков организации современной статистической работы состоит в том, что происходит слишком много дублирования. Организационная реформа должна объединить все агентства, так или иначе связанные со статистикой, как частные, так и государственные, в единую цепь, которая будет создавать единый набор статистических данных, удовлетворяющий потребностям всех заинтересованных лиц¹⁰⁵.

¹⁰⁵ W. Grävell, 'Statistische Abgabe und Anmeldung zur Handelsstatistik', ASA, 22 (1932/1933), pp. 69–80, p. 80.

Таким образом, стремление к административной эффективности привело Грэвеля к радикальному представлению об организации статистики. «Единая цепь» могла бы заменить далеко не совершенную перепись, а также трудоемкую, но неточную систему торговой статистики. В ходе работы Грэвеля было суждено воплотить свои фантазии об административной рационализации в совершенно неожиданных практических мероприятиях.

VII

Создание Веймарской республики знаменовало фундаментально новый период в истории германской государственной статистики. Наверное, можно утверждать, что многие аспекты германской государственности характеризовались консерватизмом и сохранением реакционных традиций. Однако благодаря появлению республики в области социального и экономического администрирования были запущены поистине инновационные процессы. Впервые была создана национальная система экономического администрирования. В этом отношении о преемственности говорить невозможно хотя бы потому, что до 1916 года такого института просто не существовало. Большинство ведущих сотрудников этих новых государственных агентств поступило на государственную службу либо во время войны, либо сразу после ее окончания, и к вильгельмовскому прошлому они относились безо всякого почтения. Они приняли новую программу управления национальной экономикой, и статистики должны были как-то на это отреагировать. В начале 1920-х годов Рейх предпринял энергичные усилия по реорганизации статистической системы, унаследованной от вильгельмовской империи.

В период до 1914 года государственные статистики не интересовались процессом развития современного капитализма и не изучали ни концептуальные, ни организационные аспекты этой проблемы. После 1914 года в фокусе исследований оказался корпоративный капитализм. Для таких ученых, как Платцер и Меерварт, это означало, что наконец-то появился шанс реализовать давние профессиональные мечты и что теперь можно

будет быстро продвинуться по служебной лестнице. Другие исследователи, например Цан, почувствовали в этом угрозу краха их профессиональной карьеры. Достаточно агрессивная новая программа официальной статистики была встречена в штыки не только в государственных структурах. Партизанская тактика германского бизнеса практически парализовала официальные статистические исследования. Однако, несмотря на резкое сокращение расходов на исследования в 1924 году, вызванное инфляцией, Статистическое управление не только продолжало разрабатывать инновационные проекты, но и реализовывало их все более быстрыми темпами.

3. Веймарская макроэкономическая статистика, 1924–1929

Летним днем 1925 года в конференц-зале Статистического управления Рейха, находившегося в Берлине, собралась толпа народа — торжественно открывался новый центр экономических исследований, так называемый Институт конъюнктурных исследований (Institut für Konjunkturforschung, IfK). Список участников этого мероприятия был даже более впечатляющим, чем в августе 1920 года на открытии вновь созданного Статистического управления¹. Собрание возглавлял профессор д-р Эрнст Вагеманн, незадолго до этого назначенный президентом Статистического управления Рейха. Германское государство было представлено сотрудниками министерства экономики (RWM), делегатами от Пруссии и Баварии, от Рейхсбанка, Национальных железных дорог, а также муниципальных советов. Еще более удивительным было разнообразие представителей частного бизнеса. Институт воплощал в себе полномасштабный корпоратизм. Ведущие ассоциации германского сельского хозяйства и промышленности — Совет по сельскому хозяйству Германии, Национальный совет торговых палат и Союз германской промышленности Рейха — претендовали занять по два места каждая в попечительском совете (Kuratorium) этого института. Торговля и финансы были представлены Центральной ассоциацией германской оптовой торговли, Главной ассоциацией германской розничной торговли, Централь-

¹ GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 2, Protokoll über die am 16.7.1925 stattgehabte Sitzung zwecks Gründung eines Instituts für Konjunkturforschung.

ной ассоциацией германских банков и банкиров, Центральной ассоциацией германских потребительских кооперативов. Каждая из этих ассоциаций имела по одному месту. И, наконец, чтобы достроить эту треугольную конструкцию, в попечительский совет были включены Генеральная федерация германских профсоюзов (ADGB), Генеральная ассоциация христианских профсоюзов, а также Совет служащих и Ассоциация государственных служащих. Фактически, как с гордостью заявил Вагеманн, приглашение войти в состав попечительского совета было отклонено только представителями верфей, но даже и те пообещали свою поддержку.

Главная задача нового института состояла в том, чтобы объединить интенсивный статистический мониторинг флуктуаций в экономике (*Konjunkturbeobachtung*) и научный анализ бизнес-циклов (*Konjunkturforschung*). Как стало понятно в начале 1920-х годов, теперь требовалось, чтобы новые данные поступали в совершенно ином объеме и с другой скоростью. Институт и Статистическое управление должны публиковать совместные ежеквартальные, ежемесячные и даже еженедельные отчеты. Одновременно с этим предполагалось, что новый исследовательский центр будет обрабатывать статистические данные, используя «социально-экономические методы», и выявлять «в процессе экономического кругооборота существенные закономерности»². Институт должен будет проводить исследование статистических временных рядов с целью отделения регулярных сезонных колебаний от основных трендов и циклов. Он будет изучать взаимоотношения между монетарными переменными и выпуском продукции в натуральных показателях в течение цикла, а также их влияние на торговый баланс. В его задачи также будет входить анализ воздействия бизнес-циклов на отдельные компании. Предполагалось, что данные о сырье институт будет получать из Статистического управления Рейха, а также пользоваться информацией попечительского совета — тогда ему потребуется минимальный бюджет. В то же время статус независимой организации позволит ему заниматься гораздо более оригинальными ис-

² GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 2, Protokoll, p. 7.

следованиями статистических данных, чем те, которые проводит Статистическое управление. В частности, институт мог бы рискнуть проникнуть в такие чисто теоретические области статистических оценок, которые были неподвластны официальным статистикам.

Созданию Института конъюнктурных исследований суждено было стать важнейшей вехой в истории германской официальной статистики. В течение последующих десятилетий Статистическое управление Рейха и Институт конъюнктурных исследований занимались осуществлением чрезвычайно амбициозной программы экономических исследований. Начали поступать новые данные, которые отличались от прежних не только количеством, но имели совершенно иной характер. В то время как в реформы начала 1920-х годов было перенесено многое из дискуссий вильгельмовского периода, инновации, внедряемые после 1925 года, знаменовали собой фундаментальный разрыв с прошлым. Экономические эксперты вступили в новые отношения с политическими силами. Более того, Вагеманн и его сотрудники утверждали, что у них имеются возможности для прогнозирования, поскольку они снабжали политиков определенными сценариями развития, на основе которых те могли принимать долгосрочные решения. В то же время исследователи института Вагеманна переписали историю германской экономики, и даже в наше время историки обращаются за информацией к работам, опубликованным этим институтом и веймарским статистическим бюро³. Эти работы оказались столь долговечными главным образом благодаря тому, что в интеллектуальном отношении исследовательский институт Вагеманна опередил свое время. Как будет показано в этой главе, программа Института конъюнктурных исследований, получавшего финансирование от Веймарской республики, была одним из первых выдающихся достижений в эмпириче-

³ См., например, статьи, опубликованные в работе: С. Buchheim, M. Hutter and H. James (eds.), *Zerrissene Zwischenkriegszeit. Wirtschaftshistorische Beiträge* (Baden-Baden, 1994), а также: A. Ritschl and M. Spoerer, 'Das Bruttosozialprodukt in Deutschland nach den amtlichen Volkseinkommens- und Sozialproduktsstatistiken, 1901–1995', *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1997), pp. 27–54.

ских исследованиях макроэкономики. Институт конъюнктурных исследований и Статистическое управление способствовали формированию интеллектуальной вселенной, в которой мы живем и по сей день.

I

Чем объясняется такое поразительное развитие? Современная литература не дает ответа на этот вопрос. Те немногочисленные исследователи, которые занимаются изучением эмпирической истории экономики Веймарской республики, не смогли осознать значение статистических инноваций, внедренных после 1925 года⁴. Безусловно, отчасти это связано с традиционной недооценкой эмпирических знаний по сравнению с историей развития идей и экономической теории в целом. Но тогда напрашивается вопрос: почему же не получила адекватной оценки концептуальная оригинальность веймарской новой макроэкономической статистики? Ответ кроется в самом названии Института конъюнктурных исследований. Наверное, по вполне понятным причинам работа веймарских экономистов-статистиков обычно воспринималась как германский вариант модного в то время анализа бизнес-циклов⁵.

В 1920-е годы такие исследования проводились по всему миру. Исследовательские центры появились в США, СССР, Великобритании, Франции, Нидерландах, Швеции и Италии. Однако, как будет показано в этой главе, исследования бизнес-циклов, которые проводились берлинским Институтом конъюнктурных исследований и Статистическим управлением Рейха, фундаментальным образом отличались от традиционного анализа бизнес-циклов 1920-х годов. В результате их отождествления из поля зрения выпала интеллектуальная оригинальность работы Вагеманна и его коллег, а также не была по достоинству

⁴ См.: В. Kulla, *Die Anfänge der empirischen Konjunkturforschung in Deutschland 1925–1933* (Berlin, 1996) и Е. Coenen, *La 'Konjunkturforschung' en Allemagne et Autriche 1925–1933* (Paris, 1964).

⁵ Лучший обзор по этому вопросу приведен в работе: М. S. Morgan, *The History of Econometric Ideas* (Cambridge, 1990).

оценена ее практическая значимость. Конъюнктурные исследования, в том виде, как они проводились в 1920-е годы, утратили свою актуальность в 1930-е годы. Это было связано с тем, что ученые, занимавшиеся анализом бизнес-циклов, не смогли предсказать самого крупного из них — Великую депрессию 1929–1932 годов. В интеллектуальном отношении, конъюнктурные исследования были вытеснены «Кейнсианской революцией» и появлением математической эконометрики. Это закрепило тенденцию считать, что анализ бизнес-циклов в Германии завершился в 1933 году. На самом же деле Институт конъюнктурных исследований продолжал свое существование и после захвата власти нацистами. Как будет показано в данной работе, этому институту, который и дальше находился под контролем своего основателя Эрнста Вагеманна, суждено было заложить интеллектуальный фундамент для организации военной экономики нацистской Германии.

Это, однако, затемняется тем фактом, что деятельность института ассоциировалась исключительно с анализом бизнес-циклов, и в этом неверном представлении об институте изначально был виноват сам Эрнст Вагеманн. Он совершенно сознательно направлял работу возглавляемого им института в русло интеллектуальной традиции теории бизнес-циклов⁶. Эта теория появилась в 1860-х годах, когда одновременно были опубликованы работы британского экономиста Уильяма Стэнли Дживонса и французского экономиста Клемана Жюгляра. Они заложили основы научного исследования бизнес-циклов, установив, что пик коммерческого кризиса представляет собой лишь один из этапов непрерывного процесса экономических флуктуаций, при котором в самом кризисе зарождается фаза его ликвидации. Затем, в свою очередь, эта фаза создает условия для фазы экономического процветания, бума, а затем следует новый кризис.

Научный анализ бизнес-циклов накопил критическую массу лишь к началу XX века. Первым в целом ряду серьезных работ было исследование М. И. Туган-Барановского, посвященное

⁶ Это историческое описание было заимствовано из работы: E. Wagemann, *Konjunkturlehre* (Berlin, 1928), pp. 3–9.

анализу бизнес-циклов в Великобритании. Оно было опубликовано на русском языке в 1894 году и переведено на немецкий язык в 1901 году. За ним последовали работы, изданные в США: «Покупательная сила денег» Ирвина Фишера (1911) и «Бизнес-циклы» Уэсли Митчелла (1913). Из книг, опубликованных в Великобритании можно назвать «Богатство и благосостояние» А. С. Пигу (1912), «Хорошая и плохая торговля» Р. Дж. Хоутри (1913), а также «Исследование промышленных флуктуаций» Дэнниса Робертсона (1915). Не меньший интерес эта проблема вызывала и у немецкоязычных исследователей. Шмоллер окончательно закрепил за этой проблемой статус исключительной важности, разместив дискуссию о бизнес-циклах в своей работе *Grundriss* (1904)⁷. Союз социальной политики (*Verein für Sozialpolitik*) начиная с 1903 года ежегодно издавал результаты статистических исследований. Все это подготовило почву для работ более молодого поколения ученых: в довоенное десятилетие разработкой проблемы кризисов и бизнес-циклов занялись такие исследователи, как Вернер Зомбарт, Артур Шпитхофф и Йозеф Шумпетер.

Однако Вагеманна интересовала не столько академическая литература, имевшая исторический и теоретический характер, сколько первые попытки направить экономическую теорию бизнес-циклов в практическое русло. Впервые эту теорию удалось использовать в практических целях исследователям в США. Ближе к концу XIX века некоторые коммерческие организации начали проводить регулярный анализ экономической ситуации и одновременно делать прогнозы на будущее. Статистическая организация Бабсона и экономическая служба Брукмайера поставили экономическую статистику и статистические исследования на коммерческие рельсы⁸. Основываясь на метеорологической модели, они попытались создать систему показателей, с помощью которых можно было интерпретировать поток текущих данных, получаемых с рынков

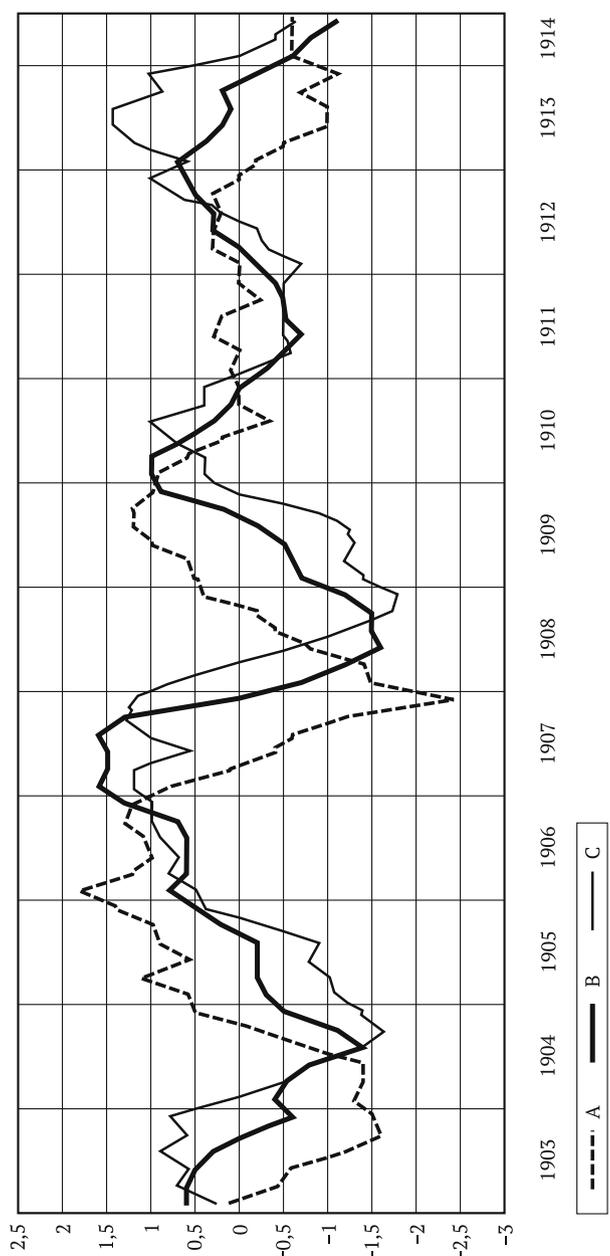
⁷ Имеется в виду книга: *Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre*. Lpz., 1900–1904. Т. 1–2. — *Прим. ред.*

⁸ R. W. Babson, *Actions and Reactions. An Autobiography of Roger W. Babson* (New York, 1935).

и из бизнес-отчетов⁹. Стабильные паттерны, на основе которых, как считалось, можно было делать прогнозы, использовались в так называемых бизнес-барометрах. Наиболее широкое распространение получил барометр, созданный Гарвардским комитетом макроэкономических исследований (рис. 1). Комитет анализировал изображенное тремя кривыми движение цен на рынке капитала (группа А), на рынке товаров (группа В) и на денежном рынке (группа С). Движение цен было проанализировано за период с конца XIX века, и сотрудники комитета полагали, что им удалось установить регулярную последовательность в изменениях показателей рынка капиталов и цен на основные товары, а также в динамике процентных ставок.

Действительно новаторским аспектом работы комитета было усовершенствование методик статистических расчетов. Сотрудниками комитета впервые был применен базовый подход к исследованию статистических временных рядов, который используется и в наши дни. Данные каждого временного ряда раскладывались на три компонента: тренд, определяющий развитие; факторы, характеризующие сезонные изменения; и собственно «бизнес-цикл». Циклические движения различных рядов «нормировались» путем приравнивания их среднеквадратичного отклонения к единице. Затем комитет поставил задачу найти такие показатели, которые имели бы стандартные паттерны изменений, — параллельные, либо противоположные по направлению. Сравнение проводилось в основном с помощью визуальных средств. Расчет коэффициентов корреляции для каждой пары рядов был бы слишком трудоемким. После того как выявлялся четкий паттерн поступательного и запаздывающего движения, ряды группировались в так называемые барометры. Однако, в то время как статистические методики, разработанные гарвардским комитетом, были инновационными, его теоретические исследования стояли на месте. Комитет с гордостью заявлял, что может осуществлять свою работу, не опираясь на экономическую теорию. Временные

⁹ О состоянии метеорологии в тот период см.: R. M. Friedman, *Appropriating the Weather. Vilhelm Bjerknes and the Construction of a Modern Meteorology* (Ithaca, 1989).

Группа А: Доходность 10 облигаций железнодорожных компаний; стоимость акций промышленных компаний; стоимость 20 акций железнодорожных компаний; данные Нью-Йоркской фондовой биржи.

Группа В: Производство чугуна; внебиржевой рынок; цены Брэдстрит; резервы банков Нью-Йорка.

Группа С: Процентные ставки по 4–6-месячным ценным бумагам; процентные ставки по 60-дневным ценным бумагам; кредиты банков США; депозиты банков США.

Рис. 1. Гарвардский барометр экономики США, 1903–1914

Источник: Review of Economic Statistics (April 1919).

ряды механически просматривались, а затем отбирались просто с учетом степени их корреляции. Тем не менее в 1920-х годах американский пример породил множество подражателей в разных странах Европы. В Англии Лондонская школа экономики и экономический факультет Кембриджского университета начали совместную работу, создав так называемую Лондонскую и Кембриджскую экономическую службу. В СССР начал проводить свои знаменитые эксперименты Н. Д. Кондратьев¹⁰. Разработки гарвардского комитета с энтузиазмом были восприняты и в Германии.

Неудивительно поэтому, что Вагеманн по моде того времени считал свой проект исследованием бизнес-циклов. Это позволило ему позиционировать свой институт как часть международного научного сообщества, объединявшего ученых из разных промышленно развитых стран. Еще более важным был тот факт, что исследования бизнес-циклов открывали весьма привлекательную перспективу для практического эмпиризма. Вагеманн полагал, что с помощью научных разработок института удастся найти выход из методологического тупика, в котором, по его мнению, еще в конце XIX века застряла германская экономическая наука. Кроме того, было бы трудно отрицать, что методики, разработанные гарвардским комитетом, оказали мощное влияние на первые эксперименты, посвященные исследованиям бизнес-циклов, которые были проведены в Веймарской республике. В министерстве экономики Рейха (RWM) не кто иной, как Вагеманн руководил составлением ежемесячных экономических отчетов для президента Рейха. Поначалу скромные записки, эти отчеты впоследствии превратились в подробнейшие меморандумы, в которых, помимо отчетов по отдельным отраслям, содержался общий анализ состояния экономики. В 1923 году, когда Вагеманн еще работал в министерстве экономики Рейха, эти отчеты достигли высшей точки своего развития — тогда были опубликованы *Deutsche Wirtschaftszahlen* (германские экономические показатели) — сводный список показателей, составленных по гарвардскому

¹⁰ V. Barnett, *Kondratiev and the Dynamics of Economic Development: Long Cycles and Industrial Growth in Historical Context* (London, 1998).

образцу, которые были предназначены для использования чиновниками Рейха¹¹.

Однако первоначальный энтузиазм Вагеманна по поводу американского эмпиризма обошелся ему дорого. Когда он основывал Институт конъюнктурных исследований, целью его было создать Академию экономических исследований. Эта идея возникла у него в связи с тем, что он остро ощущал отсутствие интеллектуального и институционального единства в германской экономической теории. Такого же мнения придерживались и другие его современники, например Шумпетер¹². Вагеманн надеялся, что институт, поставив в центр исследования эмпирические аспекты экономики, поможет объединить германских экономистов. Германскую экономическую теорию необходимо было перестроить по американскому образцу¹³.

Однако Вагеманна ожидало разочарование. Американизация Веймарской республики дала ряд противоречивых результатов, и сильнее всего это затронуло университеты¹⁴. Учитывая уровень развития экономической науки в Германии, вряд ли можно говорить о том, что весь германский ученый мир оказался в оппозиции Вагеманну и его институту. Однако Вагеманну все-таки удалось нажить несколько явных врагов, которые больше всего возражали против «американского эмпиризма» в работе института. Артур Шпитхофф, ведущий представитель исторического анализа бизнес-циклов, с самого начала отказался от всякого сотрудничества¹⁵. Впоследствии он финансировал диссертацию, целью которой было в пух и прах разнести работу института и в которой институт назы-

¹¹ BAP 07.01 film 19065N/2110 no. 3, Präs. SRA to Reichskanzlei 3.10.1924. Рейхсканцелярию настолько интересовали эти отчеты, что она заказывала для себя по три копии. См.: BAP 07.01 film 19065N/2110 no. 8, Reichskanzlei v: SRA 8.10.1924.

¹² J. A. Schumpeter, 'Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart in Deutschland', in *Dogmenhistorische und Biographische Aufsätze* (Tübingen, 1954), pp. 255–284.

¹³ Wagemann, *Konjunkturlehre*, pp. iii–v, 1–20.

¹⁴ E. Nolan, *Visions of Modernity. American Business and the Modernization of Germany* (Oxford, 1994).

¹⁵ E. Coenen, *La Konjunkturforschung* (Paris, 1964), pp. 45–52.

вался всего лишь жалким подражанием гарвардского комитета¹⁶. Профессор Карл Диль, ведущий специалист все еще влиятельного Союза социальной политики (Verein für Sozialpolitik), выступил против института, выпустив под своей редакцией два сборника статей в престижной серии книг, издаваемой союзом¹⁷. Из представителей более молодого поколения главным критиком института был Адольф Лёве, бывший сотрудник Вагеманна. Хотя сам Лёве в течение непродолжительного времени находился под влиянием методики гарвардского комитета, теперь он высказывался в духе методологического пуризма, утверждая, что между индуктивным эмпиризмом и строгой а priori теорией пролегает непреодолимая пропасть¹⁸. И в этом случае на институт вновь навешивались гарвардские ярлыки. Вагеманн отбивался от этих обвинений, однако все его попытки были тщетны. В академических кругах авторитетность Института конъюнктурных исследований так, по сути, и оставалась весьма сомнительной. Историки последующих поколений вторили злым обвинениям современников Вагеманна. Критику Диля, Лёве и Шпитхоффа они скорее были готовы принять за чистую монету, нежели трактовать ее как стычки в давно забытой «войне культур».

II

Задача этой главы состоит в том, чтобы заново пересмотреть оценки Института конъюнктурных исследований, и начать мы должны с переоценки деятельности его основателя — Эрнста Вагеманна. Историки не оценили его по заслугам. Те немногие исследователи, которые занимались изучением его незаурядной карьеры, опираясь на мнения современников,

¹⁶ H. Kuschmann, *Die Untersuchungen des Berliner Instituts für Konjunkturforschung. Darstellung und Kritik* (Jena, 1933).

¹⁷ K. Diehl (ed.), *Beiträge zur Wirtschaftstheorie. Erster Teil: Volkseinkommen und Volksvermögen. Begriffskritische Untersuchungen. Schriften des Vereins für Sozialpolitik (SVS) 173 I* (Munich, 1926), а также *Zweiter Teil: Konjunkturforschung und Konjunkturtheorie 173 II* (Munich, 1928).

¹⁸ A. Löwe, 'Wie ist Konjunkturtheorie überhaupt möglich?', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 24 (1926), pp. 165–196.

ошибочно видели в Вагеманне очень конфликтного человека. Действительно, не так легко понять, каким был создатель новаторской веймарской экономической статистики. К сожалению, он не оставил после себя никаких личных архивов. Поэтому мы можем воссоздать голые факты, относящиеся к началу его карьеры, только на основе его анкеты¹⁹. Вагеманн родился в Чили в 1884 году, в семье немецких эмигрантов. Учился в Гёттингене и Берлине. Затем, в 1907 году, защитил докторскую диссертацию в Гейдельбергском университете. После этого он преподавал в новом Институте колониальной экономики в Гамбурге. Война помогла его головокружительной карьере на государственной службе. В 1916 году Вагеманн возглавил статистический отдел военного управления продовольствием. В послевоенный период его карьерному росту во многом способствовали контакты, которые он приобрел во время войны. В 1919 году он начал преподавательскую деятельность в престижном Берлинском университете. Затем, в том же году, Юлиус Хирш, его бывший начальник в управлении продовольствием, пригласил его вернуться на государственную службу. В министерстве экономики Рейха он отвечал за общий экономический анализ и за контакты со статистическим управлением. За должность президента Статистического управления он мог соперничать, пожалуй, только с Фридрихом Цаном. Однако кандидатура Цана не вполне соответствовала амбициям министерства, стремившегося произвести модернизацию (см. главу 2). С декабря 1923 года Вагеманн осуществлял эффективный контроль над управлением, а в марте 1924 года был официально назначен преемником Дельбрюка. Что же касается его личной жизни, то разрыв с вильгельмовским прошлым здесь был менее радикальным: в декабре 1927 года он женился на Герте Дельбрюк, дочери Эрнста Дельбрюка.

В последующие годы Вагеманн заработал себе легендарную славу искусного политика и человека, умеющего установить деловые контакты. Говорили, что он управлял своим подразделением как просвещенный деспот. Автор одной из юбилейных статей (*Festschrift*), обыгрывая его латиноамериканское

¹⁹ С.в. (анкета) Вагеманна хранится в: Archiv der Humboldt Uni. U.K.W.9 no. 1.

место рождения, даже назвал его конкистадором²⁰. Конечно, он был истинным чиновником. С самого начала он взял в свои руки власть над всей германской статистикой. Сразу же после его назначения на должность, Статистическое управление Рейха было реорганизовано²¹. Вместо трех ранее существовавших отделов появилось четыре. В реорганизованном I отделе, находившемся в непосредственном подчинении у Вагеманна, было создано подразделение, которое занималось общими экономическими наблюдениями, статистикой бизнес-циклов и статистикой репараций. Финансовая статистика была передана вновь созданному IV отделу. Самое важное преобразование состояло в том, что социальная и экономическая статистика, которые в XIX веке считались единой дисциплиной, теперь были разделены. Социальную статистику объединили с демографической и медицинской статистикой. И это была не последняя реорганизация, проведенная в течение 1920-х годов. Однако при ее осуществлении была разработана модель для всех последующих преобразований. Летом 1925 года Вагеманн основал Институт конъюнктурных исследований. К весне следующего года сотрудниками этого института был подготовлен первый выпуск из знаменитых квартальных обзоров. Далее мы будем еще более подробно обсуждать вопрос о расширении Статистического управления. Поразительными являются даже голые цифры. Во время правления Вагеманна число сотрудников увеличилось втрое (см. табл. 2). В 1933 году даже главному сопернику Вагеманна, Фридриху Цану, пришлось признать, что тот является одним из выдающихся германских «ученых-предпринимателей»²².

Однако в описаниях личности Вагеманна присутствует элемент неоднозначности. В них признается его динамичность, но также содержатся намеки на некоторые странности в его

²⁰ A. Wissler, *Ernst Wagemann: Begründer der empirischen Konjunkturforschung in Deutschland* (Berlin 1954), pp. 10–15.

²¹ U. Roeske, 'Die amtliche Statistik des Deutschen Reichs 1872 bis 1939. Historische Entwicklung, Organisationsstruktur, Veröffentlichungen', *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1978), pp. 85–107.

²² 'Das große Schlagwort', *Der Deutsche* 67, 19.3.1933.

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВО СЛУЖАЩИХ
В СТАТИСТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ РЕЙХА, 1923–1932

Дата	Количество
1923 октябрь	1300
1924 июнь	1000
1925 октябрь	1030
1925 апрель	1299
1926 апрель	1538
1927 апрель	2093
1928 июль	2566
1929 июль	3016
1932 июль	1784

ПРИМЕЧАНИЕ: В эти цифры включены государственные служащие, канцелярские и временные работники.

Источники: 1923: GStA 1. HA Rep. 77 3884 no. 188, 'Konferenz', p. 15. 1924–7: Verhandlungen des Reichstags III. Wahlperiode 1924 Anlagen vol. 398 Nr. 343, vol. 403 Nr. 1147, vol. 409 Nr. 2562, vol. 416 Nr. 3503. 1928 and 1929: Verhandlungen des Reichstags IV. Wahlperiode 1928 Anlagen vol. 433 Nr. 724, vol. 439 Nr. 1568.

поведении. Его энергия не умещалась в обычных границах, которые определялись родом его деятельности — и в качестве государственного чиновника, и в качестве ученого («человека науки»). В устах такого видного представителя истеблишмента, как Цан, комплимент «ученый-предприниматель» звучал более чем сомнительно. Стиль поведения Вагеманна был весьма экстравагантным. Он носил костюмы белого цвета, жил на широкую ногу. И во времена Веймарской республики, и в период Третьего рейха ему предъявлялись обвинения в самоуправстве и коррупции. Его обвиняли в некомпетентном руководстве статистическим управлением, а также в том, что он оказывал неподобающие знаки внимания узкому кругу своих доверенных сотрудников. Ходили отвратительные слухи о «его распущен-

ности и аморальном поведении». Эти слухи якобы подтверждал его шофер²³.

Кроме того, постоянно возникали вопросы о деньгах. Из каких средств Вагеманн оплачивал свою роскошную жизнь? Как он мог объяснить весьма солидные доходы, которые он получал за множество полуофициальных публикаций, издаваемых институтом? Брал ли он взятки от издателей взамен на то, что разрешал им работать по собственному усмотрению? Бюрократическая империя Вагеманна выкачивала деньги из такого количества самых разных источников, что это не могло не вызывать недоумения. Отсутствие регулярной бухгалтерской отчетности развязывало ему руки, и он сам устанавливал размер заработных плат своим сотрудникам. Это была материальная основа для его большого и лояльного исследовательского коллектива. Однако отсутствие прозрачности возбуждало зависть у рядовых сотрудников, а также вызывало подозрения у министерских бухгалтеров. Еще более важным был тот факт, что внутренняя тревога чиновников была вызвана постоянными попытками Вагеманна усилить роль Статистического управления. Он стремился по-своему очертить границы экономической науки и экономической политики, а затем заново определить их взаимоотношения. Неудивительно, что это вызывало негативную реакцию. С одной стороны, его обвиняли в том, что, вместо того чтобы использовать ресурсы для выполнения надлежащих административных функций «традиционной» официальной статистики, он бросал их на проведение сомнительных «научных» исследований. С другой стороны, существовало еще более серьезное опасение, что он якобы хотел потеснить традиционных защитников государства из администрации, заменив доверенных государственных служащих на новомодных экспертов.

В мире, в котором активная деятельность и пассивная созерцательность рассматриваются как диаметрально противоположные, мнение о Вагеманне как о ловком политикане мешало его репутации серьезного ученого. В целом в интел-

²³ ВАР R 43 II/1157e no.14, Staatssek. Reichsmin. Innern to Reichskanzlei 10.3.1933, p. 7.

лектуальном отношении его считали легковесным²⁴. Из-за этого Институт конъюнктурных исследований стали рассматривать как какой-то местный вариант гарвардского комитета с его упрощенным пониманием эмпиризма. На самом деле суть проекта Вагеманна состояла в установлении продуктивного диалога между экономической теорией и статистическими измерениями. Как и другие его современники, например Зомбарт и Шумпетер, Вагеманн ставил перед собой фундаментальную задачу — устранить провалы, которые образовались в германской экономической науке в результате методологических споров между двумя поколениями ученых. Он считал, что экономическая наука могла бы стать практической дисциплиной, если бы новые методы эмпирических исследований удалось поместить в необходимые теоретические рамки. Какие же аналитические средства лежали в основе проекта Вагеманна? Очень важное наблюдение по этому поводу сделал Йозеф Шумпетер, давнишний почитатель института, в своей работе «История экономического анализа» (1954). По словам Шумпетера, работы, опубликованные Статистическим управлением и Институтом конъюнктурных исследований, были для Вагеманна некоторой заменой незавершенного второго тома его «Трактата о монетарной экономике»²⁵. Первый, единственный опубликованный, том «Трактата» был завершен в мае 1923 года, когда в стране началась гиперинфляция²⁶. Менее чем через год после этого Вагеманн возглавил Статистическое управление. Хотя эта книга полностью выпала из поля зрения историков германской экономической науки, в ней в действительности содержится ключ к правильному пониманию германской экономической статистики в период после 1924 года²⁷.

²⁴ Kulla, *Die Anfänge*, pp. 43–48. Еще в одном исследовании он назван «чистым эмпириком». См.: R. Vilk, *Von der Konjunkturtheorie zur Theorie der Konjunkturpolitik. Ein historischer Abriß 1930–1945* (Wiesbaden, 1992), p. 186.

²⁵ J. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York, 1954b), p. 1166; Й. А. Шумпетер, *История экономического анализа: в 3 т.* (Санкт-Петербург, 2004), с. 1533.

²⁶ E. Wagemann, *Allgemeine Geldlehre* (Berlin, 1923).

²⁷ Подробная хвалебная рецензия содержится в работе: H. S. Ellis, *German Monetary Theory 1905–1933* (Cambridge, 1937).

Наряду с некоторыми другими теоретиками этого периода Вагеманн использовал классическую монетарную теорию как трамплин для разработки совершенно нового представления о макроэкономике. В стиле большинства германских академических трудов по экономике в «Трактате» Вагеманна описывается как история денег, так и история монетарной теории. Таким образом, Вагеманн пытался представить свою собственную точку зрения, обосновав ее двумя аргументами. Он не только выдвинул идею о синтезе наиболее важных направлений монетарной теории, существовавших в немецкоязычном и англоязычном научных мирах. Вагеманн также стремился показать, что его концептуальная парадигма была необходимым сопровождением существовавшей в то время стадии развития капитализма. Как и многие его современники, о которых говорилось в главе I, Вагеманн был убежден, что мир вступает в новую фазу, в так называемый развитый капитализм, а это требовало создания новой монетарной концепции.

Нет необходимости подробно останавливаться на описании его теоретических взглядов по этому вопросу. Достаточно будет сказать, что в развитии монетарной теории он выделил три исторические эпохи. Первой фазой современной истории денег является период меркантилизма. Согласно Вагеманну, теория меркантилизма возникла в XVI веке и продолжала господствовать вплоть до середины XVIII века. В этот период королевские запасы золота отождествлялись с национальным богатством. После французской революции и победы либеральной политической экономии на смену меркантилизму пришла эпоха «металлизма». Такие теоретики, как Адам Смит, полагали, что деньги ничем не отличаются от других товаров. Их стоимость определялась как отношение между их полезностью в качестве средства обмена и затратами на выпуск монет, как золотых, так и серебряных. В конце XIX века металлизм стал господствующим официальным догматом в виде международного золотого стандарта. Однако диалектика развития заключалась в том, что золото постепенно утрачивало свое значение в связи с появлением банковских и финансовых инноваций, которые сопровождали становление развитого капитализма. К началу XX века золото или наличные средства, обеспечен-

ные золотом, играли все меньшую роль в деловых транзакциях. Наличность, в виде металлических монет или бумажных денег, в основном использовалась в сфере личного потребления. Основой развития капиталистического предпринимательства стали не обеспеченные золотом деньги, а безналичные жиро-расчеты, осуществляемые банковской системой. Такая беспрецедентная приватизация денег требовала создания новой теории. Для Вагеманна это была теория номинализма.

Теория номинализма обычно ассоциируется с именем страбургского профессора экономики Георга Фридриха Кнаппа²⁸. Согласно его теории, деньги могли осуществлять свою символическую функцию в качестве средства обмена и символа стоимости не потому, что были обеспечены золотом, а потому, что они символизировали обязательства государства. Кнапп полагал, что узаконенность денег была не столько природным, сколько юридическим фактом. Следовательно, в качестве денег может выступать любой физический объект — золотая монета, банкнота, а также записи в банковских бухгалтерских книгах, в тех случаях, если они санкционированы государственной властью. Теория номинализма Кнаппа послужила Вагеманну отправной точкой для критики металлизма. Он полагал, что в эпоху развитого капитализма заикленность Кнаппа на государственном факторе являлась ненужной помехой. Превращение денег в фиатные деньги не могло помочь вывести универсальный закон — это был лишь определенный этап в политическом и экономическом развитии. В конечном счете валидность денег была основана не на государственных законах и не на законах природы. Деньги представляли собой сложный и в некотором смысле парадоксальный социо-психологический феномен. Валидность денег для одного человека определялась их валидностью для другого человека и в итоге основывалась на общем, причем повторяющемся, опыте социального обмена. В условиях развитого капитализма в основе валидности денег лежала глобальная сеть капиталистического производства и обмена. Именно это Вагеманн назвал «учетной

²⁸ N. Dodd, *The Sociology of Money: Economics, Reason and Contemporary Society* (Cambridge, 1994), pp. 26–30.

конституцией денег» (*Bilanzverfassung des Geldes*). Деньги являлись законным платежным средством, поскольку создавали основу для всей разветвленной системы современного делового бухгалтерского учета и рациональных расчетов. Поэтому было неслучайным, что молодое поколение экономистов немарксистского толка, в первую очередь Вебер и Зомбарт, называли именно эти механизмы расчетов истинной сутью капитализма.

Без заикленности на государственном аспекте, номинализм мог бы заложить основы теории денег, подходящей для этапа развитого капитализма. Однако он породил не экономическую теорию, а, скорее, социо-психологическое описание. Вагеманн поставил перед собой задачу связать номинализм с экономической наукой. Для этого он обратился к классической количественной теории денег. Говоря простым языком, согласно количественной теории, стоимость денег главным образом определяется отношением между запасом денежных знаков, находящихся в обращении, и количеством трансакций, которые можно совершить с этими денежными знаками. Эта издавна существовавшая теория денег переживала свое второе рождение в англо-американской экономике в конце XIX века, то есть в то же самое время, когда в Германии появился номинализм²⁹. Вагеманн считал, что это не было простым совпадением. И номинализм, и количественная теория денег основывались на одном и том же фундаментальном представлении: деньги являлись просто символом, а не обычным товаром. Отправной точкой для обеих теорий являлось противопоставление денег всем другим товарам³⁰. Таким образом, количественная теория денег вполне подходила для эпохи развитого капитализма.

Одним из первых, кто в конце XIX века вновь обратился к количественной теории, был Ирвинг Фишер, оказавший огромное влияние на макроэкономическую концепцию Вагеманна. Одним из главных достижений Фишера была новая формули-

²⁹ D. Laidler, *The Golden Age of the Quantity Theory* (Princeton, 1991).

³⁰ Вагеманн с удовлетворением отмечал, что эту параллель признавал и сам Фишер. См.: I. Fisher, *The Purchasing Power of Money* (Boston, 1911), p. 32.

ровка — в алгебраических терминах — количественной теории денег, существовавшей ранее лишь на интуитивном уровне⁵¹:

$$MV = PT$$

Согласно так называемому уравнению обмена величина денежного запаса (M), умноженная на «скорость» (V) обращения денег, равна общему числу транзакций (T), умноженному на уровень средних цен (P). «Стоимость денег» просто находилась в обратной зависимости от индекса цен. Для того чтобы построить строгую количественную теорию, в этом тавтологическом уравнении были установлены причинно-следственные связи между переменными. В частности, было сказано, что главной причиной изменений стоимости денег, или цен, является изменение величины запаса денег.

Так называемое уравнение обмена очень выразительно и емко описывало экономику. На самом деле можно утверждать, что оно положило начало макроэкономической теории. Однако, несмотря на его тавтологическую логику, вплоть до конца XIX века оно не поддавалось эмпирическому обоснованию. Главная проблема состояла в измерении ключевых переменных этого уравнения. Дебаты по поводу корректного определения запаса денег продолжаются и по сей день. К концу XIX века стало очевидным, что было бы неправильно определять денежные средства только как банкноты и монеты, находившиеся в обращении. Ирвинг Фишер показал, что если расширить определение денег, включив в него банковские депозиты, а также наличные деньги, то можно эмпирически обосновать это уравнение. В отличие от многих своих современников Вагеманн высоко ценил теорию Ирвинга Фишера. По его мнению, Фишер продемонстрировал, что холистическая экономическая теория может служить основой для эмпирических исследований. Если современные Фишеру маржиналисты стремились обнаружить смысл в таких абстрактных катего-

⁵¹ В действительности уравнение Фишера выглядело следующим образом: $M'V + MV = PT$. При этом M' обозначало объем денежных средств в банках, а V' — скорость обращения денег.

риях, как субъективная полезность, то сам Фишер, наоборот, смог разработать эмпирический образ экономики в целом. Вагеманн, однако, стандартная формулировка уравнения обмена не устраивала. Определение величин переменных, которые содержались в стандартном уравнении (в частности, запас денег и скорость обращения), представляло некоторые проблемы: хотя они могли быть определены в любой момент времени, они не являлись стабильными. Исторически они зависели от развития банковской системы. В своем «Трактате» Вагеманн попытался продемонстрировать, каким образом может быть построено новое уравнение обмена на основе «категорий, имеющих более осмысленное экономическое содержание»³².

В результате Вагеманн разработал структуру показателей национальной экономики³³:

- (1) цена * чистый выпуск =
- (2) издержки на производство, включая прибыль =
- (3) доход =
- (4) потребление + сбережения =
- (5) (выпуск продукции, используемый на потребление и инвестиции) * цена.

Эти пять строк знакомы любому, кто читал современные учебники по макроэкономике. Они столь же тавтологичны, как и уравнение обмена количественной теории денег, но, прописав те же самые категории в пяти различных вариантах, Вагеманн дал алгебраическое описание так называемого кругооборота (Kreislauf) экономической деятельности. Сначала, в строке (1), приведена стоимость продукции. В строке (2) зафиксировано, каким образом этот доход возвращается «факторам производства» в виде заработных плат и прибыли. В строке (3) потоки доходов суммируются в виде совокупного национального дохода, который, как следует из строки (4), либо потребляется, либо сберегается. И, наконец, в строке (5) все это приравнивается к стоимости всех товаров, используемых либо

³² Wagemann, *Allgemeine Geldlehre*, p. 146.

³³ Более подробно эти уравнения будут обсуждаться в Приложении (с. 477).

для потребления, либо для новых инвестиций. Не было предусмотрено отдельной строки, в которой бы фиксировались общие расходы, то есть сумма потребления и инвестиций. Однако, основываясь на данных из строк (4) и (5), Вагеманн смог сделать вывод, что «при нормальных условиях» должна существовать «параллель» между сбережением и инвестированием (*Neubildung von Produktivgütern*).

Как Вагеманну удалось столь радикальным образом переформулировать количественную теорию денег? Решив расширить уравнение обмена, он следовал небольшой группе немецких и австрийских экономистов, которые за десятилетие до начала Первой мировой войны приблизились к пониманию агрегированного представления об экономике, благодаря попыткам расширить границы количественной теории³⁴. Самое непосредственное влияние на Вагеманна оказал Йозеф Шумпетер. Шумпетер сегодня известен главным образом благодаря «открытию» того факта, что движущей силой экономического развития является креативное предпринимательство. Однако для современников главная ценность его работы состояла в том, что он отстаивал необходимость агрегированного экономического анализа.

Отправной точкой «Теории экономического развития» Шумпетера было описание кругооборота экономической деятельности, при которой совокупное производство продукции создает текущий национальный доход, а национальный доход, в свою очередь, является источником финансирования издержек национальной экономики³⁵. Как признавал сам Шумпетер, его экономическая концепция восходит к основам экономической теории XVIII века³⁶. Непосредственное влияние на его теоретические взгляды оказал второй том «Капитала» К. Маркса. Однако воздействие трудов Маркса на Шумпетера этим

³⁴ H. Janssen, *Nationalökonomie und Nationalsozialismus. Die deutsche Volkswirtschaftslehre in den dreißiger Jahren* (Marburg, 1998), pp. 274–306.

³⁵ J. Schumpeter, *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung* (Munich, 1931, 3rd edn.), pp. 1–87; Й. А. Шумпетер, *Теория экономического развития* (Москва, 1982), с. 57–147.

³⁶ J. Schumpeter, *The Great Economists from Marx to Keynes* (London, 1952).

не ограничилось. Маркс «заново открыл» труды французского физиократа XVII века Кенэ, в работе которого под названием «Tableaux économiques» впервые в форме таблицы была представлена взаимосвязь отраслей экономики. В конце XVIII века Кенэ был модным экономистом. В 1890-х годах во Французских национальных архивах и в частной коллекции семейства Дюпон были обнаружены ранние издания таблиц Кенэ, составленные им в 1758–1759 годах³⁷. Одна за другой появлявшиеся статьи, написанные на французском, английском и немецком языках, не могли не привлечь к Кенэ внимание академического мира.

Уже после войны, в то время, когда Вагеманн работал над своим «Трактатом», таблицы Кенэ впервые были включены в германские учебники³⁸. В начале 1920-х годов это позволило Эмилю Ледереру написать, что концепция кругооборота (Kreislauf) стала единой основой для всех современных экономических теорий³⁹. Шаг вперед к количественной теории денег был сделан в статье Шумпетера 1918 года «Общественный продукт и единицы учета». В этой работе Шумпетер попытался применить свой метод агрегированного анализа к решению главной проблемы монетарной теории⁴⁰. Он описал «основное уравнение монетарной теории», в котором совокупный уровень цен — величина, обратная стоимости денег, — увязывался не с размером запаса денег, а с созданием и расходом национального дохода. Правда, Шумпетер ввел в свой анализ некоторые специфические ограничительные допущения, что несколько затеняло его смысл. Однако главная идея была

³⁷ M. Kuczynski and R. L. Meek (eds.), *Quesnay's Tableau Economique* (London, 1972), pp. ix–xxxiv.

³⁸ J. Plenge, 'Zum "Tableau Economique"', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 24 (1926), pp. 109–129.

³⁹ E. Lederer, 'Der Zirkulationsprozess als zentrales Problem der ökonomischen Theorie', *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* 56 (1926), pp. 1–25. Правда, учитывая тот факт, что эта дисциплина еще находилась в зачаточном состоянии, подобные заявления следует считать лишь благими пожеланиями.

⁴⁰ J. Schumpeter, 'Das Sozialprodukt und die Rechenpfennige', *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* 44 (1918), pp. 627–715.

совершенно прозрачна. Совокупный уровень цен мог быть выражен не просто как функция технических банковских переменных. Он также мог рассматриваться как функция агрегированных доходов и издержек. Важнейшее значение «Трактата» Вагеманна состоит в том, что в нем эта еще недостаточно развитая идея была сформулирована в виде концепта всестороннего бухгалтерского учета.

В уравнениях обмена, выведенных Вагеманном, уровень цен увязывался с потоками продукции, доходов и издержек. Каким же образом такое описание с точки зрения потоков соотносилось с количественной теорией, в которой уровень цен выражался как функция от размера денежных средств? Чтобы разъяснить этот вопрос, Вагеманн обратился к метафоре бухгалтерского учета. Следуя принципу двойных записей бухгалтерских данных, он утверждал, что денежный поток национального дохода в любой взятый период времени следует рассматривать как требование к реальному производственному потоку. Следовательно, денежные доходы должны заноситься в пассив национального баланса (*Passivkonto*), а новые произведенные товары и оказанные услуги — в актив (*Aktivkonto*). Такое ведение бухгалтерских записей можно использовать для учета не только текущих потоков, но и размера запасов национального богатства. Здесь, в очередной раз, Вагеманн опирался на идеи Ирвинга Фишера, отметившего в 1911 году фундаментальное различие между доходом, который он рассматривал как поток, и богатством, понимаемым как переменная, характеризующая величину запасов⁴¹. Если национальный доход является пассивом относительно производственных активов, то можно сказать, что национальное богатство является денежным требованием, соответствующим запасам физических активов. В целом в экономике общей сумме всех акций, долговых обязательств, заложенного имущества, прав собственности, а также свободных денежных средств соответствуют различные реальные активы — дома, земля, производственное оборудование, бытовые товары, а также запасы сырья и готовых изделий. Если в результате бухгалтерского учета

⁴¹ I. Fisher, *The Nature of Capital and Income* (Boston, 1906), pp. 51–118.

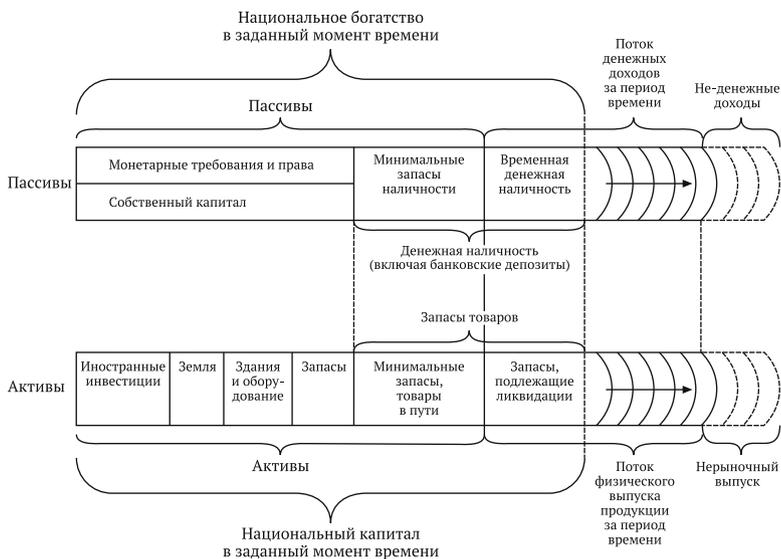

Рис. 2. Национальный бухгалтерский учет, 1923: доходы и богатство

Источник: E. Wagemann, *Allgemeine Geldlehre*, I (Berlin, 1923), p. 155.

сложить все потоки и капиталы, то можно получить полную картину национальной экономики. Вначале нужно составить балансовый отчет о состоянии национального капитала в заданный момент времени, а далее зафиксировать потоки доходов, полученных от этого капитала за определенный период, за который производится учет полного цикла производственных доходов и издержек (рис. 2).

В «Трактате» 1923 года не были графически представлены данные о балансе национальной экономики. Такие графики были добавлены Вагеманном в учебник по анализу бизнес-циклов, опубликованный в 1928 году⁴². Согласно логике его схемы бухгалтерского учета потоки товаров и денег должны были рассматриваться отдельно. Кругооборот товаров был представлен диаграммой, на которой было показано использование чистой

⁴² Wagemann, *Konjunkturlehre*, pp. 26–43.

национальной продукции. Движение потока товаров прослеживалось по трем направлениям: во-первых, приток «обращающегося в экономике капитала» (запасы сырья и промежуточные продукты, которые перерабатываются в производстве); во-вторых, экспорт и, в-третьих, конечное использование. Само конечное использование могло подразделяться на потребление и инвестирование в строительство предприятий и зданий. Кругооборот товаров, таким образом, охватывал физический процесс производства и воспроизводства, происходящих в экономике. Деньги в этом анализе использовались только в своей функции — в качестве единицы учета. В принципе, процесс производства можно было измерять и в физических единицах, таких, например, как калории. Однако осуществлять анализ в денежном выражении было намного легче (рис. 3).

Вторая схема изображала потоки денег в соответствии с этой реальной производственной деятельностью. Денежные циклы подразделялись на две основные категории. К первой категории относилось движение доходов и издержек, связанных с факторами производства. В этом цикле постоянно происходил обмен денег на товары и услуги, которые, в свою очередь, продавались за деньги. Этот первый цикл взаимодействовал со вторым циклом, во время которого происходил кругооборот денежного капитала между оптовым рынком товаров, рынком акций и долгосрочных облигаций, а также краткосрочным денежным рынком. Сберегаемая часть доходов рабочих и капиталистов поступала на рынки капитала, а денежные капиталы — на рынки товаров. Эти капиталы состояли из краткосрочных средств, получаемых в результате овердрафтов или выпуска векселей, а также из долгосрочных инвестиций, финансируемых с помощью кредитов или выпуска акций (рис. 4).

После опубликования графиков Вагеманна это изображение кругооборота стало «торговой маркой» исследований, осуществлявшихся в его институте и, в частности, в департаменте по работе с графиками. Современному читателю, знакомому с принципами графических изображений, принятых в макроэкономической теории, деятельность Вагеманна по созданию национального бухгалтерского учета может показаться банальной. Можно подумать, что различие между запасом богатства

ПРОДУКЦИЯ
(добавленная стоимость, для национальной экономики — чистая продукция)
за 1913 год

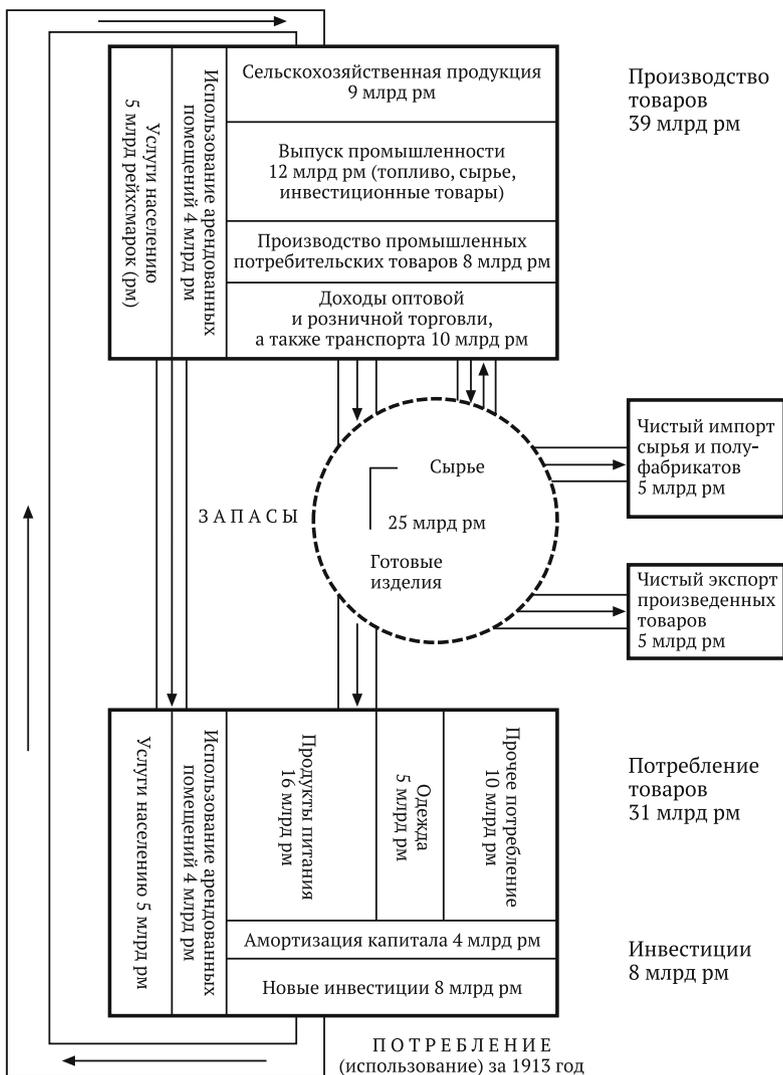

Рис. 3. Кругооборот товаров:
схематическое изображение для 1913 года

Источник: E. Wagemann, *Konjunkturlehre* (Berlin, 1928), p. 27.

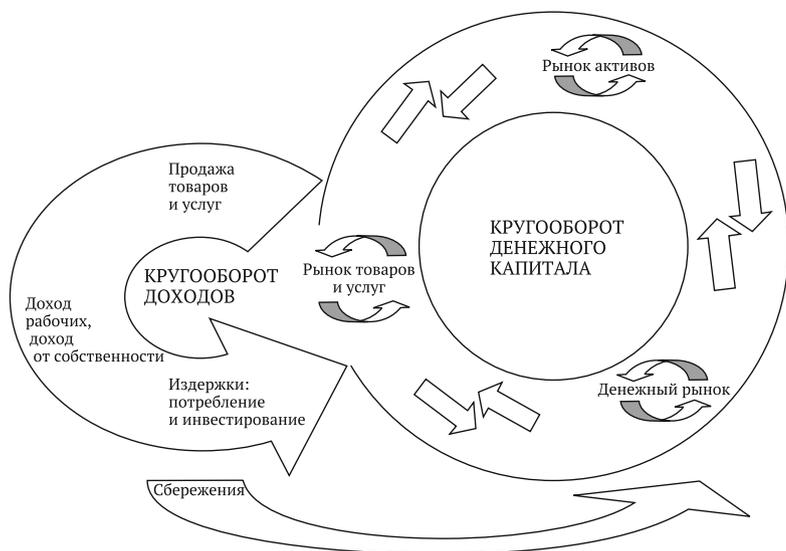

Рис. 4. Кругооборот денежных платежей

Источник: E. Wagemann, *Konjunktellehre* (Berlin, 1928).

и потоком дохода, на выявление которого Вагеманн потратил так много сил, даже не стоит особого упоминания. Кто-то может решить, что его разработки по определению таких понятий, как доход, издержки и производство, не более чем рудиментарны. Однако именно ощущение того, что все кажется на удивление хорошо знакомым, и определяет значимость работы Вагеманна.

Речь вовсе не идет о том, чтобы расхваливать оригинальность его концепции. Не он «изобрел» макроэкономическую теорию. Некоторые аспекты его анализа были заимствованы из американских, австрийских, английских и немецких источников. Здесь мы говорим не об оригинальности. Самое главное для нас — это обозначить место «Трактата» в зарождающейся области науки — макроэкономике XX века и тем самым оценить статистический проект Веймарской республики. Хотя «Трактат» Вагеманна и не является выдающейся самобытной работой, все же он очень близок к истокам той макроэконо-

мической теории, которая нам сегодня известна. Эта книга появилась в то время, когда, с одной стороны, рудиментарные концепции науки об агрегированной экономике были достаточно осознаны для того, чтобы объединить их и создать синтетический научный подход. Однако, с другой стороны, они не были настолько хорошо поняты, чтобы ожидать их широкого применения. Современники Вагеманна, которые относились к исследованиям института и Статистического управления как к общему месту, считая их «простым» эмпиризмом, не смогли по достоинству оценить концептуальный аппарат, позволивший логически организовать огромные объемы собранных данных. Веймарские экономисты-статистики опирались на раннюю макроэкономическую теорию, а не на исследования бизнес-циклов в духе гарвардского комитета.

III

Вагеманн собирался подробно изложить свои макроэкономические уравнения во втором томе «Трактата», но этому не суждено было случиться. Начиная с весны 1924 года Вагеманну пришлось все свое время посвящать руководству Статистическим управлением и Институтом конъюнктурных исследований. По мнению Шумпетера, работа веймарских статистических служб сводилась к тому, чтобы заменить собой синтез, которого недоставало в теории Вагеманна. Барометры бизнес-циклов, неизменно появлявшиеся в публикациях института, не были самыми характерными продуктами, которые разрабатывались статистическими службами Вагеманна. Их работа была сосредоточена на создании находившейся еще в зачаточном состоянии системы национального бухгалтерского учета, то есть тех первых регулярных рядов данных, которые должно иметь любое крупное капиталистическое государство. Основу этой системы составляли оценки национального дохода, которые впервые начали производиться статистиками института в 1926 году. Эти оценки вошли в книгу, опубликованную Статистическим управлением Рейха в 1932 году. В этой работе были приведены первые оценки развития германской экономики за длительный период.

В 1920-х годах процесс расчета величины национального дохода происходил по традиции, корнями уходившей в XVII и XVIII века. Первые попытки оценить размер национального дохода были сделаны в условиях абсолютных монархий. Однако до начала XX века процедуры определения национального дохода по своему характеру мало чем отличались от ремесленного производства. Как обсуждалось во введении к этой книге, более систематическая работа в этом направлении началась в конце XIX века под воздействием социальных конфликтов с одной стороны и развивавшегося империализма с другой.

Однако в результате Первой мировой войны определение размера германского национального дохода стало ключевым политическим вопросом. Карлом Хельфферихом, одним из лидеров националистически настроенных противников репараций, были сделаны наиболее серьезные подсчеты еще в довоенный период. Он утверждал, что национальный доход Германии в 1923 году сократился до величины, составлявшей всего лишь 20–22 млрд рейхсмарок. Если сравнить эту цифру с его оценками национального дохода, сделанными десятью годами ранее (они составляли 43 млрд рейхсмарок для 1913 года), то станет понятным, что это было катастрофическое падение⁴⁵. Иностранные исследователи и германские сторонники выполнения условий репараций были настроены менее пессимистично. Однако к концу периода инфляции в Германии завязалась настоящая борьба статистиков за оценку национального дохода. В ситуации существенно изменившихся рыночных условий работодатели и профсоюзы предоставляли совершенно противоположные данные. В 1924 году оценки национального дохода варьировались в интервале между 26 млрд рейхсмарок и 44 млрд рейхсмарок. Такие же расхождения продолжали сохраняться и в последующие годы. Представители левых сил полагали, что германские капиталисты достойно справились с инфляцией. Бизнесмены же жаловались на обесценение своих активов, завышенные заработные платы и невыносимые налоги. В 1926 году, по оценкам Союза германской промышленности (*Reichsverband der deutschen Industrie, RdI*), на-

⁴⁵ BAP R 401 628 no. 504 ff и VzK1 (1926), Heft 1 Mid May 1926, pp. 39–48.

циональный доход за предыдущий год находился в пределах от 43 до 48 млрд рейхсмарок. По оценкам же социалистических профсоюзов, величина национального дохода составляла от 52 до 60 млрд рейхсмарок.

Разумеется, в это же самое время за состоянием германской экономики внимательно следили другие страны. К началу 1920-х годов в дебатах о репарациях все больше стал обсуждаться вопрос о том, может ли Германия выплатить свои долги. И в этом случае величина национального дохода, а также платежный баланс Германии были главными факторами. Британский экономист Джон Мейнард Кейнс в своих знаменитых комментариях по вопросу о репарациях в целом основывался на довоенных оценках Карла Хельффериха⁴⁴. Комитету Дауэса, обеспечившему временное урегулирование вопросов о репарациях в 1924 году, пришлось импровизировать. Начиная с 1929 года, согласно плану Дауэса, Германия должна была осуществлять выплаты в соответствии с выведенным на скорую руку индексом национального благосостояния⁴⁵. Учитывая отсутствие надежной статистической информации из германских источников, этот индекс рассчитывался на основе весьма странного коктейля данных. Показатели размера выпуска тяжелой промышленности в расчете на душу населения складывались с величинами таможенных и акцизных сборов для расчета среднего арифметического значения. Использование такого индекса свидетельствовало о желании увязать величины репарационных платежей с общими производственными возможностями страны. Однако на самом деле в нем отразилась настоятельная потребность в более адекватных измерениях экономической деятельности в Германии. Для рационального решения вопроса о репарациях были необходимы оценки национального дохода.

⁴⁴ J. M. Keynes, *A Revision of the Treaty. Vol. III, The Collected Writings of J. M. Keynes* (London, 1971), pp. 55–59; Кейнс, Дж. М., “Пересмотр Версальского мирного договора”, в: Дж. М. Кейнс, *Общая теория занятости, процента и денег. Избранное* (Москва, 2007), с. 666–669.

⁴⁵ J. A. Tooze, ‘Imagining National Economies: National and International Economic Statistics, 1900–1950’, в G. Cubitt, *Imagining Nations* (Manchester, 1998), pp. 212–228.

Вагеманн проявил себя искусным ученым-предпринимателем, приспособив свой теоретический проект, описанный в «Трактате», к практическим нуждам Веймарской республики. Работа над официальными расчетами германского национального дохода началась летом 1925 года, сразу же после создания Института конъюнктурных исследований. Первый же выпуск ежеквартального обзора, издаваемого институтом, обозначил квазиофициальную позицию в дебатах о германском национальном доходе. На основе данных о подоходном налоге Институт конъюнктурных исследований рассчитал, что в 1925 году национальный доход в Германии составлял от 50 до 55 млрд рейхсмарок. Таким образом, эти цифры практически полностью подтверждали правильность относительно оптимистичных оценок профсоюзов⁴⁶. Примечательно, что Институт конъюнктурных исследований обвинил Союз германской промышленности (Reichsverband) в неспособности разграничить логику бухгалтерского учета частных и государственных предприятий. Оценки, полученные промышленниками, оказались низкими, поскольку для того, чтобы отразить размер снижения стоимости акций, он вычитался из величины национального дохода. Как отмечалось сотрудниками института, это приводило к двойной бухгалтерии, поскольку снижение стоимости акций в разделе капитала в бухгалтерских балансах предприятий сигнализировало о падении уровня их корпоративной прибыли и доходов. Учитывать можно один из двух показателей экономических проблем, но не оба одновременно. После того как была устранена дополнительная корректировка условия, результаты всех трех подсчетов совпали.

Осенью, после того как был произведен полномасштабный обзор методов, используемых зарубежными экономистами, Статистическое управление приступило к серьезному пересмотру статистических данных по довоенному и послевоенному периодам⁴⁷. Под общим руководством Платцера, д-р Герхард Колм возглавил работу исследовательского коллектива. На первых порах статистики сконцентрировали свои усилия на пере-

⁴⁶ VZK1 (1926) Heft 1 Mid May 1926, pp. 39–48.

⁴⁷ BAP R 401 628 no. 490 ff.

смотре широко используемых оценок для довоенного периода, сделанных Хельфферигом. В первую очередь, сомнения у них вызывала недооценка степени уклонения от уплаты налогов. В результате введения Веймарской республикой единого подоходного налога обнаружилось большое количество неучтенных доходов. Обработывая данные по налоговым сборам в Пруссии, Саксонии и Баварии, коллектив Колма получил оценку довоенного дохода в размере 50 млрд рейхсмарок, что значительно превышало оценки Хельффериха. Затем началась работа по анализу послевоенных отчетов, причем Статистическое управление и институт время от времени публиковали новые данные⁴⁸. Эти разработки завершились изданием труда, в котором с точки зрения макроэкономики прослеживалось развитие германской экономики начиная с 1890 года (рис. 5)⁴⁹.

Это графическое изображение бизнес-циклов и графики, разработанные гарвардским комитетом, практически были совершенно различными. Американские исследователи делали выводы на основе относительных изменений произвольного набора симптоматических показателей. Сотрудники же института Вагеманна представили измерение национального дохода в абсолютных величинах, то есть ключевую макроэкономическую переменную⁵⁰. Впервые появилась возможность проанализировать бизнес-циклы не относительно флуктуаций в тех отраслях промышленности, которые отличались чувствительностью к циклическим колебаниям, но не были особо показательными, а с учетом реальных изменений, происходивших в экономике в целом. Такой подход обеспечил совершенно новое понимание пропорций

⁴⁸ *Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung* 2 (1929), 23.12.1929 and VzK 4 (1930), pp. 44–49.

⁴⁹ SRA, *Das deutsche Volkseinkommen vor und nach dem Kriege. Einzelschriften zur Statistik des Deutschen Reichs*, Nr. 24 (Berlin, 1932).

⁵⁰ Это важное различие между двумя противоположными подходами к исследованию бизнес-циклов проанализировано в работе К. Борхардта. См.: K. Borchardt, 'Wandlungen des Konjunkturphänomens in den letzten hundert Jahren', в *Wachstum, Krisen, Handlungsspielräume der Wirtschaftspolitik. Studien zur Wirtschaftsgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts* (Göttingen, 1982b), pp. 73–99. Однако Борхардт датирует начало использования макроэкономического подхода послевоенным периодом и не рассматривает деятельность института в период между Первой и Второй мировыми войнами.

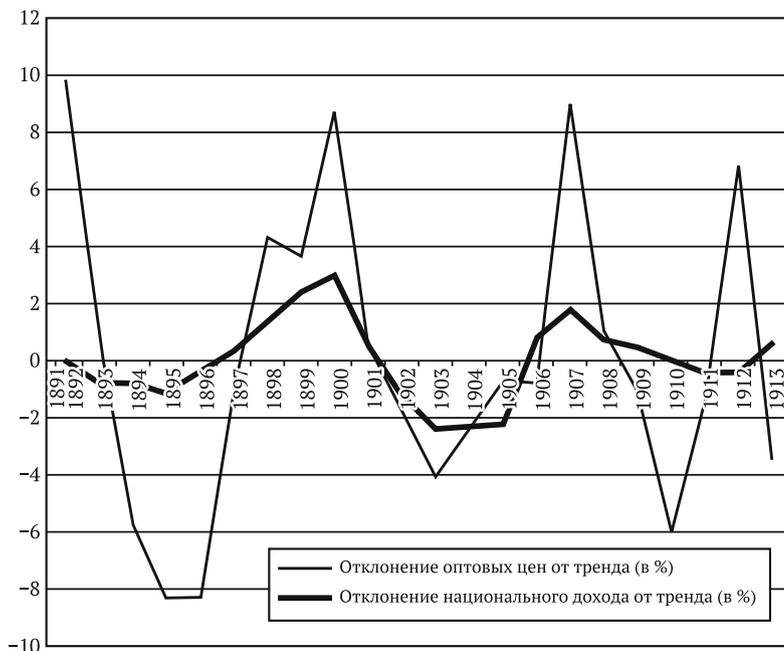

Рис. 5. Циклические колебания
национального дохода Германии, 1891–1913

Источник: SRA, *Das Deutsche Volkseinkommen vor und nach dem Kriege. Einzelschriften zur Statistik des Deutschen Reichs*, Nr. 24 (Berlin, 1932), рис. 6, с. 69.

экономических циклов. Впервые он был применен к анализу депрессии 1925–1926 годов. По оценкам института, в 1925 году национальный доход Германии составлял 50 млрд рейхсмарок. В течение последующего года стоимость продукции понизилась на 5 млрд рейхсмарок. Это свидетельствовало о гигантском размахе макроэкономических флуктуаций, однако одновременно позволяло рассмотреть бизнес-цикл совершенно под новым углом зрения. По оценкам института, за период серьезного экономического спада национальный доход понизился не более чем на 10%.

Флуктуации в объеме производства экономики в целом пропорционально были намного меньше, чем колебания, которые испытывали более чувствительные к циклам отрасли промыш-

ленности, например сталепрокатная, считавшаяся до этого одной из приоритетных областей. Наиболее значительные флуктуации затронули рынки, которые получали импульс благодаря дискреционным расходам. Сильнее всего колебания ударили по отраслям промышленности, производившим потребительские товары длительного пользования и инвестиционные товары. Расширение временных рядов до 1890 года подтвердило это изначальное предположение. Экономика развивалась волнообразно. Миллиарды марок перемещались по производственным цепочкам, а также в потоках доходов и расходов. В то же время даже еще более масштабные процессы производства и воспроизводства развивались в собственном ритме, не испытывая, как правило, влияния со стороны бизнес-циклов (рис. 6).

Начиная с середины 1920-х годов вся деятельность Статистического управления и института строилась на основе этих инновационных принципов национального учета. Были произведены новые статистические исследования, цель которых состояла в том, чтобы заполнить пробелы в схемах учета⁵¹. Существующие временные ряды были реорганизованы и заново проанализированы. Теперь мы сосредоточим внимание на тех трех показателях, которые, вместе с национальным доходом, были обозначены во введении как основные параметры современной экономической концепции.

После 1926 года Институт конъюнктурных исследований и Статистическое управление Рейха (SRA) занялись систематической работой по воссозданию полной картины платежных балансов⁵². Поступление информации о сделках с товарами возобновилось только после прекращения гиперинфляции в 1924 году. Однако это был только один из аспектов платежных балансов. Балансы в сфере услуг были впервые рассчитаны в 1926 году, так же, как и балансы процентных платежей⁵³. В целом

⁵¹ Первые оценки общей величины инвестиций в Германии в межвоенный период были опубликованы институтом в следующем издании: G. Keiser and B. Benning, *Kapitalbildung und Investitionen in der deutschen Volkswirtschaft 1924 bis 1928*, *VzK Sonderheft 22* (Berlin, 1931).

⁵² 'Introduction' in *VzK 1* (1926) *Ergänzungsheft 2* (Berlin, 1926).

⁵³ *VzK 1* (1926), Supplement 2. Оценки платежных балансов ежегодно публиковались в: *Wirtschaft und Statistik*.

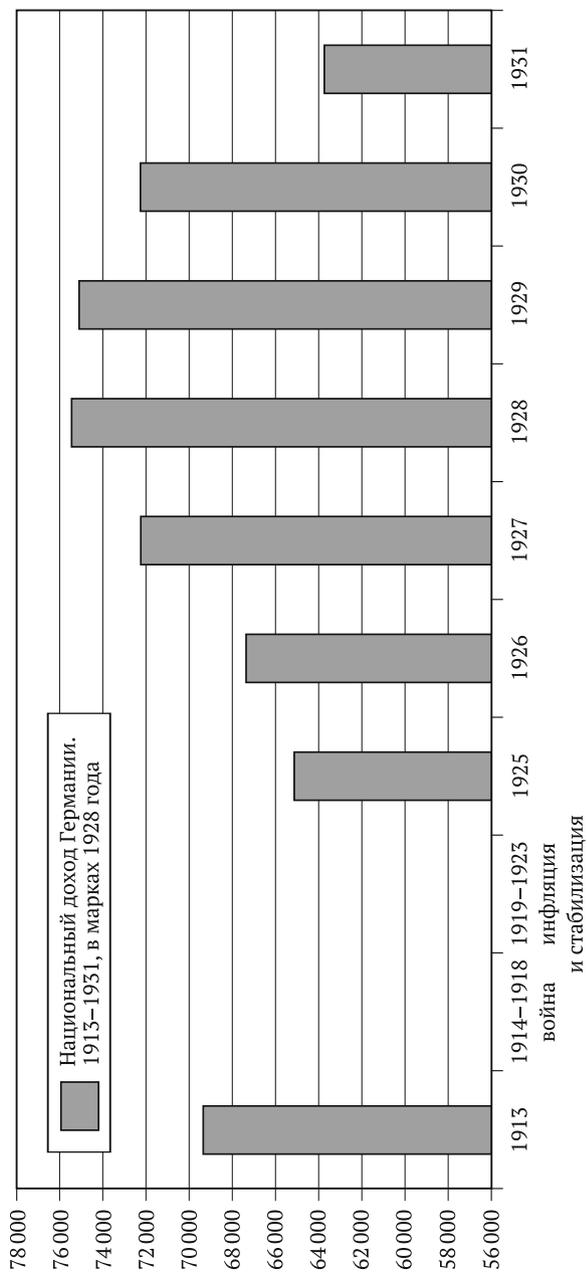

Рис. 6. Послевоенный бизнес-цикл, национальный доход Германии, 1925–1931 (рейхсмарки 1928 года)
 Источник: *Das Deutsche Volkseinkommen vor und nach dem Kriege. Einzelschriften zur Statistik des Deutschen Reichs, Nr. 24* (Berlin, 1932), рис. 7, с. 70.

в течение 1920-х годов в Германии сохранялся значительный дефицит счета текущих операций. Согласно составленному сотрудниками Вагеманна национальному балансу, этот процесс сопровождался соответствующим притоком как краткосрочных, так и долгосрочных займов, отражаемых по счету капитальных операций. Информация по долгосрочным иностранным займам систематически сопоставлялась с данными из прессы. Движение краткосрочного капитала оценивалось по остаточному принципу. К концу 1920-х годов новая концепция платежных балансов была официально признана и включена в ежегодный справочник германской государственной статистики.

Оценки национального дохода, которые увязывались с данными о государственных расходах и платежным балансом, составили фундаментально новую основу для анализа германской экономики. Однако институт и статистическое управление не ограничились лишь выпуском ежегодных и ежеквартальных данных. Бюллетени, издаваемые институтом, были заполнены огромным количеством краткосрочных показателей⁵⁴. Институт считал данные о ценах и безработице ключевыми параметрами для мониторинга экономики. Конечно, информация о ценах была основой традиционного анализа бизнес-циклов. Поэтому страницы публикаций, издаваемых институтом, были заполнены барометрами, составленными в духе исследований Гарвардского комитета. Однако эта стилистическая схожесть не должна затенять существовавшие между ними фундаментальные различия.

Хорошим примером является индекс оптовых цен. Когда он был впервые введен в 1921 году, предполагалось, что он станет типичным циклическим показателем, регистрирующим цены небольшой группы весьма волатильных сырьевых материалов⁵⁵. Однако для макроэкономической концепции Вагеманна требовалось что-нибудь гораздо более значимое. С точ-

⁵⁴ К началу 1930-х гг. в ежеквартальных бюллетенях анализировалось не менее 84 наборов экономических данных. См.: Kuschmann, *Die Untersuchungen*, pp. 8–11.

⁵⁵ A. Jacobs, 'Die neue amtliche Großhandelsindexziffer', *ASA*, 16 (1926/1927), pp. 619–623.

ки зрения графика кругооборота индекс оптовых цен был нужен для того, чтобы измерять флуктуации в размере оборотного капитала всей экономики. Этот показатель обозначал цены, которые производители платили за сырье, а также цены, которые розничные торговцы платили за запаасаемые товары. Данный индекс имел стратегическое значение, поскольку, по мнению исследователей института, флуктуации уровня запасов являлись одним из движущих сил бизнес-цикла. В декабре 1926 года этот показатель был расширен и теперь включал в себя цены как минимум на 170 видов сырья и 230 готовых продуктов и полуфабрикатов, которые, после тщательного расчета весовых коэффициентов, приобретали экономическое значение⁵⁶. Любое изменение цен могло теперь оцениваться с точки зрения количественной значимости и соотношения с движением всех других цен⁵⁷.

Однако в отличие от более ранних аналитиков бизнес-циклов институт не ставил цены во главу угла. Ключевой переменной в краткосрочном анализе была занятость. Сегодня такой выбор может показаться очевидным, однако экономисты, стоявшие у истоков теории бизнес-циклов, обычно старались не использовать понятие «рынок труда». Прежде всего, измерить уровень безработицы было гораздо сложнее, чем цены или объемы выпуска ключевых отраслей промышленности, например производство стали. Более того, в жесткой системе теории равновесия безработица рассматривалась как переменная величина, имеющая двойственную теоретическую коннотацию. Сама идея вынужденной безработицы являлась проводником опасных теорий недостаточного потребления. Безработица всегда считалась вопросом социальной политики. Лишь в 1920-е годы понятие безработицы начало рассматриваться как один из ключевых и законных объектов изучения экономической теории. К этому времени правящий класс уже хорошо осознавал важность рынка трудовых ресурсов. Создание национальной системы бирж труда способствовало регулярному получению больших объемов статистических данных. Инсти-

⁵⁶ *WuS* 6 (1926), pp. 875–879.

⁵⁷ *VzK* 1 (1926), 4, pp. 139–145.

тут конъюнктурных исследований, в свою очередь, разработал теоретическую схему, позволявшую исследовать безработицу в рамках макроэкономической теории. При этом институт рассматривал безработицу не как результат сбоя на рынке труда, а, скорее, как следствие недостаточно высокого уровня общей экономической активности. Следовательно, согласно логике кругооборота, такая ситуация была самовоспроизводящейся, поскольку снижение уровня заработной платы предполагало более низкий уровень потребления и, значит, снижение совокупного спроса.

После 1925 года методики, имевшиеся в распоряжении германской статистики, были пересмотрены с учетом новой макроэкономической теории. Это можно проиллюстрировать на огромном количестве примеров. Статистика германских государственных финансов была переосмыслена и теперь воспринималась как часть кругооборота доходов и расходов⁵⁸. Институт также производил расчеты для частных инвесторов. Однако наиболее значимым мероприятием, ставшим возможным благодаря расширению статистического аппарата, была перепись промышленной продукции. Такую перепись собирались провести еще во времена Веймарской республики, но этим планам не суждено было сбыться. Наиболее существенным аспектом информации, который отсутствовал в схеме Вагеманна, был полномасштабный обзор выпуска продукции.

Общие промышленные переписи проводились на регулярной основе, как в США, так и в Великобритании. Вагеманн считал их особенно важными, поскольку эти переписи подтверждали первые три строки его макроэкономических уравнений. Независимые оценки стоимости продукции и размера национального дохода действительно соответствовали друг другу, причем с удивительно небольшой погрешностью. В Германии же, по причинам, обсужденным в предыдущих главах, переписи промышленной продукции никогда не производились. Война положила конец убогой вильгельмовской системе производственной статистики, и в течение первых девяти лет

⁵⁸ G. Colm, *Volkswirtschaftliche Theorie der Staatsausgaben. Ein Beitrag zur Finanztheorie* (Tübingen, 1927).

существования Веймарской республики в ней практически отсутствовали официальные статистические данные о размерах производства. К 1925 году такая ситуация начала беспокоить даже рейхстаг. Германия вновь получила возможность устанавливать таможенные пошлины, однако парламент не имел статистической базы, на основе которой он мог бы обсуждать этот вопрос. Макроэкономический проект Вагеманна вполне отвечал насущным политическим потребностям.

В первую очередь, Статистическое управление Рейха возобновило проведение частичных переписей промышленности, которые до 1914 года осуществлялись ежегодно⁵⁹. Однако планы Вагеманна были еще более амбициозными. В 1927 году он поручил своим сотрудникам начать подготовку первой германской переписи промышленной продукции⁶⁰. Такая перепись могла бы стать краеугольным камнем создававшейся в то время системы национальных счетов. Целевым годом был 1930-й. Главная задача состояла в том, чтобы рассчитать величину промышленной добавленной стоимости — основы определения национального дохода. Однако по примеру США институт Вагеманна также планировал выявить взаимосвязи между отдельными отраслями промышленности, запросив у них полный перечень типа, количества и стоимости сырья, используемого в той или иной отрасли. В своей работе «Введение в теорию экономических циклов» (*Einführung in die Konjunkturlehre*, 1929) Вагеманн высказал мысль о том, что бизнес-цикл можно интерпретировать как ряд флуктуаций, переходящих из одной отрасли промышленности в другую. В результате переписи можно было бы получить содержательный обзор этих соотношений «затраты—выпуск». Но начался период Великой депрессии и проведение переписи было отложено. Тем не менее произведенные подготовительные работы лишней раз подтверждают нашу основную гипотезу: после 1925 года статистический аппарат Веймарской республики подвергал-

⁵⁹ E. von Roeder, 'Die industrielle Produktionsstatistik', in *Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand* (Berlin, 1940), pp. 1012–1024.

⁶⁰ BAP 31.02 6181, 'Die industrielle Produktionsstatistik im In- und Ausland' (ORR Leisse, Ref. Dorth) (1927/8).

ся систематическим реорганизациям, согласно предложенной Вагеманном программе исследования макроэкономической статистики.

IV

Эта программа макроэкономических исследований представляет собой поразительное нововведение. В качестве классического модернистского проекта, ее следует поставить в один ряд со многими другими правительственными экспериментами, проделанными во времена Веймарской республики. Это была попытка создать практическую экономическую науку, которая могла бы указывать государству необходимые меры по борьбе с флуктуациями, сотрясавшими капиталистическую экономику. Конечно, сам Вагеманн соотносил свою деятельность с великими историческими событиями, центральным из которых был кризис либерализма. В своей речи по случаю открытия Института конъюнктурных исследований Вагеманн сравнил экономику 1925 года с экономикой, существовавшей за 150 лет до этого, когда Адам Смит опубликовал свою работу «Богатство народов»⁶¹. Смит тогда писал о мире мелких производителей, экономическая деятельность которых на удивление хорошо управлялась сильной «невидимой рукой» рынка. Эта утешительная метафора больше не соответствовала действительности. Начиная с конца XIX века капитализм перешел на более высокий уровень организации, сконцентрированной вокруг взаимодействия гигантских корпораций. Это взаимодействие осуществлялось через систему частных финансовых организаций, которые Вагеманн анализировал в своем «Трактате». В это же время государства боролись за то, чтобы удовлетворить требования своих граждан с помощью политики государственного вмешательства, которую Вагеманн назвал «протекционизмом».

По мнению Вагеманна, эксперимент, проводимый большевиками, являлся наиболее радикальным ответом на кризис либерализма. В НЭПе Вагеманн и его коллеги из Института конъюнктурных исследований усмотрели прямые параллели

⁶¹ GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 2 Protokoll.

между попытками советских экономистов создать стройную теорию национального экономического планирования и собственными проектами⁶². Западной Европе удалось избежать революции только благодаря тому, что там проводились свои эксперименты. Политика капиталистического «протекционизма» распространялась самым непредсказуемым образом, затрагивая новые сферы регулирования и организации взаимодействия между сохранившимися фрагментами либеральной рыночной экономики. По подсчетам Вагеманна, при совершении более 50% всех сделок, осуществляемых в Веймарской республике, использовались цены, которые либо устанавливались частными картелями, либо определялись государственным регулированием. Германия больше не могла претендовать на то, что она имеет либеральную экономику со свободным рынком.

В период между двумя мировыми войнами распространенной стала идея о том, что мир вступил в новую фазу капиталистического развития⁶³. Взгляды Вагеманна были нестандартными, в первую очередь, благодаря его реалистичному скептицизму. Хотя Вагеманн и отвергал пророчества «судного дня», он предупреждал об опасностях, заложенных в этой новой, уже не классической, форме капиталистического развития. Если от политики либерализма со свободным рынком, а также от диаметрально противоположной ей политики центрального планирования можно было ожидать внутренних гарантий стабильности, то перспектива «протекционистской» политики, объединяющей государственное регулирование и функционирование свободных рынков, была совершенно непонятной.

Вагеманн полагал, что частичные и нескоординированные попытки стабилизации приведут, скорее всего, только к всеобщей дезориентации и отсутствию стабильности. «Невидимая рука» уже потеряла свою мощь. Система цен больше не являлась надежным руководством для принятия бизнес-решений. Кроме того, государство не могло, как прежде, позволить себе рассматривать экономику страны как независимую переменную величину и проводить финансовую политику операции, не учитывая

⁶² *Russische Arbeiten zur Wirtschaftsforschung, VZK Sonderheft 12* (Berlin, 1929).

⁶³ *Vilk, Von der Konjunkturtheorie zur Theorie der Konjunkturpolitik*, pp. 69–196.

возможных серьезных экономических последствий. Поскольку государство взяло на себя обязательства по увеличению расходов, связанных с повышением уровня благосостояния страны, государственный бюджет теперь был неразрывно связан с экономикой. Действия правительства, которое не понимало этого факта, легко могли спровоцировать экономический кризис. В результате увеличения социальных расходов и понижения подоходного налога, такая политика неизбежно отразилась бы на государственных финансах, заставив предпринимать последующие шаги по вынужденному регулированию. Однако экономическая невинность была уже навсегда утрачена. Теперь требовалось продуманное коллективное руководство, осуществляемое как представителями государства, так и главными акторами частной экономики. А это, в свою очередь, дало бы разумное обоснование (*raison d'être*) новому типу научных исследований, предлагаемых Вагеманном.

Вагеманну удалось найти горячих сторонников своих взглядов на экономическую стабилизацию в курирующем его институте министерстве экономики (RWM). Технократический энтузиазм послевоенной эпохи помог этому министерству пережить режим строгой экономии периода стабилизации. Бюджетные сокращения, благодаря которым была остановлена инфляция в Германии, сильно ударил по министерству экономики. Однако ключевые позиции продолжали занимать одни и те же сотрудники, и они могли увязать эксперименты 1920-х годов с опытом войны и послевоенным периодом. Наиболее важной фигурой был Ганс Шеффер. Он принадлежал к первому поколению чиновников, принятых на работу в министерство Мёллендорфом. К 1924 году он уже занимал должность заместителя министра. Шеффер руководил работой департамента I, и в его обязанности также входила разработка общей экономической политики⁶⁴. Хотя у него было

⁶⁴ E. Wandel, *Hans Schäffer. Steuermann in wirtschaftlichen und politischen Krisen 1886–1967* (Stuttgart, 1974). В департаменте, возглавляемом Шеффером, служил еще один чиновник, карьера которого может служить примером преемственности. Это был Фриц Золтау, который работал у Вагемана еще в Военном продовольственном управлении. С начала 1920-х гг. до 1940 г. он отвечал за статистическую работу в министерстве экономики. См.: K. Szameitat, 'Fritz Soltau im Ruhestand', *ASA*, 36 (1952), pp. 374–376.

стандартное для государственного служащего юридическое образование, Шеффер был человеком весьма разносторонних интересов. Особенно его привлекали экономические исследования. Экономическую политику Шеффер воспринимал с технократических позиций, чему способствовала его вера в силу профессиональных знаний. На практике он взял себе за правило проводить подробные консультации по всем вопросам, касавшимся общей экономической политики⁶⁵. В записях Шеффера имеется информация о регулярно проводившихся встречах с большим количеством его подчиненных, с приглашенными экономистами и, что для него было важнее всего, с Эрнстом Вагеманном и его сотрудниками⁶⁶. Шеффер составлял повестки дня совещаний и по общим, и по техническим вопросам. Затем он собирал записки, содержавшие наиболее важные статистические данные, включая даже наиболее смелые оценки национального дохода, выполненные институтом. По воскресеньям он выделял время для того, чтобы ознакомиться с первыми разработками института в области элементарной эконометрики.

В 1924 году Шеффер покинул институт и в период с 1924 по 1929 год занимал одну из руководящих должностей в министерстве финансов. Вагеманн и не мечтал, что у него появится столь близкий человек в министерстве финансов. Из высшего руководства Германии поддержку Вагеманну и его институту также оказывали государственный секретарь Эрнст Тренделенбург (еще один ставленник Мёллендорфа) и д-р Юлиус Куртиус, который занимал пост министра экономики в нескольких правительствах в период с 1926 по 1930 год. По образованию Куртиус был историком экономической мысли. Одной из его главных амбициозных задач было превращение министерства экономики в националь-

⁶⁵ Влияние Института экономических исследований на министерство экономики отмечается в следующих работах: F. Bläich, *Die Wirtschaftskrise 1925/26* (Kallmünz, 1977) и D. Hertz-Eichenrode, *Wirtschaftskrise und Arbeitsbeschaffung. Konjunkturpolitik 1925/26 und die Grundlagen der Krisenpolitik Brüning's* (Frankfurt, 1982), p. 248. См. также: H. Staudinger, *Wirtschaftspolitik im Weimarer Staat. Lebenserinnerungen eines politischen Beamten im Reich und in Preußen 1889 bis 1934* (Bonn, 1982), а также: J. Curtius, *Sechs Jahre Minister der Deutschen Republik* (Heidelberg, 1948).

⁶⁶ Дневник Шеффера сохранился в: IZG MA 1559.

ный центр экономических наблюдений⁶⁷. Он разделял широко распространенное в 1920-е годы мнение о том, что развитие «экономического самообразования» уменьшит необходимость насильственного вмешательства государства в экономику⁶⁸. Выступая перед рейхстагом, он описывал деятельность вверенного ему министерства в новомодных терминах, заимствованных непосредственно из учебников Вагеманна. Функции министерства экономики он разделял на «структурные» и «циклические»⁶⁹. Торговая политика и развитие инфраструктуры создавали благоприятные условия для развития экономики, в то время как разумное использование государственных расходов могло бы способствовать стабилизации цикла.

Куртиус и Шеффер были настоящими энтузиастами. Однако, оказывая поддержку Вагеманну, они способствовали не только распространению технократических идей и убеждений. Министерство экономики надеялось решить две задачи в области административной политики. Как мы уже отмечали, кризис Вильгельмовского государства дал старт бурному процессу формирования структур государственной власти. В послевоенные годы новые министерства вели борьбу за то, чтобы не уступить свои позиции набирающим силу группам интересов. Даже после 1924 года, когда революционные волнения были уже позади, Германия даже отдаленно не была похожей на государство в понимании Вебера — государство с рационально построенным бюрократическим аппаратом и хорошо организованной административной системой, имеющей четко разграниченные функции. Германское государство гораздо больше напоминало плохо управляемую строительную площадку, на которой различные бюрократические структуры борются за свои собственные интересы и в то же время пытаются навязать свое мнение

⁶⁷ J. Curtius, *Bismarcks Plan eines Deutschen Volkswirtschaftsrats* (Heidelberg, 1919). Куртиус отмечал, что он лично ознакомился с работой Имперского статистического управления. См.: J. Curtius, *Sechs Jahre*, pp. 24–25.

⁶⁸ Выступление Куртиуса по поводу бюджета в марте 1927 года: *Verhandlungen des Reichstags III. Wahlperiode 1924. Stenographische Berichte* (Berlin, 1927), vol. 392, pp. 9439–9440, см. также: J. Curtius, *Sechs Jahre*, pp. 58–59.

⁶⁹ О новом языке экономической «структуры» см.: H. Wolff, 'Struktur und Konjunktur', *ASA*, 17(1927/1928), pp. 205–235.

о том, каким образом должно быть организовано государство и какие цели оно должно преследовать.

Перед министерством стояли две серьезные проблемы, которые зародились в государственном аппарате. Во-первых, министерство экономики должно было защитить себя в борьбе с другими министерствами Рейха. В отличие от таких министерств, как министерство финансов, сельского хозяйства и продовольствия, труда и транспорта, у министерства экономики Рейха отсутствовала четко обозначенная сфера деятельности⁷⁰. Во время периода экономического подъема в 1924–1925 годы предлагалось даже распустить это министерство⁷¹. В этой борьбе национальная экономическая статистика была весьма мощным оружием. В то время как другие министерства отстаивали интересы определенных секторов экономики, министерство экономики утверждало, что выступает за интересы всей национальной экономики. Теперь, когда институт и Статистическое управление начали публиковать данные по национальному доходу, эти утверждения стали реальными. Во-вторых, министерству Рейха также приходилось отстаивать свои позиции в связи с тем, что земли пытались действовать исходя из своих традиционных интересов. Несмотря на свои стесненные обстоятельства, они продолжали сохранять собственные независимые министерства торговли и коммерции. В отличие от трудовой администрации Рейха, министерства финансов Рейха, а также Рейхсбанка, у министерства экономики было слишком мало рутинных административных обязанностей, поэтому оно не могло обосновать необходимость создания собственной региональной инфраструктуры. Министерство экономики оставалось в стороне от повседневной деловой жизни⁷². В начале 1920-х годов была сделана попытка обязать торговые палаты отчетываться непосредственно перед министерством экономики, однако этому воспротивились

⁷⁰ G. Schulz, *Zwischen Demokratie und Diktatur. Verfassungspolitik und Reichsform in der Weimarer Republik. Vol. I, Die Periode der Konsolidierung und der Revision des Bismarckschen Reichsaufbaus 1919–1930* (Berlin, 1987, 2nd edn.), p. 525.

⁷¹ F. Facius, *Wirtschaft und Staat die Entwicklung der staatlichen Wirtschaftsverwaltung in Deutschland vom 17. Jahrhundert bis 1945* (Boppard, 1959), p. 113.

⁷² W. A. Boelcke, *Die deutsche Wirtschaft 1930–1945 Interna des Reichswirtschaftsministeriums* (Düsseldorf, 1983), p. 43.

министерства земель⁷³. Министерство экономики воспринимало расширение деятельности Статистического управления и института как возможность заполнить вакуум, который образовался вокруг него в Берлине⁷⁴.

Таким образом министерство экономики было самым непосредственным образом заинтересовано в проведении статистических и экономических исследований. Однако, являясь департаментом, расходуя средства, ему нужно было обосновать приоритетность своих финансовых требований относительно заявок, поступающих из других ведомств. Почему предполагалось выделить именно такое количество денег? Министерство финансов Рейха явно не собиралось потакать всем желаниям Статистического управления. Разумеется, между налоговыми государственными отделами и аппаратом государственной статистики традиционно существовала вражда. С начала XIX века официальные статистики пытались провести черту между собой и налоговыми органами. Во время фискальных репрессий середины 1920-х годов статистикам приходилось отбиваться от чересчур назойливых запросов, поступающих от новой национальной налоговой администрации. Более того, новое министерство финансов Рейха имело и собственные статистические амбиции — оно планировало создать независимую систему фискальной статистики, с помощью которой можно было бы управлять новой всеобщей национальной системой подоходного налога, а также регулировать распределение фискальных прав и обязанностей между Рейхом и местными органами власти⁷⁵. Это создавало угрозу для германской официальной статистики, которой традиционно принадлежала монополия на сбор данных. Еще больше волнений вызывало то, что под угрозой оказались амбициозные планы Вагеманна по созданию макроэкономической статистики. Налоговые све-

⁷³ BAP RAM 39.01 film 33203/896.

⁷⁴ Это привело к протесту со стороны баварского статистического бюро. См. переписку в: BHStA MA 103895 и BHStA MWi 3092 SLa в: Staatsmin. für Handel 16.3.1928.

⁷⁵ GStA 1. HA Rep. 77 3884 no. 188, Konferenz der Reich- und Landesstatistiker, Baden-Baden 4.–6.6.1924, pp. 5–6, 56–58.

дения являлись главным источником данных, на основе которых производились оценки национального дохода.

В 1920-е годы благополучие империи Вагеманна базировалось на альянсе, заключенном им с отделом государственного уполномоченного по сбережениям (Reich's Sparkommissar). Этот отдел был создан после завершения периода инфляции с целью осуществления мер по сокращению государственных расходов. Однако вскоре стало понятно, что рационализация государственного администрирования была, прежде всего, политическим вопросом. Требования эффективности представляли собой прямой вызов однобокому федерализму, унаследованному от Вильгельмовской эры⁷⁶. Ради рационализации отделу по сбережениям пришлось стать одним из главных пропагандистов административной централизации и «конституциональной реформы». И во взаимоотношениях со Статистическим управлением именно эти политические амбиции «перевесили» более специфическую задачу уполномоченного по сбережениям — следить за экономией расходов. Основу союза Вагеманна и отдела составляла договоренность о том, что все статистические функции будут находиться в руках Статистического управления. Отдел по сбережениям воспринимал Статистическое управление Рейха как высокотехнологичный центр по обработке статистических данных, на основе которого можно создать хорошо налаженную национальную информационную систему. Такое представление давало Вагеманну определенные преимущества. Отдел и не стремился взять в свои руки бразды правления будущей империей Вагеманна, однако оказывал неизменную поддержку во всех его начинаниях.

Самым смелым было предложение включить прусское статистическое бюро в состав Статистического управления Рейха⁷⁷. Однако этой идее воспротивилась Пруссия. С практической точки зрения альянс между уполномоченным по сбережениям и Статистическим управлением оказался гораздо более удачным для самого бюрократического аппарата Рейха. Администрации труда пришлось отказаться от ряда своих амбициозных планов. Начиная с 1927 года разработкой всех важнейших

⁷⁶ Schulz, *Zwischen Demokratie und Diktatur*, pp. 527–542.

⁷⁷ GStA 1. HA Rep. 77 3884 no. 178–244.

статистических исследований, за исключением вопросов безработицы, вновь занялось Статистическое управление⁷⁸. Кроме того, министерство финансов Рейха было вынуждено дать свое согласие на то, чтобы национальная финансовая статистика находилась в руках у Статистического управления. В феврале 1926 года был издан указ, согласно которому Статистическое управление уполномочивалось проводить обязательные обзоры финансового состояния Рейха, земель и коммун⁷⁹.

Впервые деятельность всего разветвленного государственного аппарата Германии описывалась с помощью единого массива статистических данных, которые относились к различным уровням управления, начиная с местных органов власти и заканчивая правительством⁸⁰. В 1928 году в ежегодные обзоры начала включаться полная информация о государственных долгах⁸¹. Фактически финансовая статистика Рейха стала самым значимым аспектом деятельности Статистического управления, которым занималась половина сотрудников, работавших в управлении в период с 1924 по 1929 год. К концу 1920-х годов в состав управления входили уже три департамента, штат которых состоял почти из 1000 сотрудников. Проводимые ими исследования касались главным образом налоговой статистики, статистики бюджетов и общей финансовой статистики⁸². Имея поддержку со стороны министерства, а также уполномоченного по сбережениям, было не так сложно получить у Рейхстага одобрение на расходы, связанные со статистическими исследованиями. Обсуждения, проводившиеся в бюджетном комитете рейхстага и в ходе пленарных заседаний, свидетельствуют о том, что в течение 1920-х годов между партиями не возникло разногласий относительно необходимости расширения

⁷⁸ BAK R 43 I/965 no. 13, Verordnung 21.8.1927.

⁷⁹ WuS 7 (1927), pp. 446–457.

⁸⁰ WuS 9 (1929), pp. 106–111.

⁸¹ SRA, *Öffentlicher Kredit und Wirtschaftskrise. Ergebnisse der Reichsschuldenstatistik 1929 bis 1932 und Zusammenstellung von Rechtstvorschriften über das öffentliche Schuldenwesen, Nr. 27 Einzelschriften zur Statistik des Deutschen Reichs* (Berlin, 1933).

⁸² BAP 31.02 SRA 4169, Das SRA, Dezember 1929.

статистических и экономических исследований⁸³. Даже коммунисты в 1925 году приветствовали создание Института конъюнктурных исследований⁸⁴.

В благодарность за политическую поддержку, уполномоченный по сбережениям получил детально разработанную программу рационализации административного аппарата. В 1920-е годы Статистическое управление не только расширилось, но и изменило формат своей работы. Оно превратилось в фабрику по обработке данных. Под влиянием уполномоченного по сбережениям работа с официальными статистическими данными была преобразована из доиндустриальной надомной организации труда в централизованную систему механических операций. Рационализация также включала в себя введение в 1924 году ряда психометрических тестов. Их цель состояла в том, чтобы выяснить, были ли новые сотрудники способны осуществлять обязательные сложные математические расчеты⁸⁵. Для поддержания постоянного надзора за деятельностью всех департаментов было создано центральное административное управление. С целью отслеживания распределения ресурсов Статистического управления использовались счета издержек⁸⁶. В обязанности сотрудников департаментов входила обработка определенного количества «деклараций» и написание определенного объема текстов для официальных публикаций (табл. 3).

Технически стремление уполномоченного по сбережениям к централизации, можно было осуществить только путем крупномасштабной механизации. В процессе создания статистических данных 75% затрат составляла оплата труда. Оплата

⁸³ См. комментарии фон Раумера (представителя Германской народной партии) и Шлака (центриста) по поводу выступления Куртиуса, посвященного обсуждению вопросов бюджета в: *Verhandlungen des Reichstags III. Wahlperiode 1924. Stenographische Berichte* (Berlin, 1927), vol. 392, pp. 9448–9449, 9466.

⁸⁴ См. комментарии Кёнена (коммуниста) в: *Verhandlungen des Reichstags III. Wahlperiode 1924. Stenographische Berichte* (Berlin, 1926), vol. 389, p. 6428.

⁸⁵ GStA 1. HA Rep. 77 3884 no. 188, Konferenz der Reich- und Landesstatistiker Baden-Baden am 4.–6.6.1924, p. 15.

⁸⁶ BAP 23.01 2234 no. 4, Bericht über die Untersuchungsergebnisse der Kommission zur Nachprüfung des statistischen Dienstes, p. 19b.

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПО ДЕПАРТАМЕНТАМ,
ИХ НАГРУЗКА ПО ОБРАБОТКЕ ДАННЫХ И ПУБЛИКАЦИИ
СТАТИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ, ДЕКАБРЬ 1929 ГОДА

Департамент	Количество		Публикации статистики (в страницах)
	Общее число сотрудников	обработанных данных, за год (млн)	
I Общее администрирование	479	16,8	330
II Статистика торговли и транспорта	515	531,6	5050
III Социальная статистика	189	57,2	2053
IV Статистика переписей и промышленной продукции	231	183,6	17275
V Финансовая и административная статистика Рейха	71	0,6	1427
VI Статистика налогов	847	690,0	2472
VII Финансовая статистика	369	40,8	6300
VIII Общая экономическая статистика	116	4,5	1343

Источник: ВАР 31.02 4169, 'Das SRA und seine Arbeiten. Stand Dezember 1929', р. 1.

«научного» труда составляла лишь незначительную часть общих затрат. Огромная часть статистической работы состояла из рутинных операций по сортировке и подсчету данных миллионов опросников и отчетов. В этой области уже давно назрела необходимость механизации. Решение этой задачи позволило бы добиться существенной экономии от увеличения масштаба. Чем

больше данных, тем более эффективно работают перфорационные машины и, следовательно, целесообразно централизованно обрабатывать все данные. После 1924 года Статистическое управление приобрело значительное количество перфорационных машин. Покупки совершались, главным образом в германском подразделении компании Hollerith Corporation, предшественницы IBM⁸⁷. В первую очередь, механизации подлежала обработка данных торговли — в этой области ежемесячно обрабатывалось более 2 млн документов по импортным и экспортным операциям⁸⁸. Затем должна была механизироваться работа со статистическими данными Рейха по налогообложению, требовавшая обработки 20–30 млн единиц данных, а также работа со статистикой по банкротству и грузообороту⁸⁹. К 1929 году 260 сотрудников отдела перфорационных машин, входившего в состав Статистического управления, ежегодно обрабатывали 40 млн перфокарт. Это позволило сэкономить в целом 800 рабочих мест в Статистическом управлении, что составляло более 25% от его общего штата сотрудников⁹⁰.

V

Таким образом, проект по исследованию бизнес-циклов Вагеманна является непосредственным продолжением процесса создания государственного аппарата, начатого в раннем веймарском периоде. Необходимо, однако, дать ответ на чрезвычайно важный вопрос — каким было отношение главных акторов гражданского общества к его проекту? Как мы уже видели,

⁸⁷ K. Koch, 'Die Verwendung von Speziallochkartenmaschinen bei der Volkszählung 1930 unter Berücksichtigung ihrer technischen Entwicklung', ASA, 19 (1929), pp. 560–568.

⁸⁸ BAP 31.01 RWM 2436 no. 103, Präs. SRA в RWM 6.12.1924 и P. Schwartz, 'Zur Frage der Anwendbarkeit der mechanischen Auszählung bei statistischen Erhebungen', ASA, 20 (1930), pp. 266–270.

⁸⁹ *Festschrift zur 25. Jahresfeier der Deutschen Hollerith Maschinen Gesellschaft* (Berlin, 1935), pp. 72–73, а также: BAP 23.01 2234 no. 4, 'Bericht über die Untersuchungsergebnisse der Kommission zur Nachprüfung des statistischen Dienstes' May 1932, p. 11.

⁹⁰ BAP 39.01 RAM 10683 no. 28, Bericht, p. 4.

взаимоотношения между государственными статистиками и бизнес-сообществом после 1924 года улучшились. Опросники, которые в первые годы существования республики бизнес встречал с таким упорным сопротивлением, теперь в целом принимались без возражений. Однако Вагеманн предлагал программу опросов, которая была намного подробнее, чем какая-либо из ранее использовавшихся. Как ему удалось заручиться поддержкой ключевых групп гражданского общества? Этот факт частично объясняет использование Вагеманном макроэкономического подхода. Многие важнейшие статистические данные можно было получить из государственных административных записей, например из налоговых деклараций. Однако такие данные предоставляли в лучшем случае ретроспективные, причем сделанные с задержкой, записи об экономической деятельности. Для получения более релевантной и конкретной информации о бизнес-циклах статистикам требовался доступ к бизнес-информации о занятости, а также об объемах производства и оборотов. В любом случае, для того чтобы общественность приняла программу Вагеманна, ему была крайне необходима поддержка бизнеса, пусть даже и молчаливая. Постоянная критика его проекта со стороны лидеров германского бизнеса, означала крах для всех его начинаний. Он должен был «продать» бизнес-сообществу свои исследования бизнес-циклов.

Залогом успеха программы Вагеманна была позиция Союза германской промышленности (*Reichsverband der deutschen Industrie, RdI*). Этот союз был самой важной организацией бизнесменов Германии. Если бы Вагеманн мог заручиться неизменной поддержкой союза, используя ее в интересах своего института, то это гарантировало бы легитимность для всей его программы. Решающий поворотный момент наступил в 1924 году, когда сменилось руководство союза. При новом руководителе, Дуйсберге, союз помирился с правительством страны⁹¹. Теперь союз уже не находился в противостоянии с государством, а, напротив, стре-

⁹¹ На этом посту зимой 1924–1925 года Дуйсберг сменил директора компании Крупп Курта Зорге. Остается спорным вопрос о том, какое влияние на деятельность союза оказал приход Дуйсберга. См. обзор по этому вопросу в работе: P. Hayes, 'History in an Off Key: David Abraham's Second Collapse', *Business History Review*, 61 (Autumn 1987), pp. 452–472.

мился с максимальной пользой сформулировать демократическую политическую повестку дня. Однако первые попытки союза в этом направлении оказались неудачными и вызвали разочарование. Зимой 1925 года, после месяца подготовительной работы, которая осуществлялась комитетом «своих» научных сотрудников, союз представил меморандум с претенциозным названием «Германская экономическая политика»⁹². Эта прямолинейная декларация позиции бизнеса относительно принципов экономической политики ни на кого не произвела впечатления. Государственные служащие отнеслись к ней с подозрением. Кроме того, с началом глубокого экономического кризиса многие из положений этого документа потеряли свою актуальность⁹³.

В результате этого неудавшегося эксперимента наиболее прозорливые группы бизнесменов, входивших в состав Союза германской промышленности, пришли к выводу, что для формирования общественного мнения необходим более тонкий подход. Так, например, союз мог бы профинансировать создание «независимого» центра экономических исследований, который готовил бы авторитетные и своевременные отчеты о состоянии германской экономики. Это, в свою очередь, способствовало бы появлению «надежной» статистики и тем самым служило бы более широкой цели — привнесению в политические дебаты «неполитических» экономических и технических критериев. Делегаты от Союза германской промышленности (RdI) присутствовали на церемонии по случаю открытия института, однако поначалу никакого энтузиазма они не проявили. Союзу был нужен «независимый» «научный» исследовательский центр, который управлялся бы преимущественно предпринимателями без участия представителей профсоюзов⁹⁴. Однако в течение 1926 года становилось все более очевидным, что получить достаточное финансирование для такого центра из бизнес-источников не удастся⁹⁵. К концу года союз был вынужден заключить соглашение с Ва-

⁹² В. Weisbrod, *Schwerindustrie in der Weimarer Republik* (Wuppertal, 1978), p. 217.

⁹³ Blaich, *Die Wirtschaftskrise 1925/26*, p. 96.

⁹⁴ ВАР N1 13 Silverberg 225 and 330.

⁹⁵ ВВА 15 523, RdI to Hölling 9.2.1926 и ВВА 15 523, Fg Bergbau в: RdI 16.2.1926.

геманном⁹⁶. Союз обязывался ежегодно выплачивать институту весьма солидную сумму взамен на то, чтобы быть его «постоянным наблюдателем». Такие взаимоотношения между институтом и союзом оказались весьма крепкими.

Частично они основывались на искреннем технократическом энтузиазме, а частично на довольно циничной позиции «ты мне — я тебе», которая была особенно характерна для руководителей союза, исповедовавших умеренные взгляды. Такие консервативные промышленники, как Пауль Ройш, продолжали относиться к институту с недоверием. Он регулярно высказывал свое недовольство публикациями института, призывая Вагеманна не забывать, кто оплачивает счета⁹⁷. Столкнувшись с такой ситуацией, руководство союза взяло на себя крайне важную роль посредника. Людвиг Каствл, исполнительный секретарь союза, занимавший умеренную позицию, пытался терпеливо объяснить необходимость компромисса. Конечно, Каствл мог рассчитывать на поддержку либералов, таких, например, как «угольный барон» Пауль Зильверберг, который активно участвовал в делах института, а также был одним из главных сторонников примиренческой позиции по отношению к профсоюзам⁹⁸. Хотя доля профсоюзов в финансировании института была весьма скромной, их присутствие в попечительском совете было крайне важным, поскольку профсоюзы уравнивали все более сильное влияние бизнеса. Если позволить Ройшу добиться своего, то есть прекратить финансирование института промышленниками, то тогда контроль над ним окажется в руках одних профсоюзов. По крайней мере так рассуждали Вагеманн и умеренные представители союза.

Что же касается профсоюзов, то их и не нужно было долго уговаривать, чтобы привлечь к участию в деятельности института. Еще с конца XIX века социалистически настроенные

⁹⁶ BAK N1 13 Silverberg 259 no. 154, повестка для заседания президиума Rdl 8.10.1926 и BAK N1 13 Silverberg 226 no. 161, заседание президиума 10.12.1926.

⁹⁷ RWWA 20 Niederrheinische IHK Duisburg-Wesel 996/3, Reusch к Kastl 30.12.1927 и Kastl к Reusch 2.1.1928.

⁹⁸ R. Neebe, *Großindustrie, Staat und NSDAP 1930–1933. Paul Silverberg und der Reichsverband der deutschen Industrie in der Krise der Weimarer Republik* (Göttingen, 1981), pp. 35–49.

профсоюзы считали, что статистика является не только эффективным средством для управления рынком труда, но и орудием пропаганды. Христианские профсоюзы относились к статистике с таким же энтузиазмом. Именно поддержка со стороны организованных промышленников и профсоюзов позволила Вагеманну привлечь на свою сторону и другие группы интересов. Информация о количестве сторонников и их относительное влияние были отражены на церемонии открытия института в мае 1925 года и, что еще более важно, публиковались в ежегодных отчетах о бюджете института (табл. 4).

Однако вопрос не сводился только к деньгам и политической поддержке. Объединение важнейших групп интересов должно было обеспечить для института беспрецедентный доступ к информации. После 1924 года любая значимая статистическая инициатива предварительно подробно обсуждалась с представителями германского бизнеса. Все барометры института составлялись с участием представителей из определенного сегмента бизнеса или профсоюзных организаций. Ежемесячный индекс выпуска промышленной продукции — показатель, который впервые начал публиковаться для Германии, — полностью зависел от совместных договоренностей. Этот индекс, первый раз опубликованный в августе 1927 года, состоял из 19 независимых показателей, как для перерабатывающих отраслей промышленности (угольной, металлургической и сталепрокатной), так и для отраслей обрабатывающей промышленности (текстильной и бумажной)⁹⁹. К февралю 1930 года этот индекс был расширен и стал включать 31 показатель. Была добавлена информация о ряде других отраслей промышленности: цветной металлургии, машиностроении, автомобилестроении, обувной промышленности, фарфорово-фаянсовой промышленности, часовой промышленности, а также об ассоциации производителей фортепиано¹⁰⁰. Появление каждого из рядов этих данных свидетельствовало об установлении нового альянса между институтом и тем или иным промышленным

⁹⁹ VzK 2 (1927), 2, pp. 26–27.

¹⁰⁰ VzK 4 (1930), 4, pp. 37–43. По оценкам, к 1930 г. этот индекс включал данные о предприятиях, производивших четверть общего размера промышленной добавленной стоимости.

Таблица 4

БЮДЖЕТНЫЙ ДОХОД ИНСТИТУТА, 1925–1932
(В ТЫС. РЕЙХСМАРОК В ГОД)

Статья дохода	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932
Бюджетный доход	201	254,1	374,9	376,8	401,4	302,9	396,9	249,9
Доли (в %)								
Государственный сектор	45	58	60	61	56	56	56	51
Бизнес	47	33	31	32	37	36	34	38
Сельское хозяйство	н/д	4	3	1	1	0,5	2	2
Профсоюзы	8	5	6	6	6	7,5	8	9

ПРИМЕЧАНИЕ: Отчетный год начинался с 1 апреля и заканчивался 31 марта. Государственный сектор: министерство экономики Рейха (RWM), министерство труда Рейха (Reich's Labour Ministry), Рейхсбанк (Reichsbank), Государственные германские железные дороги (Reichsbahn), государственная почта (Reichspost), Bank fuer Industrieobligationen, прусское правительство, Германский союз городов.

Бизнес: RdI, DIHT, Bergbaulicher Verein, Zentralverband des deutschen Grosshandels, Hauptgemeinschaft des deutschen Einzelhandels, Zentralverband der deutschen Konsumgenossenschaften, Centralverband des deutschen Bank und Bankiergewerbes, Sparkassen und Giroverband, Reichsverband des deutschen Handwerks. Сельское хозяйство: Deutscher Landwirtschaftsrat

Профсоюзы: ADGB, Christlichen Gewerkschaften Deutschlands, Gewerkschaftsring deutscher Arbeiter-, Angestellten-, und Beamtenverbaende.

Источники: BHStA Mwi 3092; Geheimes Staatsarchiv I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1.

союзом. Это сотрудничество было взаимовыгодным. Институт стал центром обработки экономической информации и, получая исходные данные, предоставлял дружеским бизнес-ассоциациям системы индексов¹⁰¹.

Наиболее важным из совместных достижений статистиков и Союза германской промышленности было создание так называемой Системы отчетов о промышленности. Отдел трудо-

¹⁰¹ О том, как были достигнуты договоренности с автомобильной промышленностью, см.: Hilsman in BVA 15 1092, 'Sitzung betr. Industrieberichte 11.1.1928 im RdI'.

вой статистики Имперского статистического управления первоначально ввел систему отчетов в 1903 году. Поскольку в этих отчетах содержались ответы компаний, которых просили оценить по пятибалльной шкале число занятых и объемы продаж, они давали государству лишь весьма приблизительное представление о рынке труда. После войны работу с этими отчетами пришлось передать министерству труда, однако в 1927 году в рамках договоренностей, достигнутых совместно с уполномоченным по сбережениям (Sparkommissar), управление этой системой вновь было передано Статистическому управлению Рейха¹⁰². В то время Статистическое управление начинало подготовительные работы для проведения переписи промышленной продукции. В этом случае отчеты по промышленности могли послужить идеальным дополнительным источником актуальной информации.

Д-р Пауль Брамштедт, правая рука Вагеманна, уже рисовал в своем воображении создание «всеобщей статистики бизнес-цикла». Он надеялся, что компании будут предоставлять ежемесячные отчеты о числе работников, о количестве отработанных часов, о величине заказов, поступающих как от отечественных, так и от зарубежных партнеров, об уровнях запасов и размерах отгрузки товаров, а также о еще не выполненных заказах¹⁰³. Для осуществления такого смелого проекта, несомненно, требовалось согласие Союза германской промышленности. Поэтому для обсуждения этого вопроса в январе 1928 года было созвано совещание. На этом совещании был определен формат совместной работы Статистического управления Рейха и представителей германского бизнеса. Союз настаивал на том, что при получении статистических данных не должно быть никакого принуждения¹⁰⁴. Ни для кого не было секретом, что принятое в военное время требование по предоставлению сведений (Auskunftspflicht) продолжало оставаться в действующем законодательстве.

¹⁰² Речь Фрелиха в: BBA 15 1092, 'Sitzung betr. Industrieberichte 11.1.1928 im RdI'.

¹⁰³ ВАК 11/51 Fol. 1 no. 150, речь Пауля Брамштедта на заседании Комитета экономической статистики Союза германской промышленности: 'Dezentralisierung der Industrieberichte', 6.8.1938, p. 1, а также: BBA 15 1092, RdI к Hölling 31.12.1927.

¹⁰⁴ BBA 15 1092, 'Sitzung betr. Industrieberichte 11.1.1928 im RdI'.

По мнению же представителей бизнеса, приемлемой могла быть только добровольная система подачи сведений. Промышленники также возражали по поводу предложения подавать отчеты в течение последних пяти дней каждого месяца. Более того, такие отрасли промышленности, как металлургическая, сталепрокатная, химическая и металлообрабатывающая, не хотели, а также не имели возможности предоставлять информацию по продажам, заказам и запасам.

Кроме этого, по политическим причинам, возражение вызвал вопрос, связанный со сбором данных о количестве отработанных часов. Ведь если отработанное количество часов разделить на количество работников, то можно выяснить, сколько часов отработал каждый работник. А этот показатель являлся главным в дебатах о восьмичасовом рабочем дне. Брамштедту и Вагеманну пришлось отказаться от мечты о «всеобщей статистике бизнес-циклов». Они согласились на то, что отчеты промышленников будут включать только информацию о занятости и о количестве отработанных часов. Более того, в обязанности институту вменялось кодирование результатов. Общее количество отработанных часов и количество рабочих будут появляться только в виде индексов, рассчитываемых исходя из номинальной численности работников и из полной занятости. Базовые определения используемых показателей будут сознательно делаться расплывчатыми. Несмотря на все эти уступки, представители бизнеса все равно остались недовольны новым опросником. Такие важные отрасли промышленности, как, например, химическая, вообще отказались от участия в проведении переписи. В целом участие приняли 3500 компаний с общим количеством рабочих 2,8 млн человек. Первые закодированные результаты появились лишь в 1930 году¹⁰⁵.

Несмотря на сложности, возникавшие при обсуждении системы отчетов по промышленности, вряд ли можно сомневаться в том, насколько влиятельной поддержкой пользовался институт Вагеманна. Осенью 1937 года, когда институт ждал нового финансирования, Пауль Ройш поручил своим представителям в Берлине провести выборочный опрос мнений среди крупнейших предпринимателей. Отчет д-ра Бланка как нельзя лучше

¹⁰⁵ ВВА 15 1092, IfK к Fg Bergbau 19.10.1929 and VzK, 5, 1, A, pp. 44–46.

подтверждает, насколько широкой была коалиция Вагеманна. Представители трех важнейших ассоциаций германского бизнеса выразили готовность сотрудничать с институтом. Даже если в проведенном им анализе окажутся какие-либо погрешности, причиной этого будет считаться недостаточность адекватных статистических данных. Любопытно, что и Леммер (член Ассоциации работодателей), и Кастл (член Rdl) посоветовали представителю Ройша не обращать внимания на критику, поступавшую из научных экономических кругов. Возражения ученых отражали несогласованность мнений, которая была характерна для преподавания экономических дисциплин в германских университетах. Методики же, которые использовались в институте Вагеманна, были технологиями будущего. Даже явные противники исследований бизнес-циклов не могли не признавать их важного значения. Бухманн, член Ассоциации германской металлургической и сталепрокатной промышленности, высказался по этому поводу следующим образом: «Существует опасность, что все наши способы рассмотрения экономики будут заражены „теоретическими“ методами, созданными в институте»¹⁰⁶. Херле, представитель Союза германской промышленности, даже попросил, чтобы его критические комментарии нигде не публиковались, поскольку его начальник, Кастл, был верным сторонником института. В прогрессивных кругах бизнес-сообщества в 1920-е годы было не принято критиковать институт Вагеманна.

VI

Час торжества для веймарских технократических идей, связанных с проведением экономической политики, пробил в 1927 году¹⁰⁷. Поводом для этого послужило предложение, выдвинутое в июне Комитетом экономической политики Имперского экономического совета (Reichswirtschaftsrat), консуль-

¹⁰⁶ RWWA 20 Niederrheinische IHK Duisburg-Wesel 996/3, Blank to Reusch 30.11.1927, pp. 2–3.

¹⁰⁷ R. Meister, *Die große Depression. Zwangslagen und Handlungsspielräume der Wirtschafts- und Finanzpolitik in Deutschland 1929–1932* (Regensburg, 1991), pp. 162–170.

тативного корпоративного органа. Балтруш, представитель христианского профсоюза, выступил с призывом использовать расходы, связанные с закупками для государственных железных дорог, и иные государственные расходы, таким образом, чтобы извлечь при этом максимальную пользу¹⁰⁸. Такие требования поступали и раньше. Призывы организовать общественные работы звучали еще в начале XX века¹⁰⁹. Предложение Балтруша, конечно, несло на себе печать «социальной политики» ('Sozialpolitik') XIX века. Его больше всего волновало то, что объединение государственных заказов, в частности заказов на строительные материалы, приводит к сверхурочной работе в шахтах, к введению ночных смен, использованию старого и ненадежного оборудования и, следовательно, к увеличению числа производственных аварий. Удивительно, но министерство экономики и институт Вагеманна воспользовались этим далеко не новым призывом Балтруша как поводом для того, чтобы озвучить совершенно иную политическую программу. По их мнению, фискальную политику должна была определять не социальная политика, а макроэкономическая теория.

Тон был задан меморандумом, подготовленным совместно представителем от министерства экономики Рейха Шеффером и представителями от министерства труда. В этом меморандуме вопросы социальной политики даже не упоминались. Вместо этого в нем обсуждалась возможность осуществлять государственные затраты таким образом, чтобы стабилизировать бизнес-цикл. Задача заключалась в том, чтобы «масштаб государственных заказов продолжал находиться в обратно пропорциональной зависимости от размеров частных заказов»¹¹⁰. Говоря иными словами, требовалось стабилизировать совокупный спрос. Вряд ли можно сомневаться, что важную роль в подготовке меморандума сыграл институт Вагеманна. Для оценки

¹⁰⁸ ВАР R 401 781 no. 3, 'Antrag to Wipo Cttee. Vorlf. Reichswirtschaftsrat 15.7.1927 Baltrusch und Genossen'.

¹⁰⁹ A. Faust, *Arbeitsmarktpolitik im Deutschen Kaiserreich. Arbeitsvermittlung, Arbeitsbeschaffung und Arbeitslosenunterstützung 1890–1918* (Stuttgart, 1986).

¹¹⁰ ВАР R 401 781 no. 55, отчет министерства экономики, подготовленный для Имперского экономического совета (Reichswirtschaftsrat) 16.12.1927, р. 3.

масштабов проблемы стабилизации, описанной в меморандуме, безусловно, были использованы расчеты, проведенные в институте¹¹¹. Основываясь на данных за 1923–1924 годы и за начало 1926 года, Вагеманн заявил, что в период самой глубокой депрессии зарегистрированная безработица составляла 10%. Согласно расчетам института, такой уровень безработицы во время депрессии непосредственно привел к уменьшению объема дискреционного потребления в размере 3 млн рейхсмарок в год. Учитывая общие затраты государства на закупки, которые составляли 6–7 млн рейхсмарок, Вагеманн предположил, что на создание достаточно крупного стабилизационного фонда в период циклического подъема государству достаточно будет ежегодно откладывать не более 10% от суммы затрат.

О влиянии института можно судить и по большому количеству сторонников общественных работ. Большинство ведущих теоретиков бизнес-циклов, как в Германии, так и в других странах, видели в монетарной политике инструмент стабилизации. Предполагалось, что понижение процентных ставок в период после депрессии окажется стимулом для инвестиций, поднимет спрос и восстановит полную занятость. Исследователи берлинского института с большим скепсисом относились к «механизму трансмиссии». По их мнению, инвестиции зависели от конечного спроса ничуть не меньше, чем от процентных ставок. Не имея перспектив для получения прибыли, бизнесмены не станут инвестировать, независимо от стоимости кредитных средств. Поэтому Вагеманн и его экономисты полагали, что гораздо более мощным средством стабилизации являются государственные расходы, которые могут оказывать непосредственное воздействие на систему экономического кругооборота, увеличивая платежеспособный спрос. Это, в свою очередь, должно стимулировать частное потребление и инвестирование.

Конечно, сторонники ортодоксальных взглядов всегда утверждали, что государственные расходы, финансируемые с помощью кредитов, могут просто «вытеснить» частные инвестиции с рынка капитала. Исследователи института признавали, что такой вывод вполне обоснованно следует из статической

¹¹¹ См. статью Вагеманна, хранящуюся в: BAP R 401 781 no. 198.

модели равновесия, однако возможность применения такого подхода к анализу цикла вызывала у них сомнения. При достижении низшей точки экономического спада в кредитной системе накапливалось огромное количество денежных средств. Экономика страдала не от недостатка денег, а от заниженных ожиданий инвесторов. Увеличение государственных расходов могло бы помочь найти выход из тупика и создало бы мощный стимул для восстановления экономики, заставив работать неиспользуемые деньги.

Эти доводы имели бы смысл только при условии, что содержащиеся в них предложения были бы осуществлены в нужный момент времени¹¹². Институту было необходимо с точностью определить тот момент, когда экономика выйдет из состояния кризиса и перейдет к преодолению его последствий. Чтобы особо подчеркнуть этот момент, для выступления Балтруша подготовили весьма содержательный график, на котором было продемонстрировано, насколько точными были прогнозы института за предшествующие годы¹¹³. Как же делались эти прогнозы? По сути, они основывались на экстраполяции данных, полученных в результате анализа паттернов прошлых бизнес-циклов. Согласно разработкам института, довоенный бизнес-цикл длился от 7 до 10 лет. После начала войны бизнес-цикл стал короче. Если за точку отсчета принять депрессию 1925–1926 годов, то, по мнению исследователей института, во второй половине 1928 года можно было бы ожидать начала экономического спада. Это был повод для волнения, но никак не для паники. Исследователи института убедили себя в том, что германская экономика развивалась медленнее, чем в других крупных индустриальных странах. Это означало, что любые последствия экономического спада в экономике Германии можно было бы смягчить посредством так называемого экспортного клапана. Это позволило бы тяжелой промышленности и производителям легкой промышленности реализовать

¹¹² Современники отнеслись к ним достаточно скептически. См., например: F. Köhler, 'Die Aufträge der öffentlichen Hand', *Die Bank* (1928), pp. 340–345.

¹¹³ BAP R 401 781 no. 196, 'Die Diagnosen des Instituts für Konjunkturforschung und die tatsächliche Wirtschaftsbewegung' (Februar 1928).

излишки своей продукции на зарубежных рынках. Более того, такие меры позволяли надеяться на непрерывный поток зарубежных инвестиций, столь важных для Германии. В случае необходимости деньги для пакета стабилизационных мер можно было бы заимствовать из зарубежных источников.

В начале 1930-х годов одним из самых горячих защитников идеи сокращения бюджетных расходов стал Ганс Шеффер. Почему же ему так страстно хотелось взять на себя осуществление этого авантюрного плана? Имелось по крайней мере две причины, по которым Шеффер стремился, чтобы бюджетная политика в Германии проводилась с оглядкой на ее макроэкономические последствия. Прежде всего, он был одним из убежденных сторонников выполнения условий репараций. Именно для этого требовались решительные меры по ограничению бюджетных расходов с целью увеличения запасов средств и создания благоприятных условий для поддержания положительного сальдо торгового баланса. Такую жесткую политику нужно было проводить во время экономического кризиса 1925–1926 годов. Однако в 1927 году в Германии наступил период процветания. И все же именно в этот момент максимальной экономической активности началось расходование огромных сумм государственных бюджетных средств. Это создавало торговый дефицит и увеличивало размеры губительных для экономики зарубежных кредитов. Модель стабилизации, предложенная Институтом конъюнктурных исследований, служила для обоснования внешнеэкономической политики, проводимой Шеффером. Безответственное расходование бюджетных средств в благополучный период не только сделало невозможным выплату репараций, но и дестабилизировало бизнес-цикл, а также ограничило возможности государства в борьбе с последовавшим экономическим спадом. Если бы к расходованию бюджетных средств относились с осмотрительностью, то тогда не произошло бы ни того ни другого.

А у кого было больше возможностей, чтобы навести порядок в расходовании бюджетных средств, чем у министерства экономики? С помощью института, возглавляемого Вагеманном, министерство Шеффера могло бы осуществлять макроэкономический надзор над всеми расходами и тем самым гарантировать, что они соответствуют как внутренней экономической

Таблица 5

ЗАКУПКИ, ПРОИЗВЕДЕННЫЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ
СЕКТОРЕ ГЕРМАНИИ, 1929 И 1930 ГОДЫ,
ПО ОТРАСЛЯМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,
В ТЫС. РЕЙХСМАРОК (РМ) И В ПРОЦЕНТАХ

Отрасли промышленности	Среднемесячные показатели июль-декабрь 1930 г.		1929 бюджетный год	
	тыс. рм	%	тыс. рм	%
Горнодобывающая промышленность	21711	28,8	26236	27,4
Разработка полезных ископаемых	1646	2,2	4080	4,3
Выпуск железа и металлопродукции	10912	14,5	10590	11,1
Изделия из железа, стали и иных металлов	1535	2	4720	4,9
Машиностроение и автомобилестроение	17387	23,1	17314	18,1
Электротехника, производство точных механических приборов и оптики	9529	12,7	13481	14,1
Химическая промышленность	2675	3,6	2362	2,5
Текстильная промышленность	1223	1,6	2037	2,1
Бумажная и печатная промышленность	247	0,3	525	0,5
Кожевенная промышленность	290	0,4	480	0,5
Резиновая и асбестовая промышленность	146	0,2	463	0,5
Деревообрабатывающая промышленность	1614	2,1	2419	2,5
Производство консервированных мяса, фруктов и овощей	22		23	
Производство одежды	238	0,3	256	0,3
Строительство	6138	8,2	10726	11,2
Всего	75313	100	95712	100

Источник: *Wirtschaft und Statistik*, 11 (1931), p. 186.

стабильности Германии, так и ее обязательствам перед другими странами. Для того чтобы подкрепить позицию Балтруша, Статистическое управление собрало данные о закупках, произведенных Рейхом, землями и государственными железными дорогами в течение 1926 и 1927 бюджетных годов¹¹⁴. В составленных управлением таблицах были приведены данные об общем объеме заказов, сделанных главными закупочными агентствами каждой из ведущих отраслей промышленности Германии. Как предполагалось, в будущем станет возможным отслеживать влияние политики государственных закупок тех или иных видов товаров на оборот и занятость в отдельных отраслях промышленности (табл. 5)¹¹⁵.

После длительного обсуждения комитет, возглавляемый Балтрушем сформулировал главную рекомендацию: осуществление государственных закупок должно координироваться с помощью регулярных статистических обзоров¹¹⁶. Обо всех крупных заказах, сделанных правительством и землями, следует докладывать в комитет, находящийся под управлением министерства экономики Рейха. Это могло бы позволить Шефферу и министерству экономики осуществлять если не полный контроль, то хотя бы надзор над масштабом и временем совершения государственных закупок. По крайней мере начиная с этого периода в Германии начался регулярный сбор статистических данных¹¹⁷.

VII

С 1900 по 1920-е годы, то есть за период, в течение которого выросло целое новое поколение, экономика Германии претерпела значительные изменения. Статистические исследования, проводившиеся в начале века Имперским статистическим

¹¹⁴ BAP R 401 781 no. 66, RWM в Reichswirtschaftsrat 22.12.1927. См. также: Н. Arons, 'Behördliche Konjunkturpolitik', *Die Arbeit* 5 (1928), pp. 527–529.

¹¹⁵ См. исследование, проведенное Рейхсбанком: BAP 25.01 6707 no. 202, 'Welchen Einfluß hatten die Aufträge der öffentlichen Hand auf die Konjunktur-entwicklung der deutschen Wirtschaft in den letzten Jahren?', pp. 6–7.

¹¹⁶ BAP R 401 781 no. 363, 'Gutachten des Arbeitsausschusses zur Beratung des Antrags Baltrusch u. a.' (March 1928).

¹¹⁷ *WuS* 10 (1930), pp. 856–860.

управлением, скорее всего, современному читателю покажутся непривычными. Зато публикации Статистического управления Рейха и Института конъюнктурных исследований выглядят поразительно знакомыми. В них действительно отражена современная концепция экономики. Как и в сегодняшней науке, главное место в этой концепции занимали не переписи рабочих мест и промышленные переписи (пусть даже и в сокращенном варианте, характерном для 1925 года), а новая система национальных счетов. Национальные счета, в свою очередь, составлялись непосредственно на основе макроэкономических балансов, описанных в ранних трудах Эрнста Вагеманна, которые были посвящены монетарной теории.

Такое новое понимание экономики также предполагало создание новой концепции экономической политики. Исследователи, занимающиеся изучением истории политики в области благосостояния и здравоохранения, на протяжении уже многих лет утверждают, что на службе у Веймарской республики были радикалы и технократы. В существующей же литературе, напротив, имеется тенденция рассматривать экономическую политику как рефлекторные действия групп интересов, или как устаревшую догму. За исключением периода депрессии, очень мало внимания уделялось изучению того интеллектуального контекста, в котором происходило формирование экономической политики. Некоторые исследователи даже берутся утверждать, что в этот период экономическое знание и практика экономического управления развивались в противоположных направлениях¹¹⁸. Это, безусловно, неправильная точка зрения. Министерство экономики Рейха вполне целенаправленно пыталось разработать новое направление в экономической политике. По сути, оно стремилось выработать новое отношение к государственному бюджету — не как к камералистской системе учета, а как к неотъемлемой части кругооборота экономической деятельности. Обобщая, можно сказать, что национальная экономическая статистика, создаваемая ин-

¹¹⁸ H. James, 'What is Keynesian about Deficit Financing? The Case of Interwar Germany', in D. A. Hall (ed.), *The Political Power of Economic Ideas: Keynesianism across Nations* (Princeton, 1989), pp. 233–262.

ститутом и Статистическим управлением, была пропитана духом продуктивизма. Политика, в первую очередь, должна быть непосредственно направлена на то, чтобы максимизировать и стабилизировать поток национального дохода.

Не стоит недооценивать степень новизны такой концепции экономической политики. В качестве рациональной концепции краткосрочной макроэкономической политики она была окончательно признана лишь в 1950-х годах. В данной работе появление и развитие этой новой концепции экономической политики рассматривались с технической точки зрения. Однако нет сомнений в том, что она была связана как с более широким интеллектуальным контекстом, так и с политическими течениями, существовавшими в Германии в период между Первой и Второй мировыми войнами. Экономическая теория, которая разрабатывалась в институте Вагеманна, восприняла идеи направления новой вещественности (*Neue Sachlichkeit*), причем не только в области графических работ и стиля *Sans Serif* (рубленный шрифт — без засечек). Эта теория претендовала лишь на то, чтобы быть жизненной и функциональной. Она смогла завоевать популярность благодаря тому, что в ее задачи входило смягчение капиталистической нестабильности и сокращение до минимума рисков безработицы. Однако в ней проявились нетерпимое отношение к социальным конфликтам, а также вполне осознанная попытка заглушить любые обсуждения вопросов распределения. Кроме того, конечно, обязательно нужно отметить и тот факт, что в 1920-х годах эта теория так и смогла утвердиться в качестве рациональной экономической политики.

Как уже отмечалось при рассмотрении политики благосостояния, мы не должны заблудиться в абстрактной логике экономической политики¹¹⁹. Нам всегда следует осознавать, какие жизненные проблемы и сложности определяют разработку экономической политики и препятствуют ее осуществлению. Технократические идеи и представления, зародившиеся в Имперском министерстве экономики, так и остались на бумаге. Как мы увидим ниже, на детально разработанные планы

¹¹⁹ Y.-S. Hong, *Welfare, Modernity and the Weimar State 1919–1933* (Princeton, 1998).

контрциклической стабилизации огромное влияние оказала Великая депрессия. Об этом свидетельствуют статистические исследования, которые проводились в институте Вагеманна. Однако для того, чтобы понять истинные масштабы катастрофы, мы должны увидеть, что стоит за голыми фактами. Нам необходимо осознать, какими были рационалистические мечты, которые разрушил экономический кризис. Ведь именно эти мечты и породили ту статистическую науку, которую мы используем по сей день. Институту Вагеманна было суждено пережить кризис, вызванный депрессией. Проект конъюнктурных исследований продолжал жить и постепенно набирал силу. Начатые в 1925 году, эти исследования оказывали неизменное влияние на германское правительство в течение последующих двух десятилетий и позже.

4. Кризис веймарских статистических структур, 1930–1933

В феврале 1930 года Институт конъюнктурных исследований объявил, что наступил момент, когда в экономике начался период депрессии. В начале 1929 года Вагеманн и его коллеги находились в удрученном состоянии духа. Правда, поначалу, вопреки их прогнозам, ключевые показатели не вызывали пессимизма. Это создавало потенциальную угрозу для института. Мрачные предсказания его сотрудников очень сильно отличались от более радужных прогнозов, которые делали другие исследователи, в первую очередь, экономисты, работавшие в банках. Для того чтобы институт мог обосновать свою концепцию развития экономики — по сути, схему цикла, — требовалось наличие признаков спада производства. В начале 1930-х годов такие симптомы начали проявляться. Хотя в Германии кризис не был столь же глубоким, как тот, который поразил Уолл-стрит, период высокой экономической активности, продолжавшийся с 1927 года, вне всякого сомнения, остался в прошлом. Экономика Германии находилась в состоянии рецессии. Именно для такой ситуации и создавался вагеманновский статистический аппарат.

Институт еще раньше прогнозировал окончание периода экономического бума. Теперь же он констатировал, что в стране началась экономическая депрессия. Согласно сценарию, разработанному в 1920-е годы, как раз в этот момент экономическая администрация Рейха и должна была приступить к активным действиям — в противном случае экономическому спаду суждено было стать глубоким и затяжным. На основе опы-

та, накопленного в послевоенные годы, можно было предположить, что для оживления процессов инвестирования и потребления домохозяйствам потребуется не менее одного года. А пока этого не произойдет, государственный бюджет будет испытывать тяжелейшее воздействие от последствий этой ситуации. По мере роста безработицы будут увеличиваться и государственные расходы. В то же время будут сокращаться доходы, получаемые от налоговых сборов. Своевременное вливание государственных средств могло бы способствовать быстрому выходу из кризиса. Если выбрать правильный момент, то можно избежать нехватки денег. При этом не будет необходимости поддерживать прежний уровень государственных заимствований, поскольку у частных инвесторов появятся хорошие перспективы найти возможности для вложений. По мере стабилизации рынка труда потребители начнут тратить больше денег на одежду и предметы быта. В результате будет восстановлено всеобщее процветание. В это же время будет скорректирован нарушенный баланс государственных финансов. Тогда по окончании кризиса правительство и его экономические советники еще больше укрепят свою репутацию.

Такие радужные мечты были похоронены еще в первой половине 1930-х годов. Вместо того чтобы совместными усилиями искать выход из кризиса, Статистическое управление Вагеманна и правительство Брюнинга вступили в конфликт. Напряжение, существовавшее в их взаимоотношениях, в течение 1930 года постепенно усиливалось, а к концу года достигло такого накала, что канцлер фактически прекратил контакты с институтом. В этот момент и началась целенаправленная атака на статистические структуры Вагеманна. Финансирование Статистического управления было сильно сокращено, а на проект, разрабатываемый Институтом конъюнктурных исследований, обрушился шквал критических замечаний. Под угрозой были поставлены связи между Статистическим управлением и Институтом конъюнктурных исследований. Было непонятно, какая судьба ожидает технократическую программу, разработанную в 1920-х годах. В 1932 году отношения между кабинетом Брюнинга и статистическими структурами Вагеманна были полностью разорваны. Вагеманн приобрел репутацию од-

ного из самых ярких критиков неуклонной политики дефляции, проводимой Брюнингом. В тот момент, когда Веймарская республика переживала период самого глубокого кризиса, экономист, который надеялся стать консультантом правительства, оказался в оппозиции. А тогда, в 1932 году, находиться в оппозиции означало быть в альянсе с гитлеровской национал-социалистической партией. Что же привело к такому катастрофическому разрыву? Почему технократы 1920-х годов выступили против государства, с которым раньше они были союзниками?

I

По всей вероятности, избежать некоторых трений между правительством Брюнинга и статистическими структурами, было невозможно. Начиная с 1926 года Статистическое управление и институт радостно рапортовали о стабилизации и оздоровлении экономики. Это уменьшало политические риски, сопряженные с распространением официальной экономической информации. Великая депрессия была не только самым тяжелым кризисом экономики Германии, но также и кризисом, который как никогда подробно освещался в средствах массовой информации, что явилось весьма негативным фактором как для Брюнинга, так и для германской демократии. Впервые за всю историю страны германское государство публиковало самые актуальные данные о состоянии национальной экономики. Когда такое происходит в либеральных демократических странах сегодня, нам это кажется естественным. Однако для Германии 1920-х годов это было поразительным новшеством. В 1920 году появился выходивший раз в две недели бюллетень *Wirtschaft und Statistik*. Страницы этого издания были заполнены новыми индексами цен, информацией, поступавшей от администрации рынка труда, а также всевозможными актуальными данными.

По-настоящему новая эра наступила в 1926 году, с началом публикации первого ежеквартального бюллетеня, издаваемого Институтом конъюнктурных исследований под названием *Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung*. Совместно оба эти бюллетеня (*Wirtschaft und Statistik* и *Vierteljahrshefte*) пред-

ставляли беспрецедентный обзор состояния германской экономики. Однако Вагеманну этого показалось недостаточным. В 1927 году для того, чтобы информировать общественность о последних результатах работы института, он предложил издавать еженедельный бюллетень. Сначала Имперское министерство экономики отнеслось к этой идее скептически. Разве возможно за такой короткий период времени провести адекватный «научный» анализ? Но Вагеманна эти доводы не оставили. Весной 1928 года Ганс Шеффер от имени министерства дал добро на это издание¹. Теперь полуофициальные сообщения о состоянии экономики начали поступать более или менее регулярно.

То, как легко эта информация находила свою аудиторию, приводило в изумление даже самого Вагеманна. *Wirtschaft und Statistik* завоевал популярность с самого начала. Однако больше всего удивления вызывал ежеквартальный бюллетень. Как ожидали вначале, такие подробные издания смогут найти своих читателей только в организациях-спонсорах. В действительности же, когда вышел первый выпуск бюллетеня, в книжных магазинах и газетных киосках было распродано почти 1000 экземпляров. Через год объем продаж увеличился и составлял уже почти 4000 экземпляров². Поток данных, предоставлявшийся официальной статистической структурой, во много раз расширился благодаря использованию каналов частных средств информации. В 1920-е годы деловые страницы германских газет претерпели поразительную трансформацию. Теперь они уже не ограничивались сообщениями о том, как идут дела у местных компаний, или информацией о состоянии отдельных рынков. Все чаще появлялись обзоры, посвященные анализу общего состояния «экономики», для чего использовались новые национальные показатели³. Возникла

¹ GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 124, 'Bericht über Sitzung des Kuratoriums des IfK 24.11.1927', pp. 6–9 и GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 142, *Industrie und Handelszeitung*, 56, 6.3.1928, p. 1.

² BHStA MWi 3092, Jahresbericht des IfK 1926/7 and GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 246, 'Bericht über die Sitzung des Kuratoriums des IfK am 6.11.1929', pp. 3–4.

³ F. Wirth, *Die Wirtschaftsteile Deutscher Zeitungen* (Leipzig, 1927).

потребность в появлении справочников, необходимых для понимания новых газетных деловых страниц. Один из таких справочников, подготовленный социал-демократами Эрнстом Каном и Фрицем Нафтали, был продан за десятилетие в количестве более 110 000 экземпляров⁴.

Теперь об экономике говорили в цифрах, чего раньше никогда не было. Термины, которые использовались в конъюнктурных исследованиях, прочно вошли в деловой язык. Читателям теперь представляли новые понятия и методы исследований: тренды и циклы; структура и процесс; сезонные корректировки; показатели опережения и отставания. Технический стиль языка, который использовался сотрудниками института для сообщения о своих исследованиях, стал стандартом, которому подражали все другие деловые издания, выпускавшиеся в Германии периода Веймарской республики. Это особенно хорошо видно по обзорам, издаваемым берлинскими банками, многие из которых начали пробовать проводить собственные анализы бизнес-цикла⁵. По мнению редактора влиятельного издания *Berliner Börsen Zeitung* Вальтера Функа, публикации института были «во многих отношениях единственными доступными материалами, <...> с которыми могут работать газетчики»⁶. Тон современных экономических сообщений главным образом задавал институт, поэтому конкурировавшие с ним информационные агентства были просто вытеснены с делового рынка. Самой заметной потерей была статистическая служба, которую еще с довоенного периода возглавлял Рихард Калвер⁷. К концу 1920-х годов незаконная публикация материалов института достигла таких размеров,

⁴ E. Kahn and F. Naphtali, *Wie liest man den Handelsteil einer Tageszeitung?* (Frankfurt, 1930, 2nd edn.)

⁵ *Magazin der Wirtschaft*, 4 (1928), II. Hj., pp. 1289, 1358–1359 и 5 (1929), I. Hj., pp. 571–572, 894–589. См. также: M. Pohl, 'Gedanken zur Entstehung und Bedeutung der Grossen Bankarchive', *Bankhistorisches Archiv, Zeitschrift zur Bankgeschichte*, 2 (1976), pp. 46–52.

⁶ RWWA 20 Niederrheinische IHK Duisburg-Wesel 996/3, Blank к Reusch 30.11.1927, p. 3.

⁷ Об обстоятельствах самоубийства Рихарда Калвера и его жены см.: 'Der Fall Calwer', *Die Bank* (1927), pp. 414–416.

что Вагеманн начал серьезно подумывать о введении платы за перепечатку⁸.

Что можно сказать о читательской аудитории этих публикаций? Конечно, обзоры, подготовленные институтом, читали в головных офисах крупного германского бизнеса. Как мы уже видели, у института было множество верных поклонников среди первых лиц берлинской деловой среды. Однако влияние публикаций института простиралось далеко за пределы мира финансов. В августе совместное статистическое агентство Торговых палат Рура провело опрос среди бизнесменов, попросив их дать оценку деятельности Института конъюнктурных исследований. В результате выяснилось, что практически каждый банковский менеджер Рурского региона с интересом следил за еженедельными обзорами института. Общее мнение было четко сформулировано в комментариях собственника одного из крупных предприятий тяжелой промышленности, пожелавшего остаться неизвестным. Он полагал, что публикации института имели огромное значение, поскольку в них содержались не имеющие себе равных обзоры состояния национальной экономики. Далее этот анонимный магнат тяжелой промышленности писал:

Для нас, как для частного предприятия, важность [еженедельно издаваемых институтом] обзоров трудно переоценить, поскольку ежедневные газеты, которые мы читаем, не только перепечатывают институтские публикации, но, так или иначе, попадают под их влияние. Поэтому, когда читаешь свою обычную ежедневную газету, невольно думаешь о том, что в ней использованы данные Института конъюнктурных исследований⁹.

Проблемы, которые эта новая медийная машина потенциально могла создать для правительства, поначалу не бросались в глаза благодаря стабильному состоянию экономики. Однако с началом серьезного кризиса обнаружилось, что у правительства

⁸ GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 246, 'Bericht über die Sitzung des Kuratoriums des IfK am 6.11.1929', p. 4.

⁹ SWWA K 1 571, Gemeinsame Stat. Stelle в ИНК Dortmund 3.8.1929 и прилагаемый отчет от 3.8.1929, p. 4.

Брюнинга имеются сложности во взаимоотношениях с общественностью. К осени 1930 года хлынул настоящий поток плохих новостей, и вся эта информация поступала из статистических структур. Разумеется, рабочие и без статистических данных прекрасно осознавали реальность экономического спада. Новая статистика выступила в роли мультипликатора, который, подтвердив переживания миллионов отдельных граждан, многократно их усилил. В результате возникло ощущение национальной катастрофы. При этом нужно понимать, что веймарская Германия не страдала от недостатка оппозиционных политиков, которые были готовы в любой момент на примере судеб отдельных людей сформулировать политическую проблему. Постоянно поступающая негативная информация давала в руки критикам правительства Брюнинга необходимый материал.

Движение, возглавляемое Адольфом Гитлером, проявило особенный талант в использовании официальной статистики для того, чтобы продемонстрировать несостоятельность веймарской «системы». Согласно разглагольствованиям Гитлера, появление трех миллионов безработных, зарегистрированных в октябре 1930 года, явилось свидетельством «отсутствия политического характера» у республики и неэффективной работы ее прихвостней, «так называемых государственных деятелей»¹⁰. В феврале 1931 года Гитлер ухватился за информацию, появившуюся в официальных сообщениях, согласно которой общее количество безработных в стране составило 4,89 млн человек¹¹. В течение всей весны в его выступлениях звучала цифра 5 млн безработных граждан Германии. Гитлер любил драматизировать ситуацию. Так, например, он утверждал, что в целом на улицы были выброшены и теперь пользуются государственной поддержкой 20 млн мужчин, женщин и детей, то есть больше, чем все население Чехословакии. Согласно риторике

¹⁰ C. Goschler (ed.), *Hitler. Reden Schriften Anordnungen*, part IV *Von der Reichstagswahl bis zur Reichspräsidentenwahl Oktober 1930 — März 1932* (Munich, 1994), 1, Doc. 17 *Illustrierter Beobachter*, 1.11.1930, 'Der Metallarbeiterstreik', p. 43.

¹¹ *Hitler Reden Schriften Anordnungen*, part IV, 1, doc. Nr. 57, 'Rede auf NSDAP-Versammlung in Weimar 8.2.1931', doc. Nr. 63, 'Rede auf NSDAP-Gauparteitag in Braunschweig 22.2.1931' и doc. Nr. 96, 'Rede auf NSDAP Versammlung in Kaiserslauten 16.4.1931'.

Гитлера, значение этого факта было совершенно очевидным — восстановить экономику Германии в состоянии было только руководство национал-социалистической партии, которое прекратило бы выплаты по репарациям.

Таким образом, неудивительно, что недовольство Брюнинга вылилось на Статистическое управление и он накинулся на него с неадекватным раздражением. На глаза ему мог попасться любой из множества экономических показателей, но он обратил внимание на индекс стоимости жизни (*Reichsindex*). Главной компонентой экономической политики правительства Брюнинга было восстановление конкурентоспособности Германии с помощью дефляции, то есть одновременного понижения цен и размеров заработных плат. Таким образом, величина *Reichsindex* приобрела стратегическое значение¹². Без существенного снижения стоимости жизни осуществлять значительное уменьшение размеров заработных плат было рискованным с политической точки зрения. Однако не стоит забывать о том, что с самого начала экономическая политика Брюнинга была пронизана противоречиями. Основная часть расходов рабочего класса уходила на покупку продуктов питания. Следовательно, для того чтобы существенно понизить стоимость жизни, было необходимо уменьшить цены на сельскохозяйственную продукцию. Но проводимая Брюнингом политика дефляции оказалась односторонней. С одной стороны, правительство выступало в защиту идеи снижения цен и заработных плат в промышленности и сфере услуг, а с другой стороны — стремилось стабилизировать доходы германских фермеров.

Этот насущный вопрос приобрел еще большее значение после выборов, прошедших в сентябре 1930 года, когда большинство крестьян северных земель отдали свои голоса за партию национал-социалистов. Цены на сельскохозяйственную продукцию остались прежними, главным образом благодаря принятым защитным мерам по поддержке цен. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что индекс стоимости жизни сохранился на том же уровне, на котором он находился до начала

¹² Т. Koops (ed.), *Akten der Reichskanzlei, Weimarer Republik, Die Kabinette Brüning I u. II* (Boppard, 1982), 1, doc. Nr. 66, правительственное совещание 8.7.1930, p. 267 и doc. Nr. 114, правительственное совещание 16.9.1930, p. 429.

депрессии, в то время как на промышленность и на торговлю оказывалось давление с требованиями понизить заработную плату. Но даже если бы цены на промышленные товары понизили вдвое, то, учитывая, что при расчете индекса стоимости жизни используются весовые коэффициенты, это привело бы к сокращению величины индекса не более чем на 10%. Брюнинг отказался принять такую логику. К декабрю 1930 года он сам себя убедил в том, что во всем виноваты статистики. На заседании кабинета министров Брюнинг заявил:

При проведении отдельных статистических обзоров гражданские служащие отказываются фиксировать реальные цены. Они всячески пытаются удержать индекс стоимости жизни на искусственно завышенном уровне. Он [Брюнинг] будет настаивать на проведении проверок деятельности отдельных местных органов власти. <...> Пока мы с этим не разберемся, в экономике, и особенно в сельском хозяйстве, не будет мира. В настоящее же время эти индексы практически не имеют ничего общего с реальным уровнем цен¹³.

В начале 1920-х годов к расчетам Reichsindex можно было придираться как с политической, так и с технической точек зрения. Однако к 1930 году Статистическое управление (SRA) и близкое ему министерство экономики (RWA) уже набрали силу. Директор Платцер, представлявший Статистическое управление, прочитал Брюнингу и членам его кабинета длинную лекцию, посвященную методологии статистики цен¹⁴. Платцер сразу же отверг все обвинения в том, что цены в отчетах были завышены. Система отчетов Статистического управления была политически нейтральной. Если в местных отчетах и завышались какие-либо цифры, то это были показатели степени дефляции. Хотя сам по себе Reichsindex и не был идеальным, статистиков больше всего беспокоила система весовых коэффициентов¹⁵.

¹³ *Die Kabinette Brüning*, 1, doc. Nr. 194, правительственное совещание 9.12.1930, р. 712.

¹⁴ ВАР 07.01 film 19065N/2108 no. 174, 'Sitzung des Reichsministeriums-Ministerbesprechung 28.2.1931 Besprechung des Lebenshaltungsindex', р. 1.

¹⁵ ВАР 07.01 film 19065N/2110 no. 148 SRA, 'Nachprüfung der Grundlagen der Reichsindexziffer für die Lebenshaltungskosten' (1931).

В результате нового обзора бюджетов рабочих обнаружилась необходимость существенного пересмотра этих коэффициентов. Однако трудно было предсказать, какими окажутся последствия подобных изменений. Естественно, они не могли дать непосредственного снижения величины индекса, а ведь именно к этому стремился Брюнинг. Когда в 1934 году была, наконец, осуществлена реформа технических расчетов, размер индекса, подсчитанный для 1930 года, оказался выше, чем первоначально сообщалось. Это противоречило намерениям Брюнинга¹⁶. К началу 1930-х годов Статистическое управление приобрело достаточное влияние и могло противостоять грубому политическому давлению. Правительство было вынуждено «признать факты».

II

В отличие от Статистического управления, Институт конъюнктурных исследований оказался в более уязвимой ситуации. Фундаментом империи Эрнста Вагеманна служили два оптимистичных допущения, которые оказались совершенно необоснованными. Первое предположение состояло в том, что эксперты могут произвести авторитетную и точную диагностику экономической ситуации и сделать как минимум краткосрочный прогноз. Это было обязательным условием, если институт претендовал на то, чтобы консультировать правительство и руководить его экономической политикой. Великая депрессия привела к тому, что аналитические возможности института оказались на грани истощения. По иронии судьбы институт подвел его собственный «реализм». Готовя текущие прогнозы, статистики института основывались на экстраполяции данных прошлых циклов. Однако за короткий период, прошедший после Первой мировой войны, было накоплено недостаточно статистических данных. Более общий обзор экономического развития за прошедшие пятьдесят лет давал основания для осторож-

¹⁶ Statistisches Reichsamt, 'Neuberechnung der Reichsindexziffer für die Lebenshaltungskosten', *Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reichs*, 43 (1934), pp. 102–113.

ного оптимизма. В своем стандартном учебнике 1920-х годов. Густав Кассель одним из первых привел данные долгосрочно-го тренда экономического роста: «Для стран Западной Европы можно предположить, что в довоенный период нормой считался рост приблизительно в 3% годовых»¹⁷. Из этого следует, что темпы роста в промышленности составляли 4–5% в год. Вагеманн давал более осторожные оценки¹⁸. Индустриализация в Европе достигла высокого уровня развития. Тем не менее в будущем можно было ожидать только умеренных темпов роста. Разумеется, хотя институт и прогнозировал экономический спад в конце 1920-х годов, такой беспрецедентной экономической катастрофы он не предвидел. В этом отношении его ошибочные прогнозы не были уникальными, и вряд ли их можно было считать непростительными. Кроме того, было не так уж и важно, доверяло ли германское правительство и широкая общественность прогнозам института или нет.

Тем не менее не только институт не смог продолжать работать в соответствии с оптимистичным сценарием конца 1920-х годов, предполагавшим вмешательство государства в экономику. Второе допущение, на которое опирался проект Вагеманна, основывалось на идее о том, что германское государство готово и имеет возможность проактивно реагировать на экономические события. В период между 1930 и 1932 годами надежды на это полностью рухнули. Начиная с 1930-х годов велись ожесточенные дебаты по поводу того, какие альтернативы были у канцлера Брюнинга и президента Рейхсбанка Лютера. Вряд ли сегодня кто-то возьмется утверждать, что германское государство было в состоянии до осени 1931 года принять адекватные меры против экономического спада¹⁹. Планы института 1920-х годов,

¹⁷ G. Cassel, *The Theory of Social Economy* (London, 1932, перевод 5-го немецкого издания), I, pp. 62–63.

¹⁸ E. Wagemann, *Konjunkturlehre* (Berlin, 1928), p. 71.

¹⁹ Наиболее важные свидетельства об ограниченных возможностях кабинета Брюнинга см. в следующих работах: K. Borchardt, 'Zwangslagen und Handlungsspielräume in der großen Weltwirtschaftskrise der frühen dreißiger Jahre', in *Wachstum, Krisen, Handlungsspielräume der Wirtschaftspolitik. Studien zur Wirtschaftsgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts* (Göttingen, 1982), pp. 165–182. Обзор последующих дебатов см. в работах: J. von Krüdener (ed.),

в которых предполагалось активное вмешательство государства в дела экономики, основывались на оптимистичном допущении, что циклический спад затронет, главным образом, промышленность Германии. По мнению исследователей института Вагеманна, спад в целом не должен был отразиться на сельском хозяйстве, а ситуацию в промышленности можно было бы смягчить благодаря экспорту и зарубежным кредитам.

Такая картина совершенно не соответствовала реалиям начала 1930-х годов. Депрессия коснулась не только промышленности. Международный товарный рынок рухнул, что поставило германское сельское хозяйство в невероятно сложное положение. Это спровоцировало возврат к политике протекционизма. В результате в крайне невыгодном положении оказались местные потребители, и был поставлен под угрозу весь германский экспорт. В это же время такие факторы, как завершение периода экономического роста, крах экономики в США и негнущая финансовая политика Франции, привели к тому, что в мировой экономике исчезла возможность получать кредиты. Ограничения, касающиеся платежных балансов, неожиданно превратились в обязательные для исполнения правила. Германская экономика больше не имела возможности заимствовать деньги за границей для того, чтобы финансировать свой дефицит счета текущих операций. Теперь правительство Германии вообще не могло кредитоваться, ни дома, ни за границей. У канцлера Брюнинга и президента Рейхсбанка Лютера оставался только один вариант действий — приступить к жесткой политике дефляции. Проводимая экономическая политика, которая так и стала стабилизирующим фактором, лишь ускорила экономический спад, спровоцировав к лету 1931 года серьезный кризис германской банковской системы. Брюнинг и Лютер были вынуждены ввести валютный контроль и приостановить выплаты по германским зарубежным облигациям. За этими жесткими мерами в сентябре 1931 года последовало решение Великобритании об отказе от золотого стандарта.

Economic Crisis and Political Collapse: The Weimar Republic 1924–1933 (Oxford, 1990), а также С. Buchheim, М. Hutter and Н. James (eds.), *Zerrissene Zwischenkriegszeit. Wirtschaftshistorische Beiträge* (Baden-Baden, 1994).

Поворотным моментом стали совпавшие по времени кризис банковской системы и распад международной монетарной системы. После того как от системы частного кредитования не осталось камня на камне, казалось совершенно безнадежным рассчитывать на внезапное оздоровление экономики. Требовалось прибегнуть к государственному вмешательству в экономику хотя бы только для того, чтобы не дать банковской системе полностью рухнуть. Девальвация в Великобритании поставила под сомнение правильность политики дефляции. В мире, в котором существовала система гибких обменных курсов, Германия даже не могла надеяться на то, что с помощью дальнейшего понижения цен и размера заработных плат она сможет добиться существенных конкурентных преимуществ. Начались длительные дебаты о принятии ответных мер экономической политики — дебаты, которые продолжаются и по сей день.

Почему же осенью 1931 года Брюнинг и Лютер не прибегли к более активным попыткам оздоровить германскую экономику, применив меры фискальной и монетарной политики? Ведь в конечном счете непрекращающийся экономический кризис привел к тому, что избиратели отвернулись от партий центра и начали поддерживать крайне левых и крайне правых²⁰. По мнению ряда исследователей, на самом деле предпринимались попытки несколько смягчить монетарную политику²¹, однако этот вопрос остается спорным. Другие ученые утверждают, что финансовые возможности для проведения масштабной фискальной политики отсутствовали, а также что ограниченная программа, даже если бы она и была реализована, вряд ли существенным образом изменила бы ситуацию. Некоторые историки даже приходят к выводу, что политика сокращения фискальных расходов, урезания размеров

²⁰ Обзор критических точек зрения см. в: I. Kershaw (ed.), *Weimar: Why Did German Democracy Fail?* (London, 1990).

²¹ H. James, *The Reichsbank and Public Finance in Germany 1924–1933. A Study of the Politics of Economics during the Great Depression* (Frankfurt, 1985), pp. 292–305. Критические замечания см. в: T. Balderston, *The Origins and Course of the German Economic Crisis 1923–1932. November 1923 to May 1932* (Berlin, 1993), pp. 179–180.

заработных плат и понижения цен продолжала оставаться верным решением укоренившихся проблем германской экономики. Однако в задачи данной работы не входит формулировка нашей позиции в этих спорах. Здесь хотелось бы только отметить, что Эрнст Вагеманн воспринимал политику постоянного сокращения бюджетных расходов как серьезную угрозу для его статистических структур, а также, в более широком смысле, как предательство и невыполнение государственных обещаний 1920-х годов по вмешательству в экономику. Именно по этой причине он стал оппозиционером и перешел на сторону нацистов.

Однако, возвращаясь к 1930-м годам, вне всякого сомнения, соглашения 1920-х годов, нарушили как раз экономисты, занимавшиеся разработкой теории бизнес-циклов. С самого начала своей работы администрация Брюнинга действовала строго по сценарию, разработанному в ходе дискуссий по поводу контрциклической политики в 1927–1928 годах. Поначалу у Вагеманна были неплохие отношения с Брюнингом²². Кроме того, его друзья занимали ключевые позиции в правительстве. Ганс Шеффер являлся государственным секретарем в министерстве финансов, а Куртиус теперь занимал должность министра иностранных дел. При любом обсуждении экономических вопросов на правительственных заседаниях ссылки делались на результаты исследований, проведенных в институте Вагеманна²³. Со своей стороны, Статистическое управление и институт играли отведенную им роль, стимулируя проведение политики по стабилизации экономики.

Весной 1920 года Институт конъюнктурных исследований констатировал неизбежность экономического кризиса, а зи-

²² По совету одного из подчиненных Брюнинга, Вагеманн заказал написание ряда статей, в которых утверждалось, что спад производства в Германии являлся следствием общемирового кризиса. См.: ВАР R 43 I/1150 no. 2, IfK к Staatssekretär Püender, Reichskanzlei 26.5.1930. См. также: ВАР R 43 I/965 no. 77, Wagemann к Brüning 20.8.1931.

²³ Koops, *Die Kabinette Brüning I u. II*, 1 doc. Nr. 11 совещание кабинета министров, 7.4.1930, p. 24, 1, doc. Nr. 21, правительственное совещание 30.4.1930, 1 doc. Nr. 66, правительственное совещание 8.7.1930 и 1 doc. Nr. 118, совещание кабинета министров 25.9.1930.

мой 1929/1930 года объявил, что в Германии наступает депрессия²⁴. Никто не мог с определенностью сказать, сколько времени она продлится, однако ощущения того, что надвигается катастрофа, не было²⁵. К весне 1930 года первая фаза кризиса, как предполагалось, была позади. В соответствии с моделью, разработанной институтом, именно в этот момент государство могло спокойно принять меры по сокращению безработицы и ускорению выздоровления экономики. С этим была согласна большая часть членов правительства Брюнинга. Соответственно, в конце весны и летом 1930 года министерства начали подготовку программы создания рабочих мест, которая уже обсуждалась в 1920-х годах²⁶. Имперское статистическое управление свело воедино данные по закупочным программам Рейха, земель, государственных железных дорог и почты Рейха с целью составления программы крупномасштабных бюджетных расходов. Разумеется, вопрос финансирования этой программы так и не был решен. Однако его обсуждение породило оптимистичные прогнозы о том, что денежные средства можно будет получить с помощью международных кредитов.

Несмотря на предпринимаемые усилия, Вагеманну так и не удалось закрепить свои позиции в кабинете министров. Помешали ему, в первую очередь, неудачи, преследовавшие аналитическую работу его института. Главная задача института состояла в том, чтобы выяснить предполагаемую степень дефляции. В феврале 1930 года его экономисты не сомневались в том, что германская экономика уже преодолела фазу кризиса и перешла в период депрессии²⁷. Для последующего периода институт прогнозировал усиление факторов, проти-

²⁴ О кризисе было объявлено в: *VzK* 4 (1929), 1, 25.5.1929, А, а также в: *VzK* 4 (1929), 2, 24.8.1929, А. О начале депрессии впервые сообщили в ноябре, см.: *VzK* 4 (1929), 3, 23.11.1929, и уже более конкретно в: *VzK* 4 (1929), 4, 24.2.1930, А и *VzK* 5 (1930), 1, 23.5.1930, А.

²⁵ G. Plumpe, 'Wirtschaftspolitik in der Weltwirtschaftskrise. Realität und Alternativen', *GuG* 11 (1985), pp. 326–357.

²⁶ R. Meister, *Die große Depression. Zwangslagen und Handlungsspielräume der Wirtschafts- und Finanzpolitik in Deutschland 1929–1932* (Regensburg, 1991), pp. 190–208.

²⁷ *VzK* 5 (1930), 1, 23.5.1930, p. 5.

водействующих кризису, что должно было способствовать выздоровлению экономики. В свете таких оптимистичных прогнозов правительство Брюнинга решило в качестве основы финансового планирования принять бюджет, который был составлен предыдущим кабинетом министров²⁸. Институту было весьма лестно осознавать, какое влияние он оказывает на правительство Брюнинга.

Однако, как показали события 1930 года, и у института, и у кабинета министров появились серьезные проблемы. Так как институт пересматривал свои ежеквартальные прогнозы, руководствуясь поступающими данными, которые свидетельствовали о неуклонном ухудшении ситуации, то имелись опасения, что эти прогнозы не будут совпадать с оценками, заложенными в основу государственной бюджетной политики. Риски, связанные с нестабильностью ежеквартальных прогнозов, были весьма серьезными, особенно если учесть следующие факторы: во-первых, правительство Брюнинга было вынуждено соблюдать хотя бы видимость того, что имеет сбалансированный бюджет и, во-вторых, расчеты как расходов, так и доходов на следующий год очень сильно зависели от оценки текущей экономической ситуации.

Конфликта между институтом и правительством можно было бы и избежать. Если бы политики с большей осторожностью использовали ежеквартальные оптимистичные прогнозы института в качестве основы для своих ежегодных бюджетных планов, то недовольства могло бы и не возникнуть. С другой стороны, если бы институт проявлял больше сдержанности в своих оценках, строго ограничив прогнозы квартальными периодами, то, возможно, его не стали бы обвинять в непоследовательности²⁹. Однако и составители бюджета, и институт не могли не поддаваться искушению и не вступить в альянс. Политики и государственные служащие были заражены оптимизмом института — ведь

²⁸ Meister, *Die große Depression*, p. 172.

²⁹ В 1931 г. институту пришлось умолчать об особенно мрачных прогнозах, см.: GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 363, 'Sitzung des Kuratoriums des IfK 27.2.1931', p. 15. В августе 1931 г. институт вообще перестал делать прогнозы. См.: BAK N1 13 Silverberg Nr 231 Fol. 1, циркуляр RdI для членов президиума от 29.8.1931.

этот позитивный настрой облегчал поиски компромисса между сокращением государственных расходов и увеличением налоговых сборов. Институт же постоянно одолевало желание расширить рамки своих прогнозов, сделав их более привлекательными для высшего руководства страны.

Первая неожиданная неприятность произошла в апреле 1930 года, когда институт пересматривал свои прогнозы, закладывая в них пессимистичный сценарий. Теперь, по мнению экономистов, работавших в институте, в течение 1930 года можно было ожидать только незначительного оживления рынка труда. Имперскому министерству труда пришлось проинформировать кабинет министров о том, что на основе новых прогнозов, подготовленных институтом, к концу года у фонда помощи безработным образуется большой дефицит денежных средств³⁰. Для того чтобы составить бюджет, который соответствовал бы прежним обещаниям, правительству пришлось прибегнуть к весьма болезненным сокращениям. Это, в свою очередь, явилось причиной роспуска рейхстага, имевшего столь серьезные последствия. К августу 1930 года министерство финансов сократило размер расходов и подняло налоговые ставки и размер страховых взносов. Теперь министерство оценивало позицию Рейха с осторожным оптимизмом. Разумеется, в период подготовки к выборам Шеффер делал вид, что финансовая ситуация в стране не вызывает опасений. Однако в первые недели сентября, когда были получены ежемесячные отчеты о налоговых и таможенных доходах, весь его оптимизм полностью улетучился. Создалось впечатление, что произошло очередное серьезное уменьшение национального дохода. Чтобы избежать политического краха, Имперское министерство финансов решило оттянуть публикацию этих данных до окончания выборной кампании³¹.

Однако на деятельность института эти политические факторы не оказывали такого же сильного влияния. В течение лета 1930 года он дал гораздо более пессимистичный прогноз

³⁰ *Die Kabinette Brüning*, 1, doc. Nr. 21, правительственное совещание 30.4.1930, р. 66.

³¹ *Die Kabinette Brüning*, 1, doc. Nr. 114, правительственное совещание 16.9.1930, р. 429.

на среднесрочную перспективу³². Действительно, модель цикла была фундаментальным образом пересмотрена. 18 июня 1930 года в конфиденциальном докладе попечительскому совету института Вагеманн объяснил, что, по мнению экономистов института, в Германии происходило «изменение длительности цикла»³³. Непосредственно в послевоенные годы экономический цикл оказался необычно коротким. Казалось, что летом 1930 года германская экономика начала возвращаться к более длинной довоенной модели цикла и стала больше соответствовать международному циклическому развитию. Поэтому продолжительность полного цикла могла бы теперь достигать восьми лет. Теперь институт уже не обещал быстрого экономического подъема, а прогнозировал длительный период депрессии, который может продлиться не менее двух лет.

В конце августа 1930 года институт, невзирая на то что к этому времени было достигнуто хрупкое политическое равновесие, опубликовал свои новые, еще более пессимистичные прогнозы³⁴. Это не соответствовало радужному представлению о состоянии экономики, которое министерство финансов стремилось создать перед приближающимися общими выборами. Данное противоречие не осталось незамеченным. 6 сентября 1930 года в ежедневной западногерманской газете *Kölnische Zeitung*, тесно связанной с тяжелой промышленностью, была опубликована статья, в которой говорилось о различиях между экономическими прогнозами министерства и института. Газета требовала разъяснений по поводу двусмысленного статуса института³⁵. Занимаемые

³² Первый сигнал о таком пересмотре ситуации прозвучал в письме Вагеманна, написанном Брюнингу 16 июня 1930 г. См.: G. Schulz, *Von Brüning zu Hitler. Der Wandel des politischen Systems in Deutschland 1930–1933, vol. III of Zwischen Demokratie und Diktatur. Verfassungspolitik und Reichsreform in der Weimarer Republik* (Berlin, 1992), pp. 99–100.

³³ GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 291, 'Sitzung des Kuratoriums des IfK 18.6.1930', p. 3, а также несколько отличающийся вариант протокола заседания попечительского совета в: GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 287, Prussian Min. für Handel und Gewerbe, записка от 19.6.1930, p. 2.

³⁴ VzK 5 (1930), 2, 30.8.1930.

³⁵ R. Kregel, *Das Deutsche Institut für Wirtschaftsforschung (IfK) 1925 bis 1979* (Berlin, 1985), pp. 27–28.

Вагеманном должности директора института и президента Статистического управления придавали прогнозам института полуофициальный статус. Таким образом, в этом конфликте между оценками института и правительства на карту было поставлено доверие к официальной информации. Газета настаивала на том, что такое положение института было неприемлемым и что его немедленно следует отделить от Статистического управления. Тогда институт сможет беспрепятственно продолжать свою исследовательскую работу и ему больше не будут мешать политические ограничения. И, наконец, самое главное: правительству не нужно будет краснеть за своих экономистов. Несмотря на беспрецедентные нападки, институт продолжал вести себя так, как будто вокруг ничего не происходило. Отчет за последний квартал 1930 года, опубликованный в начале декабря, был еще более мрачным, чем предыдущие³⁶. По мнению экономистов института, германская экономика пребывала в беспрецедентно трудном положении и не было никаких шансов, что в грядущем году ситуация изменится к лучшему. В очередной раз прогнозы института вступили в противоречие со сравнительно оптимистичными допущениями, на которых базировалась экономическая политика государства. В этот раз анализ, проведенный институтом, полностью разошелся с прогнозами, внесенными в финансовый план, который был обнародован 30 сентября 1930 года³⁷.

Для Брюнинга это стало последней каплей, переполнившей чашу его терпения. В начале декабря на заседании кабинета министров раздраженный канцлер заявил:

Всякий раз, когда правительство Рейха делает какое-то заявление о состоянии экономики, Институт конъюнктурных исследований делает противоречащее заявление. Поэтому он [Брюнинг] размышляет над тем, не выступить ли ему с публичной критикой института³⁸.

³⁶ VzK 5 (1930), 3, 1.12.1930.

³⁷ *The Economist* 11.10.1930, pp. 663–664.

³⁸ *Die Kabinette Brüning*, 1, doc. Nr. 194, совещание кабинета министров 9.12.1930, p. 711.

Действительно, институт вел себя поразительно бестактно, но и возмущение Брюнинга было наигранным. Трудно себе представить, чтобы институт, опубликовав весной 1930 года мрачный прогноз по поводу уровня безработицы, стал более популярным в политических кругах. Разумеется, такая оценка больше соответствовала бы сложившейся ситуации, однако, если бы она была принята на веру, то бюджету это грозило бы самыми тяжелыми последствиями. Брюнингу пришлось бы тогда прибегнуть к использованию непопулярных мер гораздо раньше. Ему было бы намного сложнее сформировать жизнеспособную коалицию, и результат сентябрьских выборов мог бы оказаться еще хуже.

По всей вероятности, тот факт, что в течение 1930 года институт несколько раз пересматривал свои более ранние прогнозы в сторону ухудшения, вызвал недоумение у членов правительства и привел к тому, что бюджеты были недостаточно хорошо сбалансированы. Однако, учитывая, насколько удручающей была экономическая картина, завышенные ожидания были необходимы для того, чтобы веймарское правительство могло продолжить свое существование. Естественно, Брюнинг рассматривал эту проблему под иным углом зрения³⁹. По его мнению, действия института были либо предательством, либо свидетельствовали о некомпетентности его экономистов. Как он писал в своих мемуарах, поэтому ему и пришлось отстранить Вагеманна от политических дискуссий⁴⁰. Более того, Брюнинг потребовал, чтобы институту «заткнули рот». Он отдал распоряжение, чтобы министерство экономики Рейха составило отчет «о меняющихся мнениях Института конъюнктурных исследований в связи с публичными заявлениями правительства Рейха»⁴¹. Он также предложил провести тщательную проверку финансов института. Канцлер даже вспо-

³⁹ О стиле руководства Брюнинга см.: Н. Mommsen, 'Heinrich Brüning as Chancellor: The Failure of a Politically Isolated Strategy', in Н. Mommsen, *From Weimar to Auschwitz. Essays in German History* (Cambridge, 1991), pp. 119–140.

⁴⁰ Н. Brüning, *Memoiren 1918–1934* (Stuttgart, 1970), pp. 503–504.

⁴¹ *Die Kabinette Brüning*, 1, doc. Nr. 194, совещание кабинета министров 9.12.1930, p. 714.

мнил о том, что несколькими годами ранее Вагеманн благодаря своим связям в рейхстаге смог обеспечить институту более крупную сумму денег, чем было запланировано имперским правительством. Несомненно, Брюнингу хотелось, чтобы в будущем институту везло не так сильно.

III

Разрыв отношений с Брюнингом произошел в самый неподходящий для Вагеманна момент — он совпал по времени с согласованной акцией по сокращению финансирования статистических структур. Как мы уже видели, с начала 1920-х годов наблюдалось стремительное увеличение расходов на статистические исследования. В 1928–1929 годах общая сумма расходов, совершенных Рейхом, землями и коммунами, оценивалась минимум в 29,5 млн рейхсмарок⁴². Таким образом, статистические службы стали вполне естественной мишенью для дефляционного сокращения издержек. Первое обсуждение, на котором был озвучен этот вопрос, состоялось на заседании Бюджетного комитета рейхстага в 1928 году. К концу года уполномоченный по сбережениям уже призывал провести общую проверку расходов на статистические исследования⁴³, однако министерство экономики уклонилось от проведения такого расследования⁴⁴. Настоящая финансовая атака на империю Вагеманна началась в 1930 году. В бюджете Рейха на этот год впервые начиная с 1923 года были предусмотрены сокращения расходов на статистику. В результате раньше времени были свернуты чрезвычайно важные разработки и все новые проекты были отменены. Самой большой потерей стал амбициозный проект по проведению промышленной переписи, которая была запланирована на 1930 год. Для того чтобы добиться более масштабных сокращений будущих

⁴² BAP 39.01 10683 no. 28 Dernburg Kommission, 'Bericht', p. 3.

⁴³ BAP 01.01 Reichstag film 31648 file 2588 no. 432, 'Reichstag III. Wahlperiode 1924/28. Ausschuß für den Reichshaushalt 309. Sitzung 31.1.1928'. См.: BAP 23.01 2234 no. 113 Der Reichssparkommissar, 'Gutachten über den statistischen Dienst in Deutschland' (1933), p. 73.

⁴⁴ BAP 01.01 film 31648 file 2589 no. 84, '16. Sitzung des Haushaltsausschusses 21.1.1929'.

издержек, была организована Комиссия по расследованию работ статистических служб, главой которой был назначен д-р Бернхард Дернбург⁴⁵. Комиссии Дернбурга вменялось в обязанность заниматься не только технической рационализацией, предписанной уполномоченным по сбережениям еще в 1920-е годы. Дернбург должен был изучить все, чем занимались статистические службы в течение 1920-х годов, а затем составить стратегический план, на основе которого можно было бы направлять и ограничивать развитие Имперского статистического управления⁴⁶. Разумеется, все это делалось для того, чтобы лишить Вагеманна свободы действий и урезать его слишком широкий проект конъюнктурных исследований.

Главным аспектом отчета Дернбурга были взаимоотношения между Институтом конъюнктурных исследований и Статистическим управлением. В более ранние периоды объединение статистической работы и научных исследований было вполне целесообразным. Однако в 1920-е годы этот центральный орган официальной статистики был заполнен экономистами, занимавшимися исследованиями бизнес-циклов. Вместо того чтобы работать на административные нужды государства, статистики института теперь удовлетворяли свои собственные научные интересы. Были созданы целые новые направления статистических исследований, которые не давали непосредственных результатов, необходимых государственной администрации. Еще хуже было то, что статистики и эксперты-экономисты стремились захватить прерогативу принятия решений в области экономической политики, хотя ранее этим всегда занимались государственные служащие. Вернуть административный и политический контроль над этой разросшейся структурой можно было только одним способом — отделить институт от статистической службы. Поэтому комиссия Дернбурга примкнула к хору критически настроенных голосов, требовавших, чтобы империя Вагеманна была разделена на части.

⁴⁵ BAK R 43 I/965 no. 35, RWM в Reichskanzlei 3.6.1930.

⁴⁶ BAP 39.01 10683 no. 28 Dernburg Kommission, 'Bericht über die Untersuchungsergebnisse der Kommission zur Nachprüfung des statistischen Dienstes 7.1.1932', p. 1.

Для исследователя, занимающегося историей статистики, доклад комиссии Дернбурга представляет собой интересное чтение, однако в нем не было дано детализированных конкретных рекомендаций, которые, как предполагал уполномоченный по сбережениям, там должны были присутствовать. Вместо этого Дернбург предлагал сократить все статьи финансирования статистических исследований. Однако чиновники, находившиеся под управлением уполномоченного по сбережениям, отмечали, что это позволило бы статистикам самостоятельно решать, какие статьи расхода следует сократить. Ничто не могло бы помешать им умышленно перестать направлять деньги на жизненно важные статистические исследования, что вызвало бы искусственный кризис, а затем использовать сильнейшее политическое давление, требуя, чтобы сокращения финансирования были отменены.

Окончательный вариант отчета Дернбурга привел всех в недоумение. Несмотря на неоднократные требования рейхстага, он так и не был опубликован⁴⁷. В 1932 году уполномоченный по сбережениям сформировал собственную комиссию, которая должна была завершить расследование, начатое, но так и не законченное Дернбургом⁴⁸. И это расследование столкнулось с определенными проблемами. Министерство экономики отказалось предоставить для ознакомления полный текст протоколов заседаний комиссии Дернбурга. Однако вскоре обнаружилась причина, по которой Дернбургу не удалось выполнить порученную ему работу: ему просто не хватило сотрудников. Для изучения работы коллектива Вагеманна, состоявшего из 3000 человек, у него был лишь один помощник и два временных секретаря. Статистическое управление, пользуясь полной поддержкой министерства экономики, совершенно сознательно начало засыпать его длинными служебными запис-

⁴⁷ См.: BAP 01.01 film 31649 file 2590 no. 453, 'Drucksache des Reichstages Nr. 1428. Reichstag V. Wahlperiode 1930. Übersicht über Antworten der Reichsregierung auf Beschlüsse des Reichstages'.

⁴⁸ BAP 23.01 2234 no. 4 Reichssparkommissar, 'Bericht über die Untersuchungsergebnisse der Kommission zur Nachprüfung des statistischen Dienstes', May 1932, p. 33, а также BAP 23.01 2234 no. 91, 'Nachprüfung des statistischen Dienstes 5.12.1932'.

ками, в которых приводились особые причины для сохранения того или иного вида исследований. В начале 1931 года, после того как знакомые Вагеманна из рейхстага сократили финансирование Дернбурга наполовину⁴⁹, шансов на то, что он завершит работу, совсем не осталось. В результате в окончательном варианте своего отчета он ограничился общими местами, что было полностью оправданно, учитывая личный опыт уполномоченного по сбережениям. Главную проблему представлял сам Вагеманн и его институт. Для того чтобы осуществлять систематический внешний контроль над аппаратом статистиков, необходимо было устранить влияние экономистов — иначе не было никакой надежды на успех.

Расстроив все планы по проведению детальной проверки статистической службы, Вагеманн нанес решающий удар, отослав служебную записку, в которой содержался его собственный проект рационализации. Даже чиновники уполномоченного по сбережениям, ветераны бесчисленных бюрократических батальи, были потрясены агрессивным тоном его письма⁵⁰. Отразив все атаки, которые на первых порах пытался вести Дернбург, Вагеманн теперь мог спокойно уклоняться от любых подробных обсуждений. Он также проигнорировал предложение отделить Институт конъюнктурных исследований от Статистического управления. Сторонникам рационализации Вагеманн ответил в их же стиле, потребовав, чтобы прусское статистическое бюро было включено в состав имперского управления, а также чтобы статистические бюро других земель были реорганизованы в филиалы Имперского статистического управления. Как уже отмечалось выше, в течение долгого времени уполномоченный по сбережениям настаивал именно на таком слиянии. Однако только теперь стало очевидным, что, поддерживая Вагеманна, уполномоченный по сбережениям создал бюрократического монстра. Слияние прусского статистического бюро и Имперского статистического управления

⁴⁹ BAP 01.01 film 31649 file 2590 no. 441, 'Reichstag V. Wahlperiode 1930. 5. Ausschluß für den Reichshaushalt 27. Sitzung 21.1.1931', p. 337.

⁵⁰ BAP 23.01 2234 no. 113 Reichssparkommissar, 'Gutachten über den Statistischen Dienst in Deutschland' (1933), p. 18.

могло бы дать административную экономию, однако расширение империи Вагеманна только усугубило бы общую проблему финансового контроля⁵¹. По крайней мере в тот момент контратака Вагеманна смогла приостановить все дальнейшие обсуждения преобразования статистических органов.

Итак, Вагеманну удалось отбиться от атаки комиссии Дербурга, и это позволило избежать необходимости значительных сокращений в Статистическом управлении. Однако не в его власти было защитить статистическую службу, когда в Веймарской республике происходило общее уменьшение бюджетных расходов. В бюджете 1930 года впервые, с начала 1920-х годов было предусмотрено сокращение расходов. Сокращения не коснулись постоянных структур Статистического управления, однако запланированные новые исследования были отменены. Кроме того, была приостановлена работа над обработкой данных, накопившихся еще с 1920-х годов⁵². Это сразу же вызвало сокращение рабочих мест. В 1931 году были произведены еще более серьезные сокращения. Имперское министерство финансов согласилось на то, чтобы финансовая статистика поступала от земель и от местных органов власти не ежегодно, как раньше, а раз в три года. Наряду с другими принятыми административными мерами это позволило сократить издержки на 3,5 млн рейхсмарок, то есть на величину, составлявшую почти четверть бюджета управления в 1930 году⁵³. В 1932 году штат сотрудников Статистического управления стабилизировался. Теперь он состоял из 586 постоянных сотрудников, 35 служащих, нанятых управлением на временной основе, а также 1784 канцелярских служащих и другого обслуживающего персонала. Если в июле 1929 года число белых воротничков насчитывало 3005 человек, то в июле 1931 года их оставалось лишь 1784 человек⁵⁴. Это были огромные сокращения. Но в основном

⁵¹ ВАР 23.01 2234 no. 34 Reichssparkommissar, записка от 23.9.1932.

⁵² ВАР 01.01 film 31649 file 2590 no. 1 и no. 218.

⁵³ Reichstag Budget Committee, ВАР 01.01 film 31649 file 2590 no. 302–441.

⁵⁴ ВАР 31.02 4169, 'Das SRA, sein Aufbau und seine Arbeiten Stand Dezember 1929', а также: ВАР 23.01 2234 no. 44е, сводная таблица штатного расписания SRA от 1.7.1932.

они коснулись департамента IV, который занимался вопросами статистики доходов Рейха, земель и коммун. Его штат сократился с 847 человек на декабрь 1929 года до 121 человека к июлю 1932 года. Экономическую статистику, которая составляла основу проекта Вагеманна, эти сокращения не затронули⁵⁵.

Как и Статистическое управление, Институт конъюнктурных исследований поначалу был защищен от наиболее драматических последствий депрессии. Коалиция групп интересов, которую так тщательно создавал Вагеманн, не пострадала. В 1930 году институт смог заложить в бюджет увеличение резервов⁵⁶. Реальный поток денежных средств от сторонников института оказался значительно меньше, чем было обещано, но никто из главных спонсоров формально не заявил об отказе в сотрудничестве с институтом. Вагеманн неоднократно подчеркивал, что непрерывная спонсорская помощь является залогом существования института. Имелась опасность, что прекращение любого крупного финансирования может создать эффект снежного кома⁵⁷. Особенно важно было заручиться неизменной поддержкой профсоюзов. Союз германской промышленности (RdI) объявил своим наиболее недисциплинированным членам, что если они перестанут вносить деньги, то контроль над институтом полностью окажется в руках профсоюзов. Бизнес не мог позволить себе перестать оказывать влияние на институт, который, безусловно, был наиболее авторитетным центром экономических исследований в Германии⁵⁸. По крайней мере вплоть до 1930 года этого фактора было достаточно, чтобы бизнес продолжал держать деятельность института под контролем. Институт также продолжал пользоваться мощной поддержкой политической системы. В 1931 году Брюнинг попытался прекратить финансирование института со стороны Рейха. По-видимому, он хотел этим на-

⁵⁵ BAP 31.01 8654 no. 124, 'Haushalt des RWM für das Rechnungsjahr 1932', Preface, p. 2, p. 27.

⁵⁶ GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 282, 'Haushaltsplan des IfK 1930/31'.

⁵⁷ GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 340, Prussian Min. für Handel und Gewerbe Abt II к Staatssekretär 17.2.1931.

⁵⁸ BBA 15 523, RdI к Fachgruppe Bergbau 9.4.1930.

казать институт за неосмотрительность, проявленную им годом ранее. Однако этому воспротивилось прусское правительство и друзья Вагеманна в рейхстаге. В результате институт вновь стал получать от Рейха финансирование в прежнем объеме — 100 000 рейхсмарок⁵⁹. Германское государство не отказалось от статистического проекта 1920-х годов, и он продолжил свое развитие.

IV

Таким образом, статистическим структурам удалось выжить несмотря на то, что поначалу отношения с правительством Брюнинга складывались непросто. Вагеманну не пришлось слишком долго занимать оборонительную позицию. Во второй половине 1931 года правильность проводимой Брюнингом политики дефляции стала вызывать серьезные сомнения, и Вагеманну суждено было сыграть весьма важную роль в поиске альтернативных вариантов. Летом 1931 года банковская система Германии оказалась парализованной вследствие потери к ним доверия⁶⁰. Это было во многом спровоцировано масштабным изъятием депозитов в иностранной валюте. В результате дефляции происходили массовые банкротства, что ухудшало балансовые отчеты банков. Образовался угрожающий зазор между неликвидными активами банков и миллиардными краткосрочными пассивами, выраженными как в рейхсмарках, так и в иностранной валюте. В июле доверие к банковской системе полностью было утрачено, и крупнейшим берлинским банкам пришлось закрыться. После краха банковской системы надежды на то, что частный сектор сможет спонтанно восстановить, стали казаться все более и более иллюзорными.

⁵⁹ О вмешательстве в этот вопрос Пруссии см.: GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 313–5. О рейхстаге см.: BAP 01.01 film 31649 file 2590 no. 430. *Verhandlungen des Reichstags V. Wahlperiode 1930. Anlagen* (Berlin, 1932), 449, Nr. 678; *Verhandlungen des Reichstags V. Wahlperiode 1930. Stenographische Berichte* (Berlin, 1932), 445, p. 1914.

⁶⁰ G. D. Feldman, 'The Deutsche Bank from World War to World Economic Crisis 1914–1933', в: *The Deutsche Bank 1870–1945* (London, 1995), pp. 130–276 и K. E. Born, *Die deutsche Bankenkrise 1931. Finanzen und Politik* (Munich, 1967).

Еще один тяжелый удар был нанесен Германии, когда Великобритания решила отказаться от золотого стандарта и допустила 30-процентное обесценение фунта стерлингов. За считанные дни с таким трудом завоеванные Германией конкурентные преимущества были утрачены. По крайней мере в обозримом будущем не было никаких шансов вернуться к состоянию довоенного мира с золотым стандартом и либеральной свободной торговлей. Жесткие меры, предпринятые Брюнингом для оздоровления германской экономики, были продиктованы соображениями долгосрочной перспективы. Теперь он находился в сложном положении. В мире, где конкурирующие страны допускают девальвацию валют, издержки, связанные с болезненными снижениями заработных плат и цен, оказывались намного важнее, чем призрачная выгода. Лобби бизнесменов, которые раньше оказывало Брюнингу такую мощную поддержку, теперь ослабло и раскололось. Это лобби сохранило лояльность его политическим взглядам, однако категорически выступало против возврата к парламентской системе. Тем не менее ужасающее положение, в котором пребывала экономика, настойчиво требовало принятия самых решительных мер. Проводимая Брюнингом и Лютером политика постоянной дефляции спровоцировала стремительный рост оппозиции. Крупные бизнесмены всех мастей начали призывать к оздоровлению германской экономики. Ведь в конечном счете после краха золотого стандарта было преодолено главное препятствие, мешавшее решительным экономическим действиям.

Вряд ли можно сказать, что Рейх ничего не делал. В качестве неотложной меры в июле 1931 года для сдерживания оттока капитала был введен валютный контроль. Хотя обменный паритет оставался зафиксированным, Германия фактически отказалась от золотого стандарта. Была предпринята попытка восстановить банковскую систему. Был закрыт Дармштадтский национальный банк (DANAT). Дрезднер-банк был передан в собственность государства. Другие финансовые институты поддерживались с помощью государственного кредитования. В сентябре Шеффер от министерства финансов и Лютер от Рейхсбанка провели секретные переговоры с рядом извест-

ных деятелей, выступавших за рефляцию, в частности с Лаутенбахом из Имперского министерства экономики⁶¹. На этой встрече в числе прочих вопросов обсуждалась программа создания рабочих мест в экстренной ситуации. Однако участники пришли к единодушному мнению о том, что приоритетным должен быть вопрос о стабильности национальной валюты. Не следует предпринимать никаких рискованных действий, чтобы не потерять доверия других государств. На Брюнинга оказывалось сильное давление — от него требовали немедленных действий. Летом 1931 года он постарался разрядить обстановку, пересмотрев состав своего кабинета⁶². Либерально настроенного министра экономики Дитриха он заменил на профессора Вармбольда, специалиста по экономике сельского хозяйства, который к тому же приходился шурином Вагеманну. Впрочем, еще важнее было то, что Вармбольд являлся членом наблюдательного совета компании IG Farben⁶³. Таким образом, он представлял набиравшее силу лобби промышленников, призывавшее правительство к активным действиям по улучшению катастрофического положения, в котором находилась национальная экономика. Вармбольд согласился занять министерское кресло только при условии, что Брюнинг серьезно рассмотрит возможность облегчения финансового состояния германской промышленности за счет кредитования. Теперь экономическая сцена была открыта для возвращения Вагеманна и его экономистов, настаивающих на вмешательстве государства в дела экономики.

По указанию Вармбольда институту Вагеманна была доверена ведущая роль в разработке сценария для выхода из кризиса. Вагеманну было предложено совместно с сотрудниками IG Farben заняться составлением Плана структурного реформиро-

⁶¹ K. Borchardt and H. O. Schötz (eds.), *Wirtschaftspolitik in der Krise. Die Geheim-Konferenz der Friedrich-List-Gesellschaft im September 1931 über Möglichkeiten und Folgen einer Kreditausweitung* (Baden-Baden, 1991).

⁶² R. Neebe, *Großindustrie, Staat und NSDAP 1930–1933. Paul Silverberg und der Reichsverband der Deutschen Industrie in der Krise der Weimarer Republik* (Göttingen, 1981), pp. 103–106.

⁶³ P. Hayes, *Industry and Ideology. IG Farben in the Nazi Era* (Cambridge, 1987), pp. 48, 59.

вания банков⁶⁴. Только перестройка всей финансовой системы могла позволить добиться общего экономического оздоровления. В перспективе Вагеманн надеялся создать мощный новый стимул для эффективной монетарной политики. Первый проект плана был представлен Рейхсбанку в октябре 1931 года, однако это не повлекло за собой никаких действий. Зима 1931 года принесла разочарование тем, кто надеялся на завершение периода инфляции. Вармбольду не удалось убедить Брюнинга и президента Рейхсбанка Лютера отказаться от выбранного ими курса. Он официально заявил, что собирался уйти в отставку и что остался в правительстве только для того, чтобы сохранить видимость единства во время наиболее сложного этапа переговоров о выплате репараций. Вагеманн не считал, что он связан подобными обязательствами. В конце января 1932 года он публично огласил детали своего плана в памфлете под названием «Монетарная и кредитная реформа»⁶⁵. Это была первая брешь, пробитая в стене ортодоксии, которую Брюнинг и Лютер так отчаянно стремились сохранить. Публикация памфлета спровоцировала скандал международного масштаба. Делу Вагеманна суждено было стать нашумевшим эпизодом (*cause célèbre*) политики депрессии⁶⁶.

Несмотря на то что о плане Вагеманна существует обширная литература, даже сегодня нам плохо известно, что лежало в его основе и чем было мотивировано его создание⁶⁷. В настоя-

⁶⁴ H. Tammen, *Die IG Farben-Industrie AG (1925–1933). Ein Chemiekonzern in der Weimarer Republik* (Berlin, 1978), pp. 207–211.

⁶⁵ E. Wagemann, *Geld- und Kreditreform* (Berlin, 1932).

⁶⁶ История о плане Вагеманна рассказывается во многих источниках. См., например: C.-D. Krohn, *Wirtschaftstheorien als politische Interessen. Die akademische Nationalökonomie in Deutschland 1918–1933* (Frankfurt, 1981), pp. 157–166; Kregel, *Das Deutsche Institut für Wirtschaftsforschung*, pp. 33–39; G. Kroll, *Von der Weltwirtschaftskrise zur Staatskonjunktur* (Berlin, 1958), pp. 396–399; R. Regul, 'Der Wagemann-Plan', in G. Bombach, K.-B. Netzband, H.-J. Ramser and M. Timmermann (eds.), *Der Keynesianismus III. Die geld und beschäftigungstheoretische Diskussion in Deutschland zur Zeit von Keynes* (Berlin, 1981), pp. 421–447; James, *The Reichsbank and Public Finance*, pp. 302–304.

⁶⁷ K. Borchardt, 'Zur Aufarbeitung der Vor- und Frühgeschichte des Keynesianismus in Deutschland. Zugleich ein Beitrag zur Position von W. Lautenbach', *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 197 (1982), p. 360.

щей работе представлен необходимый контекст. «Монетарная и кредитная реформа» не появилась внезапно и на пустом месте. Диагноз экономике, представленный в плане, непосредственно восходил к обсуждению Вагеманном монетарной экономики в «Трактате» 1923 года⁶⁸. По мнению Вагеманна, кризис 1931 года был спровоцирован неспособностью германских банкиров понять природу денег в фазе развитого капитализма. Как Вагеманн утверждал в «Трактате», валюта, основанная на золотом стандарте, имела все меньшее значение для функционирования экономики. Главным для существования капиталистического бизнеса было наличие современной банковской системы и пирамиды частных кредитов. В основе этой пирамиды лежало доверие населения к частной финансовой системе. В 1931 году корнем неудач в банковской сфере стала дефляция. Однако кризис можно было бы предотвратить, если бы банковское регулирование шло в ногу с развитием современной финансовой системы.

Однако неудивительно, что система денежного регулирования, установленная в Германии в 1924 году, сформировалась в целом благодаря имевшемуся опыту инфляции. Главная ее задача состояла в том, чтобы не допустить злоупотреблений государства при использовании печатного станка. С целью не допустить выпуска излишнего количества денег от Рейхсбанка потребовали поддерживать резервы золота и валюты на таком уровне, чтобы они обеспечивали как минимум 40% стоимости банкнот, находившихся в обращении. Эти требования подлежали неукоснительному исполнению, однако, по словам Вагеманна, они охватывали не все виды денег⁶⁹. Правила Рейхсбанка обеспечивали защиту от стремления избавляться от наличных денег, которое могло возникнуть в случае чрезвычайно высокой инфляции. Но в условиях дефляции, установившейся с 1929 года, банкам не требовалось никаких дополнительных стимулов для сохранения денежных средств. Когда цены падали, наличность становилась привлекательным активом. Вместе с тем правила валютного регулирования 1924 года не предо-

⁶⁸ См. главу 3.

⁶⁹ Wagemann, *Geld- und Kreditreform*, p. 21.

ставляли никакой защиты частной системе кредитования. Однако в условиях развитого капитализма именно эта пирамида безналичных трансакций была столь необходимой для бизнеса. Для германских банков не существовало требований по поддержанию минимального уровня резервов, которые традиционно существовали в Великобритании и были зафиксированы в законах США. Банки Германии имели возможность по собственной воле переводить краткосрочные обязательства в неликвидные долгосрочные активы.

Вплоть до весны 1931 года Вагеманн и сотрудники его института занимались рисками, связанными с краткосрочными иностранными кредитами. В 1920-е годы большие опасения вызывал тот факт, что финансовое положение германских банков оказалось в сильной зависимости от краткосрочных валютных пассивов. Долгосрочные кредиты, выдаваемые банками, фондировались краткосрочными депозитами в иностранной валюте. Вся пирамида кредитования могла рухнуть в случае внезапного изъятия этих денег. В мае 1931 года это стало главной темой работы Вагеманна, посвященной изучению проблем мировой экономики, под названием *Struktur und Rhythmus der Weltwirtschaft*⁷⁰. Через два месяца в результате масштабного снятия денег с банковских счетов обнаружилось, что германская финансовая система страдает от более общих проблем, связанных с несовпадением срочности активов и пассивов. Оказалось, что существовало огромное несоответствие между долгосрочными кредитами, выданными германскими банками, и их краткосрочными депозитами. Причем это касалось не только валютных депозитов, но и вкладов в рейхсмарках. В результате дефляции банковские заемщики обанкротились, поэтому у банков не было никаких возможностей вернуть вкладчикам их деньги. Учитывая нестабильность ситуации, снятие денег с банковских счетов было практически неизбежным. Рейхсбанку совершенно не нужно было ограничивать спрос на валюту. Все, что ему требовалось, — это снабдить бан-

⁷⁰ E. Wagemann, *Struktur und Rhythmus der Weltwirtschaft. Grundlagen einer Weltwirtschaftlichen Konjunkturlehre* (Berlin, 1931), pp. 136, 352. См. также его работы в: ВАР 31.02 2591.

ки наличными деньгами. Хотя эти действия и предотвратили полную катастрофу, кредитная система была парализована. В результате экономика утратила свою естественную способность к восстановлению после депрессии. Без принятия срочных мер сохранялся риск стремительного экономического спада, сопровождающегося еще более высоким уровнем безработицы и многочисленными банкротствами.

В такой катастрофической ситуации традиционные механизмы политики Рейхсбанка оказались неэффективными. Рейхсбанк и правительство могли бы попытаться влить новые средства в парализованную банковскую систему. Однако огромное количество плохих долгов не позволяло выдавать новые кредиты. В плане Вагеманна структурная реформа банковской системы сопровождалась весьма умеренными вливаниями наличных денег. Цель его плана состояла в том, чтобы создать рациональную монетарную систему, которая могла бы гибко обеспечивать оборот наличных средств, предоставлять надежные и эффективные средства для осуществления безналичных бизнес-транзакций, а также сохранять стабильные объемы инвестиций. Свободу для маневра можно было бы получить, отменив требование, согласно которому Рейхсбанк должен был обеспечивать наличные денежные средства золотовалютными резервами. В ситуации, когда у населения имелся ненасытный спрос на наличность, не стоило опасаться, что оно будет стараться избавиться от наличных денег. Ослабив ограничения, существовавшие в экономике, которая основывалась на наличности, Вагеманн предложил ввести гораздо более жесткую систему банковского регулирования. Защита требовалась для безналичных бизнес-транзакций. Все банки, согласно его предложению, должны были отделить коммерческие операции по текущим и чековым счетам от инвестиционного бизнеса. В будущем следовало запретить использование краткосрочных остатков на текущих счетах для долгосрочных инвестиций. Новые правила будут предписывать, чтобы банковские краткосрочные обязательства, а также текущие и чековые счета обеспечивались первоклассными активами одинаковой срочности и резервами, не менее определенного размера, которые должны размещаться в Центральном банке. Предполагалось

также, что золотовалютные резервы Рейхсбанка будут использоваться для обеспечения этих резервов. Сберегательные и текущие счета должны строго различаться. Мелкие вкладчики будут приобретать надежные государственные облигации. Других инвесторов будут стимулировать, чтобы они размещали свои средства не в банках, а вкладывали их непосредственно в акции и облигации.

Важной отличительной чертой плана Вагеманна стала его жесткая критика политики, проводимой Рейхсбанком. Германскому центральному банку не удалось установить эффективный контроль над современной монетарной системой. Поскольку Рейхсбанк имел полномочия по ограничению запаса наличных денег, в его власти было затормозить быстрый подъем экономики, однако оказывать воздействие на бизнес-цикл он не мог. Только на самом пике периода подъема всплеск деловой активности создал напряженную обстановку с ликвидностью. Только тогда ограничения Рейхсбанка стали ощутимыми. В нормальной ситуации Рейхсбанк мог регулировать экономическую активность либо ограничивая объем иностранных кредитов, либо используя свое политическое влияние для сокращения государственных заимствований. Даже если бы в 1920-е годы Рейхсбанк захотел проводить контрциклическую монетарную политику, для этого у него не было эффективных средств. В плане Вагеманна, напротив, предлагалось перестроить финансовую систему таким образом, чтобы она смогла осуществлять монетарную политику со встроенным «механизмом трансмиссии». Тогда в течение всех фаз бизнес-цикла Рейхсбанк мог бы регулировать возможности кредитования бизнеса. В этом-то и состояла амбициозность плана Вагеманна. Ранее Рейхсбанк всегда оказывал институту щедрую донорскую поддержку, хотя всегда относился к конъюнктурным исследованиям с большой долей скепсиса⁷¹. Для того чтобы с большей эффективностью применить свои новые полномочия, банку было бы лучше последовать примеру Федеральной резервной системы США и шире использовать результаты экономических

⁷¹ См., например: BAP 25.01 6472 no. 311, Stat Abteilung der Reichsbank 'Soll die Reichsbank Konjunkturpolitik treiben?' 9.6.1928.

исследований бизнес-циклов. Для современной банковской системы требовался проактивный центральный банк, а проактивный центральный банк, в свою очередь, не мог позволить себе игнорировать достижения современной экономической науки. В будущем после того, как закончится реформирование Рейхсбанка, ему, по необходимости, придется тесно сотрудничать с институтом Вагеманна.

Влияние плана Вагеманна на экономическую политику было поразительно сильным, особенно если учесть, что он имел весьма технический характер. Начиная с осени 1931 года в Германии кипела работа по созданию проектов рефляции, причем план Вагеманна был далеко не самым радикальным⁷². Предложенная Вагеманном базовая структура банковского регулирования была вполне логичной. В закон о банках, принятый Рейхом в 1934 году, были включены многие из его предложений⁷³. Создание рабочих мест было всего лишь побочным эффектом плана Вагеманна. По сути выдвигаемых предложений его план не особо отличался от планов других экономистов, которые также критиковали политику Брюнинга. Однако именно Вагеманн представлял для правительства реальную политическую угрозу.

Прежде всего, напрашивается его сравнение с Вильгельмом Лаутенбахом, чиновником среднего звена из Имперского министерства экономики. Лаутенбах был автором радикального плана кредитно-финансовых государственных расходов⁷⁴. Он представил гораздо более основательный «кейнсианский» анализ германской депрессии, и осенью 1931 года выдвинутые им предложения явились предметом обсуждения на закрытой конференции, организованной Лютером и Шеффером. Однако ни один из участников этой встречи не решился нарушить наложенный на него обет молчания. Казалось, что продолжало сохраняться единство ортодоксии. Общественность так и не узнала,

⁷² Обзор альтернативных планов см. в: Meister, *Die große Depression*, pp. 280–393.

⁷³ C. Kopper, *Zwischen Marktwirtschaft und Dirigismus. Bankenpolitik im 'Dritten Reich' 1933–1939* (Bonn, 1995), p. 49.

⁷⁴ W. Lautenbach, *Zins, Kredit und Produktion*, ed. W. Stützel (Tübingen, 1952).

что радикальные предложения в области экономической политики привлекли столь серьезное внимание властей. Даже если бы у Лаутенбаха хватило храбрости обнародовать свои предложения, ему, в первую очередь, нужно было бы найти себе сторонников.

В отличие от него Вагеманн был публичной фигурой, значимой самой по себе. Являясь директором Института конъюнктурных исследований и одновременно президентом Статистического управления, он создал не имеющую себе равных сеть контактов в политике и в бизнесе. Кроме этого, он обладал привилегированным доступом к средствам массовой информации. Его научная империя имела высокий авторитет и была широко известна как в Германии, так и за ее пределами. Благодаря этому он находился в уникальном положении. Он огласил свои предложения по проведению кредитной реформы, не обсудив это с кабинетом министров. Помимо всего, Вагеманн умел создать себе рекламу. Накануне своего выступления он назначил большую пресс-конференцию в Статистическом управлении. Ему даже удалось сделать копии своего плана на правительственной копировальной технике⁷⁵. Чисто технические предложения Вагеманна вызвали широчайший общественный резонанс, и, в первую очередь, этому способствовал его авторитет, который он смог завоевать в 1920-е годы. Ученые, выступавшие за дефляцию, с легкостью могли проигнорировать подобные предложения, исходя они от менее известного человека. Однако в случае с Эрнстом Вагеманном об этом и речи не было. Наоборот, сторонники дефляции и те, кто их поддерживал, были вынуждены предпринять невероятные и, как выяснилось позднее, неудачные попытки по дискредитации главного германского эксперта по экономическим вопросам.

Борьба, развернувшаяся вокруг плана Вагеманна, обернулась разгромным поражением для консервативных сил, которые стремились защитить «дефляционный консенсус»⁷⁶. Рейхс-

⁷⁵ Schulz, *Von Brüning zu Hitler*, pp. 737–740.

⁷⁶ G. D. Feldman, 'From Crisis to Work Creation. Government Policies and Economic Actors in the Great Depression', in J. Kocka, H.-J. Puhle and K. Tenfelde (eds.), *Von der Arbeiterbewegung zum modernen Sozialstaat. Festschrift für Gerhard A. Ritter zum 65. Geburtstag* (Munich, 1994), pp. 703–718.

тагу стало известно о намерениях Вагеманна лишь в последний момент. Заручившись полной поддержкой канцлера, Лютер спешно начал кампанию за минимизацию возможного ущерба⁷⁷. Брюнинг распорядился отменить пресс-конференцию Вагеманна, а также потребовал публично объявить, что правительство не имело никакого отношения к плану Вагеманна. Президент Рейхсбанка Лютер хотел устроить публичные дебаты, во время которых он надеялся с триумфом отстоять мнение о том, что любая форма кредитной рефляции есть не что иное, как безответственно проводимая инфляция. Тем самым он собирался цинично сыграть на страхах населения перед гиперинфляцией — это стало бы для него орудием, с помощью которого можно было бы в корне пресечь любые предложения, расходящиеся с официальной точкой зрения⁷⁸.

За закрытыми дверьми члены кабинета высказывали на этот счет совершенно иные мнения. Вармбольд, министр финансов, и даже Брюнинг соглашались, что, в принципе, создание, в той или иной форме, рабочих мест с помощью кредитования было бы не только возможным, но и желательным. Однако в краткосрочной перспективе имелись другие приоритеты. Брюнинг был решительно настроен добиваться прекращения выплаты репараций. Что же касается внутренней политики, то он считал необходимым продолжать борьбу с рабочим движением и идеей общества благосостояния⁷⁹. При этом необходимым идеологическим дополнением должна была стать широкая общественная поддержка ортодоксального курса экономической политики. Озадаченных международных обозревателей заверили в том, что план Вагеманна правительством поддержан не будет. Лютеру даже удалось уговорить главного экономиста Chase National Bank, представителя германских зарубежных кредиторов, выступить с интервью, в ко-

⁷⁷ *Die Kabinette Brüning*, 3, doc. Nr. 651 and G. Schulz, I. Maurer and U. Wengst (eds.), *Politik und Wirtschaft in der Krise 1930–1932. Quellen zur Ära Brüning* (Düsseldorf, 1980), 2, doc. Nr. 412 и 2, doc. Nr. 414.

⁷⁸ Meister, *Die große Depression*, pp. 343–351.

⁷⁹ H. Mommsen, 'State and Bureaucracy in the Brüning Era', в H. Mommsen, *From Weimar to Auschwitz. Essays in German History* (Cambridge, 1991), pp. 108–109.

тором проекту Вагеманна была бы дана жесткая критическая оценка⁸⁰.

Эта официальная реакция позволила сплотить ряды сторонников дефляции. В начале 1931 года, после публикации весьма противоречивого исследования, посвященного проблеме формирования капитала в Германии в период между Первой и Второй мировыми войнами, отношения Вагеманна с промышленниками, ранее поддерживавшими институт, стали очень натянутыми⁸¹. Промышленники опасались, что это исследование даст оружие в руки тех, кто утверждал, что германский бизнес в основном оправился после разрушительных последствий войны и гиперинфляции⁸². Они направили жалобы на имя канцлера⁸³. Для того чтобы успокоить Союз германской промышленности (RdI), Вагеманну пришлось учредить Комитет по надзору, который должен был следить за публикациями института⁸⁴. Реакция бизнеса на план Вагеманна была неоднозначной⁸⁵. По-видимому, большинство промышленников в душе поддерживало рефляцию. Многим из них нравилась предлагаемая идея реконструкции финансовой системы.

Однако лидеры Союза германской промышленности по-прежнему оказывали свою поддержку кабинету Брюнинга, и поэтому особую популярность приобрели такие реакционеры как,

⁸⁰ Kroll, *Von der Weltwirtschaftskrise*, p. 402.

⁸¹ G. Keiser and B. Benning, *Kapitalbildung und Investitionen in der deutschen Volkswirtschaft 1924 bis 1928*. VZK Sonderheft 22 (Berlin, 1931).

⁸² Эти опасения были, в некоторой степени, вполне обоснованными. См. комментарии Тарноу во время дебатов в бюджетном комитете рейхстага: ВАР 01.01 film 31649 file 2590 no. 418, '25. Sitzung des Haushaltsausschusses 19.1.1931. Drucksache Nr. 311', p. 300.

⁸³ ВАР 07.01 film 19065N/2110 no. 132, Dr Reichert to Reichskanzlei 19.8.1931, а также ВАР 07.01 film 19065N/2110 no. 183–207, J. N. Reichert, 'Kapitalbildung und Industrielle Investitionen'.

⁸⁴ См. различные описания этого обсуждения, которые приведены в: GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 408, Prussian Min. of Handel und Gewerbe Vermerk 13.5.1931, а также официальную стенограмму, опубликованную в: GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 1 Bl. 519, 'Sitzung des Kuratoriums des IfK 28.4.1931'.

⁸⁵ H. Kim, 'Die Großindustrie und die Konjunkturpolitik unter der Kanzlerschaft Brüning's', *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1998), pp. 181–200.

например, Пауль Ройш. По мнению Ройша, план Вагеманна явился окончательным свидетельством его ненадежности и нелояльности. Реакционеры Рурского района развернули беспрецедентную кампанию по дискредитации Вагеманна, требуя его немедленной отставки. Промышленники резко сократили финансовую поддержку института⁸⁶. К этой атаке на Институт конъюнктурных исследований примкнули и его оппоненты из академической среды⁸⁷. В 1930 году комиссия Дернабурга отмечала, что отношение ученых к институту Вагеманна резко ухудшилось. Самого Вагеманна обвиняли в том, что он монополизировал средства, выделяемые правительством на исследование бизнес-циклов, а также в том, что он привлекает к себе слишком большое общественное внимание⁸⁸. В 1932 году против Вагеманна началась тщательно спланированная акция, во время которой прозвучали обвинения в его адрес со стороны академического сообщества. Скандал достиг кульминации в мае, когда одна из газет, известная своими связями с магнатами тяжелой промышленности, опубликовала «Декларацию 32 экономистов». В этом поразительном документе, свидетельствовавшем о единстве мнений, было заявлено, что план объявляется ошибочным. Кроме того, Вагеманн был обвинен в отсутствии лояльности, несовместимом с его многолетней работой в качестве государственного служащего. Имена экономистов, подписавших эту декларацию, публично не разглашались и были известны только служащим государственных министерств. Кампания против Вагеманна продолжалась даже после того, как Франц фон Папен сменил Брюнинга на посту канцлера, а также после того, как были утверждены первые программы по созданию рабочих мест⁸⁹. Лютер остался президентом Рейхсбанка и проследил за тем, чтобы на 1932–1933 годы финансирова-

⁸⁶ GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 2 Bl. 16, 'Haushaltsplan des IfK 1932/3'.

⁸⁷ Krohn, *Wirtschaftstheorien*, pp. 157–166.

⁸⁸ BAP 39.01 RAM 10683 no. 28 Dernburg Kommission, 'Bericht', p. 27.

⁸⁹ BAP 62 DAF 3 17502 no. 26, *Vorwärts* 425, 9.9.1932 'Kesseltreiben. Unternehmerverbände gegen Wagemann'. BAP 62 DAF 3 17502 no. 71, 'Zentral-Archiv des D.H.V., Pressebericht 25.10.1932'.

ние института было значительно урезано⁹⁰. В ноябре 1932 года министерство экономики было вынуждено созвать ряд заседаний, с тем чтобы положить конец нападкам промышленников на Вагеманна⁹¹. Хотя никаких конкретных договоренностей не было достигнуто, скандальные общественные дебаты на этом закончились.

V

Какими бы техническими достоинствами ни отличался план Вагеманна, обвинения в нелояльности были справедливыми⁹². К 1932 году, после двухлетних гонений, которые устраивал на него Брюнинг, у Вагеманна появилось желание рискнуть и выступить в открытой оппозиции. Как мы уже видели, он боролся за то, чтобы защитить свое статистическое ведомство от нападков канцлера и уменьшить финансовое давление со стороны комиссии Дербурга. Если бы он пошел на попятный, то рухнули бы все его амбициозные планы. Давление, оказываемое на Статистическое управление, уже начало наносить тяжелый урон. Управление стало как будто уменьшенной копией Веймарской республики — оно так же разрывалось на части от царившего в нем напряжения. Отношения в коллективе серьезно ухудшились. Вагеманн произвел настоящий раскол среди сотрудников, окружив себя горсткой доверенных людей. Еще хуже было то, что расширение штата в 1920-х годах происходило путем привлечения низкооплачиваемых сотрудников. Новые должности на государственной службе теперь были заняты сотрудниками младшего звена, и в результате чрезмерно загруженные работой директора отделов все меньше общались с персоналом. Канцелярские чиновники находились в напряжении из-за постоянной сверхурочной работы. Кро-

⁹⁰ GStA I Rep. 120 C VIII 2a Nr. 33 Bd. 2 Bl. 16, 'Haushaltsplan des IfK 1932/3'.

⁹¹ BAP 62 DAF 3 17502 no. 69, *Kölnische Zeitung*, 640, 22.11.1932 'Wagemann und die Wirtschaft'. BAP 62 DAF 3 17502 no. 35, *Deutsche Allgemeine Zeitung* 549, 23.11.1932 'Auseinandersetzung mit Wagemann'. BAP 62 DAF 3 17502 no. 36, *Tägliche Rundschau* 276, 23.11.1932 'Vorstoß gegen Wagemann'.

⁹² К. Borchardt, 'Noch Einmal: Alternativen zu Brüning's Wirtschaftspolitik?', *Historische Zeitschrift* 237 (1983), p. 78.

ме того, на них сваливали множество дел, не входящих в их обязанности, за которые они не получали адекватного дополнительного вознаграждения. Тем временем все новые и новые проверки, проводимые Уполномоченным по сбережениям, порождали у сотрудников Управления чувство неуверенности в завтрашнем дне⁹³.

Уже в 1927 году дисциплина начала ухудшаться. Управлению пришлось издать особые распоряжения, в которых говорилось, что сотрудники не должны портить статистические опросники, а также выносить их за пределы управления. Стены туалетов в Статистическом управлении были испещрены неприличными надписями. Известно и об одном чрезвычайном происшествии, когда в унитазы были выброшены документы с данными об экспортных операциях машиностроительной отрасли⁹⁴. Были назначены представители из штата статистиков, от которых настоятельно требовали осуществлять контроль над все более активными протестными акциями. Ежемесячно издававшийся журнал для канцелярских и гражданских служащих призывал сотрудников направить свое недовольство в другое русло, но все было напрасно⁹⁵. Крайнего напряжения ситуация достигла в 1930 году, когда директор отдела налоговой статистики, измучившись под бременем свалившейся на него работы, покончил жизнь самоубийством⁹⁶. Его похороны превратились в националистическую демонстрацию. Еще в мае 1930 года члены социал-демократической партии из бюджетного комитета рейхстага сообщали о том, что Статистическое управление является рассадником нацистских идей⁹⁷.

⁹³ BAP 31.02 5665 no. 1, *Mitteilungsblatt für Beamte und Angestellte beim SRA1* (1927), 2, p. 4.

⁹⁴ BAP 01.01 film 31648 file 2589 no. 84, '16. Sitzung des Haushaltsausschusses vom 21.1.1929. 1. Lesung des Nachtrags zum RWM für 1928. Nr. 697 Drucksache', p. 8.

⁹⁵ BAP 31.02 SRA 5665 no. 20, *Mitteilungsblatt für Beamte und Angestellte beim SRA 2* (1928) Nr. 2 (February), p. 4.

⁹⁶ BAP 01.01 film 31649 file 2590 no. 218, 'Reichstag IV. Wahlperiode 1928. 5. Ausschuß (Reichshaushalt). 150. Sitzung (Reichshaushalt 1930: RWM) 9.5.1930', p. 15.

⁹⁷ BAP 01.01 film 31649 file 2590 no. 218, 'Reichstag IV. Wahlperiode 1928. 5. Ausschuß für den Reichshaushalt. 150. Sitzung 9.5.1930', p. 15.

Председатель избираемого Совета по распределению должностей, социал-демократ, подвергался постоянным нападениям со стороны нацистских активистов. Огромные сокращения штата, произведенные в 1931 году, вряд ли могли разрядить обстановку. К 1933 году низовая нацистская ячейка (NSBO) уже активно действовала в Статистическом управлении Рейха⁹⁸.

Вагеманн не предпринял никаких мер, которые могли бы удержать членов его коллектива от скатывания на позиции правых сил. Наоборот, когда на него начались гонения, он еще больше сблизился с национал-социалистами. Решительные попытки Брюнинга добиться дефляции привели к катастрофическим последствиям. В результате движение, возглавляемое Гитлером, стало серьезной оппозиционной силой⁹⁹. Социал-демократы, отчаянно борясь за то, чтобы сохранить хотя бы остатки республиканской законности, примкнули к Брюнингу. Лишь весной 1932 года, после опубликования плана Вагеманна, профсоюзное движение наконец-то приступило к разработке планов по созданию собственной конструктивной экономической политики. Нацисты же, приобретающие всё большую популярность, имели имидж динамичной, прогрессивной молодой партии. У них не было особых волнений по поводу экономического либерализма или широко-масштабного вмешательства государства в дела экономики. В 1932 году Вагеманн был одним из так называемых реформаторов — неортодоксальных противников дефляции — которые все чаще появлялись в рядах нацистской партии¹⁰⁰. Вагеманн имел многочисленные контакты с гитлеровским движением. Предложенный им план кредитования позволил ему наладить связи с наиболее известным сторонником идеи создания ра-

⁹⁸ BAK R 43 II/1157e no. 3, NSBO SRA to Goering 28.2.1933.

⁹⁹ W. Jochmann, 'Brünings Deflationspolitik und der Untergang der Weimarer Republik', in D. Stegmann, B.-J. Wendt and P.-C. Witt (eds.), *Industrielle Gesellschaft und politisches System. Beiträge zur politischen Sozialgeschichte* (Bonn, 1978), pp. 97–112.

¹⁰⁰ A. Barkai, *Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus. Ideologie, Theorie, Politik 1933–1945* (Frankfurt, 1988, 2nd edn.), p. 49, а также: U. Kissenkoetter, *Gregor Straßer und die NSDAP* (Stuttgart, 1978), pp. 104–108.

бочих мест — с Грегором Штрассером, представлявшим левое крыло партии¹⁰¹.

Вагеманн также был связан с Готтфридом Федером — главным экономическим идеологом гитлеровского движения¹⁰². Из представителей консервативного крыла он имел тесные контакты с Вальтером Функом, журналистом, работавшим в области экономики, который был одним из наиболее уважаемых экономических советников нацистской партии¹⁰³. Из более поздней переписки следует, что Вагеманн как минимум один раз до 1933 года лично общался с Гитлером. Позднее в прессе также сообщалось о том, что Вагеманн угрожал уйти со своего поста директора Национальной выборной комиссии в знак протеста против попыток министерства внутренних дел не допустить Гитлера к президентским выборам в марте 1932 года¹⁰⁴.

В дальнейшем, в ряде публикаций, которые знаменовали собой поворот к экономическому национализму, Вагеманн подчеркивал свою близость с крайне правыми. В опубликованной в 1931 году работе, посвященной рассмотрению проблем мировой экономики, *Struktur und Rhythmus der Weltwirtschaft*, это было еще не столь очевидно. Вагеманн продолжал развивать темы, которые он исследовал в своих ранних работах. Мировая экономика трещала со всех сторон, испытывая огромное напряжение. Причиной этого напряжения стало од-

¹⁰¹ А. Р. Германну, специалисту по монетарной экономике, который разработал основу для плана Вагеманна, позднее довелось работать у Штрассера. См.: А. R. Hermann, *Verstaatlichung des Giralgeldes* (Munich, 1932) in the NS-Bibliothek. Kissenkoetter, *Gregor Straßer und die NSDAP*, pp. 105–107. Кренгель (см.: Krenzel, *Das Deutsche Institut*, p. 54) высказывает предположение, что в 1932–1933 гг. Вагеманн проводил со Шляйхером и Штрассером секретные переговоры, целью которых было не допустить Гитлера к власти. Последнее совещание со Штрассером Кренгель датирует 16 января 1933 года. Более критический анализ реальных последствий «связей» со Штрассером приводится в работе: Schulz, *Von Brüning zu Hitler*, pp. 975–978.

¹⁰² ВАР R 43 II/1157e no. 3, NSBO/SRA к Goering 28.2.1933.

¹⁰³ ВАР R 43 II/7 1157e no. 23, Wagemann к Reichskanzler Hitler 23.3.1933.

¹⁰⁴ ВАР 62 DAF 3 17502 no. 53, *Tägliche Rundschau* 80, 4.4.1933 'Wirrwarr um Wagemann'.

новременное существование различных моделей организации экономики. Повсеместно те или иные факторы препятствовали свободному потоку товаров, капитала и труда. Каждый отдельный случай государственного вмешательства можно было логически объяснить, однако в совокупности они приводили к нестабильности всей системы. По мнению Вагеманна, главным источником нестабильности была политика протекционизма, проводимая США¹⁰⁵. Однако весной 1931 года Вагеманн в целом продолжал сохранять оптимизм относительно будущего международной торговли. Вполне вероятно, полагал он, что мировая экономика именно сейчас проходит фазу спада одного из 50-летних циклов Н. Д. Кондратьева. Но в долгосрочной перспективе международная экономика имела вполне высокие шансы на успешное развитие.

Принять сторону нацистов Вагеманна заставили события, произошедшие в период с июля по сентябрь 1931 года, а именно банковский кризис и отказ Великобритании от системы золотого стандарта¹⁰⁶. Напряжение, образовавшееся как внутри национальных экономик, так и между ними, было слишком сильным. Для того чтобы преодолеть кризис, происходивший одновременно в финансовой системе, промышленности и сельском хозяйстве, национальным правительствам был крайне необходим период относительной изоляции. Только так можно было восстановить экономику. Как и во время предыдущих длинных циклов, после периода затяжной депрессии появится созидательный импульс, с помощью которого мировая экономика перейдет в новую фазу роста. В прошлом такой импульс создавался предпринимателями и технологами. Теперь же предпринять «энергичные и креативные» шаги должно национальное государство. Вряд ли стоит сомневаться, из какого источника, по мнению Вагеманна, германская политика черпала энергию.

¹⁰⁵ E. Wagemann, *Struktur und Rhythmus*, pp. 353–356.

¹⁰⁶ E. Teichert, *Autarkie und Großraumwirtschaft in Deutschland 1930–1939. Außenwirtschaftliche Konzeptionen zwischen Wirtschaftskrise und Zweitem Weltkrieg* (Munich, 1984), p. 93. См. также: BAP 62 DAF 3 17502 no. 75 *Kölnische Zeitung* 175, 31.3.1932 'Propaganda der Autarkie'.

VI

Скандал, который разгорелся вокруг плана Вагеманна в 1932 году, является излюбленной темой исследований, освещающих тот период. Этот скандал иллюстрирует, насколько враждебным было отношение к сторонникам рефляции. В настоящей главе этот известный факт рассматривался в более широком историческом контексте. Чрезмерно сильная общественная реакция на план Вагеманна может казаться необъяснимой, если не учитывать, какую видную роль в общественной жизни Веймарской республики суждено было сыграть Институту конъюнктурных исследований, Статистическому управлению и их директору. Институт завоевал себе репутацию центральной площадки, на которой проходили дискуссии об экономической политике. Это утверждение становится еще более обоснованным, если заглянуть за кулисы происходивших тогда событий. Борьба вокруг издержек, выделяемых на статистические исследования, наглядно показала, какое важное место занимал проект Вагеманна. Его влиятельные знакомые из Имперского министерства экономики и из рейхстага надежно защищали статистические структуры от самых тяжелых проявлений фискального кризиса.

С этой точки зрения содержание самого плана тоже приобретает новый смысл. Предложения Вагеманна касались трансформации германской банковской системы. Однако его план можно рассматривать в контексте постоянно предпринимаемых попыток найти новые механизмы экономической политики. Его задача состояла в том, чтобы дать в руки Рейхсбанка новые рычаги монетарной политики, что позволило бы ему регулировать не только денежное обращение, но и всю кредитную систему. А это, в свою очередь, было дополнительным аргументом для обоснования важности исследований бизнес-циклов. Таким образом, план можно охарактеризовать как агрессивную попытку переосмыслить роль Рейхсбанка и тем самым восстановить пошатнувшийся авторитет статистических структур Вагеманна. И, наконец, несложно понять, что своими интеллектуальными корнями план восходит к тому анализу денег в условиях развитого капитализма, которым Вагеманн

занимался с начала 1920-х годов. Его нападки на неправильную политику Рейхсбанка относительно резервов были непосредственным продолжением той критики металллизма и государственной теории денег Кнаппа, с которой Вагеманн выступил в своем «Очерке». В истории с Вагеманном, как в зеркале, отразилась трагедия Веймарской республики: он, как и многие другие реформаторы и технократы, пришел к выводу, что единственной надеждой на реализацию его амбициозных планов было гитлеровское национал-социалистическое движение.

5. Статистика и «сильное государство», 1933–1936

30 января 1933 года Гитлер был назначен канцлером Германии. Через несколько месяцев нацисты силой захватили власть. Началось систематическое уничтожение институтов свободного общества. В течение долгого времени считалось признаком хорошего тона рассуждать о конце либерализма — теперь это стало суровой реальностью. Но что пришло на смену либерализму? Какой режим пытались создать нацисты? Результаты «национальной революции» еще не были очевидными. Ее главными героями были диаметрально противоположные личности, начиная с головорезов-штурмовиков СА и заканчивая революционерами-интеллектуалами типа Мартина Хайдеггера. В результате события понеслись таким бурным потоком, что над их объяснением историки бьются и по сей день¹. Какая система сложилась после 1933 года? С самого ли начала нацистская идеология заняла доминирующие позиции? Или же первые годы гитлеровской диктатуры лучше всего описывает термин «авторитарный консерватизм»? В этой главе утверждается, что, по крайней мере применительно к экономической администрации Рейха, начальный период нацистского режима можно охарактеризовать как авторитарная эволюция более ранних тенденций. В это время наблюдалось стремительное развитие статистического инструментария конъюнктурных исследований с целью установления дальнейшего государственного кон-

¹ Информативный обзор по этому вопросу см. в: G. Jasper, *Die gescheiterte Zähmung. Wege zur Machtergreifung Hitlers 1930–1934* (Frankfurt, 1986).

троля над становящейся все более военизированной экономикой. Однако нацистский радикализм начал оказывать влияние на статистические исследования в полную силу лишь в конце 1930-х годов, после того как произошел второй захват власти.

I

Судьба Вагеманна — создателя инструментов конъюнктурных исследований (*Konjunkturforschung*) — всегда затеняла сами конъюнктурные исследования и ту роль, которую им было суждено сыграть при нацистском режиме. Весной 1933 года казалось, что будущее за Эрнстом Вагеманном. Так или иначе, но он мог вполне считать себя одним из пророков «национальной революции». Ходили разговоры, что он даже унаследует должность своего главного врага — директора Рейхсбанка Ганса Лютера². Разумеется, это были лишь слухи. Этот стратегический пост самой судьбой был предназначен Ялмару Шахту. Тем не менее можно было предположить, что положение Вагеманна позволит ему обратить себе на пользу приход к власти нацистской партии. Поэтому отстранение его от всех своих должностей в марте 1933 года было громом среди ясного неба. Вагеманн стал жертвой не столько нацистов, сколько их партнеров по коалиции — правых националистов. В течение первых месяцев существования нового режима Гитлер еще не обладал всей полнотой власти. Массовые националистические акции, спровоцированные нацистами, не поддавались полному контролю из центра. И в правительстве Гитлер и Геринг продолжали борьбу за то, чтобы взять верх над национальными консерваторами, которых возглавлял Гугенберг. В ходе этого тактического маневрирования управление министерством экономики было передано в руки националистов. Положение Вагеманна стало более чем уязвимым — ведь Гугенберг был одним из самых ярких критиков его плана³. Гугенбергу нужен был

² BAP 62 DAF 3 17502 no. 32, *DAZ* 131, 18.3.1933 'Unsere Meinung' и BAP 62 DAF 3 17502 no. 22, *Frankfurter Zeitung* 19.3.1933 'Warum wurde Wagemann beurlaubt?'

³ C. D. Krohn, *Wirtschaftstheorien als politische Interessen. Die akademische Nationalökonomie in Deutschland 1918–1933* (Frankfurt, 1981), p. 166.

только повод, чтобы начать действовать. Таким поводом оказался взрыв недовольства националистов в стенах самого Имперского статистического управления.

Весной 1933 года сотрудники управления пребывали в ужасном состоянии и нашли представителя своих интересов в лице д-ра Вильгельма Ляйссе⁴. Ляйссе был благородным отпрыском семьи националистов. В 1912 году он защитил диссертацию, посвященную проблемам сталелитейной промышленности. Затем в должности офицера-артиллериста безупречно служил в армии во время войны⁵. В начале 1920-х годов он поступил на работу в Статистическое управление, получив должность в отделе Вагеманна. Правда, проработал он там недолго. Ляйссе обвинили в плагиате и отстранили от работы⁶. Чтобы дать ему шанс восстановить утраченную репутацию, Ляйссе поручили подготовить проведение промышленной переписи, запланированной на 1930 год. Однако в результате того, что Брюнинг значительно сократил финансирование, перепись не состоялась и Ляйссе так и не смог проявить себя. Утратив надежды на реабилитацию своего доброго имени в Статистическом управлении, он обратился к политике. Еще в начале 1920-х годов он активно участвовал в «национальном» движении, а в марте 1932 года официально стал членом нацистской партии.

В 1933 году для Ляйссе наступил звездный час. Вместе с видными членами партии, работавшими в Статистическом управлении, а также при поддержке местной нацистской ячейки он составил проект обличительного меморандума под названием «Коррупция в Статистическом управлении». В этом документе Вагеманн изображался как представитель веймарской «системы» в худшем смысле этого слова: коррумпированный экономист, погрязший в корыстных сделках с издателями; занявшийся политикой государственный служащий, который поддерживал сомнительные контакты с левыми партиями; по-

⁴ Barch Lichterfelde ehm BDC PK, Dr Wilhelm Leisse and the material in Barch Lichterfelde ehm. BDC OPG, Leisse, Dr Wilhelm.

⁵ W. Leisse, *Wandlungen in der Organisation der Eisenindustrie und des Eisenhandels seit dem Gründungsjahr des Stahlwerksverbandes* (Munich, 1912).

⁶ ВАР R 43 II/1157e no. 88, Wagemann к Lammers Reichskanzlei 19.5.1933, p. 2.

кровитель католиков и евреев; несостоятельный руководитель, утративший контакт со своими «немецкими» членами коллектива; скрытый марксист, в научных работах которого прославились успехи сталинского планирования. Вагеманна обвинили даже в том, что он якобы неуважительно отзывался о династии Гогенцоллернов. В начале марта Ляйссе сам представил этот документ в рейхсканцелярию, потребовав личной встречи с фюрером. Когда ему было отказано, он в гневе покинул помещение, заявив при этом: «Если не с Гитлером, то тогда с Гугенбергом»⁷. 17 марта 1933 года Гугенберг был вынужден принять должные меры, и Вагеманн был временно отстранен от всех занимаемых должностей.

В прессе началось бурное обсуждение отставки Вагеманна. Он был видным сторонником экономической политики активистов, имевших прочные связи с нацистским движением. Что означало его отстранение для будущей экономической политики? Консервативные газеты объявили, что его уход от дел свидетельствовал об отказе правительства Гитлера заниматься экономическим планированием⁸. Все критиковали Гугенберга за самоуправство и за принятие решения, которое не входило в планы фюрера⁹. Сам Вагеманн тоже пытался бороться. В конечном счете он имел основания надеяться на то, что люди, которые постепенно приобретали всю полноту власти, с сочувствием выслушают его. Под давлением адвоката Вагеманна Гугенбергу пришлось отказаться от своих клеветнических обвинений в личной коррумпированности руководителя статистических структур.

В это же время Вагеманн обратился лично к Гитлеру с просьбой решить его вопрос с учетом того, что он уже давно является сторонником национал-социалистического движения¹⁰. Поскольку отставка Вагеманна имела международный резонанс,

⁷ ВАР R 43 II/1157e no. 14, Reichsmin. des Innern to Reichskanzlei 10.3.1933 и прилагаемый отчет 'Korruption im statistischen Dienst'.

⁸ ВАР 62 DAF 3 17502 no. 32, DAZ 131 18.3.1933 'Unsere Meinung'.

⁹ ВАР 62 DAF 3 17502 no. 53, *Tägliche Rundschau* 80 4.4.1933 'Wirrwarr um Wagemann'.

¹⁰ ВАР R 43 II/1157e no. 26, Wagemann к Reichskanzler 28.3.1933.

в Германии опасались, что отстранение от дел такого известного человека будет воспринято как дурное предзнаменование для будущего общественных наук в условиях нацистского режима. Этот вопрос вызывал действительно серьезное беспокойство, особенно если учесть, что германские исследовательские институты в большой степени зависели от американских капиталов. Стало известно, что Фонд Рокфеллера начал оценивать перспективы своей дальнейшей деятельности в Германии¹¹. В апреле 1933 года Ч. Баллок, председатель Гарвардского комитета экономических исследований, сделал публичное заявление в поддержку Вагеманна. Баллок даже получил обещание от Фонда Рокфеллера, которое сводилось к следующему: в случае если не удастся найти иных источников финансирования, Фонд Рокфеллера окажет финансовую поддержку Институту конъюнктурных исследований¹².

Письмо, которое Вагеманн получил в ответ на свое прошение из канцелярии Гитлера, был весьма показательным. Вагеманну было отказано в аудиенции, о которой он просил. Однако, по словам чиновников из канцелярии, Гитлер, безусловно, проявил личный интерес к его вопросу. Гугенбергу пришлось представить подробный отчет с мотивацией принятого им решения¹³. Но и этого оказалось недостаточно. Гитлер пожелал ознакомиться с объяснениями директоров Статистического управления Рейха. Вагеманн имел право на ответ¹⁴. Вряд ли в 1933 году было много государственных служащих, которые после увольнения получали бы такое внимание к своей персоне. По крайней мере дело Вагеманна создало Гугенбергу массу проблем.

¹¹ C.-D. Krohn, *Wissenschaft im Exil: Deutsche Sozial- und Wirtschaftswissenschaftler in den USA und die New School of Social Research* (Frankfurt, 1987), pp. 40–46.

¹² ВАР 62 DAF 3 17502 no. 51, *Tägliche Rundschau* 99 28.4.1933 'Harvard-Institut ehrt Wagemann'.

¹³ ВАР R 43 II/1157e no. 39, Staatssekretär in der Reichskanzlei to Hugenberg 31.3.1933. Письмо помечено 'Eilt sehr!' (Очень срочно!) и начинается словами: 'Im persönlichen Auftrage des Herrn Reichskanzlers' (По личному поручению г-на рейхсканцлера). ВАР R 43 II/1157e no. 41, RWM to Reichskanzlei 13.4.1933.

¹⁴ ВАР R 43 II/1157e no. 48, Reichskanzlei в: RWM 25.4.1933.

Через некоторое время министерство экономики созвало совещание директоров департаментов Статистического управления, на котором каждый из них дал свои показания. В выдвинутых ими обвинениях дублировалось то, что говорилось на комиссии Дернбурга, только все это прозвучало с гораздо большим ожесточением. Теперь уже нельзя было уйти от обсуждения непростого вопроса об организации статистической империи Вагеманна. В этот раз не было недостатка в свидетелях со стороны обвинения. Если при расследовании, проводимом комиссией Дернбурга, аппарат государственной статистики выступал единым фронтом, то теперь он был расколот на большое количество отдельных раздраженных и разочарованных людей¹⁵. Помимо показаний Ляйссе, наиболее серьезные обвинения были выдвинуты д-ром Вальтером Грэвелем, который к этому времени был назначен директором департамента торговой статистики. Он сделал акцент на том, что Вагеманн систематически пренебрегал своими обязанностями и плохо руководил вверенным ему Статистическим управлением. Главная проблема состояла в том, что штат сотрудников Управления был слишком раздут. Кроме того, необходимость заниматься делами Института конъюнктурных исследований постоянно отвлекала Вагеманна от руководства Статистическим управлением.

3 мая 1933 года министерство экономики вновь объявило о своей позиции, заявив, что Вагеманн пренебрегал исполнением официальных обязанностей¹⁶. Так или иначе, отношения между Вагеманном и его ведущими сотрудниками были серьезно испорчены. Уход Вагеманна с поста руководителя Статистического управления стал неизбежным. 24 мая 1933 года рейхсканцелярия вмешалась в этот вопрос в последний раз, проинформировав Гугенберга о том, что Гитлер был против того, чтобы Вагеманн вышел в отставку или чтобы он занял более низкую должность в Статистическом управлении. Правда, секретарь Гитлера завершил письмо загадочной формулиров-

¹⁵ ВАР R 43 II/ 1157e, Neue Reichskanzlei no. 59 Заявления директоров от 26.4.1933.

¹⁶ ВАР R 43 II/1157e no. 49, RWM в Reichskanzlei 3.5.1933.

кой: «[В будущем] рейхсканцелярия должна дистанцироваться от этого дела»¹⁷.

Если нацисты и не оставили Вагеманна руководителем Статистического управления, они смогли обеспечить сохранение для него контроля над институтом. В течение всей весны Вагеманн занимался укреплением связей с партией. Кроме других своих обязанностей, он также был отстранен от должности председателя избирательной комиссии. Это означало, что теперь он мог иметь партийный билет. В мае 1933 года он присоединился к тем, кто хотел вступить в ряды национал-социалистической партии Германии¹⁸. В том же месяце Вагеманн добился встречи с заместителем Гитлера Рудольфом Гессом. По его словам, эта аудиенция «прошла очень хорошо»¹⁹. И, наконец, столь необходимую для него поддержку ему оказал Германский трудовой фронт (Deutsche Arbeitsfront, DAF). В июне 1933 года Вагеманн, используя контакты одного из сотрудников института, договорился о том, что его примет амбиционный лидер Фронта, Роберт Лей. Вечером того же дня заместителю Лея Рудольфу Шмееру якобы удалось получить от Гитлера обещание, что Институт конъюнктурных исследований будет защищен от нападок Гугенберга. 17 июня 1933 года на встрече наблюдательного совета института Вагеманн был восстановлен в прежней должности директора. Гугенберг потерпел поражение, поскольку его не поддержали представители министерств, в которых доминировали члены национал-социалистической партии, Германский трудовой фронт и бизнесмены²⁰.

Таким образом, институт — интеллектуальный центр эмпирических экономических исследований Веймарской республики — смог пережить события 1933 года. Его еженедельные и ежеквартальные отчеты по-прежнему оставались главным

¹⁷ '... der Reichskanzler sich ... von der Angelegenheit fernhalten müsse'. BAK R 43 II/1157e no. 103 Reichskanzlei записка от 24.5.1933.

¹⁸ Archiv der Humboldt Uni., U.K.W. 9 no. 1. Номер партийного билета Вагеманна был 3078159.

¹⁹ BAK NI Moellendorff 158/66, Wagemann к Moellendorff 29.5.1933.

²⁰ BHStA MWi 3092, Bayerische stellv. Bevollmächtigte to Staatsmin. für Wirtschaft 17.6.1933 и BBA 15 523 RdI, 'Aktennotiz Betr: Sitzung des Kuratoriums des IfK 17.6.1933'.

источником информации о состоянии и развитии германской экономики. Институт значительно расширился и превратился в независимый центр экономических исследований. Он зарабатывал деньги благодаря контрактам, которыми его снабжали сельскохозяйственные организации министра продовольствия Рихарда Дарре и почта Рейха²¹. Вагеманну удалось увеличить штат своих сотрудников с 50 человек в конце 1920-х годов до 150 человек к 1939 году, не включая сотрудников, работавших в региональных подразделениях. Его работы продолжали часто издаваться. В ряде книг и брошюр он представил подробное обоснование новой роли государства при проведении экономической политики²². Необходимость вмешательства государства в экономику была очевидной. Эта проблема исследовалась в работах ученых из США, СССР и даже Великобритании — страны, которая всегда считалась оплотом либерализма. Страны, которые продолжали сохранять систему золотого стандарта и использовали такую меру, как дефляция, — Франция, например — были обречены на затяжную депрессию. Вагеманна приглашали с лекциями на различные партийные мероприятия. Министерство Геббельса также отправляло его в пропагандистские поездки за границу²³. В 1936 году он был назначен консультантом Геринга по составлению Четырехлетнего плана²⁴. В Третьем рейхе Вагеманн уж точно не был *persona non grata*.

Свидетельствует ли это о том, что институт был приобщен к господствующей идеологии? Наверное, нельзя сказать, что в целом это было так. Разумеется, в первые годы существования Третьего рейха требования присоединиться к определенной экономической линии были на удивление слабыми. В течение 1933 и 1934 годов в прессе продолжала звучать

²¹ DIW, *Das Deutsche Institut für Wirtschaftsforschung (IfK) 1925–1945 in der Erinnerung führender Mitarbeiter* (Berlin, 1966).

²² E. Wagemann, *Zwischenbilanz der Krisenpolitik* (Berlin, 1935) и *Wirtschaftspolitische Strategie* (Hamburg, 1937).

²³ BAK RAM R 41/23a no. 1, 'Protokoll über die Arbeitstagung der Reichsarbeitskammer 28.11.1935'.

²⁴ Zentralen Staatsarchiv der Sowjetunion, Sonderarchiv MA 700 1/2.

злая критика в адрес Вагеманна. Эти нападки шли от консерваторов, которые сомневались в правильности предлагаемых им реформ банковской системы. Однако другие газеты выступили в его защиту, называя его пророком новой экономической политики и обвиняя его оппонентов в интеллектуальном саботаже²⁵. Реальные проблемы у института начались только во второй половине 1935 года. Осенью этого года институт опубликовал весьма пессимистичный сценарий развития германской экономики. Государственные займы препятствовали привлечению средств частным бизнесом²⁶. Рано или поздно восстановительный период закончится, и тогда вновь наступит период экономического спада.

На следующий год институт попал под огонь критики Бернхарда Кёлера, главы Комиссии нацистской партии по экономической политике²⁷. Институт был обвинен в том, что он продолжал придерживаться либеральных догм, в то время как политическая победа над бизнес-циклом считалась триумфом нацистского режима. Однако институт так и не удалось заставить замолчать: мало того, что он сохранил свое название — даже Геринг в своих выступлениях по-прежнему использовал конъюнктурную терминологию²⁸. Гораздо сложнее было справиться со все большими ограничениями в получении экономической информации. Министерство экономики Рейха продолжало держать институт на расстоянии и следило за тем, чтобы его деятельность не пересекалась с работой Статистического управления²⁹. Сотрудникам Вагеманна все труднее было добывать текущую информацию у своих бывших коллег³⁰. Это, в свою очередь, поставило

²⁵ В поддержку Вагеманна, см.: *DSZ* 49 v. 14. April 1934 und Nr. 51 v. 17. April 1934; *Berliner Tageblatt* 180 v. 17.4.1934; *Wirtschaftlicher Teil der Deutschen Zeitung* 882 v. 15. April 1934. С критикой Вагеманна, см.: *DAZ* 175 v. 16.4.1934 und Nr. 187 v. 19.4.1934.

²⁶ *Neue Freie Presse* 25593 M v. 10.12.1935.

²⁷ *Braune Wirtschaftspost* 29 (1936) 16.1.1936; *National-Zeitung* 271 v. 2.10.1936; 5 1.8.1936; *Die Deutsche Volkswirtschaft* 22 1.8.1936.

²⁸ *Die Deutsche Volkswirtschaft* 1 1.1.1939.

²⁹ ВАР R41/799 no. 21, РАМ, записка от 17.1.1934.

³⁰ ВАР R 7/1287 Fol. 1 — no. 153–177.

институт в еще большую зависимость от исследовательских контрактов. Однако институт находился в постоянном напряжении не из-за наличия цензуры, а по гораздо более прозаичным причинам, угрожавшим его деятельности: сложности с финансированием и доступом к информации.

Статистическое управление также пережило драматические события 1933 года более или менее спокойно. Нацистский режим не пытался целенаправленно взять под полный контроль экономическую администрацию Рейха. Летом 1933 года Шмитт, консервативно настроенный директор департамента страхования, сменил Гугенберга на посту министра экономики. На следующий год вместо Шмитта на этой должности уже был Ялмар Шахт, который оставался министром экономики вплоть до осени 1937 года. Шахт был тесно связан с гитлеровским движением. Ему было суждено сыграть важную роль в организации перевооружения Германии. Однако он с презрением относился к собственным экспертам партии по вопросам экономики и делал все возможное для того, чтобы инициатива при разработке экономической политики оставалась в руках Рейхсбанка и министерства экономики, а не в руках нацистов.

Захват власти нацистами практически не отразился на работе экономической администрации Рейха и Статистического управления. В течение первых месяцев нацистского режима в Статистическом управлении было на удивление мало увольнений³¹; многие сотрудники, которые в 1920-е годы были тесно связаны с институтом, в частности Пауль Брамштедт, теперь самоотверженно трудились в Статистическом управлении. Попытки партийной ячейки найти на место Вагеманна в Статистическом управлении кандидата с безупречной нацистской репутацией с треском провалились³². Выбор пал на директора министерского департамента, ранее работавшего в министерстве экономики, Вольфганга Рейхардта³³. В секретном отчете,

³¹ Список уволенных из Статистического управления см.: BAP 23.01 2233 SRA, записка от 29.4.1933.

³² BAK R 43 II/1157e no. 106, записка в Staatssek. Reichskanzlei 9.6.1933.

³³ BAP 62 DAF 3 17502 no. 17, *Vossische Zeitung* 368 31.7.1933 'Reichardt Präsident des Statistischen Reichsamts'.

подготовленном для Гугенберга, Рейхардт характеризовался как бывший сторонник Народной партии Германии, принадлежавший к правому крылу, но придерживавшийся либеральных взглядов относительно экономической политики³⁴. Безусловно, Рейхардт не был врагом конъюнктурных исследований. До 1933 года он состоял в попечительском совете Института конъюнктурных исследований, являясь там одним из постоянных представителей министерства. Согласно министерскому приказу, в 1934 году он был вынужден подать в отставку. Тем не менее его назначение на должность президента Статистического управления свидетельствовало о том, что в какой-то степени он продолжил свою карьеру.

Как и в случае с институтом, в документах Статистического управления отсутствуют какие-либо сведения о том, что производились попытки навязать ему четкую программу, которая отражала бы нацистскую идеологию. Главная задача пропаганды состояла в том, чтобы приписать политике нацистов заслуги по восстановлению экономики Германии. Однако в действительности, по крайней мере на первых порах, это восстановление происходило в большой степени «спонтанно»³⁵. В Статистическом управлении был создан специальный отдел, который занимался мониторингом триумфальных успехов нацистов в создании рабочих мест³⁶. Впрочем, кроме этого, не имеется никаких свидетельств о том, что при составлении статистических рядов происходило сознательное манипулирование данными в пропагандистских целях. Остается лишь гадать, какие меры нацисты могли бы применить к статистикам Рейха, если бы экономические новости были менее утешительными. Вряд ли можно сомневаться в том, что если бы режиму пришлось бороться за свое существование, то Статистическое управление, скорее всего, превратилось бы в инстру-

³⁴ См.: BAK N1 231 Hugenberg 85 Fol. 1- no. 116, а также биографический очерк в: BAP 62 DAF 3 8788 *Deutsche Allgemeine Zeitung* 323 31.7.1933 'Neuer Leiter des SRAs'.

³⁵ См., например: *NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit*, 1, p. 98, Инструкции министерства пропаганды, 11.8.1933.

³⁶ BAP 31.02 3586 no. 110, Kurze Aufzeichnung über den Aufgabenkreis des Referats Statistik der Wirtschaftstätigkeit 29.3.1935.

мент грубой пропаганды. В сложившейся же ситуации таких мер и не требовалось — экономика в целом функционировала успешно.

Хотя Статистическое управление и не занималось подтасовкой данных, после 1933 года оно все-таки оказалось причастным к планомерным действиям режима по пресечению публичных обсуждений вопросов экономики. После десятилетия широкой гласности, начиная с 1933 года, в Германии стала проявляться тенденция к ее ограничению. Министерство пропаганды попыталось ввести запрет на обсуждение в прессе общих вопросов экономической политики, однако прочно сформировавшуюся привычку к публичным дебатам сломать было трудно³⁷. Более эффективным оружием стало резкое ужесточение ограничений на публикацию данных экономической статистики. По мере того как разворачивался процесс перевооружения армии, закрытой становилась информация о все более широких областях экономической деятельности³⁸. Данные, публикуемые Статистическим управлением, отчеты бизнес-организаций Германии и даже годовые отчеты компаний — все эти материалы тщательно редактировались с целью не допустить распространения хоть какой-либо информации о программе перевооружения.

II

Вряд ли было бы правильным утверждать, что в первые годы гитлеровского режима наблюдалось насильственное приобщение к господствующей идеологии (*Gleichschaltung*), по крайней мере если речь идет о Статистическом управлении и об экономической администрации Рейха. Совсем наоборот: первые четыре года нацистского режима были периодом, когда бюрократические инициативы в целом не встречали сопротивления. Согласно свидетельствам того времени, для чиновников

³⁷ *NS-Pressenanweisungen der Vorkriegszeit* 1, pp. 99, 122–123, 268–269, а также 2, pp. 197–198.

³⁸ BAK R 7/1287 Fol. 1 — no. 171 RWM, 'Vorlage für Hagen RWM III/Stat' 28.8.1936, а также BAK R 7/1287 — Fol. 1 no. 172 RWM записка от 16.9.1936.

министерства экономики первые годы правления национал-социалистической партии стали эрой освобождения от гнета политики парламентаризма и классовых конфликтов. Казалось, что вот-вот станет явью идеализированный образ сильного государства, управляющего страной³⁹. Однако подобные заявления о том, что все вернулось на круги своя, не следует принимать за чистую монету⁴⁰. Как мы уже видели, никакой «германской традиции» в национальной экономической политике на самом деле и не было. В области управления экономикой представление о сильном германском государстве было мифом, вымышленной традицией. По словам Гарольда Джеймса, это был период консервативной преемственности, период, во время которого фискальная политика имела ряд ограничений, а программа административного контроля составлялась на ходу⁴¹. Безусловно, Джеймс совершенно верно делает акцент на непрерывности этого процесса. Однако объединение понятий «непрерывность» и «консерватизм» создает неправильное впечатление о деятельности экономической администрации Рейха.

Как мы уже видели, до 1933 года подход министерства экономики к экономическому управлению был вполне новаторским. После же 1933 года Шахт даже не пытался проводить в жизнь ортодоксальные фискальные рекомендации — он избрал курс на восстановление экономики путем государственного вмешательства. Размер расходов центрального правительства значительно увеличился⁴². Потоки капиталов были

³⁹ W. A. Boelcke, *Die deutsche Wirtschaft 1930–1945. Interna des Reichswirtschaftsministeriums* (Düsseldorf, 1983), p. 89.

⁴⁰ См., например: A. Barkai, *Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus. Ideologie, Theorie, Politik 1933–1945* (Frankfurt, 1988, rev. edn.).

⁴¹ H. James, 'Innovation and Conservatism in Economic Recovery: The Alleged "Nazi Recovery" of the 1930s', в T. Childers and J. Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich* (New York, 1993), pp. 114–138.

⁴² Джеймс не вполне осознает, что в период экономического восстановления и резкого увеличения налоговых сборов наличие сбалансированного бюджета предполагает мягкую фискальную политику. По-настоящему ограничивающая фискальная политика требует профицитного бюджета. См.: R. Cohn, 'Fiscal Policy during the Depression', *Explorations in Economic History*, 29 (1992), pp. 318–342.

перенаправлены, заработные платы были заморожены, а отрасли промышленности, производящие потребительские товары, — просто задушены. Импортные операции находились под строгим контролем. Экономика все больше начинала подчиняться политическим приоритетам: восстановление национального хозяйства, перевооружение армии, а также создание системы автаркии. Для того чтобы установить такой новый политический режим, Рейхсбанку, министерству экономики, министерству труда и министерству сельского хозяйства пришлось значительно расширить свои полномочия. Земли были окончательно подчинены Рейху. Впервые германская экономика подпала под мощный и последовательный государственный контроль. Все эти процессы означали нечто большее, чем просто административное строительство империи. Это было непосредственное расширение усилий по созданию национального аппарата экономического управления, основы которого, как мы уже видели, были заложены на завершающих этапах Первой мировой войны. Экономическая администрация Рейха, защищенная от партии, не стесненная парламентом, освобожденная от необходимости заключения трехстороннего соглашения с промышленниками и профсоюзами, переживала период беспрецедентной свободы. И во время этого нового периода Статистическое управление проявило себя как активный игрок.

В первые годы Третьего рейха процесс государственного строительства осуществлялся без оглядки на прежние традиции. Ярче всего это проявилось в случае с землями. После 1933 года министерство экономики забрало контроль над экономической инфраструктурой Германии у ослабевших региональных министерств⁴⁵. Впервые министерство экономики приобрело необходимые властные полномочия, которые позволяли ему непосредственно вмешиваться в дела промышленности и торговли на местном уровне. Как мы уже видели, еще начиная с 1920-х годов в воздухе витала идея о слиянии Статистического управления и аналогичного прусского управ-

⁴⁵ G. Mollin, *Montankonzerne und 'Drittes Reich'. Der Gegensatz zwischen Monopolindustrie und Befehlswirtschaft in der deutschen Rüstung und Expansion 1936–1944* (Göttingen, 1988), pp. 42–56.

ления. Теперь же, когда Пруссия потеряла свою автономию, ее Статистическое управление, было присоединено к Статистическому управлению Рейха⁴⁴. Впрочем, все остальные административные органы земель были слиты с соответствующими центральными ведомствами. Таким образом, была резко прервана самая старая традиция в германской государственной статистике. В результате Статистическое управление приобрело 58 новых государственных служащих, занимавшихся статистикой, а также 15 человек вспомогательного персонала сотрудников⁴⁵. Еще более важным был тот факт, что функции Статистического управления были распространены на те сферы, которые ранее считались прерогативой статистических бюро германских земель.

Статистическому управлению также был передан контроль над статистикой сельского хозяйства Пруссии и ежемесячной статистикой крупнейшей группы сберегательных банков (табл. 6)⁴⁶.

Властные полномочия менялись не только у органов государственного управления. В 1934 году Шахт предпринял решительные меры для того, чтобы поддержать разросшийся экономический аппарат Рейха — для этого он максимально использовал возможности частного капитала. Депрессия существенно ослабила положение германского бизнеса. Одним из наиболее драматических событий, безусловно, был кризис 1931 года, в результате которого некогда могущественные берлинские банки оказались в зависимости от государственных денег. Ситуация в промышленности была менее тяжелой, но крах международной экономики лишил германские компании экспортных рынков, а также иностранных источников капитала. Теперь им оставалось надеяться только на то, что национальная экономическая политика сможет оживить внутренний рынок.

⁴⁴ BAP SRA 31.02 3585 no. 1, Präs. SRA Decree 3.10.1934.

⁴⁵ GStA 1. HA Rep. 77 3884 no. 410, 'Verzeichnis der Beamten des Preußischen SLa' (для перевода в SRA) 1.10.1934, а также GStA 1. HA Rep. 77 3884 no. 412, 'Verzeichnis der Hilfsreferenten und wissenschaftliche Hilfsarbeiter des Preußischen SLa' (для перевода в SRA) 1.10.1934.

⁴⁶ Список см. в: GStA 1. HA Rep. 77 3884 no. 453, 'Nachweisung der einzelnen Statistiken'.

Таблица 6

РАСШИРЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ, 1932–1935

Штат сотрудников	Год			
	1932	1933	1934	1935
Постоянные государственные служащие	584	582	570	674
Временные государственные служащие	35	22	22	29
Постоянный штат	1257	1257	1253	1647
Временный штат		101	473	467
Общее количество служащих	1876	1962	2318	2817

Примечание: Данные за 1936 год недоступны.

Источник: 1932: ВАР 31.01 8654 no. 124.

1933: ВАР 31.01 8657.

1934: ВАР 31.01 8659 no. 160.

1935: ВАР 31.01 8662 no. 337.

Естественно, жестокое подавление рабочего движения в 1933 году развязало руки работодателям. Однако нацисты не стали марионетками в руках германского капитала. Гитлер возглавил поистине народное движение, которое взяло под свое крыло огромное количество людей, испытывавших глубокую ненависть к капитализму. Даже после захвата власти Гитлером, германский бизнес не мог чувствовать себя в полной безопасности. На местном уровне в политику работодателей вмешивались штурмовые отряды СА и нацистские гауляйтеры. Промышленники встретили появление Трудового фронта Р. Лея без всякого энтузиазма — точно так же они когда-то отнеслись и к социалистическим профсоюзам, которые сменил Трудовой фронт. В таких обстоятельствах окрепшая экономическая администрация Рейха при Шахте была гораздо меньшим из двух зол. Летом 1934 года Шахт был назначен министром экономики Рейха вместо безынициативного Шмитта. Там он оперативно начал создавать систему так называемых имперских групп, объединявших промышленные компании, банки, страховые

и транспортные компании. Сами имперские группы подразделялись на так называемые бизнес-группы, каждая из которых отвечала за отдельную отрасль промышленности или коммерческую деятельность. Все компании, независимо от их размера, должны были являться членами этой организации. Не вполне ясно, каким был баланс сил внутри этих групп. Однако, по всей вероятности, Шахт рассматривал их как средство для наведения порядка в промышленности и создания всеобъемлющей системы государственного контроля⁴⁷.

Естественно, все это сразу же улучшило работу статистиков Рейха. Промышленная статистика — раздел экономической статистики, развитие которого особенно заметно отставало в 1920-е годы — теперь привлекала к себе огромное внимание. Еще до того, как Шахт завершил создание своей новой организации, министерство экономики и представители бизнеса начали обсуждать новые смелые планы. Наконец-то наступил момент, когда появилась возможность осуществить мечту Пауля Брамштедта и создать «общую статистику бизнес-цикла». Брамштедт был одним из тех, кто принимал участие в захвате власти нацистами. После того как институт был выделен в отдельную структуру, он сосредоточил все свое внимание на департаменте экономической статистики (VIII) в Статистическом управлении. Во время Депрессии ответственность за систему отчетности по промышленности была возложена на его департамент. К 1933 году Брамштедт обрабатывал сведения, поступавшие от не менее чем 5000 компаний-респондентов. В мае 1934 года совместно с новыми имперскими группами промышленности Брамштедту удалось совершить настоящий прорыв: было получено согласие от 6000 промышленных компаний отвечать не только на стандартные вопросы о числе работников и количестве отработанных часов, но также предоставлять информацию о размерах заработных плат, о ежемесячном обороте и об экспортных операциях⁴⁸. Ранее германские про-

⁴⁷ I. Esenwein-Rothe, *Die Wirtschaftsverbände von 1933 bis 1945* (Berlin, 1965), pp. 68–83.

⁴⁸ BAP 31.02 SRA 2476 no. 292, SRA/VI/ Statistik der Wirtschaftszweige to SRA/VI 30.4.1934.

мышленники никогда не соглашались давать такие подробные ответы о регулярной деятельности их предприятий.

Созданные Шахтом бизнес-группы легко пережили эти изменения. Администраторы в новых бизнес-группах беспрепятственно прибегали к использованию Декрета о предоставлении сведений (*Auskunftspflicht*), обновленного в 1923 году, и с радостью пользовались новыми полномочиями, требуя от членов своих организаций стандартизированные статистические отчеты. Теперь появилась возможность добиться послушания региональных и отраслевых подгрупп, которые в 1920-е годы нередко проявляли независимость, раздражавшую центральные органы⁴⁹. К 1935 году усилиями Брамштедта и бизнес-групп количество компаний, участвовавших в системе ежемесячных промышленных отчетов, увеличилось до 7400⁵⁰. В 1936 году департамент Брамштедта был вынужден обратиться с просьбой о дополнительной поставке новых табуляторов Холлерита, чтобы сотрудники смогли справиться с обработкой огромного объема данных, поступавших в Статистическое управление⁵¹.

Развитие системы промышленных отчетов свидетельствовало и о более серьезных изменениях. Такие отчеты были впервые введены отделом трудовой статистики Статистического управления еще в вильгельмовский период, причем опросы проводились исключительно на добровольной основе. В период Веймарской республики промышленные отчеты превратились в инструмент конъюнктурных исследований, проводимых совместно институтом Вагеманна и Союзом германской промышленности (RdI). Теперь же характер отчетов вновь изменился: подкрепленные принудительными декретами военного времени, они должны были обеспечить систему контроля

⁴⁹ J. S. Geer, 'Die Statistik der Wirtschaftsgruppe Maschinenbau', in F. Burgdörfer (ed.), *Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand, Ehrengabe für F. Zahn* (Berlin, 1940), II, pp. 1039–1048.

⁵⁰ E. Gierth, 'Aufbau und Methode der Industrierichterstattung', *ASA*, 30 (1941/1942), pp. 393–401, p. 294 и BAP 31.02 SRA 2476 no. 289, SRA/VI to Präs. SRA 10.8.1934, p. 2.

⁵¹ О бюджетных заявках см.: BAP 31.02 2476 no. 289, SRA/VI to Präs. SRA 10.8.1934, а также: BAP 31.02 2475 no. 376, SRA/VI — заявка на бюджет 1937 г., ноябрь 1936 г.

над всеми компаниями, входившими в бизнес-группы, членство в которых было обязательным.

В первые годы нацистского режима, в условиях, которые определялись проводимой фискальной и монетарной политикой, главным средством контроля над процессом восстановления экономики был торговый баланс. По мере оживления промышленности начал возникать дефицит торгового баланса⁵². Ситуация стала критичной в июле 1934 года, когда в результате нехватки иностранной валюты появилась опасность срыва поставок импортных материалов, необходимых для программы вооружения⁵³. Благодаря этому кризису у Шахта появилась возможность установить беспрецедентный контроль над экономической политикой. Благодаря использованию своих рычагов и в Рейхсбанке, и в министерстве экономики ему удалось быстро разработать систему контроля, которая стала называться Новый план. Был прекращен импорт сырьевых материалов, жизненно необходимых для потребительского рынка, таких как хлопок и шерсть. В плане был закреплён приоритет программы перевооружения, невзирая на то что это могло обернуться самыми серьёзными последствиями для таких важных отраслей, как текстильная промышленность.

Новый план должен был внедряться в жизнь так называемыми контролирующими агентствами (*Überwachungsstellen*). Эти организации были укомплектованы чиновниками из министерства экономики и экспертами из соответствующих бизнес-групп, в задачу которых входил мониторинг спроса на сырьевые материалы в Германии. В соответствии с принятой в германской статистике классификацией товаров было создано 28 контролирующих агентств⁵⁴. Были изданы специальные опросники, которые требовали предоставления информации о необходимом импорте, текущем потреблении и запа-

⁵² H. James, *The German Slump*, pp. 343–418. *VzK*, 9 (1934) 1 23.4.1934, pp. 27–32.

⁵³ D. Döring, 'Deutsche Aussenwirtschaftspolitik 1933–35. Die Gleichschaltung der Aussenwirtschaft in der Frühphase des nationalsozialistischen Regimes', PhD thesis, FU Berlin (1969), pp. 79–84.

⁵⁴ W. Gäehtgens, 'Die rechtlichen Grundlagen der Warenbewirtschaftung', in *Probleme der gelenkten Wirtschaft* (Berlin, 1942), pp. 28–61.

сах сырья. Эта информация давала возможность агентствам делать прогнозы о будущем спросе. Снова оказался востребованным Декрет 1923 года о предоставлении сведений — он давал право новым агентствам требовать предоставления отчетов от всех промышленных компаний Германии. В результате были собраны данные, которые дополняли как регулярную торговую статистику, так и промышленные отчеты Брамшtedта. Первые сведения начали поступать в Статистическое управление осенью 1935 года, а к весне следующего года у статистиков уже имелись подробные отчеты⁵⁵.

III

Таким образом, при поддержке министерства экономики Статистическое управление заняло собственную нишу в административной структуре Третьего рейха. Оно стало центром системы все более жесткого контроля, что позволило Шахту управлять ходом экономического восстановления Германии. Но оставляла ли эта административная система какое-либо поле деятельности для макроэкономических исследований, проводимых в 1920-е годы? Или же эти конъюнктурные исследования пали жертвой разделения Института конъюнктурных исследований и Статистического управления?

Разумеется, отставка Вагеманна и его сотрудников рано или поздно должна были привести к утрате вектора интеллектуальных исследований Статистического управления. Однако это стало очевидным лишь в конце 1930-х годов. Такие факторы, как захват власти нацистами и создание системы управления национальной экономикой, предполагавшей бóльшую степень государственного вмешательства, должны были стимулировать дальнейшее развитие макроэкономических исследований. Статистическое управление продолжало разрабатывать свою инновационную систему национального бухгалтерского учета. Ощущалась необходимость в создании соответствующего отдела в департаменте экономической статистики, возглавляемом Брамшtedтом, в результате чего стали появляться

⁵⁵ ВАР 31.02 3468 no. 1–20 и МА 1458 Fb 35/1 129, 130, 131.

заявки на расширение штата и увеличение количества счетных машин⁵⁶.

Особенно острой была потребность в подробном анализе двусторонних платежных балансов. Тем не менее Статистическое управление продолжало работу по составлению своих рядов данных об оценках национального дохода. Кроме того, чиновники Рейха по-прежнему воспринимали фискальную политику в терминологии макроэкономических исследований, которые впервые начали проводиться в 1920-е годы. Рейхсбанк традиционно использовал оценки национального дохода для подсчета объема средств, которые могли быть выделены на государственные займы. К 1930-м годам было накоплено достаточно данных для того, чтобы оценить масштабы восстановления германской экономики и провести сравнение с ситуацией в Великобритании, Франции и США. Цифры становились хорошим оружием пропаганды!⁵⁷

Однако в системе оценки национального дохода, разработанной Статистическим управлением Рейха, имелась своя ахиллесова пята — слишком сложная система обработки данных по государственному сектору. В отличие от США и Великобритании, Статистическое управление учитывало мельчайшие различия между разными формами государственных издержек. Так, например, издержки по доставке услуг конечным потребителям рассматривались как часть национального дохода. Из рассмотрения исключались те издержки, которые с точки зрения экономики в целом было бы правильнее называть производственными издержками. То, как использовалось это тонкое различие, зависело от доступа к подробным данным о бюджете. Поскольку бюджет Рейха был объявлен государственной тайной, Статистическому управлению в 1938 году пришлось прекратить публикацию своих данных⁵⁸.

⁵⁶ BAP 31.02 SRA 3578 no. 19, Abteilung VI to Abteilung I 27.1.1937.

⁵⁷ P. Jostock, *Die Berechnung des Volkseinkommens und ihr Erkenntniswert* (Berlin, 1941).

⁵⁸ Ferdinand Grünig, 'Die Anfänge der "Volkswirtschaftlichen Gesamtrechnung" in Deutschland', in *Beiträge zur empirischen Konjunkturforschung. Festschrift zum 25 jährigen Bestehen des DIW (IFK)* (Berlin, 1950), pp. 71–103.

Тем не менее до конца 1930-х годов ограничение информационного потока не создавало непреодолимых препятствий. В первые годы существования нацистского режима у сотрудников Брамштедта имелись более серьезные проблемы. Правительство Брюнинга исключило данные о германских фермерах из суммарного расчета подоходного налога. Теперь вместо того, чтобы выводить размер дохода сельскохозяйственного сектора из данных по его налогам, статистикам приходилось производить расчеты непосредственно на основе стоимости сельскохозяйственной продукции. Аналогичные изменения, сулившие еще более серьезные последствия, произошли в 1933 году после того, как был разработан план по проведению переписи промышленной продукции. Впервые Статистическое управление получило бы возможность непосредственно вычислять величину совокупной стоимости промышленной продукции, а не основываться на данных, полученных из ответов о размере подоходного налога.

Как мы уже могли видеть, именно производственная статистика была недостающим звеном в проводимых институтом исследованиях, связанных с расчетами кругооборота дохода, затрат и производства. Согласно системе национальных счетов Вагеманна, чистая стоимость продукции в промышленности равнялась размеру дохода, полученного в этом секторе. Это было подтверждено экспериментами, проводимыми в США в начале 1920-х годов⁵⁹. Основная проблема, с которой сталкивались статистики промышленности, состояла в том, чтобы избежать двойной бухгалтерии. Разделение труда в промышленности означало, что стоимость произведенных товаров на каждом определенном этапе производственного процесса в большой степени состояла из стоимости затрачиваемого сырья, предоставленного другими производителями. Таким образом, простое сложение объемов продаж каждой компании давало завышенную оценку общей стоимости производства. Стоимость шерсти включается в стоимость пряжи, в стоимость необработанной ткани, в стоимость окрашенной ткани и, нако-

⁵⁹ G. Alchon, *The Invisible Hand of Planning. Capitalism, Social Science and the State in the 1920s* (Princeton, 1985), pp. 59–63.

нец, в стоимость одежды, предназначенной для продажи потребителям.

В принципе, можно было бы попытаться ограничить расчет последним звеном этой цепочки, то есть компаниями, которые продавали «конечный продукт». Однако идентифицировать эти компании было практически невозможно. Промышленные переписи, проведенные впервые в США и в Великобритании, основывались на совершенно иной методологии. Они рассчитывали стоимость, добавляемую каждой компанией как разницу между стоимостью затрачиваемых ресурсов и стоимостью продукции. Самое простое решение этой проблемы было найдено в 1907 году, после проведения в Великобритании промышленных переписей⁶⁰. Компании попросили сообщить о стоимости произведенной ими продукции, а также об общей стоимости использованных материалов и размеров заработных плат. В результате была получена оценка только чистого промышленного выпуска. В США же компании попросили сообщить не только о стоимости, но и о физических характеристиках выпускаемой продукции. В этом случае результатом оказался всесторонний анализ промышленного разделения труда. Неудивительно, что именно эту модель д-р Вильгельм Ляйссе принял за основу проекта переписи, которую намечалось провести в Германии в конце 1920-х годов. Такой подход позволил бы экономистам Института конъюнктурных исследований проследить взаимосвязь между различными отраслями промышленности.

В 1930 году планируемая перепись была отменена. Упоминания о ней вновь появились в официальных бумагах лишь в 1932 году⁶¹. До сих пор остается загадкой, что заставило правительство вернуться к первоначальным планам. Отмена переписи в 1930 году не означала, что она вообще не будет проведена. Поэтому решение об осуществлении переписи в 1933 году просто отразило некоторое смягчение фискальной дисциплины. Что бы ни стояло за этим решением, идея о проведении

⁶⁰ *Final Report on the First Census of Production of the United Kingdom (1907)* (London, 1912).

⁶¹ ВАР 23.01 2230 no. 15 Reichsstädtebund В: RWM 1.11.1932.

переписи никак не могла быть инициативой гитлеровского правительства, поскольку окончательный проект Закона о переписи был распространен министерством экономики в конце января, за несколько дней до захвата власти нацистами⁶². Таким образом, промышленная перепись не была инициирована нацистами. Тем не менее Вильгельм Ляйссе был полон решимости максимально использовать результаты Национальной революции. Он быстро понял, какую потенциальную выгоду сулит созданный им статистический инструмент. Вскоре после того, как в 1934 году были разсланы опросники, Ляйссе написал докладную записку, в которой в общих чертах обрисовал будущее промышленной статистики. В документе, который был демонстративно назван «секретным», промышленная перепись изображалась как решение проблемы планирования перевооружения.

Ляйссе начал свою докладную записку словами, в которых выражалась его глубокая обеспокоенность сложившейся ситуацией:

В ходе Первой мировой войны имевшиеся статистические материалы оказались недостаточными для обеспечения непосредственных потребностей армии и внутреннего рынка. Этот негативный опыт ярко продемонстрировал важность своевременного всестороннего и технически полного статистического исследования германской промышленной экономики. Подобный статистический анализ также касается вопросов, которые являются жизненно необходимыми для национальной обороны⁶³.

К этому времени в правительственных кругах уже ни для кого не было секретом, что главной целью гитлеровской коалиции является перевооружение⁶⁴. Авторитарное правительство Брюнинга, Папена и Шляйхера к этому времени уже провели подготовительную работу, однако военная промышленность стала приоритетным направлением с подачи, в первую очередь, гитлеровских национал-социалистов. Сразу же после прихода

⁶² ВАР 23.01 2230 no. 16 RWM циркуляр от 26.1.1933.

⁶³ ВАР 31.02 2992 SRA, 'Geheimer Arbeitsplan für die Weiterführung der Industriestatistik' (1934), pp. 3–4.

⁶⁴ I. Kershaw, *Hitler 1889–1936: Hubris* (London, 1998), pp. 431–446.

к власти канцлер поручил военным экспертам, занимавшимся планированием, кардинальным образом пересмотреть разработанную ранее программу перевооружения в сторону увеличения. Учитывая опыт Первой мировой войны, предполагалось провести всестороннее перевооружение армии. Это, в свою очередь, означало перестройку как оборонной промышленности, так и вооруженных сил. Восстановление боевой мощи германской армии зависело от укрепления морального духа, а также от социально-политических и материальных факторов.

Всеобщая мобилизация, вызванная необходимостью ведения современных военных действий, стала главной дилеммой для кадровых военных. Каким образом военные могли сохранить контроль над процессом, который требовал изменений практически всех аспектов экономической и общественной жизни? В 1920-е годы многие офицеры рейхсвера были уверены, что это стало бы возможным не столько благодаря сокращению запросов высшего военного руководства, сколько вследствие агрессивного расширения сферы влияния военного командования. Проблема и пути ее решения были прямо сформулированы в меморандуме 1924 года: «Успех военных действий зависит от экономических возможностей вооружения. <...> Этот вопрос должен быть урегулирован главными военными органами»⁶⁵. «Мы не хотим и не позволим поставить нас в зависимость от „мнений экспертов“ [Fachkreise], которые всегда будут представлять проблемы в выгодном для себя свете»⁶⁶. В итоге в 1920-е годы офицеры рейхсвера начали серьезно интересоваться вопросами экономического планирования и экономической статистики⁶⁷.

В 1924 году был создан военно-экономический отдел, главная задача которого состояла в мониторинге и анализе стратегического положения Германии с экономической точки зрения.

⁶⁵ BAMA RH 8/v.1515 Waffenamt no. 62, Andreas Nr. 212, Denkschrift über die Notwendigkeit eines wirtschaftlichen Generalstabes 23.4.1925, p. 2.

⁶⁶ BAMA RH 8/v. 918, Waffenamt Heer 25.3.1925 Gedanken über die Notwendigkeit eines wirtschaftlichen Generalstabes, p. 4.

⁶⁷ E. W. Hansen, *Reichswehr und Industrie. Rüstungswirtschaftliche Zusammenarbeit und wirtschaftliche Mobilisierungsvorbereitungen 1923–1932* (Boppard, 1978).

Стремление военных получить серьезные экспертные оценки не ограничивалось лишь общими вопросами. Офицеры, которые отвечали за совершенствование вооружения армии, тешили себя надеждой, что повсеместно смогут получать самую полную информацию. Они планировали сделать не столько общий обзор экономики, сколько максимально детализированное описание промышленности Германии⁶⁸. Эти экономисты собирались создать каталог, в котором будут зафиксированы все промышленные предприятия Германии, а также описана их оснащенность оборудованием вплоть до каждого отдельного станка. В таком каталоге также должна была присутствовать информация о производительности предприятия в годы Первой мировой войны, о потребности в рабочей силе и в сырье. Поскольку для обработки информации должны были использоваться механические табуляторы, предполагалось, что это позволит военным осуществлять контроль над работой предприятия, вплоть до каждого отдельного рабочего места.

Менее значимую информацию рейхсвер мог бы получать из материалов программ по изучению экономики, не связанных с военными исследованиями, которые проводились в 1920-е годы. Военно-экономический отдел был создан как раз в то время, когда Вагеманн планировал приступить к реализации своего проекта конъюнктурных исследований⁶⁹. Однако если бы военные статистики начали делиться своей информацией с гражданскими государственными статистиками, то это подорвало бы весь смысл планирования рейхсвера, который состоял в том, чтобы восстановить контроль военных над процессом подготовки к войне. Именно поэтому статистики рейхсвера направили энергию на создание собственной статистической структуры. Однако, поскольку им приходилось проводить работу в условиях полной секретности, и притом без надлежащего финансирования, их усилия были обречены на провал.

В отличие от Вагеманна военным не удалось привлечь к своим разработкам достаточное количество союзников. Союз гер-

⁶⁸ ВАМА RH 8/v.1515 и 918.

⁶⁹ О совместных совещаниях гражданских и военных статистиков см.: ВАМА RH 8/v.1887, Waffenamts Heer и ВАМА RH 8/v.917, Waffenamts.

манской промышленности (RdI) и раньше не хотел оказывать серьезной поддержки военным. Небольшое количество промышленников принимали участие в работе «спорной» организации, которая для приличия была названа Статистическое общество, или Штега⁷⁰. Однако работа у них шла не так эффективно, как в институте Вагеманна — ими было создано не больше десятка статистических отчетов. Военный отдел приобрел табулятор Пауэрса. Но оказалось, что реальность до смешного расходится с их общими представлениями об экономике. Для работы с механизированной картотекой они смогли позволить себе нанять только одного опытного сотрудника, причем инвалида. Этот бедолага был не в состоянии справляться даже с малым количеством отчетов, созданных на основе совершенно недостаточной базы данных Штега⁷¹. Табулятор Пауэрса пылился без дела.

Захват власти нацистами открыл новые перспективы. Правительство теперь вплотную занималось перевооружением⁷². В конце лета Шахт заключил рамочное соглашение с военными, согласно которому на восьмилетний период им выделялось финансирование в сумме не менее 35 млрд рейхсмарок⁷³. В течение следующих месяцев 2800 заводов, с общим количеством рабочих в 750 000 человек, были переведены на производство вооружений (Rüstungsbetriebe, или Rü-Betriebe). На долю этих предприятий приходилось 15% общей стоимости промышленной продукции Германии⁷⁴. Под непосредственным контролем военных эти заводы должны были создать основу для перевооружения.

⁷⁰ О Штега и о ее проблемах см.: ВАМА RH 8/v.917 и RH 8/v.1516.

⁷¹ ВАМА RH 8/v. 898.

⁷² ВАМА RW 19/923 Reichswehrministerium, проект закона, от 26.4.1933, с рукописными комментариями.

⁷³ M. Geyer, *Aufrüstung oder Sicherheit. Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1924–1936* (Wiesbaden, 1980), pp. 348–349.

⁷⁴ Н.-Е. Volkman, 'Die NS-Wirtschaft in Vorbereitung des Krieges', in W. Deist, M. Messerschmidt, Н.-Е. Volkman и W. Wette, *Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges* (Frankfurt, 1989, 2nd edn.), p. 286. О сотрудничестве с промышленностью см.: ВАМА RW 19/923 Wa Wi I, 'Aktennotiz über die Besprechung mit RWM', 19.8.1933.

Для того чтобы определить необходимую мощность промышленности, министерство экономики провело с рейхсвером ряд совместных секретных заседаний, целью которых было не только удовлетворить требования военных, но несколько поумерить их пыл⁷⁵. Главной проблемой политической экономии Третьего рейха стало выяснение того, где должна проходить граница между военной и гражданской промышленностью⁷⁶. От этого зависело, какой будет политика режима. По мнению Шахта, никак нельзя было выходить за рамки плана по расходам, согласованного в 1933 году, поскольку это могло привести к утрате состояния общей экономической стабильности. Представители армии, люфтваффе и флота с этим мнением были не согласны. Еще большие запросы военные имели относительно национальных ресурсов. Но ни Гитлер, ни Геринг не делали ничего для того, чтобы поумерить их аппетиты⁷⁷. Этой борьбе, которая приняла более открытые формы после 1936 года, суждено было определить будущее Третьего рейха. Правда, в процессе собственно планирования эти серьезные политические проблемы усугублялись техническими трудностями. Так и не существовало никакого общего представления о германской промышленности, на основе которого можно было бы обозначить границу между гражданской и военной промышленностью. Требовалось произвести всестороннюю инвентаризацию германской промышленности.

Именно этой насущной политической проблемой и занялся Ляйссе. После 1934 года он старался регулярно проводить переписи промышленной продукции, усматривая в них идеальное средство для военно-экономического планирования. В процессе этих переписей он пересмотрел свои цели и задачи. Вместо того чтобы использовать результаты переписи для оценки чистой продукции и добавленной стоимости, Ляйссе сконцентрировал внимание на содержащихся в переписях подробных

⁷⁵ В. А. Carroll, *Design for Total War. Arms and Economics in the Third Reich* (The Hague, 1968), pp. 72, 78–79, а также: BAMA RW 19/923.

⁷⁶ G. Thomas, *Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918–1943/45)*, ed. W. Birkenfeld (Boppard, 1966).

⁷⁷ K. J. Müller, *The Army, Politics and Society in Germany, 1933–1945* (Manchester, 1987), а также: W. Deist, *The Wehrmacht and German Rearmament* (London, 1981).

данных о физическом процессе производства. В частности, он предложил использовать перепись в качестве инструмента для планирования расходов сырья. Эта навязчивая идея не давала покоя военным статистикам нацистской Германии еще со времен Первой мировой войны. Полностью игнорировались другие принципиально важные вопросы, такие как организация эффективных производственных процессов, подготовка квалифицированных рабочих, обеспечение производства энергией, проведение исследований и разработок. Вместо этого все внимание уделялось проблеме поставок сырья.

Разумеется, в переписи 1920-х годов обязательно включались вопросы для получения необходимой информации, связанной с планированием использования сырья. Опросники рассылались на все важнейшие промышленные предприятия Германии — в целом на 150 000 заводов. Компании сообщали о стоимости и количестве произведенных изделий, а также о потребленных видах сырья, полуфабрикатов, топлива и смазочных материалов. Более того, в переписях промышленной продукции требовалось использовать точные технические определения единиц продукции. Основой для таких переписей являлись общие переписи рабочих мест, а также промысловые переписи⁷⁸. Затем, в 1925 году, было принято компромиссное решение, согласно которому каждая физическая единица экономической деятельности стала считаться отдельным рабочим местом. На основе этого всеобщего подсчета Статистическое управление создало картотеку, в которую были внесены все рабочие места с более чем пятью работниками.

Именно эта четко определенная группа крупных промышленных предприятий и являлась главным объектом изучения детализированной промышленной переписи, разработанной Ляйссе. Промышленные объекты, зафиксированные в переписи, далее подразделялись на отдельные «технические промышленные единицы» (*technische Betriebseinheiten*)⁷⁹. Так, на-

⁷⁸ F. Burgdörfer, 'Die Volks-, Berufs- und Betriebszählung 1933', ASA, 23 (1933), pp. 145–171.

⁷⁹ E. von Roeder, 'Die industrielle Produktionsstatistik', в F. Burgdörfer (ed.), *Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand. Ehrengabe für Friedrich Zahn* (Berlin, 1940), 2, pp. 1018–1019.

пример, машиностроительный завод, который одновременно производил и металлорежущие станки, и текстильное оборудование, должен был представить отдельные отчеты по каждой производственной линии. Текстильная фабрика, на которой производились переработка хлопка-сырца в пряжу, изготовление из пряжи ткани, а затем окраска этой ткани, считалась тремя производственными единицами. По поводу каждой отдельной операции требовалось ответить на целый ряд вопросов. Таким образом, целиком раскрывалась вся информация о структуре руководства предприятия и его организации. Предоставляли данные об использовании сырья — вплоть до размеров поставок в каждый отдельный цех.

Разумеется, именно за эту территорию и боролись официальные германские статистики в течение первых десятилетий XX века. В ходе проведения переписей вильгельмовского периода была предпринята попытка разработать техническое определение производственной единицы, которое было бы универсальным для всех отраслей промышленности и торговли. Меерварт и другие реформаторы начала 1920-х годов критически относились к этой процедуре, считая ее устаревшей. По мнению Меерварта, основной единицей всех статистических исследований должен был стать экономический объект. Он полагал, что идея создания детализированного описания производственного процесса просто не соответствует сложной структуре капиталистической экономики. Такой подход означал бы возврат к периоду кустарного производства⁸⁰.

Результаты промышленной переписи 1933 года наглядно продемонстрировали, что Меерварт серьезно недооценивал возможности современной промышленной статистики. Конечно, перепись, проведенная Ляйссе, начиналась с того, что он исключил из рассмотрения ремесленные производства, которым уделяли такое большое внимание статистики вильгельмовского периода. Целью переписи было описание физического процесса производства главных отраслей германской промышленности. Естественно, это была исключительно сложная задача. Статистикам Ляйссе пришлось преодолеть массу технических

⁸⁰ См. главы 1 и 2.

и административных препон. Большое количество мелких компаний вели бухгалтерию таким образом, что не всегда могли ответить на вопросы статистиков. Более крупные компании, в которых имелись собственные бухгалтерские отделы, сталкивались с определенными проблемами при распределении накладных расходов между техническими единицами, выделенными в ходе переписи. Особенно много сложностей возникало с распределением затрат на заработную плату.

У сотрудников Ляйссе были свои проблемы: каким образом унифицировать тысячи произвольно составленных бухгалтерских отчетов? Меерварт оказался совершенно прав хотя бы в одном — один-единственный опросник не может быть в достаточной степени детализирован. Тогда было решено создать единую систему, включающую в себя сотни специализированных опросников. В каждом из этих опросников подробно оговаривались принципы, согласно которым то или иное предприятие должно было сообщать о своих производственных единицах, затрачиваемых материалах и рабочей силе. В этом отношении перепись перестала быть единым исследованием. Теперь она состояла из сотен отдельных обзоров. Таким образом, для ее обработки статистики должны были обладать новым уровнем знаний. Теперь уже было недостаточно просто обозначить общие задачи переписи и сформулировать четкие вопросы.

Производственная перепись начиналась с создания детализированной карты технической организации промышленности в Германии. По мере того как статистики накапливали опыт в работе с новой системой и в интерпретации неизбежно двусмысленных ответов, в эту карту вносились изменения⁸¹. Позднее Ляйссе пришлось признать, что в некотором смысле при проведении промышленной переписи требовались скорее технические, нежели статистические знания. Самым важным было знание той или иной отрасли промышленности изнутри, а не понимание общих правил статистической методологии. В течение трех лет сотрудники Ляйссе трудились над монументальной задачей — из отдельных детализированных сведений

⁸¹ См. переписку в: ВАР 31.02 6274.

о различных производствах создать общую картину германской промышленности.

Чтобы результаты этой работы были доступны военным и другим потенциальным «клиентам», Ляйссе и его команда должны были разработать новые способы презентации материала. Первым из таких способов было графическое изображение. На так называемом семейном древе фиксировались стадии, через которые проходили определенные виды сырья в процессе производства промежуточных или готовых продуктов⁸². Эти «семейные древа» можно было объединять посредством диаграмм, на которых было показано, каким образом то или иное производство использует сырье для получения готовой продукции. На каждом отдельном узле таких диаграмм изображалось количество полученных видов сырья, размер их расходования за данный период времени и объем выпуска, величина которого затем переносилась на следующий уровень диаграммы (рис. 7).

Другие важные данные, полученные в результате переписи, можно было обобщенно представить в виде числовых соотношений. Так, например, имелась возможность сравнить зависимость от импорта различных отраслей промышленности. Иногда такие сравнения давали неожиданные результаты. Для статистиков, которые видели будущее за автаркией, маргарин мог считаться понятной заменой сливочному маслу. Как представлялось, производство маргарина было вполне достаточным, чтобы обойтись без импорта масла, однако Германия импортировала его в большом количестве. Как выяснилось в ходе исследования, проведенного сотрудниками Ляйссе, маргарин на самом деле был для Германии троянским конем: 30 пфеннигов с каждой марки продаваемого маргарина шло на оплату импортируемых ингредиентов западным поставщикам. Совсем иной была ситуация с резиновой промышленностью. У людей, неискушенных в торговой политике, создавалось впечатление, что германская резиновая промышленность является чем-то вроде опасной трубы, через которую из Германии утекает иностранная валюта. Ведь в конечном счете эта отрасль промышленности полностью

⁸² См., например: MA 1458 35/276.

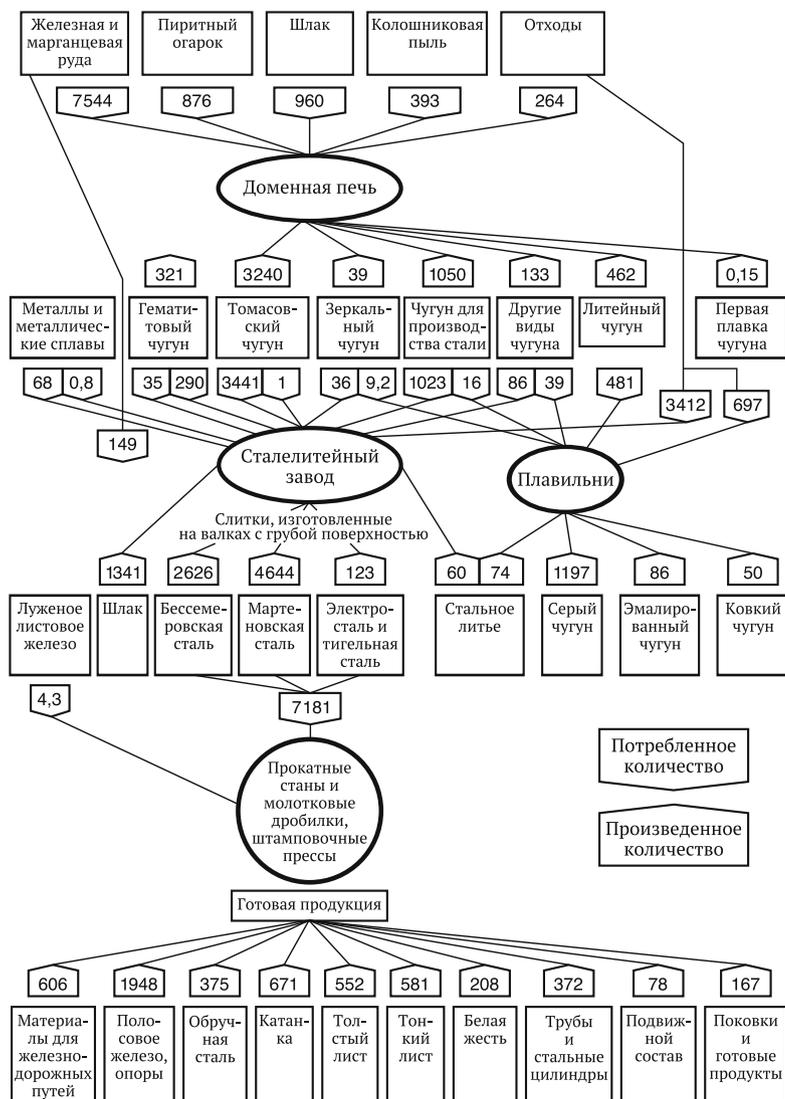

Рис. 7. «Семейное древо» производства железа и стали, в тыс. тонн., 1933

Источник: ВАР 31.02.

зависела от импортированного сырья. Статистики Ляйссе продемонстрировали, что резиновая промышленность, наоборот, обеспечивала существенные поступления иностранной валюты. Добавленная стоимость, которую получали германские экспортеры резиновой продукции, намного превышала затраты на импортное сырье⁸³.

Другой важной задачей переписи было выявление региональной структуры германской промышленности. Статистикам удалось вывести показатели уязвимости германской экономики в ситуации нападения вражеских государств. На ранних этапах процесса перевооружения германские военные уделяли большое внимание разработке сценария оборонительных сражений на территории Германии⁸⁴. Для того чтобы рассмотреть ситуацию потенциального вторжения противника на территорию Германии, страна была разделена на две зоны: зона эвакуации А, в которую входило большинство главных промышленных районов западного Рейна и некоторые восточные территории, и зона Б — центральная зона, которая в случае военных действий могла бы стать промышленной базой обороны страны. По результатам переписи можно было судить о степени уязвимости Германии. Когда Третий рейх начинал процесс перевооружения, 87% прокатных станов Германии находились на западе, в зоне возможного нападения. На западе располагалось 50% оборудования для переработки глицерина во взрывчатку. В регионах, которые отводились для эвакуации, было размещено 64% заводов, производивших целлюлозу — основной продукт для изготовления как нитроцеллюлозы, так и для балластных мешков. Еще хуже было то, что две трети заводов, производивших грузовики, располагалось в уязвимых районах. Единственным утешением служил тот факт, что скудные нефтяные запасы Германии полностью находились в безопасных районах⁸⁵.

⁸³ ВАР 31.02 2999 Leisse, 'Wehrwirtschaftliche Ergebnisse' (Februar 1936), pp. 28–30.

⁸⁴ Geyer, *Aufrüstung oder Sicherheit*, pp. 363–385.

⁸⁵ ВАР 31.02 2999 Leisse, 'Wehrwirtschaftliche Ergebnisse' (Februar 1936), pp. 12–17.

И, наконец, Ляйссе пообещал военным осуществить их мечту о доступе к информации любого рода. Промышленная перепись проводилась с целью получения базы данных о крупнейших промышленных предприятиях Германии. В результате были получены жизненно важные статистические данные обо всех 150 000 предприятиях. Ранее, при проведении обычной переписи, после того как были подсчитаны агрегированные данные, отдельные индивидуальные ответы выбрасывались за ненадобностью. Разумеется, респонденты получали заверения в полной анонимности и конфиденциальности. Статистические ответы сохранялись исключительно для целей статистики. Однако в 1933 году такие меры предосторожности уже не принимались. Ляйссе передал «фабричную картотеку» (Fabrikkartei) в распоряжение военных⁸⁶. База данных состояла из карточек с информацией о количестве рабочих мест на каждом отдельном промышленном предприятии, о возрастной структуре рабочих, о типе и объеме производимой продукции, об общей мощности, потреблении сырья и сырьевых запасах в 1933 году. «Фабричная картотека» имела классификаторы по отраслям промышленности, а внутри каждой отрасли — по военно-экономическому району (Wehrwirtschaftsbezirk). Поэтому теоретически имелась возможность проследить, какой именно объем промышленных мощностей будет потерян в ходе эвакуации из той или иной области. По этой картотеке также можно было выяснить, насколько сильно мобилизация ударит по отдельным предприятиям.

Безусловно, промышленная перепись 1933 года создала весьма перспективный инструмент планирования. Однако в первоначальной версии ее результаты оказались очень громоздкими. Обработка десятков тысяч объемных опросников производилась в основном вручную. На это ушло больше года. Первые результаты промышленной переписи 1933 года стали доступными лишь в 1935 году. За этот период вследствие ускорения темпов восстановления экономики и начала перевооружения армии произошли изменения в ключевых элементах германской промышленности. Данные, полученные в 1933 году, теперь

⁸⁶ ВАР 31.01 8659 no. 160, RWM Budget 1934, E5, tit. 6.

представляли, возможно, лишь исторический интерес. Чтобы данные не перестали быть актуальными, статистические обзоры должны проводиться с определенной регулярностью. Неторопливый ритм XIX века, когда переписи проводились раз в десять лет, больше не соответствовал целям нацистского режима в области экономического планирования. Ляйссе предполагал, что такие мероприятия должны осуществляться раз в три года⁸⁷. Подготовительные работы к проведению второй переписи завершились в феврале 1936 года⁸⁸. Табуляторы Холлерита должны были помочь ускорить процесс. Изначально планировалось, что результаты исследования 1936 года будут обрабатываться механически. Были составлены новые опросники, и для того, чтобы ускорить подсчет, был упрощен процесс кодировки ответов. Ожидалось, что основные результаты будут готовы в течение нескольких месяцев⁸⁹. Более того, переписи, которые должны были проводиться раз в три года, предполагалось дополнить стандартной системой ежегодных опросов в ряде ключевых отраслей. Не планировалось, что эти обзоры будут исследовать прямые и обратные связи всех отраслей промышленности, но они могли позволить экстраполировать наиболее важные результаты переписи на промежуточные годы.

IV

Конечно, переориентирование переписи, с подачи Ляйссе, на планирование производства и использования сырья не означало отказа от выяснения других вопросов. Помимо составления балансов сырья, статистики промышленности под руководством Ляйссе, взяв за основу результаты переписи 1936 года, должны были опубликовать полную информацию

⁸⁷ BAP 31.02 2992 SRA, 'Geheimer Arbeitsplan für die Weiterführung der Industriestatistik' (1934).

⁸⁸ BAP 31.02 2993, Präs. SRA в RWM 6.2.1936, 'Grundzüge des Gesamtplans der kommenden Generalerhebung für 1936'.

⁸⁹ BAP 31.02 3037 SRA, 'Gutachten über die Eignung des Lochkartenverfahrens für die Aufbereitung der Industriellen Produktionsstatistik', p. 36.

о добавленной стоимости в промышленности, по всем отраслям⁹⁰. Однако, как оказалось, потенциал переписи был гораздо более эффективно использован сотрудниками Статистического управления, возглавляемого Паулем Брамштедом⁹¹. Как мы уже видели, перепись в Германии проводилась по образцу американской переписи и компании должны были предоставлять информацию о своих затратах сырья с указанием различных источников снабжения. Промышленные статистики Ляйссе использовали эти данные для того, чтобы составить представление о физическом процессе производства. Однако эта информация могла использоваться и для отслеживания экономических взаимосвязей между отдельными секторами промышленности, а также между промышленностью в целом и остальной экономикой. Получив такие сведения, можно было заняться изучением изменений, происходящих в выпуске всей промышленности в результате воздействия импульсов, которые зарождались в той или иной отрасли промышленности, а затем распространялись на остальные отрасли благодаря наличию прямых и обратных связей. Как было показано ранее, такой подход к анализу бизнес-циклов в самом общем виде был описан при анализе межотраслевых связей, предложенном Вагеманном в работе *Konjunkturlehre*⁹². Вряд ли можно сомневаться в том, что перепись 1933 года планировалась с учетом возможности такого анализа.

Это, скорее всего, удивило бы англичан и американцев. В послевоенной экономической науке такой дезагрегированный подход к экономическому анализу прочно ассоциировался с именем Василия Леонтьева, награжденного Нобелевской премией за свой знаменитый анализ «затраты—выпуск»⁹³. Первые результаты исследований Леонтьева были опубликованы

⁹⁰ Reichsamt für wehrwirtschaftliche Planung, *Die Deutsche Industrie. Gesamtergebnisse der Amtlichen Produktionsstatistik* (Berlin, 1939).

⁹¹ ВАР 31.02 2476 no. 259, SRA/VI/Referat Volkseinkommen to Bramstedt 27.8.1934.

⁹² 'Der wirtschaftliche Kreislauf (Statik)', в E. Wagemann, *Konjunkturlehre. Eine Grundlegung zur Lehre vom Rhythmus der Wirtschaft* (Berlin, 1928), pp. 25–43.

⁹³ 'Input-Output' and 'Leontief', в J. Eatwell, M. Milgate and P. Newman (eds.), *The New Palgrave Dictionary of Economics*, 2 и 3 (London, 1987).

в его основополагающей статье о количественных соотношениях затрат и выпуска в экономике США, которая появилась в августе 1936 года в журнале *The Review of Economic Statistics*, издаваемом Гарвардским комитетом экономических исследований⁹⁴. В этой статье Леонтьев воспользовался результатами промышленной переписи, проведенной в США в 1919 году, и на их основе разработал матрицу, в которой были показаны взаимосвязи между сорока отраслями промышленности США. В каждой строке этой матрицы были приведены величины закупок одной определенной отрасли промышленности у всех других отраслей, а в колонках — распределение выпуска той или иной отрасли промышленности.

В англо-американской литературе традиционно считается, что работа Леонтьева восходит к первому анализу экономических взаимосвязей, осуществленному французским экономистом XVIII века Франсуа Кенэ. Кенэ был первым, кто в форме таблицы описал потоки платежей между различными отраслями промышленности. В 1950-е годы с помощью обратного преобразования данных было продемонстрировано, что физиократическую таблицу Кенэ вполне можно трансформировать в современную матрицу «затраты—выпуск»⁹⁵. Однако такие умозаключения, в ходе которого выводы Леонтьева напрямую увязываются с достижениями экономической науки эпохи Просвещения, затемняют непосредственный интеллектуальный контекст леонтьевских работ. Революционная таблица «затраты—выпуск», разработанная Леонтьевым, на самом деле может считаться дальнейшим развитием идей экономической статистики 1920-х годов. Разумеется, это не означает, что отсылка к Кенэ совсем неуместна. Как мы уже видели, в первые десятилетия XX века его работы вновь привлекли к себе внимание экономистов.

Свою статью, опубликованную в *Review*, Леонтьев начинает с обсуждения теории Кенэ. Но далее он рассматривает ана-

⁹⁴ W. Leontief, 'Quantitative Input and Output Relations in the Economic System of the United States', *The Review of Economic Statistics* 18 (1936), pp. 105–125.

⁹⁵ R. L. Meek, *The Economics of Physiocracy* (London, 1962), pp. 265–296.

лиз «затраты—выпуск» в контексте современных концепций национального учета. Концепция чистой продукции хорошо подошла для построения показателя национального благосостояния. Однако сокращение каждого этапа технологического процесса до производства «добавочной стоимости» заслоняло те вопросы, которые на самом деле интересовали экономистов. При таком подходе из поля зрения исчезало понятие разделения труда, которое является ключевым для понимания бизнес-цикла. Незамеченным в 1930-е годы оказался еще один факт, а именно то, насколько огромное интеллектуальное воздействие оказали леонтьевские эксперименты по анализу «затраты—выпуск». Фактически его интерес к проблеме создания дезагрегированной системы национального учета проявился в середине 1920-х годов. Еще до того, как Леонтьев покинул Россию, он опубликовал краткий критический обзор, посвященный анализу национальных экономических балансов, которые были подготовлены Центральным статистическим управлением СССР⁹⁶. В этой работе, выполненной под влиянием Марксовой теории схем воспроизводства, был представлен самый первый вариант таблицы «затраты—выпуск». Сами же схемы воспроизводства Маркса корнями уходят в теорию Кенэ⁹⁷. Эти связи были хорошо прослежены в советской экономической литературе 1920-х годов.

Леонтьев продолжил работу в этом направлении во время пребывания в Веймарской республике. По пути в США он некоторое время прожил в Берлине и в Киле. В Германии Леонтьев опубликовал ряд обзоров, посвященных анализу осуществляемых в то время в СССР разработок в области экономических балансов отдельных отраслей промышленности⁹⁸. В своей статье 1928 года, опубликованной в журнале *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, он описал простую алгебраическую модель производства как взаимосвязанной системы разделения

⁹⁶ N. Spulber (ed.), *Foundations of Soviet Strategy for Economic Growth. Selected Soviet Essays, 1924–1930* (Bloomington, 1964), pp. 88–94.

⁹⁷ См. статью П. И. Попова в: Spulber, *Foundations*, pp. 5–19.

⁹⁸ W. Leontief, 'Vom Staatsbudget zum einheitlichen Finanzplan. Sowjetrusische Finanzprobleme', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 33 (1931), pp. 231–260.

труда⁹⁹. Важно отметить, что Леонтьев всячески старался представить эту работу не как совершенно оригинальное открытие, являющееся прорывом в науке, а как вклад в общий труд экономистов Веймарской республики: анализ экономики как кругооборота (Kreislauf) производства и воспроизводства. Эта концепция была так же стара, как и таблица Кенэ, но в Германии межвоенного периода она заняла центральные позиции в экономической теории.

В свете этой генеалогии уже не вызовет удивления тот факт, что в нацистской Германии работы Леонтьева привлекли огромное внимание. Сотрудники отдела Статистического управления, руководимого Брамштедтом, с большим интересом ознакомились со статьей Леонтьева, опубликованной в Гарварде. В их документах сохранилась библиографическая справка, в которой статья Леонтьева была представлена как стандартный образец и модель для собственных исследований Статистического управления¹⁰⁰. На самом деле в Германии уже предпринимались попытки реализовать на практике идеи многоотраслевого макроэкономического анализа. На основе данных, представленных институтом Вагеманна, инженер-экономист Фердинанд Грюниг, отличавшийся нестандартными взглядами, разработал простую эмпирическую модель германской экономики. В этой модели он проанализировал мультипликационный характер процесса, приведшего к Великой депрессии¹⁰¹. В 1933 году Грюниг был приглашен на работу сначала в штат сотрудников Рудольфа Гесса, заместителя фюрера, а затем в Экономическую палату Рейха, возглавляемую Фердинандом Питтшем¹⁰². Там он занимался созданием многоотраслевого баланса экономики Германии, который широко распространялся в официальных и партийных кругах.

⁹⁹ W. Leontief, 'Die Wirtschaft als Kreislauf', *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* 60 (1928), pp. 577–623.

¹⁰⁰ ВАР 31.02 SRA 2705 no. 56 SRA/VI, рабочая записка, 1935/6.

¹⁰¹ Grünig, *Der Wirtschaftskreislauf* (Munich, 1933).

¹⁰² A. Pietzsch and F. Grünig, 'Grundlagen der Wirtschaftslenkung', in *Grundlagen, Aufbau und Wirtschaftsordnung des nationalsozialistischen Staates*, 3 (Berlin, 1936), Beitrag 45.

С отчетами Грюнига были обязаны знакомиться все сотрудники Статистического управления¹⁰³. К началу осени 1935 года официальные статистики Рейха начали проводить собственные эксперименты в этом направлении. Под руководством Брамштедта экономисты приступили к дезагрегации своих оценок национального дохода¹⁰⁴. К сентябрю 1935 года представление о предстоящем проекте было уже достаточно полным, и это позволило Брамштедту объявить о нем на ежегодном заседании Общества германских статистиков, состоявшемся в Кенигсберге¹⁰⁵. В это же время департамент Брамштедта выступил с предложением о сотрудничестве со статистиками промышленности¹⁰⁶. Предполагалось, что они воспользуются отвергнутыми ранее опросниками для промышленной переписи Ляйссе, и на их основе рассчитают матрицу «затраты—выпуск». В качестве иллюстрации был подготовлен отраслевой отчет для автомобильной промышленности (рис. 8).

В матрицу были сведены данные о продажах продукции автомобильной промышленности, а также о платежах всем другим отраслям промышленности и о деньгах, поступивших от них в автомобильную промышленность. Данные переписи 1933 года были объединены с данными, полученными в результате анализа корпоративных бухгалтерских балансов, которые были составлены Статистическим управлением. В результате была создана статистическая картина, которая по качеству намного превосходила семейные древа, создаваемые статистиками промышленности для описания экономики в целом. В этом отношении планирование, произведенное сотрудниками Статистического управления, было гораздо более детализированным, чем предлагалось в статье Леонтьева 1936 года. Леонтьев

¹⁰³ О том, какое влияние оказал Грюниг на статистическую науку во Франции в 1930-е и 1940-е гг. см.: F. Fourquet, *Les comptes de la puissance. Histoire de la comptabilité nationale et du plan* (Paris, 1980), pp. 392–394.

¹⁰⁴ ВАР 31.02 2705 no. 29–32, проект доклада 'Die volkswirtschaftliche Umsatzrechnung'.

¹⁰⁵ P. Bramstedt, 'Gefüge und Entwicklung der Volkswirtschaft', ASA, 25 (1936/1937), pp. 377–404.

¹⁰⁶ Об этом см.: ВАР 31.02 2705 no. 29–32 SRA, 'Die volkswirtschaftliche Umsatzrechnung' (проект доклада).

СТАТИСТИКА И ГЕРМАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО, 1900-1945

Отчет о доходах и расходах (Umsatzrechnung) в автомобильной промышленности, Германия, 1933 (млн рейхсмарок)

Виды расходов и доходов	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.	16.	17.
I. Платежи																	
1. Заработные платы																	
Рабочие																	
Менеджмент																	
Прочие работники																	
2. Сырье и иные необходимые материалы																	
Для производителей				14	3	121	85	25	5	16	9			5	14	19	
Коммерческая наценка																	
Перевозка грузов																	
Пошлины																	
Собственное потребление								9									
3. Другие текущие расходы																	
Налог с оборота																	
Другие налоги																	
Социальное страхование																	
Добровольные взносы																	
Помощь в зимний период																	
Политические пожертвования																	
Организационные расходы																	
Страховые выплаты																	
Почтовые и транспортные расходы																	
Аренда салонов продаж																	
Реклама													4				
Оплата юридических услуг																	
Оплата иных государственных услуг																	
Лицензии																	
Чистые процентные платежи																	
Банковские комиссии																	
4. Инвестиции						5	8	1									
5. Распределение доходов																	
Дивиденды																	
Вознаграждение членам наблюдательного совета																	
Выручка независимых предпринимателей																	
6. Новые платежи по кредитам и долгам																	
Погашение облигаций																	
Погашение ипотек																	
Погашение долгосрочных кредитов																	
Покупка акций																	
Краткосрочные кредиты выдачи/погашения																	
Итого платежей				14	3	124	100	26	5	16	9			4	5	14	19
II. Доходы																	
Доход от продажи продукции	26	10	4	12	11	9	63	4	0	6	4	2	5	2	0	5	0
Собственное потребление						9											
Доходы от лицензирования																	
Продажа налоговых вычетов																	
Увеличение капитала																	
Продажа активов																	
Итого доходов	26	10	4	12	11	9	72	4	0	6	4	2	5	2	0	5	0
Чистый доход/убыток	26	10	4	-2	8	-115	-28	-22	-5	-10	-5	2	1	-3	-14	-14	0
1. Сельское хозяйство																	
2. Лесное хозяйство																	
3. Рыболовное хозяйство																	
4. Горная промышленность, черная металлургия, производство стали																	
5. Разработка полезных ископаемых																	
6. Производство металлических изделий																	
7. Машиностроение, включая автомобилестроение																	
8. Электротехника																	
9. Точная механика и оптика																	
10. Химическая промышленность																	
11. Текстильная промышленность																	
12. Бумажная промышленность																	
13. Книгопечатная промышленность																	
14. Кожевенная промышленность и производство линолеума																	
15. Производство резины и асбеста																	
16. Деревообрабатывающая промышленность и игрушки																	
17. Производство музыкальных инструментов																	
18. Пищевая промышленность																	
19. Производство одежды																	
20. Строительство																	
21. Водоснабжение, электроснабжение и газоснабжение																	
22. Оптовая продажа																	

5. СТАТИСТИКА И «СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО», 1933–1936

Статистическое управление Рейха, департамент VI, 1936

	18.	19.	20.	21.	22.	23.	24.	25.	26.	27.	28.	29.	30.	31.	32.	33.	34.	35.	36.	37.	38.	39.
																						0
																						0
																147						147
																19						19
																58						58
																						0
			5																		6	323
			18																			18
						32																32
								1														1
																						9
																						0
											14											14
											21											21
												18										18
														2	1	1						4
											1											1
											2											2
													2									2
						8																8
							8															8
											2											2
						8									1							15
											1				1							2
											1											1
																					1	1
																						4
																						2
			8				2															20
																						0
																						4
																						1
																						8
																						0
																						2
																						1
																						5
																						2
																						34
																						54
																						785
																						0
																						9
																						0
																						8
																						3
																						2
																						85
																						785
																						0
																						0

Рис. 8. Соотношения затраты—выпуск в автомобильной промышленности, 1933
 Источник: Bundesarchiv R 3102 2580.

сгруппировал все непромышленные и несельскохозяйственные показатели в одну остаточную категорию, а статистики Рейха предложили полную раскладку платежей, включая правительственные, банковские, страховые платежи, а также платежи в пользу нацистской партии и других ведомств. Кроме того, Статистическое управление разделило различные типы платежей. Департамент надеялся, что сможет завершить эту подготовительную работу к концу 1936 года, а затем перейдет к обработке более свежих данных¹⁰⁷. Однако эти ожидания были чересчур оптимистичными.

Для обоснования этого проекта департамент Брамштедта представил следующие аргументы. Прежде всего, созданная таблица «затраты—выпуск» явилась интеллектуальным расширением конъюнктурного анализа (*Konjunkturforschung*), что позволило проследить поток транзакций по всем секторам экономики. Разумеется, таблица за 1933 год давала только статическую картину. Однако если бы она была расширена за счет данных каждого последующего года, то тогда действительно можно было бы осуществить динамичный анализ как экономического развития в целом, так и происходивших изменений. Важность данного проекта для экономической политики команда Брамштедта не смогла обосновать с такой же четкостью. Ляйссе быстро осознал, что потенциальными заказчиками результатов его исследований станут военные. Разработчики же анализа «затраты—выпуск» полагали, что их работа имела более широкую направленность. Они были уверены, что, когда экономическая администрация Рейха полностью заберет в свои руки управление экономикой, таблицы затрат—выпуска станут для нее бесценным инструментом.

Учитывая специфический характер экономического восстановления нацистской Германии, главной движущей силой которого были государственные расходы на строительство и перевооружение, те, кто осуществлял экономическую политику, не могли не задумываться о структурных изменениях. Им необходимо было знать, каким образом расширение одной отрасли промышленности, происходящее благодаря крупным инвести-

¹⁰⁷ BAP 31.02 SRA 2705 no. 38–48, SRA/VI директору Dr Leisse SRA/VII 6.2.1936.

ционными проектам, скажется на всей экономике, а также какие изменения произойдут в размерах заработных плат и расходовемых материалов, в величинах инвестиций, процентов и дивидендов. Не менее важно было знать, какое влияние окажут изменения налогов и государственных расходов на различные отрасли промышленности. Кроме того, необходимо было определить, какое воздействие на ключевые отрасли окажут ограничения на использование иностранной валюты, а также новая двусторонняя торговая политика. Каким образом рационализация повлияла на доходы различных групп?¹⁰⁸ Безусловно, кейс машиностроительной промышленности был выбран потому, что с большой вероятностью он мог бы понравиться нацистскому руководству, маниакально увлекавшемуся моторизацией. Конечно, вполне можно было бы ожидать, что такая схема заинтересует министерство экономики и Рейхсбанк, однако в документах департамента Брамшtedта никаких упоминаний об этом не сохранилось.

Появление проекта таблицы «затраты—выпуск» потенциально могло иметь самые серьезные последствия. Статистики Рейха пытались найти хотя бы самое общее научное обоснование для рудиментарной системы центрального планирования. Разумеется, таблица «затраты—выпуск» не могла решить проблемы определения структуры производства. Сформулировать цели и задачи экономического развития, а также обозначить их приоритетность должно было политическое руководство страны. Однако после того, как это было бы сделано, с помощью таблицы «затраты—выпуск» можно было бы разработать так называемые сбалансированные планы, то есть планы, в которых были бы скоординированы и согласованы производственные программы различных отраслей экономики¹⁰⁹.

Если воспользоваться языком математики, то таблица «затраты—выпуск» описывала экономику в виде матрицы. Для того чтобы выяснить, какие объемы производства продук-

¹⁰⁸ ВАР 31.02 2705 no. 33–37, SRA/Abt VI в SRA Präs. сентябрь 1935 (черновик, не отослан).

¹⁰⁹ Обсуждение технических экономических вопросов см. в: J. Bennett, *The Economic Theory of Central Planning* (Oxford, 1989), pp. 38–65.

ции необходимы для обеспечения заданного объема конечного продукта, нужно было вычислить матрицу, являющуюся обратной к исходной матрице затрат—выпуска. В принципе, для этого требовались стандартные математические операции. Однако до появления компьютеров реальный расчет обратной матрицы даже для маленькой матрицы, состоящей, например, из 38 строк и столбцов, был подвигом, достойным Геркулеса. К счастью, для потенциальных составителей плана приближенный математический расчет мог бы быть осуществлен с меньшими трудовыми затратами. Итерационная процедура позволяет получить хорошую аппроксимацию точных расчетов¹¹⁰. Этот процесс начинался с определения целей и задач, поставленных политическим руководством. Используя таблицу «затраты—выпуск», исследователи могли бы рассчитать первоначальные объемы продукции, необходимые для производства заданных величин конечных продуктов. Во время второй итерации можно было бы вычислить, сколько продукции необходимо для получения этой первоначальной продукции, и так далее, пока рассчитываемые изменения не станут пренебрежимо малыми. После разумного количества итераций результат будет соответствовать целям.

В 1930-х годах такую процедуру так и не опробовали. Несмотря на то что в научных и политических кругах велись бесконечные дискуссии о преимуществах и недостатках централизованного планирования, такой систематический контроль не осуществлялся ни в одной экономике. Однако в 1935 году в нацистской Германии кардинальное решение такой технико-экономической задачи казалось вполне реалистичным. Чтобы ускорить этот процесс, департамент Брамштедта подал заявку на выделение дополнительных фондов для оплаты работы молодых экономистов и канцелярских работников, а также для закупки вычислительных машин¹¹¹. Кроме того, экономис-

¹¹⁰ Различные варианты расчетов, проводившихся на практике, обсуждаются в статье: J. M. Montias, 'Planning with Material Balances in Soviet-Type Economies', в книге: A. Nove and D. M. Nuti (eds.), *Socialist Economics* (Harmondsworth, 1972), pp. 223–251.

¹¹¹ ВАР 31.02 SRA 2475 no. 376, SRA/VI — бюджетная заявка на 1937 год (ноябрь 1936).

ты департамента выступили с еще более важным требованием — получить доступ к любым необходимым для их расчетов статистическим данным. Они жаловались на то, что их работе мешает ужесточение требований по соблюдению секретности, а также нежелание других ведомств предоставлять данные Статистическому управлению. В частности, трудно было получить данные о государственных расходах. Бюджет Рейха к этому времени стал тайной за семью печатями, поэтому возникало ощущение, что даже те данные, которые предназначались для внутреннего использования, не были полными. Недовольство статистиков, таким образом, было связано с организационными проблемами. К середине 1930-х годов это начало серьезно беспокоить руководство Статистического управления.

V

Конечно, проблема организации статистически не была новой. Как мы уже видели, еще с начала XX века для Германии открытым оставался вопрос об адекватной организационной структуре статистических органов. До первой мировой войны велись дебаты о степени независимости германских земель от Рейха. В результате стремительного расширения административных структур Рейха в 1920-х годах управленческим структурам земель была отведена второстепенная роль. Унификация, происходившая в Пруссии, лишь способствовала завершению этого процесса. Однако в ходе централизации возникали новые вопросы. Кто должен определять границы полномочий Рейха для получения экономической информации? Нужно ли официально ограничивать право государства вмешиваться в дела частных граждан? Или же этот вопрос сам собой разрешится в борьбе между предпринимателями и государственными статистиками? Дело ли статистиков решать, какая информация нужна государству?

Комиссия Дернабурга выразила свою обеспокоенность тем, что развитие статистики теперь определяют не нужды государства, а амбиции ученых-экономистов. Казалось, что отставка Вагеманна и отделение Института конъюнктурных исследований от Статистического управления будут способствовать

возврату к большему административному контролю и ограничениям. Естественно, в 1933 и 1934 годах расходы на Статистическое управление увеличивались не так быстро. Однако после недолгого перерыва вновь последовал рост административных структур. Расходы на заработные платы сотрудников увеличивались параллельно с расширением тематики исследований, проводимых Статистическим управлением. Вновь приобретенное влияние Статистического управления было только частью проблемы.

После 1933 года германский бизнес буквально подвергся атаке со стороны официальных и неофициальных лиц и организаций, партийных и непартийных ведомств. Все они, стремясь занять какое-то место в определении экономической политики страны, требовали от предпринимателей предоставления статистических данных. В получении информации больше всего были заинтересованы руководители военно-экономических структур, Германский трудовой фронт (DAF); экономические структуры региональных организаций нацистской партии; руководители горнодобывающей промышленности; уполномоченный Гитлера по вопросам сырья Кепплер; Кормильцы общества Рейха (Reichsnährstand) — организация, полномочия которой распространялись и на сельское хозяйство, и на пищевую промышленность; картели, в которые обязали вступить большую часть отраслевых промышленников, производящих потребительские товары; а также управление уполномоченного по ценам. Кроме этих государственных ведомств, запросы направляли и их региональные и отраслевые подразделения, причем в значительно большем объеме. Если в 1920-е годы процесс централизации привел к появлению бюрократического монстра, то теперь появилась реальная угроза того, что в статистической системе начнется хаос децентрализации.

Такая дезорганизация процесса сбора данных не могла не вызывать серьезного беспокойства у статистиков Рейха. Более того, она создавала нетерпимую ситуацию для германского бизнеса. Руководители компаний были буквально завалены опросниками. Особенно тяжело приходилось предпринимателям из сферы малого бизнеса, которые жаловались на непрекращающийся бюрократический беспредел. Статистики

в очередной раз столкнулись с волной недовольства со стороны бизнеса. В Веймарской республике германским бизнесменам ничто не могло помешать дать отпор слишком назойливым правительственным опросам. В условиях более жесткого политического режима Третьего рейха их нежелание участвовать в опросах уже не могло быть оправдано правом «на приватность». Вместо этого предприниматели стали прибегать к риторике нацистов. Они жаловались на засилье бюрократии. Статистическая бумажная работа отвлекала их от главной миссии — быть лидерами германской экономики¹¹². Бестолковым и не всегда уместным рутинным мероприятиям, проводимым государственными служащими, они противопоставляли национал-социалистическую добродетель — стремление к лидерству.

Такая риторическая оппозиция не сулила ничего хорошего для будущего статистики в Третьем рейхе. Растущее недовольство со стороны бизнеса создавало серьезные проблемы и внутри самого Статистического управления. Официальную статистику совершенно незаслуженно обвиняли в неуправляемой активности полуофициальных или неофициальных организаций. Проводилось множество несанкционированных статистических исследований, и это могло спровоцировать отказ от участия в законных опросах, организуемых самим Статистическим управлением. Больше всего опасений вызывали требования, выдвигаемые военными, которые настаивали на том, чтобы производители вооружения были защищены от статистического произвола¹¹³. Нужно было срочно что-то делать! Под вопросом стояла легитимность всего статистического аппарата.

Для руководителей Статистического управления решение было очевидным: передать все статистические исследования под контроль государственных статистиков. Это могло бы восстановить авторитет государственной власти, укрепить традиционно существовавшие прерогативы германской государственной статистики, а также обеспечить профессиональный

¹¹² MA 1458 RWM Fb 35/82 no. 6, IHK Stettin в DIHT 12.12.1934 и MA 1458 RWM Fb 35/82 no. 8, DIHT в SRA 17.12.1934.

¹¹³ BAMA RW 19/923, 'Geheime Abschrift des W Wi, Wa Aktenvermerk betr. stat. Veröffentlichungen, Vorbesprechung beim RWM' 1.11.1934.

контроль, который должен осуществляться компетентным ведомством. Статистическое управление исключит дублирование в проведении опросов, сократит слишком подробно изложенные вопросы и проследит за тем, чтобы организовывались только абсолютно необходимые исследования. Со временем из массы разрозненных данных управление создаст стройную информационную систему. А пока Статистическое управление должно взять под контроль огромные объемы данных, что могло бы сделать более реальной общую для статистиков Рейха мечту о полной информированности.

В апреле 1935 года Статистическое управление, возглавляемое Рейхардтом, совместно с министерством экономики подготовило проект закона о статистике, в котором нашел отражение этот амбициозный план¹¹⁴. Все организации и ведомства, которые хотели проводить статистические опросы, должны были теперь получать разрешение Статистического управления. С точки зрения этого закона в определении «статистики» учитывались все аспекты статистической деятельности¹¹⁵. Статистическое управление будет иметь полномочия запретить проведение исследования в том случае, если «предложенный статистический опрос угрожает жизненным интересам опрашиваемых, либо если опрос служит помехой официальной статистике Рейха, либо если время или способ его проведения будут сочтены неподходящими». И, наконец, в проекте закона взамен весьма спорному закону 1923 года об обязательном предоставлении сведений (*Auskunftslicht*) было дано юридическое обоснование статистических исследований. Согласно этому проекту, любой статистический опрос, разрешенный Статистическим управлением, должен был иметь силу закона. Это могло бы решить проблему, которая вызывала споры с начала XX века. Однако в том, что касалось основополагающих принципов, проект выглядел вполне

¹¹⁴ ВАР 07.01 FC 19853/591 no. 12, RWM в Reichsminister 23.4.1935 'Entwurf eines Gesetzes über statistische Erhebungen' (1935).

¹¹⁵ ВАР 07.01 FC 19853/591 no. 12, para. 1(2). Статистика определялась как любое обзорное или иного рода исследование, проведенное в форме общего опроса и касающееся фактов, объектов или процессов, которые имеют отношение к населению, экономике, обществу, культурной или политической жизни.

традиционным документом. Использование новых возможностей принуждения компенсировалось тем, что в нем были оговорены случаи, когда использование опросников запрещалось. В проекте закона 1935 года повторялись все те ограничения, которые применялись при официальных статистических опросах с конца XIX века¹¹⁶:

Индивидуальные ответы <...> могут быть использованы только в статистических целях, либо в целях общеэкономической, социальной или культурной политики, и никак иначе. Запрещается использовать эти материалы в качестве основы для получения информации, направленной против человека, отвечавшего на вопросы. В частности, запрещается использовать статистические материалы в целях вычисления размера налога¹¹⁷.

Далее в законе оговаривалось, что в любом опроснике должны быть четко сформулированы цель исследования и его юридическое обоснование, а также даны гарантии конфиденциальности¹¹⁸. Однозначный запрет на использование статистических материалов в налоговых целях закреплял традиционный принцип статистической практики. В нем также отразилось беспокойство по поводу намерений министерства финансов Рейха¹¹⁹. Начиная с 1933 года налоговая администрация Рейха постоянно требовала предоставить ей доступ к статистическим опросникам, мотивируя это тем, что подобная информация необходима для борьбы с уклонением от оплаты налогов¹²⁰. Статистическое управление и министерство экономики стойко этому сопротивлялись, полагая, что такие требования министерства финансов теоретически могут самым негативным образом влиять на надежность получаемой статистической информа-

¹¹⁶ См.: J. Schubert, 'Die Amtsverschwiegenheit der Statistik. Eine statistisch-juristische Betrachtung', *ASA*, 23 (1934), pp. 610–618.

¹¹⁷ ВАР 07.01 FC 19853/591 no. 12, RWM к Reichsminister 23.4.1935 'Entwurf eines Gesetzes', para. (1).

¹¹⁸ ВАР 07.01 FC 19853/591 no. 12, RWM к Reichsminister 23.4.1935 'Entwurf eines Gesetzes', para. (2).

¹¹⁹ ВАР 07.01 FC 19853/591 no. 18, Reichskanzlei записка от 14.5.1935.

¹²⁰ ВАР 23.01 2230 no. 36–37.

ции¹²¹. Анонимность и конфиденциальность всегда были фундаментом статистики. Как минимум с XIX века эти принципы определяли отношение статистиков к населению в целом, а также к другим правительственным ведомствам.

Однако в условиях нацистского государства такие принципы, по сути, стали неприменимы к новым способам использования получаемых статистических данных. Обязательные промышленные отчеты, а также отчеты, которые собирались органами надзора и контроля, предоставляли общую статистическую информацию. Кроме того, на их основе создавалась база данных, необходимая для контроля над отдельными компаниями. Даже сведения, полученные при переписи 1933 года, которая представляла собой классический образец сбора статистической информации, были переведены в формат картотеки, содержащей данные на каждую отдельную компанию. Проект закона о статистике предусматривал такую практику только в исключительных случаях. В отдельной статье закона оговаривалось, что статистические данные могут быть использованы против респондентов только в тех случаях, когда, «по мнению министерства Рейха, это обусловлено крайней необходимостью, удовлетворить которую иным способом государство не может»¹²². В такой ситуации требовалось разрешение министерства экономики. Таким образом, основной закон, предложенный для германской государственной статистики в 1935 году, фактически не учитывал новые реалии. В нем назывались исключительными как раз те проекты, с помощью которых в Третьем рейхе статистики делали себе карьеру.

Более того, проект этого закона был полностью оторван от политической действительности. Когда в апреле 1935 года он был разослан по министерствам, этот закон встретил большое сопротивление чиновников¹²³. Пока статистические исследования проводились *ad hoc*, к ним можно было относиться как к рутинному административному вопросу. Как только

¹²¹ ВАР 07.01 FC 19853/591 no. 18, Reichskanzlei записка от 14.5.1935, p. 1.

¹²² ВАР 07.01 FC 19853/591 no. 12, 'Entwurf eines Gesetzes über statistische Erhebungen' (1935), para. (3).

¹²³ ВАР 07.01 FC 19853/591 no. 19–21.

они стали считаться вопросами государственной важности, сразу же обнаружилось, что за разрозненностью и неполнотой экономической информации скрывалась более серьезная, до сих пор не решенная проблема общего характера — власть в Третьем рейхе не была окончательно поделена.

Дезорганизация статистической работы была не просто пассивным отражением того, что происходило в структурах власти. Статистика являлась важным оружием в политической борьбе, которая происходила за монолитным фасадом существовавшего режима. Каждое министерство и квазиправительственное ведомство прилагало отчаянные попытки сохранить контроль над собственной базой данных. Проект закона о статистике, в котором предлагалось отдать статистическую монополию в руки Статистического управления, неизбежно вызывал мощное сопротивление. Говоря более конкретно, на карту была поставлена власть Ялмара Шахта, министра экономики и президента Рейхсбанка. Статистическое управление принадлежало империи Шахта. Осенью 1934 года или даже в начале 1935 года у него было еще достаточно влияния для того, чтобы добиться утверждения этого закона. Однако к осени 1935 года его власть уже была под угрозой. Был упущен момент, когда Статистическое управление могло реально монополизировать правительственную информацию Третьего рейха.

Не следует, однако, делать вывод, что провалившаяся попытка протолкнуть закон о статистике свидетельствует о какой-то особенной поликратической природе политической власти Третьего рейха. Отсутствие закона о статистике было одной из самых старых государственных проблем, которые так и не смог решить нацистский режим. Безусловно, это не было недоработкой исключительно режима нацистов. В Веймарской республике этим вопросом не занимались только по той причине, что он создавал множество политических и юридических проблем. Если в 1935 году оказалось, что обсуждение закона о статистике зашло в тупик, то это вовсе не означало, что попытки создать в нацистской Германии адекватную информационную систему больше не будут предприниматься. Статистическое управление провело переговоры с главными организаторами сбора статистической информации, в ре-

зультате которых был подписан ряд соглашений. Перечисление этих договоренностей может свидетельствовать об истинных масштабах проблемы.

В декабре 1934 года удалось уговорить министерство сельскохозяйственной и пищевой продукции Рейха координировать свои статистические исследования со Статистическим управлением¹²⁴. В мае 1935 года аналогичная договоренность была достигнута с Экономической палатой Рейха (Reichswirtschaftskammer) и подчиненными ему ведомствами, которые контролировали деятельность всего бизнеса, за исключением сельскохозяйственного сектора¹²⁵. В ноябре 1935 года статистическая деятельность надзорных ведомств была формально передана под управление департамента производственной статистики, возглавляемого Ляйссе¹²⁶. В декабре 1935 года министерство экономики постановило, чтобы местные промышленные и торговые палаты ежемесячно предоставляли экономическим советникам местных руководителей нацистской партии (Gauwirtschaftsberater) отчеты, составленные по единому образцу. Эта мера также была направлена на то, чтобы сократить количество независимо проводимых статистических исследований¹²⁷. В январе 1936 года министерство внутренних дел Рейха издало указ, согласно которому для учреждения новых статистических бюро на местном уровне требовалось разрешение министерства¹²⁸. Летом 1936 года Трудовой фронт и нацистская партия приняли меры для ограничения собственной статистической деятельности¹²⁹. В октябре 1936 года было достигнуто соглашение о предоставлении Статистическим управлением информации Агентству по региональному планированию Рейха (Reichsstelle für Raumordnung). Это было сделано для того,

¹²⁴ ВАР 31.02 3568 no. 7, Präs. SRA в: RWM 16.5.1937.

¹²⁵ ВАР 31.02 3468 no. 5, SRA записка от 19.10.1935.

¹²⁶ МА 1458 RWM Fb 35/12 no. 49, RWM/IIR to Supervisory Agencies VI–XXV 5.1.1935 и ВАР 31.02 3468 no. 1, RWM в SRA 14.10.1935.

¹²⁷ ВВА 15 428 RgI циркуляр от 10.12.1935.

¹²⁸ ВАР 07.01 FC 19653/591 no. 22, Reichs- und Preu. Innenministerium, 'Verordnung über Neugründung von Statistischen Ämtern' 3.1.1936.

¹²⁹ Подробнее см.: ВАР 31.02 3623 no. 4–65.

чтобы агентство не имело возможности проводить собственные статистические опросы. И, наконец, в декабре 1936 года Статистическое управление заключило договор с Промышленной группой Рейха и ее подразделениями с целью ограничения промышленных опросов.

Итак, двусторонних договоренностей между различными организациями и ведомствами стало так много, что из-за этого возникла полная неразбериха. Ведомства, которые уже получили разрешение от одного из отделов Статистического управления, сталкивались с тем, что им нужно иметь согласование и другого отдела, также претендовавшего на осуществление надзорных функций. Чтобы избежать путаницы, главному офису, возглавляемому Рейхардтом, пришлось назначить отдельного сотрудника, который согласовывал договоренности по координации работы. Тем не менее система «договоров», изобретенная Статистическим управлением, создала гибкую форму регулирования, которая хорошо подходила для аморфной организационной структуры Третьего рейха. Разумеется, эти договора обеспечивали Статистическому управлению доступ к самому большому объему экономической информации, который оно имело за все время своего существования.

VI

До сих пор историки ведут споры о том, как правильно охарактеризовать политическую экономию нацизма. Однако, к сожалению, исследования по экономической политике, как правило, проводятся в достаточно узком контексте. Нацистская идеология обычно противопоставляется бюрократическому прагматизму. Ни первое, ни второе понятие не будет для нас полезным, по крайней мере в том случае, когда речь идет о статистическом аппарате. В первые годы существования режима влияние нацистской идеологии было еще ограниченным. Правда, это не означает, что «национальная революция» никак не затронула статистический аппарат. Необходимо поставить вопрос более конкретно: как на самом деле воспринимался статистиками захват власти нацистами? Какую выгоду они надеялись из этого получить? Если говорить о Статистическом управ-

лении, то, вне всякого сомнения, приход нацистов к власти обеспечивал ему возможность продолжить работу над созданием новой системы государственного экономического управления, которая была начата еще в 1920-х годах. В этом прослеживается продолжение развития инновационного процесса, но никак не консерватизм. Официальные статистики отводили себе важную роль в Третьем рейхе — в центре отлаженной системы государственного надзора и контроля. А если учесть, какой властью обладал Шахт в первые три года существования режима, то вполне можно предположить, что в перспективе бюрократический аппарат Рейха имел все возможности реализовать мечту об авторитарном государственном управлении экономикой. На первый план выдвигались власть и знания, которым теперь придавалось беспрецедентно важное значение. Новые государственные структуры формировались с такой скоростью, что неизбежно возникали административные накладки. Однако к 1936 году уже можно было говорить о появлении новой системы контроля над национальной экономикой.

Однако это была не просто бюрократическая импровизация. Важно понимать, что при анализе развития нацистской Германии следует учитывать международный контекст. Более широкие возможности для усиления национальных государств появились вследствие отказа от золотого стандарта и исчезновения системы коллективной безопасности. Распад международных структур развязал руки правительствам национальных государств, и теперь они могли проводить независимую экономическую политику, а также начинать использовать все более агрессивные методы политики силы. В этом отношении история Германии 1930-х годов далеко не уникальна. От других стран Германия отличалась только тем, что она с огромным энтузиазмом ухватилась за возможности националистического движения. К 1936 году Гитлеру удалось добиться одновременного восстановления как экономической, так и военной мощи страны. Объяснением этого, в частности, был сам нацизм. Популярность и динамизм этого движения подтолкнули к созданию программы национального восстановления. Новый режим полностью игнорировал юридические препоны, которые в прошлом казались непреодолимыми.

Однако главным образом эффективность Третьего рейха была обусловлена энергичным сотрудничеством могущественных элит. Самым важным стало то, что германские военные с легкостью согласились на перевооружение страны. Теперь, однако, хорошо известно, что специалисты самых разных профессий были готовы служить нацистскому режиму. Инженеры, архитекторы, социальные работники, врачи, психологи, специалисты по менеджменту, философы и поэты — все они мечтали о создании нового мощного государства, руководимого Гитлером. К этому списку профессионалов нужно добавить сотрудников Статистического управления и в целом всех гражданских служащих экономической администрации Рейха. В каждом отдельном случае захват власти нацистами обеспечивал возможность личного продвижения. Однако это было не просто желанием извлечь выгоду. Восстановление германского государства считалось историческим шансом реализовать давно лелеемые планы и амбиции. Такие люди, как Брамштедт и Ляйссе, намеревались воплотить в жизнь грандиозные планы 1920-х годов. Успешное расширение системы производственных отчетов и промышленная перепись 1933 года оправдали самые смелые надежды ученых, занимавшихся конъюнктурными исследованиями. Предметом особой гордости было использование системы «затраты—выпуск».

Следует отметить один важный момент: первые годы гитлеровского режима можно рассматривать как процесс государственного строительства, который начался еще в период Первой мировой войны. Это не означает, что приоритеты, которыми руководствовались статистики, не изменились под воздействием кризиса 1930-х годов. Если иметь в виду политический аспект, то здесь наблюдался заметный сдвиг. В конъюнктурных исследованиях государству изначально была отведена роль координатора, который смог бы обеспечивать непрерывное развитие национальной экономики. Теперь главная задача состояла в том, чтобы подчинить экономику интересам и приоритетам режима. Но какими были эти приоритеты — оставалось неясным. Это могло выясниться только в ходе борьбы между Шахтом, военными и лидерами нацистов.

Не все было понятно и на техническом уровне. Промышленная перепись была весьма неоднозначным инструментом.

Вагеманном она задумывалась как составная часть системы национального учета. Анализ «затраты—выпуск» в этом отношении был ее логическим продолжением. Прослеживая связи между различными отраслями промышленности, с помощью этого анализа можно было выявить сложную систему разделения труда, которая создавала поток готовой продукции. С помощью схемы «затраты—выпуск», верной идеям конъюнктурных исследований 1920-х годов, измерялись потоки доходов и расходов в денежном выражении. Напротив, перепись, планируемая Ляйссе, предполагала совершенно иной подход. Его предложения по развитию военной промышленности отодвигали в сторону «денежную вуаль». Работа его статистиков, занимавшихся промышленностью, была сфокусирована на изучении ограниченных потоков сырья. Такой подход предполагал не столько косвенный макроэкономический контроль, сколько будущее планирование в натуральных показателях. Однако какое бы будущее ни было уготовано Германии, Статистическое управление Рейха, как представлялось, имело все шансы на то, чтобы использовать его с выгодой для себя.

6. Радикализация нацистского режима и смерть официальной статистики, 1936–1939

Нарратив, который начинается с середины 1920-х годов, можно продолжить вплоть до 1936 года. Определенная преемственность отчетливо наблюдалась как в интеллектуальной, так и в политической сферах. Конъюнктурные исследования смогли пережить трудные времена. Они по-прежнему свидетельствовали об амбициях экономической администрации Рейха. Преемственность отразилась в планах по созданию таблицы «затраты—выпуск». Как ожидалось, эта таблица должна была предоставить министерству экономики Рейха беспрецедентную возможность оценивать потенциальное влияние проводимой экономической политики на самые различные аспекты жизни страны. В административном отношении эта таблица должна была стать краеугольным камнем для обработки огромных объемов экономической информации, централизованно поступающей в Статистическое управление Рейха. Хотя после 1933 года Вагеманн и его институт были вытеснены с центральных позиций в структуре власти и в научных исследованиях, Статистическое управление продолжало лелеять прежние амбиции вплоть до 1936 года.

В 1936 году Ялмар Шахт столкнулся с серьезными проблемами — под угрозой оказалось его влияние на экономическую политику. Под вопрос было поставлено продолжение государственного строительства, начатого в первые годы существования Третьего рейха. Прекращение дальнейшей работы над таблицей «затраты—выпуск» сигнализировало о более крупных изменениях. В бюджете 1937 года было предусмотрено недостаточное фи-

нансирование департамента Брамштедта, поэтому группа экономистов, занимавшихся этим проектом, распалась. В течение последующих лет развалилось и само Статистическое управление. В 1939 году была отменена третья промышленная перепись, а как известно, такие переписи составляли фундамент всей системы статистики планирования. Что же произошло? Почему были прекращены конъюнктурные исследования, которые являлись важной технологией государственного контроля?

I

Легче всего было бы ответить на этот вопрос, сказав, что главная причина состояла в усилении радикализма гитлеровского режима. Таким образом, в прекращении макроэкономического статистического проекта, начатого еще во времена Веймарской республики, можно было бы обвинить некие «внешние силы», неподконтрольные статистикам. По мере того как Третий рейх все больше стремился к развязыванию войны, его политическая система постепенно погружалась в состояние полной дезорганизации. После 1936 года Ялмар Шахт утратил свои позиции в проведении экономической политики. Административный государственный аппарат был заменен слабой командой, которая под руководством Германа Геринга ранее занималась составлением Четырехлетнего плана. Третий рейх начал рискованную и несбалансированную кампанию по перевооружению страны и обеспечению ее экономической самодостаточности. Теперь такие инструменты планирования, как таблица «затраты—выпуск», уже не требовались. Ведь их использование предполагало интерес к выяснению величины экономического баланса, или по крайней мере к вычислению дисбаланса, а нацистское руководство такого интереса не проявляло. В 1937–1938 годах Статистическое управление, как и все другие ведомства германского государства, было привлечено ко «второму захвату власти». В этот период всем «традиционным элитам», включая армию и гражданские службы, пришлось работать на реализацию иррациональных задач, поставленных руководством нацистского государства.

Такое объяснение, в основе которого лежит идея о вмешательстве «внешних сил», может быть дополнено историческими

нарративами самих статистиков. В официальной истории Статистического управления часто повторяется мысль о том, что фактическая работа статистиков не имела ничего общего с радикальной идеологией нацистского режима¹. По сути, научные статистические исследования и нацизм были несовместимы. Исходный текст для этой версии был написан не кем иным, как самим Вольфгангом Рейхардтом, преемником Вагеманна на посту президента Статистического управления. В 1940 году он написал вступительную статью к роскошно изданному двухтомному сборнику, посвященному Фридриху Цану, вышедшему в отставку главе баварского статистического бюро². Эта статья Рейхардта была написана в очень мрачных тонах. Статистическое управление изображалось в ней как структура, возомнившая, что обладает неограниченной властью, и недалековидно строившая свою деятельность исходя из этого представления. Согласно его статье, «административные сорняки» нормирования губили «здоровое древо» официальной статистики. Хотя Статистическое управление и пыталось не допустить увеличения объема статистической бумажной работы, его усилия не увенчались успехом. В 1936 году, после того как была начата работа по реализации Четырехлетнего плана Геринга, статистика нормирования и экономического контроля разрослась пышным цветом. Рейхардт провел четкое различие между работой государственных статистиков, заключавшейся в проведении беспристрастных объективных научных изысканий, и административными происками «статистиков нормирования», которые всеми способами пытались добыть нужную им информацию. Он даже не пытался смягчить свои слова:

В *цивилизированном мире* во все времена доверие к государственной статистике основывалось на уверенности респондентов в том, что их ответы защищены так называемой статистической конфиденциальностью, то есть что их ответы попадут в руки только

¹ G. Fürst, 'Wandlungen im Programm und in den Aufgaben der amtlichen Statistik in den letzten 100 Jahren', in Statistisches Bundesamt, *Bevölkerung und Wirtschaft 1872–1972* (Stuttgart, 1972).

² W. Reichardt, 'Die Reichsstatistik', в F. Burgdörfer (ed.), *Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand. Ehrengabe für Friedrich Zahn* (Berlin, 1940), 1, pp. 77–90.

статистических органов и только в целях статистических исследований и что они никогда не будут использованы впоследствии для применения административных мер, направленных против того или иного респондента³.

В Третьем рейхе «статистическая конфиденциальность» была сильно скомпрометирована. «Я полагаю, — продолжает Рейхардт, — что серьезную угрозу для статистики представляет использование, в интересах экономической политики, ответов респондентов против них самих. Я жду того дня, когда эта процедура изживет себя». «Практически повсеместная слежка, контроль, нормативы»⁴ уже стали единственной гарантией надежности статистики. Статистика превратилась в технологию принуждения, и дальнейшее ее усовершенствование угрожает целостности и даже самому существованию государственной статистики как уважаемого государственного института. В долгосрочной перспективе, по мнению Рейхардта, статистика может выжить только в том случае, если будут восстановлены «нормальные» отношения между «государством» и «гражданским обществом». По праву можно считать, что написание этой статьи, которая была опубликована в 1940 году, было актом смелой защиты либеральных принципов.

Однако по иронии судьбы в послевоенный период его позиция, сформулированная в этой работе, получила новую интерпретацию. Его тезис о том, что германским государственным статистикам *следовало бы* держаться на расстоянии от грязных дел, связанных с экономическим контролем, переиначили и превратили в утверждение о том, что якобы статистики и на самом деле соблюдают эту дистанцию. Авторы труда, приуроченного к столетию германской государственной статистики, который был опубликован западногерманским Статистическим управлением в 1972 году, сделали все возможное, чтобы причастность государственной статистики к практике нацистского правительства выглядела минимальной⁵. В качестве до-

³ Reichardt, 'Die Reichsstatistik', p. 83. — *Курсив добавлен мною.*

⁴ *Ibid.*, p. 86.

⁵ Fürst, 'Wandlungen im Programm', p. 43.

казательства они приводили раскритикованную в пух и прах статью Рейхардта.

Очевидно, что это была неверная интерпретация, однако такое прочтение было связано с тем, что Рейхардт в своей работе сам слишком резко противопоставил практику экономического надзора и собственно научные статистические разработки. Утверждение, что источником дезорганизации работы Статистического управления и резкого понижения ее качества была внешняя причина, а именно политика нацистского государства, позволяет изображать гражданских служащих невинными жертвами. Основанием для таких взаимосвязанных выводов обычно служит существование простой дихотомии между иррациональностью нацизма и рациональностью гражданской службы. Цель этой главы состоит в том, чтобы развеять это заблуждение, доказать, что не было никакого различия между нацистской идеологией и «наукой», между высокой государственной политикой и техническим администрированием, между государственной статистикой и системой экономического надзора, между «чистым» Статистическим управлением и «грязным» внешним миром Третьего рейха.

Внутренние факторы расшатывали работу Статистического управления не меньше, чем внешние. Не существовало четкого водораздела между хаотической деятельностью членов партии и дисциплинированной работой гражданских служащих. Государственные статистики не были просто жертвами — они были активными участниками борьбы между фракциями, которая разрывала германское государство на части. Кроме того, процесс дезинтеграции был многосторонним. Это был не просто политический процесс. В конце 1930-х годов в Статистическом управлении остро ощущалась нехватка интеллектуального руководства. Проект конъюнктурных исследований не мог больше служить объединяющим началом для работы специалистов Рейха по экономической статистике. Угроза для научных исследований, проводимых с 1920-х годов, возникла внутри самого Статистического управления.

Таким образом, история Статистического управления дает новую информацию о тяжелом кризисе германского государства в конце 1930-х годов. В политических терминах этот кри-

зис традиционно описывался как «второй захват власти». Проходившие в то время политические баталии действительно были судьбоносными. Однако такое мощное влияние они оказали еще и потому, что совпали с изменениями, происходившими и в других областях жизни страны. Как отмечала Джейн Каплан, борьба за личную власть явилась частью более широкого кризиса государственной власти — кризиса ее структуры⁶. Вследствие господства нацистской идеологии государство утратило свою легитимность и перестало восприниматься как представительный институт. Вместо этого было создано идеализированное представление о том, что существует непосредственная связь между народом (Volk) и фюрером (Führer). Таким образом, борьба за власть на высшем уровне совпала с идеологическим кризисом.

Оба эти процесса четко прослеживаются в истории Статистического управления. Статистики всячески пытались установить отношения с такими ключевыми игроками, как Геринг, Шахт и Функ. В то же время они стремились найти ответ на более общий вопрос об их взаимоотношениях с государством и гражданским обществом, а также о том, какое место они займут в новой структуре власти, которая начинала формироваться в Третьем рейхе. Однако если воспринимать статистиков исключительно как специалистов в своей области, то для них все эти вопросы были бессмысленными, поскольку не имели никакого отношения к развитию практических или научных проектов. Очень важно было занять ту или иную политическую позицию, поскольку от этого напрямую зависело само выполнение технических задач. Надеюсь, что в этой главе мне удастся показать, что политическая борьба конца 1930-х годов оказала сильнейшее влияние на официальную статистику, поскольку в результате появилась возможность для радикальных перемен в осуществлении практических задач. Личная борьба за власть, а также борьба за перераспределение политического влияния в Третьем рейхе происходили одновременно с попытками Статистического управления трансформировать государственные

⁶ J. Caplan, 'National Socialism and the Theory of the State', в T. Childers and J. Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich* (New York, 1993), pp. 98–113.

статистические технологии. Эти три фактора и обусловили поразительный радикализм Третьего рейха в конце 1930-х годов.

Не исключено, что Рейхардт, президент Статистического управления, все более скептически относился к политической линии гитлеровского режима. Однако не все Статистическое управление разделяло его взгляды по поводу задач, поставленных перед германской государственной статистикой в конце 1930-х годов. За экономическую статистику в управлении отвечала амбициозная когорта молодых сотрудников, нанятых Вагеманном еще в 1920-х годах. Они отказывались принимать либеральные идеи Рейхардта, поскольку это могло повлечь увольнение или понижение в должности. В отличие от Рейхардта они не считали, что плановая экономика представляет собой угрозу для цивилизации. Напротив, поскольку, по их мнению, плановая экономика была неизбежной, они стремились максимально использовать предлагаемые ею возможности как для личного продвижения, так и для того, чтобы закрепить новые позиции за статистикой в структуре власти нацистской Германии. А для этого нужно было распрощаться с либеральным прошлым.

II

Вряд ли кого-то удивил тот факт, что первым чиновником Статистического управления, которому удалось использовать широкие возможности, предлагаемые радикализацией нацистского режима, был д-р Вильгельм Ляйссе. В 1933 году именно с его подачи в Статистическом управлении началась кампания, направленная против Вагеманна. В течение следующих лет он боролся за то, чтобы занять ведущую позицию в военно-экономическом планировании, и промышленная перепись стала для него подспорьем в этой борьбе. В 1935 году его активная деятельность дала результаты — по личному распоряжению Адольфа Гитлера он был назначен на должность директора и получил полный контроль над только что созданным департаментом VII — департаментом статистики промышленной продукции⁷. В 1936 году у него появилось еще больше воз-

⁷ ВАР 31.01 8662 no. 337, 'Haushalt des RWM 1935, Einzelplan VI'.

возможностей после того, как Герман Геринг начал выступление против монополии Шахта в области экономической политики.

В период между 1933 и 1935 годами Шахту удалось найти компромиссное решение между перевооружением и экономической стабильностью. В 1933 году на военные расходы были выделены достаточно крупные суммы. При этом было согласовано, что эти расходы будут соответствовать производственным мощностям экономики. Это позволило ограничить участие государства в регулировании экономики контролем над балансом платежей и введением ограничений для отраслей промышленности, производивших потребительские товары. Осенью 1935 года с одобрения Гитлера эти ограничения на военные расходы были сняты⁸. Агрессивная внешняя политика фюрера спровоцировала наращивание вооружения для армии, флота и Люфтваффе Геринга без оглядки на стабильность экономики. К весне 1936 года в балансе платежей начало ощущаться определенное напряжение. Постоянно возникали споры вокруг распределения и без того скудной иностранной валюты.

Шахт делал отчаянные попытки для того, чтобы оградить Рейхсбанк и министерство экономики от политического давления. С этой целью он поддержал назначение Германа Геринга комиссаром по вопросам сырья и валюты. Шахт предполагал, что Геринг будет принимать непопулярные решения, а всеми делами будет заправлять он сам, оставаясь при этом в тени. Рейхсмаршал нередко похвалялся своим отсутствием опыта в экономических вопросах, и Шахт, по-видимому, принимал его слова за чистую монету. Однако Геринг был не так прост, как казалось. Он занимал должности министра-президента Пруссии, министра военно-воздушных сил, а также имперского лесничего Германии. Начиная с 1933 года, в своих офисах он собирал штат экономистов, юристов, бизнесменов и технарей-военных⁹. В намерения Геринга никогда не входило быть

⁸ M. Geyer, *Aufrüstung oder Sicherheit. Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1924–1936* (Wiesbaden, 1980), pp. 445–449.

⁹ A. Kube, *Pour le mérite und Hakenkreuz. Hermann Goering im Dritten Reich* (Munich, 1986), p. 134; E. L. Homze, *Arming the Luftwaffe. The Reich Air Ministry and the German Aircraft Industry 1919–1939* (Lincoln, Nebraska, 1976), pp. 57–62; D. Irving, *Die Tragödie der Deutschen Luftwaffe. Aus den Akten und Erinnerun-*

просто «вывеской» для Шахта. За несколько недель он создал собственное ведомство — Штаб по сырью и иностранной валюте (Rohstoff und Devisenstab), заявив тем самым что претендует на независимость в экономической политике.

Новой команде Геринга удалось быстро получить доступ к данным Статистического управления. Их приоритетной задачей было получение информации о немецком сырье¹⁰. Двумя главными источниками информации являлись результаты переписи промышленной продукции и опросники, которые ежемесячно предоставлялись в надзорные органы. По данным переписи можно было составить представление о ситуации за определенный период, а данные опросников давали ежемесячную информацию. Оба этих источника находились под контролем департамента VII, возглавляемого Ляйссе, на долю которого выпало осуществление координации между Статистическим управлением и командой Геринга. К концу мая 1936 года объем информации, запрашиваемой у Статистического управления, настолько увеличился, что это привлекло внимание министерства экономики. Для мониторинга исходящего потока информации был назначен специальный сотрудник¹¹.

Тем временем Ляйссе укрепил свои позиции в управлении. Начиная с февраля 1937 года вся информация, направлявшаяся в разраставшееся ведомство Геринга, проходила через его департамент¹². В полномочия Ляйссе даже стало входить установление от имени Геринга правил для других департаментов Статистического управления. С осени 1936 года, когда началась подготовка Четырехлетнего плана, эти связи еще больше укрепились. Сотрудники Геринга настаивали на возможности оставаться в непосредственном контакте с Ляйссе. Они получали копию любого, пусть даже самого незначительного материала, которые Ляйссе передавал в структуры, занимавшиеся

gen von Feldmarschall Milch (Frankfurt, 1970), pp. 61–74; R. J. Overy, *Goering, The 'Iron Man'* (London, 1984), pp. 33–34.

¹⁰ BAP SRA 31.02 3003 no. 1, SRA/VII Industrielle Produktionsstatistik, circular 30.6.1936.

¹¹ BAP SRA 31.02 3468 no. 25, RWM в Überwachungsstellen 25.5.1936.

¹² BAP 31.02 4224 no. 1, RWM в RgI 20.2.1937.

разработкой Четырехлетнего плана¹³. Таким образом, у Ляйссе установилась прямая связь с рейхсмаршалом. Хотя Геринг, скорее всего, вряд ли придавал этому большое значение, для руководителя статистического департамента было чрезвычайно важно ощущать, что их объединяют такие отношения: если бы Геринг быстро продвигался по служебной лестнице, то взлет карьеры ждал бы и Ляйссе.

Назначение Геринга уполномоченным по Четырехлетнему плану заметно пошатнуло власть Шахта и в итоге всей экономической администрации. В Германии наблюдалось резкое ухудшение состояния платежного баланса и всё большая нехватка стали и рабочей силы. Шахт, пользуясь поддержкой крупного бизнеса, выступал за замедление расходов на военную промышленность. Геринг же, наоборот, всячески отстаивал необходимость перевооружения страны в кратчайшие сроки. Он бросил все силы на реализацию программы инвестирования, которая, по его словам, должна была сделать Германию независимой от иностранного сырья. В августе 1936 года Гитлер лично объявил о создании Четырехлетнего плана. Этот план и не претендовал на то, чтобы быть всесторонней или сбалансированной программой развития экономики в целом. Он состоял из пакета проектов гигантских инвестиций в производство синтетических волокон, бензина и резины. В первой половине 1937 года Геринг еще больше увеличил давление на Шахта, добавив к плану амбициозный проект по производству стали, задачей которого было использование низкосортной железной руды, добываемой в Центральной Германии. Шахт, а также рурские промышленники были категорически против этого проекта¹⁴. Однако остановить Геринга оказалось невозможным. Осенью 1937 года начались работы на гигантском промышленном конгломерате «Рейхswerке Герман Геринг» в Зальцгиттере. Шахт подал в отставку с должности министра экономики.

¹³ ВАР 31.02 3586 no. 153, записка референта Геринга в SRA 27.11.1936.

¹⁴ R. J. Overy, 'Heavy Industry in the Third Reich: The Reichswerke Crisis', в: *War and Economy in the Third Reich* (Oxford, 1994), pp. 93–118 и G. Mollin, *Montankonzerne und 'Drittes Reich'. Der Gegensatz zwischen Monopolindustrie und Befehlswirtschaft in der deutschen Rüstung und Expansion 1936–1944* (Göttingen, 1988).

Борьба между Шахтом и Герингом послужила четким сигналом для чиновников гражданской службы. Гитлер не мог доверить государственному аппарату, унаследованному от Веймарской республики, заниматься выполнением жизненно важной задачи, а именно подготовкой Германии к войне. Для того чтобы действовать с необходимой жесткостью, порой даже выступая против интересов частного капитала, требовались новые люди и новые организации. Создание Четырехлетнего плана было не меньшим вмешательством в дела германского государства, чем вмешательство в частные дела германского бизнеса. Бюрократический аппарат, трудившийся над разработкой плана, представлял собой пестрый коллектив, состоявший из военных, инженеров и руководителей корпорации IG Farben, членов партии и приспешников Геринга. После отставки Шахта Герингу было поручено временно возглавить министерство экономики. На протяжении следующих месяцев экономическая администрация в таких ведомствах, как, например, вооруженные силы и министерство иностранных дел, испытывали на себе сильное давление¹⁵. При Шахте, который не состоял в рядах НСДАП, министерство экономики было защищено от непосредственного влияния нацистской партии.

Считалось, что Национальная революция открывала дорогу для административных инициатив. Министерство экономики и Статистическое управление могли по-прежнему участвовать в процессе строительства государства, начатом ими еще в 1920-х годах. С поражением Шахта наступила новая эпоха. При Геринге государственные службы лишились свободы действий. Главы всех департаментов министерства экономики были либо уволены, либо переведены на другую работу в государственной администрации. Для их замены Геринг привлек сотрудников из коллектива, разрабатывавшего Четырехлетний план. Пять департаментов министерства теперь возглавляли военные или члены партии с большим стажем.

¹⁵ W. A. Boelcke, *Die deutsche Wirtschaft 1930–1945. Interna des Reichswirtschaftsministeriums* (Düsseldorf, 1983), pp. 178–192 и M. Broszat, *Der Staat Hitlers* (Munich, 1969, 13th edn.), pp. 363–402.

Политическая культура изменилась поразительным образом. Государственные служащие, работавшие в министерстве экономики, вернулись к стилистике 1918–1919 годов и вновь шуточно начали называть руководство «Советом солдат и рабочих» (*Arbeiter- und Soldatenrat*)¹⁶. Правда, в конечном счете Гитлер так и не сделал Геринга министром экономики на постоянной основе. В феврале 1938 года на этот пост был назначен Вальтер Функ, давний член нацистской партии. Однако Функ находился под сильным влиянием Геринга, поэтому чиновники министерства теперь получали задания непосредственно от сотрудников, работавших над Четырехлетним планом. Таким образом, была уничтожена независимость экономической администрации Рейха.

Тем не менее не все государственные служащие негативно отнеслись к возвышению Геринга. В течение 1937 года он существенно расширил сферу своего влияния. Вместе с этим увеличились и притязания Ляйссе на то, чтобы получить особый статус в Статистическом управлении. Если Геринг стал диктатором в области экономики, то Ляйссе претендовал на контроль над всей областью промышленной статистики. Осенью 1937 года в этой борьбе внутри Статистического управления, как в зеркале, отразились баталии, происходившие на более широкой политической арене¹⁷. Ляйссе вскоре был вознагражден. В самом конце 1937 года департамент VII получил полномочия, к исполнению которых Ляйссе готовился с момента захвата власти нацистами — теперь он должен был сконцентрировать все свои усилия на военно-экономическом планировании¹⁸. Потребности гражданской экономической политики привлекали все меньшее внимание. В марте 1938 года Ляйссе добился столь долго лелеемой им мечты. Департамент VII был выведен из структуры Статистического управления и трансформирован в полностью независимую организацию — Управление военно-экономического планирования Рейха (*Reich-*

¹⁶ Boelcke, *Die deutsche Wirtschaft 1930–1945*, p. 183.

¹⁷ О борьбе между департаментом VI и департаментом VII за контроль над сбором статистики коммерческих организаций, см.: BAP 31.02 3572.

¹⁸ BAP 31.02 2993, RWM в SRA (z.H.Leisse) 28.12.1937.

samt für wehrwirtschaftliche Planung, RWP)¹⁹. Интриги Ляйссе окупились. Начав свою карьеру с должности обычного референта, он сначала вознесся на пост директора, управлявшего собственным департаментом, а теперь, после учреждения Управления военно-экономического планирования (RWP), получил должность президента, что ставило его на одну доску с самим президентом Статистического управления.

Управлению военно-экономического планирования сразу же было выделено определенное место на сцене высокой политики. Оно должно было предоставлять статистическую информацию Вальтеру Функу — главному уполномоченному по делам военной экономики (Generalbevollmächtigter für die Wehrwirtschaft). Управление главного уполномоченного играло стратегическую роль в борьбе за контроль над германской экономикой. Оно было создано в 1935 году для того, чтобы предоставить Шахту полномочия по осуществлению военно-экономической подготовки в гражданском секторе. В случае войны эта должность позволяла ему контролировать все компании, не работающие непосредственно на военную промышленность. Поскольку темпы перевооружения вызывали у Шахта всё большие сомнения, он фактически использовал свои полномочия для того, чтобы защитить гражданскую экономику от чрезмерных требований со стороны военных.

Это привело к тому, что высшие военные чины объединились с Герингом. Теперь же, когда Шахт уже не мог им помешать, они начали требовать, чтобы им подчинялась вся экономика. Однако Геринг и Функ, так же как в свое время и Шахт, не были готовы уступить этому требованию. Создание Управления военно-экономического планирования под управлением Ляйссе было частью стратегического плана Функа и Геринга, целью которого было сохранение Управления главного уполномоченного и тем самым сдерживание требований со стороны армии²⁰. Спустя все-

¹⁹ BAP 31.02 3045 no. 2, GBW to Reichsamt für wehrwirtschaftliche Statistik und Planung 24.5.1938. Первоначально это управление называлось Управление военно-экономической статистики и планирования. См.: BAP 31.02 3045 no. 3, GBW в: RWP 9.7.1938.

²⁰ R.-D. Müller, 'Die Mobilisierung der Deutschen Wirtschaft für Hitlers Kriegsführung', in B. R. Kroener, R.-D. Müller and H. Umbreit, *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg* (Stuttgart, 1988), 5, 1, p. 354.

го лишь несколько недель после формального отделения Управления военно-экономического планирования от Статистического управления Функ стал представлять его панацеей для решения любых проблем, связанных с мобилизационным планированием. Если главной задачей Четырехлетнего плана было производство импортозамещающей продукции, то управлению Ляйссе предстояло заняться разработкой планов, в которых должно быть продемонстрировано, каким образом скудные ресурсы Германии будут распределяться в случае войны.

III

К осени 1938 года для финансирования Управления военно-экономического планирования были выделены крупные суммы денег. Успех его деятельности зависел не только от того, будет ли оно способствовать сохранению политического баланса, но также и от эффективности разработанного им подхода к планированию. Проблемы, с которыми сталкивалось правительство Третьего рейха, чересчур часто рассматриваются исключительно с политической точки зрения. Разумеется, нет никаких сомнений в том, что действия самого Гитлера были иррациональными. У Третьего рейха также отсутствовала логичная система выработки политики. Однако необходимо признать, что иррациональность, якобы свойственная нацистской политике, скорее, предполагается. Результаты систематического сравнительного анализа этого не обнаруживают. Более того, когда в фокусе исследования оказываются политические процессы, они часто заслоняют реальные технические ограничения. Независимо от того, была ли нацистская политика правильной или нет, в Германии существовали реальные проблемы, которые правительство должно было решать в ходе подготовки к войне. Многие из этих проблем не были типичны исключительно для Германии. С некоторыми из них можно было бы справиться, если бы были использованы иные технические альтернативы. Однако существовали и такие препятствия, преодолеть которые было невозможно.

В сентябре 1938 года статистикам Ляйссе было поручено разработать комплексный согласованный план по обеспечению

экономики Германии сырьем, необходимым в случае войны²¹. Такие планы нужно было разработать для каждого вида сырья. Для каждого месяца мобилизационного периода требовалось представить следующую информацию: общий объем сырья, необходимого для каждой отрасли промышленности, задания по выпуску каждого вида сырья, объем новой продукции, а также уровень запасов сырья на территории Германии. Статистики Ляйссе могли получить всю эту информацию из переписей 1933 и 1936 годов. Дополнительными источниками информации могли стать ответы на ежемесячные опросы, проводимые органами надзора и бизнес-группами. Главным объектом статистических исследований были так называемые материальные балансы, то есть представленные в виде таблиц «семейных деревьев», а также диаграммы по видам промышленности, составленные по результатам переписи 1933 года. Эти материальные балансы могли предоставлять информацию, с одной стороны, об источниках поставки сырья, а с другой стороны — о том, в каких отраслях и секторах промышленности потреблялось это сырье. Эти балансы могли составляться не только по видам сырья, но и по отдельным отраслям промышленности. Поэтому они могли показывать как количество сырья, необходимого для производства данного объема продукции, так и имеющиеся источники снабжения этим сырьем. Однако на практике составление балансов сырья оказалось не таким простым делом.

При проведении переписи 1933 года возникли различные проблемы технического характера. Однако, по мнению Ляйссе и его статистиков, это были всего лишь «болезни роста». Вторая перепись, проведенная в 1936 году, разрушила эти иллюзии. Стало понятно, что некоторые сложности были связаны с самой методикой проведения переписи, и никакие административные ходы не могли исправить эту ситуацию. В 1938 году был составлен отчет, в котором был обобщен процесс составления балансов сырья. В этом отчете уже звучали весьма скептические ноты²². Во многих случаях при составлении балансов проб-

²¹ ВАР 31.02 6231, GBW в RWP 24.9.1938.

²² ВАР 31.02 3129, Bericht des Referats Rohstoffversorgung über die Bilanzen 1936.

лем практически не было. Физический процесс производства и потребления был полностью отражен. Однако для большой группы видов сырья все было не так однозначно. Для десятка материалов статистиками был рассчитан либо большой положительный, либо отрицательный баланс, то есть были определены либо виды выпускаемой продукции, потребление которой было невозможно обосновать, либо виды сырья, для которых не существовало очевидного источника снабжения.

Но главной технической проблемой, с которой сталкивались составители промышленного плана, было даже не наличие дисбалансов. Гораздо важнее было то, что статистики могли анализировать лишь самые простые виды производства. Составители планов признавали, что практически не представлялось возможным составить балансы сырья для отраслей обрабатывающей промышленности, производивших сложные продукты. Основная проблема состояла в разработке показателей. Поскольку статистиков промышленности интересовал физический процесс производства, балансы выражались в физических величинах. Они показывали, сколько тонн целлюлозы требовалось для производства тонны бумаги или какое количество боксита шло на производство алюминия. Вполне можно было составить осмысленный баланс для товаров, производство которых не требует сложных технологий, таких, например, как текстильные изделия. Для производства заданного количества ткани требуется определенное количество шерсти.

Однако применительно к производству машин или станков такое утверждение было бы нелепым. Даже если можно было бы каким-то образом понять, что означала бы такая единица измерения, как «одна тонна токарного станка», то начать складывать «одну тонну токарного станка» и «одну тонну бурового станка» было бы полной бессмыслицей. Разумеется, далее можно было бы перечислить физические единицы, необходимые для производства конкретного оборудования определенного типа. Так, например, было известно, какой объем листового металла требовался для изготовления определенного автомобиля марки «Фольксваген». Чтобы произвести расчеты балансов для модели семейной машины средних размеров можно было бы в автомобиль фольксваген встроить салон стандартного опеля с аналогичны-

ми характеристиками. Однако всех статистиков Ляйссе не хватило бы для того, чтобы составить подобные балансы для тысяч самых различных товаров.

Опыт СССР 1940-х и 1950-х годов продемонстрировал, что такое детализированное планирование было вполне осуществимо. Планы, составлявшиеся в странах Восточной Европы, как правило, включали балансы для тысяч и тысяч производимых продуктов. Правда в 1930-е годы в СССР такие попытки не предпринимались, а успехи более позднего периода были достигнуты благодаря инфраструктуре, которой в межвоенный период ни в Москве, ни в Берлине еще не существовало²⁵. Планирование, осуществлявшееся в Советском Союзе, требовало огромного административного аппарата и тщательной стандартизации производственных процессов. Чтобы осуществлять такую технологию планирования, приходилось подстраивать под нее всю экономику.

Разумеется, методика составления материальных балансов, которую применяли статистики Ляйссе, не была единственной. В условиях сложной диверсифицированной экономики наиболее экономичным решением проблемы агрегации было использование цен. Если различные характеристики сложных машин выразить в денежном измерении, то они могут быть сведены к общим показателям. Схожие в целом типы продуктов могут быть объединены в одну группу, а их относительные преимущества и недостатки, а также различные затраты при производстве могут быть отражены в их относительных ценах. Именно такое решение появилось благодаря попыткам Брамштедта осуществить планирование на основе таблиц «затраты—выпуск». В первую очередь была составлена таблица «затраты—выпуск» для автомобилестроительной отрасли. Это была та самая задача, при решении которой потерпела полную неудачу методика физического учета Ляйссе. Однако, как это ни удивительно, от Управления военно-экономического планирования (RwP) так и не поступило никакого предложения взять на вооружение эту более перспективную методику.

²⁵ G. Grossmann, *Soviet Statistics of Physical Output of Industrial Commodities: Their Compilation and Quality* (Princeton, 1960), pp. 13–19.

Снова встает тот же вопрос, который мы задали в начале данной главы. Почему был отвергнут подход «затраты—выпуск»? Может быть, политическое руководство нацистской Германии просто не заинтересовал этот инструмент планирования? Но это было не так, о чем свидетельствует следующий факт: в 1938 году руководимому Ляйссе Управлению военно-экономического планирования отводилась особо важная роль — ведь концепции планирования могли по-прежнему вызывать интерес высокопоставленного политического лобби. Однако на примере Управления военно-экономического планирования можно также видеть, что статистикам приходилось использовать определенную стратегию, решая, к какой из конкурирующих фракций им стоило примкнуть. Кроме того, они научились «продавать» результаты своих исследований и находить обоснования для собственных проектов.

Такого политического чутья, по всей вероятности, недоставало сторонникам планирования с использованием подхода «затраты—выпуск». Сохранившиеся внутренние служебные записки вряд ли могли помочь обосновать привлекательность собственных подходов. Остались неразъясненными практические и политические возможности, которые сулило использование таблиц «затраты—выпуск». Статистики даже и не пытались опознать потенциального «покупателя» своего продукта во властной системе нацистской Германии. Более того, они не предпринимали никаких настойчивых попыток «продать» свои предложения министерству экономики.

В 1937 году бюджеты расходов на гражданские нужды были серьезно урезаны в связи с огромным увеличением бюджета на военные расходы. Министерству финансов Рейха пришлось принять такие меры по ограничению затрат, которые обычно вводятся в военный период. Статистическое управление было проинформировано о необходимости прекратить работу над проектами, непосредственно не связанными с нуждами военного времени. Практически полностью была остановлена работа над таблицами «затраты—выпуск», поскольку эти разработки в то время не попадали под категорию важных²⁴.

²⁴ BAP 31.02 SRA 2475 no. 379, SRA Abt VI в Sachbearbeiter des Haushalts ORR Dr Jonquieres, 9.10.1936.

Статистикам, которые занимались подготовительной статистической работой, было позволено уволиться из Статистического управления чтобы найти себе более перспективную работу. К апрелю 1938 года таблица за 1933 год так и не была полностью составлена²⁵. В архивах не сохранилось ни одного окончательного варианта таблицы. В качестве инструмента государственного планирования таблица «затраты—выпуск» рассматривалась лишь гипотетически.

Можно ли было найти лиц, заинтересованных в дальнейшем развитии этого проекта? Имелись ли в конце 1930-х годов непреодолимые препятствия для его осуществления? Принципиальное различие между таблицей «затраты—выпуск» и «физическим» планированием, осуществляемым статистиками Ляйссе, состояло в том, что для таблицы важнейшим аспектом были цены. Такой подход позволял достигнуть высокого уровня агрегации показателей, но в большой степени зависел от существования осмысленной системы цен. К концу 1930-х годов рациональность системы цен больше не могла восприниматься как непреложный факт. В 1936 году, вследствие так называемой остановки, цены были заморожены на текущих уровнях²⁶.

Означало ли это, что данные, введенные в таблицу «затраты—выпуск», потеряли всякий смысл? Совсем не факт — об этом можно было бы и поспорить. Но, по всей вероятности, таких споров не произошло. С одной стороны, данные о потоках, зафиксированные в таблицах «затраты—выпуск» для конца 1930-х годов, были бы в любом случае искажены. Они больше не могли бы отражать «реальные» рыночные отношения между секторами. С другой стороны, тем, кто отвечал за проводимую экономическую политику, было бы интересно знать степень искажений, обусловленных контролем над ценами. Брамштедт и сотрудники его департамента должны были бы это понять.

Почему же тогда они не предприняли более активных шагов для того, чтобы этот проект был продолжен? По всей вероятности, причину следует искать во внутренней политике

²⁵ BAP 3102 2700, SRA в the RWM 19. April 1938, p. 3.

²⁶ H. Dichgans, *Zur Geschichte des Reichskommissars für die Preisbildung* (Düsseldorf, 1977).

Статистического управления. Проект по составлению таблицы «затраты—выпуск» главным образом зависел от совместных бюрократических усилий. Для того чтобы свести воедино данные обо всей экономической деятельности, было необходимо обратиться ко множеству самых разных источников. Однако это с самого начала вызывало ряд проблем. Даже на начальных стадиях планирования сотрудники Брамштедта жаловались на то, что им очень сложно было получить доступ к данным, которые собирались другими министерствами и ведомствами, занимавшимися планированием. После 1936 года, когда Статистическое управление уже потеряло свое бывшее влияние, эти сложности стали ощущаться еще сильнее. Успех всего проекта зависел главным образом от доступа к данным, полученным в результате промышленной переписи, и Ляйссе наложил гриф секретности даже на первые варианты таблиц «затраты—выпуск»²⁷. В Третьем рейхе понятия секретности и высокого политического статуса были неразрывны. Более того, на протяжении 1936 и 1937 годов продолжали ухудшаться отношения между сотрудниками департамента экономической статистики Брамштедта и статистиками промышленности отдела Ляйссе²⁸. Ляйссе все более откровенно претендовал на полный контроль над промышленной статистикой, посягая тем самым на более широкую сферу полномочий, которые принадлежали департаменту Брамштедта. И причиной этой борьбы была не только личная неприязнь.

Ляйссе поставил под сомнение идею, согласно которой «статистика» понималась как унифицированная область знания. Однако именно на основе такого представления была осуществлена административная централизация германской статистики²⁹. С его точки зрения идея о том, что статистик — это специалист широкого профиля, принадлежала XIX веку. Промышленная статистика требовала, в первую очередь, подроб-

²⁷ ВАР 31.02 2705 no. 38, SRA Abt VI к Leisse 6.2.1936.

²⁸ ВАР 31.02 3572.

²⁹ Ляйссе обобщил свои взгляды по этому вопросу в: MA 1458 35/18 no. 1 RWP, 'Denkschrift zur Neugestaltung des Statistischen Dienstes insbesondere im gewerblichen Sektor', May 1940.

нейших знаний о германской промышленности в целом. Дни Статистического управления — централизованной разросшейся структуры — были сочтены. Его работе мешали огромный размер, гигантские накладные расходы, а также отсутствие в его штате узких специалистов. Как предполагалось, в будущем специализированные статистические агентства, созданные по образцу Управления военно-экономического планирования, будут заниматься той или иной конкретной областью статистики. Это позволит им работать в тесном сотрудничестве с соответствующими ведомствами, занимающимися планированием. Брамштедт же боролся за сохранение самого общего подхода к конъюнктурным исследованиям³⁰. Получить полное представление об экономике можно только в том случае, если каждый специализированный раздел статистики, такой, например, как промышленная статистика, будет учитывать более широкий макроэкономический контекст. Для того чтобы достичь такой интеграции, была необходима административная централизация. Политический успех Ляйссе означал поражение амбициозных планов по интеграции, одним из проявлений которой являлось создание таблицы «затраты—выпуск».

Если было решено отказаться от альтернативной линии исследований в духе концепции «затраты—выпуск», то какие еще технические возможности оставались у Ляйссе? Одно из решений могло состоять в том, чтобы уменьшить объем вычислений, переключившись на иной объект изучения. Управление военно-экономического планирования не ставило перед собой задачу регулирования гражданской экономики ради нее самой. Задача состояла в следующем: организовать экономику таким образом, чтобы можно было поддерживать минимально необходимый уровень жизни гражданского населения, но при этом удовлетворять все потребности военной промышленности. Вместо того чтобы пытаться осуществлять детальное планирование функционирования всей обрабатывающей промышленности, Управление военно-экономического планирования смогло бы тогда сосредоточиться на производстве

³⁰ См.: BAP 62 DAF 3 17007 no. 86, Dr P. Bramstedt, 'Statistik in Bewegung', *Die Deutsche Volkswirtschaft*, 22 1.8.1938.

Таблица 7

КОЛИЧЕСТВО СОТРУДНИКОВ СТАТИСТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ (SRA) И УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ (RwP), 1937–1939

Год	Постоянные сотрудники		Временные сотрудники	
	SRA	RwP	SRA	RwP
1937	2975		1303	
1938	3191	518	902	322
1939	3689	592	1598	215

ПРИМЕЧАНИЕ: К постоянным сотрудникам относятся государственные служащие, прикомандированные государственные служащие, постоянные чиновники и постоянный обслуживающий персонал, заработные платы которых включены в общие расходы по ведомству.

К временным сотрудникам относятся все сотрудники, заработная плата которых выделяется из внебюджетных средств. Цифры, приведенные для временных сотрудников в 1937 и 1938 годах даны на 1 октября. Для 1939 года имеются только данные о временных сотрудниках, оплачиваемых из бюджетных средств.

Источники: 1937 and 1938: BAP 23.01 2225, 'Haushalt des RWM, Rechnungsjahr 1938'. 1939: BAP 31.01 8754, 'Haushalt des RWM, 1939' (July 1939).

Таблица 8

СООТНОШЕНИЕ СОТРУДНИКОВ СТАТИСТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ (SRA) И СОТРУДНИКОВ УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ (RwP), 1937–1939

Год	Руководящий персонал		Постоянный состав		Число постоянных сотрудников на одного руководителя	
	SRA	RwP	SRA	RwP	SRA	RwP
1937	68		2975		42,8	
1938	60	14	3191	518	52,2	36,0
1939	66	14	3689	592	54,9	41,3

ПРИМЕЧАНИЕ: К руководящему персоналу относятся чиновники, имеющие должности референтов (Referenten) и директоров (Direktoren) управления, а также государственные служащие рангов от A1a до A2c2. Подавляющее количество этих чиновников имели звания кандидатов наук (PhD). О постоянных сотрудниках — см. примечание к табл. 7.

Источник: См. табл. 7.

военного оборудования. Одним из самых сложных продуктов, производимых германской промышленностью, были системы вооружения. Они изготавливались из различных редких видов сырья, множества типовых изделий, таких как болты и винты, а также из узкоспециализированных субкомпонентов, таких, как радио, которые сами представляли собой достаточно сложную продукцию.

Однако количество систем вооружения было по крайней мере более или менее ограничено. Таким образом, при составлении детализированных планов можно было сосредоточиться на производствах, поставляющих свою продукцию военным. Планирование гражданской экономики в целом могло производиться более схематично. Представлялось, что расчет общей суммы, которую требовалось выделить для нужд военной промышленности, в принципе не должен вызывать особых проблем. Для этого нужно было просуммировать размеры сырья, необходимого для производства одного танка, самолета или артиллерийского орудия. Далее полученные данные могли бы использоваться для расчетов при составлении общего плана производства вооружения. Величины сырья, необходимого для производства каждого вида вооружений, по мнению составителей плана, можно было рассчитать на основе технических чертежей, а затем уточнить их, проконсультировавшись с опытными работниками компаний, производивших вооружение. В любом случае, как представлялось, это была работа для самих военных.

Управление военно-экономического планирования действительно пыталось сделать необходимые для армии подсчеты³¹. Однако к 1938 году программа перевооружения нацистской Германии осуществлялась все более хаотично. По сути, было неясно, какой будет война, в которой придется участвовать вермахту. Гитлер все время менял свое мнение относительно того, какие войска должны стать приоритетными: сухопутные войска, флот или авиация. Кроме того, даже если бы и удалось прийти к единому мнению по поводу типов и количества еди-

³¹ Были предприняты попытки создать механизированную систему распределения сырьевых материалов. См.: BAMA RW19/1343, а также 19/1348.

ниц вооружения, необходимых армии, то на следующем этапе планирования все равно возникли бы серьезные проблемы. Более чем наивной оказалась идея о том, что данные о количестве сырья, необходимого для производства отдельной единицы вооружения, можно просто взять из инженерных чертежей. Таких чертежей было огромное количество и, кроме того, не было никакого стандартного классификатора сырья и компонентов, упоминаемых в этих документах. Военные были поражены, когда обнаружили, что даже такие базовые материалы, как нержавеющая сталь, имели совершенно различные технические определения. Помимо этого, каждый сложный дополнительный элемент представлял собой некий «черный ящик», содержимое которого было неизвестно производителям вооружения — те просто использовали его при окончательной сборке.

Вплоть до апреля 1939 года военные не имели возможности дать даже самую приблизительную оценку величин необходимого им сырья³². Все это время Управление военно-экономического планирования Ляйссе находилось в подвешенном состоянии и не могло даже приступить к планированию, поскольку не имела базовых данных. Военным так и не удалось четко сформулировать свои требования. К тому же, в столь неопределенной политической обстановке статистики Ляйссе не понимали, какие данные им следовало использовать для расчетов на случай войны — в первую очередь это касалось информации о доступности импорта и вероятного размера запасов сырья.

Разумеется, Управление военно-экономического планирования вполне могло бы преодолеть проблемы, обусловленные неопределенностью ситуации, составив несколько планов для различных сценариев. Однако для этого потребовалось бы сосредоточиться, в первую очередь, на узких местах. Вместо этого управление стало осуществлять чрезмерно детализированное планирование. Согласно таблице «затраты—выпуск», вся германская экономика подразделялась на 38 секторов. В 1934 году в советском планировании составлялись балансы для 105 продуктов. Во время Второй мировой войны сотрудники Альберта Шпеера обнаружили, что реальные ограничения для функционирования

³² Müller, 'Die Mobilisierung', p. 359.

экономики Германии создавали только десяток видов сырья, трудовые ресурсы, а также транспортные и энергетические мощности³³. А управление Ляйссе предприняло попытку составить материальные балансы как минимум для 384 различных видов сырья и на основе этого разработать мобилизационные планы! Если учесть, что в состав Управления военно-экономического планирования входило лишь 500 человек, то столь амбициозные попытки могут лишь вызвать улыбку. Более того, такой подход не позволял разработать несколько вариантов на случай войны.

Война могла разразиться с минуты на минуту, а Управление военно-экономического планирования так и не приступило к выполнению своей главной задачи. В течение всей первой половины 1939 года управление Ляйссе все больше разбазаривало свои ресурсы. Ежемесячные отчеты о деятельности управления производили впечатление перечисления впустую потраченной административной энергии³⁴. К январю 1939 года управление несколько продвинулось в планировании распределения стали, потребление которой в течение длительного времени нормировалось. Правда, Ляйссе жаловался, что ни со стороны военных, ни со стороны ведомства Геринга так и не поступило никаких общих руководящих указаний. В отчете за март 1939 года отмечалось, что совершенно бессмысленно было подготавливать детализированные планы для производства таких товаров как, например, свечи, поскольку отсутствовала информация о том, какой в действительности требовался объем их производства, а также имелось ли в достаточном количестве необходимое сырье, то есть парафин.

Спустя месяц Ляйссе начал жаловаться по поводу еще одной проблемы, мешавшей его работе. Теперь его сотрудники были вынуждены заниматься весьма трудоемким делом: им нужно было решить, какие заводы будут соответствовать необходимым требованиям для включения их в мобилизационный план. По мнению Ляйссе, вся эта бумажная работа была совершенно ненужной, особенно учитывая то обстоятельство, что плана как такового и не было. Однако этот вопрос был исключительно важен для германских промышленников. Представителей бизнеса тре-

³³ См. главу 7.

³⁴ ВАР 31.02 6231.

вожила дошедшая до них информация о том, что заводы, располагавшиеся в приграничных районах, в условиях мобилизации не будут получать военные заказы. Функ не хотел заводить себе врагов, поэтому он отдал приказ немедленно пересмотреть классификацию всех германских компаний. В результате Управление военно-экономического планирования оказалось вовлеченным в надолго затянувшееся обсуждение статуса каждого отдельного промышленного предприятия, общее количество которых выражалось в тысячах. Всякий раз представители бизнеса, агентства по нормированию, а также местная администрация требовали, чтобы им дали высказаться. И всякий раз обнаруживалось, что участники этих обсуждений наивно верили в возможность осуществления контроля, о котором мечтал Ляйссе и его промышленные статистики.

Еще в 1934 году Управление военно-экономического планирования дало невыполнимое обещание — объединить всесторонний надзор и индивидуализированный контроль. Тогда все германские промышленные предприятия, зарегистрированные в гигантской базе данных, должны были бы добровольно выполнять технические и стратегические задачи, поставленные перед ними органами планирования. Таким фантазиям можно было предаваться только до тех пор, пока Управление военно-экономического планирования ограничивалось сбором статистических данных. Однако, когда стало очевидным, каковы будут практические последствия этой деятельности, германские бизнесмены взбунтовались против такого оторванного от жизни планирования. В офисах министерства появились толпы лоббистов, представлявших компании, которые до этого были известны только по аккуратным записям в картотеках. Неудивительно, что ответственность за улаживание отдельных индивидуальных конфликтов Функ возложил на статистиков, занимавшихся планированием. Рухнул такой простой и понятный бумажный мир, в котором обитало Управление военно-экономического планирования. Ляйссе и ему подобные страстно желали приобрести полный контроль над экономикой. Им пришлось немало пережить, прежде чем они поняли все выгоды агрегирования данных и научились дистанцироваться от мелких административных вопросов.

На Управление военно-экономического планирования свалилось множество проблем, поэтому до сентября 1939 года оно не смогло добиться реальных успехов. Германия начала войну без мобилизационного плана по важнейшим видам сырья³⁵. После шести лет напряженной подготовительной работы промышленные статистики нацистской Германии не могли похвастаться особыми результатами. Провалу статистической работы, вне всяких сомнений, поспособствовали и политики. Стремление Гитлера к развязыванию войны в конце 1930-х годов привело к тому, что он пошел на азартную иррациональную авантюру. Однако это было сделано без учета реалистичной оценки экономического потенциала Германии. Система рационального планирования предполагала наличие четко сформулированных целей, а этого у руководства Третьего рейха не было.

В другой политической ситуации само наличие механизма экономического планирования могло бы использоваться как политическое оружие, с помощью которого руководству удалось бы заставить принять то или иное нелегкое политическое решение. Однако Геринг, благодаря которому Ляйссе смог сделать карьеру, не был готов взять на себя такую ответственность. Приоритеты так и не были расставлены, зато была преодолена неловкость, возникшая из-за того, что продолжало существовать Управление по планированию, которому было нечего планировать — Ляйссе теперь занимался решением менее важных административных задач. Однако фиаско статистической работы в нацистской Германии объяснялось не только теми факторами, которые перечислены в этом традиционном политическом нарративе.

Неудачи в статистике не сводились к политическим неудачам. Даже если бы политическая система и помогла Ляйссе выстроить четкие приоритеты, совсем не очевидно, что у него были технические средства, необходимые для выполнения поставленных задач. Оказалось, что детально спланиро-

³⁵ A. Schröter and J. Bach, 'Zur Planung der wirtschaftlichen Mobilmachung durch den deutschen faschistischen Imperialismus vor dem Beginn des zweiten Weltkrieges', *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1978), 1, pp. 31–47.

вать сложное производство гораздо труднее, чем можно было себе представить. Хотя в руках германских статистиков имелись значительные ресурсы, их все-таки было недостаточно для того, чтобы добиться успеха. Кроме того, ситуацию осложняла проблема выбора методики. Управление военно-экономического планирования больше всего полагалось на методику материальных балансов, а это сводило на нет все его усилия. Несомненно, этот выбор был обусловлен ложными представлениями, унаследованными со времен Первой мировой войны, согласно которым обеспечение сырьем являлось основой подготовки промышленности к войне. К тому же сильное влияние продолжала оказывать мечта о том, что управлению удастся добиться полного прямого контроля над экономикой. На практике, однако, эта методика оказалась нежизнеспособной. Ее нельзя было использовать применительно к сложному производству. Она требовала предельного напряжения в работе статистиков и максимально тесного взаимодействия с военными.

Гораздо более подходящим во всех отношениях был метод «затраты—выпуск», в котором для агрегированного описания экономики использовались денежные показатели. Однако в 1937 году разработка таблиц «затраты—выпуск» была спущена на тормозах. Это было судьбоносное решение. Анализ на основе таблиц «затраты—выпуск» был единственной методикой, открывавшей реальные перспективы для всестороннего экономического планирования. Но осуществление такого анализа требовало очень высокой степени интеллектуальной и организационной сплоченности самого Управления военно-экономического планирования. Возможности для такого всестороннего национального экономического учета, подготовленные Вагеманном в 1920-х годах, продолжали сохраняться и в первые годы существования Третьего рейха. Однако после 1936 года статистическое ведомство рухнуло по внутренним причинам. Ляйссе повезло — промышленная перепись проходила в то время, когда она была полезна для Геринга, делавшего быструю карьеру. Это обеспечило статистике центральное место в политике нацистского государства. Однако, расколов Статистическое управление и сузив существовавшую методику до чрезмерно детализированного планирования в физических

показателях, Ляйссе похоронил мечту о всеобъемлющем контроле над экономикой. Таким образом, политический и технологический аспекты тесно переплелись. Это с еще большей отчетливостью проявилось в 1939 году.

IV

Смогло ли Управление военно-экономического планирования удовлетворить информационные потребности Третьего рейха? Безусловно, по этому поводу имелись определенные сомнения. К осени 1939 года ведомству Ляйссе удалось добиться лишь весьма скромных результатов. Велась подготовка к третьей, усовершенствованной, переписи промышленной продукции. Ожидалось, что в ходе этой переписи будет получен беспрецедентный обзор тех изменений, которые произошли в экономике Германии с 1936 года. Однако, как мы уже видели, практические результаты предыдущих переписей не были слишком впечатляющими. Тем временем германский бизнес продолжал изнывать под бременем статистической бумажной работы, которой с каждым днем становилось все больше и больше. Кроме того, непрекращающаяся конкуренция между Управлением военно-экономического планирования и Статистическим управлением могла еще больше ухудшить ситуацию. В 1937 году ропот общественности против статистической бумажной волокиты начал заметно усиливаться. Газета *Deutsche Allgemeine Zeitung* сообщила о вспышке «статистической истерии» — в таком состоянии пребывали чиновники, которым приходилось выполнять работу, не соответствовавшую их квалификации³⁶. Одни компании жаловались на то, что получали невероятное количество различных опросников. К другим компаниям обращались разные агентства с просьбой заполнить одинаковые опросники. Некоторым приходилось заполнять огромное количество копий одного и того же опросника, полученного от какого-то агентства по планированию³⁷.

³⁶ ВАР 62 DAF 3 17006 no. 1, *Deutsche Allgemeine Zeitung* 564, 3.12.1937 'Zuviel Statistik?'.
³⁷ См., например: ВАР 31.02 3568.

Раздражающие крючоктворство и бумажная волокита вызвали недовольство правительством у самых различных социальных групп. Это заставило Геринга вступить в борьбу. 13 февраля 1939 года рейхсмаршал издал Декрет об упрощении экономической статистики³⁸. Для того чтобы избавиться от излишней бумажной работы, в декрете было предусмотрено создание так называемого Центрального статистического комитета (Statistischer Zentralausschuss, SZa). В первую очередь, этот комитет должен был установить, какого рода экономическая информация могла запрашиваться, а также кто и от кого имел право ее получать. Следующая задача комитета состояла в том, чтобы определить, какие опросы было необходимо проводить, и отказаться от тех, которые представлялись излишними. Предполагалось, что в будущем для проведения любых новых опросов нужно будет получать разрешение комитета. Компании будут вправе отказаться отвечать на вопросы, если опросник не будет иметь особой отметки с одобрением комитета. Проведение неавторизованных статистических исследований будет наказываться штрафами.

Казалось, что с принятием этого декрета начинался новый период централизации. Будучи вторым человеком Рейха, Геринг обладал политическим влиянием, которого явно недоставало Шахту в 1935 году. Он имел возможность грубо пренебречь интересами других ведомств и потребовать подчинения центральным органам. На первых порах казалось, что от создания Центрального статистического комитета больше всего выиграет Статистическое управление. Административный штат Центрального статистического комитета состоял из сотрудников Статистического управления. Кроме того, заявки на проведение статистических исследований формально должны были направляться президенту Статистического управления. Вскоре после опубликования декрета президент Рейхардт в одной из своих работ выразил надежду на то, что комитету удастся сдержать распространение «нормировочной статистики» и восстановить полномочия официальной статистики³⁹.

³⁸ *RGBL* (1939), 1, p. 389.

³⁹ Reichardt, 'Die Reichsstatistik', pp. 88–90.

Рейхардт, однако, не смог даже отчасти выполнить эту задачу. За безобидным на первый взгляд административным фасадом Центрального статистического комитета замышлялись радикальные технические и идеологические проекты. В задачи комитета не входило укрепление Статистического управления. Совсем наоборот — комитет намеревался совершить настоящую революцию — собирая информацию, нужную для государства, он хотел иметь больше возможностей, чем позволяли рамки официальной статистики. Декрет был подписан Герингом, однако всеми делами комитета заправлял д-р Вальтер Грэвель, еще один энергичный директор департамента Статистического управления⁴⁰. Как уже говорилось в этой работе, карьера Грэвеля в Статистическом управлении началась в начале 1920-х годов. Он был человеком амбициозным и неуживчивым, и вскоре его перевели в рейхсканцелярию. Затем он поменял ряд временных должностей, пока в 1930 году не вернулся в Статистическое управление, теперь уже в должности директора департамента торговой статистики. Во время Великой депрессии он выступил в защиту «кредитной реформы», предусмотренной планом Вагеманна, а также, пользуясь своим положением в управлении, поддержал автаркическую торговую политику⁴¹. Тем не менее во время слушаний 1933 года он проявил себя одним из самых яростных критиков Вагеманна.

В вопросах организации статистической работы Грэвель оказывался неким провидцем. После полного провала переписи в начале 1920-х годов он сделал вывод, что переписи следовало бы заменить выборочными исследованиями и оценками полученных результатов. В начале 1930-х годов, возглавив департамент торговой статистики, он разработал концепцию интегрированной частно-государственной информационной системы, предложив таможенные декларации заменить на ежемесячные отчеты ведущих компаний, занимавшихся

⁴⁰ Биографию Грэвеля см. в: ASA, 40 (1956), p. 176.

⁴¹ E. Teichert, *Autarkie und Großraumwirtschaft in Deutschland 1930–1939. Außenwirtschaftliche Konzeptionen zwischen Wirtschaftskrise und Zweitem Weltkrieg* (Munich, 1984), p. 88.

импортно-экспортными операциями. Таким образом, можно было бы объединить национальные счета и бухгалтерию частных компаний⁴². В конце 1930-х годов Грэвель начал использовать свои связи в рейхсканцелярии для того, чтобы пролоббировать полномасштабную реорганизацию статистической системы⁴³. Теперь к его давнему неприятию традиционных статистических методик добавился еще и новый идеологический радикализм.

По мнению Грэвеля, постепенной реформы было недостаточно. Регулярные жалобы на шквал бумажной работы свидетельствовали о наличии серьезных внутренних проблем. По большому счету, существующая система государственной статистики не была приспособлена к нацистской идеологии «единого германского народа»⁴⁴. По сути, Грэвель перевернул с ног на голову либеральный анализ проблем германской государственной статистики, предложенный Рейхардтом. Как и Рейхардт, Грэвель полагал, что Третий рейх знаменует собой полный отход от старого порядка⁴⁵. Подобно Рейхардту, развитие государственной статистики в XIX веке он связывал с «либерализмом». Либеральные ограничения обусловили небогатый репертуар статистических исследований. Основные виды государственной статистической деятельно-

⁴² W. Grävell, 'Statistische Abgabe und Anmeldung zur Handelsstatistik', *ASA*, 22 (1932/ 1933), pp. 69–80.

⁴³ ВАР 07.01 FC 19853/591 no. 32, Grävell в Reichskanzlei (Reichskabinettsrat Willuhn) 17.3.1938.

⁴⁴ 'Die Stellung der Statistik im nationalsozialistischen Staat', *Braune Wirtschaftspost* 7 12.3.1938.

⁴⁵ Приведенный ниже обзор взглядов Грэвеля базируется на его работах, написанных в период с 1938 по 1941 год, включая следующие: Die Stellung der Statistik im nationalsozialistischen Staat', *Braune Wirtschaftspost* 7 12.3.1938; BAK 11 51 Fol. 1 no. 79, 'Niederschrift über die Sitzung des Ausschusses für Wirtschaftsstatistik des RvK am 17 November 1938'; MA 145835/13, 'Aufzeichnung über die Massnahmen, die zur Anpassung des statistischen Dienstes...', Grävell к Ilgner 2.10.1941; MA 1458 Fb 35/15, 'Organisation des statistischen Dienstes' (без даты, скорее всего, октябрь 1941); BAK 11 68 Fol. 1 RvK, 'Zur Frage der Ordnung des statistischen Dienstes' (конфиденциальная служебная записка от Грэвеля — Хикманну /RvK 18.11.1941); W. Grävell, 'Die Vereinfachung und Vereinheitlichung der Wirtschaftsstatistik', *ASA*, 30 (1941/1942) pp. 57–75.

сти базировались на принципе либерального различия между «государством» и «гражданским обществом». Претензии государственных статистиков на занятие привилегированного положения благодаря своим компетенциям были отражением идеи XIX века, согласно которой статистики, занимающие ответственные посты, возвышаются над обыденностью гражданского общества. Более того, принципы анонимности и конфиденциальности, которые ограничивали использование информации, полученной из статистических опросников, предполагали признание государством легитимных собственных интересов частных граждан. Разумеется, Рейхардт высоко ценил эти принципы, считая, что только они могут стать основой «научной» статистики в цивилизованном обществе. Для Грэвеля это было не более чем ностальгия.

В 1930 году юристы и политические теоретики нацистской Германии развернули целую кампанию против традиционных «либеральных» государственных взглядов⁴⁶. В частности, они критиковали прочно вошедшее в обиход представление XIX века о противопоставлении государства и гражданского общества. Под влиянием работ Гитлера нацистские теоретики подвергли критике эту ложную дихотомию, которая наделяла государство идеализированной властью⁴⁷. Государство не являлось самоцелью. Оно было всего лишь средством для достижения цели — благосостояния германской расы. Конечно, политические теоретики не имели в виду либерализацию гражданского общества, которое понималось как множество личностей с их собственными интересами. Нацистским идеалом народа (*Volk*) был строго дисциплинированный «единый немецкий народ» (*Volksgemeinschaft*), руководимый лично фюрером. Единственной приемлемой организацией политической власти была «естественная» иерархия «фю-

⁴⁶ E.-W. Böckenförde (ed.), *Staatsrecht und Staatsrechtslehre im Dritten Reich* (Heidelberg, 1985); M. Stolleis, *Gemeinwohlformeln im nationalsozialistischen Recht* (Berlin, 1974); M. Stolleis, 'Gemeinschaft und Volksgemeinschaft. Zur juristischen Terminologie im Nationalsozialismus', *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 20 (1972), pp. 16–38.

⁴⁷ R. Zitelmann, *Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs* (Stuttgart, 1990, 2nd edn.), pp. 64–69.

пер» — «народ» (Volk). Таким образом, государство вытеснялось с позиций главного представительного института власти германского общества, а сословие государственных служащих, которое, как считалось в XIX веке, возглавляло германскую нацию, было сброшено с трона.

Грзвель подверг такой же критике и организационную структуру германской экономической статистики. Третий рейх покончил с идеологией свободного рынка. Идеал «единого немецкого народа» был воплощен в контроле над экономической деятельностью. Деятельность компаний и работников направлялась в соответствии с волей фюрера. Роль статистиков состояла в том, чтобы обслуживать эту новую экономическую систему. В частности, они должны были обеспечивать всестороннее ежедневное отслеживание того, что происходило в экономике. Однако для выполнения такой задачи совершенно не подходили ни периодические опросы, анализ которых требовал много времени, ни трудоемкие переписи. Органам планирования требовались самая свежая информация об отдельных экономических агентах, а для этого была нужна система пересекающихся баз данных. Эти базы данных должны были содержать информацию о каждой компании и о каждом работнике в стране. По сути, нужна была всего единая сплошная база данных, которая на бумаге давала бы полное представление об экономике; база данных, которая постоянно обновлялась бы и была бы всегда доступна любому уполномоченному ведомству. Тогда для того, чтобы сделать обзор национальной экономики, потребуется всего лишь пролистать эту базу данных. Однако судя по опыту Управления военно-экономического планирования, централизованное руководство такими гигантскими информационными системами не могло быть эффективным. Для того чтобы данные постоянно обновлялись и могли предоставляться по требованию, они должны находиться в руках децентрализованных ведомств. Дублирования записей можно было бы избежать, обязав каждый центр, поддерживающий свою базу данных, предоставлять информацию всем уполномоченным агентствам по планированию. И все это не пустые мечты. Возможности такой административной системы уже были продемонстрированы на практике

Имперской службой труда, разработавшей свою систему «трудо-вых книжек»⁴⁸.

Впервые трудовые книжки начали выдавать в 1935 году по инициативе военных, которые в то время вновь вводили обязательную воинскую повинность⁴⁹. Все жители страны, работавшие по частному контракту, должны были зарегистрироваться у своего работодателя и завести трудовую книжку. Копии трудовых книжек хранились в Имперской службе труда, которая таким образом получала полную базу данных о трудоустройстве населения. В этих книжках содержалась информация о возрасте работника, его семейном положении, предыдущих местах работы и обучении⁵⁰. К концу 1930-х годов обязательные трудовые книжки были введены для всего экономически активного населения Германии. В результате была получена внушительная база данных. Летом 1938 года был проведен обзор 22 миллионов рабочих — для этого потребовалось просто просмотреть картотеку, находившуюся в распоряжении Имперской службы труда. Поскольку эта процедура происходила в стенах Службы труда и не требовала выпуска опросников для населения, для обзора потребовалось как никогда мало времени. В течение всего лишь пяти недель были получены региональные и национальные данные, которые были расклассифицированы по полу, по возрастным группам и по 200 категориям занятости⁵¹.

По мнению Рейхардта, проект Грэвеля означал конец официальной статистики как отдельной области государственного управления, то есть, иначе говоря, как отрасли знания, наделенной особыми полномочиями. Статистики, работавшие с цен-

⁴⁸ H. Kahrs, 'Die ordnende hand der arbeitsämter. Zur deutschen Arbeitsverwaltung 1933 bis 1939', в *Arbeitsmarkt und Sondererlass. Menschenverwertung, Rassenpolitik und Arbeitsamt* (Berlin, 1990), pp. 9–61.

⁴⁹ T. W. Mason, *Sozialpolitik im Dritten Reich. Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft* (Opladen, 1977, 2nd edn.), p. 162.

⁵⁰ R. von Valta, 'Das Arbeitsbuch in der Statistik', *ASA*, 27 (1937/1938), pp. 263–273.

⁵¹ R. von Valta, 'Die Statistik des Arbeitseinsatzes', in *Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen stand. Ehrengabe für Friedrich Zahn*, ed. F. Burgdörfer (Berlin, 1940), 2, pp. 663–675 и R. von Valta, 'Die erste Arbeitsbucherhebung vom 25. Juni 1938', *ASA*, 28 (1939), pp. 401–421.

тральной базой данных, должны были сохранить свои прежние функции и готовить обзоры. Однако, поскольку теперь их данные должны были извлекаться из общей базы, находящейся в руках агентств по планированию, «государственные статистики» уже не имели бы возможности претендовать на исключительность своих результатов. В то время как для Рейхардта такая перспектива казалась ужасной, Грэвель мечтал о том дне, когда навсегда исчезнет различие между централизованными «официальными» и децентрализованными «неофициальными» данными.

Естественно, система, предлагаемая Грэвелем, оказала бы влияние и на гражданское общество. Германские бизнесмены были бы защищены от бесконечных опросов. В будущем им нужно было бы лишь регулярно предоставлять отчеты в центры баз данных, которые, как предполагалось, станут посредниками между экономическими агентами и органами планирования. Таким образом, предпринимателей можно было бы освободить от изнурительной бумажной работы. Однако в то же время они попадут под пристальное наблюдение и контроль органов планирования, которые будут действовать через центры баз данных. В каждом офисе будет свой «государственный статистик», прошедший систематическое обучение в новой Национальной академии статистики. В системе Грэвеля теряли смысл принципы анонимности и конфиденциальности. Компании больше не смогут надеяться на то, что их ответы, отосланные в Статистическое управление, ведомство по контролю над сырьем или налоговые службы, будут рассматриваться конфиденциально и в индивидуальном порядке.

Грэвель не мог не понимать, что такая угроза «приватности» может привести к тому, что бизнес будет предоставлять ложную информацию. Однако он считал, что система всестороннего экономического регулирования, существовавшая в Третьем рейхе, позволит с легкостью опознать фальшивые данные. К тому же, как убедил себя Грэвель, в любом случае в стране, где проживает «единый немецкий народ», такое эгоистичное поведение будет не правилом, а редким исключением. На самом деле, германский бизнес не имел возражений

против проекта Грэвеля⁵². У Имперской промышленной группы было одно важное преимущество — она могла претендовать на сокращение количества несанкционированных опросов. К 1939 году понятия конфиденциальности и анонимности уже не имели никакого значения. Если одному органу планирования было отказано другим органом планирования в получении какой-либо информации, то он имел возможность раздобыть эту информацию самостоятельно. От огромного количества запросов уже было никуда не деться. Комитет Грэвеля мог по крайней мере повлиять на то, чтобы свести бумажную работу к минимуму.

Стоит сделать небольшую паузу, прежде чем мы перейдем к рассмотрению тех изменений, которые произошли по инициативе Грэвеля. Он так же, как и Ляйссе, стремился получить выгоду от все большей радикализации нацистского режима. Для Ляйссе происходивший развал статистической системы был сигналом к тому, чтобы начать разделение Статистического управления на отдельные специализированные статистические бюро. Грэвель же, наоборот, воспринимал распад существующей государственной структуры как свидетельство гораздо более глубоких проблем во взаимоотношениях между государством и гражданским обществом. Его волновала проблема, которая и является главной темой этой книги, — проблема взаимозависимости идей, связанных с технической организацией информации, имеющейся у государства и представлений о политической системе. Он формулировал эту проблему в стилистике нацистской идеологии, однако германские статистики пытались найти ответ на этот вопрос как минимум со времен Первой мировой войны. Война серьезно дестабилизировала германское государство, а вместе с ним и представления о нужном размахе и правильной организационной структуре государственного экономического знания. Грэвель совершенно правильно отказался от концепции государства, которую так страстно защищал Рейхардт, — концепции, соглас-

⁵² ВАК R 11/51 по. 36, записка о совещании Комитета экономической статистики Управления военно-экономического планирования. 2.6.1939. Об отдельных случаях см.: МА 1458 35/64 и 35/75.

но которой государство противостоит гражданскому обществу и занимает по отношению к нему главенствующее положение.

В вильгельмовский период такие представления могли существовать только благодаря определенным ограничениям по проведению государственных опросов. В 1920-е годы государственным статистикам пришлось научиться договариваться с частными компаниями, у которых они хотели получить информацию. Это была обычная практика конъюнктурных исследований. Однако именно такие исследования и навели Грэвеля на мысль об интегрированной системе торговой статистики. В первые годы гитлеровского режима еще было можно рисовать в своем воображении картины того, что национальная революция откроет в Германии новую эпоху авторитарного этатизма, а Статистическое управление возьмет под свой контроль централизованную систему информации, основанную исключительно на бизнес-группах, в которые были обязаны вступать предприниматели. После того как произошел «второй захват власти» нацистами, этим фантазиям пришел конец. В конце 1930-х годов стало предельно ясно, что нацизм — это не только один из вариантов авторитарного консерватизма. На самом деле неумное стремление нацистов к власти бросило вызов не только существовавшему государственному аппарату, но и самой идеологии «сильного государства». Теперь государство должно будет служить целям «единого немецкого народа», а осуществлять руководство будет фюрер. Для Рейхардта радикализация режима означала катастрофу. Для Грэвеля же это была просто возможность освободить статистику от пут либерализма.

Таким образом, Грэвелю удалось придать новое звучание много лет вынашиваемому плану по созданию интегрированной системы экономической информации. По другим вопросам он также вернулся к идеям 1920-х годов. Основным объектом его системы контроля была отдельная компания. Подобно реформаторам 1920-х годов Грэвель отвергал понятие абстрактной «технической производственной единицы» в качестве фундаментальной единицы промышленной статистики. Базовым строительным блоком современной экономики, по его мнению, должна была стать компания, а не производствен-

ный цех. Целью Грэвеля было создание эффективной системы практического надзора и контроля. Такая система должна была поддерживаться с помощью административного аппарата современной производственной компании, которая была бы в состоянии предоставлять актуальную информацию, а также получать распоряжения из центра. Тогда экономика в базах данных Грэвеля описывалась бы не как абстрактная система кругооборота, а как совокупность компаний. По представлениям Грэвеля, управление хозяйством будет осуществляться согласно тщательно продуманным планам, предполагающим строгое регулирование затрат ресурсов и выпуска продукции наиболее важных отраслей экономики. Грэвель полагал, что необходимую совокупную информацию можно собрать, просто объединив все сведения о германских промышленных компаниях, хранящиеся в национальной базе данных. В его системе взглядов не было места для планирования экономических показателей, независимых от тех, которые использовались самими предпринимателями; в ней не предполагалось проведение специализированных опросов, столь необходимых для экономистов. Его концепция вообще была лишена экономической науки как таковой. Статистикам он отводил чисто техническую роль, полагая, что их задача состоит в том, чтобы организовать четко налаженную систему надзора, максимизировав объем доступной информации, но минимизировав при этом стоимость сбора данных.

V

Неудивительно, что Центральный статистический комитет Грэвеля оказал весьма неоднозначное влияние на информационную систему Третьего рейха. Центральный статистический комитет начал свою деятельность весной 1939 года с того, что безжалостно отменил все «ненужные» статистические исследования. Комитет столкнулся с пугающим количеством проблем. Первым делом он приступил к сбору статистических данных о самой статистике. Судя по заявкам, поступившим в комитет, в апреле 1939 года в разработке находилось не менее 1600 регулярных статистических исследований в области не-аг-

рарной экономики⁵⁵. В период с февраля по октябрь 1939 года, то есть за девять месяцев своего существования, в комитет Грэвеля на рассмотрение было направлено 852 заявки. К началу 1940 года, через 12 месяцев после начала работы комитета, количество заявок увеличилось до 1195. Вся эта бумажная работа лавиной обрушилась на небольшой коллектив Статистического комитета, которому к октябрю 1939 года удалось обработать лишь 322 заявки⁵⁴. Заявки на исследования, которые не были сразу одобрены, лежали под сукном, ожидая окончательного решения комитета.

С началом войны, когда половина сотрудников комитета была мобилизована на военную службу, Грэвель столкнулся с еще более серьезными проблемами⁵⁵. В течение первого года своей работы комитет смог рассмотреть 604 заявки, и это далось ему нелегко. Было отклонено 135 заявок и одобрено 194; условное одобрение получили 237 заявок⁵⁶. Попавшие в поле зрения комитета 32 несанкционированных исследования были закрыты⁵⁷. При таких темпах работы для того, чтобы рассмотреть всю существовавшую статистическую систему, потребовалось бы почти три года. Тем не менее нельзя отрицать и тот факт, что некоторыми административными недоработками Третий рейх был обязан Статистическому комитету. Из периодических обзоров, проводимых весной 1939 года, к октябрю 1943 года было прекращено 450 (28%). На проведение оставшихся 1150 было дано разрешение, однако в ряде случаев только при условии существенного упрощения процедуры⁵⁸. Таким образом, благодаря деятельности комитета уставший

⁵⁵ Gädicke, 'Kriegswichtige Statistik', *National Zeitung* 174 10.10.1943.

⁵⁴ MA 1458 35/1 no. 114, 'Bericht über die Tätigkeit und Erfahrungen des Statistischen Zentralausschusses', без даты, но, скорее всего, конец октября 1939 года.

⁵⁵ BAP 31.02 2945 no. 11, SZa to Präs. SRA 1.11.1939.

⁵⁶ BAP 62 DAF 3 17006 no. 48, 'Ein Jahr SZa', *Deutsche Wirtschaftszeitung* 17 25.4.1940.

⁵⁷ BAK R 7/1266 Fol. 1 no. 46 W. Grävell, 'Ordnung in der Wirtschaftstatistik. Ein Jahr SZa', *Vierjahresplan* 20.4.1940.

⁵⁸ BAP 62 DAF 3 8828 no. 36, 'Wirtschaftsstatistische Erhebungen nur mit Genehmigung des SZa', *Deutscher Handelsdienst* 8.7.1943.

от статистических опросов германский бизнес мог наконец-то с облегчением вздохнуть. К тому же комитет ввел ограничения на заполнение различных заявок и других бумаг, которые, как правило, распространяются в начале войны.

Однако в своих смелых планах Грэвель не ограничивался лишь сокращением административной волокиты. Он надеялся на создание совершенно новой статистической системы, при которой на смену требующим много времени и сил централизованным переписям придут децентрализованные обзоры и взаимосвязанные базы данных. Важные шаги в этом направлении были предприняты в 1938–1939 годах, когда был осуществлен переход на систему ежемесячных промышленных отчетов, представляемых в Имперскую промышленную группу. Как мы уже видели, после захвата власти нацистами, эта система была значительно расширена. К 1938 году в ежемесячные отчеты попадала информация о приблизительно 60% работников промышленности. Теперь же Брамштедт поставил задачу сделать отчеты важнейшим источником германской статистики. Для этого было необходимо их расширить и добиться, чтобы поступающая информация охватывала 90% рабочей силы. Ежемесячные отчеты следовало распространить как минимум на 80000 промышленных компаний.

Такое гигантское расширение отчетной системы предполагало и новую функцию самих отчетов. Изначально отчеты представляли систему регулярно получаемых показателей. После 1933 года они превратились в механизм контроля в руках промышленных групп, вступление в которые было обязательным. Теперь расширенная система ежемесячных отчетов должна была стать основой новой базы данных, создаваемой сотрудниками Грэвеля. Предполагалось, что отчеты добавят свежую информацию в децентрализованные картотеки, с которыми работали сами бизнес-группы. В ежемесячных отчетах должна была предоставляться свежая информация для картотек, которые находились в руках у каждой компании, входившей в бизнес-группы. При обработке данных такого объема децентрализация была технической необходимостью. Департамент Брамштедта и так еле-еле справлялся с обработкой 16000 ежемесячных отчетов. Для работы с 80000 отчетов по-

требовалось бы огромное расширение штата. Поэтому, как казалось, было бы лучше, если бы сами бизнес-группы взяли на себя обязанность раздавать ежемесячные опросники, собирать их и обрабатывать. Имперская промышленная группа в случае необходимости могла бы предоставлять бизнес-группам табуляторы Холлерита. Статистическое управление тогда занималось бы координацией децентрализованного процесса и составлением показателей для всей страны⁵⁹.

При таком положении дел различные организации германской промышленности будут иметь всестороннюю и современную базу данных. Им больше не придется дожидаться, когда к ним придет информация из Статистического управления. Наоборот, данные будут поступать к ним из нижестоящих организаций. Государственные статистики в этом случае смогут добиться невиданной ранее степени охвата респондентов. Германская система промышленных отчетов была, наверное, самой крупной в мире системой такого рода. Никогда ранее промышленные компании не предоставляли столь подробных отчетов, причем с такой регулярностью. У статистиков отсутствовала информация лишь о самых мелких компаниях. Однако в то же время Статистическое управление готовилось распространить практику выдачи разрешений на проведение опросов тем организациям, над которыми оно осуществляло только косвенный контроль.

Такой была логика грандиозного плана Грзвеля. И это не могло не вызывать беспокойства в высшем эшелоне статистиков. Брамштедт отчетливо заявил, что децентрализацию не следует воспринимать как разрешение на отход от правил. Любое отклонение от стандартной процедуры поставит под сомнение ценность всей системы статистических опросов. На своей последней встрече с представителями Имперской промышленной группы Брамштедт подчеркнул, что он всегда был «фанатом агрегирования». Для того чтобы защитить целостность системы, он готов даже пойти на использование насильственных мер. Либерализму пришел конец. Если возникнет необходимость распространить контроль на тончайшие капилляры эко-

⁵⁹ ВВА 15 433, RgI в Wg Bergbau 3.8.1938 и RgI в Wg Bergbau 28.9.1938.

номики, то Статистическое управление не сможет более находиться на нейтральной дистанции от гражданского общества. Ему тогда придется непосредственно использовать данные бизнес-организаций, а при необходимости прибегать к мерам принуждения. Поставленная задача была выполнена к концу 1939 года. Приблизительно 80 000 компаний, на которых трудилось 93% рабочих Германии, ежемесячно предоставляли отчеты соответствующим бизнес-группам⁶⁰.

Однако планы Грэвеля не ограничивались одной лишь децентрализацией. Еще одна важная задача состояла в том, чтобы обеспечить взаимодействие всех подразделений, занимавшихся сбором информации. Система децентрализованных баз данных имела смысл только в том случае, если бы организации, поддерживающие эти базы данных, были готовы предоставить доступ к информации всем заинтересованным ведомствам. В этом и заключалась главная особенность плана Грэвеля. По сути, это полностью отменяло принцип конфиденциальности, который традиционно препятствовал тому, чтобы государственные статистики предоставляли какую-либо информацию об отдельных респондентах в другие государственные ведомства⁶¹. Взамен этим ограничительным принципам Грэвель надеялся создать единый контролирующий аппарат, который давал бы свободный доступ к частной информации о гражданах страны, что способствовало бы еще более широкому применению государством насильственных мер.

Однако на практике скоро обнаружилось, что в своих планах Грэвель недоучел некоторые важные политические реалии. Границы конфиденциальности, которые позволяли скрывать информацию различных ведомств государственного аппарата от других ведомств, касались не только щекотливых статистических данных. Эти границы проводили демаркационную линию между бюрократическими империями. Органы планирования ревностно охраняли информацию о своих компа-

⁶⁰ E. Gierth, 'Aufbau und Methode der Industriebereichterstattung', ASA, 30 (1941/1942), pp. 298–299.

⁶¹ Этот вопрос обсуждался на заседании Центрального статистического комитета в июне 1939 года. См.: MA 1458 35/1 no. 96, SZa meeting 27.6.1939.

ниях-«клиентах» и наотрез отказывались открывать доступ к своим данным Центральному статистическому комитету⁶². По отрывочным архивным записям невозможно выяснить, каким объемом информации другие ведомства были готовы делиться с Центральным статистическим комитетом. Судя по имеющимся у нас данным, речь может идти только о весьма ограниченном объеме⁶³. К августу 1941 года, обработав более 1000 статистических обзоров, комитет смог добиться взаимодействия лишь с десятком не самых важных ведомств. По всей вероятности, реальный объем информации, которой были готовы делиться другие подразделения, был гораздо меньше, чем казалось Грэвелю.

Активное вмешательство Грэвеля имело на самом деле негативный эффект. Летом 1939 года Управление военно-экономического планирования, возглавляемое Ляйссе, обратилось к Центральному статистическому комитету с просьбой разрешить проведение следующей промышленной переписи. Это обращение привело к бюрократическим баталиям, которым было суждено определить будущее экономической статистики в Третьем рейхе. Как всегда, на карту была поставлена политика, проводимая этими ведомствами. По мнению Грэвеля, независимые действия Управления военно-экономического планирования никак не соответствовали пропагандируемой им идее об интеграции статистической системы. Ляйссе же раздражали наглые притязания Грэвеля на полноправную власть в области экономической статистики. Грэвель, наверное, мог бравировать поддержкой Геринга, но и Управление военно-экономического планирования имело возможность обратиться к нему как к верховному уполномоченному. Однако, как обычно случалось в спорах между статистиками, проблемы были не только политического, но и технического характера. Перепись Ляйссе могла выставить на посмешище все грандиозные планы Грэвеля.

⁶² См.: BAK R 7/1266-1270. Этот документ свидетельствует о борьбе за доступ к опросникам предприятий горнодобывающей промышленности, которая развернулась между департаментом горнодобывающей промышленности министерства экономики, Трудовым фронтом и комитетом Грэвеля.

⁶³ BAK R 7/1270 Fol. 1 no. 167, 'Übersicht über die Genehmigungsbescheide des SZa', август 1941 г.

Переписи промышленной продукции сохранили дух государственных переписей XIX века, то есть традицию, которую Грэвель объявил устаревшей⁶⁴. Смысл переписей состоял в том, чтобы удовлетворить потребности центрального правительства, а не местных органов контроля. Они имели строго централизованный характер, и перед ними стояла важная задача — применить единую концептуальную схему к промышленной экономике в целом. Индивидуализированная информация являлась побочным продуктом переписей, и получить ее можно было только в одном централизованном агентстве, которое к тому же работало очень медленно. Попытка вменить в обязанности Управлению военно-экономического планирования планирование мобилизации в отдельных компаниях не имела никаких шансов на успех. С точки зрения Грэвеля, Управление военно-экономического планирования воплотило в себе все недостатки, присущие классической государственной статистике. Сложные опросники, предъявляемые во время переписи, были главной обузой для германских промышленных компаний. Кроме них организовывалось множество регулярных административных статистических исследований, таких, например, как опросы, которые проводили органы надзора, бизнес-группы и «Сословие кормильцев Рейха» (Reichsnährstand). По итогам этого трудоемкого процесса агрегированные данные появлялись с опозданием, спустя месяцы, если не годы. А это означало, что Управление военно-экономического планирования было не в состоянии эффективно обрабатывать собранную им базу данных. Неудивительно, что обращение Управления военно-экономического планирования к Центральному статистическому комитету стало «пробным» делом, имеющим принципиальное значение.

Конфликт между Центральным статистическим комитетом и Управлением военно-экономического планирования начался с мелких административных неурядиц. Ляйссе было отказано в разрешении на единый пакет опросников⁶⁵. Вместо этого

⁶⁴ ВАР 31.02 3090 no. 65 RWP, 'Verf. Vorbereitung der Generalerhebung 1939' 20.5.1939.

⁶⁵ ВАР 31.02 3628 no. 21, RWP в Führungsstab GBW 31.3.1939.

Управлению военно-экономического планирования пришлось подавать на отдельное согласование каждый специально составленный опросник, входивший в предполагаемую перепись, а таких было сотни⁶⁶. К лету 1939 года этот административный конфликт перерос в полномасштабную битву за будущее германской статистической системы, в ходе которой комитет и управление отстаивали диаметрально противоположные точки зрения. По мере того как десятки опросников, входивших в перепись, проходили через руки Центрального статистического управления, административные мелочи начинали восприниматься как дело принципа. Какое будущее ждет государственную статистику: проведение еще более усовершенствованных централизованных переписей или создание сети децентрализованных, постоянно обновляемых баз данных? Грэвель поставил под вопрос само существование Управления военно-экономического планирования. Он полагал, что статистика производства больше не является независимой областью экономической статистики. «Она должна быть интегрирована в общую систему экономической статистики», — писал он⁶⁷. Крупномасштабные централизованные статистические исследования, которые традиционно продолжало Управление военно-экономического планирования, давно отжили свой век:

Сегодня статистические данные по отдельным промышленным компаниям требуются как минимум десятку групп интересов: региональным экономическим управлениям, бизнес-группам и их подразделениям, техническим управлениям Трудового фронта, органам надзора над производством вооружения и т. д. Такая информация должна все время обновляться и сразу же выдаваться по требованию. Невозможно удовлетворить такие статистические требования с помощью крупномасштабных одноразовых централизованных переписей. Как показывает опыт, невозможно вовремя предоставить заинтересованным лицам агрегированные или отдельные данные, полученные в ходе таких переписей⁶⁸.

⁶⁶ ВАР 31.01 8916, заседание Центрального статистического комитета от 21.8.1939.

⁶⁷ ВАР R 7/1266 Fol. 1 no. 59, SZa в RWM 18. 4.1940.

⁶⁸ Ibid., pp. 1–2.

Эффективно удовлетворить такие информационные потребности можно было только с помощью постоянно обновляющихся баз данных, которые поддерживались бы на местах. Ляйссе и Управление военно-экономического планирования отбивались от атак комитета Грэвеля, доказывая, что их переписи давали подробный обзор всей экономики Германии⁶⁹. Для всесторонней переписи требовалась детально разработанная система взаимосвязанных вопросов, с помощью которых можно было бы проследить сложные отношения между отраслями промышленности. Нереально заменить такие переписи на «сборную солянку» из децентрализованных обзоров. Органы планирования и надзора были слишком заняты частными вопросами, а собираемые ими данные были настолько ненадежны, что их нельзя было использовать в качестве основы для стратегического обзора экономики промышленности.

В этой борьбе за будущее германской статистики позиция Ляйссе была более слабой. Сначала Управление военно-экономического планирования вообще не было приглашено для участия в дебатах, проводимых Центральным статистическим комитетом. Это управление получило такую возможность только летом 1939 года, вместе с другими важными органами планирования, которые до этого также не имели представительских мест в комитете⁷⁰. Политическое положение Ляйссе также было невыгодным, поскольку его управление формально подчинялось Вальтеру Функу, министру экономики, которого вряд ли можно было назвать сильным руководителем. В то же время Центральный статистический комитет мог похвастаться тем, что пользуется личной поддержкой Геринга и создателями Четырехлетнего плана⁷¹. Грэвель также мог призвать себе на помощь и бизнес-группы, которые протестовали против дальнейшего увеличения бумажной работы⁷². С началом

⁶⁹ MA 1458 35/68 no. 48, запись от 21.8.1939, а также BAP 31.01 8916, заседание Центрального статистического комитета от 21.8.1939.

⁷⁰ MA 1458 35/1 no. 96, заседание Центрального статистического комитета (SZa) от 27.6.1939.

⁷¹ BAK R 7/1266 Fol. 1 no. 22, записка RWM от 19.8.1939, p. 2.

⁷² MA 1458 35/54 no. 61–67.

войны в сентябре 1939 года эта проблема еще больше обострилась. Вследствие призыва на военную службу резко сократилось число квалифицированных офисных работников. Бизнес старался изо всех сил поддерживать порядок в своих отчетах и других бумажных делах и поэтому был совершенно не готов взвалить на себя еще и дополнительные хлопоты по заполнению опросников переписи.

В конечном счете решающим фактором все-таки оказались неудачи Ляйссе в организации планирования гражданской мобилизации. Планирование давало Ляйссе обоснование для проведения промышленных переписей. Переписи 1933 и 1936 годов были поразительным техническим достижением. Если бы Ляйссе удалось реализовать их практический потенциал, то, вне всякого сомнения, Грэвель не смог бы выступить с критикой подготовки к переписи 1939 года. Однако Управление военно-экономического планирования так и не предложило никакой практической методологии. Поэтому Грэвелю не составило труда доказать, что третья промышленная перепись — это ненужная роскошь, которую Третий рейх не может себе позволить.

VI

В конце 1930-х годов в статистической системе Третьего рейха начался период саморазрушения. Почва для такого кризиса была подготовлена хаотичной политикой, проводимой руководством Третьего рейха. Однако вряд ли ожесточенная борьба за власть между такими фигурами, как Геринг, Шахт и Функ с одной стороны и военными с другой, могла сама по себе привести к полному распаду имперского аппарата государственной статистики. Деструктивная связь между политикой и технологией статистики была создана самими статистиками: их бесконечные методологические споры, их конкуренция между собой и присущий им оппортунизм — именно эти факторы и привели к разрушению Статистического управления. В надежде на существенные позитивные сдвиги Ляйссе расколол Статистическое управление. Стремясь быть полезным режиму, он скомпрометировал даже то небольшое, что осталось от макроэкономических конъюнктурных исследований. Деятель-

ность Управления военно-экономического планирования завела германскую экономическую статистику в технологический тупик. Если бы промышленная перепись готовилась в соответствии с таблицей «затраты—выпуск», то можно было хотя бы предположить, что такой подход сформирует основу системы надзора и контроля, распространяющейся на все области экономики. Вместо этого перепись так и не была проведена из-за нереализуемой системы крайне централизованного и индивидуализированного планирования. Это распахнуло двери для Грэвеля и его политики — гремучей смеси технического и политического радикализма. В конце 1930-х годов германское государство распалось по внутренним причинам.

7. Вторая мировая война и возврат к макроэкономике

Если бы наше повествование завершилось 1939 годом, то это была бы странная история о статистике, которая претендует на технократичность. Экстравагантная бюрократическая статистика 1930-х годов так и не создала для нацистской Германии эффективной информационной системы. Вместо этого конкурирующие статистические ведомства, перессорившиеся из-за наследия Вагеманна, все время пытались поставить друг другу подножку. Конъюнктурные исследования заложили основу для промышленных переписей, которые сулили огромные перспективы. Это сподвигло Ляйссе на то, чтобы разделить Статистическое управление и создать Имперское управление военно-экономического планирования (RwP), еще одну независимую бюрократическую вотчину. Грэвель же, стремясь осуществить собственные грандиозные замыслы, решил пойти еще дальше и реорганизовать не только Статистическое управление, но также и Управление военно-экономического планирования, возглавляемое Ляйссе. Вот уж действительно, *reductio ad absurdum*¹. И Ляйссе, и Грэвель руководствовались определенной логикой, однако ни тому ни другому не удалось создать работающую информационную систему. Кроме того, в любом случае неочевидно, имелась ли «где-то там», в политических дебрях Третьего рейха, аудитория, готовая воспринять эту информацию. Потенциальные технократы, не жалея сил, трудились над созданием опросников и обзоров, а было ли это кому-нибудь нужно?

¹ доведение до абсурда. — *Прим. пер.*

Этот вопрос не лишен скепсиса, и для того, чтобы ответить на него, необходимо включить в наш нарратив военный период. Как будет показано в этой главе, система планирования, которая принесла славу министерству вооружения под руководством Альберта Шпеера, восходила непосредственно к макроэкономическим схемам национальных счетов, разработанным Эрнстом Вагеманном в 1923 году. Модернистские эксперименты 1920-х годов и планирование периода Второй мировой войны соединяет между собой величественный мост преемственности. В 1940-х годах Вагеманн вместе со своим институтом вновь взлетел на вершины власти, стремясь вернуть статистике Третьего рейха утраченный порядок, реализм и интеллектуальную мощь. Трудно назвать фарсом такую судьбу статистики. Нельзя считать ее и историей со счастливым концом. Скорее, это была трагедия.

К 1940-м годам хрупкие структуры германского государства находились в плачевном состоянии. Для Шпеера и его сподвижников экономическая администрация Рейха была все равно что груда ржавого железа на кладбище старых автомобилей. Можно вспомнить слова Нойманна, который назвал политическую структуру Третьего рейха «не-государственной»². Критерии принадлежности к власти были предельно простыми: доступ к фюреру, контроль над одной из силовых структур, руководство производством. Эксперты, обладавшие полезными знаниями, могли обеспечить себе место в коридорах власти. Это хорошо удалось Вагеманну и его сотрудникам. К 1943 году возглавляемый им институт стал главным источником информации для Комитета центрального планирования военной экономики Германии. Однако за окончательную реализацию своих технократических фантазий Вагеманну пришлось дорого заплатить: подобно Фаусту, продавшему душу Мефистофелю, Вагеманну пришлось пойти на сделку с Гансом Керлем, одним из самых безжалостных нацистских технократов, которому удалось выдвинуться в последние годы существования

² F. Neumann, *Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944* (New York, 1944), p. xii; Ф. Нойман, *Бегемот. Структура и практика национал-социализма, 1933–1944 гг.* (Санкт-Петербург, 2015), с. 25.

гитлеровского режима³. Воодушевленный идеологией нацизма, Керль заставил своих сотрудников разработать совершенно новую модель управления, а также досконально изучить все возможности централизованного экономического планирования. Институт Вагеманна стал его соучастником в теоретическом обосновании использования таких средств насилия, которые в 1920-е годы нельзя было даже вообразить.

I

Когда началась Вторая мировая война, германская статистика находилась в процессе трансформации. После многолетней подготовительной работы возглавляемое Ляйссе Управление военно-экономического планирования все еще продолжало разработку мобилизационных планов для основных видов сырья. В Центральном статистическом комитете развернулась борьба по поводу промышленной переписи, запланированной на 1939 год. Точка в этих спорах была поставлена после того, как политическое фиаско потерпел Вальтер Функ, главный покровитель Ляйссе. В задачи Управления военного планирования входила подготовка планов по самой жесткой мобилизации гражданской экономики под управлением офиса генерального уполномоченного по вопросам военной экономики (GBW). С началом войны, осенью 1939 года, генеральный уполномоченный сразу же приступил к реализации своей программы, в которой предполагалось урезать заработные платы, усилить контроль над ценами, повысить размер налогов, а также запустить программу перевода гражданских предприятий на военные рельсы. Однако даже легкий намек на такие мероприятия вызвал шквал недовольства со стороны представителей мелкого бизнеса.

По всей вероятности, Функ надеялся на поддержку местных организаций нацистской партии. Однако вместо того, чтобы оказать Функу поддержку, те напрямую направили свои жалобы в Берлин, сгустив при этом краски. Гитлер и Геббельс, участие которых при решении столь сложных задач было принципиаль-

³ R.-D. Müller, *Der Manager der Kriegswirtschaft. Hans Kehrl: Ein Unternehmer in der Politik des Dritten Reiches* (Essen, 1999).

но важным, переложили всю ответственность на Функа. За несколько недель программы перевода гражданских предприятий на военные рельсы и ужесточения фискальной политики были приостановлены. Функ почувствовал себя оскорбленным, и его раздражение рикошетом отразилось на всех инстанциях административной системы. Ляйссе, как оказалось, потерял свою политическую поддержку. Грэвель же, имея в лице Геринга такого высокопоставленного покровителя, чувствовал себя на вершине славы. Начало военных действий послужило отличным предлогом для того, чтобы прекратить все дебаты по поводу проведения промышленной переписи в 1939 году. Центральный статистический комитет отказался выдать разрешение на опросники. Управление военно-экономического планирования осталось не у дел и в июне 1940 года было расформировано. Ляйссе и его немногочисленные сотрудники, оставшиеся от прежнего штата, снова были присоединены к Статистическому управлению. Теперь, как и раньше, их подразделение называлось департаментом промышленной статистики⁴.

К началу войны у германской экономики отсутствовало центральное руководство⁵. Военные целенаправленно забрали под себя функции распределения увеличивающегося количества сырья — стали, других металлов и нефти, а также трудовых ресурсов. Контроль над сектором гражданской промышленности оставался в основном в руках теперь децентрализованных бизнес-групп. С началом войны агентства по надзору, которые начиная с 1934 года отвечали за распределение сырья, были переименованы в имперские агентства и переданы под управление соответствующих промышленных групп. Как и во время Первой мировой войны, контроль над запасами германского сырья перешел в руки промышленников. Как и планировал Грэвель, бизнес-группы теперь превратились в командные центры промышленной статисти-

⁴ BAP 31.02 3045 no. 21, SRA Präs. распоряжение 4.6.1940.

⁵ R.-D. Müller, 'Die Mobilisierung der Deutschen Wirtschaft für Hitlers Kriegsführung', in B. R. Kroener, R.-D. Müller and H. Umbreit, *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg* (Stuttgart, 1988), 5, 1, pp. 347–689. К сожалению, второй полумом этого важного издания был опубликован уже после написания рукописи данной работы и не мог полностью использоваться в тексте.

ки — они начали составлять промышленные отчеты, а также осуществлять надзор за данными о сырье, предоставляемыми имперскими агентствами. Деятельность прежних сотрудников Управления военно-экономического планирования теперь была ограничена лишь надзорными функциями. Вместо того чтобы готовить и проводить собственные исследования, промышленные статистики Ляйссе работали с данными о сырье лишь на расстоянии. Их задача состояла в составлении ежемесячных обзоров на основе информации, поступавшей к ним из имперских агентств и бизнес-групп⁶.

Вряд ли стоит удивляться тому, что эти обзоры бросали тень на децентрализованную систему, созданную Грэвелем. Отчеты, предоставляемые имперскими агентствами, отличались непоследовательностью и недостоверностью. Ведь это были организации, занимавшиеся исключительно экономикой сырья, поэтому составление качественного отчета вызывало у них определенные сложности. Компании, как правило, занижали уровни своих запасов, но предъявляли завышенные требования по поставкам. Более того, сотрудникам имперских агентств не хватало специальных статистических знаний. По-видимому, большинство агентств в действительности вообще не использовали никакой статистической методологии. Отмена переписи лишила статистиков Ляйссе единственной возможности проверить вызывавшие сомнения отчеты. Приходилось полагаться на внутреннюю согласованность и достоверность в целом, а также рассчитывать на собственный опыт, приобретенный в результате проведения переписей 1933 и 1936 годов. Учитывая все это, они задавались вопросом: нужно ли вообще предоставлять политикам статистику сырья, подготовленную имперскими агентствами?⁷.

Если данные по поставкам сырья могли вызывать сомнения, то данные по занятости в промышленности были явно неверными. Стало очевидным, что в спорах конца 1930-х годов, посвященным отчетности, в победителях осталась система отчетов в промышленности, разработанная Паулем Брам-

⁶ MA 1458 35/129, 35/130, 35/131.

⁷ MA 1458 35/18 no. 1 RWP, 'Denkschrift' май 1940, p. 7.

штедтом⁸. Каждой промышленной компании, продолжавшей свою деятельность в период войны, предписывалось ежемесячно подавать отчеты. Если учесть, какие полномочия Функ предоставил бизнес-группам, то станет понятным, почему эти отчеты приобрели столь важное значение. Однако с самого начала войны можно было усомниться в том, насколько технический формат этих промышленных отчетов подходил к условиям военного времени. Отчеты изначально разрабатывались для изучения краткосрочных бизнес-циклов, а не для детализированного планирования в натуральных показателях. Способ фиксации занятости и объемов продаж не позволял систематически соотносить величины затрат и выпуска⁹. Более того, система в целом была основана на организационной инфраструктуре бизнес-групп, поэтому при классификации статистических опросов учитывалась не столько техническая или экономическая, сколько организационная логика.

Естественно, в нормальных условиях, изменения в производственном профиле компании предполагали изменения и в составе сотрудников. Этот вопрос часто обсуждался в ходе дебатов, посвященных организационным проблемам. Поэтому в июле 1939 года Имперская промышленная группа заморозила состав бизнес-групп¹⁰. Во время войны подобных дискуссий больше не проводилось. Это влекло за собой самые плачевные последствия для промышленной статистики. Если летом 1939 года какая-то компания производила пианино, то в течение всей войны она продолжала считаться компанией по производству пианино даже в том случае, если она занималась изготовлением только ящиков для боеприпасов. В ходе войны

⁸ ВАР 31.02 3586 no. 162, RWM 27.9.1939, Vermerk.

⁹ Для крупных компаний, имевших много производственных линий, данные о продажах разносились по различным промышленным категориям. Такой подход не подходил для ежемесячных отчетов о занятости. Все работники компаний учитывались по «главному» направлению их деятельности. См. инструкции в: BBA 15 433 'Richtlinien zur Vorbereitung der Ib', p. 3, а также: E. Gierth, 'Aufbau und Methode der "Industrieberichterstattung"', ASA, 30 (1941/1942), pp. 293–301.

¹⁰ IWM Sp film 20 3046/49 Sc. 323 Fol. 1 no. 134, Gierth, 'Die Zusammensetzung' 4.6.1943.

в промышленных отчетах Брамшtedта начинали появляться все более и более неточные ежемесячные данные. Плановики Германии, не говоря уже об историках, изучающих экономику Германии во время войны, никогда не могли с уверенностью сказать, каков был масштаб конверсии экономики на военные рельсы¹¹. Промышленные отчеты содержали далекую от действительности картину экономики, представленной в паттернах довоенного производства (табл. 9).

По этим причинам децентрализованная и расколотая на части система промышленной статистики Рейха только увеличивала общую путаницу, характерную для первых лет войны. Некоторые цифры рисовали вполне обнадеживающую картину. Не произошло катастрофического падения выпуска промышленной продукции, хотя этого сильно опасались в начале войны. Безработица почти не увеличилась. Промышленный выпуск оставался высоким. Однако выпуск оружия оставался на прежнем уровне, а в некоторых досадных случаях даже снизился. Военные объясняли это нехваткой ресурсов. Они были уверены, что гражданская промышленность оттягивает на себя большую долю трудовых ресурсов и сырья. Такое впечатление, по всей вероятности, складывалось у них благодаря ежемесячным промышленным отчетам, предоставляемым самими бизнес-группами. Все таким же большим оставалось количество работников в секторе производства пианино! Представители гражданской промышленности в ответ могли заявить только то, что в их собственные статистические данные закрались ошибки¹². Они не сомневались, что важный процесс перехода гражданской промышленности на военные рельсы уже шел полным ходом. Поэтому ими были подготовлены пересмотренные статистические данные, согласно которым не менее 58% всех работников, занятых в сфере промышленности, трудились на вермахт. Процесс производства тормозился

¹¹ См.: R. Wagenführ, *Die deutsche Industrie im Kriege 1939–1945* (Berlin, 1963, 2nd edn.), pp. 40–41, а также: R. J. Overy, *War and Economy in the Third Reich* (Oxford, 1994), p. 28. Этот вопрос упоминается в обеих работах, однако о масштабах конверсии ничего не говорится.

¹² IWM EDS D MI 14/463-II, RWM в ОКW 26.11.1940 и IWM EDS D AL 1571, Besprechung 9.1.1941.

Таблица 9

Влияние «ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ОСТАНОВКИ»
НА ПРОМЫШЛЕННЫЕ ОТЧЕТЫ,
ВТОРОЙ КВАРТАЛ 1942 ГОДА

Бизнес-группа	% от выпуска бизнес-группы, ошибочно распределенный между:		
	подгруппами той же бизнес-группы	другими бизнес- группами	Общее ошибочное распределение
Деревообработка	35,5	3,1	38,6
Кожевенная промышленность	33,3	2,2	35,5
Изделия из железа, стали и олова	24,0	12,7	36,7
Производство велосипедов	19,8	16,8	36,6
Переработка бумаги	18,9	9,8	28,7
Электротехника	15,4	9,8	25,2
Печать	14,9	11,1	26,0
Производство одежды	8,8	0,8	9,6
Металлическая продукция	8,4	22,8	31,2
Лесопильная промышленность	8,0	5,9	13,9
Выпуск железа и стали	1,5	3,2	4,7
Металлургия	1,1	9,4	10,5
Пивоваренная промышленность	0,3	3,5	3,8

Источник: IWM 3046/49 Sc. 323 FöI. 1 134 RgI, 'Die Zusammensetzung der Absatzwerte in der Industrie im zweiten Vierteljahr 1942' 4.6.1943.

не только вследствие нехватки ресурсов, сколько из-за низкой эффективности в целом военной промышленности, находившейся под управлением военных.

Как бы то ни было, но победа осталась за теми, кто критиковал военных. Весной 1940 года инженер Фриц Тодт был назначен министром вооружений и боеприпасов. Его главная задача состояла в том, чтобы преодолеть острый кризис в поставках вооружения. Для решения этого вопроса Тодт использовал свой опыт, накопленный на гигантских строительных площадках Третьего рейха. Первым этапом на пути увеличения объема производства было ограничение вмешательства тяжеловесных государственных бюрократических ведомств, в частности германской армии, в процесс производства и полная передача управления промышленностью в руки частного бизнеса. Деятельность Тодта была сосредоточена на борьбе с бюрократическим аппаратом. Он в большей степени стремился повысить техническую эффективность на уровне отдельных производств, нежели произвести организационные изменения. В результате ему удалось добиться существенного увеличения выпуска продукции.

Однако он не предпринял никаких шагов для создания централизованной системы планирования в области распределения ограниченных трудовых ресурсов и сырья даже в секторе, находившемся под его непосредственным контролем. И это неудивительно, особенно в свете поразительных военных успехов Германии. К лету 1940 года Германия уже целиком контролировала ресурсы Западной Европы. Спустя год, после успешного начала войны с СССР, нацистское государство, по всей вероятности, готовилось захватить контроль над всем континентом¹⁵. Вместо того чтобы пытаться сэкономить и без того ограниченные внутренние ресурсы Германии, Третий рейх бросил все силы на организацию единого пространства Германии и подконтрольных ей территорий (Grossraum). Оккупация европейских стран содействовала долгожданному прекращению административной окопной войны в коридорах власти.

¹⁵ Этот период эйфории хорошо описан в книге: R. Overy, *Why the Allies Won* (London, 1995), pp. 14–15.

На всей территории завоеванной Европы были введены основные компоненты статистической системы Рейха¹⁴. По мере того как каждая из оккупированных стран, подчиняясь требованиям Германии, приступала к формированию системы обязательных бизнес-организаций и органов планирования, для регулирования увеличивающейся бумажной работы начинали создаваться статистические органы по модели Центрального статистического комитета, основанного Грэвелем. Статистические данные по сырьевым материалам собирались агентствами, созданными по образцу имперских агентств. Система промышленных отчетов, скопированная с немецкой системы, со всеми ее плюсами и минусами, являлась основным источником информации о сфере промышленности. Грэвелю удалось набросать грандиозный план для создания стандартизированной системы статистических данных для всей единой территории (Grossraum)¹⁵.

II

Военные неудачи, которые Германия потерпела в России зимой 1941/1942 года, заставили статистиков вновь направить свое внимание на решение вопросов реорганизации статистической работы внутри страны. В конце осени 1941 года гитлеровское наступление, далеко продвинувшееся на советские территории, было наконец остановлено, а в декабре Красная армия предприняла решительное контр наступление под Москвой. Вопреки всем ожиданиям советский режим не рухнул. Блицкриг не удался. Гитлер по-прежнему был уверен, что ему удастся победить Советский Союз, но для этого потребуются еще одна мощная попытка в 1942 году. Теперь требовался тщательный контроль над ресурсами, которые в 1941 году казались неистощимыми.

¹⁴ J. A. Tooze, 'La connaissance de l'activité économique. Reflexions sur l'histoire de la statistique économique en France et en Allemagne, 1914–1950', in B. Zimmermann, C. Didry and P. Wagner (eds.), *Le Travail et la Nation. Histoire croisée de la France et de l'Allemagne* (Paris, 1999), pp. 55–80.

¹⁵ W. Grävell, 'Europäische Statistik', *Deutsche Wirtschafts-Zeitung* 4.12.1942.

Раздражение фюрера выливалось в гневные тирады, направленные против неэффективных государственных институтов Германии и, в частности, против гражданских служб¹⁶. Горы бесполезных бумаг снижали героический энтузиазм германского народа. Настоящей чумой для статистики являлись статистические опросы, которые на самом деле не были нужны; такой же болезнью страдали и все старые государственные институты. Риск подхватить эту бюрократическую заразу существовал даже для нацистской партии. В начале сентября 1941 года в рейхсканцелярии была сделана запись: «Фюрер распорядился издать циркуляр об ограничении количества опросов, проводимых государственными властями и партийными организациями»¹⁷. В партийных документах о вспышке гнева Гитлера написано более конкретно. По словам Бормана, «фюрер очень резко высказался против наблюдаемого сегодня „опросного безумия“»¹⁸. Циркуляр предписывал всем партийным чиновникам незамедлительно отказаться от ненужной статистической работы. Месяц спустя рейхсканцелярия издала инструкцию, рекомендующую гражданским службам прекратить работу по получению маловажных статистических данных¹⁹. Ни в одном ни в другом документе не уточнялось, какие из обзоров следует считать ненужными.

Сотрудникам Геринга было поручено напомнить всем министерствам о том, что Центральный статистический комитет, возглавляемый Грзвелем, продолжает существовать и что для проведения любого статистического исследования требуется его разрешение²⁰. В изданном под Новый год декрете фюрера (Führerbefehl) об упрощении административной работы вновь подчеркивалась необходимость сократить объем ненужного документооборота. Однако предпринятые шаги не удовлетворили партийное руководство. В марте 1942 года

¹⁶ J. Caplan, *Government Without Administration. State and Civil Service in Weimar and Nazi Germany* (Oxford, 1988b), p. 228.

¹⁷ ВАР 07.01 FC 19853/591 no. 53, записка в Reichskanzlei 4.9.1941.

¹⁸ Ibid., NSDAP Parteikanzlei 13.9.1941.

¹⁹ ВАР 07.01 FC 19853/591 no. 54, 63 и 70 ff.

²⁰ ВАР 07.01 FC 19853/591 no. 81, Reichsmarschall circular 12.12.1941.

Геббельс потребовал принятия дополнительных мер, направленных на прекращение ненужных статистических опросов. В этот момент в рейхсканцелярии почувствовали необходимость напомнить политическому руководству о том, что соответствующие инструкции уже дважды давались в течение трех месяцев:

представляется, что очередное упоминание этой темы в циркуляре <...> не способствует интересам государственной власти и не имеет отношения к процедуре упрощения административной работы...²¹

Таким образом, Гитлер открыто проявил свое пренебрежительное отношение к государству и к связанным с ним бюрократическим процедурам. Задача создания действительно эффективной информационной системы была возложена на технократов, которые в итоге взяли под свой контроль военную экономику Германии после зимнего кризиса 1941/1942 года. Для того чтобы восстановить боевую мощь германских армий на территории СССР, ослабления, введенные Фрицем Тодтом, были распространены на производство всех видов вооружения. Военных отстранили от управления промышленностью. Ответственность за выпуск продукции была возложена на комитеты, в которые входили производители главных видов вооружения — по одному представителю для каждого вида оружия. Поставщики наиболее важных компонентов продукции были объединены в так называемые кольца. Тодт так и не успел завершить начатую реорганизацию — он погиб в авиакатастрофе, произошедшей из-за непонятого взрыва.

Сменивший его на посту министра вооружений и боеприпасов архитектор Альберт Шпеер энергично продолжил его реформаторские усилия. Был основан Комитет центрального планирования, *Zentrale Planung*, который возглавил Шпеер. Он включал в себя главных игроков военной экономики. На него была возложена ответственность за выделение комитетам и кольцам ключевых ресурсов. В Комитете центрального планирования наконец

²¹ BAP 07.01 FC 19853/591 no. 86, Reichsmin. für Volksaufklärung und Propaganda к Reichsminister 6.3.1940.

собрались те люди, о которых так долго мечтали стремящиеся к власти статистики. Важность экономической информации для работы Комитета центрального планирования была отмечена в декрете фюрера от 21 апреля 1942 года. Альберту Шпееру, назначенному на должность министра вооружений и боеприпасов, были даны полномочия использовать самые решительные меры для стандартизации и упрощения системы отчетности²².

О новых приоритетах свидетельствовала даже лексика, употребленная в декрете. Так, например, вместо старого слова «статистика» был использован новый термин «система государственной отчетности» (*Berichtswesen*). В задачу опросов и отчетов больше не входил сбор информации ради самой информации. Проблема экономической информации была слишком важной, и ее решение не могло быть доверено одним лишь статистикам. В будущем, как следовало из декрета, на основе статистических исследований будут создаваться отчеты — отчеты, которые будут использоваться плановиками из министерства Шпеера; отчеты, которые будут доходить до верхушки управления Рейха. Декрет сопровождался страшными угрозами в адрес тех, кто осмелится давать фальсифицированную информацию или постарается избежать участия в проводимых министерством опросах. Предоставление заведомо ложных отчетов грозило смертной казнью.

Стремление Шпеера влить новые силы в нацистскую военную экономику стимулировало еще одну, последнюю, волну статистических инициатив Третьего рейха. В течение последних лет Второй мировой войны наблюдалась кульминация статистических проектов, которые, как показано в данной книге, были начаты еще в годы Первой мировой войны. Амбиции технократов, работавших в министерстве Шпеера, не ограничивались одним лишь упрощением административных процедур. В конечном счете их главная задача состояла в том, чтобы создать новую всеобъемлющую информационную систему для использования в централизованном планировании. Сотрудники министерства Шпеера имели беспрецедентные пре-

²² G. Janssen, *Das Ministerium Speer. Deutschlands Rüstung im Krieg* (Frankfurt a.M., 1968), pp. 65–66.

имущества. В 1920-х и 1930-х годах Имперскому статистическому управлению удалось освоить новые высоты с технической точки зрения, однако пробиться в высшие круги государственного управления оно не смогло.

Статистикам часто приходилось исходить из гипотетических предпосылок. Они были вынуждены рисовать в своем воображении такую систему планирования, в которой могли бы использоваться их данные. Максимум на что они могли рассчитывать — это то, что в ходе статистической реформы у государства каким-то образом проявится стремление к систематическому планированию. Однако в действительности в 1942 году — при прямом одобрении Шпеера, а также благодаря посредничеству Шпеера — при одобрении самого фюрера, началась реорганизация статистического аппарата. Поступавшие статистические данные сразу же использовались в процессе принятия решений, который был если и не рациональным, то по крайней мере рационализированным. Однако все это вовсе не означало, что Имперскому статистическому управлению удалось восстановить свое прежнее влияние.

К началу 1940-х годов распад германского государства вступил в завершающую стадию. Альберт Шпеер создал свою империю на основе специально созданной коалиции, включавшей в себя бизнес-организации, вотчину Тодта, состоявшую из технических и инженерных организаций, из членов Германского трудового фронта (DAF) и нацистской партии, а также из остатков расформированных ранее гражданских служб и военных организаций. Это было министерство только по названию. Учитывая то, какое отвращение Шпеер питал ко всему, что имело отношение к государству, принадлежность к гражданским службам стала обязательным требованием. В то время как институты официальной статистики практически полностью утратили свою значимость, все большую важность приобретала статистическая экспертиза, проводимая теперь независимо от государства. С исчезновением публичной сферы, при наличии универсальных цензурных требований и ограничений, связанных с секретностью, статистики утратили все надежды на то, что их ведомство вернет себе тот независимый общественный статус, который был у империи Вагеманна в 1920-х и начале 1930-х годов.

Однако ближе к концу Второй мировой войны появились беспрецедентные возможности для прямого политического влияния. Шпеер — это только один, наиболее показательный, пример человека новой «породы», который сумел приобрести огромный политический вес при нацистском режиме в военное время. Во время войны в министерстве экономики так же возвысились сперва Ганс Керль, а потом известный своими злодеяниями д-р Отто Олендорф²³. Еще одним выдающимся технократом был Герберт Бакке из министерства продовольствия, который отвечал за осуществление так называемого плана голода в Восточной Европе²⁴. Карьерному росту Керля, Олендорфа и Бакке способствовало сочетание хороших технических знаний, безупречной идеологической репутации и незаурядных способностей к политиканству. Все трое были идеальной аудиторией для статистических ведомств Рейха. На обломках германского государства плотно укоренились новые отношения между экспертами и политиками. Эти отношения впитали в себя опыт экспериментов, которые проводились в течение предшествующих 20 лет. Как для решения государственных задач лучше всего описать экономику? Как создать эффективную систему информации, которая смогла бы обеспечить все информационные потребности? В той или иной форме, в более и в менее благоприятных политических условиях — эти вопросы начали занимать умы германских статистиков еще в начале 1920-х годов. Теперь министерство Шпеера должно было вплотную заняться их разработкой.

III

Неудивительно, что для исполнения Декрета об информационной службе Шпеер не стал назначать никого из официальных статистиков. В качестве уполномоченного по системе

²³ Об Олендорфе см.: L. Herbst, *Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft. Die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939–1945* (Stuttgart, 1982), pp. 182–188.

²⁴ G. Aly and S. Heim, *Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung* (Darmstadt, 1991), pp. 366–374.

отчетов он выбрал Рудольфа Шмеера, заместителя главы Трудового фронта. Шмеер занимал должность заместителя государственного секретаря в министерстве экономики до тех пор, пока в конце 1938 года министерство не оказалось в руках Геринга. У него было много контактов в партийном руководстве, и, разумеется, он был в хороших отношениях с Робертом Леем, руководителем Трудового фронта. Начальником отдела промышленной статистики Шмеер назначил инженера д-ра Зебауэра, который принимал участие еще в веймарском движении за рационализацию и имел широкие знакомства в среде предпринимателей. Когда же дело дошло до поиска кандидата на должность советника по техническим вопросам, связанным с организацией статистической работы, выбор у Шмеера и Зебауэра был более ограниченным. Среди статистиков пошли слухи о том, что инициативу по проведению реформы у Шпеера перехватил не кто иной как Вальтер Грэвель.

Весной 1942 года Грэвель нашел новую аудиторию. В своих публичных выступлениях по поводу проведения реформы Шмеер и Зебауэр неизменно подчеркивали, что пальма первенства в этой работе принадлежит Центральному статистическому комитету²⁵. Шмеера, так же, как и Грэвеля, больше всего волновала техническая рационализация статистической отчетности. Ключевыми словами в его выступлениях стали «рационализация» и «минимизация бумажной работы». Шмеер любил пугать свою аудиторию страшными историями о том, что некоторые компании получали до 12 000 опросников в месяц²⁶. Идеальной он считал такую систему, при которой компаниям нужно будет ответить на единый стандартизованный опросник и отослать его в региональный центр обработки информации²⁷. Несколько неожиданно, но разработка этой модели организации статистической информации приписывалась СССР. Пред-

²⁵ Schmeer, 'Neuordnung des Berichtswesens', *Der Deutsche Volkswirt* 47 21.8.1942.

²⁶ IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 182 no. 345, Reichsmin. Bewaffnung und Munition 'Niederschrift' 15.7.1942.

²⁷ IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 182 no. 361, DIFW Berlin 18.6.1942, Vm Betr: Pläne zur Neuordnung der Statistik (Wagenführ).

полагалось, что каждый региональный центр будет обладать монополией на статистические данные на своей территории. Далее эти региональные центры из собственных баз данных будут предоставлять информацию во все другие ведомства, занимавшиеся планированием²⁸. В этом со всей очевидностью просматривались параллели с системой децентрализованных баз данных, которую предлагал Грэвель. Шмеер и Зебауэр добавили к ней только один новый аспект — акцент на механизации. Работа региональных статистических центров должна была строиться на использовании табуляторов Холлерита, которые принадлежали органам, инспектировавшим вооружение вермахта.

Как обсуждалось в главе 5, еще начиная с 1920-х годов германским военным очень интересной казалась идея о возможности механической обработки данных. Однако их усилия в этом направлении поначалу не дали никаких результатов. Полноценное использование табуляторов Холлерита военными началось лишь в ноябре 1937 года, когда было организовано одно из подразделений германской армии — так называемый Отдел перфокарт, который возглавил полковник Пассоу²⁹. Поскольку возникали большие проблемы, связанные с поставкой стали и металлов производителям оружия, то в военных кругах надеялись, что с помощью табуляторов Холлерита можно будет заложить основу новой системы распределения. Основная цель состояла в том, чтобы максимально точно рассчитать, какое количество стали и других материалов требовалось для изготовления одной единицы вооружения.

На практике же оказалось, что эта задача была слишком амбициозной. Тогда Пассоу решил наладить механизацию рутинного процесса обработки данных для германской армии. К началу 1940 года вся документация военных органов, которые занимались поставками оборудования, проходила через его отдел. Для внутренних административных армейских целей сотрудни-

²⁸ IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 182 no. 353, RgI Zangen to Schmeer 3.7.1942.

²⁹ BAK R 3/17 a/1–63 W. Lauenstein, 'Organisation und Aufgaben des Maschinellen Berichtswesens des Reichsministers für Rüstung und Kriegsproduktion, report' 5.12.1945, p. 1.

ки Пассоу разработали сложную цифровую систему, с помощью которой с точностью фиксировалось подразделение вооруженных сил, в которое направляется та или иная единица военного оборудования, заявка от этого подразделения, а также компания, на имя которой поступила эта заявка. По мере увеличения объема военных заказов стало очевидным, что использование этой цифровой системы только для внутренних нужд вооруженных сил нерационально. У всех крупных промышленных корпораций имелись собственные внутренние системы цифрового учета, и каждый раз, когда они осуществляли какие-то операции с военными, требовался перевод их данных в соответствующий формат.

В 1941 году Пассоу предложил ввести стандартизованную национальную цифровую систему, с помощью которой можно было бы описать всю экономику в форме, пригодной для машинной обработки. Предполагалось, что теперь любому товару, как военному, так и гражданскому, любому отделу снабжения, военному или гражданскому, и любому производству будет присвоен свой кодовый номер. Эти номера будут использоваться в деловой переписке, в документах, отчетах, а также в статистических данных. Таким образом, все государственные и частные предприятия будут объединены общей системой цифровых кодов. В этом, по сути, проявилось сходство между этим проектом, разработанным для нужд армии, и предложениями Грэвеля по созданию централизованной базы данных, описывающей всю экономику Германии. Поэтому весной 1941 года Центральный статистический комитет учредил комиссию по оцифровке, которую возглавил представитель отдела Пассоу³⁰. Однако работа над этим проектом, предназначенным для наведения строгой дисциплины в статистике, шла очень медленно. Разработка общей цифровой системы требовала участия всех трех видов вооруженных сил, а также гражданских служб и представителей бизнеса. Но чем же можно было их всех заинтересовать, если в это время Третий рейх готовился к мирному процветанию?

Неотложность работы над проектом механизации обработки данных стала очевидной во время неудач вермахта зимой

³⁰ MA 1458 RWMFB 35/34 no. 26, Aktennotiz 7.4.1941.

1941 года. Взлет карьеры Тодта и Шпеера означал, что мечтам военных взять в свои руки контроль над военно-экономической деятельностью пришел конец. Отдел перфокарт Пассоу был переподчинен Рудольфу Шмееру и стал называться отделом механической обработки отчетов (*Maschinelles Berichtswesen*, MB). Однако в министерстве Шпеера сотрудники, работавшие с табуляторами Холлерита, обнаружили для себя новое широкое поле деятельности. Им было поручено обеспечить техническую поддержку для решения статистических проблем Третьего рейха. Закипела работа над проектом по созданию системы кодировки. В июне 1942 года всем компаниям были присвоены номера³¹. Для того чтобы обеспечить центральный контроль над процессом распределения, в течение лета для военных заказов была введена система стандартных цифровых кодов³². Всем заявкам, направляемым в министерство Шпеера комитетами производителей вооружения и кольцами поставщиков соответствующих компонентов, присваивались специальные номера³³.

Однако цифровизация на этом не закончилась. Самым пугающим из того, чем занималась организация Пассоу, был проект по созданию системы цифровых кодов, которая охватила бы все трудовые ресурсы и в итоге все население Третьего рейха³⁴. По очевидным причинам этот проект привлек внимание СС, и в 1943 и 1945 годах его пытались осуществить применительно к отдельным областям. Кроме того что этот проект сам по себе потенциально мог привести к самым драматическим последствиям, разработка системы персональной регистрации (*Personaleinzelerfassung*) была связана с кошмарными административными сложностями. Было необходимо скоординировать между собой реестры работников местных предприятий, местные реестры населения, а также реестры местных больниц и полицейских участ-

³¹ BAK R3/23 no. 173, Verfügung 15.6.1942.

³² BAMA RW 19/1360, OKW Wi Rü Amt/leiter MB/OKW в ОКН VA, и АНА Stab 12.5.1942.

³³ BAK R 3/17 a/1-63W. Lauersen, 'Organisation und Aufgaben', p. 16.

³⁴ G. Aly and K. H. Roth, *Die restlose Erfassung. Volkszählen, Identifizieren, Aussondern im Nationalsozialismus* (Berlin, 1984), pp. 128–131.

ков. Поэтому неудивительно, что никакой работающей системы так и не было создано. Хотя эти эксперименты привлекли внимание некоторых исследователей, они были рассмотрены ими весьма некритично. На самом же деле сотрудники министерства Шпеера пришли к единому мнению, что эти усилия оказались пустой тратой времени. Попытки разработать систему персональной регистрации были обусловлены не столько реальными потребностями нацистского режима, сколько личными амбициями полковника Пассоу и его желанием создать то, что можно было назвать эстетикой полного контроля³⁵.

Новый проект был протестирован на практике во второй половине 1942 года, когда отчетная система по промышленности была полностью переведена в региональные центры обработки данных, находившихся под управлением Пассоу. До этого на табуляторах отдела Пассоу ежемесячно обрабатывались ответы на вопросы о занятости приблизительно в 5000 компаниях, производивших вооружение. Теперь же требовалось обработать данные не менее чем 80000 производителей. Задача состояла в том, чтобы максимально быстро создать набор стандартизованных отчетов, которые охватывали бы всех промышленных рабочих. Для бесперебойной обработки такого огромного количества данных требовалась плотная совместная работа сотрудников отдела механической обработки отчетов и тех, кому принадлежала система, то есть бизнес-организаций. Однако промышленники с огромным недоверием относились к любым проектам, которые лишали их контроля над своими промышленными отчетами³⁶.

Идея о том, что каждая компания будет заполнять единый полный опросник, была привлекательной до тех пор, пока это не означало, что промышленность теряла возможность кон-

³⁵ Один из ведущих сотрудников отдела механической обработки отчетов охарактеризовал систему персональной регистрации как «личное хобби» Пассоу. См.: IWM Bios Final Report 273, Symposium of Interrogations and Reports on German Methods of Statistical Reporting, Report II, Toenjes, p. 127.

³⁶ В противовес этой точке зрения Али и Рот, рассматривая Третий рейх как систему монопольного капитализма, утверждают, что никаких проблем при передаче промышленных отчетов не возникало. См.: G. Aly and K. H. Roth, *Die restlose Erfassung*, p. 125.

тролировать собственную статистику. В июле 1942 года Цанген, входивший в Имперскую промышленную группу (RgI), в письме к Шмееру написал о своих возражениях, подчеркнув техническую сторону вопроса:

Перевод систем отчетов, получаемых от таких разных отраслей промышленности, как горнодобывающая промышленность, машиностроение, ткацкая промышленность и пищевая промышленность, в единый центр механической обработки данных, у которого могут отсутствовать необходимые знания, означает, что система отчетов будет превращена всего лишь в игру с цифрами³⁷.

Однако летом 1942 года даже Имперской промышленной группе не хватило возможностей остановить инициативу, которую целиком и полностью поддерживал Шпеер. Промышленники могли гарантировать только одно — у техников, работающих на табуляторах Холлерита, дела не пойдут.

Первые данные, полученные с помощью механизированной системы отчетности Пассоу, появились в августе 1942 года. Сразу же стало понятно, что система не работает³⁸. Без адекватных консультаций с представителями промышленности военные статистики не справлялись со своими задачами. Список адресов, который Пассоу получил в Имперской промышленной группе, уже устарел. Кроме того, он включал совсем крошечные компании. Проведение статистических обзоров было назначено на другое время, удобное для отделов механизированной отчетности. При этом интересы промышленности не особо учитывались, что привело к тому, что огромное количество ответов было представлено позже назначенного срока. Новые опросники были настолько детализированы, что объяснить это с позиций здравого смысла было невозможно. Отдел по механической обработке отчетов не учитывал, что для сравнения данных за разные месяцы, необходимо исключать из рассмотрения все компании, которые не вернули опросники за предыдущий период. В критический момент военных действий были утеряны данные о занятости за два месяца. Отделу по механической обработке отчетов так и не уда-

³⁷ IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 182 no. 353, RgI Zangen к Schmeer 3.7.1942, pp. 2–3.

³⁸ См. статьи в: BAK R3/23 Heft 2, R3/25 и R3/28 Heft 2.

лось восстановить утраченную репутацию³⁹. Впоследствии деятельность отдела Пассоу была ограничена лишь проведением математических расчетов с использованием табуляторов⁴⁰.

Попытки подкрепить статистические исследования техническими средствами не дали желаемых результатов. Организационный проект, о котором договорились Шмеер, Зебауэр и Грэвель, по сути, оказался мертворожденным ребенком. Децентрализованная механизированная система на бумаге выглядела весьма привлекательно, однако, как показал опыт с отделом механической обработки отчетов, техническая эффективность не гарантировала того, что результаты окажутся полезными. Кроме того, проект Шмеера так и не решил ни одной из действительно серьезных информационных проблем, которые испытывал Комитет центрального планирования (*Zentrale Planung*) Шпеера. С точки зрения тех, кто принимал политические решения, статистические исследования проводились совершенно неправильно. Главная задача состояла в том, чтобы получать достоверную и релевантную на данный момент нужную информацию. Если судить по этим основным критериям, то Шмеер потерпел неудачу. Системе, которая действительно могла поставлять Комитету центрального планирования необходимую ему информацию, суждено было появиться в результате второй попытки статистической реформы, предпринятой министерством экономики во второй половине 1942 года.

IV

После отставки Шахта в 1937 году министерство экономики начало испытывать все большее давление со стороны нацистской партии. Хотя в роли руководителя министерства номинально оставался Функ, к 1940 году наиболее влиятельной фигурой был Ганс Керль⁴¹. В течение последних лет войны Керль стал одним

³⁹ Исключительно негативные отзывы об отделе механической обработки отчетов, включая комментарии Альберта Шпеера, см. в: IWM BIOS Final Report 273, Symposium.

⁴⁰ BAK R 11/65 Fol. 1 — Rwk no. 70, RgI в Wg/Industrieabteilung 19.12.1942.

⁴¹ Müller, *Der Manager der Kriegswirtschaft*.

из главных организаторов внутреннего фронта. Характерно, что Керль не являлся государственным служащим. Он был владельцем и одновременно директором текстильной компании средних размеров, а также убежденным нацистом. Он вошел в правительство после захвата власти нацистами благодаря своим связям с сырьевым отделом, который возглавлял Кепплер. Первым проектом Керля была программа производства в Германии синтетических тканей. Именно как руководитель этого проекта он был привлечен к работе над Четырехлетним планом Геринга. В 1938 году его с большим трудом уговорили стать неофициальным помощником по улаживанию конфликтов в министерстве экономики. Даже после того, как он возглавил крупнейший департамент министерства, в состав которого входило более половины всех министерских сотрудников, Керль отказывался от получения официальной должности в иерархии государственной службы. Как типичный представитель нацистской партии, он с презрением относился к неповоротливому государственному аппарату и его самонадеянным чиновникам. Менее типичным оказалось его нежелание усвоить незамысловатую риторику решительного руководителя и принимать решения с ходу — а именно это так ценили Фриц Тодт и Альберт Шпеер. Они считали самым важным, чтобы начальник был сильной личностью, а ключ к успеху видели в способности к вдохновенным импровизациям. Как нередко отмечал Керль, Шпеер не ценил тех незаметных на первый взгляд работников, которые позволяли ему выступать в роли решительного лидера⁴².

Взгляды самого Керля сформировались под воздействием корпоративного движения за рационализацию, популярного в 1920-е годы. Он с давних пор интересовался вопросами организации бизнеса, статистикой и маркетинговыми исследованиями. Этот интерес еще больше подогрел его опыт по нормированию двух ключевых секторов экономики: текстильной и угольной отраслей. В министерстве экономики Керль отвечал за организацию системы жесткого контроля над текстильной промышленностью, которая являлась крупнейшим в Германии произ-

⁴² H. Kehrl, *Krisenmanager im Dritten Reich. 6 Jahre Frieden, 6 Jahre Krieg. Erinnerungen* (Düsseldorf, 1973), p. 330.

водителем потребительских товаров. Производство управлялось с помощью системы так называемых нормировочных баллов. Эти баллы тщательно отслеживались сотрудниками германских банков при проведении безналичных расчетов. Тем самым нормировочные баллы Керля заменили деньги в качестве единицы учета. В 1941 году Пауль Пляйгер, партийный соратник Керля, возглавил процесс реорганизации угольной промышленности. Для того чтобы справиться со все большей нехваткой энергетических запасов, был создан Имперский угольный союз (Reichsvereinigung Kohle). И на этот раз создание эффективной информационной системы, дававшей возможность отслеживать процесс производства и распределения угля, было заслугой Керля, что наконец заставило Шпеера обратить на него пристальное внимание.

Весной 1942 года самым узким местом в германской военной экономике стало производство стали. Существовавшая на тот момент система распределения стали, созданная еще в 1937 году и находившаяся под совместным контролем военных ведомств и разработчиков Четырехлетнего плана, фактически перестала функционировать. Шпеер обратился к Керлю с просьбой наладить более эффективное распределение стали. Керль согласился, но только при условии, что ему будет позволено перестроить процедуру планирования во всех областях, которые не находились под контролем комитетов Шпеера и колец, то есть во всех отраслях «гражданской» экономики. 28 апреля 1942 года в своей знаменитой речи Керль сообщил об этих планах главам различных ведомств Рейха:

Я собираюсь действовать, как действовал сам господь в момент сотворения мира — я постараюсь изобрести новую <...> систему нормирования для каждой отрасли промышленности, учитывая сложившуюся в ней ситуацию⁴⁵.

В представлениях Керля совмещались технология и идеология, что было весьма характерно для того времени. Нужна ли была нацистской Германии более жесткая система государственно-

⁴⁵ IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 182 no. 159, Отрывок из выступления президента Керля перед руководителями агентств по надзору в министерстве экономики, 28.4.1942.

го контроля? Стоило ли Германии идти по стопам СССР, своего грозного соперника? Ответы на этот вопрос помогли найти гитлеровские идеи о борьбе рас. Вне всяких сомнений, принципы планирования в бюрократическом государстве идеально подходили для управления массами примитивных жителей Восточной Европы. Однако применение таких методов к развитым народам Западной Европы, руководимым Германией, было бы разбазариванием их главного капитала — креативности и инициативности предпринимателей. По словам Керля, именно такое понимание этого вопроса заставило Гитлера делегировать полномочия Альберту Шпееру и его комитетам промышленников.

Хотя Керль не ставил под сомнение решение Гитлера, он опасался, что смена руководителя этого проекта может привести к дезорганизации. Энергию предпринимателей нужно систематически сдерживать и направлять в русло, более важное для целей режима. В секторе вооружения неожиданные импровизации Тодта и Шпеера позволили добиться хороших результатов, однако Керль не был уверен, что такая тактика может использоваться длительное время. Он предложил применить более системный подход к той области, за которую он нес личную ответственность. Керль хотел создать систему, которая прослужит долго.

Наша новая система предназначена не только на период войны. Само собой разумеется, что и после войны нам потребуются в течение неопределенного времени осуществлять экономический контроль. Чем проще будут средства контроля, тем легче они будут функционировать в мирное время. Произойдут изменения в степени контроля, но используемые методы останутся прежними⁴⁴.

Первая мировая война похоронила либерализм. Затем последовала Вторая мировая война. Теперь проблема состояла в том, чтобы разрабатываемая система государственного контроля не была гротескно бюрократической. Керль лицом к лицу столкнулся с нацистской дилеммой создания всемогущей системы центрального руководства, которой не мешали бы принципы собственного администрирования. Его решение состояло в том, чтобы радикальным образом отделить процесс принятия

⁴⁴ IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 182 no. 159, отрывок.

решений от выполнения приказов. Исполнение центральных директив будет полностью возложено на коммерческие организации. В этой области предприниматели могли найти выход своей энергии. Однако принятие решений должно оставаться за государственными органами центрального планирования, но эти органы не будут государственными гражданскими службами старого образца. Они должны быть избавлены от рутинных административных функций.

Сотрудники Керля имели четкие инструкции ни при каких обстоятельствах не заниматься делами частных компаний⁴⁵. Их задача состояла в том, чтобы подготовить материалы для окончательного принятия политического решения. Стремление Керля к рационализации выразилось в том, что процесс централизации военной экономики Германии был выведен на новый уровень технократической эффективности. Однако не следует забывать, что все эти действия Керля были обусловлены и чисто идеологическими факторами. Его целью было создание государства нового типа, которое было бы построено согласно нацистской концепции управления и которое могло бы одержать победу в смертельной схватке на восточном фронте.

Создавая эту новую систему военного администрирования, Керль выбрал себе в союзники институт Вагеманна. Как мы уже видели, начиная с 1933 года институт находился на периферии властных структур. Характерно, что Вагеманн максимально использовал возможности, которые создала для него война⁴⁶. На территориях Западной и Восточной Европы, завоеванных германскими армиями, берлинский институт сразу же устанавливал контроль над аналогичными службами — так, его филиалы были открыты в Вене, Катовице, Праге, Париже, Амстердаме и в Судетах. В июне 1941 года вывеска «Институт конъюнктурных исследований» была заменена на более внушительную — «Немецкий институт экономических исследований» (*Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung, DIW*). Это название институт носит и по сей день.

⁴⁵ IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 182 no. 220, Выступление Керля перед руководителями агентств по надзору, 15.12.1942, p. 11.

⁴⁶ DIW, *Das Deutsche Institut für Wirtschaftsforschung (IfK) 1925–1945 in der Erinnerung führender Mitarbeiter* (Berlin, 1966).

Благодаря связи с Керлем институту Вагеманна удалось вернуться на центральные позиции политической власти Германии. Керль, со своей стороны, рассматривал институт как свое секретное оружие, как фундамент, на котором он создал репутацию «человека, который все знал». К 1943 году Керль совместно с институтом Вагеманна установили беспрецедентный контроль над всей экономической информацией Третьего рейха. Если Керль обращал полученные знания в приобретении власти, то институт использовал свое новое положение, дававшее ему ряд полномочий, для того, чтобы возродить интеллектуальные амбиции 1920-х годов. Вновь вспомнили о принципах макроэкономических конъюнктурных исследований и попробовали применить их для решения проблемы центрального планирования. Это была последняя отчаянная попытка.

Немецкий институт экономических исследований смог привлечь к себе внимание Керля в июне 1942 года, представив ему по собственной инициативе диаграммы, на которых изображалась «византийская» организационная структура германской военной экономики⁴⁷. Керль, как истинный представитель движения за рационализацию 1920-х годов, высоко оценил графическое представление информации и в результате начал активно привлекать институт к разработке вопросов планирования⁴⁸. Эти исследования возглавил д-р Рольф Вагенфюр, сотрудник института с 1920-х годов, который за годы работы стал ведущим специалистом по промышленной статистике. В июле 1942 года Вагенфюру была поручена работа, имевшая первостепенное значение, — подготовить план производства и распределения цветных металлов на четвертый квартал 1942 года. Вагенфюр также был ответственным за более долгосрочный проект — изучение структуры существующих ведомств Рейха с целью обеспечения более четкого и функционального распре-

⁴⁷ См.: IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 182 no. 214, Wagenführ, 'Umriß der Arbeiten für Präsident Kehrl', (без даты, возможно, конец 1942 года), р. 1. Вагенфюр подчеркивает, что диаграмма была подготовлена по собственной инициативе ('ohne Auftrag').

⁴⁸ IWM Sp film 22 3038/49 Sc. 388 no. 459, DIfW 18.6.1942 Vermerk. О карьере Вагенфюра — см. в заключении.

деления обязанностей. К концу лета, когда формирование новой организации Керля было в общих чертах завершено, роль статистиков Вагенфюра выросла еще больше. В октябре положение Вагенфюра было формально закреплено — он был назначен главой статистической секции министерства Керля (GRA3). Эта секция, хотя номинально и считалась частью министерства, фактически состояла из отдела промышленной статистики Немецкого института экономических исследований и располагалась в здании института, в восточной части Берлина, на Фазаненштрассе, неподалеку от улицы Курфюрстендамм. После того как в течение почти 10 лет Немецкий институт экономических исследований был отделен от германской статистической системы, он вновь стал государственной структурой. Бюрократическая гражданская война, бушевавшая в статистическом аппарате с конца 1930-х годов, пошла на убыль.

Альянс между Немецким институтом экономических исследований и Керлем оказался мощным противовесом конкурирующему проекту реформы статистики, которым занимались Грэвель и его союзники. Грэвель с давних пор достаточно враждебно относился к Вагеманну и его институту. В картине будущего статистики, которую рисовал в своем воображении Грэвель, не оставалось места для негосударственной исследовательской империи, такой как Немецкий институт экономических исследований. Таким образом, у института был повод опасаться тех планов, которые совместно затеяли Шмеер и Грэвель летом 1942 года. В июне 1942 года в служебной записке Вагенфюр писал:

Планы [Шмеера] по региональной механизированной обработке данных вызывают особую обеспокоенность в связи с тем, что они возвращают нас к старой идее д-ра Грэвеля: создать региональные офисы SRA [Имперского статистического управления], которые будут обладать монополией на всю статистическую работу. Господин д-р Зебауэр уже начинает говорить об «уполномоченном Рейха по вопросам статистики». А поскольку Зебауэр и Грэвель работают в очень тесном контакте, не исключено, что на этот пост будет назначен Грэвель⁴⁹.

⁴⁹ IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 182 no. 361, DIFW 18.6.1942 Pläne.

Новые взаимоотношения, которые установились у института с Керлем, стали трамплином для контратаки. Предпринятые осенью 1942 года попытки передавать промышленные отчеты военным для последующей их обработки на табуляторах Холлерита не принесли желаемого успеха. Это скомпрометировало великие замыслы Шмеера и Грэвеля. Создание статистической службы Керля (GRA3) свидетельствовало об окончательном поражении Грэвеля. Полномочия Центрального статистического комитета были переданы отделу Вагенфюра. В начале 1943 года, когда Зебауэр завершил свою работу, было решено, что все дальнейшие статистические инициативы должны вначале получить одобрение отдела Вагенфюра.

Новые взаимоотношения с Керлем не только снимали угрозу, которая исходила от Вальтера Грэвеля, — они были исключительно полезны для института. Все положительные моменты были перечислены в служебной записке, подготовленной Вагенфюром в конце 1942 года. Стоит подробно процитировать этот документ, поскольку в нем хорошо просматриваются дальновидность и предприимчивость руководителя института, обеспечившего своей структуре прочную позицию там, где сосредоточивались власть и информация:

Помимо финансовой выгоды, которую Институт экономических исследований имеет благодаря сотрудничеству с президентом Керлем, имеются следующие соображения:

1. Контакты с организациями планирования экономики промышленности максимально активизировались. Ранее у нас практически не было контактов с ведомствами Рейха. <...> Теперь же, благодаря GRA3 [отделу Вагенфюра в министерстве экономики], каждое ведомство имеет тесные связи с DIW [Немецким институтом экономических исследований].
2. Мы имеем представление о работе всех конкурирующих исследовательских подразделений, поскольку через GRA3 мы можем в любое время запросить интересующие нас материалы.
3. Мы имеем возможность составить богатейшую базу данных по экономике промышленности. А это означает, что после многолетнего перерыва мы можем вновь заняться анализом отдельных секторов экономики. Статистические материалы, поступающие в GRA3, поступают и в DIW. В обозримом будущем

мы соберем более полную базу данных, чем какое-либо иное центральное ведомство.

4. И наконец, мы сможем приобрести ценный опыт по решению общих вопросов планирования, что не может не повлиять и на другие аспекты наших исследований (подбор и расстановка кадров, транспорт, энергетика и т. д.)⁵⁰.

Для института эта победа была не просто институциональной. Она стала оправданием всего проекта конъюнктурных исследований. Это недвусмысленно прозвучало в речи самого Вагеманна осенью 1942 года:

После того как мы создадим информационную базу, содержащую достаточное количество балансов производства и расходования сырья, а также данные о промышленных компаниях, мы значительно продвинемся в понимании конкретных проявлений всего процесса кругооборота [Gesamtkreislauf] германской экономики. Опыт моего института показал, что наиболее важный принцип экономического анализа всегда состоял в осознании следующего факта: развитие экономики — это всеобъемлющий процесс, поэтому он является фундаментально важным для понимания взаимосвязей между отдельными явлениями. Во время войны мы приближаемся к достижению этой цели семимильными шагами. Энергичнее, чем когда бы то ни было, мы работаем над составлением единого баланса народного хозяйства (Gesamtbilanz der Volkswirtschaft). И только после этого можно будет заняться планированием экономики, будь то контроль над трудовыми ресурсами, над потреблением сырья, над фондовым рынком, инвестициями, потреблением или торговлей⁵¹.

Такое агрегированное представление об экономике, которое было разработано Вагеманном еще в начале 1920-х годов, теперь должно было использоваться применительно к проблеме планирования.

⁵⁰ IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 182 no. 214, 'Umriß' в конце 1942 г.

⁵¹ IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 434 no. 61, p. 6; этот не имеющий даты документ хранится в файлах Вагенфюра. По его расположению, а также по содержанию можно предположить, что он относится ко второй половине 1942 года. Не исключено, что черновик был составлен Вагенфюром, но очевидно, что на нем предполагалась подпись Вагеманна.

Основные принципы новой организационной структуры были разработаны Керлем в течение лета 1942 года⁵². Исследования Вагенфюра показали, что главное организационное препятствие, мешавшее созданию эффективной системы планирования, на самом деле было заложено в документе, который определял пути развития нацистской экономики — в Новом плане Шахта 1934 года. Две институциональные структуры — имперские агентства и бизнес-группы, — созданные в один и тот же год, были организационно несовместимы, поэтому с их помощью было невозможно дать всесторонний обзор экономики. Имперские агентства, ранее называемые органами надзора и контроля, были организованы по виду сырья, который составлял сферу их деятельности. Бизнес-группы объединяли компании на основе разработанной на скорую руку классификации отраслей промышленности. Фактически бизнес-группы в большой степени сохранили частные промышленные структуры, существовавшие в 1920-х годах. Таким образом, эти организационные структуры были созданы на основе не совпадающих принципов: сырьевые материалы с одной стороны и широкие промышленные объединения с другой.

С конца 1930-х годов агентства Рейха находились под непосредственным контролем бизнес-групп. Однако распределение агентств по бизнес-группам было достаточно произвольным. К тому же, кроме планирования сырья, никакого другого систематического планирования не предусматривалось. Новая схема, разработанная сотрудниками Керля, была настоящим прорывом в трех отношениях⁵³. Во-первых, она строилась на основе готовой продукции (то есть того, ради чего и затевалось планирование), а не на основе сырья или «отрасли промышленности». Во-вторых, главная ее задача состояла в том, чтобы планы были согласованными. В-третьих, в планах должны были учитываться не только сырье, но и все остальные ресурсы, необходимые для производства. Используя терминологию института, планы должны были охватывать весь

⁵² IWM Sp film 22 3038/49 Sc. 388 no. 431, Bemerkungen 23.6.1942.

⁵³ См. графическое изображение в: IWM Sp. reel 18 FD 3039/49 Sc. 346, Neuordnung der Bewirtschaftung.

физический «кругооборот экономики» (Kreislauf der Wirtschaft). В них должны были учитываться все факторы — сырье, трудовые ресурсы, энергия, транспорт и инвестиции.

Каждое производство важной продукции приписывалась к так называемому отраслевому управлению (Lenkungsbe reich, Lb), которое возглавляло то или иное расширенное агентство Рейха. Отдел Вагенфюра должен был следить за тем, чтобы этот производственный кругооборот был «замкнутым» для всего народного хозяйства, то есть чтобы планы производства во всех отраслевых управлениях были согласованы⁵⁴. Непосредственное выполнение планов возлагалось полностью на бизнес-группы, приписанные к тому или иному отраслевому управлению. Керль запретил как своим сотрудникам из министерства, так и руководителям филиалов агентств Рейха каким-то образом вмешиваться в решение индивидуальных вопросов. Таким образом, макроэкономические проекты, разработанные еще в 1920-х годах, наконец-то получили институциональное оформление. На уровне отдельных компаний планирование прекращалось — теперь объектом планирования становился весь производственный поток. Вагенфюру и его сотрудникам пришлось избавляться от своей маниакальной любви к деталям, которой в свое время было полностью поглощено ведомство с печальной судьбой — Управление военно-экономического планирования Ляйссе.

Несмотря на все ошибки, совершенные ранее при попытках планирования, производственная перепись 1936 года оставалась единственным надежным источником информации о промышленности Германии. Результаты переписи должны были стать основой, на которой строился бы процесс макроэкономического планирования в военное время. Только в базе данных, составленной на основе переписи Ляйссе, можно было найти информацию о промышленной добавленной стоимости и только с ее помощью можно было систематически производить оценку соотношений затрат и выпусков между отраслями промышленности.

Для тех сотрудников отдела Керля, которые не были знакомы с хитросплетениями политики германской статистики, отмена

⁵⁴ IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 182 no. 184, Dorn 'Bemerkungen' 23.6.1942.

переписи промышленной продукции 1939 года стала неразрешимой загадкой⁵⁵. В дискуссии о проблемах военного планирования, состоявшейся уже после войны, Эрих Вельтер отозвался о ликвидации Управления военно-экономического планирования как «об одной из самых больших загадок того периода. <...> Этому нет никакого объяснения»⁵⁶. Третий Рейх по совершенно непонятным причинам лишил себя основы, необходимой для рационального планирования. К 1942 году исправлять совершенные ошибки было уже поздно. Были похоронены все мечты о проведении широкомасштабной промышленной переписи. Вагенфюр приступил к спасению того, что осталось от статистической системы после разгрома, учиненного Грэвелем в ходе ее бессмысленной реорганизации. Оставшиеся сотрудники Управления военно-экономического планирования были привлечены к программе реорганизации⁵⁷. Статистикам Ляйссе было поручено преобразовать результаты статистической переписи 1936 года в соответствии с созданной Керлем новой административной структурой — отраслевых управлений (*Lenkungsbereiche*). Таким образом, обломки некогда интегрированной программы конъюнктурных исследований вновь были собраны и готовы для решения практических проблем планирования.

Для того чтобы обеспечить поступление потока релевантной статистической информации, Вагенфюр мог привлечь в помощники только бизнес-группы и агентства Рейха, которые теперь находились в составе отраслевых управлений. Однако, как мы уже видели, имелись веские причины усомниться в том, что эти организации были в состоянии предоставлять нужные статистические данные. Осенью 1942 года представители от Немецкого института экономических исследований и от департамента Ляйссе направлялись в командировки с инспекцией берлинских бюрократических «джунглей». Их задача состояла в том, чтобы выяснить, какими возможностями стати-

⁵⁵ IWM Sp S Box 368 no. 82 Baudisch 15.9.45, p. 6.

⁵⁶ E. Welter, *Falsch und Richtig Planen* (1954), p. 112–113. Вельтер, журналист, был принят на службу к Керлю для ведения экономической разведки. После войны был основателем и редактором газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung*.

⁵⁷ IWM Sp film 18 3039/49 Sc. 346 no. 349 и 378.

стических исследований обладало каждое из недавно сформированных отраслевых управлений⁵⁸. По словам Керля, главной целью было создание единого языка для использования во всех сферах планирования⁵⁹.

Каждое отраслевое управление должно было иметь следующую информацию: ретроспективный обзор релевантных статистических данных; набор данных для прогнозов возможных сценариев развития в будущем; данные для систематического проведения сравнения между запланированными и фактическими объемами производства; данные о внешнем балансе отраслевых управлений; актуальные отчеты крупнейших компаний, а также самые различные статистические данные, необходимые в экстренных случаях⁶⁰. На самом деле предполагалось, что сбор статистических данных и составление планов будет входить в обязанности статистических секций, которые должны быть созданы в каждом отраслевом управлении. Керль уделял этому вопросу особое внимание. Обращаясь к главам имперских агентств 22 октября 1942 года, он подчеркивал:

...мы должны избавиться от ложного представления о том, что для статистической работы подойдут менее квалифицированные сотрудники. Я вменяю в персональную обязанность каждого рейхскомиссара искать кандидатов для работы в отделе статистики — в отделе, от которого целиком зависит его работа⁶¹.

Как показал опыт работы военных с табуляторами Холлериата, сокращение расходов на статистику является ложной экономией. После того как было завершено создание новой адекватной структуры, ответственность за статистическую работу в том или ином районе была возложена на отраслевые управления. Это являлось гарантией того, что Центральному статисти-

⁵⁸ IWM Sp film 22 3038/49 Sc. 388 no. 413, Planungsamt, GRA 3 21.10.1942 Statistische Arbeitskreise.

⁵⁹ BAP 31.02 3589 no. 63, 'Erläuterungen zum Schema eines Bewirtschaftungsplanes' Planungsamt, GRA3.

⁶⁰ BAP 31.02 3589 no. 61, Arbeitsgrundlagen für die Planung, 19.10.1942.

⁶¹ IWM Sp film 18 3038/49 no. 115, RWM в: Reichsstellen 22.10.1942 Betr. Aufstellung eines Geschäftsverteilungsplans für Lenkungsbereiche.

стическому комитету, возглавляемому Грэвелем, больше не будет нанесено никакого вреда.

Расследование, проведенное осенью 1942 года, полностью подтвердило критику, которую высказывали еще в начале войны статистики промышленности, работавшие под руководством Ляйссе. Децентрализованная статистическая система, построенная на основе имперских агентств, оказалась недееспособной. Сотрудники Вагенфюра не смогли добыть полезную информацию о распределении сырья ни для одного периода до 1942 года. Керлю пришлось приступить к планированию с чистого листа, не имея никаких данных за предыдущие годы. Неудивительно, что отраслевые управления затянули подготовку своих обзоров до 1943 года. Так называемый структурный обзор, подготовленный отраслевыми управлениями (*Struktur-bild der Lenkungsbereiche*) являлся наиболее полным описанием германской экономики, сделанным с конца 1930-х годов⁶².

Этот обзор охватывал не только промышленность, но также торговые и ремесленные структуры, принадлежавшие тому или иному отраслевому управлению. Вся экономика должна была теперь рассматриваться как часть военно-экономической деятельности. В обзоре было зафиксировано количество рабочих и количество компаний, а также валовая и чистая стоимость произведенной ими продукции. Ввиду отсутствия более релевантных данных чистая стоимость продукции рассчитывалась с помощью величины чистого выпуска продукции на одного рабочего, взятой из промышленной переписи 1936 года, и текущей численности рабочих. В обзоре был сделан вывод о том, что процедуры планирования, используемые в различных отраслевых управлениях, должны отличаться друг от друга в зависимости от структуры производства. В некоторых случаях производство было в целом самодостаточным и между чистой и валовой стоимостью продукции разница была незначительная. Другие отрасли промышленности в большой степени зависели от сырья, а также от дополнительных компонентов и поставок из других отраслей. Кроме того, в различных секторах экономики существова-

⁶² Speer Documents Herford series Reel 18 FD 3039/49 Sc. 346 no. 45, *Struktur-bild der Lb* 29.3.1943.

ли значительные различия в соотношении между ремесленным и промышленным производством, в масштабе промышленного производства и трудовых ресурсах, а также в капиталоемкости. В связи с этим создание единообразной системы планирования было нецелесообразным.

Для того чтобы свести воедино все данные, поступавшие от отраслевых управлений, статистики Керля пробовали использовать новые формы визуальной подачи материала. В начале войны ведомство Рейха, отвечавшее за целлюлозно-бумажную промышленность, экспериментировало с так называемыми алтарями планирования. Такой «алтарь» выглядел как шкаф-буфет с распашными дверцами и напоминал средневековый триптих. На дверцах, снаружи и изнутри, была представлена вся важнейшая статистика, относящаяся в той или иной отрасли промышленности. Руководитель каждой отрасли промышленности мог бы «стоять перед алтарем» и перед глазами у него были бы все необходимые факты. Керль был очень увлечен таким способом подачи материала и поручил Вагенфюру собрать в одном помещении информацию, полученную от всех отраслевых управлений⁶³. Предполагалось, что у каждого из двадцати одного отраслевого управления будет свой алтарь. Объем представляемой информации можно увеличить, повесив на рейлинги, находившиеся внутри шкафчиков, графики — так же, как сегодня на вокзалах вешают расписание поездов. Тогда нужный график при необходимости можно было бы легко найти. В центральной части «алтаря» должны были размещаться основные потоки кругооборота производства для каждого отраслевого управления. На правой и левой дверцах должны были представляться структурные данные для определенного сектора. Всего на одном алтаре можно было бы разместить 145 графиков и таблиц.

В статистическом журнале приводились бы данные за месяц. Центральным объектом в каждой комнате был «главный шкаф-буфет» (Generalschrank), в котором должна была собираться информация, получаемая от всех отраслевых управлений, которая

⁶³ IWM Sp film 22 3039/49 Sc. 342 no. 35–42, GRA 3. Служебные записки об «алтарных комнатах».

сопоставлялась бы с агрегированными экономическими показателями. Планировалось, что агрегированные данные будут предоставляться институтом и будут включать оценку национального дохода, показатели промышленной продукции Вагенфюра, а также показатели запасов сырья, импорта и экспорта. Такой «алтарь», как предполагалось, станет «ключевым инструментом для сравнения уровня экономического развития отдельных отраслей промышленности». В январе 1943 года Вагенфюр пригласил Керля на экскурсию по новой «алтарной комнате».

Зачем же для того, чтобы материализовать мечты о центральном планировании, нужно было идти таким сложным путем? Безусловно, на то были свои практические причины. Алтари позволяли в доступной форме представить огромные массивы информации. В обращении они были гораздо легче, чем толстые пачки бумаг. Сложная картина всей германской экономики была представлена в едином пространстве. Определенную роль могли играть и соображения безопасности. Если информация была сконцентрирована в одном месте, то сокращалась необходимость в пересылке целого ряда документов. Если нужно было ввести в курс дел какого-то должностного лица низшего звена, то его можно было просто провести по «алтарной комнате», вместо того чтобы вручать ему копии документов. Однако и это было еще не все. Концентрация информации в одном месте свидетельствовала и о степени власти. С одной стороны, тот, кто хотел получить беспрецедентно полное представление о военной экономике, должен был посетить «информационный пункт» Керля. С другой стороны, такая уникальная визуализация информации была рассчитана на то, чтобы создать эффект присутствия, а такое ощущение невозможно получить, листая бесконечные страницы с копиями статистических графиков, таблиц и цифр. Человек, находящийся в таком уникальном пространстве, мог почувствовать себя руководителем всей германской промышленности. «Алтарная комната» служила не только для того, чтобы дать представление об экономике. Она была уникальным наблюдательным пунктом. Она на самом деле стала центром экономических военных действий.

V

Однако все равно остается впечатление, что «алтарная комната», так или иначе, была некоей психологической компенсацией. Иллюзорной была полнота картины, которая, как казалось, должна создаваться благодаря огромному массиву информации. Считалось, что на алтаре должен быть представлен обзор всей экономики. Фактически же, несмотря на усилия Вагенфюра, на этой картине оставались белые пятна. Сектор вооружений, имевший первостепенное значение, находился под контролем комитетов и колец Шпеера, и Керль к информации о нем не был допущен. Более того, несмотря на визуальную компактность, статистические данные, приведенные на алтарях, оставались по большому счету весьма разнородными. Ряды данных, соседствующие на графиках и диаграммах, принадлежали к фундаментально различным категориям и поэтому были несопоставимы.

Плановикам были необходимы соотношения показателей, и, в первую очередь, соотношения между затратами и выпусками. Сколько трудовых ресурсов, энергии и стали требовалось для производства главных видов вооружений и основных продуктов гражданской экономики? Для того чтобы рассчитать эти соотношения, нужен был сопоставимый набор статистических данных о затратах и выпусках. Эта информация была получена благодаря промышленным переписям 1933 и 1936 годов. Однако в 1943 году уже не было возврата к возможностям, упущенным в конце 1930-х годов. В нацистской Германии плановикам военного периода приходилось иметь дело с информационной системой, которая скорее отслеживала организационные контуры военной экономики, чем занималась систематическим анализом производственного процесса. В результате у них имелся набор не связанных между собой данных, на основе которых было невозможно рассчитать основные параметры, необходимые для планирования.

Комитеты, которые контролировали процесс итоговой сборки вооружений для министерства Шпеера, могли предоставлять информацию о выпуске вооружения. Если бы их отчетность была в порядке, они могли бы ответить на вопросы о размерах трудо-

вых ресурсов и объемах сырья, использованных на последнем этапе производства. Однако по большей части производство оружия сводилось к сборке. Сложные боевые системы, такие как, например, самолеты-истребители, собирались из полуфабрикатов — алюминиевых листов, базовых компонентов, к которым относились простейшие элементы, а также специализированных компонентов (например, радиоприемники), которые сами по себе были достаточно сложными устройствами. Как можно было организовать учет тысяч таких компонентов?

Использование самых важных компонентов контролировалось промышленными кольцами. У некоторых из них имелись отчеты, по которым можно было вычислить их основных клиентов. Однако в секторе «гражданской экономики» ответственность за поставки сырья и производство основных компонентов лежала на отраслевых управлениях. После реформ, проведенных Керлем, они занимались сбором данных о размерах выпусков и об использовании трудовых и иных ресурсов. Однако только в исключительных случаях можно было проследить всю производственную цепочку целиком, начиная с итоговой сборки продукции комитетов по вооружению, учитывая компоненты, производимые кольцами, и заканчивая продукцией отраслевых управлений, которые, конечно, сами были тесно связаны друг с другом. Наиболее серьезную проблему представляли трудовые ресурсы. Для Комитета центрального планирования это был наиважнейший вопрос. Однако было очень сложно с точностью подсчитать, какое количество трудовых ресурсов требовалось для производства вооружения. Содержательную статистику занятости можно было получить только из промышленных отчетов, которые, в свою очередь, основывались на общих обзорах, составляемых бизнес-группами. А между этими весьма приблизительными данными и конкретными цифрами по выпуску продукции, предоставляемыми кольцами и комитетами, прямых соответствий не было.

Финальный всплеск организационной активности Керля пришелся на последние два года войны, когда он и его сотрудники бросили все силы на решение фундаментальной проблемы, связанной с получением информации. На фоне катастрофических событий, происходивших на Восточном фронте,

и бомбежек германских городов эта озабоченность техническими деталями планирования может расцениваться только как бегство от реальности. Летом 1943 года, после того как практически был сожжен Гамбург, вера пошатнулась даже у Керля. На его стол ложились распоряжения об использовании негашеной извести для уничтожения тел погибших⁶⁴. Он продолжил работу только подчинившись приказу Шпеера, который приравнивал отставку к дезертирству. Шпеер полагал, что, хотя теперь победа казалась все менее реальной, их долгом было как можно дольше оттягивать поражение.

Однако неизбежно мысли людей сосредоточивались не только на настоящем. Как вспоминал один из статистиков управления Керля, «главное было <...> думать о будущем»⁶⁵. Для каждого человека это означало что-то свое. Для Шпеера, который волновался по поводу того, чтобы занять достойное место в истории, статистические исследования, проводившиеся в его министерстве, становились историческим свидетельством. Для самих статистиков возможность работать в Берлине, безусловно, была безопасной гаванью, позволявшей укрыться от ужасов Восточного фронта. Однако маниакальные попытки усовершенствовать статистическую работу имели также и большое политическое значение. Стремление продемонстрировать жизненность центрального планирования было частью борьбы за будущее экономики Германии.

В последние годы существования Третьего рейха публичные обсуждения того, как страна будет жить после войны, были строжайше запрещены. Тем не менее влиятельные политические группировки проводили тайные переговоры о будущем обустройстве Германии⁶⁶. Причиной лихорадочной деятельности Керля была его уверенность в том, что центральное планирование нужно не только в период войны. Такая уж судьба выпала на долю Германии. Теперь уже было понятно, что США и СССР выйдут из Второй мировой войны в качестве экономических и военных сверхдержав. Это было неизбежно. Германия могла

⁶⁴ KehrI, *Krisenmanager*, pp. 299–310.

⁶⁵ IWM Speer Box 368 no. 82, Допрос Баудиша 15.9.1945, p. 2.

⁶⁶ Herbst, *Der Totale Krieg*, pp. 341–452.

самоутвердиться на их фоне только с помощью сильной экономики, находящейся под контролем у государства. В случае поражения в войне единственной надеждой на выживание оставалось центральное планирование. Нет полной ясности, разделяли ли убеждения Керля его сотрудники. Однако какими бы ни были их взгляды, в сознании сторонников использования силовых методов при управлении нацистским государством Вагенфюр и его Институт экономических исследований прочно ассоциировались с Керлем и с политикой центрального планирования.

Альтернативные принципы так называемой социальной рыночной экономики («soziale Marktwirtschaft») исповедовались группой либеральных экономистов, среди которых был Людвиг Эрхард, создатель западногерманской послевоенной экономической политики. Эрхард пользовался поддержкой бизнеса и защитой СС. В 1943 году Шпеер и Гиммлер договорились о разделении сфер влияния. Шпеер осуществлял контроль над военной экономикой, а ответственность за долгосрочное планирование несло министерство экономики. Само же министерство передавалось под контроль СС благодаря тому, что заместителем статс-секретаря был назначен Отто Олендорф. В течение последующих нескольких лет Керль и Олендорф были тайными, но весьма серьезными соперниками. В развернувшейся между ними борьбе важным ресурсом были экономические знания, а главной целью являлся Немецкий институт экономических исследований. В 1944 году Олендорф предпринял решительные шаги, попытавшись захватить в свои руки контроль над институтом⁶⁷. Однако Вагеманн, возможно в последний раз, проявил себя настоящим виртуозом от политики и отбил от посягательств Олендорфа. До самых последних дней войны Вагенфюр и его статистики продолжали работать под руководством Керля. Они предприняли попытку как можно глубже изучить проблему планирования в натуральных показателях⁶⁸.

⁶⁷ См. об этих переговорах в: ВАР R 7/2126.

⁶⁸ После войны Шпеер заявил, что ему не были известны данные о национальном доходе. Он также высказал предположение, что таблица распределения железа использовалась для оценки размера относительного баланса между производством гражданской и военной продукции. IWM Speer Vox 367 no. 5, допрос Шпеера, 5-я сессия 30.5.1945.

Политическая мотивация для их исследований появилась в 1943 году в связи с хаосом, последовавшим после разгрома вермахта в Сталинградской битве. Для того чтобы Германия могла продолжать войну, ей требовалось выйти на новый уровень экономических усилий. В своей речи в берлинском дворце спорта Геббельс призвал немецкий народ к «тотальной войне». Все большее количество иностранных рабочих насильственно пригонялись в Германию для принудительного труда и оказывались на положении рабов. Впервые население Германии должно было пройти регистрацию для всеобщей трудовой мобилизации. В Комитете центрального планирования (*Zentrale Planung*) Керль выступил как главный защитник программы широкомасштабного свертывания гражданской экономики. По его мнению, закрытие сотен тысяч мелких магазинов и мастерских позволило бы высвободить еще больше людских ресурсов для участия в военных действиях.

Все эти рассуждения хорошо подходили для «алтарной комнаты», а в действительности Комитет центрального планирования столкнулся с жесткой оппозицией со стороны гауляйтеров, которые решительно выступили против «большого заговора бизнесменов» в Берлине. К началу лета 1943 года усиливающееся давление на германскую военную экономику уже грозило привести к полной дезорганизации⁶⁹. Результаты первой программы сворачивания гражданского производства были несравнимо ниже, чем надеялся Комитет центрального планирования. В то же время на министерство вооружения, возглавляемое Шпеером, оказывалось сильнейшее давление в связи с необходимостью выполнения задачи, поставленной Гитлером, — обеспечить производство танков. Вермахт копил силы для последней крупной наступательной операции на Восточном фронте — атаки на Курской дуге.

Ситуация была очень тяжелой. Целевые задания по выпуску танков и самоходных орудий удалось выполнить только благодаря ряду так называемых программ чрезвычайных мероприятий (*Gewaltaktionen*). Производственный процесс был практически полностью дезорганизован. Комитеты и кольца все больше

⁶⁹ D. Eichholtz, *Die Deutsche Wirtschaft. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft vol. 2. 1941–1943* (Berlin, (Ost), 1985), p. 124.

теряли координацию между собой, в результате чего значительно отставали от графиков поставки главных ресурсов — угля и стали. Комитет центрального планирования делал все возможное, чтобы обеспечить поступление ресурсов в разумные сроки. Германия не могла позволить себе, чтобы в очередной раз, как в начале войны, поставки практически прекратились, что привело к замедлению производственного процесса.

Шпеер, так же, как и Керль, был убежден, что эту проблему можно решить только с помощью привлечения трудовых резервов из гражданского сектора. На встрече с Гитлером в июне 1943 года Шпеер озвучил цифру в 500 000 дополнительных рабочих рук. Отчаявшись добиться каких-либо результатов, Керль и Шпеер согласовали окончательную реорганизацию уже расшатанного государственного аппарата. Было решено, что часть министерства экономики, которая находилась под контролем Керля и отвечала за взаимодействие с отраслевыми управлениями, будет переподчинена министерству вооружения под руководством Шпеера. Оставшиеся структуры министерства экономики должны были перейти к Олендорфу и СС. Планировалось, что Шпеер, пользуясь поддержкой Гиммлера, полностью подчинит себе отрасль гражданского производства, перехватив инициативу у местных партийных аппаратчиков. В результате такого «вычесывания» человеческих ресурсов из гражданского сектора экономики, которое началось в августе 1943 года, в распоряжение военного сектора поступило дополнительно 400 000 рабочих⁷⁰.

В то же самое время предполагалось, что слияние подразделений министерства экономики, подчинявшихся Керлю, с министерством Шпеера позволит навести порядок в секторе, созданном для управления вооружением. У Керля всегда возникали сомнения по поводу заявок, которые поступали от комитетов и колец, находившихся под контролем Тодта и Шпеера. Он подзревал, что заводы, производившие вооружение, впустую расходовали ресурсы, с таким трудом выкачанные из гражданского сектора. Керля давно разочаровали поверхностные и безрезультатные попытки

⁷⁰ F. L. McKittrick, 'An Unexpected Path to Modernization: The Case of German Artisans during the Second World War', *Contemporary European History*, 5 (1996), pp. 401–426.

татные обсуждения в Комитете центрального планирования, обладавшем весьма скудной информацией о реальной ситуации. Теперь же у него появлялась возможность рационализировать объединенную систему центрального планирования.

В современных исторических исследованиях, посвященных изучению военной экономики Германии, прослеживается тенденция увязывать поразительный подъем производства после 1942 года с рационализацией на уровне отдельных заводов⁷¹. Безусловно, такая точка зрения вполне оправданна. Однако, принимая ее, не следует забывать и о том, что высокий уровень производства поддерживался только в последние годы войны. Это стало возможным благодаря созданию системы центрального экономического планирования — еще не полностью разработанной, но уже эффективной. С появлением этой системы возникла возможность контролировать основные макроэкономические переменные. Несмотря на огромные потребности в человеческих ресурсах на фронте, высокий уровень занятости поддерживался благодаря бесчеловечной эксплуатации миллионов людей, насильственно пригнанных в Германию. Дополнительные мощности для выпуска оружия удалось обеспечить за счет того, что были приостановлены новые инвестиционные проекты и начато производство на заводах, построенных в первые годы войны. Возможно, главным позитивным фактором было то, что Комитет центрального планирования работал одновременно в самых разных направлениях, пытаясь компенсировать последствия военных поражений и ковровых бомбардировок, а также существование узких мест в экономике.

Самым непостижимым в загадке успеха Альберта Шпеера был не столько достигнутый уровень выпуска продукции, сколько способность военной экономики Германии продолжать производственный процесс даже в ситуации полной разрухи. И в этом, несомненно, огромную роль сыграла централизованная координация экономических усилий. Кошмаром для Комитета центрального планирования был сценарий, согласно которому

⁷¹ R. Overy, 'Rationalization and the Production Miracle in Germany during the Second World War', in *War and Economy in the Third Reich*, pp. 343–375 and N. Gregor, *Daimler-Benz in the Third Reich* (New Haven, 1998).

в производстве начинался резкий спад в связи с появлением всё новых и новых узких мест — некоторого рода «стопор»⁷². При такой ситуации нескоординированные действия отдельных промышленных предприятий, стремящихся сохранить уровень выпуска, могли привести к ухудшению ситуации в других, более важных, секторах экономики. Осенью 1943 года появилась угроза именно такого коллапса в связи с острым энергетическим кризисом. Керль немедленно поручил своим сотрудникам разработать программу, которая позволила бы обеспечить выпуск продукции с учетом 10-процентного сокращения поставок энергии⁷³. Эту проблему удалось решить, сократив объемы производства в некоторых секторах таким образом, чтобы эффект домино для остальной экономики был минимальным. В итоге объем выпуска по всем секторам был сохранен. Программы производства вооружений продолжали творить чудеса.

Механизмом, используемым для менеджмента в условиях такого макроэкономического кризиса, был Комитет по планированию (Planungsamt). Он был основан Керлем как отдел Комитета центрального планирования. Задача Комитета по планированию состояла в подготовке материалов для обсуждения на совещаниях Комитета центрального планирования, а также в координации планов всех подразделений суперминистерства Шпеера. Керль намеревался использовать Комитет по планированию как центр, который навел бы порядок в работе комитетов и колец, а также способствовал бы эффективному принятию решений высшими органами. Самое главное подразделение Комитета по планированию — отдел планирования статистической работы (Planstatistik) — возглавлял Вагенфюр. Теперь у него не было соперников, особенно после того, как осенью 1943 года в результате бомбардировки было разрушено здание министерства экономики в Берлине⁷⁴. Личный архив Керля с данными экономической статистики полностью сгорел. Дубликаты хранились только в Немецком институте экономических исследований на Фазаненштрассе. За по-

⁷² FD 3048/49 Fold. 22.16, Besprechung der ZP 23.10.1942, p. 3 и IWM FD 3048/49 Fold. 21 17, Besprechung der ZP 28.10.1942, p. 41.

⁷³ Kehrl, *Krisenmanager*, pp. 467–468.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 325.

следние восемнадцать месяцев войны институт, возглавляемый Вагенфюром, смог полностью взять в свои руки контроль над информационными системами Третьего рейха.

Рутинная статистическая работа была передана немногочисленным сотрудникам, которые ранее работали в Статистическом управлении, а затем были переведены в так называемый Статистический центр (Statistische Leitstelle) по координации деятельности отраслевых управлений. В этом центре работали статистики промышленности под руководством Ляйссе⁷⁵. Помимо того что центр восстанавливал информационную систему Керля, он выполнял рутинную работу, проверяя и сличая с оригиналами данные, представляемые отраслевыми управлениями. Отдел механической обработки отчетов (МВ) Пассоу обеспечивал мощности для вычислений. Тем временем Комитет по планированию сосредоточил свои усилия на разработке сверхважных вопросов планирования, и летом 1944 года его деятельность была удостоена высокой оценки. Шпеер решил представить свои отчеты лично фюреру⁷⁶. Он пригласил чертежника, который перерисовал все отчеты в крупном масштабе — как любил фюрер. Гитлеру обычно подавали документы, написанные крупным шрифтом, чтобы ему не приходилось на публике надевать очки!

Однако Керлю и Комитету по планированию было недостаточно просто иметь контроль над потоком информации, поступавшим к политическому руководству страны. Зимой 1943/1944 года Керль и его сотрудники сформулировали концепцию рационально организованной системы планирования, которая должна была определять работу Комитета по планированию в течение последнего года войны. Основные принципы этой системы были разработаны годом ранее коллегой Вагенфюра из филиала института в Бреслау⁷⁷. Главная идея состояла в том, чтобы рационализировать процесс планирования, полностью сосредоточив внимание на той остаточной доле ресурсов, которую еще можно было распределять. Поэтому, в первую

⁷⁵ ВАР 31.02 3589 no. 48, RWM записка от 10.9.1943.

⁷⁶ ВАР 31.02 3472 no. 46, BV/GBR to Planungsamt 1.6.1944.

⁷⁷ IWM Sp film 18 3038/49 Sc. 182 no. 265, no. 268, Отчет Гроте Мишмала — Зебауэру: 'Gesamtplanung und Planrechnung' 30.1.1943.

очередь, политические власти должны были определить предельные минимальные уровни потребления всех главных продуктов военной и гражданской промышленности.

Предполагалось, что для определения объемов ресурсов, необходимых для производства этого минимального количества продукции, будет использоваться таблица «затраты—выпуск», представляющая собой Единый план (Gesamtplan). Эти объемы ресурсов будут зафиксированы и исключены из последующего рассмотрения. Для того чтобы принять решение по поводу распределения оставшихся ресурсов, необходимо будет обратиться к политическому руководству страны с просьбой сформулировать свои приоритеты. Для того чтобы обеспечить процесс реального выбора, нужно будет попросить правительство обозначить не только один показатель, подлежащий максимизации, но целый ряд программ, в которых будут предусмотрены различные варианты конечных выпусков продукции. Эти программы должны быть ранжированы по степени важности. После этого статистики, основываясь на имеющихся коэффициентах таблицы «затраты—выпуск», смогут рассчитать, в какой степени выполнимой является каждая из обозначенных программ. Правительство будет ознакомлено с альтернативными вариантами, в каждом из которых будет предложено различное соотношение видов выпускаемого вооружения. Главная задача, которая стояла перед Вагенфюром и его статистиками, заключалась в том, чтобы составить такой Единый план.

Первые попытки в этом направлении были предприняты Вагенфюром и сотрудниками статистического отдела Управления планирования осенью 1943 года. Они стремились к тому, чтобы избежать ненужной детализации и сконцентрировать усилия на том, чтобы за разумное время получить результаты — пусть и не оптимальные, но пригодные для дальнейшего использования. Именно такой методологии придерживался институт начиная с 1920-х годов. Данный подход также подкреплял результаты прикладных исследований, проведенных по заказу Вагенфюра в конце 1943 и в начале 1944 года. Эти исследования продемонстрировали, что попытки чрезмерно детализировать планирование соотношений затрат и выпусков могут создать серьезные проблемы. В обзоре, посвященном описанию сборочных опера-

ций при производстве джиба-амфибии фирмы «Фольксваген» (Schwimmwagen), было перечислено более 1000 поставщиков, и этот список не был полным. При этом данная оружейная система была не самой сложной из производившихся в Третьем рейхе⁷⁸.

Более того, опросы нескольких конкурентов «Фольксвагена» показали, что даже в пределах одной отрасли промышленности соотношение между окончательной сборкой и поставками комплектующих агрегатов было неодинаковым. Огромные различия существовали даже при производстве стандартных грузовиков⁷⁹. Некоторые компании занимались исключительно итоговой сборкой и поэтому, чтобы сохранить свободу маневра, им приходилось иметь дело с большим количеством поставщиков комплектующих. Другие же компании предпочитали иметь собственные ресурсы и обладать достаточными навыками для того, чтобы самостоятельно осуществлять все этапы производственного процесса. Они закупали собственные литейные производства и создавали цеха широкого профиля. Идея о том, что промышленное производство представляет собой общий для всех технологический процесс, оказалась хоть и полезным, но мифом. При таком уровне детализации техническая и коммерческая организация производства сводилась лишь к вопросу о выборе конкурентной стратегии. Только в некоторых картелированных и максимально рационализированных отраслях промышленности системы поставок и закупок необходимых материалов у всех производителей были организованы одинаково.

Одним из примеров может служить производство железнодорожных подвижных составов. К 1944 году в этой отрасли массово производилась ограниченная линейка упрощенных «военных локомотивов»⁸⁰. Для всех предприятий, занимавшихся окончательной сборкой, материалы и комплектующие закупались одним и тем же агентством, которое могло предоставить статистикам Шпеера все необходимые данные. Однако такой высокий уровень

⁷⁸ IWM Sp film 5 3046/49 Sc. 170 no. 209 ff 18, Wochenbericht des Planungsamts 6.5.1944.

⁷⁹ DIW, *Die deutsche Industrie im Kriege 1939–45* (Berlin, 1954), p. 64.

⁸⁰ IWM Sp film 19 3046/49 Sc. 303 File 1 no. 208, Plaa 2 July 1944, Vermerk über einen Besuch bei dem Hauptausschuss Schienenfahrzeuge.

предоставления информации был, скорее, исключением, нежели правилом. Все зависело от того, насколько рационально на самом деле была организована та или иная отрасль промышленности. В целом Вагенфюр и его сотрудники, по всей вероятности, пришли к следующему выводу: план должен иметь настолько общий характер, чтобы оставалась возможность внесения изменений на уровне отдельного предприятия. В противном случае сложится ситуация, при которой либо всю структуру той или иной отрасли промышленности придется подгонять под план, либо план нужно будет составлять с учетом каждой отдельной компании.

С таких позиций для централизованного планирования требовалась информация об общем порядке величин, а не точные статистические данные. И фактически оказалось вполне возможным определять масштаб поставок компонентов в целом вместо того, чтобы заниматься скрупулезными расчетами. В начале войны практически не занимались проблемой поставок комплектующих, что привело к появлению хронических узких мест на заводах по производству вооружения, управлением которых занимались военные. Кроме того, предпринимались малоэффективные попытки производить необходимые компоненты на самих предприятиях⁸¹.

После того как германская промышленность «самоорганизовалась» в комитеты и кольца, маятник качнулся в другую сторону. Традиционно предполагалось, что при распределении трудовых ресурсов по производителям вооружений, количество работников, выделяемых непосредственно промышленному предприятию, необходимо удваивать. Считалось, что это нужно для того, чтобы учесть потребности в рабочей силе поставщиков и подрядчиков. Это была идея самого Вагенфюра, которую он высказал в предварительном исследовании, подготовленном осенью 1943 года. Естественно, благодаря такому подходу производственный процесс по производству вооружения был полностью обеспечен трудовыми и иными ресурсами.

Однако к концу 1943 года составители Единого плана начали осознавать, что этот подход имеет какой-то дефект. Когда за-

⁸¹ J. Fear, 'Die Rüstungsindustrie im Gau Schwaben 1939–1945', *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 35 (1987), pp. 193–216.

планированное распределение трудовых ресурсов сопоставили с результатами переписи 1936 года, выяснилось, что предположение о том, что для итоговой сборки требуется столько же работников, что и для производства комплектующих компонентов, было завышенным⁸². В феврале 1944 года Вагенфюр написал служебную записку, в которой утверждалось, что вполне оправданными были гораздо более жесткие требования к распределению трудовых ресурсов. С его точки зрения, невозможно было представить, чтобы косвенные затраты труда в таких отраслях, как электротехника или оптика и точное машиностроение, составляли бы более чем 60% от затрат труда при итоговой сборке. Исключение составляли автомобилестроение и судостроение, но даже и в этих отраслях количество трудовых ресурсов, необходимых производителям компонентов, было намного меньше, чем количество рабочих, занятых в производстве конечного продукта. В результате в металлообрабатывающей промышленности образовывались сотни тысяч часов трудовых потерь.

Хотя это прикладное исследование позволяло сделать важные выводы, такого рода анализ не мог удовлетворить истинные амбиции разработчиков Единого плана, которые видели свою цель в том, чтобы в одном документе отразить распределение самых важных ресурсов по отраслям промышленности. Такая сводная таблица стала бы основой государственного контроля над экономикой. Именно эту идею продвигал Керль. Первый проект сводной таблицы был разработан Вагенфюром в конце мая 1944 года. Она представляла собой простой баланс военной экономики в натуральных показателях за третий квартал 1943 года⁸³. Отраслевой выпуск продукции был представлен в двух колонках, в которых фиксировалось производство главных видов вооружения в натуральных показателях, а также их оценочная стоимость и общий объем выпусков в других самых разных отраслях экономики. В остальных пяти колонках был приведен размер затрат, необходимых для достижения такого уровня производства (табл. 10).

⁸² ВАР 31.02 3472 no. 476, Planungsamt Hauptabteilung Planstatistik — Вагенфюру 8.12.1942.

⁸³ IWM Sp film 21 3038/49 Sc. 181 no. 163–174.

Таблица 10

Единый план (Gesamtplan) экономики Германии
(Большая Германия⁸⁴, без протекторатов),
ТРЕТИЙ КВАРТАЛ 1943 ГОДА,
ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ В ГОДОВОМ ИСЧИСЛЕНИИ

Производство	Занятость (тыс.)	Валовая продукция (млн рейхсмарок)	Объем производства	Потребление угля (млн тонн), Большая Германия, включая протектораты	Электричество (млрд киловатт) (1940/1941)	Перевозки (млн тонн), Большая Германия, включая протектораты	Железо и сталь (млн тонн)
I. Вооружение, окончательная сборка, включая специализированные компоненты							
Танки	179	2000	12111 единиц	0,4	0,4		0,5
Моторные транспортные средства	87	1080		0,1	0,15		0,2
Вооружение	241	2228		0,5	0,4		0,9
Оружие для подводных лодок	30						
Корпуса самолетов							
Моторы для самолетов	935	10 824	25000 единиц	1,4	1,3		0,2
Оборудование для самолетов					0,2		
Корабли	170	2076		0,1	0,3		1
Военные оптические приборы	145	1308		0,3	0,4		0,1
Военное электрооборудование	180	2004		1,1	1,4		0,3
Боеприпасы	638	5828			0,3		2,1
Порох и взрывчатые вещества	70		П: 211000 т ВВ: 411000 т				0
Иное военное оборудование	150						4
II. Другие компоненты							
Техника	821	7340		1,6	0,9		3,4
Моторные транспортные средства	167	2156		0,2	0,3		0,5
Корабли	3						
Железные и стальные конструкции	166	1640		0,3	0,1		1,4
Оптические приборы	51	492		0	0,1		0
Электротехника	463	5216		0,7	1,1		0,4
Изделия из железа, стали и олова	247	2236		0,5	0,6		1,2
Металлические изделия	105	1004		0,1	0,3		0,1
Обработанные сырьевые материалы	255	2996		0,9	0,5	8	3,7

⁸⁴ Имеется в виду Третий рейх, включавший Германию в границах 1933 года и аннексированные территории (Австрия, Судетская область, Польша и др.). — *Прим. ред.*

7. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ВОЗВРАТ К МАКРОЭКОНОМИКЕ

Производство	Занятость (тыс.)	Валовая продукция (млн рейхсмарок)	Объем производства	Потребление угля (млн тонн), Большая Германия, включая протектораты	Электричество (млрд киловатт) (1940/1941)	Перевозки (млн тонн), Большая Германия, включая протектораты	Железо и сталь (млн тонн)
Керамические изделия	99	560		1,1			
Изделия из стекла	92	720		1,7	0,3	2	
Деревянные изделия	219	1744		0,3	0	3	
Бумага	123	1604		4,7			
Бумажная продукция	104	1036		0,1			
Печатная продукция	202	1788		0,1	0,9	5	
Кожа							
Обувь	186	2064		0,4	0,1		
Текстильные изделия	868	7784		3,7	1,1	1	
Одежда	314	2128		0,2	0,1		
Продукты	454	10 696		3,5		11	
Пиво, солод	79	2004		1		2	
Сахар	59	1448		3		3	
Спиртные напитки	22	524			0,7	1	0,3
.....							
III. Сырье							
Уголь	1023		Каменный уголь 278 млн т Бурый уголь 287 млн т	32	1,9	249	
Руда	113			2,8	0	28	0,5
Железо и сталь	552		19 млн т Прокат	37,9	2,7	44	
Цветные металлы	153	2264	247 млн т Алюминий	2,1		2	
Литье	215	1612		1,2	5,7		1,3
Топливо	132	2680	7,5 млн т	24,9	1,8	10	
Пиломатериалы	154	1620		0,1	0,1	11	
Химические вещества	786	9412		18,6	6,9	23	0,3
Нерудные полезные ископаемые (кроме строительных материалов)	99						
.....							
IV. Строительство							
Строительные материалы	198			8,2	0,8	106	
Здания	516			0,4	0,2		1,4
Всего по отраслям промышленности	11 893			156	33,4	513	19,8
A. Промышленность	11 893			156	33,4	513	19,8
B. Энергетический сектор	226			41	2,1		0,2
C. Транспорт	2581			37	2,2		0,9
D. Ремесленное производство	3768				1		0,5
E. Сельское хозяйство	13 721				0,9	56	0,1
F. Лесное хозяйство	312					14	0
G. Услуги	3262				0,9		0
H. Государственная служба	4216				0,9		0
I. Домохозяйства	1153			61,5	4		0
Всего по экономике	41 132			296	46	586	21,5
Экспорт				53			2,5

Источник: Planungsamt Hauptabteilung. Planstatistik, Spring 1944.

Задачи этой таблицы определили и ее формат. Она была составлена так, чтобы лицам, принимавшим решения, было понятно, каким образом стратегически важные ресурсы распределялись по наиболее крупным производителям вооружения. Следовательно, это была совсем не та классическая таблица «затраты—выпуск», которая была составлена Статистическим управлением в середине 1930-х годов. Она не была симметричной. Ее создатели не ставили задачу проследить направление использования конечного продукта той или иной отрасли в качестве затрачиваемого сырья для других отраслей. В таблице были отмечены только те конечные продукты, в производстве которых существовали узкие места. Более того, в раздел конечных продуктов включалось преимущественно вооружение, которое не использовалось ни в одной другой отрасли в качестве сырья для производства какого-либо иного продукта. Тем не менее Вагенфюр без малейших колебаний увязывал проведенную им во время войны работу над Единым планом с интеллектуальной традицией классического агрегированного анализа. В одной из своих послевоенных статей он назвал главные источники, повлиявшие на формирование его взглядов: работы советских статистиков 1920-х годов, эксперименты по созданию системы национальных счетов, проводившиеся в Германии в 1930-е годы, а также первая таблица «затраты—выпуск», которую Василий Леонтьев завершил уже в США⁸⁵. В свете этих замечаний вполне можно утверждать, что работа Комитета по планированию в военное время представляет собой кульминацию развития макроэкономических конъюнктурных исследований, зародившихся в Веймарской республике.

Тем не менее Единый план Вагенфюра был далек от завершения. Оставалась нерешенной проблема определения коэффициентов в таблице «затраты—выпуск». Предполагалось, что в строках таблицы Вагенфюра будут приведены размеры трудовых ресурсов, железа и энергии, а также количество транспорта, которые были необходимы для производства каж-

⁸⁵ R. Wagenführ, 'Die "Volkswirtschaftliche Bilanz" (II): Das "Schachbrett"', *Mitteilungen des wirtschaftswissenschaftlichen Instituts der Gewerkschaften* (1952), pp. 39–45.

дого вида вооружения. На самом же деле в таблице фиксировался только размер ресурсов, использованных на стадии итоговой сборки. Вагенфюру удалось включить данные о расходах конкретных видов ресурсов, таких как труд и сталь, используемых другими предприятиями при отливке корпуса танка. Однако в таблице отсутствовали данные об иных ресурсах, необходимых для изготовления множества базовых компонентов, из которых собирался танк. В Едином плане все эти показатели записывались в строках, в которых отражались данные о ресурсах, используемых в машиностроении и в других важнейших отраслях-поставщиках, а не в тех строках, в которых должны были приводиться величины ресурсов, необходимых для производства танков. Именно за это Керль критиковал таблицу Вагенфюра после знакомства с ее первым вариантом⁸⁶. Оперировать приблизительными оценками было явно недостаточно. Комитет центрального планирования требовал точных расчетов по распределению ресурсов.

В течение лета 1944 года Комитет по планированию лихорадочно работал над подготовкой второго проекта Единого плана. Главная задача состояла в том, чтобы закончить анализ 1943 года прежде, чем перейти к составлению комплексного плана на первую половину 1945 года. В результате появилась расширенная версия раннего плана Вагенфюра, в которой предусматривалось более детализированное рассмотрение затрат⁸⁷. Трудовые ресурсы были разделены между промышленностью и ремесленным сектором. Отдельно было указано потребление бурого и каменного угля. Также был предусмотрен столбец для данных о затратах газа. Помимо стали, учитывались свинец, цинк, медь и алюминий. Были указаны сведения об объемах древесины. Кроме того, в таблице имелся двойной столбец, в котором фиксировались величины инвестиций в технику и строительство зданий, а также были подробно расписаны затраты на транспорт. Всего для каждого вида производства были выделены 23 категории исходных ресурсов. Однако са-

⁸⁶ IWM Sp film 21 3038/49 Sc. 181 no. 150, Leiter Planungsamt в Baudisch 5.6.1944.

⁸⁷ IWM Sp film 21 3039/49 Sc. 237 no. 6, Planungsamt, Gesamtaufwandsplanung 1943.

мая главная проблема так и не была решена. Размер трудовых ресурсов по-прежнему оценивался только для этапа итоговой сборки. Строгий учет велся только для тех компонентов, которые производились субподрядчиками. Оставался неизвестным размер огромных трудовых ресурсов, производивших вооружение. Немецкий институт экономических исследований старался проверить правильность расчета натуральных показателей, используя статистику национального дохода⁸⁸. По самым приблизительным оценкам, представлялось вероятным, что в 1943 году не менее 20% всего национального дохода Германии шло на производство вооружения. И все-таки в Едином плане на 1943 год было зафиксировано, что в итоговом производстве вооружения и боеприпасов участвует только 4,6% рабочей силы.

В процессе разработки Единого плана его создатели пришли к неизбежным умозаключениям⁸⁹. Существующая информационная система Рейха, искалеченная в результате попыток, которые регулярно предпринимались с целью ее реформирования и реорганизации, была не в состоянии породить сколько-нибудь стройную систему учета в натуральных показателях. Несмотря на то что на полях боевых действий для Германии складывалась все более тяжелая ситуация, работа над Единым планом не останавливалась. По заданию Керля в последний раз была предпринята попытка взять штурмом статистическую проблему. Предполагалось, что в ходе проведения финальной широкомасштабной реформы статистика промышленности будет полностью выведена из-под подчинения административной системы, в первую очередь бизнес-групп. Это, как ожидалось, компенсирует урон, нанесенный вмешательством Грэвеля в первые годы войны⁹⁰.

Разработчиков Единого плана мало беспокоили бизнес-группы или даже компании, которые в них входили. В первую очередь их интересовал физический процесс производства.

⁸⁸ IWM Sp film 27 3037/49 Sc. 11 no. 115, Bischoff Vermerk für Kehrl 11.8.1944.

⁸⁹ IWM Sp film 21 3038/45 Sc. 181 no. 67, Vermerk: Offene Statistische Fragen der Gesamtplanung 21.8.1941.

⁹⁰ IWM Sp film 21 3038/49 Sc. 131.

А для его понимания требовалась такая статистическая система, которая могла бы дать представление не об экономически и политически определяемых сферах деятельности компаний, а о самом физическом процессе производства, в котором размер выпуска зависит от затрачиваемых ресурсов. Представлялось совершенно нерелевантным рассматривать компанию как экономическую единицу. Действительно, промышленные статистики 1930-х годов осознали, что компании должны аналитически подразделяться на производственные технические единицы. Тогда взаимосвязь между такими единицами будет отслеживаться в рамках сферы деятельности отдельной компании, а если понадобится — то и вне ее пределов. Разумеется, нельзя полностью пренебрегать информационной системой компании. Тем не менее Комитет по планированию отказался принять идею о том, что он должен строго ограничивать деятельность плановиков. Осенью 1944 года Керль одобрил проект и пообещал добиться поддержки Шпеера⁹¹. Это действительно могло оказаться необходимым, поскольку в новой системе предполагалось вывести промышленную статистику из-под контроля бизнес-групп.

Нет никаких свидетельств о том, что этот проект хоть в какой-то степени приблизился к завершению, что любопытно — в этом с поразительной ясностью проявился стиль работы Комитета по планированию⁹². Проблема заключения субподрядных договоров и поставки деталей была одной из главных проблем, с которыми столкнулись плановики после проведения реформ. Как ожидалось, в новой статистике в качестве отдельного производственного процесса будет фиксироваться любой процесс, в результате которого создается рыночный, «независимый» продукт. Таким образом, вновь оказалась востребованной базовая процедура, впервые разработанная промышленными статистиками Ляйссе в начале 1930-х годов⁹³. Однако теперь она стала

⁹¹ IWM Sp film 21 3038/49 Sc. 131 no. 44, Besprechung mit Kehrl 4.9.1944.

⁹² На конференции, организованной Комитетом по планированию, были предложены альтернативные варианты. См.: BAK R 3 74 no. 48, Planungsamt, Krähe 25.9.1944 Protokoll.

⁹³ См. главу 5.

применяться ко всему сложному промышленному производству. Из-за этой проблемы потерпели неудачу переписи Ляйссе, и именно ее Меерварт объявил неразрешимой в начале 1920-х годов⁹⁴. С его точки зрения, попытки описать экономику как гигантский физический производственный процесс были анахронизмом периода ремесленного производства.

Комитет по планированию Керля для решения этой проблемы предложил использовать принятую у военных систему нумерации. Если присвоить номера всем промышленным продуктам, начиная от наиболее сложных и заканчивая исходными материалами, то появится возможность оценить затраты на каждый продукт, с помощью номеров используемых для его производства материалов. Промышленные статистики Ляйссе потеряли всякую надежду разработать и внедрить систему классификации промышленных изделий, которая была бы достаточно сложной для того, чтобы проследить целиком всю производственную цепочку. Система нумерации, используемая военными, могла легко решить эту проблему. Для этого следовало ввести стандартизированную систему классификации, причем сделать это раз и навсегда, а не менять ее каждые три года под очередную перепись. Терминология, которая используется в бизнесе, должна постоянно корректироваться таким образом, чтобы соответствовать классификационным категориям. В статистических опросниках больше не должны использоваться термины, не относящиеся к принятой стандартной классификации экономики. Тогда статистики и бизнес будут говорить на одном языке.

В конце 1942 года министерство Шпеера завершило разработку системы нумерации, в которой отдельным продуктам присваивался трехзначный номер, и приняло ее к использованию⁹⁵. Эта система включала в себя тысячи номеров, с помощью которых следовало обозначать продукцию в статистических отчетах и заявках. Комитет по планированию предполагал, что новая статистическая система будет основана на четырехзначных номерах,

⁹⁴ См. главы 1 и 2.

⁹⁵ BAK R 3/51 Reichsmin für Rü- und Kriegsproduktion/MB III no. 21 Vortragsnotiz Betr. Reichswarenummerung 22.10.1942, p. 2.

что теоретически позволило бы учесть в классификации в общей сложности 10 000 отдельных единиц продукции. Если выстроить цепочку из этих номеров, начиная со снабженческих компаний и заканчивая поставщиками сырья, то в результате можно получить максимально детализированное описание внутренней структуры всей германской промышленности.

Однако в 1944 году у плановиков нацистской Германии уже не оставалось времени на то, чтобы произвести обзор всего процесса промышленного производства. Поэтому Комитет по планированию предложил активизировать усилия по решению этой проблемы. В первую очередь, необходимо было получить данные о размерах сырья и трудовых ресурсов, которые требовались для производства наиболее важных систем вооружения. Комитет по планированию был уверен, что, если бы удалось сделать расчеты для 200 основных видов оружия, это дало бы возможность обработать как минимум 60% общего объема военных заказов⁹⁶. Используя механические табуляторы Холлерита из ведомства Пассоу, можно было бы, по крайней мере теоретически, рассчитать приблизительные эталонные значения, взяв их из проектных чертежей. Это позволило бы получить представление о затратах труда и сырья, требовавшихся для изготовления тысяч основных и вспомогательных компонентов изделий. Судя по архивным записям можно утверждать, что такие расчеты были произведены для двух систем — для самолета и для самоходного орудия. Это успели сделать до начала зимы 1944 года, когда машины Холлерита, находившиеся в ведении отдела Пассоу, разошлись по региональным подразделениям, а министерство Шпеера постепенно стало упускать из рук централизованный контроль над военной экономикой Германии.

VI

Таким образом, все линии этого нарратива сходятся в одной точке — возвращение в правительство во время Второй мировой войны института Вагеманна. Попытки рационализировать

⁹⁶ ВАР R3/74 no. 32, MB 25.9.1944 *Besprechung, Rohstoffplanung*.

систему планирования Третьего рейха на завершающих стадиях Второй мировой войны не были чем-то радикально новым⁹⁷. Наоборот, эти попытки стали кульминацией технократической деятельности, проводимой в течение двух десятилетий. На это можно было бы возразить, что война явилась окончательным обоснованием проекта макроэкономических конъюнктурных исследований. После десятилетия проб и ошибок Комитет по планированию вновь вернулся к модели кругооборота в экономике, впервые описанной Вагеманном еще в 1920-х годах.

Однако считать работу ведомства Керля победой разума над идеологической бессмыслицей было бы ошибочно по двум причинам. Во-первых, во многих других отвергнутых схемах имелась определенная техническая логика. Мечта Грэвеля о децентрализованной статистической организации была, наверное, непрактичной, однако ее нельзя просто лишить права на существование, посчитав иррациональным идеологическим продуктом. Во-вторых, если начать противопоставлять рациональные взгляды Комитета по планированию и нелогичность предшествующих шагов, предпринятых для рационализации планирования, то это будет явной недооценкой идеологической составляющей работы сотрудников Керля. В отличие от Альберта Шпеера, Ганс Керль не очень-то и старался, даже после 1945 года, скрывать свои политические взгляды. Целью системы центрального планирования Керля являлось ведение националистической войны. И специфичность организационной структуры, на которой он настаивал, однозначно обосновывалась в терминах расовой теории. Более того, когда стало понятно, что война скоро закончится, сами попытки улучшить систему планирования были политическими заявлениями, вполне имевшими право на существование.

Баталии за послевоенную организацию Германии предвосхитили направления идеологических сражений периода холодной войны. Это, в свою очередь, определило ракурс деятельности Комитета по планированию в годы войны. Вместо того чтобы усовершенствовать принципы планирования за счет использования таких монетарных переменных, как, например, оцен-

⁹⁷ Об этом пишет Хербст См.: Herbst, *Der Totale Krieg*, pp. 433–452.

ки национального дохода, статистики Вагенфюра еще больше углублялись в проблемы натурального планирования. Конечной точкой их экспериментов в этом направлении стал проект по нумерации продукции. В нем отразилась мрачная реальность экономической жизни военной Германии, которая была спроецирована на будущий период. Если бы Керль настоял на своем, то драконовская система нормирования резко урезала бы потребительский выбор. Деятельность бизнес-организаций оказалась бы связанной по рукам и ногам. Как стало очевидным к началу 1940-х годов, информационная система, разработанная для использования внутри самостоятельно организованных бизнес-структур, была не в состоянии предоставлять необходимую для планирования надежную статистическую информацию. Идеалом промышленности должны были бы стать централизованные и стандартизованные системы производства. Вся производственная цепочка находилась бы под неустанным контролем национальных агентств по нумерации. Для каждой новой производственной линии приходилось бы запрашивать новый номер продукции. Каждый этап всего производственного процесса находился бы под наблюдением центральных органов надзора. В этом отношении работа Комитета по планированию предвосхитила не столько послевоенную западную макроэкономическую науку, сколько центральное планирование в том виде, в котором ему суждено было сформироваться в эпоху сталинизма после Второй мировой войны. Даже если после 1943 года Вагеманн и сотрудники его института благодаря своим макроэкономическим идеям добились огромных успехов, то все равно их разработки не были теми конъюнктурными исследованиями, которые осуществлялись в 1920-е годы. Теперь они несли на себе печать тоталитарного представления о надзоре и контроле.

Заключение

В этой книге был проанализирован достаточно длительный период, и повествование доведено до 1945 года. Однако история экономической статистики Германии не заканчивается падением Третьего рейха, а история современных экономических учений не принадлежит исключительно Германии. Поэтому в завершение мы можем попытаться выяснить, какой вклад сделала эта работа в исследования, посвященные послевоенной истории Германии, а также ненадолго вернуться к вопросам сравнительного анализа, упомянутым во введении. Какие выводы более общего характера привнесла эта книга в наше понимание формирования современного экономического знания?

Во многих трудах, в которых прослеживается преемственность событий в истории Германии, исследуются биографии отдельных личностей до и после 1945 года. Разумеется, такой подход вполне можно применить и к изучению истории экономической статистики. В задачи данной книги не входило написание биографий целого ряда людей. Однако карьеры некоторых важных исторических персонажей могут стать хорошим фоном для изучения истории статистики. Для поколения более старых статистиков война стала концом их карьеры и жизни. Из представителей этого поколения войну удалось пережить, пожалуй, только Рудольфу Меерварту, который умер в Берлине в марте 1946 года¹. Вольфганг Платцер, его коллега, с которым он работал еще в годы молодости, дольше всего продержался

¹ 'Rudolf Meerwarth zum Gedächtnis', *ASA*, 35 (1951), pp. 157–162.

на должности директора Статистического управления. Он вышел в отставку в 1945 году². Карьера Вагеманна в Германии тоже закончилась. Его здоровье сильно пошатнулось. Он уехал в Чили и вернулся в Германию лишь в 1956 году. В этом же году он умер в Бад-Годесберге.

Для более молодого поколения уход в отставку не был приемлемым вариантом. После взятия Берлина Вальтер Грэвель предпринял попытки восстановить то, что осталось от Имперского статистического управления, но в июне 1945 года он был арестован НКВД и провел девять месяцев в советском лагере для военнопленных³. Затем ему удалось уехать на Запад, где он занялся организацией переписи 1950 года в Рейнланд-Пфальце. Через год он возглавил работу социальной статистики этой земли. Хотя его работа в Центральном статистическом комитете и не прошла бесследно, в историю он вошел, скорее, благодаря своим ярким публикациям, посвященным проблемам торговой политики. Его считали одним из критиков политики дефляции Брюнинга, а также называли оппонентом автаркической системы Шахта. Парадоксальным является то, что в результате Грэвель приобрел репутацию одного из первых сторонников послевоенной экономической политики здравого смысла⁴. В отличие от него, о судьбах Вильгельма Ляйссе и Пауля Брамшtedта ничего не известно. Их имена больше не появлялись в анналах Германской статистической ассоциации. Это, безусловно, свидетельствует о том, что жизнь германских статистиков сложилась по-разному. Два ключевых игрока межвоенного периода бесследно исчезли в послевоенное время. Рольф Вагенфюр, напротив, не только самым чудесным образом вновь появился на статистической сцене, но и достиг весьма впечатляющих успехов.

Поразительный карьерный рост Вагенфюра заслуживает того, чтобы еще раз целиком озвучить список его достижений. Его восхождение началось в конце 1920-х годов, когда под руководством либерального экономиста Вильгельма Рёпке⁵ он за-

² 'HansWolfgang Platzer', *ASA*, 46 (1962), pp. 192–193

³ 'Walter Grävell ist 65', *ASA*, 40 (1956), p. 176.

⁴ 'Walter Grävell', *ASA*, 46 (1962), pp. 81–83.

⁵ R. Wagenführ, *Die Konjunkturtheorie in Rußland* (Jena, 1929).

щитил кандидатскую диссертацию, посвященную советской теории бизнес-циклов. Защита диссертации состоялась в университете Йены. Затем, в 1928 году, он был приглашен на работу в институт. Спустя пять лет Вагенфюр приобрел известность благодаря своему исследованию, посвященному истории развития германской промышленности⁶. Довольно неосмотрительным было то, что в своей работе он чрезмерно часто ссылаясь на Маркса. Однако Вагенфюру не потребовалось много времени, чтобы приспособиться к новым политическим условиям. В 1930-е годы он опубликовал целый ряд работ по вопросам вооружения и военной экономики, благодаря чему быстро продвинулся и занял должность главного статистика промышленности в институте⁷. К 1943 году он стал главным специалистом по проблемам военной статистики и контролировал весь поток информации, проходивший через министерство вооружения Шпеера.

Вот уж действительно ирония судьбы: благодаря своему увлечению теорией Маркса и советской экономической наукой Вагенфюр сделал головокружительную карьеру в нацистской Германии. В 1945 году он стал человеком, которого все хотели заполучить. Для разведок стран-союзниц он был весьма ценным объектом. Вагенфюра подозревали в сокрытии «важных документов»⁸. Как и Грэвель, сначала он попал в руки советской армии. После того как он помог им с выяснением некоторых вопросов, он переехал в британскую зону оккупации, где его сразу же назначили главой статистической службы оккупационных сил в Миндене. Затем, как если бы это предназначалось для продолжения его политической реабилитации, некоторое время Вагенфюр был главным статистиком Федерации западногерманских профсоюзов. Это помогло ему вернуться к исследованиям, которыми он занимался во время войны, — к анализу статистики европейских стран. В 1952 году он возглавил временный статистический отдел Европейского объединения угля и стали (ЕОУС).

⁶ R. Wagenführ, *Die Industriegewirtschaft. Vzk. Sonderheft 31* (Berlin, 1933).

⁷ R. Wagenführ (ed.), *Kriegswirtschaft* (Berlin, 1935).

⁸ IWM CIOS Evaluation report 317 Personalities from the Reichsministerium für Kriegswirtschaft und Rüstungsproduktion, p. 1.

В 1958 году на него, по понятным причинам, пал выбор при назначении первого директора Статистической службы Европейского сообщества, который позже стал называться Евростат. От изучения отдельных территорий до всего Европейского сообщества, и все это менее чем за 15 лет! В 1966 году Вагенфюр вышел в отставку и возглавил кафедру международной статистики в Гейдельбергском университете⁹.

Несомненно, такой биографический подход очень увлекателен. Кроме того, он выполняет крайне важную общественную задачу — продемонстрировать пособничество гражданских служащих и технических работников нацистскому режиму. Необходимо назвать поименно и призвать к ответу всех, кто был к этому причастен. Какие еще уроки можно извлечь из таких поразительных историй преемственного развития? Гётц Али и Карл-Хайнц Рот, например, в их исследовании, посвященном статистике в Германии в годы нацизма, обвиняют Западную Германию в неспособности проанализировать нацистское прошлое¹⁰. Однако у них есть и более важные выводы. В непрерывности карьер отдельных статистиков они усматривают доказательство существования неразрывной преемственности, свойственной объективной технократической традиции. Такой дегуманизирующий и жесткий подход к социальной действительности в послевоенный период был закреплен при правительствах как христиан-демократов, так и реформаторов социал-демократов.

И это характерно не только для Германии. Эта тенденция присуща самому модернизму. В результате стираются различия между политическими режимами. Если самые базовые механизмы современной власти, такие как регистрация и квантификация, являются по сути своей насильственными, то тогда различия между конституционными системами — между Веймарской республикой, Третьим рейхом и ФРГ — действительно становятся нерелевантными. Кроме того, вряд ли можно счи-

⁹ См. памятное издание: G. Menges and R. Zwer (eds.), *Probleme internationaler wirtschafts- und sozialstatistischer Vergleiche. Rolf Wagenführ zum Gedächtnis* (Cologne, 1981).

¹⁰ G. Aly and K. H. Roth, *Die restlose Erfassung. Volkszählen, Identifizieren, Aussondern im Nationalsozialismus* (Berlin, 1984).

тать простым совпадением тот факт, что эта спорная аргументация имеет тесные параллели с изложением истории Германии в ГДР. За фасадом западной демократии скрывается та же сила, которая содействовала появлению фашизма — монополистический капитализм.

Анализ преемственности в истории Германии, проделанный Али и Ротом, носит по большому счету редуccionистский характер. Очевидные и фундаментальные различия между ФРГ и Третьим рейхом стираются вследствие того, что авторы делают слишком сильный акцент на неискоренимости зла, которое несет в себе технократия, и не принимают всерьез политику. Их анализ, как и ортодоксальная марксистская критика монополистического капитализма, в принципе не способен уловить специфичную радикальность нацистской идеологии. Холокост стал возможен не вследствие какой-то единой логики, свойственной технократии, а благодаря манихейским представлениям о вечной борьбе между ариями и евреями. Аналогичным образом схематичная интерпретация, предложенная Али и Ротом, вряд ли позволит дать объективный анализ истории ФРГ. Их аргументация неизбежно переходит в политическую плоскость.

Демократия, существующая в Западной Германии, и раньше не была идеальной, и сегодня таковой не является. Однако по меньшей мере странно изображать ее просто как смягченное продолжение политики Третьего рейха. Такое представление о демократии противоречит как существованию защиты личных свобод, которые закреплены в конституции Западной Германии, так и наличию больших возможностей для эффективной политической оппозиции¹¹. «История» германской статистики, вышедшая из-под пера Али и Рота, вполне могла оказаться весьма полезным оружием для оппонентов переписи 1983 года, однако никаких рецептов на будущее в ней не содержится. В 1984 году Конституционный суд ФРГ вынес решение в пользу протестующих. Формат переписи 1983 года являлся, по определению Кон-

¹¹ Об оппозиции, выступившей против переписей 1983 и 1987 годов см.: R. Appel and D. Hummel, *Vorsicht Volkszählung! Erfasst, Vernetzt und Ausgezählt* (Cologne, 1987) и J. Arnold and J. Schneider, *Volkszählung — verzählt* (Frankfurt, 1988).

ституционного суда, нарушением персональной информационной автономии¹². Впоследствии эта идея легла в основу детально разработанной системы защиты персональных данных¹³. На самом деле эта идея распространилась и за пределы Германии, поскольку принципы системы были включены в Директиву Еврокомиссии 1995 года о защите данных¹⁴.

Разумеется, эта система не лишена недостатков и сама по себе не сможет препятствовать вмешательству государства и частных корпораций в личную жизнь граждан, однако руководители научных учреждений различных европейских стран смогут засвидетельствовать ее эффективность при использовании в практической работе бюрократического аппарата. Такое развитие событий показывает несостоятельность упрощенного представления Али и Рота, согласно которому между Третьим рейхом и ФРГ существует неразрывная технократическая преемственность. И в самой структуре ФРГ, и в ее государственной системе существуют мощные элементы, которые распределяют, направляют и сдерживают энергию технократов, занимающихся сложными математическими расчетами. Деятельность правительства обусловлена вовсе не какими-то маниакальными проектами, целью которых является массовое уничтожение. К правам своих граждан оно относится крайне серьезно. Конечно, если мы во всех деталях выясним, как на практике осуществляется управление, то сможем гораздо лучше понять, что представляет собой современное правительство. Именно это продемонстрировали Мишель Фуко, Филип Абрамс и другие исследователи. Однако нельзя просто промолчать о более широких политических силах, которые определяют характер режима.

На самом деле можно было бы описать практику государственной статистики Германии совершенно иначе, чем это сделали Али и Рот. Тогда нужно было бы говорить не о том, как отдель-

¹² C. J. Bennett, *Regulating Privacy. Data Protection and Public Policy in Europe and the United States* (Ithaca, 1992), pp. 41–42, 74–82.

¹³ О взглядах первого чиновника, отвечавшего за систему защиты персональных данных см.: Н. Р. Bull, *Datenschutz oder die Angst vor dem Computer* (Munich, 1984).

¹⁴ D. Bainbridge, *EC Data Protection Directive* (1996), pp. 11–32.

ные люди занимались регистрацией и отслеживанием данных, а рассказать целиком всю подноготную статистики: историю о том, как начиная с середины XIX века статистики обещали респондентам соблюдение конфиденциальности и анонимности. Эти принципы составляли основу профессиональной статистики с начала ее формирования во второй половине XIX века. В частности, обязательство сохранять конфиденциальность служило для разграничения сферы деятельности официальной статистики и других ведомств государственной администрации. Поэтому неудивительно, что такие люди, как президент Рейхардт, считали, что для статистики обернется катастрофой, если при статистических исследованиях, проводимых в нацистской Германии, все чаще будут происходить случаи несоблюдения принципов анонимности и конфиденциальности.

Однако и такое повествование было бы немногим менее анахроничным, чем рассказ Али и Рота. Один из главных недостатков их работы состоит в том, что они, так или иначе, пытаются спроецировать ситуацию, сложившуюся в 1980-е годы, на 1930-е и 1940-е годы. В результате в центре их внимания оказывается надзор за отдельными гражданами. Однако, как было показано в этой работе, на самом деле в межвоенный период большая часть статистических ресурсов было брошено не на демографические и социальные исследования, а на сбор экономической и финансовой информации. В борьбе за «приватность» объектом защиты была граница между государством и экономикой, а не между государством и отдельными личностями. А в этой сфере политика «приватности» была совершенно иной. На кону стояли вопросы экономической политики, а не прав отдельно взятого гражданина. Поэтому, как и в межвоенный период, от всех слоев политического спектра поступали требования в получении всё большего объема информации о работниках капиталистической экономики.

Если в исследовании акцент делается на истории экономического знания, то проблема преемственности сразу же переходит в иной ракурс. Как было показано в главе 7, на завершающем этапе войны Ганс Керль и его сотрудники занимались разработкой системы экономического контроля, которую задумывали, хотя об этом и не принято было говорить вслух,

как ответ на аналогичную систему, существовавшую в СССР. Керль только на словах признавал свободное предпринимательство и инициативу. Но реальности планирования неумолимо требовали системы централизованного контроля, которая, если бы ее удалось полноценно внедрить, положила бы конец независимости частных предприятий. К 1944 году статистики начали активно продвигать следующую идею: удалить из цепочки отчетов все бизнес-организации, а также охватить всю промышленность Германии стандартизированной системой нумерации. В будущем, как предполагалось, разделение труда, даже в пределах одной компании, будет находиться под централизованным контролем, что позволит детально отслеживать каждый этап производственного процесса. Все идеи, выдвигавшиеся Комитетом по планированию Керля, были, безусловно, новаторскими. Однако в них еще отсутствовал дух модернизма, присущий капитализму послевоенного периода. Концепции Керля гораздо больше напоминали систему централизованного планирования, которая начинала формироваться в сталинском Советском Союзе.

Поскольку Али и Рот работали над своей книгой в условиях «второй холодной войны»¹⁵, у них не было возможности развивать эту альтернативную линию преемственности. К тому же понимание концепции «тоталитаризма» в годы холодной войны даже и в наши дни заставляет с осторожностью проводить сравнение между СССР и Третьим рейхом. Однако теперь, когда прошло уже больше десятилетия после крушения Советской империи, появилась возможность дать наиболее убедительные исторические оценки нацистскому режиму на фоне ситуации в СССР. И это вовсе не означает призыва вновь вернуться к грубому отождествлению этих двух режимов. Руководители СССР и Германии ставили перед собой фундаментально различные цели и задачи. Более того, нацизм, в отличие от большевизма, так и не осуществил социальной революции, в результате которой произошла бы полная реорганизация германского общества. Общим между этими режимами является только тот факт, что они возникли во время кризиса либерализма, ко-

¹⁵ Имеется в виду начало 1980-х годов. — *Прим. ред.*

торый происходил в период между Первой и Второй мировыми войнами. Обе страны сформировали свое представление о политической системе на основе критики распространенных в XIX веке идей о различии между независимым гражданским обществом и правовым государством.

Это, в свою очередь, предполагало использование сходных технологий государственного управления, в том числе и в области статистики. Статистическая система, созданная в странах Восточного блока, функционировала во всеобъемлющем информационном пространстве, принадлежащем власти. В основе статистической системы, созданной в странах Восточного блока, лежала неразрывная связь между властью и наукой. Именно так в последние годы существования Третьего рейха сторонники идеологии «единого немецкого народа» рисовали в своем воображении функционирование статистической системы. Неудивительно поэтому, что статистики ГДР столкнулись с аналогичными проблемами. Они тоже стремились создать единую безупречную информационную систему, в которой учет начинался бы с идентификации отдельной продукции, рабочих и техники и заканчивался бы отдельными промышленными компаниями. В результате была бы создана полная государственная статистика¹⁶. Пролистывая страницы послевоенных изданий восточногерманского статистического журнала *Statistische Praxis*, постоянно вспоминаешь о дебатах, происходивших в Третьем рейхе в 1930-е и 1940-е годы. К концу 1980-х годов в Лейпцигском университете уже появилась возможность защищать диссертации, посвященные изучению этих параллелей:

Созданию современной единой системы учета и статистики экономики ГДР предшествовал длительный период развития. В условиях существования фашистской диктатуры развивались различные методики учета, которые <...> также нашли свое применение в единой системе учета и статистики ГДР¹⁷.

¹⁶ Описание Восточногерманской статистической системы см. в работе: G. Bondi, 'Die Rolle der Statistik in einer geplanten Wirtschaft', ASA, 34 (1950), pp. 126–136.

¹⁷ G. Starke and G. Supke, 'Informationssystem', PhD thesis, University of Leipzig (1988), p. 7.

Сближение методов центрального планирования, используемых в национал-социалистической Германии и сталинском СССР, происходило в условиях войны. Трудно представить себе, чтобы Гитлер пошел на введение режима строгой экономии, к которому призывал Ганс Керль, после заключения компромиссного соглашения. Однако к 1944 году становилось все более понятным, что война закончится поражением Германии. Для того чтобы просто выжить, следовало использовать ресурсы самым экономичным образом. Таким образом, германским промышленникам поневоле пришлось серьезно отнестись к предложениям Комитета по планированию, возглавляемого Керлем. Как и в 1917–1918 годах, организации представителей германского бизнеса в течение двух последних лет Второй мировой войны готовились к тому, чтобы не допустить движения страны в сторону «германского социализма». Еще во время войны Ганса Керля упрекали в том, что он якобы с симпатией относится к большевистским тенденциям. Ответ Керля на эти упреки вряд ли мог убедить кого-то в обратном. Необходимо, заявлял он, иметь «мужество», чтобы издать такие приказы, «особенно если люди видят в этом проявление большевизма. <...> Если мы не найдем способа объединить великие достижения жестко планируемой экономики большевиков <...> с промышленными возможностями и силой нашей экономики, то тогда нам не удастся перегнать остальной мир в экономическом развитии. Тогда этот эксперимент придется завершить тем, кто придет после нас»¹⁸. Группу промышленников Рейха этот аргумент не впечатлил. Пользуясь поддержкой СС, экономисты, близкие к бизнесу, начали развивать иную концепцию экономического будущего Германии. В связи с этой конфронтацией, возникшей из-за угрозы принятия системы планирования, в нацистской Германии начало формироваться четкое представление о необходимости «либеральной» послевоенной политики¹⁹. В осно-

¹⁸ IWM Sp Reel 18 FD 3038/49 Sc. 182 no. 220, Речь Керля перед руководителями агентств по надзору 15.12.1942, pp. 14–15.

¹⁹ L. Herbst, *Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft. Die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939–1945* (Stuttgart, 1982), pp. 348–432.

ве этих взглядов лежали концепции «социального рыночного хозяйства» и «ориентации на Запад». Таким образом, поляризация, наступившая во время холодной войны, была подготовлена дебатами, происходившими еще в Третьем рейхе.

Триумф послевоенной либеральной модели, ставший возможным благодаря активной поддержке американских оккупационных властей, оказал непосредственное влияние на технократов, работавших в области статистики в годы войны. Плановики военного времени были отодвинуты на второй план. Примечательно, что Рольф Вагенфюр возглавил статистическую работу не в американской, а в британской оккупационной зоне. К началу 1950-х годов в качестве руководителя исследовательского проекта, осуществлявшегося по заказу западногерманских профсоюзов, Вагенфюр уже говорил о методиках военного планирования как об инструментах социал-демократии²⁰. На самом деле под таким углом зрения головокружительная европейская карьера Вагенфюра выглядит совершенно по-новому.

Для кого-то, кому не нравится рыночный либерализм послевоенной Западной Германии, релевантной, должно быть, казалась более дирижистская система Европейского сообщества. В Германии все, что даже отдаленно напоминает планирование, в принципе вызывает откровенное сопротивление. Несмотря на то что Статистическим управлением ФРГ (*Statistisches Bundesamt*) были разработаны рудиментарные национальные счета, правительство Аденауэра до 1960-х годов сопротивлялось их официальному включению в систему фискального бюджетирования. Людвигу Эрхарду они казались слишком похожими на государственный контроль военного времени²¹.

Управление статистики было по рукам и ногам связано ограничениями, сформулированными в новом законодательном документе 1953 года (*Gesetz über Statistik für Bundeszwecke*), касавшемся деятельности федеральных статистических

²⁰ R. Wagenführ, *Mensch und Wirtschaft. Eine Nationalökonomie für Jedermann* (Cologne, 1952).

²¹ E. Osterwald, *Die Entstehung des Stabilitätsgesetzes. Eine Studie über Entscheidungsprozesse des politischen Systems* (Frankfurt, 1982), p. 61.

органов. Согласно новым требованиям, все статистические исследования, проводимые государственными статистиками, должны были иметь четкое юридическое обоснование. Технократические инициативы, как предполагалось, будут осуществляться в рамках правового государства²². Закон гарантирует свободу от ненужных официальных запросов. Однако речь шла вовсе не об индивидуальной свободе. В начале 1950-х годов главная задача состояла в том, чтобы провести четкое различие между государственным и частным секторами. Официальная статистика должна быть подчинена правилам социально-рыночного хозяйства.

Ключ для нашего понимания модернизма дает разделенная на две части история Германии. В первой половине XX века ее история характеризовалась не столько предопределенной общей преемственностью, сколько очевидной незавершенностью, позволявшей альтернативные пути последующего развития. Именно эта особенность делает Германию таким увлекательнейшим объектом, на примере которого можно исследовать развитие современного экономического знания в более широком смысле. С точки зрения такой широкой постановки вопроса хочется надеяться, что в этой книге мне удалось сделать три важных вывода.

Во-первых, так же, как и в ряде исследований последних лет, я стремился продемонстрировать, что в период между Первой и Второй мировыми войнами Германия была главным источником концептуальных и эмпирических инноваций в области современной экономической теории²³. На основе имеющихся у нас на сегодняшний день данных, Германия, безусловно, должна быть помещена в один ряд с такими странами, как Великобритания, США, СССР, Швеция и Нидерланды — страна-

²² Deutscher Bundestag 1. Wahlperiode 1949 Drucksachen Nr. 4168 and Nr. 4617. О том, какое разочарование вызвали эти ограничения см.: V. Gleitze, 'Das Zusammenführen volkswirtschaftlicher und betriebswirtschaftlicher Aspekte in der Wirtschaftsstatistik', ASA, 45 (1961), pp. 313–323.

²³ R. Vilk, *Von der Konjunkturtheorie zur Theorie der Konjunkturpolitik. Ein historische Abriss 1930–1945* (Wiesbaden, 1992) и H. Janssen, *Nationalökonomie und Nationalsozialismus. Die deutsche Volkswirtschaftslehre in den dreißiger Jahren* (Marburg, 1998).

ми, в которых зародилась современная макроэкономическая наука. Широкое распространение чисто кейнсианских идей в течение десятилетий после 1936 года само по себе заслуживает отдельного исследования. Однако этот важный процесс должен рассматриваться в более широком контексте развития новой макроэкономической концепции народного хозяйства, которое началось несколькими десятилетиями ранее и которое было гораздо лучше обосновано.

Как показывает экономическая история Германии, этот процесс имел разнородные интеллектуальные корни, а его политические последствия оказались, мягко говоря, двусмысленными. Это — второй вывод, сделанный в нашей работе. «Кейнсианская революция в сфере управления» во многих отношениях оказалась менее революционной, чем ряд альтернатив, существовавших в межвоенный период. Даже в Великобритании, где спектр политических дебатов не отличался большим разнообразием, в 1930-х и 1940-х годах «планирование» рассматривалось как серьезная альтернатива кейнсианскому управлению спросом²⁴. Германская статистика является таким увлекательным объектом изучения потому, что ее создатели, вследствие политической неразберихи межвоенных лет, оказались втянутыми в разработку совершенно новых моделей экономического управления, и этот процесс допускал движение в прямо противоположных направлениях.

В 1920-х годах источником интеллектуального вдохновения для германских статистиков были Ирвинг Фишер и Карл Маркс. Они также были знакомы с идеями «новой эры» Герберта Гувера и изучали новейший эксперимент в области экономического управления — новую экономическую политику (НЭП), проводимую в СССР. Нацистская идеология решительно выступила против уже и без того практически исчезнувшего либерального противопоставления государства и гражданского общества. Кроме того, в перспективе появлялись волнующие возможности новых технологий. Таким образом, сочетание этих факторов способствовало формированию радикальных взглядов относитель-

²⁴ J. Tomlinson, *Democratic Socialism and Economic Policy. The Attlee Years, 1945–1951* (Cambridge, 1997).

но нового экономического порядка. И, наконец, конфронтация со сталинским СССР вынуждала к проведению серьезных экспериментов в области центрального планирования. В таких непростых обстоятельствах конъюнктурные исследования, которые в 1920-х годах выглядели как «просто» еще один вариант ранних макроэкономических теорий, продолжили свое развитие в духе тоталитарных взглядов командной экономики.

Исследование этого целого комплекса альтернатив позволяет нам сделать третий, последний вывод. Мы должны расширить анализ тех факторов, которые повлияли на развитие современной экономической науки. Литература, посвященная кейнсианству, в большой степени сфокусирована на изучении биографий небольшого количества интеллектуалов, а также на их взаимодействии с исключительно узким кругом политической элиты Великобритании. Благодаря кумулятивному эффекту авторам этих работ удалось очень глубоко изучить этот вопрос. Я же делаю первые, но, надеюсь, эффективные шаги в совершенно новом направлении. В этой книге предпринята попытка изобразить создание современной системы экономической статистики как комплексный и предполагающий противоборство процесс социального строительства. Для этого, естественно, потребовалось привлечение экономистов и политиков, а также создание солидной технической инфраструктуры. Обработка данных зависела от согласованной работы многотысячного штата статистиков. В этом отношении, историю современной экономической науки следует рассматривать как неотъемлемую часть истории современного государственного аппарата и, в широком контексте, как историю современных бюрократических организаций. Макроэкономические теории, которые были рассмотрены в этой работе, развивались одновременно с системами учета и информационными системами, принадлежавшими частному бизнесу. Для того чтобы получить доступ к информационным базам частного бизнеса, статистикам порой приходилось выходить за рамки, обозначенные государством. Функционирование статистической системы должно было основываться на целой сети более или менее стабильных связей, соединявших центр, в котором производились расчеты, с кругом респондентов, готовых пре-

доставить достоверную информацию. Следовательно, такая система предполагала наличие определенной модели политического режима и определенного понимания взаимоотношений между государством и гражданским обществом. Поэтому развитие новых форм экономических знаний можно воспринимать как один из аспектов становления современного экономического управления и как яркий показатель отношений, складывающихся между государством и гражданским обществом. С такой точки зрения историю экономического знания не следует относить к вспомогательным техническим дисциплинам. Она занимает центральное место в нашем понимании проблемы модернизма.

Приложение

Национальные счета народного хозяйства Вагеманна — пояснения

- (1) Оригинальный немецкий термин означает, что это цены, умноженные на величину «эффекта полезности» (Nutzeffekten). В ходе последующего изложения становится ясно, что под этим термином понимается чистый выпуск, то есть товары и услуги, которые посредством рынка «направляются» на потребление или на чистое инвестирование (то есть на накопление запасов или основного капитала). Использование не очень удачного термина «эффект полезности» создает две концептуальные сложности: во-первых, это проблема агрегирования разных видов продукции с помощью немонетарных показателей, а во-вторых, необходимость проводить различие между материальными продуктами и полезностью, которой они обладают.
- (2) Издержки подразделяются с одной стороны на личные издержки (Persönliche Gestehungskosten), к которым относятся заработные платы, уплачиваемые проценты, предпринимательская прибыль и рента, а с другой стороны на материальные затраты (Sachliche Gestehungskosten), то есть сырье и т. д. Это разделение очень важно, поскольку с его помощью выявляется различие между домохозяйствами (личные издержки) и компаниями, которые несут материальные издержки.
- (3) Из текста понятно, что, по предположению Вагеманна, в итоге все доходы должны распределяться между домохозяйствами. «Материальные издержки» компании становятся «личными издержками» ее поставщиков и т. д.

- (4) В оригинальном тексте используются вводящие в заблуждение термины «Ausgaben» и «Ersparnis», то есть расходы и накопления. Однако из сопроводительного текста ясно, что на самом деле, по мнению Вагеманна, сектор домохозяйств (то есть конечный получатель всех доходов) несет и все расходы. Из разъяснения Вагеманном термина «расходы» следует, что он фактически имеет в виду конечное потребление товаров и услуг.
- (5) Вагеманн отмечает, что понятия «сбережение» и «выпуск промышленных товаров» (Produktivgüter — капитальное оборудование, а также сырье и полуфабрикаты) не являются идентичными, поскольку вследствие амортизации основных фондов появляется необходимость в ремонтах и заменах, а связанные с этим издержки включаются в цены потребительских товаров. Он также указывает, что косвенным образом на это влияет и основная доля потребления государственного сектора (Staatsverbrauch). Это единственный раз, когда Вагеманн в своей работе упоминает государство. Таким образом, размер инвестируемой части выпуска соответствует чистым инвестициям (общие инвестиции в новое оборудование и запасы, чистый объем замен, сокращение объемов запасов и т. д.). Цель пункта (5) состоит в том, чтобы выяснить, каким образом используется произведенный чистый продукт, который в пункте (1) называется продукцией.

Библиография

АРХИВЫ

Bundesarchiv Koblenz (BAK):

- Reichsministerium f. Rüstungs- und Kriegsproduktion R 3
- Reichswirtschaftsministerium R 7
- Reichswirtschaftskammer R 11
- Reichsgruppe Industrie R 12
- Reichsministerium für Ernährung und Landwirtschaft R 14
- Statistisches Reichsamt R 24
- Reichsforschungsrat R 26 III
- Reichsarbeitsministerium R 41
- Reichskanzlei R 43
- Nachlaß Paul Silverberg NI 13
- Nachlaß W. von Moellendorff NL 158
- Nachlaß Alexander Rüstow NI 169
- Nachlaß Alfred Hugenberg NI 231
- Nachlaß H. Posse NL 303

Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BAMA)

- Heereswaffenamt (OKH/Wa A) RH 8 I
- OKW/Wehrwirtschafts- und Rüstungsamt RW19

Bundesarchiv Berlin, formerly Potsdam (BAP):

- Reichstag 01.01
- Vorlf. Reichswirtschaftsrat 04.01
- Reichskanzlei 07.01
- Reichsministerium des Innern 15.01
- Rechnungshof des D. R. 23.01
- Deutsche Reichsbank 25.01
- Reichsjustizministerium 30.01
- Reichswirtschaftsministerium 31.01
- Statistisches Reichsamt 31.02

- Reichsministerium für Ernährung und Landwirtschaft 36.01
- Reichsarbeitsministerium 39.01
- Reichsministerium f. Rüstungs- und Kriegsproduktion 46.03
- DAF 3/62 DAF 3
- VDMA 70 Ve 1
- Berlin Document Centre
- Moscow Special Archive (MA):
  - Vierjahresplan 700
  - Reichswirtschaftsministerium (RWM) 1458
  - Reichsamt für Wirtschaftsausbau 1459
- ImperialWar Museum (IWM)
  - Speer Collection
  - BIOS Final Reports
  - EDS DMI 14/463-II
- Bayerisches Hauptstaatsarchiv (BHStA)
  - Min. des Äußeren (MA)
  - Handelsministerium (MH)
  - Min. des Innern (MInn)
  - Min. der Justiz (MJu)
  - Bayerisches Wirtschaftsmin (MWi)
- Geheimes Staatsarchiv (GStA)
  - Preußisches Ministerium für Handel und Gewerbe (I. HA Rep. 120)
  - Preußisches Statistisches Landesamt (1. HA Rep. 77)
  - III. Hauptabteilung Preußisches Ministerium des Auswärtigen (III. HA., Abt III)
- Bergbauarchiv (BBA)
  - Fachgruppe Wirtschaftsgruppe Bergbau 15
- Haniel Archiv
- Hoechst Archiv (HoeA)
  - Stammwerke Hoechst
  - IG Farben
- Krupp Archiv
- Mannesmann Archiv
- Rheinisch-Westfälisches Wirtschaftsarchiv (RWVA):
  - IHK Wuppertal (22 Liste 2)
  - IHK zu Neuss (27)
  - Niederrheinische IHK Duisberg-Wesel zu Duisburg-Ruhrort (20)
- Stiftung Westfälisches Wirtschaftsarchiv (SWWA):
  - Handelskammer Münster K 5
  - IHK Dortmund K 1
- Thyssen Archiv

Universitätsarchiv der Humboldt Universität
LSE Archive:
London and Cambridge Economic Service

ДИССЕРТАЦИИ

- Bajak, C. W., 'The Third Reich's Corporation Law of 1937', PhD thesis, Yale University 1986.
- Döring, D., 'Deutsche Aussenwirtschaftspolitik 1933–35. Die Gleichschaltung der Aussenwirtschaft in der Frühphase des nationalsozialistischen Regimes', PhD thesis, FU Berlin, 1969.
- Roeske, U., 'Die bürgerliche Wirtschaftsstatistik insbesondere von Großbanken, Monopolen und Wirtschaftsverbänden. Organisations- und Strukturprobleme vom Beginn des Imperialismus bis zum Beginn des II. Weltkrieges', Diplomarbeit. Sektion Geschichte. Bereich Archivwissenschaft University of Berlin 1974.
- Starke, G. and Supke, G., 'Informationssystem', PhD thesis, University of Leipzig (1988).

ПУБЛИКАЦИИ

- Адорно, Т. и М. Хоркхаймер, *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты* (Москва, 1997).
- Арендт, Х., *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме* (Москва, 2008).
- Бауман, З., *Актуальность холокоста* (Москва, 2010).
- Бернштейн, Э., *Условия возможности социализма и задачи социал-демократии* (Москва, 2011).
- Вебер, М., *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. IV. Господство* (Москва, 2019).
- Зомбарт, В., *Народное хозяйство в Германии в XIX и в начале XX века* (Москва, 1924).
- Зомбарт, В., *Современный капитализм* (Москва, 1930).
- Кейнс, Дж. М., "Пересмотр Версальского мирного договора", в: Дж. М. Кейнс, *Общая теория занятости, процента и денег. Избранное* (Москва, 2007), 621–752.
- Леонтьев, В., "Количественные соотношения затрат и выпуска в экономической системе США", *Экономист*. 2009. № 8, с. 64–85.
- Люксембург, Р., *Введение в политическую экономию* (Москва, 1960).
- Нойман, Ф., *Бегемот. Структура и практика национал-социализма, 1933–1944 гг.* (Санкт-Петербург, 2015).
- Скотт, Дж., *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни* (Москва, 2005).

- Студенский, П., *Доход наций (теория, измерение и анализ: прошлое и настоящее)* (Москва, 1968), с. 230–234.
- Фишер, И. *Покупательная сила денег* (Москва, 2001).
- Шумпетер, Й. А., *Теория экономического развития* (Москва, 1982).
- Шумпетер, Й. А., *Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса* (Москва, 2011).
- Шумпетер, Й. А., *История экономического анализа: в 3 т.* (Санкт-Петербург, 2004).
- Adorno, D. and Horkheimer, M., *Dialektik der Aufklärung* (Frankfurt, 1980, 7th edn.).
- Agar, J., 'Modern Horrors: British Identity and Identity Cards', in J. Caplan and J. Torpey (eds.), *Documenting Individual Identity* (Princeton, 2001).
- Alchon, G., *The Invisible Hand of Planning. Capitalism, Social Science, and the State in the 1920s* (Princeton, 1985).
- Aly, G. and K.H. Roth, *Die restlose Erfassung. Volkszählen, Identifizieren, Aussondern im Nationalsozialismus* (Berlin, 1984).
- Aly, G. and S.Heim, *Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung* (Hamburg, 1991).
- Andvig, J. C., 'Ragnar Frisch and Business Cycle Research during the Interwar Years', *History of Political Economy*, 13 (1981), pp. 695–725.
- Appel, R. and Hummel, D., *Vorsicht Volkszählung! Erfasst, Verhetzt und Ausgezählt* (Cologne, 1987).
- Arendt, H., *Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil* (New York, 1963).
- Arnold, J. and Schneider, J., *Volkzählung — erzählt* (Frankfurt, 1988).
- Babson, R. W., *Actions and Reactions. An Autobiography of Roger W. Babson* (New York, 1935).
- Bähr, J., *Staatliche Schlichtung in der Weimarer Republik. Tarifpolitik, Korporatismus und industrieller Konflikt zwischen Inflation und Deflation 1919–1932* (Berlin, 1989).
- Bainbridge, D., *EC Data Protection Directive* (1996).
- Balderston, T., *The Origins and Course of the German Economic Crisis 1923–1932. November 1923 to May 1932* (Berlin, 1993).
- Barber, W. J., *From New Era to New Deal. Herbert Hoover, the Economists, and American Economic Policy, 1921–1933* (Cambridge, 1985).
- Barkai, A., *Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus. Ideologie, Theorie, Politik 1933–1945* (Frankfurt, 1988, rev. edn.).
- Barkin, K. D., *The Controversy Over German Industrialization 1890–1902* (Chicago, 1970).

- Barnett, V., *Kondratiev and the Dynamics of Economic Development: Long Cycles and Industrial Growth in Historical Context* (London, 1998).
- Bauman, Z., *Modernity and the Holocaust* (Cambridge, 1991).
- Bennett, C. J., *Regulating Privacy. Data Protection and Public Policy in Europe and the United States* (Ithaca, 1922).
- Bennett, J., *The Economic Theory of Central Planning* (Oxford, 1989).
- Berg, M. and Hudson, P. 'Rehabilitating the Industrial Revolution', *Economic History Review*, 45 (1992), pp. 24–50.
- Berlepsch, H.-J. von, 'Neuer Kurs' in Kaiserreich? *Die Arbeiterpolitik des Freiherrn von Berlepsch 1890 bis 1896* (Bonn, 1987), pp. 200–205.
- Berliner, C., 'Die Reform der deutschen Außenhandelsstatistik', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 29 (1929), pp. 320–333.
- Bernstein, E., *Evolutionary Socialism* (New York, 1961).
- Bessel, R., *Germany After the First World War* (Oxford, 1993).
- Blackbourn, D., *Fontana History of Germany 1780–1918. The Long Nineteenth Century* (London, 1997).
- Blaich, F., *Die Wirtschaftskrise 1925/26* (Kallmünz, 1977).
- Böckenförde, E.-W. (ed.), *Staatsrecht und Staatsrechtslehre im Dritten Reich* (Heidelberg, 1985).
- Boelcke, W. A., *Die deutsche Wirtschaft 1930–1945 Interna des Reichswirtschaftsministeriums* (Düsseldorf, 1983).
- Boltanski, L., *The Making of a Class. Cadres in French Society* (Cambridge, 1987).
- Bombach, G., Netzband, K.-B., Ramser, H.-J. and Timmermann, M. (eds.), *Der Keynesianismus III. Die geld- und beschäftigungstheoretische Diskussion in Deutschland zur Zeit von Keynes* (Berlin, 1981).
- Bondi, G., 'Die Rolle der statistik in einer geplanten Wirtschaft', *ASA*, 34 (1950), pp. 126–136.
- Borhardt, K., 'Zur Aufarbeitung der Vor- und Frühgeschichte des Keynesianismus in Deutschland. Zugleich ein Beitrag zur Position von W. Lautenbach', *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 197 (1982), p. 360.
- , *Wachstum, Krisen, Handlungsspielräume der Wirtschaftspolitik. Studien zur Wirtschaftsgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts* (Göttingen, 1982).
- Borhardt, K. and Schötz, H. O. (eds.), *Wirtschaftspolitik in der Krise. Die (Geheim-) Konferenz der Friedrich-List-Gesellschaft im September 1931 über Möglichkeiten und Folgen einer Kreditausweitung* (Baden-Baden, 1991).
- , 'Noch Einmal: Alternativen zu Brüning's Wirtschaftspolitik?', *Historische Zeitschrift*, 237 (1983), p. 78.

- Born, K. E., *Die deutsche Bankenkrise 1931. Finanzen und Politik* (Munich, 1967).
- Bourdieu, P., *Ce Que Parler veut Dire. L'économie des échanges linguistiques* (Paris, 1982).
- Bourguet, M.-N., *Déchiffrer la France: la statistique départementale à l'époque napoléonienne* (Paris, 1988).
- Bramstedt, P., 'Gefüge und Entwicklung der Volkswirtschaft', *ASA*, 25 (1936/1937), pp. 377–404.
- Broszat, M., *Der Staat Hitlers* (Munich, 1969, 13th edn.).
- Bruch, R. vom, *Wissenschaft, Politik und öffentliche Meinung. Gelehrtenpolitik im Wilhelminischen Deutschland (1890–1914)* (Husum, 1980).
- Brüning, H., *Memoiren 1918–1934* (Stuttgart, 1970).
- Buchheim, C., Hutter, M. and James, H., (eds.), *Zerrissene Zwischenkriegszeit. Wirtschaftshistorische Beiträge* (Baden-Baden, 1994).
- Bull, H. P., *Datenschutz oder die Angst vor dem Computer* (Munich, 1984).
- Burchardt, L., 'Walther Rathenau und die Anfänge der deutschen Rohstoffbewirtschaftung im Ersten Weltkrieg', *Tradition*, 15 (1970), pp. 169–196.
- Burckhardt, J., 'Wirtschaft', in O. Brunner, W. Conze and R. Koselleck (eds.), *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexicon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* (Stuttgart, 1992), 7, 511–594.
- Burgdörfer, F., 'Die Volks-, Berufs- und Betriebszählung 1933', *ASA*, 23 (1933), pp. 145–171.
- Burk, K. (ed.), *War and the State. The Transformation of British Government 1914–1919* (London, 1982).
- Busch, A., 'Zur Frage der Verwendung von Lochkartenmaschinen', *ASA*, 20 (1930), pp. 260–265.
- Cannadine, D., 'The Present and Past in the English Industrial Revolution', *Past and Present*, 103 (1984), pp. 131–172.
- Caplan, J., *Government Without Administration. State and Civil Service in Weimar and Nazi Germany* (Oxford, 1988).
- , 'National Socialism and the Theory of the State', in T. Childers and J. Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich* (New York, 1993), pp. 98–113.
- Carroll, B. A., *Design for Total War. Arms and Economics in the Third Reich* (The Hague, 1968).
- Carter, C. F. and Roy, A. D., *British Economic Statistics. A Report* (Cambridge, 1954), pp. 79–93.
- Cassel, G., *The Theory of Social Economy* (London, 1932 trans. of 5th German edn.).
- Chevry, G., 'Un Nouvel Instrument de travail statistique: Le Fichier des établissements industriels et commerciaux?', *Journal de la Société de Statistique de Paris (JSSP)* 89 (1948), pp. 245–262.

- Clarke, P., 'The Twentieth-Century Revolution in Government: The Case of the British Treasury', in P. Clarke, *The Keynesian Revolution and its Economic Consequences* (Cheltenham, 1998), pp. 175–189.
- Coenen, E., *La 'Konjunkturforschung' en Allemagne et Autriche 1925–1933* (Paris, 1964).
- Cohn, R., 'Fiscal Policy during the Depression', *Explorations in Economic History*, 29 (1992), pp. 318–342.
- Colm, G., *Volkswirtschaftliche Theorie der Staatsausgaben. Ein Beitrag zur Finanztheorie* (Tübingen, 1927).
- Corrigan, P. and D. Sayer, *The Great Arch: English State Formation as Cultural Revolution* (Oxford, 1985), pp. 124–125.
- Crew, D. F., 'The Pathologies of Modernity: Detlev Peukert on Germany's Twentieth Century', *Social History*, 17 (1992), pp. 319–328.
- Cron, H., 'Die Kriegswollwirtschaft', in Reichsarchiv, *Kriegswirtschaftliche Organisationen* (Potsdam, manuscript 1932), Heft 5 Serie II.
- Curtis, B., 'Administrative Infrastructure and Social Enquiry: Finding the Facts about Agriculture in Quebec, 1853–4', *Journal of Social History*, 32 (1998), pp. 308–327.
- Curtius, J., *Bismarcks Plan eines Deutschen Volkswirtschaftsrats* (Heidelberg, 1919).
- Curtius, J., *Sechs Jahre Minister der Deutschen Republik* (Heidelberg, 1948).
- Davis, R., *The Industrial Revolution and British Overseas Trade* (Leicester, 1979).
- Deist, W., *The Wehrmacht and German Rearmament* (London, 1981).
- Desrosières, A., *La politique des grands nombres. Histoire de la raison statistique* (Paris, 1993).
- Dichgans, H., *Zur Geschichte des Reichskommissars für die Preisbildung* (Düsseldorf, 1977).
- Diehl, K., *Beiträge zur Wirtschaftstheorie. Zweiter Teil: Konjunkturforschung und Konjunkturtheorie (SVS) 173 II* (Munich, 1928).
- Diehl, K. (ed.), *Beiträge zur Wirtschaftstheorie. Erster Teil: Volkseinkommen und Volksvermögen. Begriffskritische Untersuchungen, Schriften des Vereins für Sozialpolitik (SVS) 173 I* (Munich, 1926).
- DIW, *Die deutsche Industrie im Kriege 1939–45* (Berlin, 1954).
- Das Deutsche Institut für Wirtschaftsforschung (IfK) 1925–1945 in der Erinnerung fuÈherer Mitarbeiter* (Berlin, 1966).
- Dodd, N., *The Sociology of Money: Economics, Reason and Contemporary Society* (Cambridge, 1994).
- Dupâquier, J. and Dupâquier, M., *Histoire de la Démographie* (Paris, 1985).
- Eatwell, J., Milgate, M. and Newman, P., *The New Palgrave Dictionary of Economics* (London, 1987).

- Ehlert, H. G., *Die Wirtschaftliche Zentralbehörde des Deutschen Reiches 1914 bis 1919. Das Problem der 'Gemeinwirtschaft' im Krieg und Frieden* (Wiesbaden, 1982).
- Eichholz, D., *Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft vol. 2 1941–1943* (Berlin (ost), 1985).
- Eisfeld, C., 'Die wissenschaftliche und praktische Entwicklung der Betriebsstatistik', *ASA*, 17 (1927/1978), pp. 432–440.
- Ellis, H. S., *German Monetary Theory 1905–1933* (Cambridge, 1937).
- Emmison, M., "'The economy': Its Emergence in Media Discourse", in H. Davis and P. Walton (eds.), *Language, Image, Media* (Oxford, 1983), pp. 139–155.
- Engel, E., 'Über die Organization der amtlichen Statistik mit besonderer Beziehung auf Preussen', *ZKPSB* 1 (1860) pp. 53–56.
- , 'Die Volkszählung ihre Stellung zur Wissenschaft und ihre Aufgabe in der *Geschichte*', *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus (ZKPSB)* 2 (1862), pp. 25–31.
- , 'Die Notwendigkeit einer Reform der volkswirtschaftlichen Statistik', *ZKPSB* 10 (1870), pp. 141–408.
- Esenwein-Rothe, I., *Die Wirtschaftsverbände von 1933 bis 1945* (Berlin, 1965).
- Eysteinsson, A., *The Concept of Modernism* (Ithaca, 1990).
- Facius, F., *Wirtschaft und Staat die Entwicklung der staatlichen Wirtschaftsverwaltung in Deutschland vom 17. Jahrhundert bis 1945* (Boppard, 1959).
- Faust, A., *Arbeitsmarktpolitik im Deutschen Kaiserreich. Arbeitsvermittlung, Arbeitsbeschaffung und Arbeitslosenunterstützung 1890–1918* (Stuttgart, 1986).
- Fear, J., 'Die Rüstungsindustrie im Gau Schwaben 1939–1945', *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 35 (1987), pp. 193–216.
- Feig, J., 'Deutschlands gewerbliche Entwicklung seit dem Jahre 1882.', *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft* 56 (1900).
- Feldman, G. D., *Army, Industry and Labour* (Providence, 1992, reprint)
- , *The Great Disorder. Politics, Economics, and Society in the German Inflation, 1914–1924* (Oxford, 1993).
- , 'From Crisis to Work Creation. Government Policies and Economic Actors in the Great Depression', in J. Kocka, H.-J. Puhle and K. Tenfelde (eds.), *Von der Arbeiterbewegung zum modernen Sozialstaat. Festschrift für Gerhard A. Ritter zum 65. Geburtstag* (Munich, 1994), pp. 703–718.
- , 'The Deutsche Bank from World War to World Economic Crisis 1914–1933', in *The Deutsche Bank 1870–1945* (London, 1995), pp. 130–276.

- Feldman, G. D. and Steinisch, I., *Industrie und Gewerkschaften 1918–1924. Die überforderte Zentralarbeitsgemeinschaft* (Stuttgart, 1985).
- Ferguson, N., 'Public Finance and National Security: The Domestic Origins of the First World War Revisited', *Past and Present*, 142 (1994), pp. 141–168.
- , *Paper and Iron. Hamburg Business and German Politics in the Era of Inflation, 1897–1927* (Cambridge, 1995).
- Fisher, I., *The Nature of Capital and Income* (1906).
- , *The Purchasing Power of Money* (Boston, 1911).
- , *The Making of Index Numbers. A Study of their Varieties, Tests and Reliability* (Boston, 1927, 3rd edn.).
- Flanders, M. J., *International Monetary Economics, 1870–1960. Between the Classical and the New Classical* (Cambridge, 1989).
- Fourquet, F., *Les comptes de la puissance. Histoire de la comptabilité nationale et du plan* (Paris, 1980).
- Friedman, R. M., *Appropriating the Weather. Vilhelm Bjerknes and the Construction of a Modern Meteorology* (Ithaca, 1989).
- Furner, M. and Supple, B. (eds.), *The State and Economic Knowledge. The American and British Experiences* (Cambridge, 1990).
- Fürst, G., 'Wandlungen im Programm und in den Aufgaben der amtlichen Statistik in den Letzen 100 Jahren', in *Statistisches Bundesamt, Bevölkerung und Wirtschaft 1872–1972* (Stuttgart, 1972).
- Gaetgens, W., 'Die rechtlichen Grundlagen der Warenbewirtschaftung', in *Probleme der gelenkten Wirtschaft* (Berlin, 1942).
- Garvy, G., 'Keynes and the Economic Activists of Pre-Hitler Germany', *Journal of Political Economy*, 83 (1975), pp. 391–405.
- Gay, P., *The Dilemma of Democratic Socialism. Eduard Bernstein's Challenge to Marx* (New York, 1952).
- Geer, J. S., 'Die Statistik der Wirtschaftsgruppe Maschinenbau', in F. Burgdörfer (ed.), *Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand, Ehrengabe für F. Zahn* (Berlin, 1940), II, pp. 1039–1048.
- Gerû, W., *Lohnstatistik in Deutschland. Methodische, rechtliche und organisatorische Grundlagen seit der Mitte des 19. Jahrhunderts* (Berlin, 1977).
- Geyer, M., *Aufrüstung oder Sicherheit. Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1924–1936* (Wiesbaden, 1980).
- , 'Etudes in Political History: Reichswehr, NSDAP and the Seizure of Power', in P. D. Stachura (ed.), *The Nazi Machtergreifung* (London, 1983), pp. 101–123.
- , 'The State in National Socialist Germany', in C. Bright and S. Harding (eds.), *Statemaking and Social Movements: Essays in History and Theory* (Ann Arbor, 1984), pp. 193–232.

- Giddens, A., *The Nation-State and Violence, Vol. 2, A Contemporary Critique of Historical Materialism* (Cambridge, 1985).
- Gierth, E., 'Aufbau und Methode der Industriebereichterstattung', *ASA*, 30 (1941/1942), pp. 298–299.
- Godfrey, J. F., *Capitalism at War. Industrial Policy and Bureaucracy in France 1914–1918* (Leamington Spa, 1987).
- Goebel, O., *Deutsche Rohstoffwirtschaft im Weltkrieg. Einschließlich des Hindenburg- Programms* (Stuttgart, 1930).
- Goschler, C. (ed.), *Hitler. Reden Schriften Anordnungen* (Munich, 1994).
- Grävell, W., 'Die Not der Statistik und die Repräsentativ-Methode', *ASA*, 13 (1921/1922), pp. 345–353.
- Grävell, W., 'Statistische Abgabe und Anmeldung zur Handelsstatistik', *ASA*, 22 (1932/ 1933), pp. 69–80.
- Grävell, W., 'Die Vereinfachung und Vereinheitlichung der Wirtschaftsstatistik', *ASA*, 30 (1941/1942) pp. 57–75.
- Gregor, N., *Daimler-Benz in the Third Reich* (New Haven, 1998).
- Griffen, R., *The Nature of Fascism* (London, 1991).
- Grossmann, G., *Soviet Statistics of Physical Output of Industrial Commodities: Their Compilation and Quality* (Princeton, 1960).
- Grünig, F., *Der Wirtschaftskreislauf* (Munich, 1933).
- Grünig, F., 'Die Anfänge der "Volkswirtschaftlichen Gesamtrechnung" in Deutschland', in *Beiträge zur empirischen Konjunkturforschung. Festschrift zum 25jährigen Bestehen des DIW (IFK)* (Berlin, 1950), pp. 71–103.
- Hacking, I., *The Taming of Chance* (Cambridge, 1990).
- Haffner, S., *Die Deutsche Revolution* (Munich, 1979).
- Hagemann, H., 'The Analysis of Wages and Unemployment Revisited: Keynes and Economic "Activists" in pre-Hitler Germany', in L. C. Pasinetti and B. Schefold (eds.), *The Impact of Keynes on Economics in the 20th Century* (Cheltenham, 1999), pp. 117–130.
- Hall, P. A. (ed.), *The Political Power of Economic Ideas. Keynesianism across Nations* (Princeton, 1989).
- 'HansWolfgang Platzner', *ASA*, 46 (1962), pp. 192–193.
- Hansen, E. W., *Reichswehr und Industrie. Rüstungswirtschaftliche Zusammenarbeit und wirtschaftliche Mobilmachungsvorbereitungen 1923–1932* (Boppard, 1978).
- Hansen, F. R., *The Breakdown of Capitalism. A History of the Idea in Western Marxism, 1883–1983* (London, 1985).
- Harris, J., *Unemployment and Politics* (Oxford, 1972).
- Haselberger, 'Erntefeststellung und Bewirtschaftung des Getreides', *ASA*, 11 (1918/1919), pp. 50–68.
- Hawtrey, R., *Good and Bad Trade* (London, 1913).

- Hayes, P., 'History in an Off Key: David Abraham's Second Collapse', *Business History Review*, 61 (1987), pp. 452–472.
- , *Industry and Ideology. IG Farben in the Nazi Era* (Cambridge, 1987).
- Heimer, W., *Die Geschichte der deutschen Wirtschaftsstatistik von der Gründung des Deutschen Reichs bis zur Gegenwart* (Frankfurt, 1928).
- Hentschel, V., *Wirtschaft und Wirtschaftspolitik im Wilhelminischen Deutschland. Organisierter Kapitalismus und Interventionsstaat* (Stuttgart, 1978).
- Herbst, L., *Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft. Die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939–1945* (Stuttgart, 1982).
- Hermann, A. R., *Verstaatlichung des Giralgeldes* (Munich, 1932).
- Herrigel, G., *Industrial Constructions. The Sources of German Industrial Power* (Cambridge, 1996).
- Hertz-Eichenrode, D., *Wirtschaftskrise und Arbeitsbeschaffung. Konjunkturpolitik 1925/26 und die Grundlagen der Krisenpolitik Brüning's* (Frankfurt, 1982).
- Hitler Reden Schriften Anordnungen Part IV, Von der Reichstagswahl bis zur Reichspräsidentenwahl October 1930 — März 1932*, ed. C. Goschler (Munich, 1994).
- Hölder, E., and M. Ehling, 'Zur Entwicklung der amtlichen Statistik in Deutschland', in W. Fischer and A. Kunz, (eds.), *Grundlagen der Historischen Statistik von Deutschland. Quellen, Methoden, Forschungsziele* (Opladen, 1991), pp. 15–31.
- Homze, E. L., *Arming the Luftwaffe. The Reich Air Ministry and the German Aircraft Industry 1919–1939* (Lincoln, Nebraska, 1976).
- Hong, Y.-S. *Welfare, Modernity, and the Weimar State, 1919–1933* (Princeton, 1998).
- Hubatsch, W., *Entstehung und Entwicklung des RWM 1880–1933. Ein Beitrag zur Verwaltungsgeschichte der Reichsministerien. Darstellung und Dokumentation* (Berlin, 1978).
- Hughes, H. S., *Consciousness and Society. The Reorientation of European Social Thought 1890–1930* (London, 1974).
- Huhle, F., *Statistik als ein Erkenntnismittel der Wirtschaftspolitik* (Jena, 1938).
- IfK, *Russische Arbeiten zur Wirtschaftsforschung, VzK Sonderheft 12* (Berlin, 1929).
- Irving, D., *Die Tragödie der Deutschen Luftwaffe. Aus den Akten und Erinnerungen von Feldmarschall Milch* (Frankfurt, 1970).
- Isaac, A., 'Die betriebswirtschaftliche Statistik im Dienste der Konjunkturforschung', *ASA* 18 (1928/1929), pp. 558–565.

- Isaac, A., 'Zusammenarbeit der volkswirtschaftlichen und privatwirtschaftlichen Statistik', *ASA*, 19 (1929/1930), pp. 347–360.
- Jacobs, A., 'Die neue amtliche Großhandelsindexziffer', *ASA*, 16 (1926/1927), pp. 619–623.
- , 'Der Weg bis zum Ende der Reichsstatistik', *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 185 (1971), pp. 289–313.
- Jaeckel, R., *Statistik und Verwaltung. Mit besonderer Berücksichtigung der Preussischen Verwaltungsreform* (Jena, 1913).
- James, H., *The Reichsbank and Public Finance in Germany 1924–1933. A Study of the Politics of Economics during the Great Depression* (Frankfurt, 1985).
- James, H., *The German Slump. Politics and Economics 1924–1936* (New York, 1986).
- , 'What is Keynesian about Deficit Financing? The Case of Interwar Germany', in P. Hall (ed.), *The Political Power of Economic Ideas. Keynesianism across Nations* (Princeton, 1989), pp. 233–262.
- , 'Innovation and Conservatism in Economic Recovery: The Alleged "Nazi Recovery" of the 1930s', in T. Childers and J. Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich* (New York, 1993), pp. 114–138.
- Janssen, G., *Das Ministerium Speer. Deutschlands Rüstung im Krieg* (Frankfurt a.M., 1968).
- Janssen, H., *Nationalökonomie und Nationalsozialismus. Die deutsche Volkswirtschaftslehre in den dreißiger Jahren* (Marburg, 1998).
- Jasper, G., *Die gescheiterte Zähmung. Wege zur Machtergreifung Hitlers 1930–1934* (Frankfurt, 1986).
- Jay, P. and Stewart, M., *Apocalypse 2000: Economic Breakdown and the Suicide of Democracy 1989–2000* (London, 1987).
- Jochmann, W., 'Brünings Deflationspolitik und der Untergang der Weimarer Republik', in D. Stegmann, B.-J. Wendt and P.-C. Witt (eds.), *Industrielle Gesellschaft und politisches System. Beiträge zur politischen Sozialgeschichte* (Bonn, 1978), pp. 97–112.
- Jonung, L. (ed.), *The Stockholm School of Economics Revisited* (Cambridge, 1991).
- Jostock, P., *Die Berechnung des Volkseinkommens und ihr Erkenntniswert* (Berlin, 1941).
- Kahn, E. and Naphtali, F., *Wie liest man den Handelsteil einer Tageszeitung?* (Frankfurt, 1930, 2nd edn.).
- Kahrs, H., 'Die ordnende hand der Arbeitsämter. Zur deutschen Arbeitsverwaltung 1933 bis 1939', in *Arbeitsmarkt und Sondererlass. Menschenverwertung, Rassenpolitik und Arbeitsamt* (Berlin, 1990), pp. 9–61.

- Kehrl, H., *Krisenmanager im Dritten Reich. 6 Jahre Frieden, 6 Jahre Krieg. Erinnerungen* (Düsseldorf, 1973).
- Keiser, G. and Benning, B., *Kapitalbildung und Investitionen in der deutschen Volkswirtschaft 1924 bis 1928, Sonderheft 22 VzK* (Berlin, 1931).
- Kershaw, I. *Hitler 1889–1936: Hubris* (London, 1998).
- Kershaw, I. (ed.), *Weimar: Why Did German Democracy Fail?* (London, 1990).
- Keynes, J.M., 'The British Balance of Trade, 1925–27', *Economic Journal*, 37(1927), pp. 551–565.
- , *A Revision of the Treaty, Vol. III, The Collected Writings of J. M. Keynes* (London, 1971).
- Keyssar, A., *Out of Work. The First Century of Unemployment in Massachusetts* (Cambridge, 1986).
- Kim, H., 'Die Großindustrie und die Konjunkturpolitik unter der Kanzlerschaft Brüning', *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1998), pp. 181–200.
- Kissenkoetter, U., *Gregor Straßer und die NSDAP* (Stuttgart, 1978).
- Klein, J.L., *Statistical Visions in Time. A History of Time Series Analysis 1662–1938* (Cambridge, 1997).
- Knortz, H., 'Der Arbeitsmarkt in der frühen Weimarer Republik. Ein Beitrag zur "Vollbeschäftigungsthese" der Inflationsforschung', *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1997), pp. 119–134.
- Koch, K., 'Die Verwendung von Speziallochkartenmaschinen bei der Volkszählung 1930 unter Berücksichtigung ihrer technischen Entwicklung', *ASA*, 19(1930), pp. 560–568.
- Kocka, J., *Klassengesellschaft im Krieg. Deutsche Sozialgeschichte 1914–1918* (Frankfurt, 1988, 2nd edn.).
- Kolb, E., *Die Weimarer Republik* (Munich, 1984).
- Koops, T. (ed.), *Akten der Reichskanzlei, Weimarer Republik, Die Kabinette Brüning I u. II* (Boppard, 1982).
- Kopper, C., *Zwischen Marktwirtschaft und Dirigismus. Bankenpolitik im 'Dritten Reich' 1933–1939* (Bonn, 1995).
- Krause, W., *Wirtschaftstheorie unter dem Hakenkreuz. Die bürgerliche politische Ökonomie in Deutschland während der faschistischen Herrschaft* (Berlin, 1969).
- Krengel, R., *Das Deutsche Institut für Wirtschaftsforschung (IfK) 1925 bis 1979* (Berlin, 1985).
- Krohn, C.-D., *Wirtschaftstheorien als politische Interessen. Die akademische Nationalökonomie in Deutschland 1918–1933* (Frankfurt, 1981).
- Krohn, C.-D., *Wissenschaft im Exil. Deutsche Sozial- und Wirtschaftswissenschaftler in den USA und die New School of Social Research* (Frankfurt, 1987).

- Kroll, G., *Von der Weltwirtschaftskrise zur Staatskonjunktur* (Berlin, 1958).
- Krug, L., *Ideen zur einer Staatswirthschaftlichen Statistik* (Berlin, 1807).
- Krüger, D., *Nationalökonomien im wilhelminischen Deutschland* (Göttingen, 1983).
- Kruse, C., *Die Volkswirtschaftslehre im Nationalsozialismus* (Freiburg, 1988).
- KSA, *Die Deutsche Volkswirtschaft am Schlusse des 19. Jahrhunderts. Auf Grund der Ergebnisse der Berufs- und Betriebszählung von 1895 und nach anderen Quellen, Kaiserliches Statistisches Amt* (Berlin, 1900).
- , 'Gebiete und Methoden der amtlichen Arbeiterstatistik in den wichtigsten Industriestaaten', in *Beiträge zur Arbeiterstatistik*, 12 (Berlin, 1913).
- , *Statistik des Deutschen Reichs. Bd. 211, Berufs und Betriebszählung vom 12. Juni 1907. Berufsstatistik Abteilung X, Die berufliche und soziale Gliederung des deutschen Volkes* (Berlin, 1913).
- Kube, A., *Pour le mérite und Hakenkreuz. Hermann Goering im Dritten Reich* (Munich, 1986).
- Kuczynski, M. and Meek, R.L. (eds.), *Quesnay's Tableau Economique* (London, 1972).
- Kulla, B., *Die Anfänge der empirischen Konjunkturforschung in Deutschland 1925–1933* (Berlin, 1996).
- Kuschmann, H., *Die Untersuchungen des Berliner Instituts für Konjunkturforschung. Darstellung und Kritik* (Jena, 1933).
- Laidler, D., *The Golden Age of the Quantity Theory* (Princeton, 1991).
- Lautenbach, W., *Zins, Kredit und Produktion*, ed. W. Stützel (Tübingen, 1952).
- Lederer, E., 'Der Zirkulationsprozess als zentrales Problem der ökonomischen Theorie', *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 56 (1926), pp. 1–25.
- Leisse, W., *Wandlungen in der Organisation der Eisenindustrie und des Eisenhandels seit dem Gründungsjahr des Stahlwerksverbandes* (Munich, 1912).
- Lenger, F., *Werner Sombart 1863–1941* (Munich, 1994).
- Leontief, W., 'Die Wirtschaft als Kreislauf', *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 60 (1928), pp. 577–623.
- , 'Vom Staatsbudget zum einheitlichen Finanzplan. Sowjetrussische Finanzprobleme', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 33 (1931), pp. 231–260.
- , 'Quantitative Input and Output Relations in the Economic System of the United States', *The Review of Economic Statistics*, 18 (1936), pp. 105–125.

- Lindahl, E., Dahlgren, E. and Koch, K., *National Income of Sweden 1861–1930* (Stockholm, 1937).
- Lindenlaub, D., *Richtungskämpfe im Verein für Sozialpolitik. Wissenschaft und Sozialpolitik im Kaiserreich* (Wiesbaden, 1967).
- Lorenz, C., *Die Statistik in der Kriegswirtschaft* (Hamburg, 1936).
- Löwe, A., 'Wie ist Konjunkturtheorie überhaupt möglich?', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 24 (1926), pp. 165–196.
- Luhmann, N., *Die Wissenschaft der Gesellschaft* (Frankfurt, 1991).
- Luxemburg, R., *Einführung in die Nationalökonomie* (Berlin, 1925).
- Machlup, F., 'Three Concepts of the Balance of Payments and the So-Called Dollar Gap', *Economic Journal*, 40 (1950), pp. 46–68.
- Maier, C. S., 'Society as Factory', in *In Search of Stability. Explorations in Historical Political Economy* (Cambridge, 1987), pp. 19–69.
- Maier, C. S., *In Search of Stability. Explorations in Historical Political Economy* (Cambridge, 1987), pp. 19–69.
- , *Recasting Bourgeois Europe. Stabilization in France, Germany, and Italy in the Decade after World War I* (Princeton, 1988, reprint).
- Maizels, A., 'The Overseas Trade Statistics of the United Kingdom', *Journal of the Royal Statistical Society*, 112 (1949), II, pp. 207–223.
- Mason, T. W., *Sozialpolitik im Dritten Reich. Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft* (Opladen, 1977, 2nd edn.).
- McKittrick, F. L., 'An Unexpected Path to Modernisation: The Case of German Artisans during the Second World War', *Contemporary European History*, 5 (1996), pp. 401–426.
- Meek, R. L., *The Economics of Physiocracy* (London, 1962).
- Meerwarth, R., 'Die Erfassung der Hausindustrie durch die gewerbliche Betriebsstatistik', *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, III, 42 (1911), pp. 313–330.
- Meerwarth, R., 'Die Berufs- und Betriebszählung im Deutschen Reich vom 12. Juni 1907 und ihre Literatur', *Deutsches Statistisches Zentralblatt*, 5 (1913), pp. 97–106.
- Meerwarth, R., *Einleitung in die Wirtschaftsstatistik* (Jena, 1920).
- Meister, R., *Die große Depression. Zwangslagen und Handlungsspielräume der Wirtschafts- und Finanzpolitik in Deutschland 1929–1932* (Regensburg, 1991).
- Melossi, D., *The State of Social Control. A Sociological Study of Concepts of State and Social Control in the Making of Democracy* (Cambridge, 1990).
- Menges, G. and Zwer, R. (eds.), *Probleme internationaler wirtschafts- und sozialstatistischer Vergleiche. Rolf Wagenführ zum Gedächtnis* (Cologne, 1981).

- Middleton, R., *Government versus the Market. The Growth of the Public Sector, Economic Management and British Economic Performance, c. 1890–1979* (Cheltenham, 1996).
- Middleton, R., *Charlatans or Saviours? Economists and the British Economy from Marshall to Meade* (Cheltenham, 1998).
- Miller, P. and Rose, N., 'Governing Economic Life', *Economy and Society*, 19 (1990), pp. 1–31.
- Mirowski, P., *More Heat than Light. Economics as Social Physics: Physics as Nature's Economics* (Cambridge, 1989).
- Mollin, G., *Montankonzerne und 'Drittes Reich'. Der Gegensatz zwischen Monopolindustrie und Befehlswirtschaft in der deutschen Rüstung und Expansion 1936–1944* (Göttingen, 1988).
- Mommsen, H., *From Weimar to Auschwitz. Essays in German History* (Cambridge, 1991).
- Montias, J. M., 'Planning with Material Balances in Soviet-Type Economies', in A. Nove and D. M. Nuti (eds.), *Socialist Economics* (Harmondsworth, 1972), pp. 223–251.
- Moretti, F., 'Conjectures on World Literature', *New Left Review*, II, 1 (2000).
- Morgan, M., *The History of Economic Ideas* (Cambridge, 1990).
- Müller, A., *Die Kriegsrohstoffbewirtschaftung 1914–1918 im Dienste des deutschen Monopolkapitals* (Berlin, 1955).
- Müller, K. J., *The Army, Politics and Society in Germany, 1933–1945* (Manchester, 1987).
- Müller, R.-D., 'Die Mobilisierung der Deutschen Wirtschaft für Hitlers Kriegsführung', in B. R. Kroener, R.-D. Müller and H. Umbreit, *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg* (Stuttgart, 1988), 5, 1, pp. 347–689.
- , *Der Manager der Kriegswirtschaft. Hans Kehrl: Ein Unternehmer in der Politik des Dritten Reiches* (Essen, 1999).
- 'Nécrologie: René Carmille', *JSSP*, 86 (1945), pp. 145–148.
- Neebe, R., *Großindustrie, Staat und NSDAP 1930–1933. Paul Silverberg und der Reichsverband der Deutschen Industrie in der Krise der Weimarer Republik* (Göttingen, 1981).
- Nerschmann, O., 'Die Englische Produktionserhebung von 1907', *ASA*, 8 (1914/1915), pp. 53–71.
- Neumann, F., *Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944* (New York, 1963, reprint).
- Nolan, M., *Visions of Modernity. American Business and the Modernization of Germany* (Oxford, 1994).
- Osterwald, E., *Die Entstehung des Stabilitätsgesetzes. Eine studie über Entscheidungsprozesse des politischen Systems* (Frankfurt, 1982).
- Overy, R. J., *Goering The 'Iron Man'* (London, 1984).

- Overy, R. J., *War and Economy in the Third Reich* (Oxford, 1994).
 ———, *Why the Allies Won* (London, 1995).
- Patinkin, D., *Anticipations of the General Theory. And other Essays on Keynes* (Chicago, 1982).
- Patriarca, S., *Numbers and Nationhood: Writing Statistics in Nineteenth-Century Italy* (Cambridge, 1996).
- Peden, G. C., *Keynes, The Treasury and British Economic Policy* (London, 1988).
- Perlman, M., 'Political Purpose and the National Accounts', in W. Alonson and P. Starr (eds.), *The Politics of Numbers* (New York, 1987).
- Perrot, J.-C. and Woolf, S. J., *State and Statistics in France, 1789–1915* (London, 1984).
- Petzold, H., *Rechnende Maschinen. Eine historische Untersuchung ihrer Herstellung und Anwendung vom Kaiserreich bis zur Bundesrepublik* (Düsseldorf, 1985).
- Peukert, D., *Die Weimarer Republik. Krisenjahre der Klassischen Moderne* (Frankfurt, 1987).
- Peukert, D., 'Zur Erforschung der Sozialpolitik im Dritten Reich', in H.-U. Otto and H. Sünder (eds.), *Soziale Arbeit und Faschismus* (Frankfurt, 1989).
- Peukert, D., 'The Genesis of the "Final Solution" from the Spirit of Science', in T. Childers and J. Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich* (New York, 1993), pp. 234–252.
- Pietzsch, A. and Grünig, F., 'Grundlagen der Wirtschaftslenkung', in *Grundlagen, Aufbau und Wirtschaftsordnung des nationalsozialistischen Staates* (Berlin, 1936), 3, Beitrag 45.
- Pigou, A. C., *Wealth and Welfare* (London, 1912).
- Plenge, J., 'Zum "Tableau Economique"', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 24 (1926), pp. 109–129.
- Plumpe, G., 'Wirtschaftspolitik in der Weltwirtschaftskrise. Realität und Alternativen', *GuG*, 11 (1985), pp. 326–357.
- Pohl, M., 'Gedanken zur Entstehung und Bedeutung der Grossen Bankarchive', *Bankhistorisches Archiv, Zeitschrift zur Bankgeschichte*, 2 (1976), pp. 46–52.
- Porter, T. M., *Trust in Numbers. The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life* (Princeton, 1995).
- Pribram, K., 'Die Zukunft der amtlichen Statistik', *DSZ*, 9 (1917), pp. 129–138
 ———, 'European Experiences and New Deal Statistics', *Journal of the American Statistical Association*, 30 (1935), pp. 227–236.
- Quante, P., 'Die Erfahrung mit elektrischen Zählmaschinen in Preußen bei der Volks- und Berufszählung vom 16. Juni 1925', *ASA*, 20 (1930), pp. 82–112.

- Radice, H., 'The National Economy: A Keynesian Myth?', *Capital and Class*, 22 (1984), pp. 111–140.
- Rassem, M. (ed.), *Statistik und Staatsbeschreibung in der Neuzeit* (Paderborn, 1980).
- Rathenau, W., *Deutschlands Rohstoffversorgung* (Berlin, 1918).
- Reichardt, W., 'Die Reichsstatistik', in *Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand. Ehrengabe für Friedrich Zahn*, ed. F. Burgdörfer (Berlin, 1940), 1, pp. 77–90.
- Reichsamt für wehrwirtschaftliche Planung, *Die Deutsche Industrie. Gesamtergebnisse der Amtlichen Produktionsstatistik* (Berlin, 1939).
- Ritschl, A. and Spoerer, M., 'Das Bruttosozialprodukt in Deutschland nach den amtlichen Volkseinkommens- und Sozialproduktsstatistiken, 1901–1995', *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1997), pp. 27–54.
- Robertson, D. H., *A Study in Industrial Fluctuations* (London, 1915).
- Roerkohl, A., *Hungerblockade und Heimatfront. Die kommunale Lebensmittelversorgung in Westfalen während des Ersten Weltkriegs* (Stuttgart, 1991).
- Roseman, M., 'National Socialism and Modernization', in R. Bessel (ed.), *Fascist Italy and Nazi Germany. Comparisons and Contrasts* (Cambridge, 1996), pp. 197–229.
- Röske, U., 'Die amtliche Statistik des Deutschen Reichs 1872 bis 1939. Historische Entwicklung, Organisationsstruktur, Veröffentlichungen', *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 4 (1978), pp. 85–107.
- Ross, D., *The Origins of American Social Science* (Cambridge, 1991).
- Ross, D., (ed.), *Modernist Impulses in the Human Sciences 1870–1930* (Baltimore, 1994).
- 'Rudolf Meerwarth zum Gedächtnis', *ASA*, 35 (1951), pp. 157–162.
- Rürup, R., *Probleme der Revolution in Deutschland 1918/19* (Wiesbaden, 1968).
- Saenger, K., 'Das Preußische Statistische Landesamt 1805–1934. Ein Nachruf', *ASA*, 24 (1935/1936), pp. 445–460.
- Salais, R., Bavarez, N. and Reynaud, B., *L'invention du chômage* (Paris, 1986).
- Schoenbaum, D., *Hitler's Social Revolution: Class and Status in Nazi Germany 1933–1939* (New York, 1966).
- Scholz, R., 'Lohn und Beschäftigung als Indikatoren für die soziale Lage der Arbeiterschaft in der Inflation', in G. D. Feldman, C.-L. Holtfrerich, G. A. Ritter and P.-C. Witt (eds.), *Die Anpassung an die Inflation* (Berlin, 1986), pp. 278–322.
- Schröter, A., *Krieg — Staat — Monopol: 1914–1918. Die Zusammenhänge von imperialistischer Kriegswirtschaft, Militarisierung der Volkswirtschaft und staatsmonopolistischer Kapitalismus in Deutschland während des ersten Weltkriegs* (Berlin, 1965).

- Schröter, A., and Bach, J., 'Zur Planung der wirtschaftlichen Mobilmachung durch den deutschen faschistischen Imperialismus vor dem Beginn des zweiten Weltkrieges', *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 1 (1978), pp. 31–47.
- Schubert, J., 'Die Amtsverschwiegenheit der Statistik. Eine statistisch-juristische Betrachtung', *ASA*, 23 (1934), pp. 610–618.
- Schulz, G., *Zwischen Demokratie und Diktatur. Verfassungspolitik und Reichsform in der Weimarer Republik. Vol. I, Die Periode der Konsolidierung und der Revision des Bismarckschen Reichsaufbaus 1919–1930* (Berlin, 1987, 2nd edn.); Vol. III, *Von Brüning von Hitler. Der Wandel des politischen Systems in Deutschland 1930–1933* (Berlin, 1992).
- Schultz, G., Maurer, I. and Wengst, U. (eds.), *Politik and Wirtschaft in der Krise 1930–1932. Quellen zur Ära Brüning* (Düsseldorf, 1980).
- Schumpeter, J. A., 'Das Sozialprodukt und die Reichenpfennige', *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 44 (1918), pp. 627–715.
- , *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung* (1931, Munich, 3rd edn.).
- , *The Great Economists from Marx to Keynes* (London, 1952).
- , 'Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart in Deutschland', in *Dogmenhistorische und Biographische Aufsätze* (Tübingen, 1954), pp. 255–284.
- , *History of Economic Analysis* (New York, 1954).
- Schwartz, P., 'Zur Frage der Anwendbarkeit der mechanischen Auszählung bei statistischen Erhebungen', *ASA*, 20 (1930), pp. 266–270.
- Scott, J. C., *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition have Failed* (New Haven, 1998).
- Skalweit, A., *Die Deutsche Kriegsernährungswirtschaft* (Stuttgart, 1927).
- Skowronek, S., *Building a New American State. The Expansion of National Administrative Capacities, 1877–1920* (Cambridge, 1982).
- Smolinski, L., 'Planning Without Theory 1917–1967', *Survey. A Journal of Soviet and East European Studies*, 64 (1967), pp. 108–128.
- Sombart, W., *Der moderne Kapitalismus* (Munich, 1927).
- , *Die Deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert und im Anfang des 20. Jahrhunderts. Eine Einführung in die Nationalökonomie* (Berlin, 1927, 7th edn.).
- Spluber, N. (ed.), *Foundations of Soviet Strategy for Economic Growth. Selected Soviet Essays, 1924–1930* (Bloomington, 1964).
- SRA, *Zahlen zur Geldentwertung in Deutschland 1914 bis 1923. Sonderheft 1 zu Wirtschaft und Statistik, Bd. 5* (Berlin, 1925).
- , *Konzerne, Interessensgemeinschaften und ähnliche Zusammenschlüsse im Deutschen Reich Ende 1926. Einzelschriften zur Statistik des Deutschen Reichs Nr. 1* (Berlin, 1927).

- SRA, *Das deutsche Volkseinkommen vor und nach dem Kriege. Einzelschriften zur Statistik des Deutschen Reichs Nr. 24* (Berlin, 1932).
- , *Öffentlicher Kredit und Wirtschaftskrise. Ergebnisse der Reichsschuldenstatistik 1929 bis 1932 und Zusammenstellung von Rechtsvorschriften über das öffentliche Schuldenwesen. Einzelschriften zur Statistik des Deutschen Reichs Nr. 27* (Berlin, 1933).
- Staudinger, H., *Wirtschaftspolitik im Weimarer Staat. Lebenserinnerungen eines politischen Beamten im Reich und in Preußen 1889 bis 1934* (Bonn, 1982).
- Stegmann, D., *Die Erben Bismarcks. Parteien und Verbände in der Spätphase des Wilhelminischen Deutschlands. Sammlungspolitik 1897–1918* (Cologne, 1970).
- Steinmetz, G., *Regulating the Social. The Welfare State and Local Politics in Imperial Germany* (Princeton, 1993).
- Stolleis, M., 'Gemeinschaft und Volksgemeinschaft. Zur juristischen Terminologie im Nationalsozialismus', *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 20 (1972), pp. 16–38.
- , *Gemeinwohlformeln im nationalsozialistischen Recht* (Berlin, 1974).
- Studenski, P. *The Income of Nations, I* (New York, 1958, rev. edn.), pp. 171–153.
- Tammen, H., *Die IG Farben-Industrie AG (1925–1933). Ein Chemiekonzern in der Weimarer Republik* (Berlin, 1978).
- Teichert, E., *Autarkie und Großraumwirtschaft in Deutschland 1930–1939. Außenwirtschaftliche Konzeptionen zwischen Wirtschaftskrise und Zweitem Weltkrieg* (Munich, 1984).
- The Economist 1843–1943* (Oxford, 1943).
- Thomä, K. E., *Auskunfts- und Betriebsprüfungsrecht der Verwaltung, seine rechtstaatlichen Grenzen* (Heidelberg, 1955).
- Thomas, G., *Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918–1943/45)*, ed. W. Birkenfeld (Boppard, 1966).
- Tinbergen, J., 'Annual Survey: Suggestions on Quantitative Business Cycle Theory', *Econometrica*, 3 (1935), pp. 241–308.
- Tomlinson, J., *Democratic Socialism and Economic Policy. The Attlee years, 1945–1951* (Cambridge, 1997).
- Tooze, J. A., 'Imagining National Economies: National and International Economic Statistics, 1900–1950', in G. Cubitt (ed.), *Imagining Nations* (Manchester, 1998).
- , 'La connaissance de l'activité économique. Reflexions sur l'histoire de la statistique économique en France et en Allemagne, 1914–1950', in B. Zimmermann, C. Didry and P. Wagner (eds.), *Le Travail et la Nation. Histoire croisée de la France et de l'Allemagne* (Paris, 1999), pp. 55–80.

- Tribe, K., *Strategies of Economic Order. German Economic Discourse, 1750–1950* (Cambridge, 1995).
- Tudor, H., *Marxism and Social Democracy. The Revisionist Debate 1896–1898* (Cambridge, 1988).
- Vilk, R., *Von der Konjunkturtheorie zur Theorie der Konjunkturpolitik. Ein historischer Abriß 1930–1945* (Wiesbaden, 1992).
- Vogelsang, M., ‘Die deutsche Konzernstatistik. Ein geschichtlicher, kritischer und technischer Beitrag’, *ASA*, 19 (1929), pp. 29–46.
- Volkman, H.-E., ‘Die NS-Wirtschaft in Vorbereitung des Krieges’, in W. Deist, M. Messerschmidt, H.-E. Volkman and W. Wette, *Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges* (Frankfurt, 1989, 2nd edn.).
- von Krüdener, J. (ed.), *Economic Crisis and Political Collapse: The Weimar Republic 1924–1933* (Oxford, 1990).
- von Roeder, E., ‘Die industrielle Produktionsstatistik’, in F. Burgdörfer (ed.), *Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand. Ehrengabe für Friedrich Zahn* (Berlin, 1940), 2, pp. 1012–1024.
- von Scheel, H., ‘Die politische ökonomie als Wissenschaft’, in G. von Schönberg (ed.), *Handbuch der Politischen Ökonomie* (Tübingen 1896, 4th edn.), I, pp. 77–118.
- von Valta, R., ‘Das Arbeitsbuch in der Statistik’, *ASA*, 27 (1937/1938), pp. 263–273.
- , ‘Die erste Arbeitsbucherhebung vom 25. Juni 1938’, *ASA*, 28 (1939), pp. 401–421.
- , ‘Die Statistik des Arbeitseinsatzes’, in F. Burgdörfer (ed.), *Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand. Ehrengabe für Friedrich Zahn* (Berlin, 1940), 2, pp. 663–675.
- Wagemann, E., *Allgemeine Geldlehre* (Berlin, 1923).
- , *Konjunkturlehre. Eine Grundlegung zur Lehre von Rhythmus der Wirtschaft* (Berlin, 1928).
- , *Struktur und Rhythmus der Weltwirtschaft. Grundlagen einer Weltwirtschaftlichen Konjunkturlehre* (Berlin, 1931).
- , *Geld- und Kreditreform* (Berlin, 1932).
- , *Zwischenbilanz der Krisenpolitik* (Berlin, 1935).
- , *Wirtschaftspolitische Strategie* (Hamburg, 1937).
- , *Wagen, Wägen and Wirtschaften. Erprobte Faustregeln — Neue Wege* (Hamburg, 1954), p. 72.
- Wagenführ, R., ‘Die “Volkswirtschaftliche Bilanz” (II): Das “Schachbrett”’, *Mitteilungen des wirtschaftswissenschaftlichen Instituts der Gewerkschaften* (1952), pp. 39–45.
- , *Mensch und Wirtschaft. Eine Nationalökonomie für Jedermann* (Cologne, 1952).

- Wagenführ, R., *Die deutsche Industrie im Kriege 1939–1945* (Berlin, 1963, 2nd edn.).
- ‘Walter Grävell ist 65’, *ASA*, 40 (1956), p. 176.
- ‘Walter Grävell’, *ASA*, 46 (1962), pp. 81–83.
- Walters, W., ‘The Discovery of “Unemployment”: New Forms for the Government of Poverty’, *Economy and Society*, 23 (1994), pp. 265–290.
- Walther, R., ‘... aber nach der Sündflut kommen wir und nur wir.’ ‘Zusammenbruchstheorie’, *Marxismus und politisches Defizit in der SPD, 1890–1914* (Frankfurt, 1981).
- Wandel, E., Hans Schäffer. *Steuermann in wirtschaftlichen und politischen Krisen 1886–1967* (Stuttgart, 1974).
- Webb, S. B., *Hyperinflation and Stabilization in Weimar Germany* (Oxford, 1989).
- Weber, M., *Wirtschaft und Gesellschaft* (Tübingen, 1972, 5th edn.).
- Weisbrod, B., *Schwerindustrie in der Weimarer Republik* (Wuppertal, 1978).
- Welter, E., *Falsch und Richtig Planen* (Frankfurt, 1954).
- Wilts, A., ‘Changes in Dutch Economics in the 1930s’, in P. Fontaine and A. Jolink (eds.), *Historical Perspectives on Macroeconomics. Sixty Years after the General Theory* (London, 1998), pp. 105–132.
- Winkler, H. A., *Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918 bis 1924* (Berlin, 1984).
- Winter, J. and Robert, J.-L. (eds.), *Capital Cities at War: Paris, London, Berlin 1914–1919* (Cambridge, 1999).
- Wirth, F., *Die Wirtschaftsteile Deutscher Zeitungen* (Leipzig, 1927).
- Wissler, A., *Ernst Wagemann: Begründer der empirischen Konjunkturforschung in Deutschland* (Berlin 1954).
- Witt, P.-C., *Die Finanzpolitik des Deutschen Reiches von 1903 bis 1913. Eine Studie zur Innenpolitik des Wilhelminischen Deutschland* (Lübeck, 1970).
- , ‘Bemerkungen zur Wirtschaftspolitik in der “Übergangswirtschaft” 1918/19, zur Entwicklung von Konjunkturbeobachtung und Konjunktursteuerung in Deutschland’, in D. Stegmann, B. J. Wendt and P.-C. Witt (eds.), *Industrielle Gesellschaft und politisches System. Beiträge zur politischen Sozialgeschichte. Festschrift für F. Fischer zum 70. Geburtstag* (Bonn, 1978), pp. 79–96.
- , ‘Staatliche Wirtschaftspolitik in Deutschland 1918–1923: Entwicklung und Zerstörung einer modernen wirtschaftspolitischen Strategie’, in G. D. Feldman, C.-L. Holtfrerich, G. A. Ritter and P.-C. Witt (eds.), *The German Inflation Reconsidered. A Preliminary Balance* (Berlin, 1982), pp. 151–179.
- Wolff, H., ‘Struktur und Konjunktur’, *ASA*, 17 (1927/1928), pp. 205–235.

- Woolf, S. J., 'Statistics and the Modern State', *Comparative Studies in Society and History*, 31 (1989), pp. 588–604.
- Yates, J., *Control through Communication. The Rise of System in American Management* (Baltimore, 1989).
- Zitelmann, R., *Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs* (Stuttgart, 1990, 2nd edn.).
- Zunkel, F., *Industrie und Staatssozialismus. Der Kampf um die Wirtschaftsordnung in Deutschland 1914–1918* (Düsseldorf, 1974).

Именной указатель¹

- Абрамс, Филип (Abrams, Philip) 467
Адорно, Теодор (Adorno, Theodore) 75
Али, Гёц (Aly, Götz) 63, 76–80, 421, 465–469
Арендт, Ханна (Arendt, Hannah) 75
- Бакке, Герберт (Backe, Herbert) 416
Бернштейн, Эдуард (Bernstein, Eduard) 92–95
Блэкбурн, Дэвид (Blackbourn, David) 87
Борман, Мартин (Bormann, Martin) 412
Брамштедт, Пауль (Bramstedt, Paul) 237, 238, 304, 311, 312, 314, 316, 331, 334, 335, 338–340, 351, 354, 369, 371–373, 393, 394, 406–408, 463
Брандт, Карл (Brandt, Karl) 45
Брентано, Луйо (Brentano, Lujo) 97
Брюнинг, Генрих (Brüning, Heinrich) 138, 250, 251, 255–264, 266–269, 274–278, 283, 285–288, 290, 297, 316, 318, 463
Бургдорфер, Фридрих (Burgdörfer, Friedrich) 76
- Вагеманн, Эрнст (Wagemann, Ernst) 68, 142, 143, 180, 182–185, 188–208, 211, 218–224, 226, 227, 231–235, 237–241, 243, 246–250, 252, 254, 258, 259, 262, 263, 266–275, 277–288, 290–294, 296–304, 312, 314, 316, 320, 321, 331, 334, 341, 352, 353, 355, 359, 380, 383, 402–404, 427–429, 431, 442, 446–448, 450, 451, 454, 455, 461, 463–465, 477, 478
- Вагенфюр, Рольф (Wagenführ, Rolf) 408, 428, 429–434, 436–439, 442, 446–451, 454, 455, 463–465, 472
Вальрас, Леон (Walras, Leon) 37
Вебер, Макс (Weber, Max) 47, 66, 68, 84, 90, 91, 96, 97, 107, 198, 224
Вельтер, Эрих (Welter, Erich) 434
Виксель, Кнут (Wicksell, Knut) 37, 41
Виссел, Рудольф (Wissell, Rudolf) 142
- Геббельс Йозеф (Goebbels, Joseph) 302, 404, 413, 443
Гейер, Мишель (Geyer, Michael) 72
Гельфанд, Александр (Helphand, Alexander), 92, 96, см.: Парвус
Геринг, Герман (Goering, Hermann) 296, 302, 303, 322, 354, 355, 358, 360–365, 377, 379, 380, 382, 383, 396, 399, 400, 405, 412, 417, 424
Гесс, Рудольф (Hess, Rudolf) 301, 334
Гиммлер, Генрих (Himmler, Heinrich) 442, 444
Гитлер, Адольф (Hitler, Adolf) 73, 255, 256, 290, 291, 295, 296, 298–301, 304, 310, 322, 342, 350, 351, 359, 360, 362–364, 366, 375, 379, 385, 404, 411–413, 426, 443, 444, 447, 471,
Грэвель, Вальтер (Grävell, Walter) 152, 166, 175–178, 300, 383–402, 405, 406, 411, 412, 417–419, 423, 429, 430, 434, 436, 456, 460, 463, 464

¹ Именной указатель содержит только те фамилии, которые были включены А. Тузом в именной указатель английского издания.

- Грюниг, Фердинанд (Grünig, Ferdinand) 334, 335
 Гугенберг, Альфред (Hugenberg, Alfred) 296, 298–301, 304, 305
- Дельбрюк, Эрнст (Delbrück, Ernst) 144–146, 155, 158, 191
 Джевонс, Уильям Стэнли (Jevons, William Stanley) 30, 37, 38, 184
 Джеймс, Гарольд (James, Harold) 307
 Диль, Карл (Diehl, Karl) 190
- Жюгляр, Клеман (Juglar, Clément) 38, 184**
- Зеринг, Макс (Sering, Max) 134, 135
 Зильверберг, Пауль (Silverberg, Paul) 234
 Зомбарт, Вернер (Sombart, Werner) 90, 91, 96, 102, 106, 185, 195, 198
- Калвер, Рихард (Calwer, Richard) 253
 Кан, Эрнст (Kahn, Ernst) 253
 Каплан, Джейн (Caplan, Jane) 358
 Кассель, Густав (Cassel, Gustav) 259
 Кастл, Людвиг (Kastl, Ludwig) 234, 239
 Каутский, Карл (Kautsky, Karl) 92
 Кейнс, Джон Мейнард (Keynes, John Maynard) 9, 27, 28, 36–39, 41, 42, 210
 Кенэ, Франсуа (Quesnay, François) 66, 202, 332–334
 Керль, Ганс (Kehrl, Hans) 403, 404, 416, 423–430, 432–444, 446, 447, 451, 455–458, 460, 461, 468, 469, 471
 Кёлер, Бернхард (Köhler, Bernhard) 303
 Кнапп, Георг Фридрих (Knapp, Georg Friedrich) 197, 294
 Кока, Юрген (Kocka, Jurgen) 17, 120
 Колм, Герхард (Colm, Gerhard) 211, 212
 Кондратьев, Николай Дмитриевич (Kondratieff, Nikolai) 188, 292
 Крюг, Леопольд (Krug, Leopold) 65, 66
 Куртиус, Юлиус (Curtius, Julius) 223, 224, 229, 262
- Лаутенбах, Вильгельм (Lautenbach, Wilhelm) 277, 283, 284
 Лёве, Адольф (Löwe, Adolph) 190
 Легин, Карл (Legien, Carl) 129, 145, 164
 Ледерер, Эмиль (Lederer, Emil) 202
 Лей, Роберт (Ley, Robert) 301, 310
 Лейдлер, Дэвид (Laidler, David) 34, 37, 38
- Ленин, Владимир Ильич (Lenin, Vladimir Ilych) 131
 Леонтьев, Василий (Leontief, Wassily) 10, 331–335, 454
 Линдал, Эрин (Lindahl, Erik) 41
 Люксембург, Роза (Luxemburg, Rosa) 92–96
 Лютер, Ганс (Luther, Hans) 259–261, 276, 278, 283, 285, 287, 296
 Ляйссе, Вильгельм (Leisse, Wilhelm) 297, 298, 300, 317, 318, 322–326, 328–331, 335, 338, 348, 351, 352, 359, 361, 362, 364–367, 369, 370–373, 376–381, 389, 396, 397, 399, 400, 402, 404–406, 433, 434, 436, 447, 457, 458, 463
- Маркс, Карл (Marx, Karl) 47, 66, 90, 91, 201, 202, 333, 464, 474
 Маршалл, Альфред (Marshall, Alfred) 37
 Меерварт, Рудольф (Meerwarth, Rudolf) 47, 97, 98, 103–106, 115–117, 151–157, 159, 171, 172, 175–178, 324, 325, 458, 462
 Менгер, Карл (Menger, Carl) 37
 Мёллендорф, Вихард (Moellendorff, Wichard von) 124, 222
 Митчелл, Уэсли (Mitchell, Wesley) 185
 Моретти, Франко (Moretti, Franco) 39
 Мюрдаль, Гуннар (Myrdal, Gunnar) 41
- Нафтали, Фриц (Naphtali, Fritz) 253
 Нейман, Франц (Neumann, Franz) 54
- Олендорф, Отто (Ohlendorf, Otto) 416, 442, 444
 Олин, Бертиль (Ohlin, Bertil) 41
- Папен, Франц фон (Papen, Franz von) 287, 318
 Парвус (Александр Гельфанд) (Parvus (Alexander Helphand)) 92–95
 Пигу, Артур Сесил (Pigou, Arthur Cecil) 185
 Платцер, Вольфганг (Platzer, Wolfgang) 145–147, 149–152, 155, 157, 163, 164, 166–172, 175–178, 211, 257, 462
 Пойкерт, Детлев (Peukert, Detlev) 72, 75, 79
 Прибрам, Карл (Pribram, Karl) 132, 133

- Ратенау, Вальтер (Rathenau, Walter) 118–122, 124, 126, 131,
- Рейхардт, Вольфганг (Reichardt, Wolfgang) 304, 305, 344, 349, 355–357, 359, 382–385, 387–390, 468
- Рёпке, Вильгельм (Roepke, Wilhelm) 463
- Робертсон Дэннис (Robertson, Dennis) 185
- Ройш, Пауль (Reusch, Paul) 234, 238, 287
- Росс, Дороти (Ross, Dorothy) 66, 67
- Рот, Карл-Хайнц (Roth, Karl-Heinz) 63, 76–80, 421, 465–469
- Слущкий, Евгений Евгеньевич (Slutsky, Eugen) 23, 41
- Смит, Адам (Smith, Adam) 31, 65, 196, 220
- Тинберген Ян (Tinbergen, Jan) 23, 38, 42
- Тодт, Фриц (Todt, Fritz) 410, 413, 415, 420, 424, 426, 444
- Трайб, Кейт (Tribe, Keith) 18, 65
- Тренделенбург, Эрнст (Trendelenburg, Ernst) 223
- Туган-Барановский, Михаил Иванович (Tugan-Baranovski, Mikhail) 184
- Уинч, Дональд (Winch, Donald) 35, 71
- Федер, Готтфрид (Feder, Gottfried) 291
- Фишер, Ирвинг (Fisher, Irving) 23, 30, 34, 37, 185, 198–200, 203, 474
- Фриш, Рагнар (Frisch, Ragnar) 23, 38, 41
- Фуко, Мишель (Foucault, Michel) 467
- Функ, Вальтер (Funk, Walther) 253, 291, 358, 364–366, 378, 399, 400, 404, 405, 407, 423
- Хаавелмо Трюгве (Haavelmo, Trygve) 23
- Хайдеггер, Мартин (Heidegger, Martin) 295
- Хельфферих, Карл (Helfferich, Karl) 209, 210, 212
- Хирш, Юлиус (Hirsch, Julius) 142–147, 155, 158, 163, 191
- Хоркхаймер, Макс (Horkheimer, Max) 75
- Хоутри, Ральф Джордж (Hawtrey, Ralph George) 185
- Хью, Х. Стюарт (Hughes, H. Stuart) 66
- Цан, Фридрих (Zahn, Friedrich) 89, 154–158, 179, 191–193, 355
- Шахт, Ялмар (Schacht, Hjalmar) 296, 304, 307, 309–314, 322, 347, 350, 351, 353, 354, 358, 360–363, 365, 382, 400, 423, 432, 463
- Шёнбаум, Дэвид (Schoenbaum, David) 73, 74
- Шеффер, Ганс (Schäffer, Hans) 222–224, 240, 243, 245, 252, 262, 265, 276, 283
- Шиль, Ганс фон (Scheel, Hans von) 82
- Шмеер, Рудольф (Schmeer, Rudolf) 301, 417, 418, 420, 422, 423, 429, 430
- Шмидт, Рудольф (Schmidt, Robert) 142
- Шмоллер, Густав фон (Schmoller, Gustav von) 67, 68, 88–90, 185
- Шпеер, Альберт (Speer, Albert) 10, 11, 376, 403, 413–417, 420–426, 439, 441–447, 449, 457–460, 464
- Шпитхофф, Артур (Spiethoff, Arthur) 118, 134, 185, 189, 190
- Штрассер Грегор (Strasser, Gregor) 291
- Шумпетер, Йозеф (Schumpeter, Joseph) 90, 185, 189, 195, 201, 202, 208
- Эберт, Фридрих (Ebert, Friedrich) 141
- Энгельс, Фридрих (Engels, Friedrich) 91
- Эрхард, Людвиг (Erhard, Ludwig) 442, 472
- Юм, Дэвид (Hume, David) 66
- Яффе, Эдгар (Jaffee, Edgar) 90

ВОЗМОЖНОСТИ ВООБРАЖЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ*

С Адамом Тузом беседует Андрей Белых

* *Экономическая политика*. 2019. Т. 14. № 2. С. 142–155.

Андрей Белых: Вы проделали чрезвычайно важную работу — попытались охватить в книгах практически весь XX и начало XXI века. «Всемирный потоп» — обращение к его началу, в «Цене разрушения» вы переходите к экономике Германии и Второй мировой войне, и вот совсем недавно, в 2018-м, увидела свет ваша новая книга, «Crashed», о кризисе 2008 года, его истоках и возможных последствиях. Что же стало основанием для соседства столь разных тем? Планируете ли вы дальнейшие шаги в исследовании этой непростой сферы?

Адам Туз: Начну с того, что вы мне льстите, подразумевая, будто у меня с самого начала был какой-то план. Такого рода программные заявления часто обещают больше, чем сделано на самом деле. Но определенная логика в переходе от одной моей книги к другой, разумеется, присутствует, и я сам воспринимаю свои четыре книги как нечто целостное. На русский язык пока не переведены и первая¹ и четвертая² — об истории экономической статистики и о всемирном экономическом кризисе. Что объединяет все мои проекты? Пристальный интерес к отношениям между экономикой, особенно макроэкономикой, концепциями национальной экономики и вопросами власти. Исторически так сложилось, что, говоря о XX веке, мы рассматриваем

¹ *Statistics and the German State, 1900–1945: The Making of Modern Economic Knowledge* (Cambridge Studies in Modern Economic History), Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — *Здесь и далее примечания А. Белых.*

² *Crashed: How a Decade of Financial Crises Changed the World*, London: Allen Lane, 2018. Перевод вышел в 2020 г.: Туз А. *Крах. Как десятилетие финансовых кризисов изменило мир.* Москва: Издательство Института Гайдара, 2020.

преимущественно Соединенные Штаты. Разумеется, у этого доминантного нарратива есть один конкурент — Советский Союз периода расцвета. Сейчас мы, конечно, находимся на том этапе исторического развития, когда Китай с его поднимающейся национальной экономикой начинает смещать США с главенствующих позиций. В этом направлении и стоит искать объединяющую тему моих книг.

Возможно, с точки зрения хронологии я действовал не самым логичным образом. Начал, можно сказать, с середины, с великого испытания, каким стала Вторая мировая война. В ключевых вопросах ее исход был предопределен раскладом сил в экономике — говорю, разумеется, только о главных факторах. Потом я углубился еще дальше в прошлое, чтобы поразмыслить о восхождении Америки к вершинам власти, — к самому началу XX века, точнее к поворотному 1916 году, когда весь мир впервые наблюдал за президентскими выборами в США³, так как мы привыкли сегодня следить за американской политикой. А дальше в результате естественного хода жизни и череды совпадений академического характера я пришел к работе над этим вот проектом, моей последней на сегодняшний день книгой «Crashed». Она посвящена финансовому кризису 2008 года, который, как я старался показать, стал и кризисом национальной экономической парадигмы. Десятилетиями мы вели разговоры о глобализации и роли транснациональных корпораций, и без осознания их роли просто невозможно понять кризис 2008 года. Речь в книге идет о банках, о взрыве внутри транснациональной банковской системы, который, по моему мнению, является главным фактором кризиса 2008 года. Значение ипотечного кризиса или финансового инжиниринга со всеми его хитросплетениями было не так велико, как роль транснациональных банковских операций, особенно операций между Европой и Соединенными Штатами.

Как видите, эти работы объединяют и тематика, и география. Я стал, если хотите, историком экономики атлантического

³ Выборы в США происходили 7 ноября 1916 года, победил кандидат от демократической партии Вудро Вильсон, оставшийся президентом на второй срок. США вступили в войну 6 апреля 1917 года.

региона. Вы спрашиваете, что дальше. Теперь я планирую заняться, так сказать, заполнением пробелов. Пытаюсь продумать проект, где история глобализации рассматривалась бы в более широком контексте. Меня интересует не только финансовая составляющая, но и все, что касается торговли и товарно-сырьевого рынка. В сущности, это вопросы об истории нашего нынешнего кризиса, иными словами, истории всех тех вызовов и проблем, которые Запад накопил с 1960-х годов.

А. Б.: Здесь ведь вопрос, что считать отправной точкой. «Глобализация» – понятие достаточно размытое. О некоторых чертах глобализации можно говорить даже применительно к древности.

А. Т.: Что ж, в нашем распоряжении история этого явления в его современном виде. Если мы посмотрим на динамику торговых отношений, на финансовую интеграцию, то увидим перевернутую конскую подкову, график в форме буквы U, верно? В конце XIX века высокий взлет, далее в результате Первой мировой войны и ее последствий глобальная экономика стала менее интегрированной, а потом, начиная с середины 1960-х и далее, мы видим консолидацию усилий, направленных на интеграцию и имеющих различные географические векторы. Случались и неудачные старты, например Советский Союз, в пору своей наибольшей устойчивости предложивший альтернативный проект глобализации, который в итоге провалился. Далее был момент, когда казалось, что страны ОПЕК стали практически независимыми сырьевыми производителями и теперь возьмут на себя роль ключевых двигателей интеграции. И снова провал. Потом случилась история с «азиатскими тиграми». Это уже куда более серьезный сдвиг, который привел к перманентным изменениям. Но здесь все несколько иначе, ведь эти экономики были в гораздо большей степени интегрированы с Западом.

Таким образом, как только мы изучим все эти эпизоды, думаю, станут понятнее и корни глобализации, с которой мы имеем дело сегодня, и причины сегодняшних радикальных изменений. В долгосрочной перспективе, к столетней годовщине 1929 года, я попробую разобраться с вековой историей Великой депрессии. Так что вот он, мой десятилетний план: два про-

екта, которые как раз и являются недостающими звеньями той временной дуги, о которой вы говорите. Сейчас я уже чувствую определенную ответственность за то, чтобы проект получился целостным.

А. Б.: Хочу напомнить вам старый анекдот о профессоре истории и его бывшем студенте, который ушел в бизнес. Однажды он приходит навестить старого профессора и просит: «Разрешите взглянуть на вопросы, которые вы даете нынешним студентам на экзаменах». — «Извольте, вот они». Тот открывает один билет, второй, третий, наконец, с удивлением спрашивает: «Как же так, профессор, ведь это те же вопросы, на которые я в свое время отвечал у вас на экзамене!» Что отвечает профессор? «Я никогда не меняю вопросы, это ответы иногда меняются».

Говорю об этом потому, что, занимаясь любыми историческими исследованиями, мы все время задаем себе пусть не одни и те же, но похожие вопросы. Именно этим вы заканчиваете книгу «Crashed», говоря, что сегодня мы спрашиваем себя о будущем точно так же, как люди в 1914 году.

А. Т.: Так и есть.

А. Б.: Некоторые из этих вопросов действительно задаются всегда, в любых ситуациях. Можно ли было избежать тех или иных последствий? Были ли минуты, когда история могла пойти по другому сценарию? Для нас в России такие поворотные моменты очевидны: это революция, это начало Второй мировой войны, это развал Советского Союза. Когда вы работали над «Crashed» и другими книгами, создавалось ли у вас впечатление, что и в мировом масштабе существовали такие точки, в которых что-то могло быть изменено? Были бы приняты другие решения, предприняты другие действия — и история всего мира сложилась бы иначе. Или вы считаете, что независимо от того, кто стоит во главе той или иной экономической или политической структуры, независимо от того, кто стал президентом и кто фюрером, события развивались бы одинаково?

А. Т.: Знаете, я бы назвал себя одним из тех, кто пытается разобрататься в этой динамике. В книгах для меня важно уделять особое внимание — отчасти как раз потому, что я историк экономики, — разным измерениям детерминизма. Полагаю, в этом,

в числе прочего, и есть польза от экономической истории, ее вклад в наше понимание — если не детерминизма, то по крайней мере тех ограничений, в рамках которых люди фактически действуют. Здесь, в экономической истории, мы можем достичь более глубокого понимания человеческих мотивов. Но я рассматриваю этот момент в конкретном приложении к теории агентов. Иногда мы имеем дело с напрасными усилиями сил и группировок стать «независимыми игроками» или добиться доминирования. В моем понимании нацистский режим — типичный пример волюнтаристской политики утверждения собственного превосходства вопреки неизбежному. А неизбежным было сползание Германии на позиции среднего по размеру европейского государства, у которого нет никаких серьезных оснований надеяться на мировое влияние, на то, чтобы достичь планетарного значения. Для европейских стран признать, что такова в XX веке их участь, было достаточно трудно. Думаю, деятельность Третьего рейха, правительства Гитлера была исключительным по своей омерзительности усилием преодолеть эту логику развития событий. Но чтобы понять, что происходит, необходимо увидеть обе стороны: и силу детерминизма, и волю, отчаянную и в итоге, разумеется, бесплодную, преодолеть эту силу.

А. Б.: Да, фашистам не удалось повернуть историю вспять. Но ведь есть и другое измерение этой проблемы. Что могло бы случиться, если бы, скажем, коммунисты Германии во главе с Тельманом повели себя так, как позднее коммунисты во Франции, и создали народный фронт с другими левыми силами? Будь политика Коминтерна более гибкой, Тельман мог бы попытаться объединиться с социал-демократами, участвовать в выборах в рамках единого блока. Это могло помешать приходу Гитлера к власти. Или такого шанса не было?

А. Т.: Совершенно верно. Согласен, в области политики существует агентность. В некотором смысле, в самом абстрактном понимании, это и будет определение политики — как практического изучения человеческой деятельности. Мы, люди, просто организуем политику определенным образом, чтобы придать некую структурность процессам взаимодействия, а иначе наше взаимодействие могло бы стать не чем иным, как свирепой насильственной борьбой за власть. Но мы вводим формальные

процедуры, они и вызывают к жизни тактические и стратегические приемы ведения дискуссии, которые в итоге приводят, как видим, к катастрофе социального фашизма, и это подтверждает судьба Веймарской республики, Коммунистической партии и так далее.

То же мы наблюдаем и в наши дни. Об этом я пишу в контексте реакции на кризис 2008 года в Соединенных Штатах – реакции европейцев, реакции Китая, да фактически и реакции России. Одна из новаторских сторон в книге «Crashed» как раз в том, что здесь предпринята попытка интегрировать опыт Восточной Европы и России в мировую историю. Увы, большинство читателей английского издания об этом опыте не имеют ни малейшего представления. Что и говорить, напряжение между Россией и Западом, которое сейчас проявилось с такой очевидностью, кажется многим возникшим словно ниоткуда, совершенно необъяснимым образом, без всякой предыстории. Но такое положение вещей абсолютно неприемлемо в интеллектуальной системе координат. Так что одной из задач этой моей книги было как раз исследование того, что именно мы можем узнать об альтернативном понимании кризиса из сравнения реакций на него в разных странах. Теперь вы, возможно, спросите, значит ли все это, что Обама мог бы отреагировать на кризис так же, как Путин и Медведев. Нет, конечно, слишком различается в наших странах устройство институтов. Но это исключительно полезный вопрос: какие именно институциональные ограничения определили поведение одних фигурантов и не повлияли на других?

А.Б.: Конечно, здесь большую роль сыграл человеческий фактор. Многие определяли действия тех или иных лиц и индивидуальные особенности основных участников событий.

А.Т.: Несомненно. Разумеется, огромную роль сыграл тот факт, что в момент кризиса во главе совета управляющих Федеральной резервной системы США находился такой человек, как Бен Бернанке. Невозможно переоценить важность того, кто именно становится президентом США, и вам это известно не хуже, чем мне. Одна из недопустимых ошибок как раз и состоит в том, чтобы считать личный фактор незначительным. Вот ставшая знаменитой фраза Алана Гринспена. Осенью 2007 года швейцарский журналист обратился к нему с вопросом: «Гос-

подин Гринспен, за кого вы собираетесь голосовать на выборах президента США в будущем году?» И его ответ: «Это не важно».

А. Б.: «Это не важно»! Просто смешно.

А. Т.: «Это не важно, потому что нам посчастливилось жить в мире, где все определяют глобальные рынки за единственным исключением — политикой национальной безопасности». Обе части этого утверждения абсурдны, не так ли? Нелепо думать, что рынки сами по себе всем управляют, и столь же нелепо полагать, что политика национальной безопасности каким-то образом вдруг вытесняется далеко за пределы экономического поля, где действует совершенно иная логика, в силу которой она как бы продолжает быть политикой, хотя всю остальную политику определяют исключительно рыночные силы.

И так думал не один только Гринспен. Тони Блэр мог повторить это чуть ли не дословно, скажем, в 2004–2005 годах. Думается, одна из причин, объясняющих, почему так непросто наладить диалог между российской администрацией и Западом, в том — если говорить напрямую, — что российская администрация как-то не спешит принять многие из такого рода очевидных для Запада представлений. А с точки зрения Запада, такой подход сегодня — серьезная ересь, понимаете? И речь Путина на Мюнхенской конференции 2007 года по вопросам политики безопасности представляется мне здесь достаточно важным моментом⁴.

А. Б.: Как ни странно, в этом случае все было понятно. Он говорил очевидные правильные вещи. Но поскольку это было сказано Путиным, никто не захотел этого даже обсуждать.

А. Т.: Вы правы.

А. Б.: Предлагаю вернуться к вопросу о непредсказуемости исторических развилки. Фанни Каплан, пытавшаяся застрелить Ленина, как известно, была практически слепой. Вопрос: что было бы, если бы у нее были хорошие очки? Часто говорится, что в истории не бывает экспериментов, что история не знает сослагательного наклонения. Но давайте хотя бы немного углубимся в прошлое нашей страны и проследим цепочку со-

⁴ Речь идет о выступлении В. В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 7.02.2007 (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>). Имеется в виду тезис Путина о неприемлемости концепции однополярного мира.

бытий, связанных с идеями конституции. Фактически император Александр I уже созрел принять проект народного представительства, предложенный Лорис-Меликовым. Строго говоря, это не была конституция, однако же в проекте содержалась попытка обеспечить представительство регионов во власти. При дальнейшем развитии в этом направлении в стране могла сформироваться более разумная система взаимодействия между народом и правительством, между дворянством и беднотой. Александр II уже был готов согласиться с предложениями Лорис-Меликова, но в тот самый день, когда он объявил, что через несколько дней проект будет обсуждаться на заседании правительства, его убили. А дальше на престоле оказался его сын Александр III и стал блокировать все реформы. В издательстве «Дело» по инициативе Владимира Мау недавно опубликованы воспоминания государственного секретаря Егора Перетца. Впервые они вышли еще в 1927 году, но в архивах мы обнаружили и неопубликованную часть мемуаров и в новом издании добавили эти не издававшиеся ранее фрагменты. Очень интересно следить, как изо дня в день предпринимаются попытки протолкнуть эти конституционные идеи и как в конце концов эти люди терпят поражение.

А. Т.: Любопытно, я не знал об этом.

А. Б.: К чему я об этом говорю? Конечно, у историка нет инструментария, позволяющего изменять исходные условия и исследовать получаемые результаты, как это делают физики или химики. Чем же мы располагаем? В моем примере речь шла о временном горизонте, но можно расширять и географические горизонты — так у историка появляется возможность сравнивать события, происходящие в политике и в экономике.

А. Т.: Да-да.

А. Б.: Итак, есть Северная Корея и Южная Корея, были Восточная Германия и Западная Германия. Их существование предоставляет нам дополнительные возможности для экономического анализа, иногда даже дает шанс на практике проверить, в какой степени тот или иной политический режим совместим с проектом глобализации, иначе говоря, оценить его с точки зрения эффективности и иных параметров.

И снова о неизбежности тех или иных событий в истории. У нас в этой области немало любопытных примеров. В совет-

ские времена все объяснялось в рамках марксистской парадигмы: революция в России произошла из-за противоречия между производительными силами, которые уже находились на таком уровне развития, который требовал обобществления, и старой надстройкой, не позволявшей им развиваться. Но многие историки сходятся при этом, что без Ленина революции бы не было. Определенно можно утверждать, что именно благодаря его усилиям революционные события приняли тот оборот, который советские историки объявили правильным и объективным. Но после Февральской революции могли осуществиться и другие сценарии. И сам Ленин, это широко известный факт, не ожидал, что все случится так скоро. 9 января он выступает в Цюрихе перед молодыми швейцарскими рабочими и говорит: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»⁵. И меньше чем через два месяца она происходит.

А. Т.: Я как раз цитирую его в «Всемирном потопе». Эта книга посвящена Первой мировой войне, и в ней я подробно анализирую революцию в России. Один из совершенно «революционных» для меня поворотов в работе над ней случился после обращения к ранним записям, к ленинским комментариям по поводу текущих событий. С Лениным можно соглашаться или не соглашаться, меня-то уж точно ленинистом назвать нельзя. Но он, безусловно, гениальный политический блогер. Посмотрите его ежедневную аналитику – как он воспринимает себя и то, что он делает. Для меня одним из шокирующих моментов была весна 1918 года: вот он защищает идею Брест-Литовского мира и нечаянно проговаривается – с языка у него слетает, мол, знаете, товарищи, мы получили власть только потому, что история сошла с ума. Невероятно.

Сейчас, говоря с вами, я вдруг понял, что в каждой из четырех моих книг есть такой «ленинский» момент, когда те или иные товарищи оказываются у власти, потому что история сошла с ума. Логика событий, которую мы могли бы ожидать, входит в противоречие с тем, как воспринимали эти события их непосредственные участники. В «Цене разрушения» такой мо-

⁵ Ленин В. И. «Доклад о революции 1905 года», в: Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. Москва: Издательство политической литературы, 1970. Т. 30. С. 328.

мент наступает, когда в декабре 1941 года сорван план операции «Барбаросса». Для немцев это означало, что их представления о том, как должна была развиваться война, неожиданно-негаданно пошли прахом прямо у них на глазах. На целую неделю они останавливают всю военную экономику. Германия нажимает на кнопку перезагрузки.

А. Б.: И ведь мы до сих пор точно не знаем, из каких источников советский режим черпал жизненные силы, каковы были экономические факторы победы. Удивительная картина: уже в октябре-ноябре 1941 года все выглядит так, как будто у нас просто нет оружия, чтобы продолжать боевые действия. Знаете, в РАНХиГС сейчас организован совместный проект с историком Стивом Коткиным по изучению экономических и социальных факторов победы СССР в войне. Исходная позиция участников этого проекта в том, чтобы анализировать не книги об истории, как это часто случается, а саму историю. Видеть реальные факты — в архивах, в настоящих свидетельствах о прошлом. Приведу только один пример. Сталинскую экономику принято считать «экономикой без денег». Так по крайней мере обычно думают: дескать, финансы играли гораздо меньшую роль, чем технологии, политические установки, идеология. Но на самом деле это не так. Знаете, в чем одна из причин такой высокой смертности в Ленинграде в январе 1942 года, в один из самых страшных блокадных месяцев? В это трудно поверить, если не знать факты. Были, оказывается, задержки с доставкой в Ленинград бумажных денег для выдачи зарплаты рабочим и служащим. Даже по карточкам хлеб нельзя было получить просто так, его надо было покупать. Люди умирали еще и потому, что карточки у них были, а денег не было! Трудно, в самом деле, поверить, что такое было возможно. И многие не верят.

А. Т.: Меня это совершенно не удивляет. Голод всегда случается из-за сбоя в системе. И если уж мы о нем заговорили, предлагаю подумать и о голоде начала 1920-х годов. В начале 1920-х голод в молодом советском государстве наступает как следствие гиперинфляции: крестьяне уходят с крупных рынков и прячут зерно, после чего в города приходит голод. Тогда, само собой, к крестьянам высылаются войска, их начинают терроризировать, производство сельскохозяйственной продукции прекращается,

и крестьяне тоже начинают голодать. Здесь существует взаимосвязь между двумя символами: государственные деньги и общество. Что такое деньги, если не общественно значимый символ, авторизованный государством? И оба символа очень хрупкие, именно поэтому в ситуациях, когда стопорится государство, страдают они оба. Это один из характерных симптомов развала государства, и когда что-то подобное происходит, это имеет колоссальные экзистенциальные последствия. На самом деле это означает, что сам принцип разделения труда перестал работать. Это может происходить в современных обществах, особенно небогатых, каким и была советская Россия. Марк Харрисон⁶ как раз хорошо об этом написал. Для таких обществ крайне велик риск катастрофы, стремительного падения в пропасть. Харрисон убедительно показывает, что сталинская система в этом смысле была весьма примечательной: да, она во многом была неэффективна (хотя об индустриализации и особенно о военно-промышленном комплексе этого не скажешь), но в то же время обладала невероятной сопротивляемостью. Она была устойчива к потрясениям.

А. Б.: История это продемонстрировала.

А. Т.: Не менее невероятной была и ее способность к восстановлению. После сотрясающего удара она, как пружина, распрямлялась снова, чего уж точно не скажешь об экономике царской России: ее потрясения просто убивали.

А. Б.: Но есть еще один фактор, неэкономический. В годы войны в СССР люди были готовы защищать свою страну и в целом существовало доверие к власти. Да, при всех ее ошибках, при всей жестокости они по-прежнему считали эту власть своей, а немцев – врагами. И это, конечно, стало одной из причин победы в войне.

А. Т.: Мы знаем, что сталинизм подогнал под себя патриотизм, заменил собой православие. Но, откровенно говоря, царский режим проиграл не из-за дефицита патриотизма, а пото-

⁶ Марк Харрисон – британский историк, автор нескольких книг по истории СССР, в том числе: John Barber and Mark Harrison. *The Soviet home front, 1941–1945: A social and economic history of the USSR in World war II*. London, New York: Longman, 1991; Harrison, Mark. *Guns and Rubles: the Defense Industry in the Stalinist State*. Editor. Yale-Hoover Series on Stalin, Stalinism, and the Cold War. New Haven: Yale University Press, 2008.

му, что сам был совершенно неадекватным сосудом для патриотических чувств.

А. Б.: Неумело его использовал.

А. Т.: Вот именно. Мобилизация России в начале Первой мировой войны прошла на волне патриотизма и вопреки неэффективности царского режима. Военные потери были чудовищны, и если мы посмотрим на предшествующую Октябрю Февральскую революцию, то увидим, что Ленину приходилось быть достаточно осторожным с лозунгами, поскольку «немедленное заключение мира любой ценой» не было такой уж популярной идеей. Если вы уже пожертвовали на войне миллионами лучших молодых мужчин...

А. Б.: ...неужели все напрасно?

А. Т.: Жертвы уже принесены и с точки зрения политики, так что говорить о мире любой ценой было непросто. Суждения историков, которые мы иногда слышим, мол, русские устали от войны и просто хотели, чтобы все наконец закончилось, мягко говоря, не точны.

А. Б.: Вы правы. Вспоминается прелестная цитата из письма Ленина Горькому. Он пишет, что, честно говоря, у нас немного шансов, если не будет войны, а «война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»⁷.

А. Т.: С одной стороны, было такое понимание ситуации. Но что еще, несомненно, типично для ленинизма и что не свойственно ни одному западному ответвлению марксизма — это апокалиптическое измерение событий. С началом войны Ленину, с его пониманием империализма, могла вполне отчетливо видеться перспектива, когда история сойдет с ума в еще более глобальном масштабе, что может не быть другого выхода, кроме революции. Бухарин, между прочим, тоже так думал: Первая мировая как абсолютный апокалипсис. Им казалось, что капитализм и империализм могут привести мир к патовому положению. Очень похоже на то, к чему полвека спустя привела холодная война.

⁷ Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому, в: Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. Т. 48. С. 155.

А. Б.: Так они понимали диалектику.

А. Т.: Именно! Они полагали, что какое бы то ни было движение вперед станет невозможным. Это была своего рода логика момента, импульсивная логика, поэтому реализация революционного проекта казалась им настолько срочной. При подобных обстоятельствах на вас лежит полная ответственность действовать без промедления, в противном случае у человечества нет никакого будущего, верно? Даже если Россия не выглядит самым подходящим местом для революции и в обоснование такого выбора приходится выдумывать самые нелепые и слабые аргументы, вы все равно уверены, что эти усилия необходимы. Не рискнуть нельзя, потому что, если не ваша попытка, история остановится навеки. Так они понимали свою миссию.

Так что для меня это еще одна тема, проходящая через три последние книги, — апелляция к апокалипсису. Тот же Бен Бернанке в сентябре 2008 года приходит в Конгресс США и произносит речь. Нет, я не утверждаю, что она звучит точь-в-точь как у Ленина, но то, что он говорит...

А. Б.: ...для конгрессменов звучит зловеще. Он хотел показать, насколько велика опасность, и ему это удалось.

А. Т.: Он сказал, что, если мы не сделаем того-то и того-то, в понедельник у нас может не быть вообще никакой экономики. Если это не апокалиптическая идея, тогда что?

А. Б.: Но ведь сработало.

А. Т.: Это сработало потому, что подобные речи мобилизуют в людях готовность действовать, понимаете? Совершать такие действия, которые в самом деле меняют ход событий.

А. Б.: Вроде «я ухожу с поста, я прощаюсь».

А. Т.: Это значит, что вы готовы к экстраординарному шагу, да. И вот результат: «Мы согласны задействовать Программу выкупа проблемных активов (TARP), мы изыщем 700 миллиардов долларов»⁸. Меня крайне занимает эта тема — возможности воображения в политической мысли. Воображения, к которому прибегают, чтобы подтолкнуть действия.

⁸ Имеется в виду позиция министра финансов США, Генри Полсона, который предлагал конгрессу выделить 700 млрд долларов на программу выкупа проблемных активов. Эти события описаны в книге А. Туза «Крах».

Теперь о нашей параллели. Поразительно, что американцы здесь прибегают к риторике, которая безошибочно ассоциируется с военной силой. Это чуть ли не прямые отсылки к фон Клаузевицу, и в этом смысле они перекликаются и с Лениным. Всё это продукты не так давно закончившейся холодной войны: американская военная интеллигенция, Колин Пауэлл, военная доктрина США. Это всё по сути Клаузевиц. Перед нами вера в «большой молоток»: есть проблема – ударь по ней самым большим молотком, примени максимальную силу. Только не забудь заранее продумать стратегию отхода с поля боя (это уже урок, усвоенный во Вьетнаме). В Китае мы видели, как поразительно результативно работает маоистская риторика алармизма. Путин с Медведевым используют элементы того же языка: «больше никакой автоматической регулировки, нужно ручное управление», «собрать всех олигархов и заставить их раскошелиться». В этой же риторике «промедление смерти подобно», а Россия, разумеется, «в кольце врага».

Меня как человека, в большой степени идентифицирующего себя с Европейским союзом, не устает поражать, что там нет и тени подобной риторики. В Германии особенно сильно неприятие такого алармистско-апокалиптического дискурса. Там все о правилах: правила, правила и еще раз правила, так что даже когда наступает кризис, вы не можете приостановить действие правил, ведь именно из-за недостаточного следования правилам и наступают кризисы, и единственным верным подходом к преодолению кризиса является возвращение к правилам. А остальные говорят: нет, сейчас положение чрезвычайное. Чрезвычайное положение! Что означает: нам нужно действовать как-то иначе. В итоге немцы приходят в себя, но задержка уже случилась, и это в разгар кризиса, а ведь для преодоления кризисов нет ничего важнее, чем правильно распорядиться временем. Если вы упускаете момент и недостаточно быстро реагируете на удары, потом вам уже не под силу найти решение и на смену плохому приходит худшее.

В Москве на Гайдаровском форуме мы слушали экспертов из Европы. Вот Лукас Пападимос, человек, в 2011 году ринувшийся спасать Грецию. Технократ без какой бы то ни было парламентской легитимности, он становится премьер-министром

своей страны и запускает процессы делегитимизации существующих партий. Похожая картина в Италии после отстранения Берлускони, министра иностранных дел этой страны мы тоже слушали в Москве. Джулио Трмонти, министра финансов при Берлускони, я надеюсь еще увидеть. Так или иначе, вот рядом с нами свидетели всех тех случаев, когда экстренные меры были предприняты слишком поздно и оказались в высшей степени контрпродуктивными. Помимо прочего, книга «Crashed» — это еще и о критике демократических политиков Европы. О том, как они не сумели понять логику действий во время кризиса.

А. Б.: Кризисная логика предполагает действия, в корне отличные от регламентированных операций, производимых изо дня в день.

А. Т.: Следование правилам — это то, что нам, увы, навязывает глобальный финансовый капитализм. Нам хотелось бы думать, что это ручной зверь, милое домашнее животное, крохотный щеночек. Но глобальный финансовый капитализм не таков.

А. Б.: Поначалу он выглядит совсем иначе. Это как в фильмах ужасов, где ребенок или кукла превращается в монстра.

А. Т.: Именно так! Да я не уверен, что он и поначалу был ребенком. Он больше похож на быка, пасущегося в поле. Кажется, что это полезное животное, но потом он впадает в бешенство и его невозможно остановить.

А. Б.: Понимаю, что историк не должен заниматься прогнозами. Вообще прогнозы — тема непростая. Знаете, я очень люблю историю о Прометее. Вот он уже прикован к скале, приходит хор океанид, и предводительница хора спрашивает: что за преступления ты совершил, почему Зевс так покарал тебя? И он начинает говорить, что помешал Зевсу уничтожить существующих людей и создать новых. А «еще у смертных отнял дар предвиденья»⁹. Предводительница вопрошает: «Каким лекарством эту ты пресек болезнь?» И он отвечает: «Я их слепыми наделил надеждами», «вдобавок я же и огонь доставил им». Для Зевса лишить людей способности строить прогнозы — преступление более серьезное, чем украсть огонь у богов. И тем не ме-

⁹ Цитаты по тексту трагедии Эсхила «Прометей прикованный» в переводе Соломона Апта.

нее при спорности любых прогнозов, вы верите, что возможно предсказать, как будет развиваться нынешний кризис?

А. Т.: Одна из сторон, которой я пытался уделить особое внимание, когда писал «Crashed», – масштаб, новизна и драматизм нынешнего кризиса. Это делает его уникальным. 2008 год не похож на обычную циклическую рецессию, и не следует думать, что это часть обычного цикла Кондратьева. С этим кризисом мы имеем дело с событием совершенно иного типа. Он не похож на кризис 1930-х, тот был несравнимо более затяжным и даже близко не сопоставимым по степени опасности. Кризис 2008 года, и здесь Бернанке не ошибается, – это острое инфарктное состояние финансовой системы всего западного мира, а заодно и России и Южной Кореи. Если бы он продолжился, то потянул бы за собой и все прочие страны. Вероятность, что такое случится снова, крайне мала. Но тенденции – аккумуляция, динамика глобального роста – таковы, что следует ожидать похожих сбоев в ближайшие десятилетия. Как говорят экологи, мы мчимся неведь куда, наш поезд сошел с рельсов и продолжает набирать скорость. И они правы, это те люди, кто, как мне кажется, понимает всю серьезность происходящего. В это движение втягиваются все более масштабные силы. Возникает все больше центров активности, но какой-либо централизованной координации между ними нет. Единственное, что у них общее, – все считают в американских долларах. Так что, увы, есть основания предполагать, что в будущем нас ждут похожие потрясения. Не в том смысле, что это повторяющийся цикл, а в том, что мы имеем дело с цепной реакцией. Я бы назвал это диалектикой. События каждый раз будут качественно новыми, но их можно будет описать в категориях диалектической логики.

*Москва, РАНХиГС,
15 января 2019 года*

Адам Туз родился 1967 году в Лондоне. Детские годы он провел в Англии и в Германии, в Гейдельберге.

Летом 1989 года он защитил диплом бакалавра экономики в Королевском колледже Кембриджского университета, после чего ему посчастливилось оказаться в Берлине, где он стал свидетелем окончания холодной войны. В Берлине он продолжил образование. Докторскую диссертацию Адам Туз защитил в Лондонской школе экономики. С 1996 по 2009 год работал в колледже Иисуса в Кембриджском университете, где читал курс лекций по современной истории. Затем получил должность профессора в Йельском университете и возглавил исследования, связанные с проблемой международной безопасности.

Летом 2015 года Туз перешел на исторический факультет Колумбийского университета. В Колумбийском университете он возглавляет кафедру истории имени Кэтрин и Шелби Каллом Дэвис, а также является директором Европейского института.

Книги:

Statistics and the German State, 1900–1945: The Making of Modern Economic Knowledge (Cambridge Studies in Modern Economic History), Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy, London: Allen Lane, 2006. Перевод: Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. Москва: Издательство Института Гайдара, 2018.

The Deluge: The Great War, America and the Remaking of the Global Order, 1916–1931, London: Allen Lane, 2014. Перевод: Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. Москва: Издательство Института Гайдара, 2019.

Crashed: How a Decade of Financial Crises Changed the World, London: Allen Lane, 2018. Перевод: Крах. Как десятилетие финансовых кризисов изменило мир. Москва: Издательство Института Гайдара, 2020.

Научное издание

Серия «Экономическая история в прошлом и настоящем»

АДАМ ТУЗ

Статистика и германское государство, 1900–1945

Создание современного экономического знания

Главный редактор *В. В. Анашвили*
Выпускающий редактор *Е. В. Попова*
Редакторы *Я. Н. Охонько, О. В. Черкасова*
Художник *В. П. Коршунов*
Оригинал-макет *О. З. Элоев*
Верстка *Я. Д. Агеев*

Подписано в печать 11.01.2021. Формат 60×90^{1/16}
Гарнитура PT Serif Pro. Усл. печ. л. 33
Тираж 1000 экз. Изд. № 610

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru
Интернет-магазин
www.delo.ranepa.ru

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

ISBN 978-5-85006-264-4

9 785850 062644

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО» РАНХИГС

Москва, проспект Вернадского, д. 82
Тел.: (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru

Вышли в свет книги

ВЛАДИМИР МАУ. Государство и экономика. Опыт экономических реформ.
ВЛАДИМИР МАУ. Экономика и власть. Опыт посткоммунистической трансформации.
ВЛАДИМИР МАУ. Экономика и политика России: год за годом (1991–1999).
ВЛАДИМИР МАУ. Экономическая политика России: год за годом (2000–2017).
ЕГОР ГАЙДАР. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 11–15.
АЛЕКСЕЙ КУДРИН. Экономическое развитие России: в 2 т.

В серии «Экономическая история в прошлом и настоящем»:

АЛЕКСАНДР ИЗГОЕВ. Рожденное в революционной смуте.
АЛЕКСЕЙ ГОЛОВАЧЕВ. История железнодорожного дела в России.
АЛЕКСАНДР ГЕРШЕНКРОН. Экономическая отсталость в исторической перспективе.
АЛЕКСАНДР ФУРСЕНКО. Династия Рокфеллеров. Нефтяные войны (конец XIX — начало XX века).
ВЛАДИМИР БАЗАРОВ. Избранные произведения: в 2 т.

В серии «Министры финансов России»:

ЕГОР КАНКРИН. Мировое богатство, национальное богатство
и государственное хозяйство.
МИХАИЛ РЕЙТЕРН. Об улучшении финансового и экономического
положения России.

В серии «Интеллектуальная биография»:

БЕНУА ПЕТЕРС. Деррида.
ХОВАРД АЙЛЕНД, МАЙКЛ У. ДЖЕННИНГС. Вальтер Беньямин: критическая жизнь.
РЭЙ МОНК. Людвиг Витгенштейн: долг гения.
РЮДИГЕР САФРАНСКИ. Гёте: жизнь как произведение искусства.
ТИФЕН САМОЙО. Ролан Барт: биография.
РОБЕРТ КАНИГЕЛ. Джейн Джекобс.
МАНФРЕД КЮН. Кант: биография.

В серии «Интеллектуальный бестселлер»:

АЛЕКСАНДР ВО. Дом Витгенштейнов.
МИШЕЛЬ ФУКО. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983).

Мишель Фуко. Говорить правду о самом себе.
Александр Павлов. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время.
МАРК ЭВАН БОНДС. Абсолютная музыка: история идеи.
МАЙКЛ МАНН. Источники социальной власти: в 4 т.
АЙВАН МОРРИС. Мир блистательного принца: придворная жизнь в древней Японии.
ЭЛАЙДЖА УОЛД. Как The Beatles уничтожили рок-н-ролл: альтернативная история популярной музыки.
ПЬЕР БУРДЬЕ. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993).
ХАЙДЕГГЕР, «ЧЕРНЫЕ ТЕТРАДИ» И РОССИЯ. Сборник статей.
КВЕНТИН СКИННЕР. Истоки политической мысли Нового времени: в 2 т.
ГЭРИ КЛАЙН. Источники силы: как люди принимают решения.
ДЖЕЙМС СКОТТ. Против зерна: глубинная история древнейших государств.

В серии «Государство и власть»:

Ричард Лахман. Государства и власть.
КРИСТОФЕР ПИРСОН. Просто собственность: ее история на латинском Западе: в 2 т.
АРЛИ ХОКШИЛД. Управляемое сердце: коммерциализация чувств.
КЭРОЛ ЛЕОНАРД. Аграрные реформы в России: дорога из рабства.
АЛЕКС МЕСУДИ. Культурная эволюция: как дарвиновская теория может объяснить человеческую культуру и привести к синтезу в общественных науках.
БОБ ДЖЕССОП. Государство: прошлое, настоящее, будущее.
ДЭНИЕЛ ХЕДРИК. Власть над людьми: техника, окружающая среда и западный империализм с 1400 г. до наших дней.
ЭНТОНИ АТКИНСОН. Неравенство: как с ним быть?
ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ. Элементарные формы религиозной жизни.

В серии «Технологии/инновации/дизайн»:

ГЕНРИ ПЕТРОСКИ. Успех через провал: парадокс дизайна.
ДЖУДИ ВАЙСМАН. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме.
РОБЕРТО ВЕРГАНТИ. Инновации, направляемые дизайном: как изменить правила конкуренции посредством радикальных смысловых инноваций.
ДЖОН УРРИ. Как выглядит будущее?
АДАМ ГРИНФИЛД. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни.
РИЧАРД БОЛДУИН. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация.
ААРОН ПЕРЗАНОВСКИ, ДЖЕЙСОН ШУЛЬЦ. Конец владения: личная собственность в цифровой экономике.

Готовятся к печати

В серии «Интеллектуальная биография»:

ФРАНСУА ДОСС. Жиль Делез, Феликс Гваттари.
НИКОЛАС ФОКС ВЕБЕР. Ле Корбюзье.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО» РАНХиГС

Москва, проспект Вернадского, д. 82
Тел.: (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru

Где купить

Интернет-магазин: www.delo.ranepa.ru

Спрашивайте в книжных магазинах

Москва

Академия, специализированные магазины деловой книги, в РАНХиГС, Москва, просп. Вернадского, д. 82 (499) 270-29-78
Москва, Тверская ул., д. 8 (495) 629-64-83
Библио-Глобус, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (495) 781-19-00
Московский Дом книги, ул. Новый Арбат, д. 8 (495) 789-35-91
Молодая гвардия, ул. Большая Полянка, д. 28 (495) 780-33-70
Фаланстер, Малый Гнезниковский пер., д. 12/27, стр. 3 (вход в арке) (495) 629-88-21, (495) 504-47-95, fanlanster@mail.ru
Сеть «Читай-город» («Новый Книжный») (495) 937-85-81, (499) 177-22-11
Циолковский, Пятницкий пер., д. 8 (495) 951-19-02
БукВышка, университетский книжный магазин (НИУ ВШЭ), ул. Мясницкая, д. 20 (495) 628-29-60
Гнозис, Турчанинов пер., д. 4 (495) 255-77-57
Фаланстер на Винзаводе, 4-й Сыромятнический пер., д. 1, стр. 6 (495) 926-30-42
Книжный клуб 36'6, ул. Бакунинская, д. 71, стр. 10 (495) 926-45-44
Аргумент, Ленинские горы, МГУ, д. 1, сектор «Б» (495) 939-42-95
Науку — всем, выставочный зал, Нахимовский проспект, д. 56 (499) 724-25-45
Дом педагогической книги, ул. Большая Дмитровка, д. 7/5, стр. 1 (495) 629-54-35
Дом книги на Соколе, Ленинградский просп., д. 78 (499) 155-38-82
Гоголь воокс, в «Гоголь-центре», ул. Казакова, д. 8 (925) 468-02-50
Ходасевич, ул. Покровка, д. 6 (965) 179-34-98
Гиперион, книжный клуб и магазин, Хохловский пер., д. 7-9 (916) 613-42-86

Санкт-Петербург

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ Дом книги, Невский проспект, д. 28 («Дом Зингера») (812) 448-25-55
Подписные издания, Литейный проспект, д. 57 (812) 273-50-55
Порядок слов, наб. реки Фонтанки, д. 15 (812) 310-50-36
Все свободны, ул. Некрасова, д. 23 (911) 977-40-47

Приобрести в сетевых книжных магазинах в Москве, Санкт-Петербурге и других городах (о наличии книг в вашем городе можно узнать на сайте магазина):

«Буквоед» <http://www.bookvoed.ru>

«Книжный Лабиринт» <http://www.labirint-bookstore.ru>

«Новый книжный» <http://www.nk1.ru>

«ЧИТАЙ-ГОРОД» <http://www.chitai-gorod.ru>

